

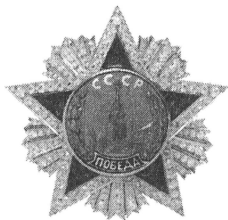
РОССИЯ

**В
XX
веке**

*Война
1941–1945
годов*

*Современные
подходы*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ»

*60-летию
Великой Победы
посвящается*

Russia in the 20th Century
The War 1941–1945:
Modern Approaches

This collective study incorporates articles by both Russian and foreign authors, which covers the subject matter related of the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 and that of the first postwar years. In some of the works the subject is dealt with in historiographic perspective. Other articles are written along the lines of modern regional study; an effort is made by their authors to trace the specific contribution made by former Union Republics of the USSR (Russia, Ukraine, Byelorussia) to the common victory. A lot of attention has been paid by the authors to the Soviet policy toward Poland, which made it possible to reflect the full measure of the complex and controversial nature of the Polish problem which came into being at the initial stage of World War II.

Most articles deal with the core multifaceted dilemma «War versus Society». The latter is being viewed through account of a whole chain of dramatic events in economic, political, social, demographic and ideological spheres.

On the whole the book features the latest achievements and the new tendencies in the historiography of World War II and the Great Patriotic War. No doubt, it will be equally of interest to both researchers and members of the public at large who are seeking a more objective account of the events of the mid-20th century.

РОССИЯ

В
XX
веке

Война
1941–1945
годов

Современные
подходы

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(47)«654»
ББК 63.3(2)622
Р76

Издание основано в 1994 году

*Книга подготовлена к печати в Международном отделе
ИРИ РАН*

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),
Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова (редактор-составитель),
В.А. Невежин, А.К. Соколов

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. А. Кулаков*,
доктор исторических наук *Ф.И. Новик*

Книга издана в авторской редакции

Россия в XX веке / Ин-т российской истории. – М. : Наука, 1994 – . –
Война 1941–1945 годов : современные подходы / отв. ред. А.Н. Сахаров. – 2005. – 567 с. – ISBN 5–02–033513–4 (в пер.).

В книгу вошли статьи российских и зарубежных исследователей по проблемам истории периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и первых послевоенных лет. В ряде работ эти проблемы раскрываются в историографическом аспекте. В нескольких статьях авторы пытаются осветить вопрос о вкладе бывших союзных республик (России, Украины, Белоруссии) в победу. Много внимания уделено советской политике в отношении Польши, что позволило отразить всю сложность и неоднозначность польской проблемы, возникшей на начальном этапе Второй мировой войны. Большая часть статей затрагивает многоаспектную проблему «Война и общество». Она раскрывается с учетом сложных процессов, происходивших в экономической, политической, социальной, демографической, идеологической сферах. В целом же материалы отражают последние достижения и новые тенденции историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

ТП-2005-I-№ 334

ISBN 5–02–033513–4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «Россия в XX веке» (разработка, редакционно-издательское оформление), 1994 (год основания), 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тысячелетняя история России свидетельствует о жертвенном подвиге ее народа. Каждое столкновение с врагом обращалось в преодоление, демонстрируя непобедимость русского воинства, а каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. Огромная стихия русской земли всегда защищала русского человека, но и сам он должен был защищать и устраивать свою землю. В былой славе Отечества народ всегда находил силы для борьбы с агрессорами.

Особой героической страницей вошла в историю России Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После катастрофического ее начала уйти от разгрома, отразить нашествие мог только народ, имевший глубокие исторические корни, духовные и физические силы, веру в справедливость своей борьбы.

В ходе Отечественной войны проснулись лучшие стороны народной души – любовь к Родине, чувство гражданства, великодушие, энтузиазм, бесстрашие. Чутко уловив это, власть все сделала, чтобы воскресить в памяти народной магическую силу имен великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Исторический опыт показывает, что государство, как правило, защищает геополитические интересы страны, а народ прежде всего свои национальные интересы. И, конечно, это не одно и то же. Так было в начале XVII и в начале XIX столетий, когда русский народ, сплотившись и сплотив вокруг себя другие народы многонациональной России, разгромили иноземных завоевателей, преодолев в начале XVII в. и внутреннюю смуту.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. народ неимоверным напряжением сил вытянул на своих плечах и фронт и тыл. В Красной Армии в 1941–1945 гг. ежегодно служило не менее 14–16 млн военнослужащих. В действующей армии в годы войны только крупных формирований – воинских объединений, соединений и частей насчитывалось почти три тысячи. Был сформирован 61 фронт, в том числе 11 фронтов: Юго-Западный, Южный, Центральный, Западный, Волховский, Северо-Кавказский,

Сталинградский, 4-й Украинский, Белорусский, 1-й и 2-й Белорусские, ввиду особой ожесточенности борьбы и огромных потерь, Ставка Верховного Главнокомандования формировалась дважды, а Резервный и Брянский фронты – трижды. Вооруженные силы были объединены в более чем 400 стрелковых, горно-стрелковых, легко-стрелковых, особых, воздушно-десантных, танковых, механизированных, артиллерийских, кавалерийских, бомбардировочных, дальнего действия, штурмовых, истребительных и других корпусов; в более чем 1700 стрелковых, мотострелковых, горно-стрелковых, воздушно-десантных, кавалерийских, горно-кавалерийских, танковых, моторизованных, артиллерийских, минометных, зенитных артиллерийских, бомбардировочных, а также народного ополчения дивизий. В войне против Японии участвовало 131 воинское формирование Советских Вооруженных Сил. Сотни особо отличившихся частей Красной Армии удостоились почетных наименований «гвардейских». Многочисленные воинские части, также как и фронты и армии в целом, неся жестокие потери, формировались дважды, трижды и даже четырежды. Более 300 географических наименований СССР и других стран Европы и Азии отражены в наименованиях действовавших частей Красной Армии. В их числе: формирования: «Сталинградские», «Ленинградские», «Киевские», «Харьковские», «Уральские», «Житомирские», «Брестские», «Полтавские», «Берлинские», «Дрезденские», «Венские», «Будапештские», «Варшавские», «Белградские», «Братиславские», «Люблинские», «Гданьские», «Штеттинские», «Радомские», «Дунайские», «Одерские», «Карпатские», «Хинганские», «Прутские», «Трансильванские» и др.

Как это ни парадоксально, но с годами история Великой Отечественной войны задает исследователям новые неожиданные вопросы, ответить на которые, даже по прошествии 60 лет, все еще достаточно сложно. Очевидно лишь, что история Великой Отечественной войны, унесшей десятки миллионов жизней, никак не может рассматриваться в рамках политической или идеологической конъюнктуры или замалчиваться из-за открывшихся «неудобных» исторических фактов. Обходя запретные темы и сюжеты, отказавшись от полемики или перекаладывая вину только на души умерших, вряд ли возможно в XXI в. продолжать изучение войны с тем, чтобы объяснить ныне живущим поколениям, почему ход войны менялся так, а не иначе, почему столь высокой оказалась цена победы.

В канун 60-летия окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Институт российской истории РАН подготовил обобщающее издание, посвященное современным подходам к ис-

следованию наследия Победы. В книге собраны статьи историков России, Белоруссии, Украины, Татарстана, Литвы, Адыгеи, Молдавии. Представлены работы известных ученых из Польской Республики. Со статьей выступил историк из Республики Корея. Получился своеобразный и достаточно острый научный разговор специалистов по все еще спорным проблемам как истории Великой Отечественной войны, так и ее последствий.

Тематика представленных работ разнообразна. Вместе с тем, на одни и те же события авторы смотрят по-разному. Противоречивы и публикуемые ими статистические данные, касающиеся ключевых проблем минувшей войны, в первую очередь, людских потерь. Расхождения в оценках тех или иных событий вполне объяснимы. Во-первых, авторы принадлежат к разным возрастным поколениям, сформировавшимся в различных временных условиях. Во-вторых, многие являются приверженцами разных исторических школ и соответственно подходят к объяснению событий. В-третьих, и это, пожалуй, главная причина резких научных разногласий, все еще существующая засекреченность в архивах подавляющего массива документов о войне. Таким образом, подчас в трудах историков появляется устаревшая документация или идеологические догмы, бездоказательные оправдания или обвинения правившего режима. Порой возникают резкие споры друг с другом, в том числе и по важнейшим проблемам. Однако все исследователи едины в том, что подвиг солдата нуждается в дальнейшем изучении и неискаженном освещении. И эта работа, очевидно, в полном объеме уже ляжет на плечи новых поколений историков.

В предлагаемых вниманию читателей тематических статьях поднимаются самые разнообразные проблемы. На основе новых архивных источников и современных достижений историографии исследователи анализируют вклад в Победу населения Белоруссии (М.П. Костюк, Н.С. Шашкевич, А.М. Литвин); Украины (А.Е. Лысенко, О.В. Буцко, Л.М. Хойнацкая); Урала (А.В. Сперанский); Горьковского края (В.И. Белоус, А.А. Кулаков); Татарии (А.Ш. Кабирова, А.Г. Галямова) и других. Белорусские историки подчеркивают, что на многострадальной земле Белоруссии «разворачивались трагические события лета 1941 года, именно здесь проходило острие главного удара гитлеровской военной машины, нацеленное на Москву». С точки зрения геополитических итогов Второй мировой войны исследователи рассматривают значение Урала как стенового хребта обороны, важнейшего звена стратегического планирования. Мощный промышленный Горьковский (Нижегородский) край оценивается исследователями как ближний стратегический тыл действующей армии, сыг-

равший важную роль во время Великой Отечественной войны. Анализируя положение в Татарстане после начала войны, А.Г. Галлямова констатирует: «Как и по всей стране, война увела из деревни республики самых здоровых, самых сильных работников, самую качественную технику, лучших лошадей, однако не сняла с нее обязанности кормить страну, армию в первую очередь».

В формате общих проблем национальной политики СССР в послевоенный период может рассматриваться статья В.В. Трепавлова и историка из Республики Корея Ю. Джина, посвященная динамике развития национальных политических элит союзных республик. Авторы приходят к выводу о том, что Коммунистическая партия и правивший в СССР режим, способствуя образованию республиканских элит, тем самым объективно готовили в будущем почву для распада СССР.

Останавливаясь на социальных последствиях войны, авторы сборника раскрывают суть карательной политики, которая полностью исчерпала себя, а потому в рамках советской системы нужно было менять сложившийся порядок трудовых отношений, искать иные стимулы и побуждения к труду (А.К. Соколов).

Важным фактором достижения победы явилась в годы войны активная ментальность народов России. Важнейшая ментальная установка – защита Отечества от внешнего врага выдвинулась на первый план и проявилась в героизме на фронте и самоотверженном труде в тылу. Отчаяние и уныние преодолевались верой в Победу, надеждой на возвращение отцов и сыновей, на лучшую жизнь. Война оказала сильнейшее воздействие на традиционные черты народного характера, ее последствия отразились в сознании последующих поколений россиян (В.Ф. Зима).

В сборнике достаточно остро поднята проблема просчетов правившего режима, активно поддержанного народом, за которые расплатился сам народ. «Не всем по плечу осознать, что неправомерно отождествлять победу народа с торжеством “ленинских заветов” и “мудростью” партии... Ответ на вопрос, почему мы победили, лежит не в русле непреодолимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности нашего народа...» (Ю.Л. Дьяков).

Профессор Адыгейского государственного университета Е.М. Малышева, напротив, считает, что «общественно-политический строй, сложившийся в СССР на основе социалистической, марксистской идеологии в предвоенный период, в значительной степени способствовал созданию такого феноменального суперэтнического образования с высочайшей пассионарностью как Советский народ».

Дискуссионным представляется опровержение тезиса о крутой перестройке советской экономики на военный лад: «процессы, проходившие в уральской промышленности в годину суровых испытаний, были ускоренным продолжением милитаризации народного хозяйства, предпринятого И.В. Сталиным еще в довоенный период, поэтому вряд ли представляли собой какую-то качественную перестройку советской экономики. Они не сломали устоявшихся форм руководства, полностью сохранили централизованное планирование и распределение. Однако сочетание командно-административных методов управления с трудовым подъемом населения в экстремальных условиях войны дало положительный эффект» (А.В. Сперанский).

По мнению Г.А. Куманева, «усилия миллионов советских людей по созданию превосходства над врагом... не имели бы желаемых результатов без достаточно компетентного руководства со стороны власти, стоявшей во главе Советского государства... И если мы зададимся вопросом, какова же была, к примеру, компетентность в военно-хозяйственной области членов Советского правительства во главе с И.В. Сталиным, то многочисленные факты и документы свидетельствуют в целом о высоком уровне этой компетентности...» Что касается более конкретной оценки Сталина как главного организатора военной экономики СССР, – отмечает Г.А. Куманев, – то во время одной из встреч (13 июня 1984 г.) с Молотовым, Вячеслав Михайлович так ответил на этот вопрос автора: «Всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством...»

В книге приводятся ранее малоизвестные и ошеломляющие факты. «Зимой 1943–1944 гг. в советском тылу продовольственная проблема обострилась до крайности. Голод в крупных городах сопровождался участившимися случаями каннибализма. По донесению Генерального прокурора СССР К. Горшенина в СНК СССР (В. Молотову) и в ЦК ВКП(б) (Г. Маленкову) факты убийства с целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерово, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах. Страшные злодеяния творили люди с помутившимся от голода сознанием и совершенно расстроенной психикой». (В.Ф. Зима).

Авторы статей сборника не обошли вниманием и такие острые проблемы как плен многих миллионов советских воинов, а также коллаборационизм, власовское движение, деятельность Русской Национально-народной армии в Белоруссии и иные формы сотрудничества с противником (А.М. Литвин, В. Кашаускене, Е.М. Малышева, В.Н. Земсков).

Ставшие недавно известными документы свидетельствуют, что еще в 1927 г. в Белоруссии в среде «кулаков и антисоветских элементов» можно было услышать: «Скоро дождемся того момента, когда всех коммунистов перестреляют, скоро будет война, и советскую власть ликвидируют», «... когда вспыхнет война, мы будем бить большевиков в хвост», «в случае войны я не пойду защищать комиссаров, а буду их вешать...», «война будет и она нужна, ибо на шею крестьян сидят жида и комиссары». (См. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. 5. С. 426.) Генерал Российской Императорской армии А.И. Деникин, определял коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны как «...отрыв русского народа от власти, извратившей своей окаянной политикой самые ясные основы национального самосознания».

В конце 1941 г. в немецком плену находилось не менее 3,8 млн красноармейцев, офицеров, политработников, генералов, а к концу войны – почти 6 млн наших соотечественников. Уже на восьмой день войны, 30 июня 1941 г. Й. Геббельс записал в своем дневнике: «Счет пленных бесконечен». Вряд ли сегодня можно объяснить этот факт только материальными преимуществами противника.

Возможно, истинные причины катастрофы начала войны откроются, с одной стороны, в ходе более тщательного изучения политики мировых держав, толкавших Германию к войне. Ведь канун новой мировой войны был характерен гигантски возросшим значением финансовой олигархии: Десятки правящих семейств во Франции, США, Германии концентрировали в своих руках капитал чрезвычайно высокого уровня, в связи с чем финансовая олигархия приобретала исключительно важное, даже решающее значение во всей политической и экономической жизни стран капиталистического мира. Отсюда, если раньше имела место, даже при самых острых кризисах, обычная смена одной группы мировой финансово-экономической элиты другой у кормила власти, то в период, предшествовавший войне, произошла необычная смена – почти полный отказ от парламентских методов управления и переход к фашистским методам. Это была необычная форма проявления политических кризисов, известная и из прошлой истории. Еще недостаточно прослежена громадная роль делового мира в мюнхенских событиях, связь Чемберлена, Даладье и других с деловыми монополистическими организациями. Активно действовал целый ряд военных фирм, заинтересованных в разжигании войны в Европе с тем, чтобы найти сбыт для промышленной продукции, имев-

шейся в их распоряжении. С другой стороны, причины – в недопустимых просчетах правителей СССР, которым доверено было управлять войсками и судьбами людей огромной страны, когда на нее неожиданно обрушился мощный удар неприятеля. Сегодня появляются цифры и в 26 млн и в 40 и более млн человек, погибших в Великой Отечественной войне. Сложилась парадоксальная ситуация: ведь во всем мире со скрупулезной тщательностью подсчитаны потери в войне. У нас правда и вымысел о павших колеблются в пределах 10–15 млн. И это только прямые потери, а косвенные, очевидно, нам уже никогда и не подсчитать. Это совершенно очевидно свидетельствует о небрежении к человеческой личности в СССР как в довоенное, так и в военное и послевоенное время.

До сих пор остается дискуссионным вопрос об общем числе советского гражданского населения, угнанного в Германию и другие страны. Исследователь этого вопроса В.Н. Земсков обосновывает цифру угнанных на чужбину – 4 млн 258 тыс. человек. По мнению О.В. Буцко, количество украинских граждан, отправленных в Германию, составляло 2,4 млн человек. Давая оценку политики в отношении категории перемещенных лиц, В.Н. Земсков приходит к выводу о том, что, несмотря на имевшиеся элементы насилия и нарушения прав человека, многочисленные преступления, все же это была «естественная и волнующая эпопея обретения Родины миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями».

В представленной книге анализируется новейшая российская историография, которая, по мнению исследователей, в определенной степени занята сегодня поисками выхода из застоя, преодоления навязанной идеологическими постулатами мифологии событий 1939–1945 гг., которые были столь характерны для советских времен (В.А. Невежин).

В предлагаемых статьях поднимаются вопросы особенностей советской пропаганды, а также специфики становления и развития массового сознания, в частности по вопросу об отношении к союзникам (А.В. Голубев).

Важное место в представленном издании занимают вопросы внешней политики СССР в годы войны. Достаточно драматично складывались отношения СССР и Польши. Рассмотрению этих проблем посвящен ряд статей книги, подготовленных польскими и российскими историками. Ученые поднимают как военные, так и политические аспекты таких проблем, как место польского вопроса в политике СССР, границы обоих государств, британские оценки планов СССР по отношению к Польше, Варшавское вос-

стание, роль армии Андерса, вооруженные действия Красной Армии на территории Польши и других (Э. Дурачински, Я. Жарновский, Ю.Л. Дьяков, Н.В. Васильева). В этой связи нельзя не отметить справедливость вывода польского профессора Э. Дурачинского: «В польско-советских отношениях было много драматичных и трагических событий. Но рядом с ними прочное место заняли также сражения солдат Красной Армии с Вермахтом, которые они вели на польских землях в 1944–1945 годах. В них потеряли жизнь около 630 тыс. советских солдат и офицеров. Память об их жертве должна остаться неотъемлемой частью польско-советских отношений и отношений сегодняшней Польши с сегодняшней Россией». В книге подчеркивается, что «не подлежат забвению факты героизма, высоты народного духа польских патриотов, поднявшихся в годы Второй мировой войны на защиту родины и свободы» (Л.П. Колодникова). Поистине, в дни войны на весах истории были, с одной стороны, геополитические интересы, холодный расчет, честолюбивые замыслы, приверженность той или иной «великой идее», а с другой – человеческие жизни. В контексте отношений СССР с внешним миром в первые послевоенные годы шел процесс создания противостоявших блоков, что «закрепляло на этом этапе родившийся уже в послевоенные годы новый раскол Европы и мира, подхлестывало гонку вооружений в странах, в них входивших, особенно в США и СССР. Атмосфера конфронтации в советско-американских отношениях и в целом, по линии Восток–Запад, становилась доминирующей» (Л.Н. Нежинский).

После окончания Великой Отечественной войны национальную безопасность СССР предстояло защитить от нового противника, обладавшего оружием глобальной разрушительной силы. В последние годы по вопросам создания советской атомной бомбы, приоритете США и СССР в разработке атомного оружия появилось много достаточно противоречивых публикаций.

Академик В.В. Алексеев подчеркивает в этой связи: «Фундаментальные открытия, каким явилось овладение энергией атомного ядра, приводят к крутым поворотам в жизни народов, прежде всего в военном деле. Появление кавалерии способствовало рождению мировой Персидской державы, огнестрельное оружие привело к созданию колониальных империй. Немецкие танковые дивизии облегчили блицкриг и положили к ногам Гитлера практически всю Европу. Атомная бомба в руках Америки не могла не сделать нечто подобное. И только способность СССР создать такое же оружие, а после добиться паритета с США на полвека задержала передел мира. За это время другие страны обзавелись

всесильным оружием, что в определенной степени стабилизировало мировую ситуацию, не произошло глобальных катастроф. В этом заключается всемирно-историческое значение советского атомного комплекса. По крайней мере, к такому феномену пора подходить не с сиюминутной идеологизированной или политизированной трактовкой, а с позиций мировой истории».

Проблемы новаций и консерватизма в политике послевоенного советского режима в отношении институтов власти и управления, общественных процессов, идеологических ориентиров рассмотрены в статье Е.Ю. Зубковой, которая подчеркивает, что, «подавив рожденные войной позитивные импульсы, система восстановила довоенный статус-кво, но проблемы остались: нищая деревня, низкий уровень жизни основной массы населения, громоздкая структура управления, консервативная экономическая модель, восприимчивая к техническим новациям только в одной сфере – военной».

Демографическое эхо войны отозвалось огромным дефицитом мужского населения, высоким уровнем вынужденного безбрачия женщин, вдовством, одиночеством, безотцовщиной, сиротством, а также высокой смертностью послевоенного населения страны (В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец, О.М. Вербицкая).

Нетрадиционностью подхода к проблеме отличается статья академика В.В. Алексеева и С.А. Нефедова. Они задаются следующим вопросом: «Как выглядит Великая Война с точки зрения историка, желающего понять глубинную суть событий? Существует концепция, которая может оказаться полезной в раскрытии этой связи. Эта концепция – диффузионизм... Теория диффузионизма утверждает, что фундаментальные открытия и волны завоеваний являются главными движущими силами истории – хотя, конечно, не единственными движущими силами. Эта теория позволяет сравнивать ход событий в различные исторические эпохи, находить общее и особенное. Она дает новую интерпретацию истории Второй мировой войны, которая позволяет объяснить некоторые моменты, вызывающие недоумение историков – странные ошибки политических деятелей; удивительные победы вермахта, агрессивность германской политики и забвение Гитлером моральных норм. Но самое главное, она позволяет осознать суть событий – осознать величие подвига народа, который остановил войну».

Теорию надо строить на правильных посылах. А для этого необходимо иметь и новое мышление. Возможно, XXI век станет тем временем, когда российские исследователи смогут, наконец,

со всей ответственностью назвать истинные цифры наших павших соотечественников.

Человек живет для созидания, война же противоестественна для людей как глубочайшее невежество и жестокосердие. Однако нельзя безнаказанно убивать миллионы людей, разрушать достоинства народов и попирать создания человеческого гения. Русское государство и его державное место среди народов мира создавалось тысячелетиями под водительством князей и царей, творческими силами русского народа, морально-нравственными устоями Православной церкви и мощью Русской армии, руководимой великими полководцами. Эти три силы непрерывно в течение тысячелетий являлись действенными. Ими росла Россия, они охраняли целостность государства и спасали его в години бурь и потрясений. В этом сущность исторического пути России.

А.Н. Сахаров, Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВЕТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

*А.К. Соколов**

(Москва)

ПОВОРОТ К ПРИНУЖДЕНИЮ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Труд является основополагающей общественной ценностью. Трудовые отношения и ситуация «вокруг труда» составляют главную сферу жизни общества, а вопрос о том, как побудить людей работать более интенсивно и производительно, лежит в основе трудовой политики. В 1930-е годы в период бурной индустриализации страны сложились ее отличительные черты в области стимулирования труда на промышленных предприятиях. Они представляли собой густую смесь способов материального поощрения, морального побуждения и принуждения, чтобы повысить производительность труда. Баланс между ними менялся на всем протяжении 1930-х годов¹, но после так называемой «ежовщины» (событий 1937–1938 гг.) вектор стал явно смещаться в сторону принуждения. На то были свои причины.

Сделанный страной промышленный рывок был использован Сталиным, чтобы заявить о построении социализма в СССР. Пока эта задача была у всех на слуху, легче было возбуждать трудовой энтузиазм. С приходом «социализма», достижения которого для многих оказались сомнительными, сработал эффект обманутых ожиданий. Устранение «врагов народа», якобы препятствующих наступлению сталинской «счастливой» и «веселой» жизни, ничего не давало, лишь усугубляя существующие проблемы. Попытки зажечь общество накануне войны новой перспективой такого же быстрого как социализм построения коммунизма уже не сопровождалось общественным подъемом и быстро gasли.

Кратковременная вспышка стахановского движения, далеко не случайно совпавшая с провозглашением социализма, по сути ничего не принесла для повышения производительности труда в масштабах всей экономики, а во многих случаях привела к плачевным последствиям. Хотя руководство продолжало апеллировать

* Соколов Андрей Константинович, доктор исторических наук Института российской истории РАН.

вать к стахановским рекордам, оно мало что могло сделать с фактическим саботажем движения и вынуждено было искать другие способы побуждения к труду, больше склоняясь теперь к тому, чтобы **заставить** людей работать путем наказания или угрозой насилия, не забывая, впрочем, и о других способах стимулирования труда, но их использование было ограничено имеющимися ресурсами и возможностями.

Стремление укрепить дисциплину и порядок на производстве в целом не противоречит процессам, происходящим в странах, переживающих период быстрой индустриализации, когда нужно привить работнику представление о промышленном труде как обязательном и необходимом процессе, любой ценой привязать его к рабочему месту с целью выработки нужных для современного производства навыков и квалификации. В Советском Союзе эта проблема осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, форсированием индустриальных задач, проведением сплошной коллективизации в деревне и бегством сельских жителей в города. Огромное количество бывших крестьян, пришедших на производство, не имело ни традиций, ни опыта работы на промышленных предприятиях, обладало своими представлениями о дисциплине и организации труда. Во-вторых, несбалансированным характером советской индустриализации, весьма заметной долей тяжелого ручного труда, заставлявшим предприятия держаться не только за квалифицированных, как в других странах, но и неквалифицированных рабочих. В-третьих, упором на отрасли тяжелой индустрии, приводившим к громадному разрыву между производством и уровнем потребления населения, который способствовал возникновению постоянных дефицитов и очередей, с которыми тоже нужно было как-то бороться.

Текучесть кадров по-прежнему оставалась больным местом советского производства. Организованное обеспечение и распределение рабочей силы, на чем, собственно, стояла плановая экономика, входило в несоответствие со свободным рынком труда, вернее со складывающимся в старых и новых индустриальных центрах множеством локальных рынков, а оргнабор как способ плановой вербовки рабочей силы и заключения трудовых контрактов в должной мере не срабатывал. Каждый год цифры завербованных далеко отставали от плановых показателей, а основным источником пополнения кадров оставался прием «с улицы».

У государства были свои интересы, у работника – свои, причем последние с формированием новых социальных групп в результате индустриальной трансформации общества последовательно заявляли о себе и далеко не всегда сочетались с политической сталинского руководства. Так, можно было на несколько

лет закрепить рабочего или специалиста на производстве после окончания вуза, техникума или училища, но не было гарантий, что он останется на месте ни в течение, ни после этого срока, продолжив поиск более приемлемых для себя и своей семьи условий труда и быта.

Пожалуй, наиболее явно кризисные черты наблюдались в системе фабрично-заводского обучения, с помощью которой руководство рассчитывало в плановом порядке обеспечить производство молодыми квалифицированными кадрами.

С началом третьей пятилетки на производстве обнаружилось трудности и противоречия, приведшие к замедлению темпов роста советской экономики, названные в литературе «экономической лихорадкой». Разумеется, играл свою роль процесс наращивания военной промышленности, необходимость, как тогда говорили, «крепить обороноспособность первого в мире государства рабочих и крестьян», но этот фактор принадлежал к числу постоянно действующих. В частности, отчисления с доходов работников на «моторизацию Красной Армии» существовали почти на всем протяжении 1930-х годов, так же как и взносы на ОСОАВИАХИМ и другие военизированные общества.

Сталинское руководство сделало вывод о том, что в основе возникающих трудностей лежит состояние трудовых отношений и решило справиться с ними путем уже хорошо знакомых методов принуждения и насилия, ужесточения карательных мер за нарушения дисциплины и порядка на предприятиях. Среди руководства ходило мнение, что «гегемон подраспустился» и надо бы «подтянуть гайки». Необходимо учесть влияние разросшейся к концу 1930-х годов сферы принудительного труда в лагерной системе ГУЛАГа как результат массовых репрессий в период «ежовщины». Развертывание крупных строек, освоение ресурсов северных и малодоступных районов на основе труда заключенных лагерей, ссыльных и трудпоселенцев создавали иллюзию о возможности решать многие хозяйственные проблемы с помощью казавшегося дешевым принудительного труда.

В русле принуждения лежало большинство законодательных и нормативных актов, принятых в конце 1930-х годов. 20 декабря 1938 г. СНК принял постановление об *обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и учреждениях СССР*, направленное на борьбу с текучестью, свободными передвижениями работников. Договор трудового найма при поступлении на предприятия был увеличен до 5 лет. В трудовых книжках отмечались все перемещения работников со ссылками на документы, должны были записываться как все поощрения (материальные и моральные), так и наказания, взыскания, причины увольнений.

Трудовые книжки становились предметом тщательного изучения и проверки отделов кадров, докладывающих руководству о «лице» того или иного работника. В январе 1939 г. вышло постановление СНК, согласно которому опоздание на работу свыше 20 минут приравнялось к неоправданному отсутствию. 26 июня 1940 г. был принят указ Президиума Верховного Совета «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Закон фактически запрещал «одностороннее расторжение трудового договора» и прикреплял работника к предприятию, вводя ряд карательных мер за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы. В июле была введена уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной продукции. В августе 1940 г. эти меры были дополнены указом об усилении уголовной ответственности за мелкие преступления (пьянство, хулиганство, воровство), что также непосредственно касалось отношений на производстве и в бытовой сфере.

В октябре 1940 г. была проведена реформа фабрично-заводского обучения. В стране создавалась система трудовых резервов, призванная более целенаправленно и жестко обеспечивать предприятия и стройки кадрами квалифицированных рабочих. Было образовано Управление трудовых резервов при СНК (позднее Наркомат, а затем Министерство трудовых резервов), призванное в плановом порядке обеспечивать предприятия и стройки рабочей силой, и главный упор делался не столько на набор, сколько на подготовку молодых рабочих. Наряду с обычными школами ФЗО в стране создавались привилегированные ремесленные училища (РУ), и ремесленно-железнодорожные училища (РЖУ) с более продолжительными сроками подготовки. Им было передано 269 школьных зданий. Было объявлено о мобилизации и призыве в школы трудовых резервов 800 тыс. юношей и девушек. Учащиеся поступали как бы на полный «государственный кошт», обеспечивались обмундированием, довольствием и стипендией. Срок *обязательной отработки* после окончания училища был увеличен до 4 лет. В декабре было принято постановление, запрещающее самовольное оставление школы. Согласно указу Президиума Верховного Совета об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы) предусматривалось уголовное наказание. Таким образом, учащиеся вынуждены были откладывать свои жизненные планы до окончания училища или школы. В русле этой меры находилась отсрочка от призыва в Красную Армию в течение срока отработки.

Усиление методов принуждения было характерно не только для города. Аналогичные действия руководства прослеживаются и в деревне. Например, в мае 1939 г. было принято постановление об обязательной выработке минимума трудодней в колхозах. Непрерывно росло число обязанностей (повинностей), которые государство накладывало на сельских жителей. Наблюдалось активное наступление на остатки индивидуальных крестьянских хозяйств и промыслов.

В направлении выполнения народно-хозяйственных задач в 1940–1941 гг. была радикально перестроена и сфера принудительного труда. В системе ГУЛАГа были образованы специальные производственные управления с подчиненными им лагерями, способные быстро и оперативно перебрасывать большие контингенты рабочей силы на основе контрактов с предприятиями и стройками для тяжелых и вредных работ в шахтах, рудниках, на металлургических предприятиях, на лесозаготовках и т.п., т.е. произошел сдвиг к слиянию производственных и лагерных комплексов. Наряду с этим, наблюдалась тенденция к специализации труда заключенных в соответствии с их подготовкой и квалификацией. Для ряда специальностей ИТР и квалифицированных рабочих применялись нормы оплаты труда², правда намного ниже по сравнению с «гражданскими» отраслями, которые к тому же сильно зависели от финансового положения мест заключения.

Советские авторы не могли обойти вниманием поворот к принуждению в трудовых отношениях накануне войны и объясняли его необходимостью укрепления обороноспособности страны перед лицом внешней угрозы, о чем, кстати, немало говорилось в официальных документах. Действительно, цикл оборонных мероприятий в связи с развязыванием в 1939 г. Второй мировой войны стал заметнее. Был осуществлен переход к всеобщей воинской обязанности. Государство прибегло к практике займов средств у населения «на укрепление обороноспособности страны», носившую добровольно-принудительный характер, по выражению Сталина. Естественно, упор делался на то, что трудящиеся с энтузиазмом поддерживали политику руководства. Для него принципиально важным было представить усиление принудительных мер как инициативу «снизу», как волеизъявление со стороны самого рабочего класса и колхозного крестьянства, готовых, как и прежде, беззаветно трудиться и отдавать все во имя высоких целей. Так, накануне принятия летних указов 1940 г. состоялся расширенный пленум ВЦСПС с участием председателей ФЗМК ведущих предприятий. В обращении пленума, якобы одобренном на собраниях трудовых коллективов и встретившим, как говорилось, «горячую и единодушную поддержку» в свете необходимо-

сти дать бой прогульщикам, лодырям, бракоделам, лоботрясам, «летунам», пьяницам, ворам, хулиганам и т. п. Однако сфера принуждения выходила далеко за рамки укрепления обороноспособности страны и военного производства, охватывая различные сферы жизни, а уж о существовании ГУЛАГа как сферы принудительного труда советские историки вообще умалчивали, равно как об использовании больших контингентов заключенных на предприятиях, стройках и других объектах.

Западные и современные российские историки, напротив, делают упор на насилие и принуждение, следуя логике укрепления тоталитарного государства, и, как правило, игнорируют факт сочетания различных методов стимулирования занятости и повышения производительности труда в тот период. Например, создание системы трудовых резервов не выступало в качестве чистой формы принуждения, как склонны считать некоторые авторы, хотя элементы добровольно-принудительных кампаний в ней, несомненно, присутствовали. Однако сельская молодежь, чтобы вырваться из колхозов, охотно шла на вербовку в школы ФЗО.

Методы принуждения и насилия сопровождалась и мерами иного свойства. В частности, размер вознаграждения в различных отраслях промышленности за три довоенных года заметно возрос. В 1937 г. был установлен минимальный размер зарплаты в городах в пределах от 110 до 115 руб. К 1940 г. фонд заработной платы в стране вырос с 82 млрд руб. до 127 млрд. Так, в черной металлургии заработки у рабочих повысились на 11,4%, у ИТР – на 27,6%. В среднем по стране в 1940 г. зарплата составляла 331 руб., в том числе 324 руб. у рабочих и 696 руб. у ИТР³. Таким образом, различия между двумя категориями работников были весьма значительными, более чем в два раза, причем доля премий в заработке составляла у первых 4–5%, у вторых – 15%. Обозначилась тенденция к преодолению множественности тарифных сеток по отдельным отраслям и предприятиям. Однако пересмотр ставок и норм был направлен на то, чтобы поддерживать дифференциацию в оплате труда между различными категориями работников.

Рост заработной платы тем не менее не компенсировал возросших требований к уровню жизни, повсеместный недостаток потребительских товаров. По данным бюджетных обследований структура доходов рабочей семьи в 1940 г. была следующей: заработная плата – 71,3%, выплаты и льготы из общественных фондов потребления – 14,5%, доходы от личного подсобного хозяйства – 9,2%, доходы из других источников – 5%. При этом расходы на питание у рабочих составляли 53,5% семейного бюджета⁴.

Необходимо отметить ряд мер, направленных на развитие социально-бытовой сферы предприятий, на то, чтобы обеспечить преимущественное снабжение работников ряда отраслей, льготы для многодетных матерей, студентов, учащихся профессиональных училищ. Были расширены возможности рабочих получить «приварок» к зарплате путем наделения городских жителей земель под огороды, в частности, согласно постановлению СНК от 7 октября 1940 г. «Об организации подсобных хозяйств огороднического и животноводческого направлений». В рядах «огородников» в 1940 г. числилось около 1 млн рабочих и служащих. В них было сосредоточено 30% всех коров в стране, 27% свиней, 10% овец и т.д.⁵ Помимо того, что огородническое движение обеспечивало дополнительные поступления продуктов в домашнем хозяйстве, оно служило своеобразной «отдушиной» для бывших крестьян, пришедших на производство, и служило способом поддержания сельского образа жизни и трудовой этики.

В 1937 г. на предприятиях были учреждены комиссии по охране труда при профкомах и введен институт инспекторов по охране труда. При крупных предприятиях создавались собственные амбулатории и поликлиники, а на наиболее крупных – медико-санитарные части. Рабочим и служащим предоставлялись регулярные отпуска. В 1938 г. в стране было 1838 санаториев и 1270 домов отдыха. Быстрыми темпами росла численность спортивных и военно-спортивных обществ, велось строительство стадионов, спортивных площадок, клубов и библиотек. Для летнего отдыха детей рабочих и служащих возникла широкая сеть пионерских лагерей. Накануне войны предприятия оказывали материальную помощь и выделяли денежные пособия на содержание 12 тыс. пионерских лагерей⁶.

Вопреки социалистическим принципам коллективного общежития во второй половине 1930-х годов руководство взяло курс на обеспечение квартирой каждой семьи, что в тех условиях было настоящей фантастикой. Программы жилищного строительства явно не отвечали этой задаче. Реально отдельную квартиру могли получить только представители партийно-государственной номенклатуры, высококвалифицированные специалисты, «деятели науки и культуры» и отдельные «передовики производства». Большинству рабочих приходилось, как и прежде, ютиться в подвалах, довольствоваться комнатой в старом или новом доме, койкой в бараке или общежитии. В 1940 г. в среднем на рабочего в стране приходилось 6,7 кв. м жилья, но в крупных промышленных центрах жилищная проблема стояла гораздо острее. Так, на автозаводе ЗИС в Москве на каждого рабочего приходилось лишь 4,5 кв. м жилищной площади⁷.

Наряду с материальным стимулированием продолжались кампании поддержки социалистического соревнования, которые по-прежнему носили политический оттенок. Выдвигались новые трудовые и прочие почины, но они затухали столь же быстро, как и стахановское движение. Процесс награждения за успехи в труде все более приобретал ритуальный и иерархический характер. 27 декабря 1938 г. были учреждены звание «Герой социалистического труда», медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», которые одновременно предусматривали ряд льгот и гарантий для награжденных. Награжденные получали преимущество в карьере: вступлении в партию, продвижении на должность, поступлении в вуз и т.д. Впрочем, награды могли быть индивидуальными и коллективными. Во втором случае они мало отражались на мотивации труда отдельного работника.

Если подвести итог разнонаправленным мерам, принятым накануне войны, то неизбежно напрашивается вывод, что они определялись не целями и задачами тоталитарного государства, а осуществлялись в порядке реакции на возникающие в стране проблемы, имеющие объективные и субъективные причины, часто создаваемые действиями самого государства, его руководителями, и почти всегда проводились в форме *кампаний*. Эти кампании, с созданием постоянных и чрезвычайных органов, разного рода штабов и комиссий, всегда шумные, требовательные и неумеренные до абсурда, порою приобретали опасную логику саморазвития.

Следы «кампанейщины» явно просматриваются и в принятии указов и постановлений, направленных на укрепление порядка и дисциплины на производстве. Динамика числа осужденных судами за незаконное оставление работы и прогулы на основании закона от 26 июня 1940 г. наиболее интенсивно проводилась в течение года до нападения Германии на Советский Союз. Только в 1940 г. среди 3,3 млн обвинительных приговоров, вынесенных народными судами, 2,1 млн (64%) составляли дела о прогулах и самовольном оставлении работы. Почти 1,8 млн человек присудили 6 мес. исправительных работ без отрыва от производства с удержанием четверти заработка, т.е. по сути к штрафным санкциям, и 322 тыс. были подвергнуты тюремному заключению на срок от 2 до 4 мес. Всего в 1940–1941 гг. штрафным санкциям подверглись 3,2 млн человек и 633 тыс. – тюремному заключению⁸. При этом кампания развертывалась и была не только по истинным, но и мнимым нарушителям дисциплины, способствуя произволу в отношениях начальников и подчиненных, возможности «подвести под статью» любые неугодные действия, например, желание уйти с предприятия, найти более оплачиваемую работу или улучшить жилищные условия. Естественно, что такие жесткие меры приве-

ли к сокращению текучести. Так, по предприятиям черной металлургии до введения Указа за месяц выбывало 6,6% рабочих (4,2% увольнялись за прогулы), то во второй половине 1940 г. текучесть сократилась до 1,9% в месяц⁹. Исполнение указа зависело от отношений в трудовом коллективе, от личных связей и контактов. Почти сразу же вырабатываются многочисленные незримые способы саботирования принудительных мер, если они не были выгодны предприятию. Администрация могла покрывать случаи отсутствия на работе и опозданий, если она была заинтересована в работнике, не сообщать в вышестоящие органы о случаях нарушений производственной дисциплины, дабы не вызвать на себя излишний огонь критики.

ТРУД НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Обычно различные меры в области стимулирования труда накануне войны в литературе объединяются с теми, которые были предприняты в годы войны. Определенная логика в этом существует, но все же их необходимо несколько развести. Проблема заключается в том, что на поворот к принуждению, который обозначился раньше, наложилась система чрезвычайных мер и указов, свойственных военному времени. Хорошо известно, что в любых странах в период войны усиливаются такие формы труда как мобилизация, закрепление рабочей силы за предприятиями, удлинение рабочего дня, сверхурочные, рacionamento продуктов и т.п. Естественно, что эти меры в СССР были особенно суровыми. Одновременно везде наблюдается апелляция к долгу и патриотизму людей как способу мотивации труда. С этой точки зрения трудовая политика сталинского руководства в годы войны выглядела весьма двойственной и противоречивой.

Советские авторы особенно упирали на патриотизм и трудовой подъем советских людей в годы войны, их готовность к лишениям и жертвам под лозунгом «все для фронта, все для победы!». Одновременно и методы принуждения в трудах историков получали свое полное моральное оправдание.

Нет оснований сомневаться в многочисленных фактах трудового героизма, проявленных в годы войны, небывалого прежде массового перевыполнения норм выработки в 2, 5, 10 и более раз (движение «двухсотников», «пятисотников», «тысячников» и т. п.), достигаемое подчас нечеловеческими усилиями, «без сна и отдыха» и при гораздо более худших условиях труда и жизни, чем до войны¹⁰. По мнению некоторых авторов, трудовые рекорды военного времени подчеркивали скрытые возможности, заложенные

в системе советского производства, его недоиспользованные резервы за счет настоящего стимулирования труда.

Несмотря на факты трудового героизма и самоотдачи, в годы войны в целом произошло снижение производительности труда на уровне экономических макропоказателей вследствие мобилизации на фронт больших контингентов квалифицированных рабочих-мужчин, привлечения на производство женщин, подростков, эвакуации предприятий на восток, последующей их реэвакуации.

Суть вопроса, однако, заключается в соотношении различных мер стимулирования труда. Кажется, что сталинское руководство на практике не особенно полагалось на трудовой подъем и патристические чувства населения и больше уповало на методы принуждения и насилия, хотя сочетание различных мер находилось в зависимости от хода войны, от ситуации в стране и на фронтах иногда, правда, с некоторым запозданием. Уже 30 июня 1941 г. в стране был образован Комитет по распределению рабочей силы при СНК, который отвечал за мобилизацию на трудовой фронт различных возрастов и осуществлял переброски трудовых ресурсов. В феврале 1942 г. был издан закон о мобилизации на заводы и фабрики мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. За счет невоеннообязанных было дополнительно привлечено к труду около 12 млн человек, преимущественно за счет женщин и допризывной молодежи. Число женщин, занятых, например, в черной металлургии, традиционно «мужской» отрасли производства, к 1945 г. возросло до 38,5%¹¹. Примерно 2,1 млн человек подлежало призыву в школы трудовых резервов. В 1941 г. их было призвано 826 тыс., в 1943 г. – 771 тыс., в 1944 г. – 500 тыс., в 1945 г. – 25 тыс. человек¹².

С началом войны началось восстановление карточной системы и продолжалось до конца 1941 г. Постепенно карточки становились более дифференцированными в зависимости от приоритетности и значения занятия или профессии для обороны страны. Устанавливалось множество категорий снабжения по талонам и ордерам, предусматривавших определенные нормы получения хлеба, мяса и других продуктов питания, одежды обуви и прочих товаров. Даже льготное снабжение подразделялось на ряд категорий (карточки и талоны с литерой «А», «Б» и др.). На предприятиях были восстановлены ОРСы. До этого проблемами материальной помощи занимались комиссии по рабочему снабжению ФЗМК. 4 мая 1942 г. было принято постановление о перестройке работы профсоюзов в связи с организацией ОРСов. Удлинение рабочего дня, сверхурочные, ночные смены вели к тому, что работники проводили значительную часть своего времени на пред-

приятнях, там же питались в столовых, снабжались и проводили редкие часы отдыха. Соответственно выросла нагрузка на социально-бытовую сферу. К 1945 г. объем централизованной торгово-заготовительной деятельности предприятий возрос в 13 раз¹³. Как и прежде, обнаружились злоупотребления в сфере распределения. 23 января 1943 г. ГКО принял постановление об усилении борьбы с разбазариванием и расхищением продовольственных и промышленных товаров в системе ОРСов. Учреждались общественные контролеры, деятельность которых регулировалась специальным постановлением ВЦСПС.

Предпринимаемые меры могли удовлетворять лишь минимум потребностей, необходимых для выживания, а в осажденном Ленинграде были намного ниже и этого уровня. Значительную их часть работники вынуждены были покрывать из других источников, в частности за счет приобретения товаров на «вольном рынке». Поэтому денежная оплата труда сохраняла свое значение, несмотря на растущие цены. Средняя заработная плата увеличилась до 573 руб. в 1944 г., а в черной металлургии, – до 697 руб. Возросла доля премий в оплате труда (за выполнение особых заданий, за сверхурочную работу): с 4,5% в 1940 г. до 8,1% в 1944 г. для рабочих и с 11 до 28% для ИТР¹⁴.

В годы войны государство пошло на расширение рыночных элементов в экономике, «сквозь пальцы» смотрело на распространение спекуляции, возникновение разного рода «барахолок» и «блошинных рынков». Расширилась сеть комиссионных магазинов, торгующих по «коммерческим ценам». Доля «колхозной торговли» в обеспечении продуктами питания поднялась с 14% в 1940 г. до 46% в 1944 г. Большое значение придавалось проблеме самообеспечения отдельных территорий и предприятий, и в этом русле – дальнейшему развитию огороднического движения, хотя у работников не оставалось много времени на обработку участков. Поэтому огороды большей частью засаживались неприхотливой картошкой, которая становилась основным продуктом питания населения, наряду с хлебом, получаемым по продуктовым карточкам. В целом число огородов рабочих и служащих в годы войны увеличилось в 3,5 раза, а производство картофеля на них – в 5 раз. Доля картофеля в питании населения увеличилась в 2,5 раза¹⁵.

Сильно сократилось производство товаров первой необходимости, а то что оставалось, шло в основном на нужды армии. Одежда, обувь, спички, соль, керосин, мыло, иголки, нитки и т.п. исчезли из продажи. Цены на них на свободном рынке были запредельными. Многие граждане донашивали то, что осталось от довоенного времени или одевались во что попало.

26 декабря 1941 г. был издан закон о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Случаи самовольного оставления работы рассматривались теперь не народными судами, а военными трибуналами. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на производстве происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу.

Статистика наказаний показывает, что по декабрьскому закону в 1942 г. было осуждено 121 тыс., в 1943 г. – 367 тыс. и в 1944 г. – 276 тыс. человек. Сюда следует добавить число осужденных после введения военного положения на транспорте в апреле–мае 1943 г. (50 тыс. человек в 1943–44 гг.)¹⁶. В дальнейшем наблюдается снижение числа осужденных, а указ Президиума Верховного Совета от 30 декабря 1944 г. объявлял амнистию лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности, если они добровольно вернуться на производство. К тому времени, как свидетельствует письмо Молотова Сталину, в стране, согласно прикидке, находилось в бегах около 200 тыс. трудовых дезертиров, осужденных заочно¹⁷. Значительная часть дезертиров состояла из рабочих, окончивших школы ФЗО, РУ и РЖУ. Они оправдывали свой уход с предприятий тем, что дома у них остались старые родители, о которых некому заботиться, огороды, которые некому обрабатывать. В качестве доказательства демонстрировали письма родственников и соседей, больничные листы, выписанные местными врачами, т.е. искали убедительные аргументы, дабы избежать уголовного наказания. Многие из них «срабатывали». Поэтому статистика наказаний не соответствует реальному состоянию трудовой дисциплины на производстве, а отражает **приоритеты** государственной политики в области стимулирования труда.

В годы войны произошли существенные изменения в ГУЛАГе. В начале войны сократилось число крупных строек на базе ИТЛ. Ряд категорий заключенных был освобожден и призван в армию, другие направлены в штрафные роты и батальоны. Многие заключенные, охваченные патриотическим подъемом, рвались на фронт. В результате число узников ГУЛАГа заметно уменьшилось. Компенсировать недостаток рабочих рук лагерное начальство намеревалось повышением норм выработки, которые увеличились едва ли не в два раза. Рабочий день был продлен. При резком ухудшении материального и продовольственного снабжения, санитарного состояния лаге-

рей, условий труда и быта произошло заметное увеличение заболеваемости и смертности заключенных. Наряду с лагерями и колониями в годы войны широкое распространение получили такие формы принудительного труда как трудовые, рабочие колонны, военно-строительные отряды, схожие с трудовыми армиями периода военного коммунизма.

Однако основной формой наказания за нарушения порядка и дисциплины на предприятиях оставалась ответственность по закону от 26 июня 1940 г. В ноябре 1942 г. к штрафным санкциям, т.е. вычету 25% заработка, добавилось соответствующее снижение хлебных норм. В 1942 г. почти на 1,3 млн работников были наложены штрафы, 297 тыс. наказаны тюремным заключением от 2 до 4 мес., в 1943 г. соответствующие цифры составили 962 и 160 тыс. человек, в 1944 г. – 893 и 168 тыс. человек.

В мае 1945 г. была повержена Германия, в начале сентября – Япония, Вторая мировая война закончилась, но действие карательных указов продолжалось. Всего за 1945 г. штрафным санкциям подверглись 942 тыс. рабочих, 117 тыс. – кратковременному тюремному заключению, а 101 тыс. – на более продолжительные сроки на основании указов о военном положении¹⁸.

ПОСЛЕВОЕННАЯ СИТУАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СССР

Последствия войны для Советского Союза были гораздо более тяжелыми, чем для других стран. Оккупированная противником территория подверглась разрушению и опустошению. Следы войны, впрочем, наблюдались повсеместно – износ основных фондов, аварийное состояние зданий и сооружений, свалки и разруха. Экономика внутренних районов была настроена на военный лад. Восстановление народного хозяйства и его перевод на мирные рельсы требовал дополнительных усилий и капиталовложений при полном отсутствии свободных ресурсов. Громадными были людские потери, превышавшие 20 млн человек. Кроме того, – миллионы инвалидов, людей с физическими и душевными травмами, нанесенными войной. Социальный порядок, установившийся до войны, был подорван. Гибель людей, безотцовщина, резкое ухудшение условий жизни, разрыв семейных уз вели к распаду социальных связей, росту беспризорности, преступности и бандитизма.

В силу этого, по мнению некоторых ученых, выход СССР из войны был иным, чем в других странах и оказал на развитие страны в послевоенный период гораздо большее воздействие, чем

принято было считать. Многие проблемы руководство намеревалось решить очередным нажимом на деревню, обострившим ее кризисное состояние.

Ситуация в стране была чрезвычайно сложной. Продолжала оказывать свое действие инерция войны, когда враг повержен, но в сознании общества он все еще присутствует, определяя способы жизни и поведения людей. Добавилась риторика «холодной войны», формирование образа нового врага в лице «американского империализма» и «поджигателей войны». Многие граждане были уверены, что грядет новая война. Армия по-прежнему обладала особым положением и авторитетом в жизни общества. Оно оставалось крайне милитаризованным и идеи налаживания мирной жизни лишь постепенно проникали в сознание сталинского руководства. Многие проблемы, которые возникали, по-прежнему решались способами принуждения и насилия, требованиями «железной рукой» навести порядок и апелляцией к верховной власти.

Между тем крайне низкий уровень жизни, характерный для военного времени, вызывал **стремление жить лучше, лучше не только по сравнению с войной, но и довоенными стандартами как воздаяние за Великую Победу**. Такие настроения были особенно распространены среди солдат и офицеров, которым предстояла демобилизация. Около 8 млн человек должны были сразу вернуться «к мирному созидательному труду». Многие из них, однако, не были склонны возвращаться к тяжелой работе на заводах и в колхозах, мечтая о другой карьере. Как сообщалось в политдонесениях «народ выбирает, куда лучше пойти». На многих солдат и офицеров, дошедших до Берлина, неизгладимое впечатление произвел тот уровень жизни, которым обладала разбитая Германия. Естественно, что многие хотели пойти в вуз, устроиться в столице, но здесь приходилось идти на ухищрения с пропиской, а власти разрешали размещать иногородних только в общежитиях. Неустроенные какое-то время шатались «меж двор» в поисках места, нередко пополняя ряды нищих, воров и бандитов, благо на руках у граждан оставалось немало оружия.

На плечи государства легла забота о том, как помочь вдовам, одиноким женщинам, назначать пенсии и пособия десяткам миллионов инвалидов войны, детям и семьям погибших, создавать детские дома для тех, кто остался без родителей.

Для понимания политики в области трудовых отношений в послевоенный период представляет интерес анализ общественных настроений того времени, зафиксированный в ряде источников, в том числе сообщениях политорганов, опубликованных в последние годы, материалы перлюстрации писем, рассказывающие о продовольственных и прочих затруднениях, вопросы, зада-

ваемые на собраниях и лекциях. Многие из них касались условий труда, зарплаты и быта¹⁹.

Работница Московского автозавода писала: «Всю войну работали напряженно, ждали победы, а с ней и облегчения всей жизни. Получилось же наоборот. Заработки наши понизились, мы получаем гроши. Пора уже подумать о рабочих». Во многих письмах лейтмотивом звучало «Поменьше болтовни о нуждах рабочих, побольше реальной заботы». В подслушанных пропагандистами разговорах речь шла о недовольстве москвичей приезжими из других районов страны, о том, что основные покупатели в Москве – колхозники подмосковных сел, о том, что население пообносилось, а купить одежду недоступно. Говорилось также о том, что колхозы – «киселеобразные организации», что у них сверх плана забирают хлеб, о полном развале в деревне: «Все бегут из нее». Среди вопросов, зафиксированных на собраниях и лекциях для рабочих в Москве, были такие: «Как объяснить, что пленные немцы получают на пайки хлеба в два раза больше, чем иждивенцы?» Почему безработные на Западе живут лучше, чем те, кто у нас работает?» «Что за социализм, когда жизнь все хуже?». В одном из писем говорилось: «Мне 40 лет, а нет жилья», в другом: «Мой муж инженер. Получает 900 руб., а не может обеспечить семью из 3-х человек, что же сказать о рабочих, особенно многосемейных. Дети не могут заниматься, не хватает жиров». В Москве была задержана листовка за подписью Иван Крысович (т.е. сын крысы, чтобы подчеркнуть ничтожность своего положения), в которой говорилось, что он три раза подавал заявление в профсоюз на приобретение ботинок и каждый раз ему отказывали. Если же не дадут в следующий раз, то обещал удавиться. Сообщалось, что была арестована работница одной из подмосковных типографий за распространение песни под названием «Городская заздравная», которая представляла собой переделку известной «Колхозной заздравной», начинавшейся «*Будьте здоровы, живите богато...*». Первый куплет теперь звучал так: «*Будьте здоровы, живите богато, /Насколько позволит вам ваша зарплата, / А если зарплата вам жить не позволит, / Ну что ж, не живите, никто не неволит...*»²⁰.

Часто встречались жалобы на очень большие вычеты из зарплаты, доходившие до 120 руб. в месяц (культурные, подоходные, на спецодежду, займы). «Где тут говорить о сносной жизни». (Проверка показала, что разовые вычеты за спецодежду составляли у разных рабочих от 75 до 134 руб.)²¹. Широкое распространение получили займы на восстановление и развитие народного хозяйства. Подписка на заем, проводившаяся на предприятиях и в учреждениях, составляла довольно приличные суммы, что вы-

зывало недовольство. Внимание «органов» привлек факт, когда один московский рабочий-прокатчик, получивший аж 1800 руб., заявил по поводу подписки, что, мол, «когда жить хорошо стану, тогда и подпишусь».

«Мы не лентяи, – писали рабочие, – мы трудимся из всех сил, а нам не дают не только жить, но и существовать. Не обидно, когда вознаграждают ученых, полезных обществу. Зло берет, когда дают возможность обжираться кривлякам из джаза». Такой была реакция на послабления в духовной и идеологической сферах сразу после окончания войны. Раздавались требования принять меры «против тех, кто жрет в три горла, которых развелось неимоверное количество»²².

Растущее общественное недовольство вызывала карточная система. Рабочие писали, что все продукты приходится брать с рынка. «В коммерческих магазинах всего полно, а на карточки – худшие продукты. Даже literные». Говорили о том, что «карточки можно не получать, какая от них польза». По-прежнему не было продуктов первой необходимости. «Мыло дорого и недоступно по карточкам». Были призывы «зажать в бараний рог людей, которые обжираются за счет желудка рабочего». «За нас одеваются и обжираются работники ОРСов». Действительно, количество злоупотреблений, связанных с выдачей карточек и талонов, в послевоенный период умножилось. В частности, крупные злоупотребления были выявлены на заводе твердых сплавов, Московском электроламповом заводе (МЭЛЗ)²³. Ухудшилось качество общественного питания. Любопытен в этой связи вопрос, заданный одним рабочим на лекции, посвященной речи Черчилля в Фултоне, призвавшего к войне с распространением коммунизма: «Нельзя ли обеды в рабочих столовых заменить сухим пайком?» 200 учащихся школы ФЗО № 12 в Таганском районе отказались от завтраков и обедов в столовой, говоря, что не могут есть одну капусту. Проверка показала, что, действительно, меню состояло из: на первое – пустые щи, на второе – капустная солянка, на третье – чай с печеньем. Учащиеся просили не обвинять их в забастовке: «Это не забастовка, а просьба накормить». Инцидент был объяснен плохим состоянием идейно-воспитательной работы²⁴.

Среди «ядовитых» вопросов, заданных на рабочих собраниях, были такие: «Когда разрешат свободный переход с одного предприятия на другое?». «Когда отпустят с предприятий мобилизованных из других областей и районов?». «Будет ли отменен указ об уголовной ответственности за опоздания?». «Предполагается ли введение нового трудового закона?». «Будут ли власти преследовать рабочих, которые пожелают подработать на дому?».

Встречались заявления о переводах в ночную смену, чтобы иметь возможность подрабатывать днем. Среди высказываний на собраниях раздавались призывы «Отмените указы и постановления, прямо или косвенно закабаляющие наш труд». Бывшие солдаты, которые побывали в Германии писали: «Вот там, действительно, свобода. А у нас рабочие завоевали себе не свободу, а угнетение». Один рабочий выражал свое мнение: «Хочу работаю, хочу перехожу на другое производство в знак протеста против советского крепостного права. Дайте человеку вольнонаемный труд!»²⁵.

Одним из признаков стабилизации и выхода из войны является денежная реформа, которая проводилась во многих странах, участвовавших в войне. В СССР она готовилась загодя и сопровождалась неоднозначными явлениями, свойственными планово-распределительной системе. Подготовка реформы началась с повышения цен на продовольственные товары в государственных магазинах и сближения их с коммерческими. Последовательно осуществлялось уменьшение норм продуктов, выдаваемых на продовольственный паек и передача их в рыночные фонды. В заработок вводились «хлебные надбавки», которые составляли от 80 до 100 руб. месячного заработка. В сентябре 1946 г. были введены новые пайковые цены в целях их выравнивания с ценами в коммерческой торговле. Такая политика также вызывала недовольство. «Повышают цены и лишают последнего куска хлеба, а нормы пересматривают». Поскольку цены в коммерческой торговле были в 2–3 раза выше, среди рабочих раздавались требования вернуть фонды на нормированное распределение. Слухи о предстоящей реформе привели к расхватыванию товаров, особенно дорогих. Да и государство в преддверии реформы стремилось попривернуть товары.

Суть денежной реформы, объявленной 14 декабря 1947 г., состояла в обмене старых денег на новые из расчета 10 : 1 для небольших сумм, находившихся на руках населения. По деньгам номинал заработной платы оставался без изменений. Крупные денежные сбережения таким образом пропадали. Карточки и талоны отменялись. Несмотря на уравнительный характер реформы, в целом она восстанавливала денежные стимулы к труду. Цены на товары в госторговле были установлены довольно высокие, близкие к коммерческим. В силу этого реформа косвенно ударила и по рабочим. «Проехались по рабочим, которые накопили несколько сот рублей трудовых денег, – как писал рабочий Трансформаторного завода в Москве. – Я накопил 1000 руб. на пальто. Теперь они пропали»²⁶. Несмотря на заполнение магазинов товарами, высокие цены рождали мнение, что реформа – очередной обман народа: «Цены такие, что ничего не купишь». Но в целом

впечатление от нее было благоприятным, воспринятым как действительное окончание войны. Уровень жизни оставался низким и одобрительное отношение к реформе часто выражалось формулой: «На карточной системе соскучились по белому хлебу, теперь поедим досыта»²⁷.

Дальнейшая политика в области цен велась в двух направлениях. Первое – регулярные с 1948 по 1954 г. снижения розничных цен. В результате, например, цены на белый хлеб снизились с 4,40 до 1,55 руб. за кг. Снижение цен не опиралось на снижение себестоимости производства товаров и не было увязано с ростом производительности труда. Второе – жесткое ограничение цен в коммерческой торговле, в потребкооперации, которое привело к сокращению сети негосударственных магазинов и рынков. Поскольку снижение цен предпринималось волевым порядком без учета состояния экономики, то оно вело к постепенному нарастанию дефицитов, по мере того как увеличивались размеры оплаты труда и росли потребности граждан.

Усилилось давление на население в связи с подпиской на государственные займы. Многие работники были вынуждены отдавать последние крохи на покупку облигаций. Впрочем, время от времени государство печатало таблицы выигрышей и погашения по государственным займам, которые создавали надежду получить какую-то денежную компенсацию. Поэтому отмена выплат по займам и перенесение их на отдаленный срок, которое было проведено при Хрущеве, было воспринято населением крайне негативно.

КРИЗИС ПРИНУЖДЕНИЯ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Следуя общественным настроениям, политика сталинского руководства в области труда была такой же непоследовательной и противоречивой. Цикл послевоенных мероприятий в области труда открыло постановление СНК от 21 июня 1945 г. о *возвращении предприятий к нормальному рабочему ритму*. Отменялись сверхурочные, продленные смены, восстанавливались отпуска. На этой почве иногда проявлялось недовольство, так как раньше за перевыполнение плана рабочие и специалисты могли получить по 2–3 оклада, а теперь – один. Заводы и фабрики переходили на выпуск продукции мирного времени – товаров широкого потребления. Многим предприятиям задания на выпуск ширпотреба пришлось устанавливать в принудительном порядке, другим предлагалось самим выискивать резервы, т.е. разворачивалась новая кампания. Структурная перестройка экономики вела к

недоиспользованию задействованных ранее производственных мощностей, простоям, высокой себестоимости новых изделий при отсутствии необходимых технологий, сырья, материалов и при более низких расценках на производимую продукцию. В ряде случаев наблюдалось падение зарплаты. Как говорили рабочие: «Получаем, когда так, а когда так. Работы нет, расценки – низкие»²⁸. Участились случаи несвоевременной выдачи зарплаты.

Переход экономики на мирные рельсы сопровождался и встречной милитаризацией производства в условиях «холодной войны», приведшей к складыванию военно-промышленного комплекса в СССР. На строительстве военных объектов чаще применялись такие формы труда как мобилизация, привлечение труда заключенных. Наиболее распространенной формой, однако, было использование военно-строительных частей – *стройбатов*. Для строительства первоочередных военно-промышленных объектов привлекались лучшие специалисты, ученые. Их труд оплачивался очень высоко. В послевоенный период на основе специальных решений стали возникать закрытые города и объекты, связанные с военным производством. Не следует думать, что подобные процессы были характерны только для СССР. Они были характерны и для других стран, наращивавших военно-промышленный потенциал, но в Советском Союзе степень закрытости приобрела гигантские масштабы. Ведущим работникам ВПК неизменно обеспечивались приоритеты и льготы, причем весьма существенные.

По официальным данным рост валовой продукции промышленности в 1950 г. составил 173% по сравнению с 1940 г., в отраслях тяжелой промышленности он был выше. Так, в черной металлургии он составил 184%, а степень обновления основных производственных фондов в отрасли составила 154%²⁹. Следующая пятилетка (1951–1955 гг.) была отмечена наиболее высокими темпами промышленного развития СССР за весь послевоенный период. Объем промышленной продукции вырос более, чем в 2 раза. Сторонники плановой административно-командной экономики нередко апеллируют к тому времени, чтобы доказать ее эффективность. Между тем достигнутые успехи были противоречивыми и весьма непрочными.

Среди причин быстрого роста экономики следует назвать, во-первых, то, что к этому времени начали оказывать свое воздействие факторы, связанные с индустриализацией страны и превращением СССР в индустриальное общество. Промышленность, следуя модели, сложившейся в годы войны и довоенный период, довольно быстро преодолела урон, нанесенный войной. Во-вторых, следует учитывать проблему так называемого за-

мещения, обусловленного переводом отраслей на нужды мирного времени, и внедрением новых технологий, прежде всего в сферу военно-промышленного производства, а затем из нее в гражданскую промышленность. В эти годы быстро росла энерговооруженность труда за счет развития электроэнергетики, куда было вложено в 3,5 раза больше средств, чем за предыдущие пять лет. Сокращалась доля ручного труда, резко возросла доля средств, идущих на реконструкцию и техническое перевооружение предприятий. Это создавало предпосылки для внедрения научных достижений, которые в значительной мере опирались на ВПК.

Однако успехи были достигнуты путем нещадной эксплуатации деревни и низкой доли средств, идущих на потребление населения и развитие инфраструктуры. Поэтому на повестку дня все больше выдвигался **вопрос о структурной перестройке экономики**, немедленно «всплывший» перед руководителями страны после смерти Сталина. Особенно остро стоял вопрос о дисбалансе между промышленностью и сельским хозяйством.

Значительные изменения в послевоенный период произошли в структуре занятости. Так, за четыре послевоенных года только на металлургических заводах было подготовлено 285 тыс. новых рабочих и 602 тыс. повысили квалификацию. Наиболее распространенной формой повышения квалификации была сдача техминимума (267 тыс.), прохождение курсов целевого назначения (185 тыс.), стахановские школы (100 тыс.). Была повышена квалификация у 70 тыс. бригадиров, мастеров, ИТР. В 1950 г. в отрасли было 52 школы мастеров³⁰. Однако план подготовки квалифицированных кадров для промышленности в целом был выполнен только в центральных районах страны. В постановлениях неоднократно отмечались недостатки в подготовке кадров. Одним из них, как говорилось, была оторванность учебно-производственных комплексов от отделов труда на предприятиях и планирования потребности в кадрах³¹.

Дипломированные специалисты среди ИТР на производстве составляли только 23%. Среди начальников цехов 62% составляли специалисты-практики³². Главным стимулом продвижения оставался производственный опыт. Образование как стимул повышения квалификации не играло особой роли. Как жаловался один инженер с «Динамо»: закончил один институт стал получать 1400 руб., второй – 1000 руб., а если закончу третий, буду, наверное, получать 500 руб.³³.

Таким образом, перед руководством страны вставала проблема **приведения системы образования и подготовки кадров в соответствие с современным уровнем производства.**

К моменту окончания войны источники трудовых ресурсов были достаточно пестрыми. Так, по состоянию на 15 мая 1946 г. на предприятиях черной металлургии работало мобилизованных, репатриированных и эвакуированных почти 203 тыс. человек, 24,9% работающих. Около 10% рабочих составляли окончившие школы ФЗО и ремесленные училища, около 6% – «спецконтингент», т.е. заключенные. Число пришедших на заводы не в порядке организованного комплектования составляло 59%. Но уже к концу 1947 г. положение изменилось. Первая категория снизилась до 13,6%, вторая осталась без изменений, а численность «спецконтингента» уменьшилась до 4,5%, в то время как доля «неорганизованных» возросла до 72% и продолжала увеличиваться дальше³⁴.

В 1946 г. в плановом порядке было завербовано на предприятия и стройки страны 1 млн 514 тыс. рабочих. В этот период вербовка особенно интенсивно велась среди демобилизованных из армии. С 21 мая 1947 г. оргнабор передавался в ведение Министерства трудовых резервов. В 1950 г. число принятых по оргнабору снизилось до 400 тыс. Как главное препятствие для вербовки в плановом порядке указывалось отсутствие жилья³⁵.

Жилищная проблема в послевоенный период еще больше обострилась по сравнению с довоенной ситуацией. Значительная часть жилищного фонда была разрушена в результате военных действий, обветшала и изнашивалась, не ремонтировалась в течение долгих лет. Жилищное строительство практически не велось за исключением временных бараков. После войны возобновился централизованный порядок жилищного строительства, главным образом путем реализации весьма дорогостоящих и трудоемких проектов. Квартиру в элитных домах имели шанс получить лишь немногие, да и за внешне солидными и благоустроенными домами часто прятались прежние «коммуналки». Обретение жилья в централизованном порядке не привязывало работника к конкретному предприятию и многие продолжали поиски более подходящей работы. **То, что жилищную проблему нужно срочно решать, становилось очевидным всем руководителям страны.**

Бичом советского производства по-прежнему оставалась текучесть кадров. Особенно возросла текучесть в первые послевоенные годы, несмотря на действие чрезвычайных указов, и достигла своего пика в 1947 г. По расчетам английского историка Д. Филтцера, наиболее высокой она была на строительстве объектов для тяжелой промышленности, где за год ушло 64% рабочих, в том числе самовольно – 23%, в угольной промышленности западных районов СССР – соответственно 54 и 22%, восточных районов – 46 и 20 %, в нефтяной промышленности – 40 и 4,3%, в ме-

таллургии – 36 и 11% , в легкой промышленности – 34 и 8%³⁶. Уходить с предприятий вынуждали невероятно трудные условия работы и жизни, в которых находились миллионы людей, отсутствие жилья, теснота, скученность, загрязнение, дым и гарь как следствие форсированной сталинской индустриализации. Текучесть оказалась тесно связанной с периодом голода 1946–1947 гг.

Рынок труда явно одерживал победу над плановыми расчетами, мобилизационными мероприятиями в области труда, принудительными мерами побуждения к труду. В марте 1955 г. Указ Президиума Верховного Совета вообще отменил мобилизации и оргнабор как форму привлечения рабочей силы.

Обнаружилась неэффективность наказаний, которая неизбежно вела к ослаблению принудительных мер. Парадокс заключается в том, что вместе с их ослаблением заметно сократились и размеры текучести. В какой-то мере это было связано со стабилизацией положения в стране и преодолением послевоенного неустойчивости.

В течение 1946–1950 гг. около 3,6 млн молодых людей (2,8 млн – из деревни) было принято в школы трудовых резервов, окончили их и приобрели рабочие специальности 3,4 млн человек. Основная масса мобилизаций учащихся пришлась на угольную и металлургическую отрасли. Ремесленные училища окончили несколько более миллиона молодых людей, остальные – обычные школы ФЗО³⁷. Однако мобилизация и призывы изживали себя. В 1945 г. на добровольных началах было принято 50% учащихся, в 1949 г. – 94%. Выпускники старались не задерживаться на предприятиях. Не встречая на производстве того, что они ожидали, выпускники системы трудовых резервов начинали искать другие пути своего жизненного устройства. О неблагополучии в системе говорило постановление СНК от 2 августа 1948 г. о мерах по борьбе с текучестью учащихся в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО.

К концу 1940-х годов произошло почти двукратное сокращение ежегодного приема в школах и училищах трудовых резервов: с 700–800 тыс. до 300–400 тыс. юношей и девушек в год и стабилизировалось на этом уровне. В 1950-е годы в среднем за год по стране в них поступало около 350 тыс. человек преимущественно из села, так как город явно уклонялся от этой формы профессионального обучения. К концу 1950-х годов окончившие профессиональные училища составляли лишь около 4% от общего числа рабочих³⁸. Индивидуально-бригадное обучение на производстве по-прежнему являлось основным источником подготовки кадров. Этот процесс шел на фоне сумасшедших конкурсов при приеме в техникумы и высшие учебные заведения.

Довольно острой стала проблема стимулирования производительного труда после войны. Сталин в своем выступлении на совещании в СНК 31 декабря 1946 г. указывал, что данная проблема заключается в руководителях, в том, что руководители – «шляпы», которые рассматривают людей только как рабочую силу. Планы составляются заниженные, «от достигнутого», ориентируются на показатели отстающих. Плановые цифры не учитывают возможностей людей и производства. Отсюда главная задача – поднять нормы и заменить «шляпу». «Надо среднюю взять, – говорил Сталин, – но такую среднюю, которая заставляла бы прогрессировать». «Шляпы» же ориентируются на отстающих³⁹. Хотя слова Сталина показывают, что он не очень разбирался в средних, тем не менее его слова были приняты как сигнал к началу новой *кампании по пересмотру тарифов и расценок*. Одновременно прослеживается связь со сталинской риторикой 1930-х годов в связи с развертыванием стахановского движения.

Между тем в послевоенный период это движение обнаруживало явные признаки вырождения. Откликаясь на сталинское выступление, секретарь Московского горкома партии Попов говорил следующее: «У нас перестали работать со стахановцами. Нет того, чтобы они тянули остальных». Существующие стахановские рекорды он справедливо назвал «акробатическими номерами» с целью «устроить звон на всю страну». В качестве примера приводилась ткачиха с «Трехгорки», которая выработала в 1946 г. семь годовых норм и получила 3,5 тыс. руб., больше, чем сталевар с «Серпа и молота» (2–2,5 тыс. руб.). Этот аргумент был использован выступавшим, чтобы показать, насколько низкими являются расценки⁴⁰.

Советское производство сохраняло неровный, рваный ритм, к тому же постепенно утрачивало военно-мобилизационный характер. Выполнение плановых заданий обычно приходилось на последнюю декаду месяца, квартала, года, когда цифры перевыполнения норм становились фантастическими. В этих условиях «стахановцем» мог быть объявлен любой рабочий, и как показывает дальнейшая судьба движения, именно так и происходило на практике. Рабочее время, свободное от штурмовщины, отмечалось частыми простоями, которые государство вынуждено было оплачивать. Оплата простоев по «объективным» причинам была меньше, но не намного, поэтому рабочие не были особенно заинтересованы в их ликвидации. Если же на сдельной работе происходило снижение заработка, то в ответ на жалобы рабочих со стороны администраторов, получавших стабильные оклады, предлагалось им самим «пройтись по кон-

вейеру и найти этих лодырей». Надо заметить, что какое-то время этот принцип срабатывал, хотя ликвидация «узких мест» на производстве решалась главным образом административными способами.

За период с 1946 по 1956 г. средняя зарплата в промышленности увеличилась в 1,5 раза, по-прежнему перегоняя рост производительности труда. Подсобные хозяйства сохранялись в качестве источника дополнительных доходов. ОРСы были постепенно упразднены, упор делался на политику развития социальной сферы на предприятиях, на *«децентрализованные фонды снабжения работников»*. Огородническое движение сохраняло свое значение в качестве существенного добавка к зарплате и источника приобретения продуктов питания.

Первые годы после войны сохранялись трудовые законы военного времени. Снятие заводов с военного положения в Москве и Ленинграде произошло в марте 1947 г., на остальной территории – в июле 1948 г., но предвоенные законы продолжали действовать. Послевоенное неустройство и рост текучести вызвали временное ужесточение уголовных наказаний. К 1949 г. число приговоренных судами за прогулы, опоздания, самовольное оставление работы на срок от 2 до 4 мес. поднялось до 268 тыс., однако штрафные санкции уменьшились за то же время почти вдвое (517 тыс. случаев)⁴¹.

Была развязана очередная кампания по ужесточению карательных мер, связанная с ростом преступности и воровства как следствие тяжелого послевоенного положения. В связи с этим 4 июня 1947 г. были приняты два закона об усилении охраны личной и общественной собственности. За хищение личной собственности предусматривался срок заключения от 5 до 6 лет, за разбой – 10–15 лет, за кражу государственной собственности от 7 до 10 лет, групповую кражу от 10 до 12 лет. Предусматривалось наказание за «недонесение» о фактах преступлений: от 2 до 3 лет. Эти законы были приняты несмотря на действие августовского закона 1940 г., по которому уголовному наказанию подвергались сотни тысяч людей ежегодно. В ходе кампании за мелкие кражи были осуждены новые сотни тысяч людей, а для прежде совершивших преступления сроки заключения были пересмотрены в сторону значительного повышения.

В то же время число осужденных по закону от 26 июня 1940 г. продолжало сокращаться. Неоднократные обращения навверх самих рабочих, руководителей предприятий, судебных работников, привели к тому, что 14 июля 1951 г. появился указ Президиума Верховного Совета СССР «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и

длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». К этому времени число осужденных по Указу от 26 июня 1940 г. сократилось до 180 тыс.⁴² В апреле 1956 г. этот закон был отменен вообще.

В послевоенный период внешне переживает свой «апогей» ГУЛАГ. Численность заключенных в лагерях и колониях достигла в 1950 г. наибольшей цифры – 2,5 млн человек⁴³. **Факторы роста населения ГУЛАГа во многом были связаны с последствиями войны.** Лагерь пополнялись военными преступниками, пособниками оккупантов, участниками националистических движений и другими «антисоветскими элементами» (действительными и мнимыми). Однако почти половину заключенных составляли осужденные по июньским указам 1947 г. В то же время лагерное начальство стремится разделить политических и уголовных узников, создавая для первых систему особых лагерей, строго дифференцировать режимы в местах заключения на строгий, усиленный и общий. Согласно положению о «рабочих зонах» особенно строгий режим (за колючей проволокой и с усиленной охраной) предусматривался для особо опасных преступников, остальные должны были работать под «конвоем». Но оборудование и содержание таких зон обходилось «в копейчку». Поэтому, несмотря на ужесточение и дифференциацию наказаний, росло число так называемых расконвоированных, которое уже в 1947 г. составило 11% от общего числа заключенных⁴⁴ и продолжало расти в последующие годы.

ГУЛАГ рассматривался как «палочка-выручалочка» при реализации крупных хозяйственных проектов. Однако, когда ведомство бралось за их осуществление, выяснялась необходимость глубоких структурных изменений в составе трудовых ресурсов, использования новой техники, опыта и знаний специалистов, повышения квалификации рабочих, и все это требовало дополнительных затрат на содержание лагерей. Все более острой проблемой становилось повышение производительности труда, которая в производственных главках ГУЛАГа находилась на уровне 50–60% от соответствующих отраслей. Предпринимались меры технического перевооружения ГУЛАГовскихстроек и объектов, более частым становилось применение машин и механизмов, привлечение, в случае необходимости, труда вольнонаемных. Предпринимались и меры повышения материальной заинтересованности заключенных. Отмена карточной системы была распространена и на ГУЛАГ. В ноябре 1948 г. было принято постановление Совета Министров, согласно которому заключенные должны были получать заработную плату, исходя из пониженных до 30% тарифных ставок и должностных окладов в соответствующих от-

раслях. Соответственно по отдельным производственным главам на протяжении последующего времени вводились тарифы и нормы оплаты труда, которые постепенно повышались. Были отменены сверхурочные, восстановлен 8-часовой рабочий день. Основными формами оплаты устанавливались сдельно-прогрессивная и премиальная. В 1953 г. контингент заключенных на оплачиваемых работах в лагерях и колониях составлял 61,8%⁴⁵. К неоплачиваемым относились «отказчики» (отказывающиеся работать), инвалиды, больные и некоторые категории заключенных. Среднемесячный заработок заключенных составлял 324 руб. За вычетом содержания на руки приходилось 129 руб.⁴⁶ В качестве поощрения к труду была разработана система *зачетов*, согласно которой дни перевыполнения норм вычитались из срока заключения. Система зачетов охватывала около 54% заключенных. Однако особенного эффекта эти мероприятия не дали. В 1951–52 гг. ни одно из производственных подразделений ГУЛАГа не выполнило план по росту производительности труда⁴⁷, а 1953 г., как отмечалось в отчете, был отмечен «неудовлетворительным результатом»⁴⁸.

Определенный вклад в восстановление народного хозяйства СССР внес **труд военнопленных**, число которых в 1946 г. достигало 2,5 млн человек. Однако попавшие в советскую систему принудительного труда граждане других стран чувствовали себя очень плохо, часто болели и умирали. Особенной заинтересованности в труде они не проявляли. К тому же им надо было обеспечивать определенные стандарты жизни и существования, испытывая постоянное давление со стороны мирового общественного мнения. С ними нельзя было обращаться так же бесцеремонно, как с советскими заключенными. Для начальства это была дополнительная «головная боль», поэтому советское руководство поспешило поскорее избавиться от военнопленных. К 1949 г. их осталось немного, несколько десятков тысяч, в основном повинных в тяжких военных преступлениях.

Ликвидация ГУЛАГа как системы началась немедленно после смерти Сталина, и инициатива исходила от самого Л.П. Берия. Впрочем, ничего странного в этом не было. Как человеку долгие годы руководившему ведомством, ему лучше всего было известно реальное положение дел в системе принудительного труда, его неэффективность и нерациональность, низкая производительность труда и убыточность многих мест заключения. Прежде всего был свернут ряд крупных ГУЛАГовских проектов, упразднены производственные главки в системе ГУЛАГа и ликвидировался ряд лагерей. 27 марта 1953 г. была объявлена амнистия осужденных на срок до 5 лет. Берия призвал к пересмотру всего уголов-

ного законодательства, отменил Особое совещание при МВД и начал пересмотр «политических» дел.

Арест Берии привел к свертыванию некоторых его начинаний, но через некоторое время ликвидация ГУЛАГа возобновилась. Лагерные восстания 1953–1954 гг. ускорили этот процесс⁴⁹. С 1954 г. начался пересмотр многих дел по политическим мотивам. В 1955 г. был принят указ об амнистии лиц, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. Процесс освобождения заключенных ускорился после XX съезда КПСС. В октябре 1959 г. в истории лагерей была поставлена точка. Появилось Постановление ЦК и СМ СССР об упразднении ГУЛАГа как ведомства, «не выполнившего своей главной задачи – перевоспитания заключенных трудом». К этому моменту в местах заключения находилось 948 тыс. человек, из которых лишь 1,2% составляли осужденные за контрреволюционные (антисоветские) преступления⁵⁰. Большинство лагерей и спецпоселений было ликвидировано, трудовые колонии переданы в ведение местных органов МВД.

Таким образом, уже в рамках сталинской системы явно обнаруживались черты кризиса принуждения на всех участках производства и общественной жизни. Немалую роль здесь играли социальные последствия войны. Безусловно, правы те исследователи, которые считают, что не личные качества, воля и желания отдельных руководителей, а обстоятельства вели к отказу от методов насилия и принуждения в политике советского руководства. Любой руководитель в этих условиях вынужден был бы действовать в сторону либерализации режима, поскольку карательная политика полностью исчерпала себя, и в рамках советской системы нужно было менять сложившийся порядок трудовых отношений, искать иные стимулы и побуждения к труду, которые начались в последующие годы.

¹ О политике стимулирования труда в 1930-е годы см.: Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. 2000. № 4.

² Согласно исправительно-трудовому кодексу 1933 г., труд заключенных в местах лишения свободы подлежал оплате. Деньги переводились на их личные счета, и небольшие суммы для покупки в ларьках продуктов первой необходимости могли выдаваться на руки.

³ Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1984. С. 128.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 133.

- ⁸ Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 г... (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 46.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ О работе советских людей в годы войны имеется огромная литература, как отечественная, так и зарубежная. Из западных работ следует назвать книгу: Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: a Social and Economic History of the USSR in World War II*. L.; N.Y., 1991. Основанная на советских источниках, книга в то же время свободна от свойственной им идеологической предвзятости и касается многих проблем мотивации труда в годы войны.
- ¹¹ Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 353.
- ¹² Там же. С. 354.
- ¹³ Там же. С. 407.
- ¹⁴ Там же. С. 405–406.
- ¹⁵ Там же. С. 414–415.
- ¹⁶ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 45.
- ¹⁷ Там же. С. 46.
- ¹⁸ Там же. С. 45.
- ¹⁹ Новые документы из архивов на эту тему были введены в научный оборот в монографии: Зубкова Е.Ю. *Послевоенное советское общество. 1945–1953 гг. Политика и повседневность*. М., 1999. Стали издаваться публикации документов, рассказывающих о послевоенной жизни. Одним из таких изданий является «Москва послевоенная. 1945–1947 гг. Архивные документы и материалы. (М., 2000). Конечно, ситуация в Москве обладала определенной столичной спецификой, но в то же время характерна и для всей страны в целом.
- ²⁰ Москва послевоенная. С. 111.
- ²¹ Там же. С. 195.
- ²² Там же. С. 111, 195, 277, 390.
- ²³ Там же. С. 390.
- ²⁴ Там же. С. 111.
- ²⁵ Там же. С. 111–112.
- ²⁶ Там же. С. 277.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 380.
- ²⁹ Промышленность и рабочий класс СССР. 1946–1950. Документы и материалы. М., 1989. С. 24.
- ³⁰ Там же. С. 218.
- ³¹ Там же. С. 185.
- ³² Там же. С. 116.
- ³³ Москва послевоенная. С. 379.
- ³⁴ Промышленность и рабочий класс СССР. С. 220.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Filtzer D. *Labour Discipline and Criminal Law in Soviet Industry, 1945–1953. Paper Presented to the VI World Congress of the International Council for Central & East European Studies*. P. 11.
- ³⁷ Промышленность и рабочий класс СССР. С. 218.
- ³⁸ Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1946–1960 гг. М., 1987. С. 114.
- ³⁹ Москва послевоенная. С. 240.

- ⁴⁰ Там же. С. 354.
- ⁴¹ *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 45.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект). СОЦИС. 1991. № 6. С. 13. Некоторые добавляют сюда примерно 300 тыс. осужденных судами и находящихся в пути к местам заключения.
- ⁴⁴ Там же. С. 11.
- ⁴⁵ ГУЛАГ. 1918–1960. М., 2000. С. 667.
- ⁴⁶ Там же. С. 669.
- ⁴⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. М., 1998. С. 49.
- ⁴⁸ ГУЛАГ. С. 670.
- ⁴⁹ Лагерным восстаниям этого времени посвящена большая литература. Официальные отчеты о них приводятся в вышеупомянутой книге. Следует заметить, что уравнение в трудовых правах с теми, кто находился «на воле», постоянно выдвигалось восставшими.
- ⁵⁰ *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 15.

БЕЛОРУССКАЯ ССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

*Н.С. Сташкевич, А.М. Литвин**

(Республика Беларусь)

Уже более 60 лет прошло со времени начала Второй мировой войны, одной из главных составных частей которой была Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии и ее союзников. Важный вклад в общую копилку Великой Победы внес и народ Белоруссии. На многострадальной белорусской земле разворачивались трагические события лета 1941 г., именно здесь проходило острие главного удара гитлеровской военной машины, нацеленное на Москву. Три неимоверно долгих года длилась вражеская оккупация территории Белоруссии. И все эти бесконечные дни и ночи на ее территории полыхало пламя праведного всенародного гнева, пламя партизанской войны. Совершенно не случайно поэтому БССР получила неофициальное название – «республика-партизанка». Героическая Брестская крепость, огненная Хатынь, «республика – партизанка» – это символы Белоруссии в мире.

Летом 1944 г. на территории Белоруссии была начата и блестяще проведена одна из самых ярких операций Второй мировой войны, вошедших в сокровищницу военно-стратегического искусства, операция «Багратион». Белорусский народ бесконечно признателен сотням тысяч советских людей, отдавших свои жизни при освобождении республики от немецко-фашистских захватчиков, всем тем, кто внес свой посильный вклад в разгром фашизма.

В республике делается все возможное для сохранения памяти о всех, кто отдал свои жизни за наше будущее. В настоящее время, несмотря на имеющиеся трудности, продолжается работа над претворением в жизнь идеи светлой памяти бывшего первого секретаря ЦК Компартии БССР П.М. Машерова – издании уникальной многотомной историко-документальной серии – своеобраз-

* Сташкевич Николай Стефанович, доктор исторических наук, директор Института истории НАН Беларуси; Литвин Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, заведующей отделом военной истории Института истории НАН Беларуси.

разной эмоциональной энциклопедии – районных историко-документальных Хроник Памяти, в которых публикуются списки всех погибших в боях за Беларусь.

Во всех городах и районах созданы комиссии по сбору документального материала. В этом благородном деле занят огромный актив, насчитывающий более 5 тыс. человек. Уже выпущено 3 книги серии «Память» из 130 запланированных. Книги «Память» – это сбор уникальной и обоснованной информации по каждому городу и населенному пункту. Основное место в них принадлежит событиям XX столетия, особенно событиям Великой Отечественной войны.

Именно место и роль территории и народа Белоруссии в войне, а также те процессы, которые проходили здесь в годы войны, определяли и будут в дальнейшем определять интерес к истории Белоруссии периода Второй мировой войны как в республике, так и за ее пределами.

Необходимо отметить, что за послевоенный период проделана значительная работа по освещению событий, которые происходили на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. За этот период в отечественной и зарубежной историографии было опубликовано 10,1 тыс. работ, в которых освещаются различные стороны истории Белоруссии военного времени. Главным образом, это относится к освещению боевых действий частей Красной Армии на территории Белоруссии во время оборонительных боев 1941 г. и наступательных операций по освобождению Белоруссии 1943–1944 гг., широкого круга вопросов создания и деятельности на территории Белоруссии партизанских формирований, их организационной структуры, зарождения и деятельности партийного, комсомольского и антифашистского подполья в городах и других населенных пунктах, организующей и направляющей роли подпольных партийных и комсомольских органов и организаций, массово-политической и пропагандистской работы в тылу врага, освещению деятельности на оккупированной территории спецгрупп и других формирований, созданных военными и оперчекистскими органами, целого ряда вопросов немецко-фашистского оккупационного режима, проводимой гитлеровцами политики геноцида и «выжженной земли» и др.

Сделанная нами тематическая выборка сведений из библиографических указателей за 1944–1995 гг. показывает, что примерно 8,5 тыс. публикаций посвящено деятельности партизанских формирований и различным вопросам создания и деятельности партийных, комсомольских и антифашистских органов и организаций, более 2,3 тыс. публикаций посвящено многочисленным общим и прикладным вопросам истории Второй миро-

вой и Великой Отечественной войн, и около 400 работ содержат различные сведения об оккупационном режиме на территории Белоруссии¹.

Отличительной особенностью этого периода истории Белоруссии является то, что общими усилиями историков и архивистов республики в научный оборот введено множество самых различных архивных документальных источников, изданы уникальные в своем роде тематические сборники документов и материалов², опубликованы сотни мемуаров непосредственных участников событий, организаторов и руководителей подполья и партизанского движения³.

Значительные успехи достигнуты также в научном осмыслении истории Белоруссии военного времени. По различным вопросам истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны защищено более 100 докторских и кандидатских диссертаций, изданы фундаментальные обобщающие работы, среди которых необходимо отметить 4-й том 5-ти томной «Гісторыі Беларускай ССР» (1975), который почти полностью посвящен истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны, капитальный трехтомный труд «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» (1983–1985), работа над которым продолжалась почти 20 лет, а также 2-й том «Нарысау Гісторыі Беларусі» (Мн.:1995).

Особо необходимо отметить изданные в республике энциклопедические издания: 12-ти томную «Белорусскую Советскую Энциклопедию» («Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» Т. 1–12. Мн.: 1969–1975), краткую 5-и томную энциклопедию («Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя». Т. 1–5. 1978–1982), энциклопедию «Беларусь в Великой Отечественной войне» («Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. Энцыклапедыя» (Мн., 1990), книгу о Героях Советского Союза – белорусах и получивших это почетное звание в боях за Беларусь («Навечна у сэрцы народным» (1975, 3 выд. 1984), книги серии «Збор помінкаў гісторыі і культуры Беларусі», а также упоминавшиеся нами выше книги серии историко-документальных хроник «Память».

Даже такой краткий обзор опубликованной литературы позволяет со всей определенностью констатировать, что за послевоенный период проделана колоссальнейшая работа по освещению исторических событий и фактов, научному осмыслению ряда различных проблем истории Белоруссии довоенного и военного периода.

В настоящее время научного освещения требует самостоятельная проблема – «Историография истории Белоруссии периода Второй мировой войны». Проблема, которая требует глу-

бокого научного подхода, без чего невозможен качественный сдвиг в дальнейшем исследовании и осмыслении событий и явлений, героических и трагических страниц истории Белоруссии периода минувшей войны и в целом истории Белоруссии советского периода.

Необходимо отметить, что в республике еще в начале 90-х годов была предпринята попытка подготовить историографическое исследование по данной проблеме. Работа выполнялась в отделе военной истории Института истории НАН Белоруссии как раз в то время, когда в обществе происходило бурное переосмысление нашего исторического прошлого, вызванного процессом «перестройки» и демократических преобразований, которые происходили и происходят сейчас на просторах бывшего СССР. Разумеется, все это потребовало от авторов дополнительных усилий как в анализе существующей историографии, так и в поиске новых архивных сведений и фактов и переосмысления привычных идеологем.

Работа была закончена еще в 1991 г., однако только в 1999 с большим трудом вышла на белорусском языке книга «Беларусь в годы Великой Отечественной войны: Проблемы историографии и источниковедения»⁴, в которой впервые в историографии сделана попытка осмысления достижений исторической науки по основным вопросам истории Белоруссии военного времени: созданном фашистами оккупационном режиме, по проблеме создания и деятельности партизанских формирований и подпольных структур, о жизни и деятельности молодежи Белоруссии, о ратном и трудовом подвиге белорусского народа, о советской политической пропаганде на оккупированной территории Белоруссии.

К положительным качествам данной работы необходимо отнести также то, что в ней впервые проанализирован процесс организации научных исследований по истории Белоруссии периода войны в республике в 40–90-е годы, сделан обстоятельный анализ архивных источников и мемуарной литературы по проблеме сопротивления, а также анализ отражения в публикациях вопросов культуры Белоруссии периода войны.

О периодизации. Любая периодизация – это довольно условная вещь, которая принимается как для удобства исследования, так и для популяризации той или иной проблемы. На наш взгляд, на сегодняшний день можно выделить два основных периода изучения истории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны.

Первый период, его можно назвать советский, – включает послевоенный период изучения в рамках бывшего СССР (Июнь 1941 г. – начало 90-х – конец 1991 г.

С развалом СССР фактически перестала существовать *официальная советская историография*. Это отнюдь не означает,

что перестали существовать ее сторонники и последователи. Огромнейший массив советской историографии истории Великой Отечественной войны – будет кладезем для многих поколений историков, историографов, источниковедов и др. исследователей.

Второй период, его условно можно назвать постсоветский или современный, – фактически начался со второй половины 80-х годов. Однако более правильным будет считать его с конца 1991 г., когда после развала СССР стали возникать новые государственные историографии: российская, украинская, латышская, литовская, эстонская, белорусская и т.д.

В каждом из этих периодов можно выделить отдельные этапы. Так, первый можно разделить на три. Первый – военный – (июнь 1941 – май 1945 г.) – первые шаги в организации сбора информации и накопления документальных источников, появление первых публикаций и первых исследователей, формирование архивных фондов. В годы войны историки, журналисты, партийные и советские работники в своих заметках, статьях, брошюрах рассказывали о событиях на фронтах войны, в советском тылу и на территории, оккупированной врагом. Здесь необходимо отметить публикации периода войны секретарей ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны» (1943), Т.С. Горбунова «Беларусь живет, Беларусь сражается!» (1943), секретаря ЦК ЛКСМБ М.В. Зимянина «Молодежь Белоруссии сражается» (1942), выступления в печати первых руководителей и организаторов партизанского движения в Белоруссии Т.П. Бумажкова, П.З. Калинина, В.И. Козлова и др.

Особенно необходимо отметить деятельность созданной летом 1942 г. комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б, которая занималась сбором документов и материалов по истории сопротивления на оккупированной территории и их первичной публикацией, а также деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков.

Фактически мы можем говорить о том, что на первом этапе были созданы предпосылки научного изучения и дальнейшего углубленного изучения истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны.

Второй этап – вторая половина 1945 – конец 50-х годов – этап дальнейшего накопления документального материала, первых попыток научного осмысления отдельных вопросов партизанской и подпольной борьбы на оккупированной территории, вопросов оккупационной политики, участия белорусов в боевых действиях на фронтах, работы на перемещенных предприятиях в советском тылу и т.д.

В этот период вышли работы Л.Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» (Ч. 1. Мн., 1949 и Ч. 2. Мн., 1950), И.С. Кравченко «Падпольны бальшавіцкі друк у Беларусі у гады Вялікай Айчыннай вайны» (1950), «Работа Кампартыі у тыле ворага (1941–1944 гг.)» (1959), П.П. Липило «КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (1959), Р. Абловой «Это было в Белоруссии. Из истории борьбы молодежи в партизанских отрядах и подполье» (М., 1959), изданы ряд сборников документов и материалов⁵, воспоминаний участников борьбы⁶, было положено начало углубленному изучению партийного и комсомольского подполья, в том числе минского подполья.

На этом этапе значительно расширились возможности для работы с документами и материалами военного времени, были созданы первые научные подразделения по изучению истории Великой Отечественной войны в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б и Институте истории Академии Наук БССР, защищены первые кандидатские и докторские диссертации⁷. Анализ литературы и научных диссертационных работ 40–50-х годов показывает, что в своем большинстве они не ставили цели глубокого изучения и обобщения всего исторического материала. И это не случайно. Среди руководителей республики господствовало убеждение, что историю Белоруссии военного времени должны в первую очередь написать ее руководители. Согласно принятому 30 июля 1946 г. постановлению ЦК КП(б)Б «О сборе, разработке и издании документов и материалов о работе партийных организаций КП(б)Б и партизанском движении в Белоруссии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», был утвержден список из 38 лиц, главным образом руководителей и организаторов борьбы в тылу врага, которые должны были подготовить к изданию свои книги*.

Нет необходимости говорить о том, что для всех работ этих двух этапов был характерен ряд недостатков, связанных с культом личности Сталина, необоснованным засекречиванием архивных источников, узко ограниченным доступом к их использованию, жестким идеологическим контролем и т.д.

Третий этап – начало 60 – конец 1991 г. Он наиболее продуктивный и богатый как по количественному, так и по качественному уровню опубликованной литературы и защищенных диссертационных работ по истории Белоруссии периода войны. В это время вышло подавляющее большинство работ самых различных жанров и тематики.

* Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4, оп. 61, д. 301, л. 22.

Особо следует выделить обобщающие работы, изданные в Москве по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, а также называемые нами ранее – 4 том «Истории Белорусской ССР», трехтомник «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков», сборники документов и материалов, уникальные справочные издания о подпольных партийных и комсомольских органах⁸, о партизанских формированиях, ряд работ о патриотическом подполье в Минске и других населенных пунктах, работы по оккупационному режиму⁹, помощи советского тыла партизанам и т.д.

Здесь необходимо отметить работы Н.К. Андриющенко¹⁰, Г.И. Олехнович, Л.В. Аржаевой, К.М. Гоцман, С.К. Грабовского, В.И. Гуленко, В.С. Давыдовой, Б.Д. Долгатовича, К.И. Доморада¹¹, И.М. Игнатенко, А.И. Залесского, А.Л. Манаенкова, А.Н. Мацко, В.К. Киселева¹², Г.Д. Кнатько, П.Н. Кобринца, А.А. Кузнецова, Г.П. Купреевой, В.И. Кузьменко, Р.Р. Кручка, В.Г. Лемешонка, А.М. Литвина, С.В. Марцелова, А.А. Тозица, В.С. Пасэ, В.П. Павлова, Я.С. Павлова¹³, В.Ф. Романовского¹⁴, А.В. Семенович, Г.М. Шевелы, А.Ф. Хацкевича¹⁵, А.А. Факторовича¹⁶, А.А. Филимонова, Э.Ф. Языкович, Н.А. Якубовского и др.

Анализ опубликованной литературы и источников советского периода показывает, что многие аспекты истории Белоруссии военного времени получили довольно широкое и основательное освещение, стали предметом научного исследования. Это относится прежде всего к вопросам изучения руководящей роли КПСС и КПБ, отдельных вопросов оккупационного режима, различных форм сопротивления населения, особенно боевой и массово-политической работы партизан и подпольщиков, помощи советского тыла партизанам, жизни и деятельности населения в партизанских зонах и др. Вместе с тем, знакомство с опубликованной литературой советского периода показывает, что, исходя из самого факта существования официальной советской историографии, целый ряд вопросов сознательно оставался вне поля зрения исследователей.

Развал СССР, создание независимой и суверенной Республики Беларусь поставили перед историками и обществоведами республики ряд новых задач не только по изучению, но и по более глубокому осмыслению исторического прошлого Белоруссии, в том числе и событий Великой Отечественной войны. Поэтому мы можем говорить о том, что с началом «парада суверенитетов», закончился старый и начался новый период не только в истории наших народов, но и в современной историографии.

Отличительной особенностью этого периода является то, что главное внимание исследователей и общественности концентри-

руется на проблемах и вопросах, которые ранее не получили достаточного освещения в историографии. Это относится в первую очередь к отдельным вопросам оккупационного режима, проблемам коллаборационизма, сотрудничества и предательства, взаимоотношений партизан и местного населения, роли православной и католической церкви в жизни народа в военные годы, трагедии еврейского населения, деятельности на территории Белоруссии польской Армии Крайовой, политических репрессий, проблем военнопленных, вывоза населения на принудительную работу в Германию и т.д. Необходимо отметить работы в этом направлении В.И. Адамушко, В.В. Барабаша, А.Н. Бадулина, Г.А. Болсун, В.И. Гуленко, С.В. Жумаря, Э.Г. Иоффе, В.И. Ермаловича, А.А. Ковалени, В.И. Кузьменко, А.М. Литвина, А.А. Мигуновой, Е.С. Розенבלата, М.Я. Саваняко, А.К. Соловьева, А.В. Шаркова, М.Ф. Шумейко, И.Э. Еленской и др.¹⁷

Важное значение для активизации и углубления исторических исследований имело рассекречивание ряда фондов государственных архивов, а также издание архивными учреждениями республики ряда документальных материалов и справочников¹⁸, публикация изданных ранее за рубежом работ белорусских эмигрантов¹⁹, проведение в республике ряда научных конференций²⁰, в том числе совместно с польскими историками²¹.

Особенно необходимо отметить издание на белорусском языке работы польского историка белорусского происхождения Юры Туронка²², благодаря ему возрос интерес к проблемам истории Белоруссии периода войны не только у историков, но и у широкого круга читателей.

Таким образом, подытоживая короткий обзор проделанного за послевоенный период, необходимо отметить, что проведена колоссальная работа огромного количества людей по изучению и освещению истории Белоруссии периода минувшей войны. Оценивая эту литературу и нисколько не преуменьшая достоинств многих научных и обобщающих работ, мы тем не менее вынуждены констатировать, что на сегодняшнее время среди исследователей и общественности существует определенная неудовлетворенность состоянием научной разработки вопросов истории Белоруссии военного времени и желание по новому посмотреть на многие из них.

Перед историками Белоруссии стоит ряд задач по введению в научный оборот новых архивных документов и материалов, других исторических свидетельств, постановке и раскрытии новых проблем, которые носят дискуссионный характер, в том числе о роли исторических личностей, руководителей различного уровня. На наш взгляд, требуют более внимательного отношения вопро-

сы кануна и начального периода Второй мировой войны и, особенно, ситуации, которая была в Белоруссии накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны. Давно назрела необходимость подготовки основательной работы, а также соответствующего сборника документов и материалов на эту тему.

Мы считаем, что совершенно неоправданно приостановлена работа по дальнейшему углубленному изучению деятельности различных форм советского сопротивления в населенных пунктах, особенно антифашистских организаций в западных областях Белоруссии, боевой и массово-политической деятельности партизанских формирований. Здесь есть еще много проблем, которые нуждаются в более осознанном осмыслении. Мы имеем в виду научное осмысление особенностей партизанской стратегии и тактики и особенно контрпартизанской стратегии. Нам представляется, что недостаточное именно научное освоение этого опыта сказывается в деятельности подразделений, ведущих контртеррористическую, контрпартизанскую борьбу в настоящее время.

Более основательной разработки требуют также вопросы жизнеобеспечения деятельности партизанских формирований, эффективности тех или иных способов их боевой деятельности, вопросы взаимоотношений партизан и населения, отношения населения к оккупантам и их пособникам.

К настоящему времени более глубокого изучения требуют вопросы потерь Белоруссии в годы войны (людские, материальные, культурные и т.д.), вопросы реституции культурных ценностей и т.д.

К сожалению, до сегодняшнего дня в республике не создано обобщающих работ о людях, вывезенных на принудительную работу в Германию, об участии населения республики в Движении Сопротивления на Западе, в составе армий союзников, в том числе в польских военных формированиях (Армия Андерса, в Войске Польском) и т.д.

Давно назрела необходимость подготовки обобщающей фундаментальной работы «Беларусь в годы Второй мировой войны (1939–1945)», а также сборника документов и материалов по этой теме.

У нас есть возможность подготовить также совместно с российскими историками обобщающую работу о боевом сотрудничестве белорусских и российских партизан и ряд других.

Разумеется, что названные нами проблемы не являются исчерпывающими. Главное, что исследователи военной истории их видят и делают определенные усилия по их решению. Определенным гарантом успеха в этом направлении является возрастающий в последнее время интерес к проблемам военной истории молодых исследователей.

- ¹ См. Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945 гг.): Бібліягр. паказ.літ. (1941–1971 гг.). – Мн., 1980; Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945 гг.): Бібліягр. паказ. (1941–1971 гг.). – Мн., 1990; Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945): Бібл. паказ, тт. – Мн., 1995; Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945): Бібл. паказ, тт. Дадатковы вып. – Мн., 1996.
- ² Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944: Документы и материалы. Т. 1. – Мн., 1967. Т. 2. Кн. 1. – Мн., 1973. Кн. 2. – Мн., 1978. Т. 3. – Мн., 1982; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. 2-е изд. – Мн., 11 1965; Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М.: 1985; Комсомол Белоруссии в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. – Мн., 1988; В непокорённом Минске: Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). – Мн., 1987 и др.
- ³ По подсчетам Г.Д. Кнацько, за послевоенный период по партизанской тематике в издательствах Белоруссии опубликовано 213 книг отдельных авторов и 34 сборника воспоминаний. См. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. артыкулаў. – Мн., Бел. навука, 1999. С. 66.
- ⁴ Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. артыкулаў. – Мн.: Бел.навука, 1999. – 253 с.
- ⁵ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 1–2. М., 1951, 1952; Зборнік лістовак усенароднай партызанскай барацьбы у Беларусі у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944). – Мн., 1952.
- ⁶ *Ливенцев В.* Партизанский край. – М., 1951; *Линьков Г.М.* Война в тылу врага. – М., 1951; *Королев Н.Ф.* Сыновья народа. – Мн., 1955, *Лобанок В.Е.* Партизаны Витебщины в боях за Родину. Мн., 1959; Партизанская барацьба беларускага народа у гады Вялікай Айчыннай вайны. Мн., 1959 и др.
- ⁷ В первое послевоенное десятилетие был защищен ряд кандидатских диссертаций, в которых рассматривались отдельные вопросы организации и развития борьбы на территории Белоруссии, однако они почти не были известны читателям. Ряд из них был закрытым.
- ⁸ Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Краткие сведения об организации, структуре и составе. – Мн., 1975; Подпольные комсомольские органы Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Краткие сведения об организации, структуре и составе. Мн., 1976; Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Мн., 1983; Сборники документов и материалов «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Т. 1–3. Мн., 1967–1982; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944. Мн., 1984 и др.
- ⁹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944. 2-е изд. Мн., 1965; Преступные цели – преступные средства; Документы об

- окупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М., 1985; *Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944)*. Мн., 1984; *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–44)*: Сб. статей. М., 1965; *Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944)*. Мн., 1995 и др.
- ¹⁰ *Андрющенко Н.К.* На земле Белоруссии летом 1941 года / Под ред. Я.С. Павлова. М., 1985.
 - ¹¹ *Домарад К.И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. Мн., 1995; *Факторович А.А.* Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Мн. 1979; *Загоруйко М.М., Юденков А.Ф.* Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970.
 - ¹² *Домарад К.И.* Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941–1944. Мн., 1992.
 - ¹² *Киселев В.К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944. Мн., 1980.
 - ¹³ *Павлов Я.С.* В суровом сорок первом. Мн., 1985.
 - ¹⁴ *Раманоускі В.Ф.* Саудзельнікі у злачынствах. Мн., 1964; *Романовский В.Ф.* Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944). Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Мн., 1974; *Романовский В.Ф.* Правда истории против фальсификаторов. Мн., 1985; *Романовский В.Ф.* Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Мн., 1975; *Романовский В.Ф., Михальченко А.Н.* Оккупация: преступные цели – преступные средства // Страницы истории Компартии Белоруссии. Мн., 1990. С. 215–225.
 - ¹⁵ *Хацкевич А.Ф., Крючок Р.Р.* Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР. Мн., 1980.
 - ¹⁶ *Факторович А.А.* Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Мн., 1979.
 - ¹⁷ *Барабаш В.В.* Поляки в антифашистской борьбе на территории Белоруссии (1941–1944 гг.). Автореф. канд. дисс. Мн., 1999; *Болсун Г.А.* Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Белоруссии (1941–1944 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Мн., 1999; *Гуленко У.* Полеская сеч украинской паустанцкай арміі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т.5. – Мн., 1999; *Гуленко В.И.* ОУН–ОУПА и Армия Крайова в Белоруссии. К вопросу о деятельности и взаимоотношениях // Старонки ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мн., 1992. С. 174–182; *Гуленко У.* «Акауцы», «бульбауцы», «аунауцы»... Ці былі у Беларусі антыфашысцкія і адначасова антысавецкія партызанскія фарміраванні або арганізацыі // Звязда. 1993. 11 лютага; *Иоффе Э.Г.* К вопросу о роли коллаборационистов в катастрофе на белорусской земле // Евреи Белоруссии. История и культура. Вып. III–IV. Мн., 1998. С. 164–178; *Літвін А.М.* Гісторыя кожным пакаленнем перапісваецца нанова, «альбо флірт багіні Клію, да якой трэба прывыкнуць // Літаратура і мастацтва. 1992. 22 мая; *Літвін А.М.* Да пытання аб вывучэнні праблемы калабарацыянізму у вузаўскім курсе сусветнай і айчынай вайны // *Обществоведение в системе современного высшего образования: новые концепции, подходы в теории, методологии и методике преподавания. Тезисы докладов Республиканской научной конференции 23 апреля 1999.* Ч. 2. Мн., 1999. С. 88–90; *Літвін А.М.* Калабарацыя на Беларусі у час Вялікай

Айчыннай вайны // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мн., 1993. Ч. 1. С. 195–197; *Мігунова А.А.* Прапагандысцкая і культурна-асветніцкая дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады у генеральнай акрузе Беларусь. Аутарэф. Канд. дыс. Мн.: 1999; *Соловьев А.К.* Они действовали под разными псевдонимами. Мн., 1994. Яго ж. Беларуская Цэнтральная рада: стварэнне, дзейнасць, крах. Мн.: 1995; *Еленская И.Э.* Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Мн., 1999; Розенблат Я.С.

- ¹⁸ Беларускія оstarбайтэры. Угон насельня Беларускай на прымушальныя працы ў Германію (1941–1944): Документы і матэрыялы. В 2 кн. Кн.1 (1941–1942). Мн., 1996; Кн. 2. (1943–1944). Мн., 1997; Беларускія оstarбайтэры. Репатрыяцыя (1944–1951): Документы і матэрыялы. Кн. 3. В 2 частях. – Мн., 1998; Заложнікі вермахта (Озаричи – лагерь смерти). Документы і матэрыялы. – Мн., 1999; Месцы прымушальнага ўтрымання грамадскага насельніцтва на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Даведк. Мн., 1996; Озаричи – лагерь смерти. Документы і матэрыялы. Мн., 1997; Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Мн., 1998; «Нацистское золото» из Белоруссии. Мн., 1998.
- ¹⁹ *Акула К.* Дорогами борьбы: Фрагм. романа «Змагарныя дарогі»: Гітлеровская окупация Белоруссии в 1941–1944 гг. // Неман. 1993. № 2. С. 22–66; *Акула К.* Змагарныя дарогі. Мн., 1994; *Вміцкі А.* Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадах. Мн., 1994; *Кушалъ Ф.* Спроба стварэння беларускага вайска. Мн., 1999; *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сёння. Мн., 1993.
- ²⁰ 1941 год: Трагічнае і героічнае: Тэзісы міжрэспубліканскай навуковай канферэнцыі, прысвячонай 50-летию начала Великой Отечественной войны. 19–21 июня 1991 г. Мн., 1991; Беларусь у годы Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю Перамогі (Мінск, 26–27 красавцаў 1995 г.). Мн., 1995; Трагедия войны. Фронт и плен: Сб. материалов науч. конференции, посвященной 50-летию окончания Второй мировой войны, 4–8 июня 1995. Мн., 1995.
- ²¹ Тэзісы чацвёртай навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў: «Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 – ліпень 1944 гг.)» 6–7 кастрычніка 1994 г. Гродна. 1994; Армія Краёва: военныя, палітычныя і правыя аспекты на Беларусі (матэрыялы навуковай канферэнцыі, Мінск 14 апреля 1996). Мн., 1996; *Ермолович В.И., Жумаръ С.П.* Огнем и мечом. Мн., 1994; *Сямашка Я.* Армія Краёва на Беларусі. Мн., 1994.
- ²² *Туронак Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мн., 1993.

ВКЛАД НАРОДА УКРАИНЫ В ПОБЕДУ НАД ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

*А.Е. Лысенко**

(Украина)

Не только для живых носителей памяти о войне, но и для многих последующих поколений и их потомков война останется наиболее яркой и трагической вспышкой варварства и благородства, подлости и героизма, тщеславия и самоотверженности. Не случайно же и сегодня людям, которые никогда не видели взрывов бомб и не слышали стрельбы, снится война. Кажется, что все это вошло в подсознание, генетическую память народов, переживших самый страшный из 14 тысяч военных конфликтов, имевших место на Земле.

Вторая мировая война напоминает о себе не только на бытовом уровне. Страны, участвовавшие в ней и особенно пережившие оккупацию агрессоров, до сих пор испытывают влияние ее последствий в политической, экономической, социокультурной сферах. Их преодоление непосредственно связано с историческими знаниями о причинах, ходе и результатах войны. И в этом смысле фундаментальная наука выходит за рамки сугубо теоретических кабинетных построений и имеет прямой выход на практику. Современная цивилизация, балансирующая на грани не только локальных, но и более масштабных военных конфликтов, не может абстрагироваться от опыта Второй мировой войны, не использовать ее уроки и предостережения. На геополитическом уровне прошлая война является как бы краеугольным камнем нового типа межгосударственных отношений, призванного устранить постоянную угрозу войн, решения конфликтов военными средствами.

Вторая мировая война показала, как хрупок мир, как он тесен, как взаимосвязаны и взаимозависимы народы, населяющие планету. Естественно, что каждый народ вынес из войны свой исторический опыт. Но есть много общего в судьбах народов, входивших в состав СССР в период войны. В тот период – это общее горе, страдания, героизм и трудовая доблесть, теперь – стремление во что бы то ни стало преодолеть невзгоды и жить лучше, не потерять свое историческое лицо.

* Лысенко Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Украины НАН Украины.

Сейчас государства, расположенные на постсоветском пространстве, переживают (хотя и в разной степени) сложные времена. В этой ситуации закономерным является активизация общественного сознания, актуализация исторического знания, обращение к своему прошлому в поисках ответов на животрепещущие вопросы современности. И это не праздный интерес. Обращение к судьбоносным страницам собственной истории позволяет сохранить и укрепить в обществе ощущение и сознание самодостаточности, национально-государственных ценностей. Одновременно это является ответом на вызов времени. Нынешний миропорядок требует от вновь образовавшихся государств значительных усилий, чтобы занять подобающее место в мировом сообществе. И значение исторического знания при этом поистине огромно. Думаю, никто не станет отрицать, что историография, как отрасль фундаментальной науки, должна быть свободна от политической конъюнктуры. Но так же неоспоримо и то, что во многих случаях результаты исторических исследований становятся вескими аргументами в идеологической полемике. Это – специфическая данность истории как науки.

Нам представляется весьма многообещающим историософское осмысление современного процесса идеологического противостояния в мире. Одним из его проявлений является апологетика силы и «права сильного», перекочевавшего из времен «холодной войны». При этом определенные силы преднамеренно фальсифицируют и события прошлого, стремясь закрепить за постсоветскими государствами роль вторичных, а то и третьесортных государств. Преднамеренно искажая факты, они отрицают решающую роль Советского Союза в победе над нацизмом и фашизмом. С серьезной наукой эти спекуляции не имеют ничего общего. Но это не избавляет ученых от необходимости надлежащим способом реагировать на откровенную фальсификацию истории.

Именно эту цель преследует представленный Вашему вниманию доклад. Меньше всего хотелось, чтобы он воспринимался как попытка утвердить исключительную роль Украины во Второй мировой войне. Наша цель состоит в том, чтобы выяснить место Украины в военном противостоянии, раскрыть трагическую драматургию, показать вклад ее народа в общее дело победы над гитлеризмом.

О том, что Украина занимала в планах третьего рейха особое место, свидетельствует книга одного из главных специалистов по «восточному вопросу» А. Розенберга с красноречивым названием «Украина – узел мировой политики». И хотя Гитлер и его ближайшее окружение избрали более жесткую линию, чем министр «восточных территорий», в принципе, речь шла о том же, – макси-

мальном использовании экономического потенциала, человеческих ресурсов, географического положения Украины для реализации военно-политической стратегии нацистского руководства.

В 1940 г. в УССР добыто 83,8 млн тонн угля, 20,2 млн тонн железной руды, выработано 12,4 млрд квт-часов электроэнергии, произведено 9,6 млн тонн чугуна, 8,9 млн тонн стали, 6,5 млн тонн проката¹. Валовой сбор зерна составил 26,4 млн тонн. В совхозах, колхозах и подсобных хозяйствах крестьян насчитывалось 7,2 млн голов крупного рогатого скота. В начале 1941 г. государственные запасы продуктов питания и фуража определялись в 6,2 млн тонн, что позволяло обеспечить полугодовые потребности советских вооруженных сил на случай войны². К этому времени в Украинской ССР проживал 41 млн человек. Быстрое овладение этими ресурсами не только позволяло резко увеличить военно-экономические возможности Германии, но и открыть путь к кавказской нефти, а затем – к Азии.

С первых дней агрессии гитлеровцев против СССР Украина попала в эпицентр противостояния двух военных машин, в котором решались судьбы мира. В течение короткого времени осуществлена эвакуация вглубь страны 550 крупнейших промышленных предприятий, имущества государственных учреждений, совхозов, колхозов, МТС, Академии наук, около 70 вузов, 40 театров, 3,5 млн человек. Это помогло в сжатые сроки создать по сути новый военно-промышленный комплекс в восточных районах Советского Союза.

Одновременно около 3,5 млн граждан Украины встали в ряды Красной Армии, народного ополчения. Сотни тысяч рабочих, крестьян, представителей интеллигенции работали на строительстве оборонительных сооружений, помогали в эвакуации и уходе за ранеными советскими воинами в госпиталях.

На территории республики возникло движение сопротивления захватчикам. Более 200 тыс. подпольщиков и партизан действовали в тылу оккупантов, нанеся им существенный урон в живой силе, технике, военном имуществе, мешая осуществлению планомерного грабежа и террора мирных жителей. Многие из них отмечены высшими наградами Советского Союза и других государств.

Оккупация принесла народу Украины неисчислимые страдания. Более 2,4 млн украинских граждан стали «остарбайтерами» – подневольной рабочей силой для поддержания военно-экономического потенциала Третьего рейха. Это составило 48% от общего количества людей, вывезенных с территории СССР в Германию³. Мощная пропагандистская кампания, развернутая на территории Генерального Губернаторства и Рейхскомиссариата «Украина»,

на первых порах принесла определенные результаты. Только из «дистрикта Галиция» добровольно уехали работать в Германию около 300 тыс. человек. Значительное количество жителей городов центральной и восточной Украины также поддавалось агитации немецких эмиссаров ведомства Ф. Заукеля – «Имперского бюро по использованию рабочей силы». Но вскоре этот поток иссяк, и оккупанты начали настоящую охоту на людей. С помощью облав гитлеровцы захватывали целые семьи, включая несовершеннолетних детей, и отправляли их товарными эшелонами на запад. Каторжный труд, нечеловеческие условия содержания, изощренные наказания стали причиной массовой гибели и травматизма «рабов XX века». А те, кто выжил и возвратился на родину, через всю жизнь пронесли боль нечеловеческих страданий и унижений. Сегодня же некоторые западные политики пытаются выторговать меньшую цену на переговорах о компенсациях бывшим «остарбайтерам». Вероятно, они плохо знают о том, что в отличие от французских, бельгийских, голландских и других западноевропейских «коллег», советские «остарбайтеры» не получали поддержки по линии Красного Креста и международных благотворительных организаций. Впрочем, нужно отметить, что германские власти позволили украинским общественным организациям Генерального Губернаторства (под эгидой Украинского Центрального Комитета во главе с В. Кубиёвичем) материально и морально поддерживать своих собратьев. Но говорить о сколь-нибудь ощутимой эффективности акций солидарности не приходится: уж слишком незавидным было положение тех, кто остался на оккупированной родине.

Немецкая администрация опутала население сетью податей и повинностей, обрекая даже сельскую его часть на полуголодное, нищенское существование. А во многих городах Украины тысячи людей умирали от недоедания, антисанитарии, отсутствия квалифицированной медицинской помощи. Только в Харькове от голода умерло 120 тыс. человек.

Количество городского населения уменьшилось с 8 млн 446 тыс. в 1941 г. до 3 млн 208 тыс. человек в 1944 г., то есть, на 38%⁴. Касаясь вопроса о потерях народа Украины в войне и ущербе, причиненного оккупантами, необходимо подчеркнуть, что они явились следствием тщательно разработанной стратегии превращения ее в промышленно-сырьевой придаток рейха с ограниченным по-арийски национальным составом и количеством населения. При этом целые народы обрекались на небытие. В результате Холокоста было уничтожено около 2 млн евреев, проживавших на территории Украины. В Галиции осталось всего 2% еврейского населения, проживавшего здесь до войны. Следует признать, что нацистский пропагандистский жупел «иудо-большевиз-

ма» срабатывал в отношении определенной части населения, особенно в Западной Украине. Используя межнациональные противоречия, исторически сложившиеся в регионе, оккупационные власти всячески провоцировали юдофобию, создавая благоприятный фон для массовых убийств на расовой почве. Вместе с тем на Украине оказалось очень много известных и неизвестных «праведников мира», спасавших евреев от смерти. Так переплелись в войне ксенофобия и христианская любовь к ближнему, стоящая выше соображений личной безопасности и благополучия.

А между тем, и славянам арийские теоретики и практики уготовили подобную участь. Один из высших чинов СС Бах-Зелевский во главу угла борьбы с партизанами ставил уничтожение 30 млн славян. В том, что это были не пустые слова, убеждает пепел 250 сожженных сел Украины, почти такое же количество концлагерей, гетто, тюрем, транспортных и переселенческих лагерей, перемоловших миллионы жизней.

Вот только несколько эпизодов страшной трагедии, разыгравшейся на украинской земле. В Яновском лагере и лагере «Цитадель» во Львове нацисты уничтожили около 200 тыс. человек, 195 тыс. наших соотечественников нашли смерть в Киеве, из них, по разным оценкам, от 50 до более 100 тыс. в урочище Бабий Яр. На окраинах Ровно гитлеровцами истреблено 102 тыс. человек.

Некрополь Украины насчитывает тысячи безымянных могил, 250 массовых захоронений, ставших интернациональными братскими могилами для мирных жителей и солдат, представителей всех народов Советского Союза. Всего за годы войны погибло 4 013 439 мирных жителей Украины⁵.

Высока доля граждан Украины в боевых потерях советских вооруженных сил. Отдавая дань ученым разных стран, касавшимся этого вопроса, мы в то же время вынуждены признать, что практически все они далеки от реальных цифр. В одном уважаемом нами издании говорится, что в составе Красной Армии и Военно-Морского флота погибло 1 млн 376 тыс. 500 украинцев, что составляет 15,9% общих безвозвратных потерь⁶. Сложно сказать, имеются в виду украинцы по национальности или же все, кто призывался с территории Украинской ССР. Как бы там ни было, эта цифра не отражает действительности. Усилиями сотен тысяч следопытов, архивистов, ученых, учителей, ветеранов, работавших в течение более десяти лет под руководством Главной редколлегии историческо-мемориального сериала «Книга Памяти Украины», установлены имена и краткие биографические данные более 6 млн жителей республики, погибших в годы войны. Они вписаны в областные «Книги Памяти», насчитывающие на сегодня почти 260 томов.

Но работа по выявлению погибших в этот период продолжается, и цифра постоянно растет. По некоторым оценкам сейчас она составляет 8,5 млн человек, из которых около 4,5 млн составляют мирные жители и около 4,1 млн – воины различных вооруженных формирований⁷. В это число вошли не менее 100 тыс. членов ОУН и бойцов УПА, а также солдаты и офицеры, воевавшие в составе частей вермахта и СС, охранных, обслуживающих, транспортных подразделений, местной полиции, советских партизанских отрядах, подпольных организациях, диверсионных группах и т.п.

Признавая приоритет российских ученых в исследовании проблемы военных потерь в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны, мы пытаемся установить долю наших сограждан в этом скорбном списке. Если говорить о погибших красноармейцах, то здесь доля Украины меньше, чем их пропорция в общем количестве попавших в немецкий плен. Дело в том, что до ноября 1941 г. в соответствии с особым распоряжением германского руководства, от 600 до 900 тыс. украинцев было отпущено из плена домой. Большую их часть составляли жители Западной Украины и Правобережья. И все же по самым сдержанным оценкам от рук гитлеровцев погибло около 500 тыс. военнопленных, мобилизованных в Красную армию с территории Украины⁸.

Всего же к окончанию Второй мировой войны безвозвратные потери Украины оцениваются в 10 млн человеческих жизней, а демографические – в 13,6 млн. Если на 1 января 1941 г. население республики составляло 40 млн 967 чел., то в январе 1945 г. – 27 млн 383 тыс. человек⁹.

Демографические, социальные, психологические и другие последствия войны на Украине ощущаются и донныне. Изменение полового состава населения в сторону резкого уменьшения мужской его части минимизировало репродуктивную способность общества. В конце 1944 г. на территории УССР насчитывалось 125 тыс. детей-сирот (21 тыс. из них – беспризорных)¹⁰. Среди сотен тысяч физически искалеченных войной 16,3% составляли инвалиды-ампутанты¹¹.

Неполные семьи затрудняли или же делали вовсе невозможной передачу ментальных, производственных, социокультурных традиций детям. Необходимость широкого использования женского труда вследствие нехватки мужской рабочей силы отрицательно сказались на семейном воспитании.

Морально-психологические последствия войны также следует считать чрезвычайно тяжелыми, хотя их внешние проявления не столь заметны. И хотя многие из них универсальны и типичны

для всех народов, в Украине имеются свои особенности. Связаны они, на наш взгляд, прежде всего с двумя проблемами.

Первая касается коллаборации. Исследование этой темы находится в начальной стадии и в теоретическом и в конкретно-историческом аспектах, хотя некоторые наработки уже есть.

Важно не столько выяснить количество лиц, сотрудничавших с оккупантами, сколько понять причины коллаборационизма, механизма использования захватчиками т. н. «пятой колонны», дифференцировать различные группы населения по степени вовлечения в мероприятия и акции оккупационных властей и военного командования. Ведь совершенно понятно, что крестьянин, поставлявший предписанный немцами сельскохозяйственный контингент, и служащий полиции, принимавший участие в экзекуциях над своими соплеменниками, – это далеко не одно и то же. Следует также помнить, что население западноукраинских земель, вошедших в состав Советского Союза в 1939–1940 гг., в значительной части по своему мировоззрению сильно отличалось от остальных жителей Украины. Под влиянием ориентировавшихся на Германию сил, оно сознательно шло на сотрудничество с немецкими властями.

Кстати, оккупационный режим в «дистрикте Галиция» был несколько мягче, чем в рейхскомиссариате «Украина», как раз вследствие большей лояльности местного населения.

Когда германское командование разрешило формирование национального соединения, в июне 1943 г. было зарегистрировано 80 тыс. добровольцев, видевших в нем зарождающуюся армию будущего Украинского государства¹². Для службы в дивизии СС «Галиция» было отобрано 20 тыс. человек¹³. Но у руководства Германии были свои планы относительно использования этого соединения: в июле 1944 г. дивизию дислоцировали под Бродами и она была почти полностью разгромлена советскими войсками, потеряв половину своего состава (7 тыс. человек)¹⁴.

Сотни тысяч украинцев находились в т.н. Украинском освободительном войске, различных добровольческих, казачьих формированиях, вспомогательных подразделениях «Люфтваффе», охранных частях. Почти 200 тыс. человек служили в местной полиции¹⁵.

Масштабы коллаборации, ее характер требуют тщательного изучения. Идеологизированными формулами здесь не обойтись.

То же касается и вопроса о роли в войне Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. В советской историографии его трактовка была однозначно негативной. Начало 90-х годов в Украине отмечено всплеском публикаций на эту тему. Вокруг этой проблематики возникло напряженное идеологическое и эмоциональное поле. Диалектические противоречия, заложенные в данную тематическую нишу, определяют, с

одной стороны, трудности в ее исследовании, а с другой – поляризацию политизированной части украинского общества. Требуется выверенный методологический подход, отточенный научный инструментарий, чтобы дать объективную оценку этому феномену. Ведь если ОУН (Мельника) открыто сотрудничала с оккупантами, то ОУН (Бандеры) уже с лета 1941 г. переориентируется на борьбу на два фронта: против большевизма и против нацизма. Отправной точкой стал отказ Берлина признать Акт 30 июня 1941 г. о провозглашении Украинской державы и аресты членов Провода ОУН (Б). Если быть до конца точным, то нужно отметить, что на самом деле векторов противостояния было больше. Руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», оккупанты провоцировали украинско-польский конфликт в западноукраинском регионе, активным участником которой стала ОУН. Кроме того, в годы войны углубился раскол между двумя фракциями ОУН, который принял формы террора.

Указанные факторы являются катализатором острых дискуссий в современном украинском обществе, своеобразным камнем преткновения на пути его консолидации. Вопрос этот далеко не общетеоретический, он выводит в политическую и социально-экономическую плоскость, поскольку стоит вопрос о придании статуса ветеранов войны тем, кто в рядах УПА воевал против гитлеровцев. Ясно, что без дифференцированного, взвешенного подхода, скрупулезной оценки ученых здесь не обойтись.

Возвращаясь к основной теме доклада, хотелось бы подчеркнуть, что судьбу войны, что бы там ни говорили некоторые публицисты и недобросовестные историки, решали миллионы воинов Красной Армии. И то, что соединения четырех Украинских фронтов в 1943–1945 гг. на 50–80% состояли из призывников Украины, только подкрепляет это утверждение. Всего за годы войны красноармейскую шинель одевали около 7 млн наших сограждан (раньше считалось, что эта цифра составляла 4,5 млн человек). Половина этого числа мобилизована в период освобождения территории УССР.

Уроженцы Украины составляли заметную часть высшего командного состава Вооруженных сил СССР. Во время войны и послевоенный период маршалами Советского Союза стали П.К. Кошевой, И.Н. Кожедуб, А.И. Еременко, Р.Я. Малиновский, К.С. Москаленко, П.С. Рыбалко, С.И. Руденко, В.А. Судец, С.К. Тимошенко. Среди генералов и адмиралов военного времени – около 300 представителей Украины. Маршалы и генералы украинского происхождения возглавляли более половины из 15 фронтов Великой Отечественной войны.

Граждане Украины воевали на разных направлениях, 20 из них удостоены звания Героя Советского Союза в битве под Моск-

вой, 68 – в боях под Ленинградом, 15 – в Сталинградской битве, 30 – на Курской дуге, 200 – за освобождение Белоруссии, 143 – в Прибалтике, причем 7 человек получили здесь свою вторую высшую награду. Сотни героев принимали участие в боях за освобождение Румынии, Польши, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Австрии; 100 кавалеров «Золотой звезды» из Украины получили эту высшую награду в битве за Берлин.

Всего же высшего воинского отличия удостоены более 2 тыс. наших земляков, 32 – стали дважды Героями, а прославленный ас И.Н. Кожедуб – трижды Героем Советского Союза. В то же время, мы помним о том, что Украину освобождали от нацистского ига представители 130 национальностей Советского Союза. Более 2600 человек из них стали Героями в боях за Украину.

Без этого братства по оружию не было бы Победы.

Без совместных усилий невозможно было бы поднять Украину из пепла в тяжелый послевоенный период. Помнить об этом – долг каждого порядочного человека.

Долг же каждого историка – писать и говорить правду о войне, какой бы горькой она ни была. Только так наука может осуществлять свою социальную, общественную функцию.

¹ Історія України: нове бачення. – У двох томах. К., 1996. Т. 2. С. 282.

² Історія Української РСР. У восьми томах, десяти книгах. К., 1977. Т.6. С. 456.

³ Коваль М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К.: Альтернативи, 1999. С. 183.

⁴ Марзеев А.Н. Санитарные последствия и разрушения городов Украины в период войны и оккупации 1941–1945 гг. // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. М., 1947. С. 126.

⁵ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. К., 1975. Т. 3. С. 153.

⁶ Памяти павших. Великая Отечественная война. 1941–1965. М., 1995. С. 86.

⁷ Безсмертя. Книга Пам'яті України. К., 2000. С. 561.

⁸ Там же. С. 559.

⁹ Перковський А., Пирожков С. Демографічні втрати народонаселення Української РСР у 40-х рр. // Український історичний журнал. 1990. № 2. С. 17.

¹⁰ Коваль М.В. Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны. К., 1977. С. 131.

¹¹ Кононенко М.Ф. Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации: Труды второй конференции / 17–19 дек. 1946 г. Т. 2. М., 1948. С. 87.

¹² Верига В. Дорогами Другої світової війни. Торонто. 1981. С. 57.

¹³ Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. 1993. № 9. С. 65.

¹⁴ Броди: Збірник статей і нарисів. Мюнхен, 1951. С. 99–101.

¹⁵ Коваль М.В. Україна у Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах. С. 235.

МЕНТАЛИТЕТ НАРОДОВ РОССИИ В ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ

*В.Ф. Зима**

(Москва)

Вторая мировая война и важнейшая ее часть – Великая Отечественная имеют богатейшее историографическое наследие. Однако ее изучение по-прежнему актуально. Новые подходы и методы дают возможность современному исследователю с иной точки зрения рассмотреть все опубликованные труды предшественников, новые архивные документы и мемуары участников войны.

Внимание историков все больше привлекают духовные источники и роль человеческого фактора в Победе. Они чаще обращают внимание на «...потаенный слой образов и представлений, который может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти... когда одна идеология сменяет другую»¹.

Менталитет народов России в войне – неизученная проблема. На Западе по исторической антропологии, в центре внимания которой был человек прошлого, написано много работ. В русле данного научного направления исследовался менталитет. Начало было положено французской школой «Анналов». Труды основателей школы М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя были переведены и издавались в нашей стране. В последнее десятилетие в России были переведены и изданы книги их последователей: Ф. Арьеса, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа и других известных авторов. В них изучение менталитета – одна из главных тем. При этом они не ограничиваются рамками средневековья, а логически выходят на современность.

Идеи синтеза всех направлений человеческой деятельности, приведенные в трудах историков-антропологов, использованы нами для определения понятия «менталитет» применительно к новейшему времени. В нашем представлении менталитет – это национальный характер, отражающий духовный мир человека. Возраст зрелого менталитета исчисляется веками. Составные части менталитета – ментальности соответствуют хозяйственной, бытовой, культурной и религиозной активности людей. Скрытые заботами повседневности, ментальности чаще раскрываются в экстремальных ситуациях, во время тяжелых испытаний как для

* Зима Вениамин Федорович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

индивида, так и общества в целом. В судьбоносные времена менталитет способен играть ведущую роль.

Неоспорим решающий вклад Советского Союза в победу над фашистской Германией во Второй мировой войне. СССР на своих плечах вынес основную тяжесть самой кровопролитной войны всех времен и народов. Никакая другая страна в мире не смогла бы осилить подобное испытание. Объяснение этому феномену французский историк Фернан Бродель нашел в людях, населяющих «громадное тело России». «Речь всегда шла, – пишет он, – о населении, привыкшем к лишениям, к существованию в трудных условиях. Поистине лучший пример тому – образец русского солдата...»²

Важную роль в победе сыграл независимый по характеру менталитет народа. Советский Союз выиграл грандиозную битву благодаря своему человеческому фактору, проявившему необыкновенную стойкость как на фронте, так и в тылу.

Война была тяжелейшим испытанием ментальностей народов СССР. Гитлеровская Германия оккупировала экономически развитую западную часть Российской Федерации. Под пятой врага оказались Белоруссия, Украина и др. республики. Оккупационный порядок сопровождался геноцидом. От расстрелов, бомбежек и голода погибло около 6 млн человек мирного населения, из них от Холокоста – примерно 2 миллиона евреев³. По подсчетам Ицхака Арада на временно оккупированной территории СССР оказалось примерно 2,75–2,9 млн евреев, поэтому он считает, что их погибло от рук нацистов значительно больше⁴.

Зверства немцев и предателей вызвали волну антифашистского движения и партизанскую войну. В этом проявилась традиционная ментальность, не позволившая покориться оккупантам.

С момента нападения Германии на СССР стала по-иному складываться расстановка сил в мире. Англия, с осени 1939 г. пережившая немецкую блокаду, бомбардировки и нарастающую опасность военного вторжения германских войск, 22 июня 1941 г. заявила, что выступает на стороне СССР и призвала США оказать Красной Армии всемерную материально-техническую помощь в борьбе с гитлеровскими агрессорами.

Примером успешного соприкосновения различных менталитетов – американского, английского и российского было создание антигитлеровской коалиции и совместное участие граждан СССР, США и Англии в реализации ленд-лизинговой программы. Военное и экономическое сотрудничество между этими странами, общение глав правительств, чиновников, а главное, взаимоотношения десятков тысяч граждан, связанных между собой общностью целей и задач, выявило не только сильные стороны боевого со-

дружества, но и черты адаптационной несовместимости, связанные прежде всего с различием двух политических систем, восточного и западного менталитетов.

В самый ответственный момент, когда Советский Союз, отбивая натиск врага, испытывал острый недостаток в военной технике, обмундировании и продуктах питания, в нарастающих размерах поступала американская помощь. Советское Правительство давало заявки на самое необходимое. Первые грузы стали прибывать в СССР летом 1941 г., поэтому подписание Протоколов осуществлялось со значительным опозданием. За период действия ленд-лиза для СССР было отгружено товаров и оказано услуг всего на сумму 10 млрд 066 млн амер. долларов⁵.

По примерным подсчетам в 1941–1945 гг. наши сухопутные войска получили: самолетов – 16 тыс., танков – 12 тыс., грузовиков – 400 тыс., тягачей и тракторов – 367 тыс. и др. В распоряжение советского Военно-Морского флота поступили: 8 эсминцев, 31 минный тральщик, 40 морских охотников за подводными лодками и др. Ежегодно в СССР поставлялись пушки и зенитки, крупнокалиберные пулеметы и боекомплекты к ним, взрывчатка. Для обеспечения войск присылались взлетно-посадочные полосы для аэродромов, наземные, авиационные и морские радиолокаторы, полевая радиосвязь. Железнодорожные и саперные части Красной Армии получили необходимые локомотивы (2350 единиц), вагоны, рельсы, понтоны и грузовики-амфибии⁶.

Оружие и техника США, а также частично Англии и Канады, конечно, только дополняли отечественные, которые на полную мощность стали производить заводы на 2–3-м этапах войны. Бойцы и командиры Красной Армии хорошо отзывались об американских грузовиках и тягачах. Летчики были довольны некоторыми типами самолетов. Американскую тушенку в шутку называли «вторым фронтом». Все это имело большое значение для подготовки отпора врагу.

В ходе войны ленд-лиз трансформировался в систему взаимопомощи вооружением, стратегическими материалами и согласованным ведением боевых операций. То, чего не доставало одному из членов антигитлеровской коалиции, ему срочно предоставляли другие. США и Англия получали из СССР ценное сырье, которое значительно помогло им в производстве новых видов оружия.

С 1941 по 1944 гг. грандиозная и самая кровопролитная битва происходила на Восточном, т.е. русском фронте протяженностью от Баренцева до Черного моря. Выдержать вероломный натиск и отразить нашествие мог лишь народ, имеющий глубокие исторические корни, духовные и физические силы, веру в справедливость своей борьбы. Многонациональное содружество

народов СССР, объединенное вокруг России, сыграло важную роль в Победе.

Состояние духа советских военнослужащих сильно влияло на исход боевых операций. Исключение составляет начальный этап войны, когда патриотическая ментальность не была задействована. В силу традиционного склада менталитета нашего народа, ему импонировал решительный лидер. В критический для страны момент И.В. Сталин сосредоточил в своих руках 5 важнейших государственных и политических постов, что обеспечивало единство политического, экономического и военного руководства. Не имея военного образования, Сталин приблизил к себе наиболее способных военачальников. После неудачных попыток лично командовать Красной Армией, он передал значительную часть полномочий специалистам. Из десяти сталинских маршалов, командующих фронтами, семеро участвовали в Первой мировой войне и еще тогда получили первые офицерские звания. Большинство из них были крестьянского и рабочего происхождения. Простонародная ментальность объединяла их с подчиненными.

На фронте во взаимоотношениях военнослужащих разных поколений, национальностей и вероисповеданий объединяющим фактором являлась главная задача – изгнание захватчиков. В войну человек намного острее переживал все, что с ним происходило. В короткий срок его мозг и весь организм совершали такую работу, которой хватило бы на всю жизнь. Переход сознательного в подсознание (в потаенный слой менталитета) осуществлялся намного интенсивнее, чем в мирной жизни. Внутренне и даже внешне человек сильно изменялся.

На передовой образованных военных очень не хватало. Исход войны решало не только кадровое офицерство, состоявшее после предвоенных чисток более чем наполовину из бывших сверхсрочников, но и пришедшие на командные должности так называемые командиры запаса – люди от станка и плуга: инженеры, агрономы, учителя, заводские рабочие и колхозные механизаторы.

Фронтовой быт наших военнослужащих был тесно связан с их менталитетом. Солдат думал о доме, мечтал о встрече с родными. Об этом свидетельствует огромное эпистолярное наследие. Можно сказать, что почтовая связь вершила судьбы людей. Таким путем как-то компенсировался недостаток общения бойцов со своими семьями. Духовная «пища» на фронте была незаменима. Задушевная песня, чтение книги вслух скрашивали убогий солдатский быт. В редкие минуты отдыха военнослужащие сами сочиняли стихи, частушки. Выручало устное творчество – зеркало менталитета⁷.

В этой войне Советский Союз потерял человеческих жизней в несколько раз больше, чем все участвовавшие в ней страны –

более 26 млн своих граждан. По данным Генерального штаба Министерства Обороны России, определенным в начале 90-х годов, в войну погибло 8 млн 668,4 тыс. военнослужащих⁸. Выходит, что гражданских лиц погибло в 2 с лишним раза больше. Такого быть не могло потому, что Правительство СССР проводило скрытые мобилизации. В Красной Армии в 1941–1945 гг. ежегодно служило не 9–11 млн военнослужащих, как считалось раньше, а не менее 14–16 млн. Недоучет погибших был большой за счет без вести пропавших и тяжело раненых, умерших в госпиталях тыла и дома, как во время войны, так и вскоре после нее. Наше предположение подтверждается данными Научно-исследовательского центра «Судьба» Музея Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в г. Москве. Сотрудники центра несколько лет ведут учет погибших и пропавших без вести в 1941–1945 гг. военнослужащих. На начало 2000 г. у них насчитывалось 19 млн человек безвозвратных боевых потерь. Военные из Генерального Штаба Минобороны России считают эту цифру сильно завышенной из-за повторов в учете и проч., хотя контраргументов у них нет.

По прямым архивным данным, обнаруженным в московских спецхранах после Указа Президента России от 23 июня 1992 г. о рассекречивании документов, видно, что перед войной в 1941 г. общая численность населения Союза ССР составляла 196 млн человек, а после нее в 1946 г. – 170 млн. Получается, что убыль равна 26 млн человек (13,2% довоенной численности населения). В том числе в России из 110 млн человек довоенного населения осталось 96 млн, т.е. убыль – 14 млн человек (12,7%); в Украине из 40 млн человек осталось 35 млн, т.е. убыль – 5 млн (12,5%); в Белоруссии из 10 млн человек осталось 7,5 млн, т.е. убыль – 2,5 млн человек (25%). Сумма потерь трех крупнейших союзных республик составляла 21,5 млн человек, т.е. 82,6% от общесоюзной численности людских потерь⁹. По мнению зарубежных авторов общие потери населения СССР следует уточнить, т.к. из присоединенных к СССР в 1939–1940 и 1944–1945 гг. территорий часть людей успела уйти на Запад¹⁰.

Менталитет народов России проявил свою стойкость в том, что люди нашего тыла пошли на немыслимые лишения и ограничения ради всемерной поддержки своих воюющих армий. Победа стала возможной благодаря тому, что миллионы граждан в тылу ежедневно и бесперебойно в течение четырех лет обеспечивали всем необходимым сражающихся воинов Красной Армии. Тяжелые условия труда и быта в городе и деревне, сопровождавшиеся голодом людей, оказывали отрицательное влияние на менталитет.

По рассекреченным данным партийных и государственных архивов видно, что с каждым годом войны в городах материаль-

ное положение людей ухудшалось. В Москве трудности обеспечения хлебом имели место зимой и весной 1942 г. В начале следующего 1943 г. положение обострилось. На протяжении ряда месяцев, в связи с недостаточным отпуском сортовой муки, продажа хлеба населению обеспечивалась только в размере 50% пшеничного и 50% ржаного.

Блокадное кольцо вокруг Ленинграда сделало невозможным доставку продовольствия по суше и воде. Окруженные войска и около 3 млн жителей начали испытывать недостаток продуктов питания осенью 1941 г. После пожара на Бадаевских продовольственных складах запасы муки и сахара в городе сократились. Правительство СССР принимало меры к предотвращению массового голода в Ленинграде. Совершенно секретное постановление ГКО № 871 устанавливало план переброски по воздуху не менее 200 т продовольствия в день из Москвы, Череповца и Вологды. Из-за неподачи самолетов план не выполнялся. С 10 по 12 ноября было отправлено только 107 т вместо 600 т жизненно важных грузов, тогда как минимальный ежедневный завоз одного продовольствия для г. Ленинграда составлял 5000 т, т.е. в 8 раз больше¹¹.

В сложнейших ситуациях спасала российская ментальность, проявившаяся в находчивости. В конце ноября 1941 г. начались перевозки продовольствия и грузов для Ленинградского фронта и населения г. Ленинграда по военно-ледовой дороге через Ладожское озеро. Продвижение транспортов с продовольствием по железной дороге к озеру было затруднено из-за недостатка топлива для паровозов, отсутствия подвижного состава и медленной погрузки продтоваров в вагоны. По распоряжению Наркома путей сообщения СССР Л.М. Кагановича продовольственные эшелоны, предназначенные для армий Ленинградского фронта, должны были продвигаться вне очереди, но и они сутками простаивали на участках железнодорожных станций Рыбинск–Ярославль, Данилов–Вологда, Буй–Данилов и в самом г. Вологда. Не только население г. Ленинграда, но и войска Ленинградского фронта переживали чрезвычайно напряженное положение с продовольствием. Численность бойцов, умерших от истощения, увеличивалась¹².

Ленинградское руководство призвало виднейших ученых к разработке заменителей продуктов питания. В кратчайший срок было освоено производство пищевой продукции из сырья, ранее не применявшегося в пищевой промышленности. Когда запасы данного сырья были исчерпаны, секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) А. Жданов обратился к заместителю Председателя СНК СССР А. Микояну с письменной просьбой дать указание об отгрузке в Ленинград 100 т альбумина (белка, по-

лученного из крови) для выработки растительно-кровяной колбасы, 100 т казеина для выработки желе, студня и др., 35 т толуола для выработки сахарина. Он пояснил, что с применением различных наполнителей такое количество указанного сырья даст возможность получить 500 т растительно-кровяных колбас, 2250 т – плавленого сыра, сырников, 4000 т – фруктового желе, студня, 10 т – сахарина¹³.

Весной 1942 г. стали налаживать водное сообщение с Ленинградом по Ладожскому озеру. Речной флот был не готов к крупномасштабным операциям, т.к. располагал всего 8-ю баржами средней грузоподъемностью по 500 т каждая. Постройкой новых заниматься не было времени. И в данном случае надежды были обращены к народному умению и смекалке. В примыкающих к озеру населенных пунктах решено было построить простейшего типа деревянные баржи, чтобы иметь дополнительный тоннаж в 17–18 тыс. т.¹⁴.

Решение Правительства СССР (ноябрь 1943 г.) об экономии в расходовании хлеба, т.е. о снижении норм продажи по карточкам было для ленинградцев громом среди ясного неба. В ответ в Кремле получили ответную телефонограмму от руководства окруженного города. В ней напоминалось, что жители Ленинграда продолжительное время получали хлеб по сверхпониженным нормам. Власти северной столицы просили заместителя Председателя СНК СССР В.М. Молотова сохранить для ленинградцев существовавшие нормы отпуска хлеба. Эта просьба была удовлетворена постановлением союзного правительства № 1303-398 от 22 ноября того же года¹⁵.

Несмотря на секретность, героизм и страдания тружеников и воинов блокадного Ленинграда, голод и горе, пережитые ими, стали известны всей стране. Ленинградцам сочувствовали, за них переживали, им помогали все, кто чем мог. Ленинградская эпопея была символом терпения и взаимной поддержки, она оказала сильнейшее моральное воздействие на всех граждан СССР. Люди, вырвавшиеся из блокадной петли, считали своим долгом рассказать о подвиге жителей осажденного города. Жива и поныне особая великомученическая ленинградская ментальность, которая передается из поколения в поколение.

Засуха летом 1943 г. в зерновых районах Поволжья вызвала необходимость сокращения плана хлебопоставок. Надежды на временные затруднения в обеспечении народа хлебом не оправдались. Война затягивалась, запросы армии в хлебопродуктах возрастали, освобожденные от врага районы просили помощи. Вынужденной мерой стало постановление СНК СССР № 1263-379с от 15 ноября 1943 г. «Об экономии в расходовании хлеба», подпи-

санное И. Сталиным и Я. Чадаевым. Данным постановлением также временно с 21 ноября 1943 г. в городах и рабочих поселках вводились новые, сниженные относительно прежних в среднем на $\frac{1}{3}$, нормы снабжения хлебом. Государственная экономия хлеба больно ударила по семьям низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, особенно по многодетным семьям военнослужащих, в которых кормильцем оставалась мать. 400 г хлеба в сутки – на взрослого и 300 г – на ребенка – такова была норма в г. Москве. В провинции на 100 г меньше, как взрослому, так и ребенку. Старики-иждивенцы были приравнены к дошкольникам. Райисполкомы получили право устанавливать уменьшенную норму снабжения хлебом рабочих и служащих, проживавших в сельских местностях, а также снимать со снабжения членов их семей в зависимости от обеспеченности их продуктами питания от подсобных хозяйств. Примеси в хлеб ячменя, овса и проса увеличивались от 25 до 40%. Пищевые, торговые и кооперативные организации обязывались обеспечить добавку картофеля взамен крупы при выпечке хлеба. Народному Комиссару заготовок разрешалось ограничить закладку зерна, муки и крупы в государственный и мобилизационный резервы¹⁶.

Эвакуированным, как взрослым, так и детям, норма продажи хлеба была сокращена с 400 до 200 г в день. Вдали от родных мест, не имея ни родственников, ни знакомых, подселенные в чужие дома и квартиры, женщины с малолетними детьми оказались в безвыходном положении. Они не могли поверить, что решение о 50-процентном урезании их и без того мизерного пайка было принято правительством, поэтому во всем винили местное руководство. Секретарь Калининского обкома партии Бойцов, сообщая в ЦК ВКП(б) о реакции населения на введение новых норм продажи хлеба, привел отрывок из коллективного письма эвакуированных женщин, адресованного в обком ВКП(б): «...Мужья у нас на фронте. Местные работники вздумали на наших желудках сэкономить хлеб... У нас последние крошки отобрали, так как мы беззащитные...» Далее секретарь обкома сообщал об отдельных выступлениях коммунистов, характеризовавших недовольство постановлением от 15 ноября 1943 г. Эвакуированная из г. Ленинграда, член ВКП(б) товарищ Ширякова заявила в райторготделе: «В Ленинграде нас голодом морили, а теперь здесь хотят сделать то же»¹⁷.

Зимой 1943/44 г. в советском тылу продовольственная проблема обострилась до крайности. Голод в крупных городах сопровождался участвовавшими случаями каннибализма. По донесению Генерального прокурора СССР К. Горшенина в СНК СССР (В. Молотову) и в ЦК ВКП(б) (Г. Маленкову) факты убийства с

целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерово, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах. Страшные злодеяния творили люди с помутившимся от голода сознанием и совершенно расстроенной психикой.

Невыносимые условия жизни вызвали волну бегства рабочих и служащих с важнейших государственных предприятий истроек. Применение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. о борьбе с дезертирством на оборонных предприятиях не принесло ожидаемых результатов. Рост дезертирства не прекращался. С 1 января 1942 г. по 1 марта 1944 г. в органы прокуратуры поступило 859,3 тыс. дел по обвинению рабочих и служащих в дезертирстве, из них было передано на рассмотрение в военные трибуналы 645,8 тыс. дел, в том числе осуждено 502,9 тыс. человек¹⁸.

Больше других от войны пострадали дети. Они не имели иммунитета к жестоким физическим и моральным испытаниям, их ментальности формировались в неблагоприятных условиях. Многие юные души были смяты навалившейся тяжестью военной суматохи. Бездомные сироты и беспризорники не находили себе прибежища, поскольку с каждым годом войны их число увеличивалось в среднем на миллион человек. К ним примыкали безнадзорные дети, от голода покинувшие свои многодетные семьи и в поисках пропитания, нищенствовавшие и бродяжничавшие по стране.

На первом этапе войны правительству было не до них, а на втором они постоянно напоминали о себе сами. По данным отчета Главного управления милиции, представленного в ЦК ВКП(б), в 1942 г. было задержано более 200 тыс. безнадзорных детей и подростков. С ростом беспризорных увеличивалась детская преступность. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. количество преступлений, совершенных детьми, возросло на 55%¹⁹.

Во главе комиссии по выработке и проведению мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью был назначен заместитель Председателя СНК СССР А.Н. Косыгин. По представлению Наркомата просвещения Совнарком РСФСР принял постановление от 9.V.1943 г. за № 471 «Об улучшении содержания детских домов». Наркомат торговли и здравоохранения РСФСР совместно разработали единые государственные нормы снабжения продовольственным питанием детских домов для детей дошкольного и школьного возраста. В развитие постановления СНК РСФСР от 5.IV.43 г. «О подсобных хозяйствах детских домов» были даны на места конкретные указания о проведении посевной кампании и об организации труда воспитанников детских домов в подсобных хозяйствах, а также в колхозах и совхозах²⁰.

Около 2-х млн человек умерло от голода, холода и болезней в отрезанном немцами Ленинграде, включая тех, кого вывезли, но не смогли спасти на «Большой земле». Примерно 1,5 млн человек стали жертвами снижения жизненного уровня в советском тылу.

Основную часть населения тыла составляли женщины, старики и дети, отличавшиеся особой восприимчивостью к трагическим событиям, связанным с войной. Они прошли тяжелые этапы: тотальную мобилизацию, эвакуацию и реэвакуацию со всеми вытекавшими последствиями. При этом менталитет превозмогал непосильную нагрузку. Отчаяние и уныние преодолевались верой в Победу, надеждой на возвращение отцов и сыновей, на лучшую жизнь. Война оказала сильнейшее воздействие на традиционные черты народного характера, ее последствия отразились в сознании последующих поколений россиян.

Небывалые людские потери оказали сильнейшее воздействие на демографическую ментальность народа, на все стороны жизни послевоенного общества и народного хозяйства. Вследствие войны и голода 1946–1947 гг. образовалась большая диспропорция полов и разница между рождаемостью и смертностью, небывалое падение веса и роста новорожденных²¹.

После войны в нашей стране по официальным данным насчитывалось женщин на 20 с лишним млн больше, чем мужчин. Самое большое численное превышение женщин имело место в России, Украине и Белоруссии. Образовалась многомиллионная группа незамужних женщин. Численность бездетных семей увеличилась, а многодетных сократилась в несколько раз. В России нормализация половозрастной структуры происходила медленнее чем в других республиках СССР. Это сказывалось на взаимоотношениях людей в обществе. Они менялись, оказывая влияние на менталитет всего народа.

Таким образом, важную роль в Победе сыграл менталитет российского народа, уходящий корнями в далекое прошлое. Одна из важнейших ментальных установок – защита Отечества от внешнего врага выдвинулась на первый план и проявилась в героизме на фронте и самоотверженном труде в тылу.

В вооруженной схватке с гитлеровской Германией наш народ не только отстоял свою независимость, но и спас народы Европы и всего мира от фашизма. Война стала для нас суровой школой. Это была крепкая закалка национальных ментальностей. Генетическая память народа впитала колоссальный объем информации, которая еще долго будет перерабатываться и дополнять жизненно важные составные части его менталитета. Опыт, накопленный в трудные военные годы, является ценным достоянием народа.

- ¹ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 11.
- ² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.3. Время мира. М., 1992. С. 464.
- ³ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2217. Л. 7; ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 81. Д. 102. Л. 18, 28, 40, 50; Д. 106. Л. 18–36 об.; Д.134. Л. 16–26.
- ⁴ Арад И. Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Иерусалим, 1990. С. 26–27, 61–62.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 26. Д. 74. Л. 149.
- ⁶ Soviet Supply Protocols. US Government printing office. Washington, 1946. P. 3–10, 19–28, 56–61, 96–105, 125.
- ⁷ См.: Пушкина Л.Н. По дорогам войны. М., 1995. С. 60–65, 76–77.
- ⁸ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 407.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2214. Л. 69; Д. 2641. Л. 51.
- ¹⁰ Elman M., Maksudov S. Soviet Deaths in Great Patriotic War: A Note// Europe-Asia Studies. Vol. 46. № 4. 1994. P. 677.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 33. Д. 8659. Л.1. Л.162.
- ¹² Там же. Л. 43, 55, 133, 149.
- ¹³ Там же. Д. 8395. Л. 33.
- ¹⁴ Там же. Д. 8659. Л. 162.
- ¹⁵ Там же. Оп. 46. Д. 4321. Л. 82–85.
- ¹⁶ Там же. Л. 62–64.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 187. Л. 41–42.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 41. Д. 11. Л. 57.
- ¹⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 46. Д. 3708. Л. 6–7.
- ²⁰ Там же. Л. 69–72.
- ²¹ См.: Wheatcroft Stephen G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960. / Slavic Review/58, № I (Spring 1999). P. 32, 38, 47–50.

ГОРЬКОЕ ЧУВСТВО ИСТОРИИ: ЗА ОШИБКИ ВЛАСТИ РАСПЛАЧИВАЕТСЯ НАРОД

*Ю.Л. Дьяков**

(Москва)

Мы подводим итоги заблуждений XX столетия. Тех мифов, которые мы тащим за собой всю жизнь лишь потому, что поражены стереотипами, порожденными властью. Каждый, кто изучает историю Второй мировой войны, конечно, обращается к ее причинам. Ключ к войне лежит в истории довоенного периода. Ценой нищеты, невероятных жертв, каторжного труда и деформации экономики, ценой разбазаривания национальных богатств и экономического беспредела были созданы гигантские вооруженные силы. Прежде всего для утверждения на долгие годы существующего режима, для мировой революции.

Правившая в СССР Коммунистическая партия обрекла Красную Армию, ради создания которой народ ничего не щадил, вплоть до жизней, стать на долгие годы палачом и жертвой.

Как известно, за деяния правителей расплачивается народ. Десятки миллионов жизней потеряла Россия во Второй мировой войне. Это была огромная жертва на алтарь будущей Победы. Вторая мировая война является беспрецедентным в истории социальным потрясением человеческого общества. Поэтому вопрос о причинах возникновения войны привлекает самое пристальное внимание профессиональных историков. Кто же все-таки истинный виновник войны? Кому удалось сравнить такое количество народов и стран? Но даже сегодня очень трудно ответить на этот вопрос. Дело в том, что историческая наука – наука точная, наука фактов. Но и сегодня профессиональные историки, много лет занимавшиеся военной темой, не знают важнейших для ее постижения секретных архивных фондов. К примеру, как можно разобраться в тайнах Второй мировой войны, когда до сих пор нам недоступен в полном объеме фонд Сталина. А ведь за каждым документом неизвестная правда о войне, о судьбах наших соотечественников, творцов подлинной истории.

В обстановке, сложившейся к 1940 г., Сталин передает в Берлин через Молотова (12–13 ноября 1940 г.) требования о расширении «сферы интересов» на Румынию, Венгрию, Болгарию,

* Дьяков Юрий Леонтьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Югославию и Грецию, а также и на Финляндию, с которой еще в марте был заключен мирный договор. То есть Сталин теперь стремился к господству над всей Восточной Европой и претендовал к тому же на опорные пункты на Черном и Балтийском морях, чтобы взять Германию в клещи с юга и севера. Этот демарш в тот критический момент был настолько вызывающим, что Германии оставалось практически только одно – «сдаться или воевать»¹. Это был хорошо продуманный шаг. При этом важен психологический момент, дающий возможность понять насколько уверенно чувствовал себя Сталин, убежденный, что Гитлер не рискнет вести войну на два фронта. Сталин не опасался нападения Германии, опираясь на силу Красной Армии и военную промышленность². Власть, базируясь на гигантской и все возрастающей гонке вооружений, выработала военную доктрину, опирающуюся на проведение наступательных операций и не лишённую авантюризма. Военная доктрина отвергала понятия «несправедливая, захватническая война», ибо СССР выступал активным участником таковой. Ведь еще Ленин заявил, что дело не в том, кто «первым нападет», кто сделает первый выстрел, а в причинах войны, ее целях и в том, какие классы ее ведут. С точки зрения СССР захватническая война была, тем самым, оборонительной, а значит, справедливой. Тем самым исчезла разница между превентивным и ответным ударом. Советская военная теория исходила, впрочем, из предпосылки, что война ныне больше не будет объявляться, ибо каждый агрессор, естественно, стремится обеспечить себе преимущество момента внезапности³. «Внезапность действует парализующе», – записано было и в уставе полевой службы РККА 1939 г., и нападения СССР на Польшу и Финляндию в 1939 г. начались, по сути, без объявления войны, внезапно. С весны 1941 г. в советской военной литературе использовалось выражение «война нового времени». Имелось в виду, что «войны нового времени» начинаются «без объявления». «Цель внезапного начала войны – ведение военных действий на территории противника и завоевание инициативы с начала кампании». Вот некоторые положения советской военной доктрины:

«1. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) – это нападающая армия, «самая нападающая армия».

2. Война будет всегда и во всяком случае вестись на территории врага и закончится полным разгромом противника при малых потерях с собственной стороны.

3. Восстания пролетариата в тылу противника поддержат борьбу Красной Армии.

4. Подготовка к войне исчерпывается подготовкой к нападению.

5. Оборонительные меры не предусматриваются и даже запрещаются, поскольку «во всяком случае» мыслится, что оборонительная фаза продлится лишь несколько дней.

6. Возможность вторжения вооруженных сил противника на территорию СССР исключена.

Догма о непобедимости и «легкой победе» Красной Армии в годы самовластия Сталина имела силу закона и не подлежала никакому теоретическому обсуждению. Отклонения от официального учения были чреваты непредсказуемыми последствиями для виновных.

Эта секретная информация каким-то образом стала известна немцам⁴.

Сталин знал о неизбежности войны с Германией и выбрал момент для объявления широкому кругу слушателей, что в данных условиях он думает взять инициативу в свои руки. 5 мая 1941 г. речь Сталина перед выпускниками военных академий есть важное свидетельство тому, что СССР готовился к захватнической войне. Д.А. Волкогонов, ссылаясь на разные документы⁵, лишь подтвердил давние выводы как западных, так и ряда современных историков. «Тем самым огромная, создававшаяся десятилетиями литература превращается в бесполезную макулатуру, ибо ее авторы либо не знали о факте саморазоблачения Сталина, обретшем ныне силу неоспоримого доказательства, либо отказались его признать», – пишет И. Хоффман⁶.

После 5 мая 1941 г. усилились приготовления, вполне соответствовавшие плану наступательной войны. К западной границе стягивались огромные силы, при этом особо механизированные и моторизированные части разместились на советских границах, в основном вдоль ее выступа по линии Белосток–Львов, впадающего в германскую территорию. Такое оперативное построение предназначалось только для наступательных целей, так как в противном случае оно немедленно создавало опасность окружения и уничтожения этих войск, – считал Г. Жуков⁷. То же самое утверждал и генерал П.Г. Григоренко⁸. По словам начальника Управления НКО генерала Н. Гапича, «Все мероприятия были направлены на создание и подготовку плацдарма, для нанесения удара по противнику и ведения войны на вражеской территории»⁹. Советские планы экспансии становятся более явными, если учесть еще и политику могущественного Главного Управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППРКА), направленную на реализацию указаний Сталина о воспитании «революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага...»¹⁰

Ориентация на наступательное военное превосходство засломила и понимание необходимости не только наступать, но и обо-

роняться от воздушных ударов. В результате при наличии мощных ВВС в начале войны СССР не имел по существу противоздушной обороны тыла страны. Просчет был налицо. И лишь с середины 1943 г. ПВО стала самостоятельной, законченной структурой с централизованным управлением¹¹. А скольких жертв и разрушений это стоило!

Это свидетельствует о неготовности СССР к оборонительной войне. И немцы, конечно, знали об этом, знали и о неготовности командных кадров, обескровленных репрессиями. В результате репрессий огромный урон понесла и военная разведка СССР. Каждая страна имеет разведку и информирована о состоянии вооруженных сил своего потенциального противника. Перспектива военного противоборства с хорошо подготовленной армией охлаждает любые горячие головы. Но в результате репрессий в начале войны была утрачена связь с рядом источников и резидентур в Германии и в союзных с ней странах, в других государствах, нарушилась связь с агентурой приграничных военных округов. С конца 1941 до конца 1942 г. произошла целая серия провалов агентурной сети в Европе. Разведка за это время утратила свои источники в 11 странах Европы¹².

Отсюда замешательство правящих кругов СССР в начале войны, оказавшейся для них неожиданной.

О непрофессионализме руководства разведкой в центре, о примитивной подготовке кадров, приведших к массовым провалам резидентур за рубежом, см. подборку документов в журнале «Источник. Документы русской истории» (1994. № 4. С. 117–226).

Еще в 1989 г. журнал «Огонек» опубликовал фрагмент беседы Г.К. Жукова со Сталиным 7 октября 1941 г. в присутствии Берии. Сталин хотел заключить с Гитлером «второй Брестский мир». Первый, как известно, заключил Ленин, отдав Германии, которая стояла на грани поражения и вскоре пала под ударами союзников, половину европейской части России плюс 93 тонны царского золота.

Потрясенный тем, что немецкие войска уже на шестой день войны подошли к Минску, Сталин, обращаясь к Берии, сказал: «Попытайся по своим каналам прозондировать почву для заключения нового Брестского мира с Германией, сепаратного мира. Пойдем на то, чтобы отдать Прибалтику, Белоруссию, часть Украины, – на любые условия».

Далее Жуков говорил: «Доверенные лица Берии обратились к тогдашнему послу Болгарии Стоменову. По словам Стоменова, Гитлер отказался от переговоров, надеясь, что Москва вот-вот падет»¹³.

Ценой этих колоссальных уступок и порабощения миллионов советских людей режим хотел сохранить свою власть. А ведь

факт этот нешуточный. Расследование этого эпизода впоследствии уже в 1953 г. провел заслуженный юрист СССР г. Терехов, участвовавший в следствии по делу Берии. Он специально ездил в Болгарию и разыскал Стоменова, через которого шли переговоры. Сам факт политики подобных переговоров в ходе войны за спиной правительства и народа является государственной изменой¹⁴. Действительно, факт этот нешуточный. В связи с этим напомним высказывание Талейрана по поводу весьма существенно: «Это не измена, это гораздо хуже – ошибка».

Историки стремятся разобраться и с военным противоборством между СССР и Финляндией. И здесь открываются ранее неизвестные страницы, тщательно засекреченные.

Засекречивание и ложь – это не только форма защиты от сторонних глаз. Не от шпионских, понятно, а от глаз общественности. В годы всевластия КПСС охранители архивных секретов пеклись не об утечке чисто военных тайн, которые спустя десятилетия полностью утратили смысл и значение, они боялись за прочность политических устоев, нарушение старокommунистической девственности КПСС, за судьбу социализма. И за всем этим стоит главный вопрос о цене, которую заплатил наш многострадальный народ за действительно Великую Победу. Этот секрет пуще всего берегли радетели «устоев».

Правда о войне являлась наиболее строго охраняемым секретом потому, что победа в ней оправдывала прочность и неизбежность тоталитарной системы, созданной большевиками, начиная с Ленина. Раскрытие же секретов грозило разрушить этот миф.

Ф.М. Достоевский на весь мир провозгласил, что не приемлет никакой революции, если в ней пострадает хоть один ребенок. Между тем фанатики революции большевики, узурпировав власть, цинично на весь мир провозгласили государственный террор. Это был якобинский террор против своих граждан. Иной альтернативы у них просто не было, потому что уходить от власти они не собирались.

Вот где корни того феномена, что в советской стране десятилетиями отсутствовало само понятие самоценности человеческой жизни. И это обесценивание жизни пришло из послеоктябрьского прошлого, зверств ЧК – этой колоссальной человекоубойной машины, с расстрелов заложников, с «красного террора», с гражданской войны, то есть от «самого человеческого человека». Вот где истоки тех чудовищных жертв Великой Отечественной войны, когда жизнь солдата не ставилась ни в грош.

Антигуманный режим требовал освобождать города во что бы то ни стало к юбилейным датам, к 1 Мая, к 7 ноября, к дням рождения вождя... Вспомним взятие Симбирска ко дню рождения

Ильича. Традиции зарождались еще тогда, с жизнью солдат не считались. Главное рапортовать партии и правительству и получить награды. Философ А. Ципко высказал предположение о том, что многим нашим людям дорого не то, что значительно само по себе, а то, что достигнуто многими жертвами¹⁵. Этот стереотип и мешает беспристрастной оценке нашего прошлого, когда преступные доктринеры ввергли народ во всероссийскую бойню, охватившую весь мир. Средством революционеров был террор. Они стремились запугать власть. За зловещим словом революция стояло «рабство мысли и слова, – писал В.В. Шульгин – ...Рабство политическое»¹⁶.

В стране для людей, не связанных с режимом, исповедующим иные ценности, установился большевистский кошмар. То, что предвидел гений Достоевского, мы получили в непредставимых даже этому пророку размерах. Уже при Ленине «врагом народа» стал сам народ. Страна была залита кровью, объята страхом. А страх есть метод террора. Историки клеймят Гитлера за использование мирного населения в качестве живого щита, а ведь задолго до него это делал Ленин, причем выставлял не народ чужого государства, а свой собственный. В основе ленинизма заложен массовый террор. Г.В. Плеханов не раз возвращался к проблеме террористической сущности большевизма¹⁷.

Общая численность РККА к 22 июня 1941 г. составляла более 5 млн человек, из которых 2,8 млн было потеряно уже к 1 сентября 1941 г.¹⁸ С 22 июня по декабрь 1941 г. потери войск были огромными: убитыми, умершими от ран, пленными и пропавшими без вести оказались 3 137 673 человека¹⁹. К декабрю 1941 г. от первого эшелона Красной Армии, принявшего удар на себя, осталось 6–7% личного состава. Фактически с Германией воевала уже новая по составу и менее подготовленная армия²⁰. И министерство обороны СССР, и руководство министерства обороны России сегодня так и не решили проблему учета безвозвратных потерь в войсках в результате боевых действий в ходе Отечественной войны.

Г.А. Куманев отстаивает цифру подлинных потерь в целом 27 млн человек, а потери армии 8 668 400 человек. Безвозвратные потери Германии и всех ее союзников составили 8 млн 649 тыс. 500 человек²¹.

«По последним научно-обоснованным данным, соотношение советских и немецких потерь не столь уж и разительно»²², – вторит ему Н.К. Петрова. Г.А. Куманев пишет: «Но кое-кому эта цифра показалась слишком мала, хотя данные были многократно проверены и детально подтверждены. Писатель А. Адамович в одном из телеинтервью сообщил цифру 40 миллионов, П. Геллер,

видимо, неудовлетворенный этой цифрой, вывел свою – 46 миллионов»²³, – отмечает историк.

Между тем Ф. Ницше справедливо писал: «Убежденность опаснее для историка, чем ложь». Ортодоксы всегда пытались порочить мыслящих людей, заставить их умолкнуть и развенчать их теории, которые шли и идут вразрез с общепринятыми взглядами. Неужели нам до сих пор не известна цена «документально проверенных и подтвержденных данных»?

Во-вторых, ученому-историку должно быть элементарно известно, что документальных данных на все потери в той войне, в тех необычных условиях, просто не могло быть. И проблеме суммарных потерь армии и мирного населения решают демографические исследования, которые и вычислили страшную цифру – более 40 млн погибших. Более того, замечу, что эта работа не может считаться законченной. Она, конечно, будет продолжена с применением новейших средств техники, усовершенствованной методики и полной свободы доступа к архивным материалам.

В целях пропаганды Сталин ограничился цифрой 7 млн, Брежнев впервые назвал 20 млн погибших, но и эта цифра была надуманной. Вот почему и цифра 27 млн не может нас заставить слепо поверить в нее.

КПСС видела смысл скрывать чудовищные потери в войне, ибо тем самым она возвеличивала собственную роль в Победе, достигнутой якобы с минимальным уроном благодаря ее гению. Нам нет смысла скрывать страшную цену, заплаченную за Победу. От этого подвиг народа лишь возрастает в своем величии на фоне преступлений власти.

Во всем мире подсчитаны потери в войне со скрупулезной тщательностью. Только не у нас. Правда и вымысел о павших у нас колеблются в 10–15 миллионов. И это прямые потери, а косвенные не счесть никогда. Точных потерь СССР в войне нет. Самой службы учета потерь в отличие от многих других стран не существовало. Ее обязанности выполняли другие структуры, не заинтересованные в определении потерь. Власти точность не была нужна, о чем свидетельствует отсрочка всеобщей переписи населения до 1959 г.²⁴

О нравственном здоровье той или иной армии можно смело судить по тому, как она относится к своим пленным. На пленных власти удобно отыграть за свои неудачи, за позор поражений и несбыточность революционных иллюзий. Воссоздать объективную картину негативного отношения к военнопленным, отразить их трагическую судьбу невозможно без анализа государственной политики в отношении военнопленных, которая разрабатывалась

в Советской России, а затем СССР. Уже с первых шагов Советской власти государство рабочих и крестьян отбросило «предрассудки» буржуазной морали и права и не встало на путь официального признания Гаагской конвенции 1907 г. А ведь в ней содержался специальный раздел «о военнопленных».

Ленинское правительство формировало негативное отношение к плену. 1 августа 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны принял постановление, в соответствии с которым семьи красноармейцев, перешедших к белым, лишались всех видов государственного пособия и земельного надела²⁵ и тем самым обрекались на голодную смерть. И не случайно в советском законодательстве по отношению к пленным наметился обвинительный уклон еще при Ленине. А Сталин лишь развивал его идеи. В отдельных изданиях, как правило предназначенных для армии, четко проводилась установка о невозможности сдачи в плен бойцов и командиров, указывалось, что плен не только позор, но и измена Родине²⁶. В годы Отечественной войны репрессивная политика в отношении пленных продолжалась и ужесточалась. 16 августа 1941 г. последовал приказ Ставки ВГК за № 270, в котором говорилось: «1. Командиров и политработников... сдающихся в плен врагу – считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... 2. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»²⁷.

Наиболее чудовищным преступлением власти явился изданный 28 июня 1941 г. совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР, предусматривавший привлечение к ответственности членов семей заочно осужденного изменника Родины, либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. В тот же день НКГБ и НКВД специальным документом уточнили порядок ссылки членов «семей изменников Родины» в отдаленные районы²⁸.

Затем последовало постановление ГКО от 27 декабря 1941 г. за № 1069/СС, в соответствии с которым для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену или в окружении противника», было создано 22 специальных лагеря НКВД. Фльтрационные дела свидетельствуют, что проверка вырвавшихся из окружения или плена велась пристрастно, нередко с использованием провокационных методов допросов.

Факты замалчивания численности пленных, отправка многих освобожденных офицеров-военнопленных в штрафные батальоны рядовыми свидетельствуют, что насаждавшаяся ранее подозрительность к пленным оставалась и в годы Отечественной войны неотъемлемым элементом государственной политики. Но в

дипломатических акциях советское правительство лицемерно проявляло заботу о своих пленных²⁹.

13 января 1942 г. Берия утвердил инструкцию «О порядке содержания в лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника». Согласно этой людоедской инструкции, побывавшие в плену или окружении рассматривались как пленные солдаты вражеской армии³⁰.

Трагический опыт первых же недель войны высветил всю иллюзорность как официальной военной доктрины, так и представлений о плене. Советские военнопленные были отданы властью врагу на уничтожение. Она отказалась от миллионов своих соотечественников. Все воюющие страны через Красный Крест помогали своим пленным, и только большевистская власть отказалась от связи с военнопленными через эту международную организацию. В результате они чувствовали себя брошенными на пределе физического и нравственного уничтожения. Это облегчало немцам задачу их вербовки во власовскую армию. В декабре 1943 г. СССР прекратил всякие контакты с международным Комитетом Красного Креста (МККК).

Только в 1956 г. бывшие военнопленные были восстановлены в гражданских правах. Комиссия А.Н. Яковлева пришла к выводу о том, что на службу в вооруженных силах Германии пошло примерно 165–170 тыс. военнослужащих Красной Армии, то есть от 4 до 4,2% от общего числа пленных³¹.

Суть этого феномена раскрыл А.И. Деникин. 14 ноября 1943 г. в своем дневнике он записал: «В последнюю войну на востоке наблюдалось явление до сих пор в истории межгосударственных отношений небывалое. Германское командование для пополнения своих рядов обратилось к формированию частей из захваченных пленных, а также из населения оккупированных областей России. Столь рискованный опыт оказался возможным в результате отрыва русского народа от власти, извратившей своей окаянной политикой самые ясные основы национального самосознания»³².

Германский исследователь К. Штрайт и другие немецкие историки привели следующие данные. Из 5,7 млн человек советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, до конца войны погибло 3,3 млн, т.е. 57,9%. Только в 1941 г. немцы пленили 3,4 млн военнослужащих³³.

Вопрос о количестве советских военнопленных и сегодня остается нерешенным. М.А. Гареев и В.В. Гуркин утверждают, что пропало без вести в плену 4 559 000 человек. Оба стремятся убедить, что в немецком плену погибло лишь 610 тыс. чело-

век, 1 836 000 вернулись на родину, 937 700 были призваны вторично в Красную Армию, 250 тыс. остались после войны в других странах³⁴.

В мае 1956 г. Г.К. Жуков в беседе с К. Симоновым с горечью говорил о том, что по английским законам оказавшимся в плену солдатам и офицерам за все их время пребывания продолжали начислять положенное жалование, причем даже с какой-то надбавкой, связанной с тяжестью положения, в котором те находились. «У нас, – сказал он, – Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: “Каждый, кто попал в плен, – предатель Родины”, и обосновал ее тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан покончить жизнь самоубийством, то есть, в сущности, требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей было замучено немцами в плену, умерло от голода и болезней, но по теории Мехлиса выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м не лишили себя жизни»³⁵.

Г.К. Жуков говорил о позорности формулы Мехлиса, заключавшейся в недоверии к солдатам и офицерам, которая заложена в ее основе, в ее несправедливом предположении, что все они оказались в плену из-за собственной трусости. «Труссы, конечно, были, но как можно думать так о нескольких миллионах попавших в плен солдат и офицеров той армии, которая все-таки остановила и разбила немцев, – отметил маршал, – что же, они были другими людьми, чем те, которые потом вошли в Берлин? Были из другого теста, хуже, трусливей?! Как можно требовать огульного презрения ко всем, кто попал в плен в результате постигших нас в начале войны катастроф?»³⁶

Методы уничтожения людей, применявшиеся при геноциде евреев, также были опробованы при «особом обращении» с советскими пленными. В. Ветте писал: «Этот “другой холокост”, жертвами которого были славяне России, имел количественно еще более огромные масштабы, чем геноцид евреев... Я полагаю, – продолжает историк, – что извлечение уроков нам еще предстоит. Мы признали свою вину за холокост, но не хотим сделать это по отношению к другому холокосту»³⁷. Немецкие историки намного опередили российских коллег, опубликовав 22-томную историю своих пленников³⁸. Отечественная же историография практически не занималась проблемой своих военнопленных.

Кто виноват в массовом пленении солдат и офицеров? Это прежде всего нацеленность власти и военного командования на

наступательную войну, когда пленных не должно быть. С другой стороны, это «презрительное» отношение к народу. Чтобы удержать захваченную власть, оно (сталинское руководство – Ю.Д.) готово было применить любую стратегию. «Самая кровавая – надежнее оберегала их господство, – справедливо отметил историк В.В. Фарсобин, – представьте себе, если бы народ победил малой кровью, сколько с ним, да еще вооруженным, было бы хлопот?! Сталин же твердо знал уголовную заповедь: нет человека, нет и проблемы»³⁹. Презумпция виновности военнопленных – одно из позорных наследий коммунистической власти.

И сами представители власти самого разного уровня говорили одно, а делали другое. Многие из них были далеко не идеалистами, а являлись шкурниками, трусами и предателями. Сказался принцип большевистского отрицательного отбора кадров. В справке Управления коменданта г. Москвы о выполнении военными комендатурами постановления ГКО «О введении осадного положения в Москве» за октябрь 1941 – июль 1942 гг. (от 9 августа 1942 г.) говорится, что за 16–18 октября 1941 г. по неполным данным «из 438 предприятий, учреждений и организаций сбежало 779 руководящих работников... Бегство отдельных руководителей сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни: 1 484 000 руб., а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 руб. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин⁴⁰. Один ворюга «пытался вывезти на детской коляске два чемодана с бриллиантами и золотом... Два полных чемодана!» – свидетельствовал чекист Б.Я. Шмелев⁴¹.

Н.К. Вержбицкий вспоминал о том, как кругом кипело возмущение тем, что «капитаны первыми сбежали с кораблей», прихватив при этом ценности. Паническая истерия сверху передалась массе. Доставалось партийцам. Люди припомнили все обиды, несправедливость, притеснения, зазнайство и самоуверенность партийцев, лишения, драконовские указы, систематический обман, газетную ложь подхалимов. «Да, 16 октября 1941 г. войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы, – резюмировал Н.К. Вержбицкий, – люди, которые первые трубили о героизме, несгибаемости, долге, чести... Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на Восток автомобили вчерашних “энтузиастов” (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла... А сейчас мне сообщают, что у Абельмановской заставы толпа сама задерживала бегущих и выволакивала их из машин»⁴².

О событиях 16 октября на шоссе Энтузиастов, у заставы Ильича, поведдал и москвич Г.В. Решетин: «Какие-то люди то там, то здесь, останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривают их по земле. Раздаются возгласы: бей евреев»⁴³.

Возмущение простых людей вызвало массовое бегство руководителей предприятий, как правило, коммунистов, бросивших свои коллективы. И не народ стал источником паники. Как отмечал Вержбицкий, истерика передалась массам «сверху», в том числе и «исход» из Москвы инициировали руководители заводов.

В «Обзоре корреспонденции, обработанной военной цензурой г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 г.», подписанном заместителем начальника Управления НКВД МО майором госбезопасности Лынько, говорилось: «Одновременно отмечены как в исходящей, так и в поступающей корреспонденции факты антисемитских настроений среди населения и красноармейцев»⁴⁴. Москвичей возмущало массовое бегство евреев из столицы, да еще нагруженных драгоценностями и вещами.

А вот в чем преуспели коммунисты, так это в шпионаже. Осенью 1941 г., в связи с угрозой захвата Москвы, на нелегальное положение перешли многие партийные и комсомольские работники. Эти подпольные организации после контрнаступления сохранились и занялись отслеживанием настроений населения Москвы. В этих отчетах (доносах) передавались целые разговоры в очередях, в банях и т.д.⁴⁵ Среди коммунистов и комсомольцев имелось множество идеалистов самого опасного толка, потому что у них не было возможности задуматься и переосмыслить свои действия. В то же время, когда речь идет о такой подавляющей мощи власти, да еще сосредоточенной в руках одного беспощадного человека, приходилось быть предельно осторожными и послушными.

Вот почему коммунисты и комсомольцы свято выполняли указания власти Сталина, а тот руководствовался предписанием Ленина о том, что «Надо предать суду (для примера) за распространение слухов 1–2 лица»⁴⁶. А для отслеживания слухов нужны доносчики самого разного уровня. В связи с этим затрону проблему института военных советов периода Отечественной войны. Под напором фактов рушатся много лет подряд навязывавшиеся представления о предназначении военных советов. За формулировками о них, как «представителях партии в Вооруженных Силах», как правило, скрывалась практика политического контроля над командующими и другими должностными лицами армий и фронтов. Генерал армии М.А. Гареев утверждает, что членам военных советов ставились в вину не упущения в воспитательной работе с личным составом, не низкое состояние духа войск, а «не-

своевременные доносы, что, оказывается, считалось их главной функцией»⁴⁷.

К проблеме института военных советов тесно примыкает и проблема института комиссаров. В условиях партийно-политических структур в Красной Армии (а затем Советской) никогда не было служения Отечеству. Оно подменялось служением утвердившемуся с 1917 г. режиму. Большевики подменяли само понятие патриотизм, которое предполагает служение Отечеству, а не партии. Инструментом большевизации служил институт комиссаров. У нас долгое время господствовало ложное представление, что командиры, а затем офицеры и генералы служили профессиональными военными, тогда как они являлись профессиональными коммунистами. За годы советской власти партия создала армию с функциями жандарма собственного народа. В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) в резолюции по военному вопросу записал: «Признать необходимым подчинение “особых отделов” армии и фронтов соответственно комиссарам армии и фронтов...»⁴⁸.

Этот факт убедительно подтверждает, что со времен Ленина полицейский аппарат всегда опирался на армию, а при Сталине эта машина подавления достигла гигантской силы, почему и стала возможной всероссийская каторга, включая ГУЛАГ. Главной опорой режима большевиков являлись политический террор и военная сила. Тем самым армия являлась орудием террора в руках партийного руководства с ленинских времен. Кто-то писал, что при Сталине «партийное» и «полицейское» совпадало. Но разве при Ленине было иначе? Ведь именно он заявил, что «хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист...»⁴⁹. То есть бдительный соглядатай и доносчик. Эти слова и стали первоосновой сращивания партии с ЧК и массового доносительства, подозрительности и недоверия.

Подозрительность и недоверие к комсоставу проявились в том, что 16 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР во всех частях, соединениях, штабах и учреждениях РККА учредил должности военных комиссаров, как это имело место во время разгула репрессий 1937–1940 гг. На комиссаров возлагалась обязанность строго контролировать приведение в действие приказов высшего командования, своевременно сигнализировать вышестоящим органам о недостойных командирах и политработниках (т.е. доносы друг на друга), руководить политорганами и парторганизациями воинских частей. Ни один приказ не имел законной силы без подписи комиссара. Имея в виду, что все комиссары являлись коммунистами, следует наш вывод о том, что комиссары – это особая группа коммунистов, нацеленных на донос. Это своего рода элита профессиональных охранников (телохранителей) системы.

Вновь установилось губительное для армии двоевластие. В Положении о военных комиссарах говорилось: «Координируя свои действия с органами 3-го Управления Наркомата обороны, военный комиссар обязан пресекать всякую измену»⁵⁰. Уже на следующий день ГКО преобразовал упомянутое 3-е Управление НКО в Управление особых отделов НКВД. Сотрудники отделов в полку и дивизии подчинялись соответствующему комиссару⁵¹. Тем самым комиссары являлись и представителями карательных органов в армии. Эта система действовала 15 месяцев и отменена по настоянию военачальников осенью 1942 г.

Подозрительность власти в отношении своего народа выразилась в изъятии у граждан радиоприемников в 1941 г.^{*}, введении уголовной ответственности за распространение слухов. Правящая клика не исключала возможности народных выступлений против режима власти. 9 июля 1941 г. ГКО возложил на истребительные батальоны Москвы борьбу с «возможными контрреволюционными выступлениями»⁵².

6 сентября 1941 г. нарком внутренних дел представил в ГКО список на 170 заключенных, которые якобы вели в тюрьме поразительную агитацию и готовили побег в целях подрывной работы. В тот же день ГКО постановил применить расстрел ко всем 170 заключенным. В их числе были революционерка Мария Спиридонова и большевик Христиан Раковский. 11 сентября приговор ГКО, рабелепно оформленный военной коллегией Верховного суда СССР, был приведен в исполнение⁵³.

В ночь с 15 на 16 октября 1941 г. центральный аппарат НКВД эвакуировался в Куйбышев. Туда же перевезли и важнейших подследственных. Но все же, по словам Г.К. Жукова, в подвалах Лубянки оставалось еще около 300 высших военачальников НКВД. Поскольку в то время не было возможности для их перевозки в тыл, заключенных расстреляли. Не пощадили и тех, кого увезли в Куйбышев. В числе расстрелянных 28 октября 1941 г. в Куйбышеве были Г.М. Штерн, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.В. Рычагов, Т.С. Савченко и другие.

Пока еще неизвестно, почему Сталин отменил новое судилище над военачальниками. По его приказу двое главных подследственных – Мерецков и Ванников – были освобождены, а остальные жертвы оставлены на растерзание заключенных. Вместе с ними в подвалах на Лубянке ждали своей смерти сотни военных специалистов высокого класса, а на фронте полками в это время командовали лейтенанты⁵⁴.

* В Германии радиоприемники не отнимали.

17 ноября 1941 г. ГКО санкционировал НКВД на расстрел всех заключенных, приговоренных к ВМН, содержащихся в тюрьмах и ожидавших утверждения приговора высшими судебными инстанциями. ГКО предоставил также НКВД СССР право выносить приговоры вплоть до расстрела по делам, предусмотренным статьями 58-й и 59-й УК РСФСР. Решение Особого Совещания считалось окончательным⁵⁵. Тем самым Берия получил неограниченные полномочия на внесудебные расправы. В одном из донесений он сообщал, что Особое Совещание за 8 дней работы осудило к разным мерам наказания 4905 человек⁵⁶. При таких темпах, разумеется, ни о каком разборе дел не могло быть и речи. А ведь фронту нужны были солдаты и офицеры.

Когда в начале октября 1941 г. в районе Вязьмы немцы окружили войска четырех армий, Сталин направил для исправления положения в штаб Западного фронта комиссию во главе с опытным карателем Молотовым. Но Г.К. Жуков заступился за И.С. Конева, который стал командующим⁵⁷ вскоре созданного Калининского фронта.

На репрессивных методах, запрограммированных исключительно на принуждение, зиждилась вся детально разработанная система военного командования: политорганов, особых отделов, прокуратуры и трибуналов, штрафных рот и батальонов, заградотрядов. Заградотряды – это не выдумка Сталина. Первые возникли еще при Ленине.

Привычная избирательность мышления не позволяет историку до сих пор правдиво отражать невыгодные для нас ситуации. Много пишется о зверствах немцев и ни одного случая с нашей стороны, в том числе о грубом, а порой жестоком отношении со стороны политруков к освобожденным от фашистского рабства нашим соотечественникам, о чем писал в своих смелых дневниках А. Довженко. Нечасто пишут наши ученые о таком феномене, как выход замуж наших женщин за немцев⁵⁸ и т. п.

Правда о войне все еще недоступна историкам. Между тем, есть документы о забастовках и людоедстве в Ленинграде, об арестах в блокадном городе полуживых людей по надуманным политическим мотивам для обоснования бдительности органов НКВД, боровшихся с «предателями». Мы привыкли называть предателями всех, кто с оружием в руках выступал против Советской власти и ее Красной Армии. Однако известна истина, что предают только свои. Но правомерно ли причислять к «своим» народы аннексированных в предвоенный период государств Прибалтики, территории Северной Буковины, которая вообще никогда не входила в состав России? Во время допроса командующего Запад-

ным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова, он сказал: «На левый фланг Кузнецовым (Приб. ВО) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима немцев на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильно»⁵⁹. Да с какой стати литовцы должны были воевать за их злейших врагов коммунистов и подчиняться поставленным ими командирам? Многих жизней стоила борьба с прибалтийскими повстанцами. А поставила в такое тупиковое положение борцов за национальную независимость правившая в СССР власть. Эта власть, рядившаяся в тогу интернациональной и на словах проповедовавшая дружбу народов, осуществляла массовые депортации целых народов. Но я бы выступил в роли статиста, повторяющего известные истины, если бы не обратил внимание на следующий феномен. Народы Северного Кавказа, не вышедшие из родоплеменной стадии развития, издавна исповедуют культ разбоя, грабежей и насилия. Отсюда их воинственность на генетическом уровне, преподносимая как уникальная доблесть. Они всегда уважали только силу. И в критические моменты ослабления государства российского, прикрываясь газаватом (иначе джихад), принимались за привычное дело. Ведь лидеры легко находят понимание в среде воинственных и вороватых соплеменников.

И во время Отечественной войны горцы и степняки-калмыки натворили немало кровавых дел, так или иначе содействуя Германии. Недалеко от них ушли и крымчаки. Вот почему историкам не следует увлекаться лишь одной стороной проблемы в стремлении политически разоблачить Сталина в депортации целых народов, а исследовать истинные мотивы поведения их главарей, опиравшихся на менталитет населения, назвать их имена и их кровавые деяния во всей неприглядности, не опасаясь негативной реакции горской, татарской или калмыцкой общественности. Ведь историк чужд политики, ему нужна истина, даже самая горькая. Разумеется, волшебный мир надежд догматиков-идеалистов на «дружбу народов», основанный на пресловутом классовом подходе, рухнул, и добычей историка должна стать истина.

Конечно, чудовищные методы сталинских депортаций не найдут никакого оправдания. Но главное, что следует подчеркнуть, заключается в том, что именно русский народ (шире славяне) в годы кровавой схватки с агрессором явился тем стержнем, тем станovým хребтом воюющей страны, что и решило исход небывалого в истории противоборства с нашествием. И в этих размышлениях нет ни грама так называемого великодержавного шовинизма. Вот причина сталинского тоста «за великий русский

народ». Война заставила его изменить многие химерические концепции большевизма.

И в вопросах партизанского движения историкам только еще предстоит начать кропотливую работу, которая несомненно вскроет преступную, зловещую роль ВКП(б) и ее карательных органов. Партизанское движение находилось в полном подчинении НКВД. Достаточно указать лишь на один документальный факт, что начальником Украинского штаба партизанского движения был комиссар госбезопасности Т.А. Строчак⁶⁰.

«Во многих отношениях стихийная борьба народа в оккупированных районах страны против фашистских захватчиков использовалась правящей кликой в политических целях, – писал Василь Быков. – Партизанское движение едва ли не с самого начала инспирировалось и контролировалось партийными органами, посланными из-за линии фронта чекистскими кадрами, продолжавшими свою привычную довоенную деятельность. Белоруссия в этой войне традиционно оказалась между огнем да полымем: с одной стороны, жестокостью оккупационных властей, с другой – не меньшей жестокостью “народных мстителей”... война с обеих сторон велась безжалостными методами средневековья – без всякого снисхождения к мирным жителям... которые одинаково оказались перед угрозой истребления»⁶¹. И еще: «Каждый теракт либо акт саботажа стоил белорусам сотен и тысяч жизней заложников – ни в чем не повинных людей, которые не могли взять в руки оружия... За организованное из леса убийство гауляйтера Белоруссии Кубе было казнено около десяти тысяч заложников – мирных жителей Минска. Сотни белорусских деревень оказались уничтоженными руками немцев только потому, что их уничтожение было спровоцировано партизанами»⁶².

Повествуя о послевоенных годах, Н.С. Хрущев привел такой сюжет: «В целом же Крещатик и площадь Хмельницкого были разрушены. Особенно жалел я здание университета с его сгоревшей библиотекой. Я так и не смог разобраться, кто там взрывал и поджигал. Немцы заявляли, что это делали оставшиеся в городе партизаны»⁶³. Мы до сих пор не знаем, что взорвали или сожгли немцы, а что партизаны в соответствии с тактикой выжженной земли. Уразумев, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях и ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах, Сталин издал страшный приказ № 0428 от 17 ноября 1941 г.: «1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог... 2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек для

взрыва и сжигания населенных пунктов. Выдающихся смельчаков за ответные действия по уничтожению населенных пунктов представлять к правительственной награде...»⁶⁴ Это была тактика выжженной земли. Факельщики заработали. Запылали российские деревни, где жили беззащитные старики, старухи и дети. Немцы жгли деревни и села, чтобы покарать партизан, а теперь жгли свои. И получали за это награды. Одной из заложниц безумного приказа стала несчастная Таня (Зоя Космодемьянская) при попытке сжечь село в районе подмосковной деревни под Верейей.

Мифологизированы и другие события и подвиги. Официальная идеология пропагандировала лозунг о том, что «в жизни всегда есть место подвигам». И наши люди всегда были горазды на подвиги. Жертвывая жизнью, закрывали грудью амбразуры и т.д., между тем храбрость не может заменить ум, а смелость – находчивость. Английская пословица гласит: «коли петух не драчливый, из него не сделаешь бойца». Но у нас стремились из всех сделать героев. И командиры губили множество людей, безрассудно порой гоня их на убой и обвиняя в трусости нормальных, неагрессивных людей. Но ведь в нормальной цивилизованной жизни главное – соизмерять свои поступки с трезвым расчетом, кропотливо и добросовестно трудиться. Следует подчеркнуть, что в Отечественной войне были подвиги настоящие, но многие из них – следствие чужой безграмотности, ротозейства, безалаберности и недисциплинированности. И сколько миллионов солдат погибло на полях войны и в фашистских лагерях, пока учились воевать наши лейтенанты и другие офицеры, вырастая в генералов и маршалов.

Переоценка традиционных исторических представлений не может быть легкой и безболезненной. Речь идет не об огульном, циничном отрицании всякого доброго и вечного в прошлом. Важно отделить овец от козлиц, зерна добра и величия от плевел зла и лжи (хотя, разумеется, ложь – это тоже зло – само по себе).

Подвиги, расхоронившиеся с официальной версией событий, отбрасывались или замалчивались. Так случилось, к примеру, с бойцами и командирами 2-й Ударной армии, когда тень от генерала Власова легла на десятки тысяч воинов, до конца выполнивших свой воинский долг и оставшихся лежать в лесах и полях под Новгородом.

Мужество тысяч героев первых недель и месяцев войны противоречило политическим установкам, когда поражения в начале войны объяснялись предательством командиров и трусостью

бойцов, а не преступлениями Системы. Именно поэтому замалчивались имена многих героев. Не могла Система признать и подвиги заключенных, к помощи которых власть обратилась в самый тяжелый момент, сформировав Полярную дивизию, в которой весь состав, включая командиров, состоял из узников воркутинских лагерей. Именно Полярная дивизия в 1941 г. отстояла Мурманск, но до сих пор эти герои остались безымянными⁶⁵.

Большую роль в создании мифологизированных героев сыграли шустрые газетчики. Миф о 28 гвардейцах-панфиловцах продолжает поддерживать Г.А. Куманев⁶⁶. Подвиг под Дубосеково имел место, но там сражалась целая рота, а не 28 бойцов. И перечень подобных мифологем можно продолжить. Здесь и фадеевская «Молодая Гвардия», и такой символ, как Знамя Победы, водруженное совсем другими воинами, и т.д. «Смотрите, как самоотверженно сражалась Брестская крепость! Немцы уже были далеко, взяли Минск, а крепость осталась непокоренной»⁶⁷, – пишет Г. Куманев. А по сути дела немцы просто обошли ее, оставив ее взятие на будущее.

«Разумеется, тоталитарный режим оказывал свое негативное воздействие на жизнь народа, – делает реверанс в сторону новых подходов историк Н.К. Петрова. – Но бесспорно и то, – продолжает она, – что в советском строе были заложены мощные принципы народовластия, которые сыграли свою большую роль как раз в час самого тяжелого испытания для нашей страны»⁶⁸. Но здесь нужна полная ясность. Каковы источники победы? Вскоре после начала войны народ осознал, что Гитлер – негодяй и народодубийца. Гитлер был чужой, иноземный палач, и народ в целом предпочел своего насильника чужеземному. Теперь большинство народа видело в Сталине не злейшего врага, а полководца. Между тем, патриотический подвиг народа в войне официальная историография представляла как плебисцит в пользу власти, волею судеб оказавшейся во главе государства. Но народ способен защитить свою землю независимо от того, какое правительство стоит у власти. Когда стало очевидно, что идет вражеское нашествие и завоевание, что очевидна только замена одного ярма другим – значительные слои народа отложили расчеты с внутренней тиранией и поднялись и как все остальные за русскую землю, как поднимались предки во времена шведского, польского и наполеоновского нашествий.

В годину несчастья человеку хочется опереться на что-то большое, великое, прочное, отдать ему себя целиком. И это великое является в образе Родины, Отечества. В ходе войны проснулись лучшие стороны народной души – любовь к Родине, чувство

гражданства, великодушные, энтузиазм, бесстрашие. Все мелкое, частное отошло на задний план. Народ приподнялся. «Природа войны – нетворческая, отрицательная, разрушительная; но война может пробудить творческие силы, может способствовать углублению жизни»⁶⁹, – писал в декабре 1915 г. Н. Бердяев.

Раскрывая трагические события лета 1942 г., вызванные бездарностью сталинского руководства, патриот земли русской В. Пикуль писал, что «летом 1942 года снова поднялась из-за лесов и болот именно мать-Россия, поруганная и обесчещенная сначала нашими златоустами-подлецами, помешанными на путанице ребус-кроссвордов марксизма-ленинизма, а потом униженная и победами немцев. Никогда мы, русские, еще так не любили свое Отечество...»⁷⁰ И я – сверстник писателя, подтверждаю эту мысль.

В сознание народа официальная пропаганда и ее прислужница историческая наука долго внедряли миф о решающей роли компартии Советского Союза в победе над врагом. Но не следует вставать на путь огульного отрицания этого фактора. Исторический опыт показывает, что диктаторы нарушали права человека, но с экономикой справлялись более или менее успешно, причем именно благодаря централизации власти (и примером тому может служить сталинский режим). Однако уже накануне войны административно-мобилизационные методы и механизмы управления обществом и экономикой полностью исчерпали себя. Но война создала сверхчрезвычайную ситуацию, влившую в эти привычные для КПСС методы и механизмы новые импульсы, новые силы. Исторический опыт показывает, что народ всегда защищает свои национальные интересы, а не власть. Так было в начале XVII и в начале XIX веков, когда закрепощенный народ разгромил польских, а затем и французских завоевателей. Так случилось и в 1941–1945 гг., когда интересы, цели и задачи народа и правящей клики совпали. Вот почему миф о гениальном полководце всех времен и народов, о решающем источнике всех побед – КПСС не выдерживает серьезной критики. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов организаторскую роль партии в войне. Ведь ее функционеры направлялись на самые ответственные и решающие участки фронта и тыла и зачастую действовали на совесть, умело и самоотверженно.

С другой стороны, победа во Второй мировой войне есть не только триумф народа СССР, но и народов антигитлеровской коалиции. Германия была исторически обречена на поражение.

К сожалению, и в новых публикациях можно встретить утверждения о том, что главным источником победы в Отечественной войне был социалистический общественный и государственный

строй, основой которого является нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Народ неимоверным напряжением вытянул на своих плечах фронт и тыл, а победа досталась социалистической системе и партии. Так, Н.К. Петрова на страницах газеты «Правда» отмечала: «При оценке слагаемых нашей победы нельзя не сказать, хотя теперь по конъюнктурным соображениям это всячески затушевывается и искажается, и о роли КПСС. Партия сыграла огромную, если не решающую роль в войне»⁷¹. Не всем по плечу осознать, что неправомерно отождествлять победу народа с торжеством ленинских заветов и «мудростью» партии. Победа явилась торжеством народа, вдохновляемого любовью не к партии и правительству, а к родной земле. Ответ на вопрос, почему мы победили, лежит не в русле непреоборимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности нашего народа, победившего не благодаря, а вопреки уродливой системе, созданной Лениным. Гигантская опасность вражеского нашествия отвела в сторону ужасы и последствия той войны, которую большевизм вел против своего народа. На первый план выступил народный дух самосохранения. Так было и в другие славные и трагические периоды нашей истории, когда не было ни социализма, ни ВКП(б), о руководящей и направляющей роли которой так пекутся догматики.

Нам необходимо разобраться в логике действий власти и определить меру ее ответственности. Постоянно выступая от имени народа, КПСС совершила подлог. Она давно превратилась в замкнутую секту, оторванную от народа, и ее крах убедительно доказал это. Вот почему преступления партийного режима должны получить, наконец, не только историческую, моральную, но и юридическую оценку.

Еще многие годы предстоит расчищать «авгиевы конюшни» советской историографии Великой Отечественной войны. И дело не только в закрытости архивов, а в косности мышления многих историков.

Героика войны, бравада – все отступает перед человеческими страданиями. Любые ценности мирной жизни обесцениваются перед угрозой завоевания Отечества вражьей силой. На Отечественную войну приказом народ не поднять. Отгадыватели загадочного русского характера не могли и не могут уразуметь, что для человека, любящего родную землю, во все века не было и нет ничего дороже Отечества. «Лучше на родной земле костями лечь, чем на чужбине в почете быть», – сказано еще в летописях. Сегодня следует решительно отказаться от дорогих сердцам многих из нас иллюзорных исторических представлений о

революционном «славном прошлом», от того, что наполняло нас радостью, а на деле было позорным. Большевики завели страну в исторический тупик, наполненный трупами. Подобные мысли вызывают священный ужас поборников «славного прошлого», в ход идет испытанное оружие «очернительства» нашей «великой» эпохи борьбы и побед и т.д. Такова логика закрепощенного сознания.

За беспристрастностью трактовки нашей истории должно просматриваться не очернительство, а неподдельная искренность и боль за страдания нашего народа. Историк должен стоять за правду. Между тем, Ленин учил своих сторонников, что нужно «пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды...»⁷² На этом и держалась КПСС, говоря о которой Бестужев-Лада буквально накануне военно-партийного путча августа 1991 г. писал: «ее прошлое преступно, настоящее позорно, а будущего нет вообще»⁷³. Вот почему преступное, кровавое и безнравственное прошлое КПСС невозможно принять здравомыслящим историкам как подвиги. Война только наглядно выявила страшный недуг, которым было поражено наше общество: катастрофическое падение «цены человека», полное игнорирование его духовного мира, его собственных социальных, национальных, политических и культурных интересов.

Непредвзятое изучение исторического опыта показывает не только плюсы и минусы, но и когда плюс превращается в минус. Историки привыкли оценивать победу во Второй мировой войне как событие огромного всемирно-исторического значения, и это факт, это большой плюс, что победа устранила германский фашизм. Но всегда упускали из поля зрения, – что победа над германским фашизмом обернулась войной против победителей. Так большой плюс превратился в минус, состоявший в том, что победа была украдена у народа, укрепила в СССР режим Сталина, который, уверовав в свою историческую правоту, получил новый стимул для антинародного и без того свирепого режима, хотя победа не утратила своего значения для всех народов мира.

Всякая критика преступных действий власти – это не оплевывание своего Отечества, а способность к развитой исторической рефлексии, которая у многих из нас еще не осознана, а то и отсутствует вообще. Историк всегда интересуется вопросами, остающимися без ответа. Когда, при решении крупных проблем он знает не все, – то ничего не знает.

В умах историков еще только идет тяжелая внутренняя работа. Многие еще не созрели до понимания того, что все преступления коммунистического режима следует осветить беспо-

щадным светом, что много еще предстоит нам открыть горьких и страшных истин о минувшей войне. Объективный всесторонний подход к освещению процесса истории – это требование не только истины, но и совести, высокой нравственности и мудрости.

- ¹ *Topftach J.* *Stalins Krieg.* Herford. 1990. S. 133–134.
- ² *Хоффман И.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // *Отечественная история.* 1993. № 4. С. 20.
- ³ *Чередниченко М.* О начальном периоде Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал.* 1961. № 4. С. 28–35. (Далее ВИЖ).
- ⁴ *Хоффман И.* Указ. соч. С. 20–21.
- ⁵ *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. II. Ч. 1. С. 55–57, 117, 124–128, 136, 154 и др.
- ⁶ *Хоффман И.* Указ. соч. С. 21.
- ⁷ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 228, 230, 272, 263.
- ⁸ См. *Отечественная история.* 1993. № 4. С. 24.
- ⁹ *Гапич Н.* Некоторые мысли по вопросам управления и связи // *ВИЖ.* 1965. № 7. С. 47–55.
- ¹⁰ *Волкогонов Д.А.* Указ. соч. С. 154.
- ¹¹ *ВИЖ.* 1997. № 4. С. 84.
- ¹² См. подробно: Генерал-полковник А.Г. Павлов. Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // *Новая и новейшая история.* 1995. № 2. С. 26–40 и др.
- ¹³ См. *Огонек.* 1989. № 25. С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ См. *Наука и жизнь.* 1989. № 1. С. 52.
- ¹⁶ *Шульгин В.В.* *Размышления.* См. в кн.: *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1992. Т. 1. С. 316–318.
- ¹⁷ См. его статью «Год на родине». 1918 г.
- ¹⁸ *Новая и новейшая история.* 1995. № 4. С. 104.
- ¹⁹ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 147.
- ²⁰ См. *Волкогонов Дмитрий.* Мы победили вопреки бесчеловечной системе // *Известия.* 8 мая. 1993 г.
- ²¹ *Правда.* 12 февраля 1995 г.; *Куманев Г.А.* Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2000. С. 349.
- ²² *Правда.* 12 апреля. 1995 г.
- ²³ *Литературная Россия.* 18 декабря 1992 г.
- ²⁴ См. *Вопросы истории.* 1995. № 5–6. С. 121.
- ²⁵ См. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства.* 1919. № 38. С. 380.
- ²⁶ *Военная присяга Красной Армии.* М., 1940; *Брычев Н.Ф.* *Воин Красной Армии в плен не сдается.* М., 1941 и др.
- ²⁷ *Новая и новейшая история.* 1993. № 2. С. 134.
- ²⁸ Там же. 1993. № 2. С. 93.
- ²⁹ См. *Бичехвост А.Ф.* Репатриация советских и иностранных граждан: внутриполитические и международные аспекты (1944–1945 гг.) Автореф. дисс. докт. ист. наук. Саратов. 1996. С. 24.
- ³⁰ См. *Новая и новейшая история.* 1996. № 2. С. 94.

- ³¹ Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 96.
- ³² Дневник опубликован в кн.: *Лехович Дмитрий*. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 340.
- ³³ Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941 Fr. / M., 1991. S. 160; Eloberm und vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin. 1991. S. 111.
- ³⁴ *Гуркин В.В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 223.
- ³⁵ *Симонов К.М.* Заметки к биографии Г.К. Жукова // ВИЖ. 1987. № 7. С. 53.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1945). М., 1995. С. 233–234.
- ³⁸ *Maschke E.(Hg.)* Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. 22. Bände–München, 1962–1974.
- ³⁹ *Фарсобиан В.В.* Заметки бывшего сержанта Гвардии о войне // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 124.
- ⁴⁰ См. Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 550.
- ⁴¹ Там же. С. 250.
- ⁴² Там же. С. 478.
- ⁴³ Там же. С. 111–112.
- ⁴⁴ Там же. С. 160.
- ⁴⁵ См. подробно в кн.: Москва военная. С. 158–160.
- ⁴⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 40.
- ⁴⁷ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 201.
- ⁴⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. 1. М., 1954. С. 440.
- ⁴⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 279.
- ⁵⁰ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы. 1917–1981. М., 1981. С. 305–306.
- ⁵¹ ВИЖ. 1992. № 3. С. 20.
- ⁵² Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 205.
- ⁵³ Там же. 1990. № 11. С. 124–125.
- ⁵⁴ История войны еще не написана // Огонек. 1989. 25 июня. С. 8.
- ⁵⁵ См. *Печонкин А.А.* Государственный Комитет Оборона в 1941 году // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 139.
- ⁵⁶ Советская милиция. 1990. № 3. С. 23.
- ⁵⁷ ВИЖ. 1987. № 10. С. 56.
- ⁵⁸ Довженко Александр: «Пишу, разлученный с народом моим» // Огонек. 1989. № 19. С. 1–13.
- ⁵⁹ См. Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 126.
- ⁶⁰ См. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. 1939–1943. М., 1973. С. 380.
- ⁶¹ *Быков Василь*. «Горький привкус победы» // Аргументы и факты. Апрель 1995 г. № 17.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 69.
- ⁶⁴ См. *Волгогонов Дмитрий*. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. Кн. II. Ч. 1. С. 286.

- ⁶⁵ Бессмертие Долины Славы // Правда Севера. 1990. 17 июля; Город герой Мурманск. 1989.
- ⁶⁶ *Куманев Г.* Судьба Ивана Добробабина, одного из 28 героев-панфиловцев // Правда. 18 ноября 1988 г.; *Митько М., Куманев Г.* Ошибка писаря? Почему из числа Героев был вычеркнут один из 28 панфиловцев // Московская правда, 7 мая 1989 г. и др.
- ⁶⁷ Правда. 12 апреля 1995 г.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Бердяев Николай.* Судьба России. М., 1990. С. 144.
- ⁷⁰ *Пиккуль Валентин.* Барбаросса. Роман – размышление // Наш современник. 1991. № 8. С. 45–46.
- ⁷¹ Правда. 12 апреля 1995 г.
- ⁷² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 38.
- ⁷³ Россия. 27 июля – 2 августа 1991 г. № 29. С. 3.

УРАЛ В СТРАТЕГИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*А.В. Сперанский**

(Екатеринбург)

Ведя ожесточенную борьбу между собой, участники Второй мировой войны стремились обязательно учесть экономический потенциал, пространственные резервы и коммуникационные возможности своих противников. Поэтому внутренняя региональная структура стран вовлеченных в войну являлась одним из важнейших факторов в стратегическом военном планировании. С этой точки зрения оценка возможной роли Уральского региона в ходе военных действий занимала особое место в расчетах воюющих государств, как гитлеровского блока, так и антигитлеровской коалиции.

Начиная массированное наступление по всей линии западных границ Советского Союза, гитлеровское командование предполагало, что весь его военно-экономический потенциал ограничен Украиной, Москвой и Ленинградом. Поэтому главной задачей первого периода войны считалось полное уничтожение индустриальной базы СССР в западных районах при максимальном пресечении какой-либо возможности его ресурсного снабжения из-за рубежа. Такое видение возможного развития событий нашло полное подтверждение в плане «Барбаросса», директивы которого предусматривали «молниеносный» выход вермахта на линию Архангельск–Астрахань и одновременное установление плотной транспортной и экономической блокады СССР по всему периметру его границ. В директиве № 21 и документах уточняющих ее ставились конкретные задачи оказания максимального дипломатического нажима на Турцию, Иран, Маньчжоу-Го и Японию с целью блокирования любых внешних связей СССР и в первую очередь с Англией и США¹.

Таким образом, оценивая вероятность длительности русского сопротивления, Гитлер придавал гораздо больше значения возможностям внешнего ресурсного снабжения СССР, чем его внут-

* Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, академик Академии военно-исторических наук, заведующий отделом истории России XX века Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

ренному экономическому потенциалу. Этому способствовало и неправильное представление о военно-индустриальной базе восточных районов СССР. В частности, Урал считался всего лишь «осколком» советской силы, который легко может быть уничтожен массированными бомбардировками люфтваффе². О явной недооценке промышленного потенциала уральского региона фюрером свидетельствует и его бредовая идея создания по линии Архангельск–Астрахань некоего колоссального Восточного вала, призванного защитить «новый Восток от среднеазиатских полчищ» не столько в военном сколько в цивилизационном отношении³. Подобные установки, имевшие место в плане «Барбаросса», вне всякого сомнения носили ошибочный характер и в конечном счете в значительной мере повлияли на полный провал намеченного блицкрига. Только после нападения на СССР гитлеровские стратеги поняли истинное значение уральского региона для того периода. Уже 27 июля 1941 г. оперативный отдел Верховного главнокомандования, по-видимому, под влиянием сведений о массовой эвакуации советской военной промышленности из западных районов страны на Восток, главным образом, на Урал, составил план проведения особой операции, направленной на полное уничтожение промышленного потенциала края. Силами 8 танковых и 4 моторизованных дивизий с привлечением, в зависимости от обстановки, отдельных пехотных дивизий для охраны тыловых коммуникаций предусматривалось провести «крупную моторизованную экспедицию». С «полным соблюдением внезапности», используя имевшиеся железные и шоссейные дороги, с применением воздушной разведки, прикрытием истребительной авиацией, в сопровождении бомбардировщиков, бронепоездов она должна была добиться «ошеломляюще быстрого» захвата территории Урала и либо удерживать, если позволит обстановка, захваченное, либо снова отойти «после разрушения жизненно важных сооружений»⁴. Провал фашистского блицкрига, разгром немецко-фашистских войск под Москвой зимой 1941–1942 гг. и под Сталинградом зимой 1942–1943 гг., огромные потери немецкой авиации в самолетах, сухопутных войск – в танках в 1941 и 1942 гг. сделали абсолютно нереальными планы уничтожения уральской промышленности путем бомбардировок с воздуха или с помощью глубокого рейда моторизованных колонн. К 1943 г. относятся последние призрачные надежды руководителей третьего рейха нанести хоть какой-то ущерб уральской промышленности. По примеру японцев в Берлине стали формироваться авиационные силы особого назначения из летчиков-смертников, которые должны были использоваться для уничтожения доменных печей и других крупных промышленных объектов. Однако дальнейшие неудачи

на фронте полностью похоронили возможность практической реализации этих планов, а сведения о якобы предпринятой попытке разбомбить Полуночный марганцевый рудник в Свердловской области, по-видимому, являются легендой. Предложения о нанесении ущерба Уралу силами диверсионных групп также не имели последствий. Достоверно не известно даже о неудачных попытках таких диверсий.

Ведя против Германии и ее сателлитов военные действия, страны Западной демократии остро нуждались в союзниках. Вступление в войну СССР давало им возможность получения реальной помощи. Однако, выразив моральную поддержку борьбе против фашистского нашествия, Англия и США не спешили оказывать Советскому Союзу военно-экономическое содействие, предусмотрительно полагая, что он должен еще доказать свою способность на длительное сопротивление. В этой связи Урал, воплощавший в себе стратегическую комбинацию пространственных резервов обороны и военно-стратегического базирования, становился важнейшим фактором в дальнейшем разворачивании событий. Англичане явно недооценивали возможности уральского региона стать в чрезвычайных условиях хребтом советской обороны. У. Черчилль видел в нем только часть бескрайнего пространства России, на завоевание которого третий рейх затратит большое количество времени и сил. «Железный премьер» считал, что это ослабит немецкое давление на западе и даст возможность «владычице морей» накопить силы, перегруппировать их и перебросить в стратегически важные зоны своих интересов.

Более дальновидной была позиция американских стратегов. В отличие от англичан, уральский регион рассматривался ими не только как пространственный резерв сопротивления русских, а виделся в первую очередь как комплекс производственных мощностей, способный вооружать Красную Армию даже в случае полной потери Советским Союзом центрального промышленного района. Упорное сопротивление Красной Армии и успешная эвакуация советской промышленности в восточные районы подтвердили эту оптимистическую оценку. Способность русского фронта сопротивляться, даже «если советские войска будут отброшены за Уральские горы», на практике доказала правильность суждений Ф. Рузвельта о необходимости поддержки и сохранения Советского Союза в качестве военного противовеса Германии и сдерживающего фактора по отношению к Японии, ибо только такая политика была способна предотвратить поглощение всего евразийского пространства силами враждебными для Америки и потерю ею доминирующего влияния в Тихоокеанском и Атлантическом бассейнах⁵.

Таким образом, Урал уже в начале войны, еще не развернув в полную силу своей военно-индустриальной мощи, несмотря на наличие серьезных расхождений в оценке своей роли в ходе военных действий со стороны Англии и США, являлся краеугольным камнем стратегического планирования, предопределившего процесс складывания антигитлеровской коалиции и укрепление международного альянса против фашизма.

О роли уральского региона в возможном столкновении с агрессором серьезно задумывалось и сталинское руководство СССР. Выгодное географическое месторасположение и связанная с этим геополитическая неуязвимость края были отчетливо осознаны еще царским правительством в годы Первой мировой войны. Поэтому отнюдь не случайно, что в 1915–1916 гг. на Урал была осуществлена частичная эвакуация оборудования и рабочих механических заводов из Прибалтики и Петрограда, а местная промышленность в значительной мере переведена на изготовление военной продукции. Большевистские лидеры тоже прекрасно понимали риск основного сосредоточения военной промышленности в западных районах страны. Поэтому на необходимость размещения оборонного потенциала в безопасном в стратегическом отношении уральском регионе и превращения его в «становой оборонный хребет» неоднократно указывали на крупных партийных форумах В.В. Куйбышев, В.Н. Андронников, Р.И. Эйхе, Г.М. Кржижановский и др.⁶ При этом важно отметить, что эти указания, как правило, становились руководством к действию. В 1920–30-е гг. для создания мощной военной промышленности на Урале были развиты основные, базисные отрасли, обслуживающие нужды оборонных производств (химическая, топливная, металлургическая, машиностроительная, электроэнергетическая), освоены резервные природные ресурсы (новые рудные и угольные месторождения). За 1928–1937 гг. основные фонды уральской промышленности возросли в 12 раз, а ее валовая продукция – в 7 раз. Уральская металлургия давала 18,1% общесоюзного производства чугуна, 21,4% стали, 21,2% проката. В области машиностроения Урал занимал четвертое место после Московского, Ленинградского и Украинского промышленных районов⁷.

Однако главная задача превращения Урала в оружейный арсенал все же осталась неосуществимой. К июню 1941 г. более 80% производства военной продукции по-прежнему размещалось на территории так называемого военно-промышленного пояса СССР, расположенного в Европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград–Киев на западе и Ярославль–Воронеж–Донбасс на востоке. Здесь располагалось 85% мощностей

авиационной промышленности, все танковые заводы, 97% предприятий наркомата вооружения, 85% мощностей наркомата боеприпасов; выплавлялось 68% чугуна, 58% стали; производилось 57% проката, 74% кокса, 64% алюминия; добывалось 63% каменного угля, 71% железной руды; вырабатывалось 42% электроэнергии от объемов общесоюзного производства⁸. На Урале находились лишь отдельные военные предприятия, хотя по мобилизационным планам, при необходимости, многие уральские заводы, выпускавшие мирную продукцию, должны были перейти на выпуск военной. В частности, к выпускавшим тяжелые, средние («Северный»–Ленинградский Кировский; «Южный»–Харьковский завод им. Коминтерна) и легкие (Московский и Подольский) танки заводам в случае войны предполагалось подключить и уральские производственные мощности (Уралмаш и Челябинский тракторный)⁹. В целом же, военно-индустриальный комплекс Урала к началу сражений не был возведен до конца, что объясняется огромными временными затратами, связанными с созданием его промышленного базиса и острым недостатком денежных средств.

Кроме того, сказалось и влияние субъективных факторов. Военно-политическое руководство СССР во главе с И. Сталиным, плохо представляя себе характер современной войны, было убеждено, что возможный противник, наступая с западного направления даже с массированным применением танков и авиации, в худшем случае сумеет продвинуться не более чем на 200–300 км. В лучшем же случае удар противника будет отражен в приграничных сражениях, и Красная Армия сразу же перенесет военные действия на его территорию. То есть военная доктрина Сталина не предполагала возможности глубокого вторжения неприятеля, а следовательно и потери западных промышленных районов страны. Отсюда, несмотря на правильную оценку возможностей уральского региона, его тотальная милитаризация не форсировалась, а основной упор по-прежнему делался на более дешевый путь расширения уже существовавших военных заводов или строительство новых как можно ближе к предполагаемому главному – западному театру военных действий.

Война показала полную несостоятельность таких расчетов. В приграничных сражениях Красная Армия была полностью разбита, потеряв около 1 млн солдат убитыми, 3,8 млн – военнопленными; 3,5 тыс. самолетов, 9,5 тыс. орудий, 6,0 тыс. танков. Немецко-фашистская армия, стремительно наступая, к осени 1941 г. продвинулась в глубь советской страны на 700–1000 км, оккупировав Прибалтику, Белоруссию, Украину, Донбасс, Подмосковье, часть Ленинградской области. В результате большая часть запад-

ного военно-промышленного пояса СССР была захвачена неприятелем, а оставшаяся часть оказалась в зоне действия вражеской фронтовой авиации. Советский Союз оказался на грани военно-экономической и политической катастрофы, и спасти его теперь могло только чудо. Это была неминуемая расплата за невнимание к геополитическому фактору, за роковые геополитические и стратегические просчеты «отца народов» и его окружения, выразившиеся в недальновидном сосредоточении почти всей оборонной промышленности в уязвимых в военном отношении западных районах. Однако чудо произошло, и грозящая стране грандиозная трагедия была предотвращена благодаря самоотверженности и титаническому труду населения восточных регионов, где на основе местных и эвакуированных предприятий была создана практически новая военно-промышленная база. За 1941–42 гг. на Восток была перемещена целая индустриальная держава, включавшая в себя 2 тыс. 593 промышленных предприятий¹⁰.

Важнейшим звеном формирования этого, не имевшего аналогов в мировой истории, оборонно-индустриального комплекса вне всякого сомнения являлся уральский регион. К осени 1942 г. на его территории были размещены оборудование и рабочая сила более 830 предприятий, 212 из которых приняла Свердловская область, 200 – Челябинская, 124 – Пермская, 90 – Оренбургская, 172 – Башкирская АССР, 34 – Удмуртская АССР¹¹.

Великое передвижение на Восток предполагало не только оперативное перемещение промышленного оборудования. Важнейшими задачами являлись прием, размещение и трудоустройство эвакуированного населения. За период с июля 1941 г. по декабрь 1942 г. уральский регион принял 2 млн 127 тыс. человек (Свердловская область – 719 тыс. человек, Челябинская – 500 тыс. человек, Пермская – 315 тыс. человек, Оренбургская – 240 тыс. человек, Башкирская АССР – 278 тыс. человек, Удмуртская АССР – 75 тыс. человек), что составило более четверти от всех эвакуированных в Российской Федерации¹². К концу 1942 г. их удельный вес среди населения Урала достиг 9,7%. Из переехавших на Урал людей 51,7% разместились в городе, 48,3% – в сельской местности¹³. Масса переселенцев, прибывшая в уральские города, значительно усилила плотность проживания в них. Так численность жителей Свердловска за годы войны выросла с 423 тыс. человек до 620 тыс., Уфы – с 258,0 до 380,0, Ижевска – со 184 до 205,9, Нижнего Тагила – со 160,0 до 239,0, Орска – с 66,0 до 99,0, Сарапула – с 41,2 до 55,0, Воткинска – с 40,5 до 52,8¹⁴. Увеличение населения Урала за счет прибывших в эвакуацию приводило к чрезмерной скученности, антисанитарным условиям проживания, способствовало возникновению бытовых конфликтов и

социальных неурядиц. Фактическая обеспеченность жильем на Урале по разным ведомствам, территориям, типам жилья, колебалась от 0,8 до 4,0 кв. м¹⁵. К концу войны в западные и центральные районы с Урала возвратились более 80% эвакуированных, и их численность в регионе составила всего 361 тыс. человек.

Эвакуация рабочей силы на Урал в значительной мере облегчила решение кадровой проблемы, возникшей в производственной сфере в связи с мобилизацией трудящихся на фронт. Из всех трудоспособных людей, прибывших в регион, 55% активно включились в работу на промышленных предприятиях. В среднем доля эвакуированных работников в индустриальном производстве Урала к концу 1942 г. составила 31%. На некоторых объектах она достигала 50–75%, что фактически приводило к формированию нового трудового коллектива¹⁶.

Действенными мерами по восполнению трудовых ресурсов было привлечение на производство пенсионеров (4,3% – в промышленности; 14,8% – в аграрном секторе), женщин (соответственно 47,7% и 74,6%)¹⁷. Значительно вырос количественный показатель детского труда. Разрыв между потребностями производственной сферы Урала и ее обеспеченностью рабочей силой также в значительной мере преодолевался введением трудовой повинности и созданием трудовой армии. В эти подразделения направлялись люди признанные негодными к строевой службе в армии или считавшиеся неблагонадежными по социальному и национальному признаку. К январю 1942 г. трудовая армия на Урале насчитывала около 290 тыс. бойцов, среди которых более 50% составляли т.н. советские немцы и выходцы из Средней Азии и Казахстана. Лагерные формы функционирования трудовой армии, голод, холод, униженное положение, адский труд способствовали массовой гибели людей. Так в лагерях «Челябметаллургстроя НКВД» состав немецких бригад численностью в 50 тыс. человек за 1942–1943 гг. обновлялся по 2–3 раза. В Молотов Лаге и Ивдель Лаге из 10–15 тыс. человек к концу войны в живых осталось по 2–3 тыс.¹⁸

Для обеспечения производственных мощностей региона достаточным количеством рабочих рук использовался труд и других групп «спецконтингента»: заключенных, военнопленных, спецпереселенцев. Особенно активно они использовались в традиционно трудоемких процессах: в добывающей промышленности, на лесоповале и т.п. Суммарная выработка норм в системе уральского ГУЛАГа увеличилась в 2 раза, а условия содержания намного ухудшились. Следствием этого явился повышенный рост смертности от общего числа заключенных, достигавший в годы войны 18,5%¹⁹. Несмотря на естественную убыль, связанную с мобилиза-

цией на фронт и гибелью от невыносимых условий труда, «спецконтингент» уральского ГУЛАГа не имел серьезной тенденции к уменьшению, ибо постоянно пополнялся за счет военнопленных и интернированных иностранных граждан. К 1945 г. численность пленных в регионе достигла максимальной цифры в 250 тыс. человек. Вклад этого контингента в военную экономику Урала был достаточно весом, если учесть, что только в Свердловской области в 1945 г. доля военнопленных и интернированных составляла 6,4% от общего числа рабочих и служащих, занятых в промышленности, строительстве и местном хозяйстве²⁰.

В целом, оценивая политику властей в решении кадровых проблем отметим, что в первую очередь она была направлена на максимальное расширение трудового потенциала в промышленности. Убыль же трудоспособного населения деревни практически не восполнялась. В результате, при общем сокращении населения Урала за военный период более чем на 1 млн человек (на 7,7%), удельный вес горожан, учитывая эвакуацию в регион главным образом промышленно-оборонных предприятий, увеличился с 37,5% до 49,4%, а сельское население сократилось с 62,5% до 50,6%²¹. Это выравнивание долей жителей города и деревни, произошедшее к концу войны впервые в истории региона, имело крайне противоречивые экономические последствия. Промышленность сделала колоссальный шаг вперед, а сельское хозяйство оказалось не в состоянии сохранить производство даже в довоенных размерах.

Процессы, проходившие в уральской промышленности в годину суровых испытаний, были ускоренным продолжением милитаризации народного хозяйства, предпринятого И.В. Сталиным еще в довоенный период, поэтому вряд ли представляли собой какую-либо перестройку советской экономики на военный лад. Они не сломали устоявшихся форм руководства, полностью сохранили централизованное планирование и распределение. Однако сочетание командно-административных методов управления с трудовым подъемом населения в экстремальных условиях войны дало положительный эффект. К концу военных действий на заводах и фабриках края трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, обеспечивших превышение довоенного уровня выпуска промышленной продукции в 3,6 раза. Доля Урала в производстве электроэнергии в 1945 г. составила 28,3% против 12,8% от уровня 1940 г. Добыча угля увеличилась в 2,2 раза, нефти – в 1,2 раза, газа – в 8,8 раз, торфа – в 1,5 раза. Металлурги выплавляли 58% чугуна и свыше 50% стали, производившихся в стране. Урал был единственным поставщиком магнетита, многих легких металлов. Он стал основным арсеналом армии. За годы войны

выпуск оборонной промышленности увеличился здесь в 6 раз. В 1942–1945 гг. на долю региона приходилось около 40% продукции специального военного назначения, выпускавшейся в стране. Это было больше, чем доля Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии вместе взятых. Промышленность Урала производила 2/3 танков, выпускавшихся в СССР, что превышало производство этого вида вооружений всей Германией²². На уральских заводах делались все тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки, 3/4 стрелкового оружия, не менее 50% артиллерийских систем и боеприпасов. Здесь выпускались также авиамоторы, турбины для кораблей, телефонный кабель, авиационная фанера, пороховая целлюлоза и др.

В то же время в аграрном секторе уральского региона наблюдалось явное падение сельскохозяйственного производства. Величайшая самоотдача сельского населения, попытки властей административно-правовыми методами стабилизировать положение способствовали лишь некоторому торможению этого процесса, но полностью остановить его были не в состоянии. В результате, колхозы и совхозы Урала, работавшие на износ, подошли к концу войны очень ослабленными, с разрушенными производительными силами. За годы войны были значительно сокращены посевные площади, уменьшилось поголовье скота. Как следствие этого снизились урожайность и валовые сборы в земледелии, упали продуктивность скота и производство животноводческой продукции. К концу войны объем сельскохозяйственной продукции Урала сократился на 18,5% по сравнению с довоенным периодом. Посевные площади зернобобовых уменьшились на 33,2%, а их валовый сбор на 44,8%. Количество крупного рогатого скота снизилось на 3,8%, свиней – на 55,9%, лошадей – на 44,6%, овец и коз – на 34,2%²³.

В заключение, подчеркивая фактическую значимость Урала в геополитических итогах Второй мировой войны, отметим, что регион, неожиданно для многих стратегов ставший «становым хребтом» обороны и смертоносного для фашистской Германии русского наступления, во многом определил не только судьбу России, но и всего послевоенного устройства мира. Однако цена достигнутой победы оказалась для края чрезвычайно дорогой и горькой. Значительные потери уральцев на фронте, чрезмерная интенсификация труда, стимулирующая повышение заболеваемости и смертности, общее снижение уровня материально-бытового обеспечения населения, истощение природных ресурсов и резкое ухудшение экологической обстановки – все эти негативные последствия колоссального напряжения сил в годы военного лихолетья стали тяжелым бременем для процесса его послевоенного развития.

- ¹ *Аморт Ч.* План «Барбаросса». (По документам верховного командования вермахта) // История СССР. 1966. № 6. С. 160.
- ² *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 86.
- ³ *Зубков К.И.* Урал в геополитических стратегемах Второй мировой войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 50.
- ⁴ Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. М., 1967. С. 217.
- ⁵ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 645–646.
- ⁶ XV съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. Т. 2. М., 1935. С. 801, 824, 841, 870; XVI съезд ВКП(б). Стенограф. отчет. М., 1931. С. 560.
- ⁷ *Сперанский А.В., Корнилов Г.Е.* Великая Отечественная война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 107.
- ⁸ *Гаврилов Д.В.* Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 56.
- ⁹ *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 74.
- ¹⁰ Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985. С. 802.
- ¹¹ Урал – фронт. М., 1985. С. 45; *Футорянский Л.И.* Размещение эвакуированных предприятий на Южном Урале // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 95; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск, 1996. С. 32, 33.
- ¹² Свердловская область за 50 лет. Свердловск, 1984. С. 125; *Наумова А.Г.* Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Пермь, 1960. С. 33; Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917–1967. Челябинск, 1967. С. 322; *Безверхний А.З.* В едином боевом лагере. Челябинск, 1965. С. 25; Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 41; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ижевск, 1996. С. 11.
- ¹³ *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 135.
- ¹⁴ Великая Отечественная война. Энциклопедия... С. 635, 751; Удмуртия в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)... С. 46; *Зинич М.С.* Война и жизненный уровень населения // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 84.
- ¹⁵ ЦГАУР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 349. ЛЛ. 168–169; Д. 375. Л. 11; *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С. 119, 124.
- ¹⁶ *Сафронов А.А.* Перераспределение трудовых ресурсов между западными регионами страны и Уралом в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 166.
- ¹⁷ *Антуфьев А.А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 250; Подсчитано автором по: *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 39, 40.
- ¹⁸ Советские немцы: история и современность. М., 1990. С. 22, 23, 180, 282, 283.

- ¹⁹ *Палецких Н.П.* Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны... С. 25; *Смыкалин А.С.* Пенитенциарная система страны в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 117.
- ²⁰ *Мотрович В.П.* Иностранцы граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 98, 99.
- ²¹ *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 23.
- ²² *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 41, 49, 50, 77, 109, 110; *Промышленность СССР. Статистический сборник.* М., 1957. С. 142, 143, 153, 156, 165; *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1965. С. 143, 149, 240; *Алексеев В.В.* Урал в Отечественной войне: цена побед и поражений // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 9.
- ²³ *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)... С. 105, 104.

ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОБЕДУ

*Г. А. Куманев**

(Москва)

Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала, что исход многих крупных сражений и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их экономики. Хотя поражение или достижение победы в той или иной операции во многом зависело и от других факторов, успеха, как правило, добивались армии, оснащенные современными средствами вооруженной борьбы и опиравшиеся на достаточно мощный и надежный военно-экономический потенциал.

В этом плане представляется весьма поучительным опыт мобилизации и функционирования в 1941–1945 гг. планового народного хозяйства СССР. В экстремальных военных условиях оно проявило поистине неисчерпаемые потенциальные возможности и такие высокие качества, как живучесть, эффективность, мобильность и маневренность. Если же говорить о человеческом факторе, то необходимо подчеркнуть, что 1941–1945 гг. стали временем смелых и оригинальных производственно-технических решений, небывалого подъема творческой мысли тружеников советского тыла. Смертельная угроза, нависшая над страной и интересы защиты родного Отечества потребовали от них громадного напряжения всех физических и духовных сил, значительного роста производительности труда, повышения оперативности, организованности в работе.

Но усилия миллионов советских людей по созданию превосходства над врагом в средствах вооруженной борьбы: в металле и хлебе, топливе и сырье, в массовом выпуске высококачественной военной продукции не имели бы желаемых результатов без достаточно компетентного руководства со стороны власти, стоявшей во главе Советского государства.

Ведь от нее требовалось с самого начала фашистской агрессии не только определить и четко сформулировать первоочередные военно-хозяйственные задачи по достойному отпору врагу,

* Куманев Георгий Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН.

которые встали перед страной и народом. Необходимо было через государственные и партийные органы довести их до сознания каждого советского человека, а затем строго и неуклонно претворять в жизнь. От глубоко продуманных программных и конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависел как ход военных действий на полях битв и сражений, так и последовательный рост и укрепление советского тыла, его экономики.

И если мы зададимся вопросом, какова же была, к примеру, компетентность в военно-хозяйственной области членов Советского правительства во главе с И.В. Сталиным, то многочисленные факты и документы свидетельствуют в целом о высоком уровне этой компетентности.

К началу Великой Отечественной войны в стране действовало 43 общесоюзных и союзно-республиканских народных комиссариата. К концу войны их число увеличилось на один наркомат. Посты наркомов за военные годы занимали 60 человек. Сравнительно небольшой процент их сменяемости и обновления (в основном по болезни и смерти) с учетом невиданно тяжелой четырехлетней войны говорит сам за себя. Более 2/3 наркомов достойно выдержали все невероятные тяготы и испытания, а также огромный груз ответственности.

Качественный состав народных комиссаров военных лет, занимавшихся производством (они нас интересуют в первую очередь), в целом отвечал задачам и требованиям экстремальной обстановки. Допуская отдельные (иной раз даже неизбежные в тех чрезвычайных условиях) упущения и промахи, они овладевали умением учиться на ошибках, быстро их устранять и не допускать впредь. Значительная часть из тех, кто в предвоенные годы совсем молодыми были выдвинуты на руководящие правительственные посты, как правило, проходили в предшествующее время все ступени на предприятиях от простого рабочего или инженера до наркома. Получая при этом необходимое образование, они вырастали на благодатной производственной почве (а не из теоретических или хозяйственно-экономических журналов, как бывает сегодня), формируясь в крупных знатоков, больших специалистов своего дела. То же можно сказать и о многих заместителях наркомов, начальниках главков, железных дорог, шахт, нефтепромыслов и о других руководителях промышленных предприятий, проявивших себя в 1941–1945 гг. в качестве опытных и умелых командиров тыла. В целом на высоте оказались и работники государственных плановых органов. В невероятно сложной атмосфере, не располагая достаточным временем, они сумели удивительно быстро восполнить зияющий пробел, а именно – отсутствие за-

благоразумно разработанных четких, конкретных и, главное, реальных планов перестройки народного хозяйства СССР на военный лад, включая и эвакуационные планы. Его последующее развитие и превращение в мощное военное хозяйство, несмотря на огромные потери и трудности первых военных месяцев, шло весьма планомерно и целеустремленно.

Что касается более конкретной оценки Сталина как главного организатора военной экономики СССР, то во время одной из встреч (13 июня 1984 г.) с Молотовым, Вячеслав Михайлович так ответил на этот мой вопрос: «Всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством как Председателя ГКО и правительства. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу».

Можно, конечно, усомниться в убедительности этих слов, предъявив их автору претензии в пристрастии и необъективности. Но ведь подобную высокую оценку военно-хозяйственных знаний и действий Сталина дали мне и такие видные и авторитетные руководители советской экономики – наркомы военных лет, как А.И. Микоян, М.Г. Первухин, А.И. Шахурин, Д.Ф. Устинов, А.В. Хрулев, Д.Г. Жимерин, З.А. Шашков, П.Н. Горемыкин, П.Ф. Ломако, Н.К. Байбаков, Г.М. Орлов, С.З. Гинзбург, А.А. Ишков, П.П. Лобанов, И.А. Бенедиктов, И.В. Ковалев и другие. Причем встречи и беседы с ними происходили спустя 15–20 лет и более после кончины Сталина. И хотя некоторые из них в свое время испытали на себе сталинскую несправедливость, его оценка у всех оказалась единодушной. И, думается, прежде всего потому, что она основывалась на результатах того, что смогла дать фронту под руководством Председателя ГКО и правительства советская военная экономика, с каким уровнем она встретила войну и с какими конечными итогами пришла к Великой Победе в мае сорок пятого...

* * *

Основы этой, не только военной, но и экономической победы были заложены еще в годы довоенных пятилеток, когда советский народ, возглавляемый партией коммунистов, воплощал в жизнь планы социалистического переустройства общества. Необходимо было в невиданно короткие сроки преодолеть унаследованную от дореволюционной России экономическую отсталость и превратить страну в современную индустриальную, экономически независимую державу.

Что же было сделано в довоенные годы? Вкратце остановимся на этом. Процесс реализации всех грандиозных планов осуществлялся тогда в чрезвычайно трудной и противоречивой обстановке, когда в строительстве нового общества наряду с большими преобразованиями в материальной и духовной жизни народа происходили серьезные деформации, усиливалась тоталитарная система, нанеся немалый ущерб Советскому государству, идеалам социализма.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредотачивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления.

Советский Союз представлял собой огромную строительную площадку. В течение довоенных пятилеток в стране было сооружено и введено в действие 9 тыс. крупных предприятий, в том числе за первые годы третьей пятилетки – около 3 тыс.¹

Производство средств производства по сравнению с 1913 г. увеличилось в 13,4 раза². Получили развитие качественная металлургия и точное машиностроение. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1940 г. превышала уровень промышленного производства Советской России в 1920 г. в 38 раз, а продукция машиностроения и металлообработки – даже в 512 раз³. Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров.

На базе индустриализации страны удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за эти три года третьей пятилетки (1938–1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной – 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях возраставшей угрозы гитлеровской агрессии⁴.

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-Морскому Флоту были переданы десятки новых современных кораблей⁵.

Однако перевооружение Красной Армии не было полностью завершено. По оснащению советских войск некоторыми важными видами вооружения и боевой техники они отставали от германского вермахта. Серийное производство новых типов танков и самолетов только начиналось. Устранять эти недостатки пришлось уже в ходе смертельного поединка с агрессором.

Много было сделано во время пятилеток и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велось сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше⁶.

Важные изменения произошли в сельском хозяйстве. Хотя при переводе крестьянских хозяйств на коллективные рельсы были допущены серьезные отступления от ленинских идей кооперирования, все же в целом коллективизация в укреплении позиций социализма в деревне являлась поворотом принципиального значения. Сельское хозяйство СССР стало многоотраслевым, более продуктивным и механизированным. В предвоенные годы государственные заготовки увеличились в 2,5 раза по сравнению с доколхозной деревней⁷.

Большое оборонно-экономическое значение имело создание материальных резервов. С 1940 г. по июнь 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы были увеличены в 2 раза⁸.

Все эти факты показывают несостоятельность утверждений некоторых западных историков и ряда доморощенных фальсификаторов истории и публицистов о якобы слабости, военно-экономической отсталости и «потрясающей» неподготовленности СССР к своей защите накануне войны.

Перед Великой Отечественной войной СССР по объему продукции машиностроения и по добыче железной руды занял второе место в мире и первое в Европе, по выплавке чугуна и стали и по производству электроэнергии – третье место в мире и второе в Европе, по добыче угля – четвертое место в мире и третье в Европе⁹.

Как свидетельствуют многочисленные документы, строительство нового мира, развернувшееся в стране в мирные довоенные годы, отличалось высоким трудовым энтузиазмом и духовным подъемом многомиллионных масс трудящихся, в основе которых лежали глубокий патриотизм, искренняя вера советских

людей в реальность социалистических идеалов Октября, желание видеть свою Родину сильной и могучей, поставить надежный заслон для отражения любой агрессии.

Однако к моменту нападения на СССР Германия обладала не только огромной ударной силой своих войск, но и поставила под свой контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. Эти страны ежегодно производили более 19,3 млн т чугуна, 22,3 млн т стали, 149 млн т каменного угля, 2215 тыс. т бокситов¹⁰. На 1 апреля 1941 г. 4876 предприятий оккупированных стран было привлечено к выполнению заказов вермахта¹¹. В распоряжении военной экономики Германии была металлургическая и машиностроительная индустрия ее союзников, нефть Румынии, бокситы Венгрии, вольфрам и олово Португалии, лес Финляндии и т.д. К июню 1941 г. мощности фашистского рейха по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2–2,5 раза больше, чем Советского Союза. Кроме того, в оккупированных европейских странах гитлеровская Германия захватила громадные запасы металла, стратегического сырья, оборудования и весь арсенал вооружения. К ней перешли оружие, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Военная продукция одних только чехословацких предприятий «Шкода» могла снабдить многими видами вооружения около 40–45 немецких дивизий¹².

Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной, самой мощной ударной силой капиталистического мира.

А теперь перейдем непосредственно к раскрытию настоящей темы. При этом основное внимание будет уделено первому, наиболее сложному и драматическому периоду Великой Отечественной войны. Внезапно разразившаяся фашистская агрессия, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны поставили советскую экономику уже в первые дни и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение. В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий. Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики:

промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи – задач борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие ранее подготовленных (в частности, мобилизационного плана по боеприпасам) и новых мобилизационных планов, существенного перераспределения материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и строгого контроля в деле их распределения, нормирования и расходования. Это был далеко не безболезненный процесс, сопровождавшийся значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усугублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушенной связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах войны, что нашло отражение в некоторых абсолютно нереальных решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской, Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л.М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в III квартале 1941 г. 24 июня, наряду с весьма важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации, Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»¹³. Между тем и в первом и во втором случаях указанные железные дороги и районы в первые дни войны оказались или в зоне непосредственных боевых действий, или уже были захвачены врагом. В последующем, особенно после создания 30 июня 1941 г. высшего органа сражающейся страны – Государственного Комитета Обороны (ГКО), руководство СССР и в первую очередь Сталин имели, как правило, довольно полную информацию о действительном положении на фронте и в тылу.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались меры, касающиеся экономической жизни страны, в частности, введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска

населению промышленных и продовольственных товаров и др. Однако первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам¹⁴. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии. Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для всего народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был план, в котором уже зримо проступали черты военной экономики. Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26%¹⁵. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом ударных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля И.В. Сталина. Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении В.М. Молотова стали находиться вопросы производства танков, Г.М. Маленкова – самолетов и авиационных моторов, Н.А. Вознесенского – вооружения и боеприпасов, А.И. Микояна – продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л.П. Берия – самолетов и ракетной техники, Л.М. Кагановича и А.А. Андреева – транспортные перевозки. Факты и документы говорят о том, что почти три четверти всех членов ЦК ВКП(б) приняли непосредственное участие в организации военной экономики. На решение военно-хозяйственных задач были направлены усилия и значительная часть работников всех звеньев партийного и советского аппарата в тылу.

Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной Армии летом 1941 г. Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казах-

стана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты.

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии¹⁶. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд руб., а на социально-культурные мероприятия – на 16,5 млрд руб.¹⁷

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью. Важнейшей функцией высшего чрезвычайного органа государственной власти – Государственного Комитета Обороны – являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР, как орган общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомы РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспреде-

лять между предприятиями материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись права наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспособлялось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции. Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в III квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность. Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г.¹⁸

По отдельным промышленным наркоматам удельный вес военной продукции в июле 1941 г. по сравнению с июнем вырос в следующих размерах¹⁹:

Таблица 1

Удельный вес военной продукции
в общем производстве валовой продукции (в %)

№№	Наркоматы	1941 г.		
		июнь	июль	% роста
1	Наркомат черной металлургии	30	40	10
2	Наркомат цветной металлургии	60	75	15
3	Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
4	Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
5	Наркомат общего машиностроения	39	58	19
6	Наркомат электропромышленности	40	50	10
7	Наркомат химической промышленности	40	60	20
8	Наркомат станкостроения	50	70	20
9	Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
10	Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
11	Наркомат легкой промышленности	30	50	20
12	Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А.И. Шахурин) стали давать во все возрастающих количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь–декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и юга Европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах. После того, как был принят мобилизационный план по танкостроению, В.А. Малышев – нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности – выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения, танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. К концу 1941 г. на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На заводе всей страны – Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. К концу года завод выпустил первые 606 корпусов. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах великой русской реки Волги. Другой волжский танкостроительный производственный комплекс во главе с заводом «Красное Сормово» сложился в Горьком в результате кооперирования этого завода с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий. Таким образом, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод – легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь». К концу 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов²⁰. В течение второго полугодия 1941 г. танкостроители изготовили 4649 танков, в том числе свыше 40%

легких, 39% средних. Правда, количество выпущенных тяжелых танков типа «КВ», производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе, увеличилось в IV квартале 1941 г. на 108 штук, но выпуск средних танков Т-34 за тот же период снизился почти на 500 машин*. В целом план производства танков удалось выполнить лишь на 61,7%²¹. Однако в I квартале 1942 г. определился перелом²².

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в ноябре 1941 г. их было построено в 3,6 раза меньше, чем в сентябре, когда удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. В декабре план по самолетам был выполнен только на 38,8%, а по авиадвигателям на 23,6%. Осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов и, в частности, Центрального промышленного района Российской Федерации, дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находилось еще на колесах. На действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнергией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин. Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и обеспечить его неуклонный рост. И если в IV квартале 1941 г. было выпущено самолетов всех типов 3171 шт., то в I квартале 1942 г. – 3740, во втором – 6004, а в III-ем уже 7388 шт.²³ По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»²⁴.

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения.

* Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами Т-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.

На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14 200 батальонных минометов и только 3800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября–декабря 1941 г. 15 500 ротных минометов (50 мм), 8445 батальонных (82 мм), 400 горно-вьючных (107 мм) и 169 полковых (120 мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства²⁵. 26 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с этого же дня стал один из опытных организаторов военного производства П.И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены.

В течение второго полугодия 1941 г. страна получила 42,3 тыс. минометов, или в среднем 7 тыс. в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составил только 1,7 тыс.

Ускоренно шла реализация постановления Государственного Комитета Обороны от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45 и 76-мм калибра²⁶.

Нарком вооружения военных лет Д.Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г., вспоминал, как повседневно и строго контролировал ГКО и непосредственно Сталин производство этих пушек.

«Мне не раз приходилось докладывать И.В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции, – отмечал Д.Ф. Устинов. – На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было.

Проекты постановлений ГКО о производстве 45 и 76-мм пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н.А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось». Обсуждение

было неллицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной Армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: «ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление».

Об успешной реализации настоящего решения Государственного Комитета Оборона свидетельствуют данные таблицы 2²⁷.

Таблица 2

Виды пушек	Квартал				Всего за 1941 г.
	I	II	III	IV	
76-мм (полевые всех типов), шт.	96	8	601	3465	4170
45-мм (противотанковые), шт.	8	4	78	1196	

Из таблицы следует, что в IV квартале по сравнению с III кварталом выпуск 76-мм пушек возрос в 5,7 раза, а 45-мм пушек – в 15,3 раза. В начале войны из-за перевода артиллерийских заводов на выпуск орудий среднего калибра было уменьшено производство 152-мм и 203-мм орудий. Однако в дальнейшем артиллерийская промышленность СССР освоила выпуск в значительных размерах всех необходимых артиллерийских систем (как полевых орудий, так и зенитных, танковых, авиационных).

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П.Н. Горемыкин, а с февраля 1942 г. – Б.Л. Ванников) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного артиллерийского управления маршала Г.И. Кулика было прекращено. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с толстой

броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-мм бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Месячный выпуск выбывших предприятий составлял 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, 7,9 взрывателей, 5,4 млн средств воспламенения, 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила²⁸.

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы войнам Красной Армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание в двухдневный срок перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников²⁹. Ответственное задание было выполнено. И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50–60% плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств³⁰, а в 1942 г. – 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств³¹. Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.³²

В судостроительной промышленности (нарком И.И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и др. видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с боль-

шим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства в свою очередь делало необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы и прежде всего в восточных районах, где, как уже отмечалось, разворачивалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И.Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания*.

Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневое проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам и прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината пришлось впервые в мировой практике, к тому же в короткий срок, освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле–августе 1941 г. 70% плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цехи более чем на 50% давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали³³.

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блю-

* В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г.: – 124 коксовых батарей общим объемом 64 589 м³; – 61 доменной печи общим объемом 42 285 м³; – 204 мартеновских печей с общей площадью пода 5809 м²; – 16 больших конверторов; – 150 прокатных станов; – 14 трубопрокатных станов и др.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 191.

минг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле. В октябре 1941 г. магнитогорцы увеличили выпуск броневго листа по сравнению с августом в 3 раза, в декабре – уже в 7 раз. Металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока. За короткое время на производство качественной стали и проката был переведен Кузнецкий металлургический комбинат³⁴.

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4% от общего количества проката, а специальный прокат 28,3% от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный прокат составил 36,9%, а специальный – 55,7%. В августе эти показатели достигли соответственно 42,7% и 54,3%, а в октябре – уже 70,7% и 58,3%³⁵.

«Это был далеко не механический процесс, – писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П.И. Коровов. – Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков».

Намеченные правительственным графиком на ноябрь 1941 г. – январь 1942 г. меры по увеличению мощностей металлургических заводов приравнивались к мерам особо важного оборонного значения.

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанции в первые месяцы войны возглавлял А.И. Летков, затем с января 1942 г. – Д.Г. Жимерин, а Наркомат электропромышленности – И.Г. Кабанов). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты сроч-

ные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций – основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередач Кемерово-Ленинск и Мундыбаш-Таштагол. 17 ноября правительство приняло постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции»³⁶.

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С.З. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности. Для ускорения сооружения новых электростанций изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Однако, несмотря на ускоренный ввод в эксплуатацию новых электростанций, выработка электроэнергии в системе Наркомата электростанций СССР в декабре 1941 г. составила только 52% по сравнению с июнем. Положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временным выходом из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где развертывалась военная промышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия. В течение первого полугодия 1942 г. производство электроэнергии в СССР сократилось на 5,3 млрд квт. ч. Только во второй половине 1942 г. удалось, наконец, остановить его дальнейшее падение и обеспечить рост по сравнению с первой половиной года на 6,3%.

Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По наркоматам обороны, Военно-Морского Флота, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодю 128%, по Наркомату вооружения – 14%, по Наркомату боеприпасов – свыше 200%³⁷. Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перемещенных предприятий. Если в первом полугодии удельный вес

капитальных работ этих районов в общем объеме строительства по СССР составил около 57%, то во втором полугодии он уже поднялся до 80%.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П.Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат³⁸.

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горянки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты – моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья. Если в 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды составлял 8,4%, то в 1942 г., когда вступили в эксплуатацию рудники Джездинского месторождения в Казахстане, восточные районы давали 84,7% всей добычи марганцевой руды в стране.

В восточных районах СССР и особенно в Казахстане и Узбекистане быстро также развертывалась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В.В. Вахрушев) значительно увеличения добычи угля, и прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны. В конце 1941 – начале 1942 г. в Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических

работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами. Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14% угля страны, стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И.К. Седин, а с декабря 1944 г. – Н.К. Байбаков) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР, во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3%, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив, снизился до 11,9%³⁹. Поэтому, помимо форсированной добычи нефти в стране в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана, ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе «Второго Баку» – в Поволжье и Прикамые. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район – один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы невывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл (соответственно – 1268 тыс. т и 790 тыс. т – в конце октября и 1613 тыс. т и 573 тыс. т – в конце ноября 1941 г.)⁴⁰. Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти. Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении в размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в III квартале 1941 г. из-за враже-

ской оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в IV квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась⁴¹.

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И.Ф. Денисов, а с февраля 1942 г. – М.Г. Первухин). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50% мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77% – серной кислоты, 83% кальцинированной соды и т.д. В связи с этим центральными и местными органами были приняты энергичные меры как по восполнению понесенных потерь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азототуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство такого важного компонента военной продукции как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготавливавших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Щелковского и Дорогомиловского химических заводов. Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. (хотя и с неодинаковыми темпами в ее различных отраслях) продолжал снижаться, составив в IV квартале лишь 44% от довоенного уровня. Постепенный подъем наступил только во II квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли: С.Г. Лукин, В.П. Зотов и И.Н. Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все шейные фабрики – на

пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих, значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их насчитывалось лишь 18,4 млн человек. В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П.Г. Москатовым⁴². (Позднее Комитет стал заниматься и учетом рабочей силы. Его возглавил Н.М. Шверник.) Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на одну треть повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики*, женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система государственных трудовых резервов. Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями. Так, во второй поло-

* 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.

вине 1941 г. в производство влились 50 тыс. домохозяек и 360 тыс. учащихся 8–10 классов.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны. Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны⁴³.

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями 26 декабря 1941 г. и 13 февраля 1942 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»⁴⁴. Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте.

В целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война, и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а

также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Оборона, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И.А. Бенедиктов и П.П. Лобанов).

Требовалось прежде всего в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что были мобилизованы на нужды фронта части тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67% колосовых культур, а в совхозах – 13%⁴⁵. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то, что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. было убрано только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно одну восьмую всех зерновых, заготовленных в тыловых районах страны⁴⁶.

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на

Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства – Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане. Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров. Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8% в 1940 г. до 36–42% в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9% в 1940 г. до 75% в 1942 г.⁴⁷ Активно вовлекались в производство подростки. Если в 1940 г. в тыловых районах работало 4,4 млн подростков и престарелых, то в 1942 г. их число достигало 6,1 млн чел. Дополнительную рабочую силу, особенно во время уборки урожая, деревня получала за счет временной мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей, не занятых в колхозном производстве. В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше одного миллиарда пудов зерна. В тех труднейших условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраст-

тавшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях. Враг сразу же сделал попытку перерезать и парализовать транспортные артерии страны, с особым ожесточением бомбардируя мосты, переправы, пристани и железнодорожные коммуникации. Перестройка работы железных дорог вновь (нарком путей сообщения Л.М. Каганович, с марта 1942 г. – А.В. Хрулев, с февраля 1943 г. – Л.М. Каганович и с декабря 1944 г. – И.В. Ковалев) началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 г. – литер «А», который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 часов 24 июня взамен имевшегося в распоряжении дорог воинского графика 1938 г.⁴⁸ Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов. Одновременно были приведены в действие и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности, открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т.п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца⁴⁹. Всего за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения Советских Вооруженных Сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений⁵⁰. За первые 40 дней войны по железным дорогам было перевезено на фронт 2,5 млн человек. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов⁵¹. Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г. Перевозки же осталь-

ных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе⁵².

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл, потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили обратно раненых и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» – с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась, и пропускная способность увеличивалась иногда в 2–3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41%. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, во втором полугодии 1941 г. было перевезено народнохозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии⁵³. Однако железнодорожный транспорт выдержал самое большое испытание военных лет. Важную роль сыграли меры, принятые ГКО в первые месяцы 1942 г., по созданию устойчивости в работе железных дорог, в том числе учреждение 14 февраля при Государственном Комитете Обороны специального органа, координирующего все перевозки, – Транспортного комитета под председательством И.В. Сталина.

В первые месяцы войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта. Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З.А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне. Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной Армией левого берега Днепра флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С.С. Дукельский, а с февраля 1942 г. П.П. Ширшов) на Черном море и Северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования. Моряки своей самоотверженной работой внесли значительный вклад в оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Мурманска.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, во время войны приобрел исключительно важное значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354 200 т грузов. За это же время по той же трассе удалось вывезти в тыл 514 069 человек⁵⁴.

На базе автомобильных парков городских и промышленных хозяйств в первых числах ноября 1941 г. по решению ГКО были созданы автоколонны в Москве, Ярославле, Горьком, Рязани, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Сталинграде. Эти колонны, находившиеся в распоряжении облисполкомов, перевозили эвакуированные грузы и население, подвозили сырье и материалы для промышленных предприятий, продовольствие для населения городов.

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за шесть месяцев 1941 г. и первую половину 1942 г. составил 15,9 млн тонно-км. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ – 572 тыс. пассажиров⁵⁵.

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

Важнейшей частью военной перестройки народного хозяйства с самого начала войны стала эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов Советского Союза на Восток. О ней мы уже не раз упоминали в настоящем тексте. Это была вынужденная, но весьма необходимая производственная операция, вызванная крайне неблагоприятной обстановкой, которая сложилась на фронте с первых дней фашистской

агрессии. Из угрожаемых районов различными видами транспорта в 1941–1942 гг. удалось эвакуировать миллионы людей, тысячи предприятий, сотни тысяч тонн сырья, топлива, громадные ресурсы сельского хозяйства и другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опубликованной 20 июля 1942 г. в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на восток, – говорилось в статье, – одна из величайших саг в истории». Высокую оценку осуществленному в СССР перебазированию производительных сил дал в своей книге «Россия в войне 1941–1945» английский публицист А. Верт. «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее “расселение” на востоке, – писал он, – следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»⁵⁶.

В дни эвакуации советская экономика переживала самые большие трудности за все время войны. Предприятия, составлявшие более трети общей производительной мощности важнейших отраслей промышленности, вследствие вражеского нашествия и вынужденной эвакуации временно прекратили выпуск продукции. Все это привело к значительному падению общего объема промышленного производства. Валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза. При этом выпуск проката черных металлов – основы военной индустрии к концу года против июня 1941 г. уменьшился в 3,1 раза, выпуск проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период уменьшился в 430 раз, а изготовление шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать самолеты, танки, артиллерию, сократился в 21 раз. Казалось, наступит полный паралич советской экономической системы. Однако в результате поистине героических усилий тружеников тыла, а также принятых ГКО и правительством конкретных действенных мер в декабре 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. начался его рост.

Вопросы размещения и восстановления эвакуированных фабрик и заводов, благоустройства прибывавших рабочих, служащих и членов их семей находились в центре внимания партийных и советских органов восточных районов. Часто не было готовых фабрично-заводских корпусов, не хватало жилищ, топлива, электроэнергии. Но советские люди мужественно преодолевали эти трудности, работая нередко под дождем или в стужу по 13–14 часов. В невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5–2 месяца, эвакуированные

предприятия вступали в строй и вновь давали продукцию, столь необходимую фронту. Вот что говорилось, например, в одном из отчетных документов по Новосибирской области: «Осень 1941 года. В нашу сторону двинулось множество эшелонов с людьми эвакуированных заводов, которые везли с собой ценнейшее заводское оборудование, чтобы спасти его от немецких захватчиков, заставить его снова работать на оборону, на победу. В область прибывали эшелоны из Москвы, Харькова, Ленинграда, Киева и других городов... Нужно было немедленно разгрузить эти эшелоны, снять оборудование, установить его часто совсем на новых местах, но чаще – влить в цехи уже работавших заводов. Был мобилизован весь комсомол, вся молодежь области, чтобы как можно быстрее заставить это ценное оборудование работать на победу. После 12-часовой работы приходилось ночами трудиться на разгрузке эшелонов. Комсомольские бригады, невзирая на суровые сибирские морозы, на темные ночи, на свою усталость, шли и работали: расчищали заводские площадки, рыли котлованы там, где нужно было возводить новые заводские корпуса... Комсомольцы строили железнодорожные ветки к новостройкам, а следом уже шли составы, груженные оборудованием и материалом для работы, а через несколько недель завод выдавал готовую боевую продукцию»⁵⁷.

Благодаря преимуществам плановой системы хозяйства, умелой организаторской деятельности партийных и советских органов, самоотверженным усилиям советских людей эта грандиозная производственная операция, равная по своей значимости, по словам маршала Г.К. Жукова, «величайшим битвам Второй мировой войны», была успешно осуществлена. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна. Для этого потребовалось только в 1941 г. 1,5 млн вагонов. Построенные в одну линию они заняли бы путь от западной части Франции до Тихого океана. Решение столь грандиозной военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на востоке СССР мощной военно-промышленной базы.

Уже в марте 1942 г. восточные районы дали столько военной продукции, сколько выпускали до войны предприятия всего Советского Союза⁵⁸. В первой половине 1942 г. здесь было введено в действие более 1200 крупных предприятий. За это же время советская военная промышленность сумела не только восстановить потерянные в начале войны производственные мощности, но и значительно превзойти их.

Неизмеримо возросло значение Урала, ставшего становым хребтом оборонной промышленности страны. Вскоре уральская промышленность стала производить до 40% всей военной продукции, в том числе 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый

второй снаряд, выпущенный по врагу, делался из уральской стали⁵⁹. «Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов», – вынужден был отметить в своей книге бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх⁶⁰.

За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. производство танков в стране возросло в 2,3 раза, полевой артиллерии – в 2 раза, противотанковой артиллерии – в 4 раза, минометов – в 3 раза, пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей – в 6 раз. Рост военного производства важнейших видов боевой техники продолжался в течение всего первого полугодия 1942 г. Так, по сравнению с I кварталом во II квартале 1942 г. ежемесячно выпускалось больше танков всех типов. Выпуск танков Т-34 в марте 1942 г. был в 2,8 раза выше, чем в ноябре 1941 г.⁶¹ Это позволило советскому командованию начать формирование крупных танковых соединений.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволило в значительной мере не только смягчить хозяйственные трудности первого года войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию военного хозяйства страны. В мае 1942 г. по инициативе передовых предприятий во всех отраслях народного хозяйства СССР развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, направленное на усиление помощи Красной Армии. В нем проявилось единое стремление тружеников тыла – сделать как можно больше для фронта. Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т.е. выполнявших нормы на 200, 300, 1000 процентов), комсомольско-молодежных и фронтовых бригад – таков далеко не полный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими рабочими. Лучшие из них – люди разных национальностей: сталевары Нурулла Базетов, Ибригам Валеев, Александр Чалков, Ольга Ковалева, фрезеровщик Дмитрий Босый, машиностроители Михаил Попов, Василий Шубин, Павел Спехов, машинисты Николай Лунин, Василий Болонин, бурильщики Алексей Семиволос, Илларион Янкин, станочница Екатерина Барышникова, первая в стране женщина-горновой Фелисата Шарунова и многие другие увлекали за собой на высокопроизводительный труд, в сражение за металл, за уголь и нефть сотни тысяч бойцов трудового фронта.

Чего добивались эти героические труженики советского тыла можно судить хотя бы по такому факту. Сталевар Кузнецкого металлургического завода А.Я. Чалков освоил способ варки специ-

альной стали в обычных мартеновских печах. Только за первые два года войны он выпустил столько сверхплановой стали, сколько требовалось для изготовления 24 тяжелых танков, 36 пушек, 15 тыс. минометов, 100 тыс. гранат и 18 тыс. автоматов. У него появились тысячи последователей⁶². По этому поводу известный английский экономист Морис Дobb в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный период», выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс».

Перестроенная к середине 1942 г. на военный лад, целиком подчиненная интересам фронта, задаче скорейшего разгрома врага, советская экономика создавала необходимые предпосылки для обеспечения материально-технического преимущества над силами гитлеровской военной машины. И хотя в 1942 г. соотношение экономических ресурсов было еще весьма значительным в пользу противника, опиравшегося на потенциал почти всей Европы, организованное в СССР к концу года быстро растущее военное хозяйство стало давать военной продукции больше, чем промышленность фашистского рейха. Всего в течение года Советский Союз произвел больше танков на 18 257, самолетов – на 10 736, полевых и зенитных орудий 9 (от 75 мм и выше) – на 34 793⁶³.

Советская экономика с максимальной эффективностью использовала каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. Этого удалось добиться путем четкого планирования, эффективного использования основных фондов, рабочей силы, внедрения в производство передовых методов труда, прогрессивной технологии, более совершенной организации производства. Советский тыл выпустил в следующем 1943 г. самолетов почти на 10 тыс. больше, чем в Германии, в 2 с лишним раза больше танков и самоходно-артиллерийских установок, орудий и минометов. И это в условиях, когда фашистский рейх произвел в 1943 г. больше, чем СССР, электроэнергии – на 11,8 млрд квт/ч, чугуна – на 21,4 млн т, стали – на 26,1 млн т⁶⁴. Продолжая таким образом располагать меньшей промышленной базой, Советский Союз сумел значительно превзойти противника по выпуску вооружения. Успехи в развитии военного хозяйства СССР позволили осуществить перевооружение Красной Армии новейшей техникой и добиться не только существенного количественного, но и качественного превосходства над врагом в боевой технике, вооружении, боеприпасах.

Трудно измерить все величие жертвенного подвига, совершенного в годы войны колхозным крестьянством. В условиях

резкого сокращения материально-технической и ремонтной базы, острой нехватки рабочей силы и горючего труженики села напрягали все свои силы для обеспечения армии и населения продовольствием, а промышленность – сырьем. Ведь от того, как накормлены, одеты и обуты советские воины, как снабжаются продовольствием труженики тыла в значительной мере зависел исход вооруженной борьбы с фашизмом. Во всех колхозах и совхозах возникло патриотическое движение за досрочную сдачу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. В ходе войны по примеру рабочего класса на селе развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование комбайнеров, трактористов, животноводов, полеводческих бригад и звеньев. Вся страна узнала о выдающихся достижениях трактористок сестер Ангелиных, Прасковьи Ковардак, комбайнера Александра Оськина, хлеборобов Чаганяка Берсиева и Терентия Мальцева, хлопкоробов Хамракула Турсункулова и Зинаиды Муталовой и многих других передовиков производства. Даже в 1943 г., когда к огромным трудностям, вызванным войной, прибавилась сильная засуха, работники сельского хозяйства, как было отмечено в одном из правительственных документов, обеспечили «без серьезных перебоев снабжение Красной Армии и населения продовольствием, а промышленность сырьем». Всего за 1941–1944 гг., несмотря на временную потерю важных сельскохозяйственных районов, Советское государство заготовило 4312 млн пудов зерна, что в 3 раза больше, чем заготовила дореволюционная Россия в Первую мировую войну, и 5048 тыс. т мяса.

Бок о бок с рабочими и колхозниками самоотверженно трудилась в тылу советская интеллигенция. Работы ученых позволили получить дополнительно уголь, нефть, железо, марганец, вольфрам, алюминий, медь и другие виды сырья. Важнейшими направлениями деятельности конструкторов, инженеров и техников были разработка новых и модернизация старых видов техники, повышение эффективности военной промышленности. «Все годы, – вспоминал впоследствии известный советский конструктор танков Ж.Я. Котин, – шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А. Морозовым, М. Кошкиным, Л. Трояновым, Н. Духовым, А. Ермолаевым, М. Балжи, В. Торотько, Н. Шамшуриным, Л. Сычевым и многими другими. Творческая мысль наших конструкторов все время обгоняла фашистскую»⁶⁵.

Если в начале войны советские истребители и бомбардировщики, за исключением новых типов, по тактико-техническим

данным несколько уступали вражеским, то к 1943 г. большинство типов советских самолетов превосходило их. В этом году на вооружение советских ВВС поступил модернизированный пикирующий бомбардировщик Пе-2, значительно превосходивший однотипные германские бомбардировщики Ю-88 и Х-III. Штурмовик Ил-2, прозванный «летающим танком», не знал себе равного в мировой практике самолетостроения. Всего в ходе войны в серийное производство поступило 25 новых моделей самолетов и 23 типа авиационных моторов⁶⁶. Большая заслуга в этом принадлежала талантливым авиаконструкторам и командирам производства А.А. Архангельскому, М.И. Гуревичу, С.В. Ильюшину, В.Я. Климову, С.А. Лавочкину, А.И. Микояну, А.А. Микулину, В.М. Петлякову, А.Н. Туполеву, А.С. Яковлеву и другим.

Благодаря достижениям видных конструкторов В.Г. Грабина, И.И. Иванова, Ф.Ф. Петрова и другим был налажен серийный выпуск новых образцов артиллерии. Советские орудия по качеству в своем большинстве также превосходили немецкие. Многозарядные реактивные боевые установки БМ-8, БМ-13, БМ-31-13 наводили страх и панику в войсках противника. В исключительно короткие сроки в СССР было освоено производство высококачественного вооружения, боеприпасов и других видов военной продукции.

В первых рядах воюющего народа находились и представители творческой интеллигенции и народного образования, помогавшие партии вдохновлять советских людей на героические дела на фронте и в тылу.

Поистине массовый всенародный характер приняли в военные годы патриотические движения за создание фонда обороны, за сбор средств на вооружение Красной Армии, а также сбор средств и теплых вещей советским воинам. За четыре года войны только добровольные взносы от советских граждан в фонд обороны на строительство боевой техники выразились в сумме 118,2 млрд руб., что равнялось почти среднему расходу на Наркоматы обороны и Военно-Морского Флота.

Ведя в 1941–1945 гг. тяжелую борьбу с фашистским блоком, СССР нашел в себе силы и для того, чтобы одновременно развернуть широкие восстановительные работы. «В мировой истории, – подчеркивала “Правда” 23 августа 1944 г., – не было государства, которое могло бы сочетать ведение войны с осуществлением грандиозного плана строительства, быстрейшего восстановления разоренных врагом районов. Только могучее Советское государство с волевым, неутомимым, закаленным народом смогло приступить к ликвидации последствий войны в военное время».

Широкая конкретная программа возрождения экономики и культуры содержалась в правительственном постановлении от

21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Возрождение из руин освобожденных районов, оказание помощи их населению стало важнейшей государственной задачей. В 12 союзных и автономных республик стали действовать специальные шефские комитеты, которые провели большую организационную работу. Так, трудящиеся Казахской ССР шефствовали над 10 городами и 35 районами Орловской, 12 районами Ленинградской, 3 районами Сталинградской и одним районом Калининской области. Они оказывали также помощь Украине, Белоруссии, Молдавии и республикам Прибалтики.

На возрождение народного хозяйства выделялись значительные средства. В освобожденные районы непрерывным потоком шли эшелоны с людьми, материалами, оборудованием, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, семенами и т.д. Сразу же после изгнания врага большие восстановительные работы развернулись в Донецком угольном бассейне. Преодолевая немалые трудности и лишения, советские люди упорно и настойчиво возрождали к жизни главную кочегарку страны. О громадном объеме проделанной здесь работы свидетельствует хотя бы тот факт, что за время восстановления Донецкого бассейна из затопленных гитлеровцами шахт было выкачено 700 млн кубометров воды, которой хватило бы для того, чтобы наполнить озеро площадью 140 кв. км и глубиной 5 м. К началу 1945 г. уголь уже добывался здесь на трех шахтах из каждых четырех, действовавших до войны. К концу войны Донбасс вновь занял первое место в стране по добыче угля.

В 1944 г. капитальные вложения, направленные на возрождение освобожденных районов, составили более 40% капитальных вложений во всенародное хозяйство СССР. О том, какими темпами осуществлялись восстановительные работы, можно судить и по таким фактам. 629 дней гитлеровцы потратили на то, чтобы получить первую небольшую плавку стали на Днепродзержинском металлургическом комбинате. Но и эта плавка оказалась низкого качества. А советские сталевары уже на 26-й день после начала восстановления Днепродзержинска рапортовали стране о выплавке высококачественного металла⁶⁷.

Уже к концу войны в очищенных от врага районах вступила в действие примерно треть довоенного промышленного производства, в том числе 7,5 тыс. крупных возрожденных объектов индустрии. На долю предприятий освобожденных областей к этому времени приходилась пятая часть всей промышленной продукции, выпускавшейся в стране⁶⁸.

Имея по сравнению с Германией в начале войны втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, Советский Союз добился среднегодового производства больше, чем в Германии: самолетов – в 2 раза, танков – почти в 2 раза, орудий в 4 раза, снарядов, бомб и мин – почти в 1,5 раза⁶⁹. Оценивая соотношение военно-экономических возможностей СССР и Германии, американский публицист М. Вернер еще в 1943 г. писал: «Все имеющиеся ресурсы русских были больше сконцентрированы на военных усилиях и были использованы в большей степени, нежели немецкие, однако в России из каждой тысячи тонн стали на производство вооружения использовалось большее количество металла, чем в Германии. В Германии было больше машин. Однако в Советском Союзе значительная часть всех имеющихся станков производила военные материалы. Вот почему оказалась возможной драматическая борьба Магнитогорска с предприятиями Европейского континента, находящегося под господством Гитлера»⁷⁰.

Всего за годы войны в СССР было произведено 482 тыс. артиллерийских орудий, около 352 тыс. минометов, свыше 100 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, более 112 тыс. боевых самолетов⁷¹. За это же время из США и Англии по ленд-лизу было получено 9600 артиллерийских орудий, 11 576 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета⁷². В СССР не перечеркивалось значение экономической помощи США и Великобритании, хотя нет никаких оснований в какой-то мере и преувеличивать ее роль. Достаточно указать, что общий объем англо-американских поставок по отношению к советскому производству составил за время войны лишь 4% и не превышал по самолетам 13%, по танкам – 7%, зенитным орудиям около 2%. К тому же, к сожалению, далеко не вся техника доставлялась союзниками в те сроки, когда СССР испытывал наиболее острую в ней потребность. «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов», – заявил 20 мая 1944 г. в американском конгрессе президент США Ф. Рузвельт⁷³.

Наш народ по праву гордится тем, что фашистские полчища были остановлены и разгромлены отечественным оружием, созданным руками доблестных тружеников тыла, которые достойно выполнили свой гражданский, патриотический долг. Как писала в суровые дни лета 1942 г. газета «Правда», «из поколения в поколение будет передаваться слава как о тех, кто в годину грозных испытаний защищал Советскую Родину с оружием в руках, так и о тех, кто ковал это оружие, кто строил танки и самолеты, кто варил сталь для снарядов, кто своими трудовыми подвигами был достоин воинской доблести бойцов. Наши дети и внуки с благоговением будут вспоминать о героях труда наших дней, как о героях великой освободительной отечественной войны»⁷⁴.

- ¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1960. Т. 1. С. 409.
- ² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 58.
- ³ *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 26.
- ⁴ Коммунист, 1967, № 1. С. 23.
- ⁵ Там же. 1982. № 10. С. 84–85.
- ⁶ Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933–1940 гг. М., 1963. С. 531.
- ⁷ Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. М., 1967. С. 119.
- ⁸ История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 386.
- ⁹ СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933–1945. М., 1976. С. 256.
- ¹⁰ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 81.
- ¹¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 283.
- ¹² *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 171.
- ¹³ Институт российской истории РАН (далее ИРИ РАН). Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 82.
- ¹⁴ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1988. С. 85.
- ¹⁵ *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 38.
- ¹⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. (1941–1952). С. 44–48.
- ¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 142.
- ¹⁸ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1, 88.
- ¹⁹ Там же. Л. 1–2.
- ²⁰ История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 149.
- ²¹ Оружие победы. 1941–1945. М., 1985. С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 161.
- ²² История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 158.
- ²³ Там же. Т. 5. С. 48.
- ²⁴ *Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем / Пер. с нем. М., 1956. С. 164.
- ²⁵ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 150.
- ²⁶ Там же. С. 150, 151, 158.
- ²⁷ Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 119.
- ²⁸ *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42.
- ²⁹ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 151.
- ³⁰ Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. С. 123.
- ³¹ *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 69.
- ³² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. С. 498.
- ³³ *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 112; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 14.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 186.
- ³⁵ Там же. Л. 187; Правда. 1943. 1 октября.

- ³⁶ *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 109, 144; Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 817.
- ³⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 120.
- ³⁸ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 154.
- ³⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 183.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Л. 178–179.
- ⁴² История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 136.
- ⁴³ Там же. С. 144.
- ⁴⁴ См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 64.
- ⁴⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 81.
- ⁴⁶ Экономика Советской Украины. 1965. № 4. С. 17.
- ⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 79.
- ⁴⁸ Там же. Л. 72.
- ⁴⁹ *Ковалев И.В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981. С. 45.
- ⁵⁰ Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.
- ⁵¹ Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 122.
- ⁵² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 8.
- ⁵³ *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (далее ИВИ). Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.
- ⁵⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3. Л. 4–5.
- ⁵⁵ Архив ИВИ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 406.
- ⁵⁶ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 (Пер. с англ.). М., 1967. С. 144.
- ⁵⁷ *Куманев Г.А.* Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 16.
- ⁵⁸ *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 43.
- ⁵⁹ Вторая мировая война. Общие проблемы. М., 1966. С. 109; *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 50, 70.
- ⁶⁰ *Типпельскирх К.* История второй мировой войны (Пер. с нем.). М., 1956. С. 256.
- ⁶¹ История второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. С. 158.
- ⁶² *Куманев Г.А.* Указ. соч. С. 25.
- ⁶³ История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 342.
- ⁶⁴ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 297.
- ⁶⁵ Правда. 1975. 15 февраля.
- ⁶⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 459.
- ⁶⁷ Шаги пятилеток. Развитие экономики. М., 1968. С. 124.
- ⁶⁸ Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 1. С. 114–115.
- ⁶⁹ Краткая история СССР. М., 1983. Ч. 2. С. 420.
- ⁷⁰ *Werner Max.* Attack can win in 43. Boston, 1943. P. 24–25.
- ⁷¹ История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12. С. 168.
- ⁷² Краткая история СССР. Ч. 2. С. 420.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Правда, 1942, 8 июня.

СОЮЗНИКИ В ПРОПАГАНДЕ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВОЙНЫ

*А.В. Голубев**

(Москва)

Среди самых устойчивых внешнеполитических стереотипов, характерных для разных культур и эпох – образ врага и образ союзника, конкретное содержание которых, тем не менее, может меняться самым неожиданным образом¹. В течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и «образ союзника» играл в сознании российского общества важную роль, в том числе при решении внутрисполитических проблем².

Однако если в начале века враждующие коалиции сложились до войны и расстановка сил принципиально не менялась, то в 1930-е – начале 1940-х годов ситуация складывалась иначе. Во Вторую мировую войну, в отличие от Первой, СССР вступил, не имея союзников (за исключением Монголии и Тувы). Попытки создать систему коллективной безопасности ни к чему не привели, если не считать советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 г., так и оставшихся на бумаге. «Советская дипломатия явно не справлялась с непосильной задачей создания эффективного военно-политического союза стран, имевших антагонистические общественно-политические системы», – говорится в новейшем исследовании³. Впрочем, вряд ли стоит винить во всем советскую дипломатию. Помимо позиций западных стран, делавших почти нереальным заключение с ними действительного соглашения, играло роль и традиционное недоверие советского руководства к европейским державам⁴. Это стало одной из причин неудачи политики коллективной безопасности. «Союзников у нас не было, – говорил впоследствии В.М. Молотов. – Америка-то была против нас, Англия – против, Франция не отстала бы»⁵.

После подписания пакта Молотова–Риббентропа на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-гер-

* Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН.

манское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям⁶.

В 1939–1940 гг. в официальной пропаганде Англия и Франция фигурировали как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. Иногда, для «узкого круга», делались весьма откровенные высказывания. Так, секретарь ЦК А.А. Жданов весной 1940 г. заявил на ленинградском партактиве, что для СССР «приятнее, полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников с намерением напасть либо на Германию, либо на Ленинград... [но] страну, которая с нами в дружественных отношениях»⁷. Подобные настроения фиксировались в различных группах, составлявших советскую номенклатуру, причем порой в еще более откровенной форме. Так, командующий Сибирским военным округом, командарм 2 ранга С.А. Калинин утверждал, что в 1940 г. неизбежна война СССР, Германии, Японии, Италии против англо-французской коалиции, а по мнению корреспондента ТАСС в Афинах Успенского, после вступления СССР в войну «возможно будет выпустить кровь из мирового паразита – Великобритании». Как полагал Успенский, коренные интересы СССР и Германии состояли в том, чтобы разгромить Британскую империю⁸.

Но в общественном сознании фашистская Германия оставалась скорее наиболее опасным и вероятным противником, чем союзником; пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств. Сохранялась память о союзе в Первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрявшиеся антифашистской пропагандой 30-х годов, вели к росту антинемецких настроений. Большое впечатление произвела вышедшая в конце 30-х годов книга Эрнста Генри «Гитлер против СССР»⁹.

Постепенно, в ходе «битвы за Британию», в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом; отношение же к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным, несмотря на все зигзаги официальной пропаганды. Британский журналист А. Верт приводит такие высказывания своих собеседников в СССР, относящиеся к 1940 году: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан – после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»¹⁰.

Повороты в пропаганде и полная неопределенность в общественных настроениях хорошо иллюстрируются воспоминаниями современника: «...помню газеты с портретами улыбающихся вождей В.М. Молотова и И. Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: “Это – ненадолго. Там, наверху, соображают”. Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией?.. Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС – плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские – из них половина уже сбита и горит – черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг – английский опознавательный знак)»¹¹.

Однако международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Писатель Вс. Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии, общался с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, германского, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и “оси” – в выгодный момент, в блоке с “демократическим блоком”... Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с “демократиями” Запада. *Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах* (курсив мой. – Авт.)». И вместе с тем – в записи от 3 марта – «с англо-американским миром – враги второй очереди – возможен компромисс, лет на 10–15»¹².

Однако ни политическое, ни военное руководство по-прежнему не рассчитывало в будущем столкновении с Германией, которое становилось все более вероятным, на каких-либо союзников. Об этом говорит в частности тот факт, что на стратегических играх в Генштабе РККА в январе 1941 г. во вводных союзники СССР не фигурировали (союзником «западных», то есть Германии, во второй игре выступали «южные», очевидно, Румыния)¹³. В беседе с Вс. Вишневским в апреле 1941 г. К.Е. Ворошилов «еще раз сказал о полной ненадежности англичан»¹⁴.

Даже в первые дни войны, в речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г., говорилось о том, что советский народ имеет «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа (курсив мой. – Авт.)»; сочувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь

вскользь¹⁵. Любопытно, что подобная формулировка содержится в очерке И. Эренбурга, написанном еще 22 июня: «У советского народа есть верные союзники – это народы всех поработанных стран – парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы»¹⁶.

12 июля 1941 г. в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону. Выступая на торжественном заседании 6 ноября 1941 г., Сталин упомянул о существующих в США и Англии демократических свободах и подчеркнул, что «Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий»¹⁷. Иногда изменения в пропаганде приобретали самые неожиданные формы. В частности, в сборнике пословиц, выпущенном в 1942 г. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), на первой же странице было приведено несколько пословиц (с пометкой «новая»), говорящих о «близости» Америки и СССР. Одна из них звучала так: «Эка благодать – от Москвы до Америки стало рукой подать»¹⁸.

Изменения в советской пропаганде, конечно, не остались незамеченными обществом. Московский врач Е.И. Сахарова 6 января 1942 г. записала в дневнике: «Газеты наши стали очень интересны, читаешь их с захватывающим желанием прочесть все, что есть, – и из области наших событий, и сообщения наших могучих союзников. Сегодня очень интересна речь по радио Идена о поездке в СССР, даже не лишена некоторой поэзии»¹⁹. Впрочем, отмеченные изменения в пропаганде не стоит преувеличивать. Известны попытки формирования «образа союзника» в годы Первой мировой войны. Во время Второй мировой войны такие усилия предпринимала, в частности, пропаганда США; так, вышел комплект фотоплакатов с изображением английского, канадского, австралийского, русского и других солдат с общей надписью – «Этот человек твой друг. Он воюет за свободу». Плакаты были явно рассчитаны на образное, эмоциональное восприятие, характерное для массового сознания, причем образ союзника отличался не только привлекательностью, он был *персонифицирован*. В 1942 г. в Англии вышел альбом карикатур английских и русских (советских) авторов, посвященный соответственно войне с Наполеоном и Отечественной войне с предисловием И.М. Майского²⁰. В советской же пропаганде военных лет эта тема развития не по-

лучила. Характерно, что на советских плакатах и карикатурах военных лет можно изредка встретить флаги союзников, но практически никогда их самих.

По-прежнему в настроениях советского политического руководства преобладало недоверие к союзнику. Беседуя с корреспондентами в декабре 1942 г., М.И. Калинин, в частности, давал следующие указания: «Будут вас спрашивать о союзниках, как тут говорить? Я говорю, что в драке на других надеяться трудно. Будем бить сами немцев, и союзники у нас будут, а если нас будут бить, трудно ожидать союзников. Во всяком случае нужно быть готовыми к тому, чтобы драться нам, а никому другому»²¹. Помощь союзников, их участие в войне с общим врагом порой недооценивались советской прессой и официальными лицами; об этом, как правило, не говорил в своих речах Сталин²². Одним из немногих исключений явилось его выступление 6 ноября 1941 г., где было упомянуто о поставках военной техники и стратегического сырья и предоставлении займа СССР. Выступая на совещании Совинформбюро в феврале 1943 г., С.А. Лозовский заявил: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т.д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной Армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли утробить 300 тыс. немцев под Сталинградом»²³. В результате гуманитарная помощь союзников воспринималась, в соответствии с существующими стереотипами, как «подарки рабочих и крестьян» США и Великобритании, а порой даже как товары, *закупленные* Советским правительством²⁴.

Позитивные отзывы о союзниках строго дозировались, даже в специальных изданиях. Например, в июле 1944 г. Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) отметило как ошибку Главлита разрешение на выпуск в свет статьи об организации производства в машиностроительной промышленности в условиях военного времени, в которой «весьма скупно характеризуются достижения отечественного производства и дается непомерно восторженная оценка успехов производства США и Англии». По мнению составителей процитированной записки, адресованной секретарю ЦК А.С. Щербакову, автор «не только переоценивает достижения Америки и Англии и снисходительно отзывается о наших успехах, но и имеет вредную тенденцию – смазывать различие двух систем»²⁵. В 1944 г. в 49 лозунгах к 23 февраля и 57 – к 1 мая, составленных в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), союзники упоминались лишь по одному разу: «Да

здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над подлыми врагами человечества – немецко-фашистскими поработителями»²⁶.

Подобная позиция советской пропаганды не раз вызывала дипломатические осложнения. Например, в марте 1943 г. посол США в СССР У. Стэндли на специальной пресс-конференции заявил, что советская информация по проблемам ленд-лиза необъективна²⁷. Характерно, что советские средства массовой информации на первый план выдвигали поставки продовольствия, хотя по стоимости поставки вооружения и военных материалов их намного превосходили. Необходимый «внутренний» результат был таким образом достигнут: подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи (справедливости ради нельзя не отметить, что послевоенная западная историография в свою очередь принижала значение Восточного фронта для общей победы; с другой стороны, в современной отечественной публицистике роль союзников вообще и «ленд-лиза» в частности порой явно преувеличивается). Плохо представляли себе советские люди повседневную жизнь американцев и англичан.

Конечно, были и противоположные тенденции. Так, по подсчетам Н.Д. Козлова, общий объем материалов о жизни союзных стран в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза, при этом вместо сюжетов об обострении классовой борьбы, росте эксплуатации, агрессивности внешней политики Запада появились более объективные и нейтральные материалы об истории и культуре, системе образования и военной экономике этих стран, их действиях на различных фронтах²⁸. Вместе с тем непропорционально большое место занимали публикации о росте авторитета СССР на Западе, о положительных высказываниях в его адрес как западных лидеров, так и рядовых трудящихся, о позитивном восприятии советской культуры и так далее.

Любые осложнения в отношениях с союзниками вызывали изменение тона советской прессы, появление различного рода критических комментариев и карикатур. Особенно «благодатной» для официальных карикатуристов оказалась тема задержки «второго фронта». В 1942 г. в «Известиях» было опубликовано несколько карикатур Б. Ефимова на эту тему, в частности «Гитлер собирает (*войска на Восточный фронт.* – Авт.), Черчилль на-

блюдают», «Пришивание последней пуговицы» (Черчилль и Эйзенхауэр неторопливо работают иголками, пришивая пуговицы к мундирам, а радио тем временем сообщает о тяжелых боях на советско-германском фронте). Но особое раздражение союзников вызвала карикатура «Обсуждение вопроса об открытии второго фронта», на которой были изображены английские генералы «Авдрупобьют», «Стоитлирисковать», «Ненадоспешить», «Давайтепождем», «Какбычегоневышло»²⁹. В предисловии И.М. Майского к вышеупомянутому английскому сборнику карикатур подчеркивалось, что и в 1812, и в 1941–1942 гг. Россия несла на себе главную тяжесть войны, в то время как Англия (а во втором случае и США) поддерживала ее флотом, деньгами, поставками; однако в 1812 г. все же существовал «второй фронт» в Испании, а в 1941 нет³⁰. С другой стороны, при необходимости тон прессы мгновенно менялся в благоприятную для союзников сторону. Так, накануне конференции в Тегеране в СССР была развернута пропагандистская кампания по поводу 10-летия установления дипломатических отношений между СССР и США. По этому поводу новый посол США А. Гарриман выразил В.М. Молотову «большое удовлетворение»³¹. Еще более активная кампания развернулась после успешного завершения Тегеранской конференции. «Весьма знаменательными были полученные от американского посольства в Москве сообщения о реакции русских газет, которая свидетельствовала о «почти революционном изменении» в отношении Советов к Соединенным Штатам и Великобритании. Казалось, что вся пропагандистская машина была направлена на то, чтобы вызвать энтузиазм по поводу “исторических решений” в Тегеране...» – отмечал американский мемуарист Р. Шервуд³².

Открытие «второго фронта» в Нормандии также привело к благоприятным комментариям в советской прессе. И. Эренбург писал в октябре 1944 г.: «Мы не одни теперь в борьбе, и, узнав поближе наших друзей, мы научились их ценить. Наши летчики гордятся своими английскими и американскими товарищами, которые наносят врагу суровые удары. Наши пехотинцы уважают англичан, выдержавших в Голландии тяжелые бои. Вся наша армия горда победами союзников на Западе, и весть о падении Аахена мы приняли радостно, как нашу победу»³³.

Перелом в ходе военных действий заставил советское руководство задуматься об очертаниях послевоенного мира и будущем межсоюзнических отношений. Современные исследователи отмечают появление уже в 1943 г. «симптомов известной жесткости в отношении союзников, особенно в вопросах, связанных с послевоенными перспективами, с определением судеб стран и народов, освобождающихся от фашистской оккупации»³⁴. Советская пропа-

ганда получает указания об усилении ее «наступательного характера» – в первую очередь в отношении союзников по антигитлеровской коалиции³⁵. В частности, было решено создать новый двухнедельный журнал «Война и рабочий класс» (с 1945 г. – «Новое время»), чтобы иметь возможность критически высказываться в адрес союзников, не давая повода для официальных претензий. Формально журнал считался профсоюзным изданием, однако фактическим его редактором был нарком иностранных дел В.М. Молотов. Как вспоминает бывший помощник Молотова В.М. Бережков, «я мог видеть, как тщательно не только он (т.е. Молотов. – *Авт.*), но порой и Сталин дозировали критические статьи»³⁶. Впрочем, справедливости ради нельзя не отметить, что к подобным же выводам пришли и аналитики Великобритании и США. Советская сторона имела достаточно подробную информацию о различных планах, разрабатываемых союзниками уже с 1943 г., основная политическая цель которых «сводилась к предотвращению распространения влияния СССР в Европе и обеспечению для США и Великобритании решающего голоса на мирной конференции»³⁷.

Вместе с тем советское руководство не стремилось форсировать приближение периода конфронтации, и отсюда – «ряд жестов, адресованных США и Великобритании и призванных в тот момент убедить союзников и всю мировую общественность в том, что Советский Союз готов к компромиссам в самых принципиальных вопросах, что он идет по пути либерализации политической жизни, по пути создания цивилизованного демократического государства»³⁸. Речь в данном случае идет о роспуске Коминтерна и некоторой нормализации отношений с церковью. Довольно осторожно реализовывалось и положение об усилении «наступательного характера» пропаганды. Так, в январе 1944 г. секретарь ЦК компартии Литвы А. Снечкус предложил А.С. Щербакову для сбора средств на эскадрилью самолетов «Советская Литва» привлечь литовцев из США, Канады, Южной Америки, причем «не только просвещенные круги американских литовцев, но и проникнуть в литовские массы, находящиеся под влиянием враждебных партий и организаций». Снечкус просил согласия на проведение такой кампании, однако, (видимо, по рекомендации НКВД) было решено от этой идеи отказаться³⁹.

Что касается массового сознания, то в нем в годы войны образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы. Вместе с тем нельзя не согласиться с В.В. Позняковым, который пришел к выводу, что «советской внутренней пропаганде удалось добиться многих

из поставленных перед нею целей... ей удалось отделить в массовом сознании советского народа «простых людей» этих стран от их политических и государственных структур»⁴⁰. Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, А.В. Фатеев полагает, что «советский пропагандистский аппарат, пресса сделали немало для создания позитивного образа союзников по оружию – США, Великобритании. В результате среди значительной части народа, интеллигенции возникли иллюзии относительно возможностей длительного послевоенного сотрудничества с либеральными державами антигитлеровской коалиции»⁴¹. Представляется, однако, что подобные настроения существовали не столько **благодаря**, сколько **вопреки** официальной пропаганде.

Уже в первые дни войны в сводках НКВД были отмечены высказывания о том, что политика Литвинова, направленная на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что подобные высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован⁴². Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941–1942 гг., в таких же сводках НКВД, сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских»⁴³. Любопытно мнение инженера Ладыженского, высказанное в августе 1941 г.: «Надо было начать войну с Германией нам, и тогда, когда Германия воевала с Францией. Сейчас Англия добилась своего, она столкнула своего злейшего конкурента – Германию с идеологически чуждой и, по мнению Англии, подлежащей ослаблению Россией... Наверно Англия раньше предлагала нам воевать против Германии, тогда бы для последней действительно были два фронта и мы бы победили»⁴⁴. Пожалуй, наиболее позитивно союз с Англией и США оценивала интеллигенция. Академик В.И. Вернадский, например, 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»⁴⁵. В августе 1941 г. на 1-м Всеславянском митинге писатель А.Н. Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»⁴⁶.

Впрочем, инициативы в этом направлении не всегда встречали однозначную поддержку «сверху». Так, в конце 1941 г. в Алма-Ате С.М. Эйзенштейн по собственной инициативе перерабатывал сценарий «Ивана Грозного». В письме председателю Комитета по делам кинематографии И.Г. Большакову он отмечал: «В Ливонской войне несколько ослабляется самостоятельная роль Польши

и заостряется антинемецкая линия... *Вводятся мотивы англофильства Ивана Грозного, его политические связи с Англией и Елизаветой Английской...* (курсив мой. – Авт.). Позднее, в письме к А.А. Жданову, Эйзенштейн подчеркивает главный вопрос – нужна ли вообще в сценарии тема взаимоотношений с Англией. Ответ на этот вопрос был получен лишь в сентябре 1942 г.: Большаков «порекомендовал» практически снять английскую тему⁴⁷. Порой в официальных выступлениях подчеркивалось единство действий союзников на разных фронтах – так, на антифашистском митинге работников искусства и литературы в ноябре 1942 г. композитор Д.Д. Шостакович заявил, что, «как это делают армии, сражающиеся под Сталинградом и в Африке, должны объединить свои усилия и художники всех демократических стран для того, чтобы помочь армиям, которые завтра встретятся для окончательного разгрома гитлеризма на полях Европы»⁴⁸.

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки – безумие»⁴⁹. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И. Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»⁵⁰. Достаточно распространенным было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали (или обещали оказать) СССР. Практически никто не сомневался, что союзники заботятся прежде всего о собственных интересах. Как вспоминает известный философ А.А. Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»⁵¹. Журналист Н.К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. записал в дневнике: «США, сбросившие фиговый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»⁵². Вместе с тем, для большинства была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом возможностей СССР⁵³.

Разноречивые отклики вызвал доклад И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие «второго фронта» были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из до-

клада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»⁵⁴. Даже вступление в войну США было воспринято неоднозначно. 10 декабря 1941 г. ленинградка И.Д. Зеленская записала в дневнике: «Вчера по радио – война между Японией и Америкой. Эта дьявольская война разливается как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»⁵⁵. Наибольшие опасения вызывала позиция Англии. Уже в октябре 1941 г. московский журналист Н.К. Вержицкий записал в дневнике: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет “англичанка гадить”...»⁵⁶

Подписание англо-советского и американо-советского соглашений в мае–июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть и расширение частной инициативы внутри Советского Союза... В нашей смертельной борьбе против Германии у нас нет другого выхода, чем этот тесный союз с Англией, но боюсь, что договор все же более выгоден Англии, чем нам. Англия основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время...»⁵⁷.

По свидетельству А. Верта, в СССР в 1942 г. постоянно «делались нелестные сравнения между отчаянным сопротивлением русских в Севастополе и “малодушной” капитуляцией англичан в Тобруке», высказывалось убеждение, что «англичанам верить нельзя» и так далее⁵⁸. Отношение к Англии ярко выразилось, в частности, в вопросе, заданном в Архангельской области летом 1944 г.: «На протяжении многих десятилетий Англия проводила политику против России, а в послереволюционные годы являлась одним из главных организаторов и участников интервенции против Советской страны. Можно ли быть уверенным, что теперешний союз СССР с Англией является достаточно прочным»⁵⁹.

Своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго – пока не ослабнет и

Советский Союз и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»⁶⁰. И вполне логичными выглядели следующие опасения: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»⁶¹.

Порой в обыденном сознании образ союзника сливается с образом врага:

Ты, Германия и Англия, // Чего наделала! // Мою буйную головушку // Без дроли сделала! // Ты, Германия и Англия, // Давайте делать мир! // По последнему милому // Все равно не отдадим!⁶²

По свидетельству того же Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что “добрый русский народ” настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», заключает он, имея в виду 1943 г.⁶³ Это было связано с ожиданиями «второго фронта». И в пропаганде, и в массовом сознании тема «второго фронта» занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, то есть в Европе, в качестве настоящего «второго фронта» советское руководство соглашалось признать лишь массированную высадку союзных войск на территории Франции. Как известно, подобная высадка была осуществлена в Нормандии летом 1944 г. Тем временем тема задержки «второго фронта» стала одной из любимых для «официальных» сатириков. Важное место заняла она и в массовом сознании, тем более что отсутствие «настоящего второго фронта» было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной Армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие «второго фронта» означало скорый конец войны и его ждали постоянно. Так, уже в декабре 1941 г. московский врач Е.И. Сахарова записала в своем дневнике: «Сегодня Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Болгарии. Это очень хорошо. Это очень хорошо. Это то, что т. Сталин назвал “вторым фронтом”. Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»⁶⁴. Политрук Ю.И. Каминский писал домой с фронта в июне 1942 г.: «Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»⁶⁵.

То, что тема «второго фронта» была одной из важнейших в массовом сознании, доказывают сохранившиеся перечни вопросов, которые задавали в ходе различных собраний, лекций и бесед в Азербайджанской ССР, Башкирской АССР, Архангельской, Воронежской, Ивановской, Ульяновской областях⁶⁶. Суммируя их, можно выделить основные проблемы, волновавшие советское общество применительно к теме антигитлеровской коалиции. Когда и где откроют второй фронт, чем объясняются задержки с его открытием? Выполняют ли союзники свои обязательства в отношении поставок оружия, продовольствия, снаряжения в СССР? Ряд вопросов касался также ситуации на других театрах военных действий, позиции нейтральных стран, движения Сопrotивления и т.п. Часть советских граждан вслед за официальной пропагандой к идее второго фронта относилась скептически. Так, физик В.С. Сорокин писал в апреле 1944 г. в частном письме: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»⁶⁷.

Виновниками в задержке «второго фронта» считали все те же англичан, в первую очередь У. Черчилля. Один из собеседников А. Верта в 1942 г. утверждал, что русские должны были быть благодарны Черчиллю уже за то, что он не встал на сторону немцев, и предсказывал, что пока Черчилль остается у власти, «второго фронта» не будет⁶⁸. Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

Ой, яблочко, // Да из Америки, // Довело ты врага // /До истерики. // Ой, яблочко, // Да из Британии, // Будет помнить тебя // Вся Германия⁶⁹.

Но, конечно, подобные действия, так же, как и кампания в Северной Африке, не могли заменить открытия «второго фронта», под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) широкомасштабные боевые действия в Финляндии, упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Помимо «второго фронта» еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом созна-

нии военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того – осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции. В 1942–44 гг. постепенно укрепляется ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано как раз с ролью союзников. Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к некоторой демократизации советского общества, тем более что продолжение союза военных лет казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР. Так, В.И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами – демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий...»⁷⁰

В справке о настроениях интеллигенции в только что освобожденном Харькове (весна 1943 г.) содержатся любопытные высказывания. По мнению профессора Харьковского университета Терещенко, «в политической жизни страны должны произойти, да, собственно, уже происходят, серьезные изменения (соглашение с капиталистическими Англией и США, роспуск Коминтерна, разделение учебных заведений на мужские и женские, создание комитета церкви, частная торговля и др.) Происходящие изменения должны будут пойти дальше, в частности, в сторону демократизации жизни страны...» Доцент Селигеев в какой-то степени предвосхитил столь популярную впоследствии теорию конвергенции: «В процессе грядущего восстановления будет происходить то, что можно было бы назвать диффузией: лучшие мысли, идеи западной культуры не только в сфере науки и техники, но и в области морали и политики, в области мировоззрения неизбежно начнут проникать к нам и наложат свою печать на всю нашу жизнь». Любопытен вывод, который сделал автор справки: «Целый ряд ученых, в прошлом преклонявшихся перед западноевропейскими порядками и культурой, не понимая характера антигитлеровской коалиции, впадают в апологетику буржуазно-демократической политики и культуры»⁷¹. Впрочем, и здесь были разные мнения. Вс. Вишневский 28 января 1943 г. записал в дневнике: «Непрерывное обсуждение проектов послевоенного устройства мира. Существует ряд конкретно разработанных планов... СССР должен прийти к «круглому столу», имея максимальные ресурсы и наиболее выгодные военные и политические по-

зиции. Воля СССР должна быть осуществлена!»⁷² Уже упоминавшийся В.С. Сорокин писал в частном письме в январе 1944 г.: «Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10–11 “Мирового хозяйства” о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело»⁷³.

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне. «Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет выбран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т.д.» – утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г.⁷⁴ А крестьяне Тихвинского района Ленинградской области в 1944 г. говорили, что «после войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно»⁷⁵.

Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности, в Башкирской АССР, есть и такой: «Правда ли, что при заключении договора союзники ставили три вопроса – открытие церквей, введение погон, роспуск колхозов?»⁷⁶ Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Характерно, что и здесь надежды во многом возлагались на союзников. Вот примеры подобных высказываний: «Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война, и нам тоже уж не справится, заберут нас англичане и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»⁷⁷.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад...»⁷⁸ Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск

Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей – позитивной или негативной – оценки этого решения, причину его практически единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам: «Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое безусловно способствует укреплению связи между СССР и союзниками... Нам начинают диктовать, и вообще сейчас мы во многом зависим от союзников... Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно... Компартии на западе влачили жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии». И вполне логичным казался следующий вывод: «Коминтерн как негодная нашим союзникам организация уже распущена и роспуск этот совпал с пребыванием у нас серьезных представителей от союзников. Надо полагать, что это сделано по их предложению, теперь надо ждать дальнейших изменений в государственном строе в СССР»⁷⁹. Приведенные здесь высказывания зафиксированы в Ленинграде, но сохранились справки об отношении к роспуску Коминтерна в Ульяновской и Свердловской областях, которые дают практически идентичную (хотя и менее подробную) картину⁸⁰. Ленинградец И.И. Жилинский, начальник отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги в своем блокадном дневнике в январе 1942 г. сделал, пожалуй, наиболее трезвый вывод: союзники «имеют попытку повлиять на внутренний режим в нашей стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом, конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам «вариться в собственном соку»⁸¹.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Например, в Ленинграде в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города «в аренду» на 25 лет. В результате «скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам»⁸². В июне 1944 г. подобные слухи были зафиксированы в Архангельске, где трудящихся волновал среди прочего такой вопрос: «Правда ли, что благоустраивают города Архангельск и Молотовск (*ныне Северодвинск – Авт.*) в связи с передачей их в аренду Англии»⁸³. Встречались и такие предположения, что в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений, «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»⁸⁴. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки и это мясо в скором времени начнут собирать

с колхозников?» – спрашивали жители Башкирской АССР весной 1943 г.⁸⁵

Конечно, наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях. В условиях войны появились элементы так называемой «народной дипломатии». Однако, если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма, как отмечает современный исследователь, «составлялись в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах»⁸⁶. Любопытно, что этот же исследователь устроенные для иностранных моряков «встречи со знатными советскими людьми, экскурсии на предприятия и в учебные заведения, посещение госпиталей» расценивает как «общение и контакты *неформального* характера (курсив мой. – Авт.)»⁸⁷. Вообще именно контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока всегда приводятся в качестве примера, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Так, выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г., секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А.С. Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства»⁸⁸. Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман»), на территории Ирана и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и подлинно неформальными.

В воспоминаниях офицера-политработника рассказывается, что при освобождении Данцигского лагеря им были найдены многочисленные рукописные сборники песен, принадлежавшие содержавшимся в лагере советским девушкам. Офицер использовал их для политбесед с бойцами. По его словам, помимо известных, в сборниках было много песен, сочиненных в лагере. Они по своей тематике делились на несколько групп, и одну из них составляли песни, где выражалось сочувствие военнопленным из славянских и союзных стран, особенно чехам, югославам, французам⁸⁹. Необходимо помнить, что в подобного рода фольклоре на-

ходит отражение лишь то, что является, хотя бы неосознанно, для безымянного автора жизненно важным.

В ходе войны был подписан ряд соглашений со странами Восточной Европы, оккупированными гитлеровцами. На территории СССР формировались польские и чехословацкие соединения (армия Андерса в 1941–1942 гг., дивизия им. Т. Костюшко и чехословацкие части в 1943 г.), впоследствии непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, причем, за исключением армии Андерса, на советско-германском фронте. Вместе с тем относительная немногочисленность этих соединений и то, что они снабжались (а частично и комплектовались) в основном за счет ресурсов Советской Армии, привело к тому, что массовое сознание, особенно в тылу, зачастую не воспринимало их в качестве полноценных союзников. Напротив, по поводу Ялтинской конференции, например, были зафиксированы такие высказывания: «Польшу освобождали мы и значит наше влияние в Польше будет главным»⁹⁰. В последний период войны Красная Армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии. В 1944–1945 гг. союзниками СССР стали такие вчерашние противники как румыны. Но опять-таки в массовом сознании преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией (хотя встречались и другие мнения)⁹¹.

На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Но этот процесс выходит за рамки данной статьи.

Не в первый уже раз в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию. Так или иначе, но после 1945 г. один из цементирующих советскую идеологию мифов – миф о безоговорочных преимуществах социализма перед капитализмом – теперь нуждался в дополнительных серьезных аргументах»,⁹² – справедливо отмечает Е.Ю. Зубкова. Впечатления военных лет, в том числе и от прямого контакта с союзниками, сыграли свою роль в дальнейшей постепенной эрозии господствующей мифологии.

- ¹ О формировании и функционировании «образа врага» в российском обществе первой половины XX в. см.: *Сенявская Е.С.* «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // *Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур.* М., 1996. С. 75–85; *Она же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 36–75; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998. С.235–274.
- ² Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...» Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 1. М., 2000. С. 261–293.
- ³ *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники: 1941–1945 гг. Смоленск, 2000. С. 37.
- ⁴ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // *Россия XXI.* 1997. № 11–12. С. 114–132.
- ⁵ *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 45.
- ⁶ См., например: *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // *Отечественная история.* 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.
- ⁷ Цит. по: *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // *Отечественная история.* 1993. № 1. С. 26.
- ⁸ Цит. по: *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 122.
- ⁹ См., например: *Зеленская И.Д.* Дневник 7.7.1941 – 6.5.1943 // *Научный архив ИРИ РАН.* Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.
- ¹⁰ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 64–65.
- ¹¹ *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком (война глазами восьмилетнего москвича) // *Родина.* 1991. № 6–7. С. 36. На самом деле на плакате 1938 г. «Воздушный бой» (авторы В. Дени, Н. Долгоруков, А. Юмашев) были изображены японские, а не английские самолеты (см.: *Долгоруков Н.А.* Страницы жизни. Записки-воспоминания. Л., 1963). Характерна, однако, ошибка мемуариста.
- ¹² *Вишневецкий Вс.* «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 годов // *Москва.* 1995. № 5. С. 107.
- ¹³ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.? // *Отечественная история.* 1995. № 5. С. 6–7.
- ¹⁴ *Вишневецкий Вс.* Указ. соч. С. 108.
- ¹⁵ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 16.
- ¹⁶ *Эренбург И.* В первый день. 22 июня 1941 // *От Советского Информбюро... 1941–1945.* Т. 1. М., 1984. С. 22.
- ¹⁷ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 33.
- ¹⁸ *Пословицы.* Вып. 1. М., 1942. С. 1.
- ¹⁹ *Москва военная. 1941–1945.* Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 671.
- ²⁰ *Klingender F.D.* Russia – Britain’s Ally. 1812–1942. Lnd., 1942.
- ²¹ Цит. по: *Михаил Иванович Калинин: Краткая биография.* М., 1980. С. 278.
- ²² Впрочем, тут не стоит упрощать. Когда в одной из советских газет появилась написанная, очевидно, с лучшими намерениями, заметка о том, что американские трубы, полученные по ленд-лизу, используются при про-

- кладке газопровода Саратов–Москва, американская сторона незамедлительно прекратила поставку труб вообще под тем предлогом, что они используются не для нужд фронта. См.: *Лебедев И.П.* «Кобры» летят к фронту. Авиационный ленд-лиз в годы Великой Отечественной войны. М., 1992. С. 61.
- ²³ Цит. по: *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941–1945. Воронеж, 1995. С. 197–198.
- ²⁴ См. об этом: *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 175.
- ²⁵ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 88.
- ²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 29–34; 50–57.
- ²⁷ Союзники в войне 1941–1945 гг. М., 1995. С. 377.
- ²⁸ *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 64–65.
- ²⁹ Борис Ефимов в «Известиях». Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 120–122.
- ³⁰ *Klingender F.D.* Op. cit. P. 6.
- ³¹ Союзники в войне... С. 379–380.
- ³² Цит. по: Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль: Политические портреты. Минск, 1991. С. 213.
- ³³ *Эренбург И.* Весна в октябре. 1944 // От Советского Информбюро... 1941–1945. Т. 2. М., 1984. С. 312.
- ³⁴ *Терещук А.В.* СССР, его союзники и противники в годы второй мировой войны: международно-правовые и нравственные аспекты взаимоотношений // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 221.
- ³⁵ О советской пропаганде в годы войны подробнее см.: *Козлов Н.Д.* Указ. соч.; *Невежин В.А.* Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1990. С. 202–226; *Поздеева Л.В.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941–1944 гг.). Ялта. 1945 год. // Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 144–151; *Позняков В.В.* Указ. соч.; Союзники в войне... С. 326–347 и др.
- ³⁶ *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 255.
- ³⁷ См.: *Титков А.Э.* Союзники-соперники (к истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 308.
- ³⁸ *Терещук А.В.* Указ. соч. С. 222.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 184. Л. 4.
- ⁴⁰ *Позняков В.В.* Указ. соч. С. 175.
- ⁴¹ *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 29.
- ⁴² Москва военная... С. 50–52.
- ⁴³ См., например: Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 23, 44, 48–49 и др.

- 44 Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3. Оп. 52. Д. 33. Л. 74.
- 45 *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...» Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 204.
- 46 Москва военная... С. 74, 75.
- 47 Цит. по: *Рошаль Л.М.* «Я уже не мальчик и на авантюру не пойду...» Переписка Эйзенштейна с кинематографическим руководством // Киноведческие записки. № 38. М., 1998. С. 146–147, 152.
- 48 История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917–1945. М., 1991. С. 14.
- 49 Москва военная... С. 68–69.
- 50 Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.
- 51 *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.
- 52 Москва военная... С. 489.
- 53 См. напр.: *Жилинский И.И.* Блокадный дневник (осень 1941 – весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.
- 54 Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.
- 55 *Зеленская И.Д.* Дневник 7.7.1941 – 6.5.1943 // Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
- 56 Москва военная... С. 477.
- 57 Международное положение глазами ленинградцев... С. 52–53.
- 58 *Верт А.* Указ. соч. С. 339.
- 59 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 116.
- 60 Международное положение глазами ленинградцев... С. 49, 53, 75.
- 61 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 100.
- 62 Эти частушки были записаны в 1943 г. в Никольском районе Вологодской области. См.: Частушки в записях советского времени. М.–Л., 1965. С. 164.
- 63 *Верт А.* Указ. соч. С. 480.
- 64 Москва военная... С. 666.
- 65 Речь идет об англо-советском договоре о союзе и сотрудничестве от 26 мая и об англо-советском и американо-советском коммюнике относительно «второго фронта» от 12 июня 1942 г. Цит. по: *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.
- 66 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 119, 247, 255, 262.
- 67 Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.
- 68 *Верт А.* Указ. соч. С. 264.
- 69 Русский советский фольклор. Антология. Л., 1967. С. 401–402.
- 70 *Вернадский В.И.* Указ. соч. С. 215–216. См. также: Bailes K. Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V.I. Vernadskii & his School. 1928–1945 // Slavic Review. Vol. 45. N 1. P. 36.
- 71 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 52, 54.
- 72 *Вишневецкий В.В.* Дневники военных лет (1943, 1945 гг.) М., 1979. С. 62–63.
- 73 *Сорокин В.С.* Указ. соч. С. 161.
- 74 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 5.
- 75 Международное положение глазами ленинградцев... С. 125.

- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 112.
- ⁷⁷ Международное положение глазами ленинградцев... С. 126.
- ⁷⁸ Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.
- ⁷⁹ Международное положение глазами ленинградцев... С. 94–95. Что касается «серьезных представителей от союзников», речь, очевидно, идет о сенаторе Дж. Дэвисе, который был послом США в СССР в 1936–1938 гг., а в мае 1943 г. привозил в Москву предложения Ф.Д. Рузвельта о советско-американской встрече на высшем уровне. См.: *Исраэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1995. С. 148–149.
- ⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 247. Л. 29–29 об.; Оп. 125. Д. 181. Л. 3–5.
- ⁸¹ *Жилинский И.И.* Указ. соч. С. 6.
- ⁸² *Жилинский И.И.* Указ. соч. С. 6; Международное положение глазами ленинградцев... С. 44.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 262. Л. 88.
- ⁸⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 124.
- ⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 255. Л. 126.
- ⁸⁶ *Козлов Н.Д.* Указ. соч. С. 70.
- ⁸⁷ Там же. С. 72.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 46. О том, насколько затруднено было в годы войны общение, в частности, с иностранными корреспондентами, в том числе представителями коммунистической или социалистической прессы, и какими последствиями такое общение грозило, рассказывает в своих воспоминаниях Н.М. Улановская, в годы войны работавшая в отделе печати НКВД. См.: *Улановская Н.М., Улановская М.А.* История одной семьи. М., 1994. С. 133–170.
- ⁸⁹ Русская частушка. Л., 1950. С. 401–402.
- ⁹⁰ Международное положение глазами ленинградцев... С. 136.
- ⁹¹ Там же. С. 111–113.
- ⁹² *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С. 95.

НИЖЕГОРОДСКИЙ РЕГИОН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*В. И. Белоус, А. А. Кулаков**

(Нижний Новгород)

Исторический опыт мировых и локальных войн XX столетия показывает, что прежде чем завоевать победу на полях сражений, необходимо достичь ее в тылу. В свою очередь экономическая победа зависит от созданной производственной базы, квалифицированных кадров рабочих и инженеров, умения управлять промышленным потенциалом в чрезвычайных условиях и, наконец, от социально-психологического состояния и настроения людей.

Великая Отечественная война Советского Союза против Германии отчетливо выявила взаимосвязь и взаимозависимость этих факторов. За предвоенное десятилетие СССР превратился в диссипативную систему достаточно эффективную для того, чтобы регулировать внутри себя необходимое соотношение порядка и хаоса. А возможные флуктуации практически не выходили за ее рамки, жестко регулировались командно-административными мерами, тем более в условиях чрезвычайного военного времени. Вместе с тем устойчивость такой суперсистемы как Советский Союз определялась экономическим, политическим, социальным, идеологическим состоянием ее элементов, то есть крупных промышленных регионов. Одним из таких мощных промышленных регионов был Горьковский (Нижегородский), являвшийся крупнейшим ближним стратегическим тылом действующей армии во время Великой Отечественной войны.

Выявленные в первой половине 90-х годов XX в. новые архивные источники, в значительной части уже введенные в научный оборот, позволяют более убедительно показать значение Нижегородского региона в годы Великой Отечественной войны. Анализируя структуру производства региона, можно прийти к выводу, что она изначально создавалась в виде военно-промышленного комплекса. Явно или косвенно, но до 80% промышленности и до войны, и во время войны, и после нее работали на оборону. В годы предвоенных пятилеток здесь были созданы и получили развитие современные автомобильная, авиационная, судостроительная, химическая, электротехническая и другие отрасли. На

* Белоус Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор Нижегородского государственного университета; Кулаков Аркадий Александрович, доктор исторических наук, профессор Архитектурно-строительной академии (Нижний Новгород).

заводах и фабриках трудился большой отряд рабочего класса. Накануне войны в народном хозяйстве области было занято 553 тыс. рабочих и служащих, из них 356 063 рабочих, в том числе 231,6 тыс. собственно промышленных¹. Исключительно удачным было географическое положение области с наличием водных путей, железных и автомобильных дорог, воздушного сообщения. Не менее существенным было и то, что в регионе не было необходимости перестраивать структуру производства. Промышленность уже (подчеркнуто нами. – В.Б., А.К.) была готова к немедленному конвейерному выпуску практически всей номенклатуры военных изделий, что имело важное значение для обеспечения нужд фронта, особенно в первый тяжелейший период войны. С первых военных дней Горьковский автозавод, наряду с производством грузовых автомобилей, осваивал массовый выпуск легких танков Т-60, танковых моторов, реактивных снарядов БМ-13. Завод «Красное Сормово», производя подводные лодки, в кооперации с автозаводом, заводом фрезерных станков, Выксунским и Кулебакским металлургическими заводами стал производить средние танки Т-34. В октябре 1941 г. первые танки ушли под Москву. Коллективы заводов «Двигатель революции», «Красная Этна», Автозавода осваивали производство 120-мм минометов. 30 машиностроительных предприятий региона переходили на серийный выпуск корпусов реактивных снарядов для «катюш», мин, гранат. Завод им. Сталина продолжал отправлять на фронт артиллерийские системы. Выксунский завод ДРО увеличил производство бронев автомобилей. В выполнении военных заказов участвовали 5 авиазаводов г. Горького. Завод им. С. Орджоникидзе в 1941 г. произвел 1994 современных боевых истребителей ЛаГГ-3². Завод им. Петровского производил минно-торпедное вооружение для ВМФ. Завод им. В.И. Ульянова единственный в стране изготавливал специальную судовую электроаппаратуру для боевых кораблей. Борский стекольный завод им. М. Горького производил оптические изделия для автомобильной промышленности, ВМФ, промышленности боеприпасов и химической.

Только в первые полгода войны горьковские заводы изготовили и отправили на фронт 5645 пушек (35,3% от всех поступивших в РККА), 2602 миномета (6,1%), 117 «катюш» (11,7%), 1496 танков (26,7%), 2208 самолета (22,3% боевых), 71 398 автомашин (34,8%)³.

Существенный вклад в победу внесли труженики г. Дзержинска. На заводах города выпускалась разнообразная химическая продукция. Ее объем составил около 29% от валового выпуска химической промышленности страны. А по отдельным ее видам удельный вес составлял: по каустику – 50%, этиловой жидкости –

70,7%, листовому оргстеклу – 90%. Завод № 80 производил до 50% всех взрывчатых веществ, выпускавшихся в СССР⁴. Немалый вклад в обеспечение победы внесла местная промышленность региона. За годы войны она дала продукции для фронта на 240 млн руб. и поставила в войска до 16 тыс. единиц военного обмундирования, свыше 60 тыс. подков, 80 тыс. пар белья, до 100 тыс. гимнастеров и брюк. Фабрики только Куйбышевского района г. Горького за военные годы изготовили обмундирования для 246 дивизий⁵.

В целом за годы войны промышленность Нижегородского региона дала фронту от произведенных в стране: танков, САУ, бронемашин – 37%, минометов – 35,4%, боевых самолетов – 16,2%, (в том числе 26% истребителей), радиостанций – 59,9%, автомобилей – 34,5%, снаряжения – 16,4%, подводных лодок – 43,1%⁶. Совершенно очевидно, что эффективность работы военной промышленности зависит от более или менее квалифицированных рабочих кадров. В то же время молох глобальной войны потребовал ухода в действующую армию сотен тысяч кадровых производственников. В Нижегородском регионе в 1941–1943 гг. было призвано в Красную Армию и мобилизовано на различные работы 106 886 рабочих⁷. Необходимо было не только восполнить дефицит рабочей силы на предприятиях, но и обучить их. В военные годы подготовка квалифицированных рабочих являлась одной из самых сложных военно-экономических проблем. Важную роль в ее решении сыграла система государственных трудовых резервов, созданная незадолго до начала войны и разнообразные формы обучения непосредственно на производстве.

Недостаток рабочей силы на предприятиях региона особенно резко проявился в 1943 г. Это потребовало увеличения сети учебных заведений трудовых резервов. В 1943 г. в области было 41 ремесленное училище и 30 школ ФЗО, в которых училось 23 154 человека⁸. Большинство из них обучалось в ремесленных училищах, в которых давалась более фундаментальная подготовка, нежели в школах ФЗО. Всего за годы войны в системе трудовых резервов региона было обучено и передано на предприятия 74 292 человека, в том числе из училищ – 36 488 человек, из школ ФЗО – 37 804 человек.⁹ Мы не склонны ни преуменьшать, ни преувеличивать роли системы трудовых резервов в обеспечении промышленности квалифицированными рабочими кадрами. Являясь необходимым элементом сверхсистемы, она была полностью подготовлена к деятельности в чрезвычайных военных условиях и тем самым смогла обеспечить предприятия квалифицированными рабочими кадрами.

Однако основная масса новых рабочих обучалась непосредственно на производстве в самых разнообразных формах. В Горьковской области основными формами начальной производствен-

ной подготовки были индивидуально-бригадная и стахановские школы. За 1941–1945 гг. основные предприятия региона подготовили 338 тыс. новых рабочих, в том числе через индивидуально-бригадное около 139 тыс. или 41%. Новые рабочие, возраст которых составлял от 14 лет и чуть старше, имели решающее значение в обеспечении бесперебойной работы военного производства и снабжении фронта всем необходимым. Более того, за 1941–1945 гг. существенно изменился количественный и качественный состав рабочего класса. Довоенный рабочий класс практически исчез и был замещен новыми, главным образом, крестьянскими по происхождению и психологии рабочими. Но именно они одержали экономическую Победу, по меньшей мере, еще в 1943 г. Однако эта победа досталась труженикам промышленных предприятий региона немалой ценой. Постоянная социальная и психологическая напряженность, сверхурочные работы, недоедание, болезни, бытовые проблемы в военные годы – вот с чем пришлось жить нашим людям. Пожалуй, во многих отношениях в тылу было сложнее, чем на фронте. Но тем ярче подвиг и жертвенность тружеников тыла во время Великой Отечественной войны¹⁰.

Таким образом, Нижегородский регион сыграл важную роль в обеспечении фронта разнообразной военной продукцией и занял одно из лидирующих мест в достижении Победы.

¹ *Серебрянская Г.В.* Об изменении численности рабочего класса, форм и методов его пополнения // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет. Нижний Новгород, 1995. С. 122.

² Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО). Ф. 3, оп. 1, д. 3308, л. 78; см. также: Забвению не подлежит. Кн. 3. Нижний Новгород, 1995, С. 260.

³ ГОПА НО. Ф. 3, оп. 1, д. 3302, л. 2; д. 3307, л. 95, 96, 146; д. 3308, л. 78; Гриф секретности снят. М., 1993. С. 353, 355, 356; *Гордеева Л.П., Перчиков Ю.А., Смирнов В.В.* Вклад Горьковской области в достижение Победы в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет. Нижний Новгород, 1995. С. 11.

⁴ ГОПА НО. Ф. 3, оп. 1, д. 3302, л. 1, 13.

⁵ ГАНО. Ф. 3074, оп. 4, д. 2150, л. 28, 294. ГОПА НО. Ф. 36, оп. 1, д. 1448, л. 14.

⁶ *Гордеева Л.П., Перчиков Ю.А., Смирнов В.В.* Указ. соч. С. 12. См. также: Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет. С. 253.

⁷ РГАСПИ. Ф.17, оп. 88, д.175а, л.28 – подсчеты наши.

⁸ ГАНО. Ф. 5461, оп. 1, д. 108, л. 10. См. также: *Белоус В.И.* Трудовые резервы Горьковской области в годы Великой Отечественной войны / Записки краеведов. Горький, 1985. С. 24.

⁹ ГАНО. Ф. 5461, оп. 1. д. 159, л. 15.

¹⁰ *Белоус В.И.* Подготовка рабочих кадров для промышленности непосредственно на производстве во время Великой Отечественной войны (1941–1945). Горький, 1979. С. 26.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НОВЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

*В. А. Невежин**

(Москва)

История Второй мировой войны вызывает огромный интерес. Это грандиозное вооруженное столкновение, в которое был вовлечен и сыграл в нем решающую роль Советский Союз, рассматривается как судьбоносное. Несмотря на огромные людские и материальные потери оно предопределило дальнейшее существование не только европейской, но и всей мировой цивилизации.

В советской историографии изучение проблематики Второй мировой войны носило заидеологизированный характер, строго контролировалось структурами КПСС и органами цензуры. На смену единомыслию историков советской генерации, которое обеспечивалось при помощи тотального политического контроля со стороны правящей партии и всепроникающей цензуры, пришел плюрализм постсоветской историографии, находящий проявление в формировании различных, порой прямо противоположных взглядов на события Второй мировой войны.

В предлагаемой статье делается попытка освещения наиболее характерных тенденций в современной российской историографии Второй мировой войны. Автор ставил перед собой задачу дать представление о широте тематики и региональной специфике изучения данной проблемы. В качестве основных источников использованы исследовательские работы (монографии, авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, статьи), вышедшие в свет на рубеже XX–XXI вв. Ввиду ограниченного объема данного обзора главное внимание сосредоточено на вопросах и сюжетах, связанных с теми событиями 1941–1945 гг., которые происходили на территории бывшей Российской Федерации (боевые действия и людские потери сторон; оккупационный режим; состояние тыла и т.д. и т.п.). За рамками статьи остались такие проблемы, как дипломатия и внешняя политика СССР, партизанское движение, судьбы советских и германских военнопленных и некоторые другие.

* Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

В российской историографии продолжают попытки заполнения многочисленных лагун и «белых пятен» начального этапа Второй мировой войны (1939–1941 гг.). События этого периода аккумулировали в себе накапливавшееся в течение предшествовавших десятилетий столкновение позиций ведущих мировых держав, вылившись, в конечном счете, в конфликт, который принял характер мирового. Не случайно в постсоветской историографии этой проблематике уделяется неослабное внимание. В частности, до сих пор остается актуальным вопрос о сталинском «сценарии» войны против Германии, о причинах трагического для Красной Армии ее начального периода. По этой проблеме работают такие историки, как М.А. Гареев¹, М.И. Мельтюхов², О.В. Вишлэв³, Л.А. Безыменский⁴, Ю.А. Никифоров⁵ и другие. Несомненный интерес представляют суждения последнего о том, что в новейшей российской историографии наблюдается кризисный процесс, в основе которого лежит смена философских, идеологических, социально-политических основ исторического исследования. Как считает Ю.А. Никифоров, с одной стороны, этот кризис находит проявление в радикальном переосмыслении всех основных концептуальных положений, выработанных советской историографией событий 1939–1941 гг. С другой стороны, подчеркивает он, имеется группа историков, не находящих оснований для отказа от того, что накоплено их советскими предшественниками. Однако ее представители вовсе не склонны к догматической приверженности прежним подходам и к игнорированию документов, ставших известными в последние годы. По мнению Ю.А. Никифорова, введенные в научный оборот новые документы вполне удастся интерпретировать, опираясь на прежние представления.

Другая точка зрения на современное состояние изучения проблем начального периода Второй мировой войны изложена М.И. Мельтюховым⁶. Он отметил, что традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях СССР в преддверии 22 июня 1941 г. (к числу ее сторонников можно отнести Гареева, Вишлэва, Никифорова, Горькова и некоторых других российских авторов) в свете новейших документов, ставших доступными во второй половине 1990-х годов, была поставлена под сомнение. Но на основании имеющихся на сегодняшний день в распоряжении исследователей источников и всех достижений современной российской историографии трудно однозначно утверждать, что Сталин стремился непременно первым напасть на Германию, начать против нее «превентивную войну». Несомненно одно: сценарий грядущей войны, который имело советское руководство, не соответствовал ситуации, сложившейся к 22 ию-

ня 1941 г. Это привело к трагическим для СССР поражениям начального периода вооруженного противоборства с Германией.

В целом проблема «СССР в начальный период Второй мировой войны, 1939–1941 гг.» подверглась в российской историографии коренному переосмыслению, что представляется вполне закономерным ввиду практической неразработанности ее советскими историками. Работы по данной тематике наиболее критичны, а дискуссия среди исследователей, занимающихся этой проблемой, отличается особой остротой. В этом смысле российская историография Великой Отечественной войны имеет свою специфику и характерные особенности. Она в большей степени связана традиционными представлениями, сложившимися и устоявшимися в советское время. Война 1941–1945 гг., как бы исследователи ни оценивали постфактум стратегические замыслы Сталина в ее преддверии – как наступательные либо как сугубо оборонительные, – была начата Гитлером, и Советский Союз выступал в ней жертвой коварного и сильного агрессора. Трудно оспаривать то обстоятельство, что большинство из советских граждан, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, трудившихся на дело обороны в глубоком тылу, главную свою цель видели в необходимости отстоять свою Родину, разгромить врага и добиться победы. Именно в таком ключе и трактовалась проблема Великой Отечественной войны советской историографией.

Данная (можно условно ее назвать «охранительная») составляющая присутствует и в российской историографии. Важнейшие сражения Великой Отечественной войны (такие, как Московская, Сталинградская, Курская битвы) внесены в список исторических событий, знаменующих воинскую славу российского оружия. Организация ряда общероссийских и международных научных конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Челябинске, Саратове и других городах, появление солидных исследовательских трудов о войне стали возможны во многом благодаря поддержке (в первую очередь, финансовой) российских президентских и правительственных структур. Не секрет, что повышение интереса к Великой Отечественной войне активизируется в дни празднования «круглых» годовщин судьбоносных для СССР и России событий военного периода, таких как 55-летие Победы (2000 г.), 60-летие нападения Германии на СССР и начала грандиозного вооруженного столкновения между ними, 60-летие Московской битвы (2001 г.) и т.д. и т.п.

Различные аспекты германо-советского вооруженного противоборства, развернувшегося в 1941–1945 гг., остаются в центре внимания российских исследователей. Советская историография

этой проблемы отличалась определенной односторонностью. Существовала четко ограниченная тематика, в прокрустово ложе которой стремились втиснуться как военные, так и сугубо гражданские историки войны. Это: происхождение и причины войны Германии против СССР; состояние экономики Советского Союза; ход конкретных боевых действий и основных сражений (внимание акцентировалось на тех из них, в которых выигрыш принадлежал Красной Армии); причины поражения Германии в войне; партизанское движение на оккупированной советской территории и т.д. и т.п. Сравнительно мало говорилось об оккупационном режиме (акцент делался на преступлениях оккупантов против местного населения), в частности, о коллаборационистском движении, о катастрофических демографических последствиях военных действий для СССР, о неудачах и потерях советских вооруженных сил. Подобного рода тенденцию можно объяснить различными причинами, из которых едва ли не основной в советскую эпоху являлось стремление историка, естественно, поощряемое сверху, выбрать «выигрышную» тему, при рассмотрении которой относительно легко можно было заклеить разного рода «буржуазных советологов».

Пытаясь выяснить, какова на сегодняшний день ситуация с изучением различных аспектов германо-советской войны 1941–1945 гг., можно прийти к выводу: почти все вопросы, связанные с ней, являются дискуссионными. Порой даже звучат заявления, что современная российская историография Великой Отечественной войны отличается большой противоречивостью, прежде всего отсутствием четких методологических подходов, нигилистическим отношением к опыту советской историографии, применением ранее не практиковавшихся методов исследования наряду с новыми методологическими штампами⁷.

Думается, что основная причина создавшейся ситуации та же, что и при изучении сюжетов начального периода Второй мировой войны – попытки отказаться от прежней методологии и поиски новых подходов в понимании и ценностном восприятии событий, преодоление навязанных советской идеологией стереотипов и мифов, выход на новые, ранее не изучавшиеся темы, в исследовании которых отсутствует сложившаяся историографическая традиция. Немаловажное значение имеет и то, что за время после падения коммунистического режима проведена определенная работа по введению в научный оборот документального материала по истории Великой Отечественной войны, который извлечен из ранее не доступных широкому кругу исследователей российских архивохранилищ (например, из Президентского архива, а также из архивов силовых ведомств – ФСБ, МО и др.). Собствен-

но военная версия развития вооруженного противоборства СССР и Германии в советской историографии оставалась неизменной, лишь пополняясь с годами новым фактическим материалом для обоснования ее правильности. В постсоветской историографии акценты несколько сместились, и наряду с изучением истоков побед в тех или иных сражениях Великой Отечественной войны стали изучаться причины поражений, понесенных Красной Армией, особенно в 1941–1942 гг.

Одним из ключевых вопросов, без прояснения которого очень трудно понять специфику хода боевых действий на советско-германском фронте, является вопрос о соотношении численности противоборствующих сторон, а также тесно связанная с ним проблема боевых потерь вооруженных сил Советского Союза. В последнее время сделаны попытки, основываясь на новых архивных материалах, внести ясность в данную проблематику. Новейшие исследования российских историков показали, что, даже развернув на Восточном фронте основную часть вермахта, германское верховное командование все же не смогло добиться подавляющего превосходства не только в полосе всего будущего фронта, но и в полосах отдельных групп армий⁸. Однако Красная Армия не была отобомблирована и не закончила процесс стратегического развертывания. Немцы громили советские войска по частям. На направлениях главных ударов германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему. В конечном счете это обстоятельство являлось одним из основных, предопределивших поражения СССР летом 1941 г.

Как уже отмечалось, в постсоветской историографии было обращено внимание на изучение некоторых неудачных для Красной Армии сражений, таких, например, как Харьковская операция 1942 г.⁹, другие незавершенные наступательные операции¹⁰. Вскрывая причины тяжелого поражения, которым закончились поначалу успешно разворачивавшиеся наступательные бои на харьковском направлении весной 1942 г., российские военные историки сделали вывод, что вина за него лежала не только на командовании Юго-Западного направления, но и на Ставке Верховного Главнокомандования во главе с И.В. Сталиным. Были недооценены силы и средства врага, с опозданием принято решение о прекращении наступления в связи с мощным ответным ударом противника и обозначившейся угрозой окружения. Не всегда объективная информация о положении на фронтах направлялась в Ставку Верховного Главнокомандования, которая, в свою очередь, допустила просчет в оценке стратегических замыслов германского руководства на летнюю кампанию 1942 г.¹¹

В фокусе исследовательского интереса оказалось и танковое сражение под Прохоровкой 1943 г., ход и исход которого в советское время оценивались весьма субъективно и поверхностно. В течение десятилетий оно «было окутано мифами и неумеренным славословием». Замалчивались ошибки при принятии советским военным руководством решений, недостатки в организации боевых действий, в управлении войсками в ходе этой операции, которые привели к трагическим последствиям и неоправданным потерям в людях, вооружении и боевой технике.

Лишь спустя почти шесть десятилетий после этого события начали предприниматься попытки тщательно и объективно, на основании ранее неизвестных документов из Центрального Архива Министерства обороны, а также мемуарной литературы час за часом, день за днем проследить ход Прохоровского сражения. В результате скрупулезного анализа обширного фактического материала выявились многочисленные факты, свидетельствующие о том, что советским командованием были допущены промахи при проведении этого сражения, о которых предпочитала умалчивать официальная военная наука¹².

В связи с рассмотрением вопроса о реальных потерях, понесенных Красной Армией в ходе Харьковской наступательной операции, в боях под Прохоровкой, в других сражения Великой Отечественной войны актуализировался вопрос о той цене, которую заплатил русский народ, другие народы Советского Союза за Победу над Германией. Однако чтобы получить полное представление о действительных потерях Советских Вооруженных Сил убитыми и ранеными в боевых действиях 1941–1945 гг. в целом и по отдельным наиболее кровопролитным сражениям (таким, как Харьковская операция 1942 г., Сталинградская и Курская битва) исследователям приходится сталкиваться с рядом трудностей объективного характера и субъективного свойства. Во-первых, в военный период не всегда хорошо был поставлен учет убыли личного состава, не полностью сохранились необходимые документальные материалы. Отсюда – произвольные манипуляции с данными о безвозвратных потерях 1941–1945 гг., которые, к сожалению, возникают не только по причине недобросовестности некоторых авторов, но и ввиду неполноты имеющихся статистических данных. Неоднократно приводился следующий факт. В 2001 г. издательством «Олма-Пресс» (Москва) был выпущен справочник, в котором, в частности, приводились данные о советских людских потерях в Великой Отечественной войне¹³. Как оказалось, данные, о которых идет речь, без изменений были перенесены в новое издание из книги, вышедшей в свет... за 8 лет до этого¹⁴.

Потери, понесенные непосредственно в ходе боевых действий 1941–1945 гг., – это всего лишь подводная часть огромного исследовательского айсберга, название которому «демографическое эхо войны». По признанию ряда современных российских историков, демографические процессы представляют собой обширную лауну в историческом знании. В настоящее время наблюдается перенасыщение «катастрофической» тематикой и складывается своеобразный катаклический подход (от слова катаклизм) в области демографической истории военного периода. Влияние войны на демографическую ситуацию в СССР оказалось столь огромным, что демографы правомерно и, думается, вполне правомерно, стали употреблять для его характеристики термин «катастрофа». Действительно, гибель десятков миллионов людей, ухудшение здоровья оставшихся в живых, неблагоприятные изменения в качественном составе населения, снижение рождаемости, массовые миграции – вот далеко не полный перечень демографических результатов трагических событий 1941–1945 гг.¹⁵

Демографические процессы, происходившие в военный период, прослеживаются в ряде работ российских авторов. Большинство из них основано на тщательном анализе разнообразных фактических и статистических материалов¹⁶. Так, в монографии Л.Л. Рыбаковского рассматриваются различные оценки людских потерь Советского Союза и России в годы Великой Отечественной войны, факторы, обусловившие их масштабы. В книге обосновывается оценка, которой придерживается автор, объясняется принцип расчета потерь при использовании разных методов, характеризуются достоинства метода демографического баланса, приводятся примеры его применения в российской и зарубежной практике. Л.Л. Рыбаковский предложил разработанный им этнодемографический метод расчета людских потерь. С помощью этого метода рассчитана их величина для России, а также описаны те трудности, с которыми связано получение результатов. Рыбаковский показал, что подсчеты потерь, предложенные некоторыми российскими исследователями, страдают арифметическими погрешностями. Он категорически опровергает цифры в 35–37 млн или в 44–46 млн, приводимые в литературе, считая их не подтвержденными серьезными научно обоснованными расчетами¹⁷. По подсчетам Л.Л. Рыбаковского, людские потери России в Великой Отечественной войне составили примерно 13 млн человек (48% всех потерь Советского Союза). Однако он не отрицал, что эти цифры могут быть уточнены, в частности, «в результате появления более достоверной информации»¹⁸.

Проблема людских потерь в любой войне весьма болезненная. Поэтому попытки манипулирования неполными статистиче-

скими данными (даже если они производятся из лучших побуждений), а тем более – вольное или невольное стремление преувеличить потери любой из противоборствовавших в 1941–1945 гг. сторон в угоду сиюминутной конъюнктуре¹⁹ не могут не вызвать чувств неодобрения и даже протеста.

Вопрос о демографических процессах 1941–1945 гг. тесно связан с проблематикой состояния тыла периода войны, которую можно рассматривать как традиционную. В российской историографии появилась литература, посвященная истории центральных, местных органов власти военных лет²⁰, различным аспектам политической, хозяйственной²¹, культурной жизни регионов РСФСР. В то же время впервые стало уделяться внимание истории советского ВПК²², трудового вклада заключенных ГУЛАГа в победу, социальной политике, повседневной жизни различных социальных групп советского населения²³, психологии народных масс и отдельного человека, деятельности православной церкви²⁴ и т.д. и т.п.

Говоря о повседневной жизни людей в советском тылу 1941–1945 гг., которая была полна огромных трудностей и лишений, нельзя не задаться вопросом: в какой конкретно ситуации находились миллионы бывших граждан СССР, очутившиеся на оккупированных захватчиками территориях. Как уже упоминалось выше, немецкий оккупационный режим привлекал интерес советских историков преимущественно с точки зрения изучения преступлений германских оккупационных властей против гражданского населения (массовые казни, использование принудительного труда, эксплуатация сырьевых ресурсов и экономики завоеванных областей). В постсоветской историографии он продолжает рассматриваться в таком же ключе. В частности подчеркивается, что оккупационный режим на территории СССР, нацеленный на истребление населявших его народов, на выселение их в отдаленные районы, лишение государственности, захват и колонизацию советской территории, был спланирован задолго до нападения Германии на Советский Союз²⁵. В то же время в российской историографии наблюдается тенденция более дифференцированного подхода к проблеме оккупационного режима. Достаточно напомнить, что немцы полностью захватили территорию 5-ти бывших советских союзных республик и целого ряда областей. Исследования последних лет, проведенные российскими историками, позволяют, например, уяснить, что характер оккупационной политики нацистов в Прибалтике, лишь в 1940 г. вошедшей в состав СССР, отличался от того, какой она носила на территории РСФСР.

Благодаря новым подходам, выявившимся в новейшей российской историографии, в совершенно другом ключе стала изучаться глобальная проблема «Человек и война». При том, что по

уже сложившейся традиции продолжают выходить в свет работы о боевом и трудовом героизме людей, об эпопее эвакуации промышленных предприятий с Запада на Восток, о лишениях, которые приходилось преодолевать в тылу, в ряде исследований затронута тема коллаборационизма²⁶. Сразу же следует оговориться, эта тема не сводится к изучению движения генерала А.А. Власова или к поиску ответа на риторический вопрос: кто он, генерал Власов: герой или предатель? Проблема ставится более глубоко. С одной стороны, делается попытка изучить природу и типологию коллаборационизма, а с другой – исследовать данный сюжет на примере конкретных вооруженных формирований с привлечением данных об участии в этих формированиях представителей тех или иных социальных групп либо представителей отдельных этнических групп, населявших СССР.

В советской историографии тема коллаборационизма не только не являлась предметом научной дискуссии, но просто была под запретом. Ее разработка могла всерьез поколебать сталинскую идеологическую установку о «морально-политическом единстве советского народа в годы Великой Отечественной войны». Лишь на рубеже 1980–1990-х годов коллаборационизм из конъюнктурных соображений стали изображать, прежде всего в художественной литературе и публицистике, в столь светлых тонах, что это нередко приводило к отторжению у людей, владевших сколько-нибудь полными сведениями о предмете обсуждения²⁷. Между тем требует объяснения то обстоятельство, что ни в одной оккупированной стране германская армия не встретила столь значительной поддержки среди населения и относительно большого числа поступивших на немецкую службу с оружием в руках, как на занятой вермахтом территории СССР. В настоящее время российскими историками лишь начата работа по изучению сложной и неоднозначно трактуемой проблемы коллаборационизма бывших советских граждан 1941–1945 гг. Сделаны первые шаги по пути выяснения побудительных причин, которые заставляли те или иные группы людей, отдельного человека поступить на службу к немцам. Причем изучаются не только объективные причины использования оккупантами таких людей в антисоветских формированиях (потери вермахта в германо-советской войне, партизанское движение и т.д.), но и делаются попытки посмотреть на проблему с точки зрения имевшегося морального выбора, перед которым стоял каждый конкретный человек, оказавшийся в числе коллаборационистов. А выбирать, как показывают факты, приходилось не только тем, кто прямо пострадал от тоталитарного сталинского режима и желал с оружием в руках отомстить за политические репрессии либо за притеснения на на-

циональной почве с его стороны. В ряде случаев этот выбор обусловливался безвыходной ситуацией, в которой оказывался бывший советский гражданин на оккупированной территории, когда он находился буквально между жизнью, которую ему обеспечивал переход в стан врага, и смертью от голода, холода или от рук оккупантов в противном случае. Несомненно, коллаборационизм являлся реакцией, хотя и несколько замедленной, на сталинскую экономическую, социальную и национальную политику второй половины 1930-х годов. В условиях начавшейся германо-советской войны именно на Сталина многие из тех, кто оказался в результате неудачных боевых действий в германском плену на оккупированной врагом территории либо был вынужден покинуть родные места и отправиться в эвакуацию, возлагали вину за поражения Красной Армии и собственные невзгоды.

Однако, некоторые авторы считают, что сводить все причины и мотивы проявления коллаборационизма лишь к деспотизму сталинского режима, равно как и отрицать данное обстоятельство, было бы упрощением проблемы. Так, Н.Д. Козлов выделил следующие мотивы в поведении и поступках людей, перешедших на сторону врага в годы Великой Отечественной войны. Ожесточенная гражданская война, коллективизация, осуществлявшаяся под сильным «давлением власти», массовые репрессии и атмосфера всеобщей подозрительности сказались на сознании людей. Часть из них, которая была несправедливо обижена, не смогла отделить понятия сталинизм от понятия Отечество. Спасаясь от Сталина, подчеркивал Козлов, эти люди «помогали Гитлеру поработать Родину», а поэтому им нет оправдания. Историк сделал вывод, что среди сотрудничавших с немцами бывших советских граждан были и такие, кто сознательно пошел на предательство. Наконец, как отмечал Н.Д. Козлов, поведением определенной части людей, оказавшейся на стороне врага, двигали отнюдь не идейные соображения, а самые низменные мотивы (зависть, подлость, корысть, жажда власти над другими). Следует учитывать и то обстоятельство, что часть коллаборационистов стала предателями от отчаяния, не выдержав суровых условий немецкого плена. Вероятно, некоторые из них даже надеялись при первой возможности перейти «к своим».

Вывод Н.Д. Козлова относительно поведения А.А. Власова и его ближайшего окружения после начала власовского движения звучит безапелляционно: эти люди в самое тяжелое для страны и народа время проявили «неразборчивость, трусость, малодушие», пойдя ради собственного спасения в услужение врагу²⁸. В то же время в российской историографии предпринята попытка переосмысления утвердившихся в общественном сознании еще с совет-

ских времен предрассудков и мифов, связанных со 2-й Ударной армией Власова. Десятилетиями трагические события, сопровождавшие попытку вывода этой армии из окружения, освещались в литературе в искаженном свете. Поскольку 2-й Ударной армией командовал А.А. Власов, плененный немцами в 1942 г. и добровольно служивший им вплоть до 1945 г., то ее презрительно называли «власовской армией». Таким образом, клеймом предателей оказались отмеченными десятки тысяч погибших и оставшихся в живых советских командиров и бойцов, непродолжительное время служивших под командованием Власова. В этой связи заслуживает одобрения попытка восстановить историческую истину в этом вопросе. Б.И. Гаврилову удалось показать, основываясь на скрупулезном анализе событий декабря 1941 – июня 1942 гг., что войны 2-й ударной армии, в отличие от своего командующего, до конца героически исполнили свой воинский долг²⁹.

Тема «Сталин и война» нашла отражение в ряде новейших исследований российских историков, и число работ по данной тематике продолжает расти. Пополняется ее источниковая база. Так, были изданы беседы и интервью с видными советскими государственными, военными и политическими деятелями (В.М. Молотов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, П.К. Пономаренко, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, С.М. Буденный, С.К. Тимошенко, И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, А.А. Новиков)³⁰. В целом свидетельства ближайших соратников Сталина дают объективную и разностороннюю оценку советского вождя, в том числе и как полководца Великой Отечественной войны.

В ряде работ конца XX – начала XXI вв. можно встретить суровую критику действий Сталина на различных этапах войны 1941–1945 гг. По мнению некоторых историков, советское военное и политическое руководство не сделало главного: не были приведены в полную готовность предназначавшиеся для отражения первого удара противника войска прикрытия. В то же время на запад выдвигались резервные части, тут же попадавшие под сокрушительные удары со стороны германских войск и понесшие огромные потери. Вина за это целиком возлагается историками на Сталина как на Верховного главнокомандующего и наркома обороны, а также на его ближайшее окружение. Сталина считают также виновником поражения Красной Армии под Харьковом весной 1942 г. Утвердилось мнение, что именно сталинские стратегические просчеты predetermined катастрофические поражения под Вязьмой и в Крыму в 1941 г., огромные потери в Ржевской операции, трагедию 2-й Ударной армии, привели к прорыву немцев на Сталинградское направление и открыли врагу путь на Северный Кавказ летом 1942 г. В то же время в

современной российской историографии отмечается, что Сталин имел обыкновение перекладывать собственную вину на своих военачальников. Наиболее яркое свидетельство тому – быстрая расправа над командованием Западного фронта во главе с генералом Д.Г. Павловым летом 1941 г.³¹ Однако порой в некоторых работах историков наблюдается определенный «перехлест» в определении степени вины И.В. Сталина за неудачи и потери в Великой Отечественной войне. Так, без всяких доказательств утверждают, что Ленинградская блокада являлась частью сталинского плана по истреблению ленинградцев. Пишут и о том, что И.В. Сталин в сентябре 1941 г. преднамеренно бросил Ленинград на произвол судьбы: ему якобы нужен был особый пример мужества, героизма и терпения³².

Вместе с тем нельзя не отметить наличие другой тенденции – откровенной апологетики некоторых авторов при описании деятельности Сталина как полководца в годы германо-советской войны. К сожалению, в подобного рода работах, как и в ряде публикаций по истории начального этапа Второй мировой войны, прослеживается стремление непременно обличить оппонентов-антисталинстов, заклеить их как «демократов» и «сталинофобов»³³.

Аналогичные яростные споры и различные интерпретации встречаются и в исследовательской литературе о Г.К. Жукове. Одни авторы изображают Жукова «злым гением» Сталина, едва ли не основным виновником, наряду со Сталиным, трагических поражений Красной Армии в 1941–1942 гг. и ее неоправданно больших потерь в 1943–1945 гг.³⁴ Приводятся данные о том, что по вине Г.К. Жукова были понесены неоправданные потери в Московском сражении 1941 г., а также в битве за Берлин в 1945 г. По некоторым оценкам, «за амбициозные претензии маршала Жукова советские солдаты заплатили не одной сотней тысяч своих жизней»³⁵.

Есть и другие мнения относительно роли Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне. Некоторые историки стремятся, в соответствии с традициями советской историографии, показать Жукова как исключительно талантливое военачальника, внесшего решающий вклад в дело спасения страны от гитлеровского порабощения. Например, М.А. Гареев уверен, что полководческое искусство Г.К. Жукова основывалось на том, что он придерживался основного закона военного искусства, действуя «с учетом конкретных условий обстановки»³⁶. Оценивая роль Жукова в войне 1941–1945 гг., как и в случае со Сталиным, как представляется, наиболее приемлемой для ученого должна быть взвешенная, объективная позиция, непредвзятость, опора на прочную историографическую и источниковую базу.

Если фигура Г.К. Жукова вызывает у одних историков неприятие, а другие рассматривают маршала как выдающегося полководца, победителя сильного и коварного врага – нацистской Германии, то в оценке сталинского соратника Л.З. Мехлиса подобного рода различие взглядов отсутствует. В литературе утвердилось мнение о Мехлисе как об одном из наиболее одиозных деятелей сталинской эпохи, деятельность которого в качестве начальника Главного политического управления Красной Армии и представителя Ставки Верховного Главнокомандования рассматривается критически. Наиболее полно и разносторонне роль Л.З. Мехлиса в годы войны изучена Ю.В. Рубцовым, посвятившим специальную монографию исследованию его политической и военной деятельности³⁷. Рубцов подчеркивает, что, несмотря на высокие посты, которые занимал Мехлис в первые годы Великой Отечественной войны (являясь начальником Главпура и представителем Ставки, он также назначался членом Военных советов ряда фронтов), его деятельность в этот период трудно оценить положительно. Отсутствие необходимой военно-профессиональной подготовки и субъективные качества Л.З. Мехлиса (подозрительность, властолюбие, вседозволенность, переоценка собственных способностей) приводили порой к катастрофическим для подчиненных ему войск последствиям. Наглядным примером тому послужило тяжелое поражение Крымского фронта на Керченском полуострове в мае 1942 г.

В дальнейшем все попытки Мехлиса определить собственное место в руководстве фронтового звена закончились неудачей, поскольку его отличали злоупотребление своими возможностями напрямую обращаться к Сталину, а также неумение и просто нежелание строить служебные и личные взаимоотношения с окружающими его должностными лицами на деловой основе. Основным критерием для Л.З. Мехлиса являлось следование личным сталинским указаниям, интересам политической элиты, которая в годы войны испытывала реальную угрозу самому своему существованию.

В данном обзоре представлены лишь некоторые проблемы истории Второй мировой войны и в самом общем виде очерчен процесс поиска новых подходов для их решения, которые характерны для современной российской историографии. В целом он характеризуется наличием определенного плюрализма мнений и подходов, появлением нетрадиционных взглядов и постановкой ранее не формулировавшихся и не исследовавшихся сюжетов и вопросов. В то же время наблюдаются консервативные тенденции, некоторые авторы используют военную тематику, особенно ту, которая связана с трагическими событиями 1941–1945 гг. как своего рода

«священную корову», стремясь при этом опереться на выверенные конструкции и устоявшиеся построения советского периода.

Но в целом можно заключить, что современная российская историография Второй мировой войны отнюдь не находится в кризисном состоянии, а занята поисками выхода из определенного застоя, преодоления навешенной идеологическими постулатами мифологии событий 1939–1945 гг., которые были столь характерны для советских времен.

- ¹ *Гареев М.А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // *Война и политика 1939–1941.* М., 1999. С. 270–279.
- ² *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы. Факты. Суждения). М., 2000.
- ³ *Вишлёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001.
- ⁴ *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
- ⁵ *Никифоров Ю.А.* Дискуссионные проблемы предыстории Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии. Автореферат дис. к.и.н. М., 2000.
- ⁶ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч.
- ⁷ *Храмкова Е.Л.* Историография Великой Отечественной войны в диссертационных исследованиях // *Воинский подвиг защитников Отечества. Материалы межрегиональной научно-практической конференции.* Ч. 3. Вологда, 2000. С. 22–27; *Храмков Л.В., Храмкова Е.Л.* История тыла Российской Федерации периода Великой Отечественной войны в диссертационных исследованиях 1960–1990-х годов // *Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Материалы межвузовской научной конференции. Вып. 6. Самара, 2000. С. 56–62; *Никифоров Ю.А.* К вопросу о кризисе в современной российской историографии Великой Отечественной войны // *Вопросы мировой истории в исследованиях отечественных ученых. Сборник науч. работ аспирантов и соискателей.* М., 2001. С. 80–96.
- ⁸ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч.; *Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И.* Красная Армия в июне 1941 года. Томск, 2001.
- ⁹ *Габов С.А., Доманк А.С., Португальский Р.М.* Весной сорок второго под Харьковом // *Военно-исторический архив.* 2002. № 5(29)–9(33).
- ¹⁰ *Маркова С.В.* История сражений советских войск на территории Центрального Черноземья летом и осенью 1942 года. Автореферат дис... к.и.н. Воронеж, 2000.
- ¹¹ *Военно-исторический архив.* 2002. № 9(33). С. 36.
- ¹² *Замулин В.Н., Лопуховский Л.Н.* Прохоровское сражение. Мифы и реальность // *Военно-исторический архив.* 2002. № 9(33). С. 48–93; № 10(34). С. 19–66.
- ¹³ *Потери вооруженных Сил. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева.* М., 2001.
- ¹⁴ *Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева.* М., 1993.

- ¹⁵ *Потемкина М.Н.* Демографические процессы 1941–1945 гг. в трудах российских ученых // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IX. В честь 60-летия проф. В.Ф. Романова. М.: Магнитогорск, 2000. С. 298–301.
- ¹⁶ *Михалев С.Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-философские проблемы. Сб. науч. м-лов. Красноярск, 2000. С. 21–26; *Рыбаковский Л.Л.* Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001; Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001; *Сафир В.М.* Сосчитаем ли мы когда-нибудь безвозвратные потери армии в Великой Отечественной войне? // Военно-исторический архив. 2001. № 2(18), 3(18); *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.
- ¹⁷ *Рыбаковский Л.Л.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ Там же. С. 105.
- ¹⁹ Например, по наблюдениям Л.Л. Рыбаковского, оценки людских потерь населения Советского Союза за годы германо-советской войны в публикациях 1992–1998 гг. колеблются от 21,7 млн чел. до 43,3 млн чел. (*Рыбаковский Л.Л.* Указ. соч. С. 24. Табл. 1.1).
- ²⁰ *Сафонов Г.В.* Сельские советы Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. Автореферат дис...к.и.н. Самара, 2000; *Павлова С.А.* Деятельность органов внутренних дел Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-философские проблемы. Сб. науч. мат-лов. Красноярск, 2000; *Мезит Л.Э.* Из опыта работы чрезвычайных партийно-советских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны / Там же. С. 65–67.
- ²¹ *Пасс А.А.* Кооперативная промышленность и торговля на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.). Автореферат дис...к.и.н. Екатеринбург, 2000.
- ²² *Парамонов В.Н.* Россия 1941–1945 гг.: итоги индустриального развития // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 3–9; *Тунина А.Н.* Пензенская группа оборонных заводов // Там же. С.10–16; *Моргунова О.Н., Болва Н.В.* Военно-промышленный потенциал Сибири в военные годы // Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 34–38; *Петров О.В.* Строительство предприятий и социальных объектов авиационной промышленности на территории Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Автореферат дис...к.и.н. Самара, 2002.
- ²³ *Кодинцев А.Я.* Крестьянство Курганской области в 1941–1953 годах. Автореферат дис.. к.и.н. Курган, 2000; *Погребняк А.И.* Продовольственные трудности и голод в 1941–1945 гг. // Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ... С. 61–64.
- ²⁴ *Якунин В.Н.* Налоговая политика государства по отношению к русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 35–39; *Голубь П.С.* Церковь и государство в годы войны // Уроки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ... С. 88–91.

- ²⁵ *Олегина И.Н.* К вопросу о немецко-фашистском оккупационном режиме // Великая Отечественная война: правда и вымысел. СПб., 2000. С. 99.
- ²⁶ *Гилязов И.А.* Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны. Дис... д.и.н. Казань, 1999; *Окороков А.В.* Антисоветские формирования в годы Великой Отечественной войны. М., 2000; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- ²⁷ См.: *Галкин А.А.* Рец. на кн.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй Мировой войны. М., 2000.
- ²⁸ *Козлов Н.Д.* Духовные истоки Победы и их извращение в современной публицистике // Великая Отечественная война: правда и вымысел. С. 74–75.
- ²⁹ *Гаврилов Б.И.* «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й Ударной армии. М., 1999.
- ³⁰ *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 2000.
- ³¹ *Невежин В.А.* Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4. С. 27.
- ³² *Ковальчук В.М.* Историческая правда о битве за Ленинград // Великая Отечественная война: правда и вымысел. С. 39.
- ³³ *Соловьев Б., Суходеев В.* Полководец Сталин. М., 2000.
- ³⁴ *Соколов Б.В.* Неизвестный Жуков. Портрет без ретуши. Минск, 2000.
- ³⁵ *Сафир В.М.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁶ *Гареев М.А.* Уроки не впрок // Военно-исторический журнал. 2001. № 5. С. 14.
- ³⁷ *Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. М., 2000.

МОЛДАВИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

*В.И. Пасат**

(Республика Молдова)

История Молдавии в годы Великой Отечественной войны исследована широко и многосторонне. В созданных за несколько десятилетий обобщающих трудах, в книгах, брошюрах и статьях, непосредственно посвященных военному времени, прежде всего выделяются такие проблемы как вклад республики в победу советского народа, ход боевых действий на территории республики, героизм трудящихся Молдавии на фронтах и в тылу, политика фашистского оккупационного режима, партизанское движение, действия подполья, размеры ущерба, причиненного республике, начало восстановления народного хозяйства¹.

Однако до сих пор многие проблемы остались практически не исследованными, что главным образом объясняется многолетней недоступностью нового документального материала. В своей статье выделим ряд наименее изученных проблем, отметив, что современный этап развития исторической науки и в России, и в Молдове предложил к обсуждению и углубленному анализу целый пласт проблем, ранее или не вызревших, или сознательно замалчиваемых.

Великая Отечественная война началась всего через год после важнейшего исторического события в жизни Молдавии, народов, ее населяющих, прежде всего молдаван. С объединением левобережной и правобережной Молдавии было ликвидировано искусственное деление республики и народа на две части, восстановлено государственное единство Молдовы. Поэтому, защищая союзное государство, народ Молдовы защищал и свою государственность, свое будущее.

Воссоединенная перед самой войной Молдавия сразу же стала горячей точкой столкновения разноплановых интересов. Румыния, как известно, выступавшая во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, не могла смириться с утратой Бессарабии. Что касается Советского Союза, то его руководство ис-

* Пасат Валерий Иванович, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Молдова, профессор.

ходило из «справедливого характера» возвращения бессарабских земель после их двадцатилетнего отторжения Румынией и рассматривало республику как советскую территорию с советским государственным и общественным строем, которого в Бессарабии, т.е. на 9/10 территории, где проживало примерно 2/3 населения республики, еще не существовало и который предстояло построить. Нельзя не заметить, что соединение в условиях уже начавшейся Второй мировой войны двух различных по своему политическому и общественному строю, разноуровневых по экономике и культуре частей в единое целое, проведенное с точки зрения внутренних процессов искусственно, путем простого, притом ускоренного сложения, неизбежно не могло не породить многочисленных трудностей, сказавшихся как в годы войны, так и в послевоенный период.

В экстремальных условиях войны проявились не только позитивные источники, обеспечившие разгром фашизма, прежде всего героизм и взаимопомощь всех народов союзного государства, но и наглядно выявились корневые особенности советской государственной и общественной системы, наиболее остро сказавшиеся в последний период войны, после освобождения Молдавии от оккупации.

История первых месяцев войны, эвакуации населения и имущества из Молдавии рассмотрены в историографии достаточно полно. Вновь обнаруженные документы позволяют, однако, осветить еще одну сторону проблемы. Выяснилось, что в ходе эвакуации имели место неоднократные случаи, когда руководящие работники наркоматов, в том числе НКВД, в первую очередь заботились не о погрузке государственного имущества, а о собственных корыстных нуждах. 5 июля 1941 г. Уполномоченному ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Молдавской ССР С. Гоглидзе сообщалось: «На товарной станции города Кишинева нарушается постановление партии и правительства об эвакуации имущества и ценностей и допускается преступная антигосударственная практика, когда имущество и ценности государственных, кооперативных и военных организаций не отгружаются, а отгружается имущество отдельных ответственных работников»². Оперативно принятое специальное постановление Совета министров МССР и ЦК КП(б)М запретило такого рода перевозки и потребовало от военной прокуратуры принять необходимые меры к недопущению их повторения. Наркому НКВД республики был объявлен строгий выговор³.

Согласно директиве из Центра от 29 июня 1941 г., все ценности, которые было невозможно эвакуировать, подлежали безусловному уничтожению⁴. К ним относились хранилища зерна,

сельскохозяйственный инвентарь, запасы нефтематериалов, предприятия, имевшие промышленную ценность, в городах минировались все ценные сооружения, которые были частично взорваны или разграблены. Таким образом, уже в самом начале войны значительная часть материальной базы экономики Молдавии была уничтожена.

Республика была оккупирована фашистскими войсками практически за один месяц. Начались почти три года оккупационного режима. Сложные коллизии предвоенного времени, полуторамесячные бои при отступлении Красной Армии, годы оккупации, боевые действия по освобождению республики весной и летом 1944 г. сопровождалась огромными людскими потерями, тотальным разрушением городов и сел, всех отраслей народного хозяйства и культуры.

Население республики, дезориентированное в суматохе пылающих родных очагов, неоднозначно восприняло происходящие события. Одна его часть, в памяти которой еще были свежи обиды предвоенной сталинской депортации, когда буквально в течение суток, 14 июня 1941 г., из Молдавии были выселены или арестованы более 18 тыс. т.н. антисоветских элементов, перешла на сторону румынской армии, пополнив ряды боевых частей и соединений, сельской полиции и жандармерии, служб безопасности и контрразведки Румынии. Часть населения оставалась пассивной, значительная же часть жителей республики активно сопротивлялась продвижению фашистских войск, создавала отряды ополчения, уходила в партизаны⁵. Всего только в июне-июле 1941 г. были созданы 63 отряда общей численностью около 7 тыс. человек, которые наряду с боевыми подразделениями Красной Армии принимали активное участие в боях. В начальный период войны отношение к местному населению, стремившемуся записаться в ряды добровольцев, со стороны военного командования было настороженным. По мере вынужденного отступления советских войск с территории Молдавии отношение к молдавским добровольцам было пересмотрено. В результате этого в течение нескольких дней были сформированы Кишиневский полк и Тираспольский батальон, укомплектованные преимущественно местными жителями. Эти боевые соединения дополнили в первую очередь 9-ю армию, которая в боях за республику понесла значительные потери. Впоследствии молдавские боевые соединения сыграли значительную роль в боях на Днестре, при защите Одессы, Севастополя и Сталинграда⁶.

Одним из главных вопросов, который необходимо рассмотреть, является вопрос о «цене победы» не только в масштабах всей страны, но и в масштабах лишь одной из республик. Многие

годы в исторической литературе Молдавия не рассматривалась в числе республик СССР, понесших в годы войны наибольшие людские потери. Между тем подсчеты говорят обратное. В результате предвоенных депортаций, эвакуации, расстрелов число жителей республики только с июня 1940 г. по август 1941 г. сократилось на 15%. В армию и в порядке трудовых мобилизаций было призвано около 400 тыс. человек, из них только в 1944–1945 гг. ушли на фронт почти 257 тыс. человек. Потери на фронте превысили 80 тыс. человек, в том числе безвозвратные – более 40 тыс. Две тысячи жителей погибли от бомб и артиллерийских обстрелов, свыше 1000 человек – в рядах партизан и подпольщиков. Не менее 120 тыс. жителей республики погибли во время оккупации от расстрелов, в концлагерях, в тюрьмах. Среди них – почти 90 тыс. евреев (всего же за годы войны погибло примерно 2/3 еврейского населения), более 8 тыс. цыган. Около 200 тыс. человек погибли от голода, массовых эпидемий только за период с 1 августа 1941 до мая 1943 гг. Всего же погибло не менее 650 тыс. жителей республики. Кроме того, были вывезены в Германию и Румынию свыше 130 тыс. человек. Только по официальным подсчетам ЦСУ на 1 января 1945 г. население Молдавии сократилось примерно на четверть – более чем на 55% в городе и почти на 20% в сельской местности⁷. Численность рабочих и служащих сократилась в промышленности более чем вдвое, а в отдельных отраслях – превысила 80%. Общее число трудоспособного населения сократилось на 32%⁸.

В годы войны значительный имущественный ущерб был нанесен всем отраслям народного хозяйства республики, особенно после коренного перелома в войне. Фашистские захватчики проводили целенаправленные акции по разрушению и вывозу оборудования крупных, средних и даже мелких предприятий. В результате этих действий к началу 1945 г. были пригодны к эксплуатации лишь 10% от общей численности предприятий, действовавших перед войной, промышленная инфраструктура республики была полностью разрушена. Всего же в годы войны были полностью разрушены 1037 промышленно-производственных предприятий и сооружений, 31 электростанция и подстанция, 16,5 тыс. строений⁹.

Большой ущерб был причинен сельскому хозяйству: разорены все машинно-тракторные станции, вывезены и уничтожены более 52 тыс. единиц различного сельскохозяйственного инвентаря. Осенью 1944 г. на поля республики могли выйти лишь 219 или 8% от числа 15-сильных тракторов, имевшихся до войны. В хозяйствах осталось немногим более 40% лошадей, поголовье крупного рогатого скота сократилось на 28,5%, овец и коз – на

38%, свиней – на 66%. Погибли огромные массивы виноградников и садов¹⁰.

Во время оккупации были разрушены 1500 школ, их оборудование было вывезено или уничтожено, разграблению подверглись театры, клубы, больницы¹¹.

По данным на май 1945 г. общий ущерб республики составлял более 14 млрд рублей, в том числе по государственным учреждениям и предприятиям – 3,2 млрд, колхозам – почти 6,7 млрд, частным гражданам – 4,7 млрд рублей¹². В развалинах лежали города и села. Жилой фонд республики подвергся разрушениям примерно наполовину, в Кишиневе – на 76%, в Оргееве и Бендерах – на 90%. В городах не было воды и света, полностью была дезорганизована торговля¹³.

При отступлении оккупанты заминировали многие населенные пункты, важные промышленные объекты, большое количество посевных площадей, садов и виноградников. Частично обезвреживание было проведено советскими воинскими частями, кроме того, из центра были присланы инженерные подразделения. Всего к концу 1944 г. воинскими частями и командами Осоавиахима было очищено более 14 тыс. кв. км территории, 17 тыс. км дорог. Было собрано и обезврежено около 100 тыс. мин, 605 тыс. артиллерийских снарядов, 271 тыс. артиллерийских мин, почти 33 тыс. авиабомб, 312 тыс. ручных гранат¹⁴. Но вплоть до конца 40-х годов проблему очистки территории решить не удалось. Продолжали гибнуть люди.

В августе 1949 г. Совет министров СССР был вынужден издать специальное постановление об ускорении завершения работ по разминированию территорий, входивших в районы военных действий¹⁵. Но и к середине 1950 г. разминирование не было закончено. 13 апреля 1950 г. корреспондент газеты «Правда» А. Шмонин сообщал на имя главного редактора М.А. Сулова о массовых случаях гибели граждан, скота, разрушении сельхозмашин и построек от взрывов мин и снарядов, оставшихся со времени войны. «Работники Одесского военного округа, – сообщал корреспондент, – в свое время заявили, что закончили разминирование местности. Сейчас же, несмотря на многочисленные сигналы, ничего не предпринимают, чтобы полностью завершить работы по разминированию территории Молдавии»¹⁶. Письмо А. Шмониной было рассмотрено на Бюро ЦК КП(б) Молдавии, а 6 мая вынесено на Секретариат ЦК ВКП(б). После его рассмотрения комиссией ЦК в июне 1950 г. Советом министров СССР было принято еще одно специальное секретное постановление «О мерах по окончанию разминирования на территории бывших военных действий»¹⁷. Таким образом, демографическое и ору-

жейное эхо войны в республике было слышно многие годы после ее окончания.

Еще в труднейших условиях войны началось возрождение экономики, культуры, всей материальной и духовной жизни региона. Это стало поистине насущной всенародной заботой. И это естественно – решить такую сложнейшую задачу на огромной освобожденной территории было возможно только при объединении усилий и единства действий всех республик, при бескорыстной помощи всех наций и народностей Союза. В постановлениях союзного правительства по Молдавии, принятых в 1944–1947 гг., в народнохозяйственных планах были определены основные направления восстановления и развития экономики и культуры и место республики в общесоюзном производстве. Данная проблема детально изучена в историографии, однако, следует вспомнить, что для помощи Молдавии использовались как общесоюзные, так и местные ресурсы, щедро выделялись кадры, передавалась техническая документация. В 1944 г. за счет общесоюзных поступлений доходная часть государственного бюджета республики была обеспечена более чем на 77%, в 1945 г. – на 54%¹⁸.

В 1944–1945 гг. в республику было доставлено оборудование для 22 крупных предприятий, в том числе 3,8 тыс. единиц станочного, энерго-силового, кузнечно-прессового, подъемно-транспортного оборудования. В течение 1945 г. в Молдавию поступило из других районов 14 тыс. тонн черных металлов, 226 тыс. тонн каменного угля, 57 тыс. тонн нефтяных грузов¹⁹. Получая со всех концов страны необходимые материалы, оборудование, машины и механизмы, помощь специализированными строительными организациями и кадрами, республика имела возможность не только для восстановления промышленности, но и для осуществления в широких масштабах реконструкции народного хозяйства и нового строительства. Однако восстановительные процессы, постепенное налаживание мирной жизни в республике стали свидетельством не только взаимопомощи народов, но и проявлением противоречия практики сталинизма официально провозглашенным целям и задачам социалистического государственного и общественного строя.

Безусловно, организация управления освобожденной республикой являлась крайне сложной задачей. Старые государственные структуры были во время войны полностью разрушены и заменены структурами оккупационного режима, восстановление органов, существовавших до войны, создание новых государственных подразделений требовали времени и столь дефицитных в чрезвычайных условиях кадров. Власть формировала кадры, срочно заполняя их вакуум, поэтому часто назначала и продвига-

ла тех, кто больше всего стремился к руководящим креслам, а сев в них, действовал испытанными методами нажима, окрика, произвола, организационных выводов.

Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, отчитываясь в июле 1946 г. перед ЦК ВКП(б), было вынуждено констатировать, что в ходе восстановления аппарата партийных и советских органов многие структуры создавались наспех, кадры в них расставлялись в ряде случаев непродуманно, на руководящие должности попадали случайные люди, вследствие чего руководство соответствующими отраслями работы «было на крайне низком уровне и не обеспечивало выполнение стоящих перед республикой задач»²⁰. Многие из районных руководителей не знали местных условий и молдавского языка. В конце войны ЦК КП(б) Молдавии не раз отмечал факты бюрократизма и волокиты, администрирования со стороны партийно-советских структур, множество случаев злоупотреблений и нарушений законности, организационной распущенности и недисциплинированности²¹.

Практически полное отсутствие экономических рычагов подъема хозяйства, гиперцентрализация, мелочная опека со стороны общесоюзных органов, действия партийных и советских органов методами административного нажима и окрика проявлялись во всех сферах жизни республики. Оперативные группы ЦК КП(б) Молдавии ускоренными темпами занимались комплектованием местных партийных и советских органов. Особое внимание уделялось воссозданию и укреплению республиканских и местных органов внутренних дел и государственной безопасности, работавших под контролем Уполномоченного НКВД–НКГБ по Молдавии Н.А. Голубева²². Усилению контроля из Центра способствовало и создание весной 1945 г., согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии (такие же органы были созданы и в республиках Прибалтики). Бюро непосредственно подчинялось Центру и его решения были обязательными для всех партийных органов республики. Основными, наиболее важными задачами, стоявшими перед Бюро, были задачи политические, связанные с укреплением руководства и аппарата центральных и местных партийных и советских органов, проведением мероприятий по решительному пресечению деятельности буржуазных националистов и других антисоветских элементов²³.

В условиях жестко централизованной административной системы, существенно усугубленной чрезвычайными мероприятиями военного времени, процессы восстановления хозяйства не могли не сопровождаться неразберихой, медлительностью в решении конкретных вопросов, появлением десятков никому не нужных циркуляров и директив, что, в результате, вело к хозяйственным

просчетам, невыполнению планов. Так, к 1 декабря 1944 г. из средств, отпущенных на капитальное строительство, было освоено 28,6%, по пищевой и легкой промышленности – только около четверти, по предприятиям лесной промышленности – лишь 6,2%. Из средств, отпущенных на восстановление Кишиневской железной дороги было освоено менее половины²⁴.

Пленум ЦК КП (б) Молдавии в мае 1945 г. был вынужден констатировать факт бюрократического отношения партийно-советских структур к нуждам трудящихся, недопустимой медлительности в создании нормальных условий жизни населения как в городе, так и на селе. «В городе Кишиневе и других городах до сих пор население плохо обеспечено светом и теплом, плохо работают хлебопекарни, бани, больницы и школы, совершенно нет прачечных и пошивочных мастерских. Имеется много фактов недовольства сельского населения работой мельниц, маслобоек, плохой организации торговли»²⁵. Тогда же Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР делало вывод о том, что фонды, централизованно выделяемые республике, «которые и в своих первоначальных размерах не могут удовлетворить даже насущнейших первоочередных нужд населения, республика получает в сильно урезанном виде... Фактически сельское население большей части Молдавии со времени освобождения территории от оккупации ничем, кроме соли, не снабжалось»²⁶. По мнению Бюро ЦК ВКП(б), угрозой являлось и положение с материально-технической базой заготовительных и торгующих организаций, особенно в области заготовок, переработки и вывоза плодоовощной продукции. Срочная помощь требовалась и для восстановления деревообрабатывающей промышленности, особенно лесотарных заводов, от работы которых зависела реализация урожая, а значит экономика колхозов, совхозов и, что наиболее важно, индивидуальных крестьянских хозяйств республики²⁷.

Буквально по каждому вопросу, касавшемуся восстановления экономики и культуры республики и требовавшего вложения дополнительных средств, выделения оборудования, создания управленческих структур, местные партийные, советские и хозяйственные органы вынуждены были обращаться в Москву – в ЦК ВКП(б), Совнарком или соответствующие министерства.

Напомню, что Молдавия была регионом с очень высокой долей сельского населения. В тяжелейших условиях разрухи, стремясь помочь армии в освобождении республики, крестьянство, ценой огромного напряжения сил, в условиях засухи в 1944 г. перевыполнило план хлебозаготовок. Но власти с первых же месяцев после освобождения заняли по отношению к крестьянству жесткую позицию, переводя решение экономических проблем в

политическую плоскость, ускоренными темпами развертывая земельную реформу, раскулачивание, форсируя расслоение крестьянства. Со стороны сельского населения, по данным силовых органов, высказывалось немало критических, негативных оценок проводимой политики, причем наибольшее их число было отмечено в правобережной части республики. Можно привести лишь некоторые из них: *«У нас очень большие поставки... В общем прямо иди по свету... В этом году кукуруза плохая, а хлебопоставки требуют очень большие... Мы не сдавали еще ничего, потому что нечего сдавать. Я не знаю, что с нами сделают, если мы не сдадим... Советы хлеб у крестьян берут даром, платить им за хлеб нечем. С советскими законами мы останемся голодными, все равно у нас все заберет советское государство»*²⁸. По сообщениям партийных и силовых органов все подобные случаи объявлялись результатом действий кулацких и антисоветских элементов, которые выявлялись и арестовывались «как враги народа»²⁹.

Следует отметить, что еще во время войны ряд партийных и советских работников выдвигал предложения о целесообразности в отношении зажиточных крестьян и кулаков, за которыми не будет установлено практической преступной деятельности против Советской власти (подчеркиваю – не будет!) «применять меру административного выселения в отдаленные местности СССР с конфискацией всего имущества»³⁰. Подобные акции самым широким образом были реализованы вскоре после окончания войны. Так постепенно нагнеталась в разрушенной и голодной республике социальная напряженность. Поэтому правомерно отметить, что одним из самых существенных результатов войны стало дальнейшее углубление раскола молдавского общества. В отличие от декларировавшихся в пропаганде единства и монолитности всех слоев общества, в объединенной перед войной республике оно таковым не стало. Определенные группы населения участвовали в войне на стороне оккупантов, надеялись на возвращение прежних порядков, многие крестьяне не были готовы к форсированной коллективизации, рассчитывали на роспуск колхозов, общее «ослабление» режима.

Затронем еще один важный демографический аспект – в последний период войны (в ходе и после освобождения территории республики) миграция населения не только оставалась очень значительной, но и существенно возросла. Тысячи людей, прежде всего представители аппарата управления, ремесленники, торговцы, вернувшиеся в годы войны в Молдавию, снова уезжали в Румынию, часть населения, разместившаяся в период военных действий в Румынии, возвращалась на родину. Уже в 1944–1945 гг.

вернулось 29,5 тыс. человек из пятидесяти тысяч выехавших ранее в Румынию³¹.

Весной 1944 г. колхозы, колхозные дворы и единоличные крестьянские хозяйства 13 районов Молдавии были полностью или частично отселены из прифронтовой полосы на территорию других районов республики и Одесской области. Переселение стало подлинным бедствием для населения – осенью 1943 г. озимые были посеяны на незначительной площади, весенний сев из-за начавшегося переселения завершён не был, часть посевов в связи с военными действиями погибла. Это не могло не сказаться на урожае и привело к голоду на части территории, подорвало кормовую базу животноводства³². Весной 1945 г. к сложным условиям, связанным с разрушениями и недостатком сельскохозяйственной техники, тягловой силы (а ее были лишены 65% единоличных хозяйств и 60% колхозов³³), добавились неблагоприятные погодные условия – надвигалась засуха.

В октябре 1944 г. в связи с наступлением холодов было ускорено решение вопроса о переселении в Южную Буковину около 2 тыс. лиц еврейской национальности, после освобождения из концлагерей, размещившихся в Молдавии³⁴. Зимой 1945 г. «как ответственное специальное задание товарища Берия» была проведена спешная эвакуация почти 4 тыс. румынских подданных, прибывших в Молдавию в период оккупации (среди них были не только румыны, но и молдаване, евреи, болгары, гагаузы и др.). Немцы ставились на учёт отдельно и подлежали высылке в восточные районы страны. Все имущество – дома, инвентарь, скот сдавались местным органам. Категорически запрещался вывоз советской и иностранной валюты и оружия³⁵.

Последствием военных действий, результатом разрухи, плохого снабжения стал колоссальный рост заболеваемости населения сыпным тифом, венерическими, желудочно-кишечными, детскими заболеваниями. 3 августа 1944 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков получил от военных властей записку, в которой говорилось, что «рост заболеваемости сыпным тифом среди гражданского населения Молдавской ССР говорит об угрожающем положении и о тяжелых перспективах на зимний период... Если не принять сейчас всех мер по борьбе с сыпным тифом, то, учитывая чрезвычайно большую завшивленность местного населения, скученность, отсутствие мыла, белья, бань, дезкамер, медикаментов, зимой будет большая вспышка, которая вынудит принять чрезвычайные меры»³⁶. Только в июне 1944 г., по данным Наркомздрава МССР, было выявлено более 5 тыс. больных. В августе 1944 г. полученные сведения были рассмотрены Оргбюро и Секретариатом ЦК ВКП(б), а затем ЦК КП(б) Молдавии³⁷.

На ликвидацию очагов заболеваний были направлены санитарные службы армии. Однако очаги эпидемии оставались и в 1945 г., когда было зарегистрировано уже около 81 тыс. случаев заболевания сыпным тифом³⁸. Таким образом, последний послевоенный год принес Молдавии засуху, усиление голода, болезней, социальной напряженности.

Все события, о которых шла речь, связаны с кровавой и жестокой войной, охватившей огромную территорию и коснувшейся сотен тысяч людей. Героизм и трагедия шли рядом. В Молдавии были разрушены сотни заводов, фабрик, деревень, тысячи людей лишены крова. Особенно большой ущерб был нанесен основе жизни молдавского крестьянина – сельскохозяйственному производству. Нельзя забывать также о многочисленных людских потерях, об усилившихся миграционных процессах, о засухе, усилении голода, болезней. Республика выходила из войны в крайне сложном экономическом и нестабильном политическом состоянии. В этих условиях вместо гибкой, умелой политики, учитывающей первоочередные интересы населения, власти проводили жесткую и целенаправленную политику поиска «классовых врагов», что не могло не сказаться не только в первые послевоенные годы, особенно во время голода 1946–1947 гг., но и много лет спустя.

¹ См. История Кишинева. Кишинев, 1965; История МССР. В двух томах. Изд. 2-е. Т. 2. 1968. Раздел V; Вопросы истории Компартии Молдавии. Т.3. Кишинев, 1973; История народного хозяйства Молдавской ССР (1917–1958 гг.) Кишинев, 1974; Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 3-е. Кишинев, 1981; История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982; и др. Проблема истории войны посвящен раздел в монографии автора «Суровая правда истории». Кишинев, 1998.

² Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 136.

³ Там же. Л. 137–138.

⁴ Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (далее – АОПО РМ). Ф. 51. Инв. 1. Д. 81. Л. 2–3.

⁵ *Пасат В.И.* Суровая правда истории. С. 128–129.

⁶ История Молдавской ССР. Т. 2. С. 433.

⁷ *Шорников П.М.* Факторы демографических потерь Молдавии в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой победы над фашизмом: история и современность. Материалы научной конференции. М., 1995. С. 329–330; *Пасат В.И.* Указ. соч. С. 131–132; *Пасат В.И.* Потери Молдовы в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Сб. ст. СПб., 1996.

⁸ *Репида Л.Е.* Роль рабочего класса в строительстве социализма в Молдавской ССР. Кишинев, 1977. С. 82.

⁹ История народного хозяйства Молдавской ССР (1917–1958 гг.). С. 209.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 61. Л. 3–4.

- ¹¹ Там же. Л. 4, 5.
- ¹² Там же. Оп. 1. Д. 1195. Л. 139.
- ¹³ Там же. Л. 3, 4.
- ¹⁴ Там же. Оп. 122. Д. 61. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 48. Л. 131.
- ¹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 854. Л. 150.
- ¹⁷ Там же. Оп. 116. Д. 508. Л. 17; Ф. 573. Оп. 1. Д. 48. Л. 155.
- ¹⁸ *Царанов В.И.* По пути индустриализации. Кишинев, 1982. С. 72; *Рену-да Л.Е.* Население Молдовы в интеграционных процессах. Кишинев, 2000. С. 35.
- ¹⁹ История народного хозяйства Молдавской ССР. С. 219; РГАСПИ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 90. Л. 20.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 573. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ²¹ Там же. Ф. 17. Оп. 45. Д. 1195. Л. 8, 166.
- ²² Там же. Оп. 122. Д. 61. Л. 7; Архив Министерства Национальной безопасности Республики, Молдова (далее – АМНБ РМ). Ф. 2. Оп. 40. П. 6. Д. 1. Л. 2.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1052. Л. 9.
- ²⁴ Там же. Оп. 122. Д. 61. Л. 9, 11.
- ²⁵ Там же. Оп. 45. Д. 1195. Л. 7–8.
- ²⁶ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 6. Л. 38, 39.
- ²⁷ Там же. Л. 42–43, 44–45.
- ²⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 66. Л. 24–25.
- ²⁹ Там же. Л. 27.
- ³⁰ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 5. Л. 148.
- ³¹ АМНБ РМ. Справки за 1944–46 гг. Л. 1.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 305. Л. 1.
- ³³ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ³⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 307. Л. 56.
- ³⁵ *Пасат В.И.* Суровая правда истории. С. 155–156.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 430. Л. 159.
- ³⁷ Там же. Оп. 1126. Д. 162. Л. 97, 103–106.
- ³⁸ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВОЙНЫ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ТАТАРИИ (1941–1945)

*А.Ш. Кабирова**

(Казань)

Крушение идеологической парадигмы советского государства в последние годы XX в. повлекло за собой кардинальные изменения в мировоззрении общества. Рухнули казавшиеся незыблемыми методологические постулаты, девальвировались на протяжении многих лет внушаемые народу «непреходящие ценности» завоеваний социализма. Разрушение устоявшихся мифов и стереотипов затронули и глубинные основы исторической науки, вызвав процесс фундаментального переосмысления всей советской истории. При этом большинство сюжетов и социальных явлений претерпели категорическую смену оценок, получив принципиально новые характеристики.

Период Великой Отечественной войны является одним из немногих в этом ряду, значимость и определяющее влияние которого не были подвергнуты сомнению, более того, отнесены к разряду аксиомных. Запечатлевшиеся в сердцах людей болью утрат и горечью невосполнимых потерь, годы военного лихолетья всегда оставались в поле пристального внимания ученых и широкой общественности. Однако изучение этого драматического периода также не было свободно от штампов подконтрольной исторической науки, за годы советской власти превращенной в инструмент государственной политики. Официальная историография военного времени предписывала только «победно-героический», «урапатриотический» тон. Изначальная заданность параметров, пресс идеологической конъюнктуры и тенденциозности не позволяла исследователям глубоко и объективно проанализировать всю совокупность факторов, обусловивших как победу советского народа, так и тяжесть выпавших на его долю испытаний, правдиво отразить войну во всей ее сложности и противоречивости.

В настоящее время, когда в научных кругах все более утверждается взвешенный, непредвзятый подход к изучению прошлого, историки пытаются во многом по-новому раскрыть и проблемы Великой Отечественной войны. Важное значение при этом имеет анализ различных аспектов социальной политики, т.к. из

* Кабирова Альсулу Шарипзяновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Республики Татарстан.

всех вопросов военной истории наименее исследованными оставались те, что были связаны с реальной ежедневной жизнью каждого человека под прессом чрезвычайных обстоятельств. В условиях тоталитарного государства в науке и политической практике превалировал, прежде всего, экономоцентристский подход. Нужды и заботы населения не принимались во внимание и, соответственно, не являлись достаточно «интересным объектом» для исследований ученых.

Между тем именно от обеспеченности людей продовольствием и товарами первой необходимости, состояния здравоохранения, жилищного вопроса, материально-бытовых условий жизнедеятельности зависел уровень работоспособности и вклад населения в военное производство.

В данной статье предпринята попытка на основе изучения «новых», ранее неиспользованных источников рассмотреть некоторые малоизвестные аспекты социальной политики, проводившейся в Татарии в военный период.

С началом Великой Отечественной войны вражеская оккупация центральных и западных районов вызвала перемещение огромных масс людей в более безопасные места на восток. Татария, наряду с другими ставшая одной из тыловых баз страны, также приняла большое количество эвакуированного населения. Руководил их размещением специально созданный Отдел по эвакуации при Совете Народных Комиссаров ТАССР во главе с З.В. Тинчуриным. Уже к началу сентября 1941 г. в республику прибыло более 176 тыс., а всего к весне 1942 г. – 266 тыс. человек. Население одной только Казани увеличилось с 401 тыс. до 515 тыс. человек¹.

Огромное количество эвакуированного населения необходимо было одеть, обуть, накормить, обеспечить жильем и работой. В литературе советского периода до последнего времени господствовала лишь одна, официально разрешенная точка зрения об оказании всемерной помощи переселенцам. Она подкреплялась соответствующими документами, выдержками из мемуаров позитивного характера. Вместе с тем совершенно игнорировались значительные по объему пласты материалов, отражавших боль, обиду, нужды прибывшего населения с одной стороны и бездушные, волокиту, бюрократизм чиновников с другой. Так, эвакуированная в Альметьевский район республики из г. Ленинграда семья Б.К. Казакевич в количестве 5 человек неоднократно обращалась в различные инстанции с просьбой о предоставлении жилой площади, снабжении продовольствием и дровами. Однако никто из местного начальства не навестил эту семью, не поинтересовался, в каких условиях они живут, в чем нуждаются². В тяже-

лом материальном положении оказалась и эвакуированная в тот же район В.А. Смирнова из г. Москвы. Имея на иждивении четверых детей, она в течение нескольких месяцев не могла устроиться на работу³.

Кроме трудностей с жильем и работой, эвакуированным весьма тяжело приходилось и в плане обеспечения основными продовольственными и промышленными товарами. Введение централизованного нормированного снабжения на основе карточной системы не снимало проблемы. Показательным в этом отношении является заявление К.И. Садовой, Ц.С. Матвеевой из г. Луга, А.Г. Легкович из г. Москвы, Е.И. Крыловой из г. Ленинграда, размещенных в Алексеевской Слободе Заинского района ТАССР. Обращаясь с жалобой в Президиум Верховного Совета республики, они указывают, что «в сельсовете Алексеевская Слобода эвакуированным не было оказано помощи... Зимой многие семьи голодают. Паек не соответствует общесоюзному. Вместо муки выдается немолотый овес. Соль задерживается по несколько месяцев, отчего развивается соляной голод. Соль же находится близко, но ее не стараются доставлять вовремя. А люди нуждаются, переживают большие, искусственно создаваемые недостатки»⁴.

Также в очень тяжелом положении в плане обеспечения продовольственными товарами оказалось местное крестьянское население. Если горожане могли рассчитывать на получение продуктов по карточкам, то сельчане были лишены и этой социальной помощи со стороны государства. В то время как жители городов, представители сельской интеллигенции, инвалиды и эвакуированные гарантированно имели в среднем на человека 500–900 грамм хлеба в день, 1,8 кг мяса или рыбы, 1,3 кг крупы или макаронных изделий в месяц⁵, выдача продуктов колхозникам зависела исключительно от количества выработанных ими трудодней.

Между тем катастрофическое положение, сложившееся в сельском хозяйстве Российской Федерации с началом войны, приход молодых, неопытных кадров к руководству колхозами и совхозами, формальное отношение к контролю со стороны государственных и партийных органов приводили к нарушениям Устава сельхозартели и, в частности, злоупотреблениям в деле учета и записи трудодней. Подсчет выполненной работы и начисление положенного количества трудодней проводились с отставанием до двух и более месяцев. Нередко трудовые книжки колхозникам не выдавались или же в них не производилось необходимых записей. Например, в колхозе «Кзыл яшляр» Балтасинского района Татарстана З. Минуллиной за выполненную работу следовало начислить 12,78 трудодней, фактически же было записано 21,18, и,

наоборот, М. Хисматуллиной было положено начислить 21,68 трудодней, а в трудовой книжке было отражено всего 2,58 трудодней⁶. Соответственно, и при выдаче натуральных авансов жителям сельских районов допускались грубые нарушения: кто-то незаслуженно получал больше заработанного, а другие, потом и кровью отработавшие необходимое количество трудодней, оказывались обойденными. Подтверждение этому мы находим в фондах Центрального госархива историко-политической документации Республики Татарстан. В результате проверки ряда хозяйств Дрожжановского района было установлено, что в колхозе «Кзыл юл» Салимзянова, не выработавшая в 1942 г. обязательного минимума трудодней (95 т/д), хлеба получила 208 кг, а Муселямова, имевшая 282 трудодня, получила 128 кг. Точно так же в колхозе «1 Мая» колхознице Назмиевой, выработавшей за год лишь 77 трудодня, было выдано 138 кг хлеба, тогда как Алиуллиной, добросовестно отработавшей 221 трудодень, только 66 кг⁷. Такое положение дел в сельском хозяйстве республики, естественно, не стимулировало трудового участия сельчан в общественном производстве, снижало авторитет колхозного руководства, порождало обиду и разочарование.

Многие крестьяне пытались выжить за счет приусадебных участков. Однако личное подсобное хозяйство подрывалось высоким сельхозналогом. Платить приходилось за посеы картофеля, овощей, сады... Предусмотренные же государством ничтожно малые суммы денежной оплаты труда сельских жителей практически сразу изымались у них в виде добровольно-принудительных военных займов. В целом в годы войны выдача зерновых на душу населения сократилась почти в 3 раза. Крестьянин получал из колхоза в день меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля⁸. Люди ели лебеду, солому, перезимовавшую картошку. Этот суррогат смешивали с мукой, жмыхом и пекли хлеб. Не в должной мере было организовано и обеспечение продовольствием городского населения республики. На хлебозаводах и пекарнях постоянно нарушался суточный график выпечки хлеба, не была налажена подвозка муки и топлива. В результате недостаточной работы хлебо-выпекающих предприятий треста Росглав-хлеб жители Казани систематически испытывали перебои в снабжении наиболее важным для жизни продуктом. Только за пять апрельских дней 1942 г. торгующая сеть столицы Татарстана недополучила от хлебозаводов 175 т хлеба⁹.

В определенной мере помочь горожанам решить продовольственную проблему было призвано развернувшееся в России после постановления ВЦСПС от 7 марта 1942 г. индивидуальное и коллективное огородничество. Но благое начинание не везде

приносило ожидаемые результаты. Гораздо чаще приходило понимание того, что затраченные усилия не окупались. Новоиспеченные огородники испытывали большие проблемы с семенами, они плохо разбирались в сельхозкультурах, да и уровень знания техники возделывания земли у многих оставлял желать лучшего.

Порочная практика в военный период сложилась и в самой системе учета и хранения карточек. Контроль за их расходованием был поставлен очень плохо, результатом чего стали участвовавшие случаи злоупотреблений с карточками. Так, в Молотовском районе г. Казани в течение всего 1942 г. выдавались продовольственные карточки на ложно существующую Алтайскую горную экспедицию с контингентом в 100 человек¹⁰. В апреле 1943 г. в ходе организованной в столице республики проверки было установлено, что 696 карточек были выданы на вымышленных лиц, 84 – на людей, не проживающих в Казани, 67 карточек – на давно умерших¹¹.

Конечно, в годы войны продолжали функционировать рынки, и здесь можно было бы найти необходимую продукцию. Но позволить себе приобретать дополнительные продукты питания в колхозной торговле могла лишь очень небольшая часть граждан. Цены на рынках были откровенно «ужасными». Например, стоимость 1 кг картофеля за два года войны в Татарстане выросла с 2 до 25 руб., капусты – с 2 до 40 руб., говядины – с 28 до 280 руб., свинины – с 28 до 250 руб.¹² В среднем, цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 лишним раз¹³.

Зная цены военного времени, весьма любопытным представляется сопоставление их с реальным уровнем оплаты труда населения. Здесь вырисовывается следующая картина: среднемесячная зарплата рабочих, ИТР, служащих, видимо, с целью стимулировать их труд, за годы войны выросла с 375 до 573 руб. В оборонной промышленности уровень заработной платы был значительно выше, чем в других отраслях народного хозяйства. На казанском заводе № 16 зарплата рабочих в 1944 г. составляла 776 руб., а у передовых рабочих она доходила до 1,5–2 тысяч в месяц¹⁴. Работники сферы образования и культуры, как обычно, оказались «брошенными на произвол судьбы». Они получали 160–180 руб. в месяц¹⁵. Несложные арифметические вычисления убеждают нас в том, что жители республики на свои заработанные не всегда могли приобрести даже тот минимум, который был им необходим, чтобы удержаться на плаву и не умереть с голоду.

Трудности в материально-бытовом положении городских и сельских жителей усугублялись случаями хищений и разбазари-

ваний основных продовольственных товаров. Так, крупные случаи воровства и хищения хлеба были вскрыты в системе Заготзерно, трестах Главмука и Главхлеб. Только по Казанской реализационной базе Заготзерно за восемь месяцев 1943 г. недостачи составили свыше 6,5 тыс. ц зерна, по предприятиям Главмука – 1784 ц. На глубинных пунктах «Заготзерна» Первомайского, Октябрьского, Аксубаевского районов республики хищения составили 3000 ц зерна¹⁶. В том же 1943 г. было организовано инспектирование пяти районных потребсоюзов Татарстана (Ютазинского, Елабужского, Чистопольского, Камско-Устьинского, Б. Тарханского). В ходе его проведения было установлено хищение и разбазаривание 29 283 кг хлебопродуктов, 357 кг мяса, 941 кг соли, 74 кг масла и других продуктов¹⁷. Расстраты товаров в системе потребкооперации носили массовый характер.

Почему такое было возможно? Казалось бы, военная обстановка требовала от работников, имеющих доступ к продовольствию, особой ответственности и дисциплинированности, а от руководящих органов – надлежащей организации контроля. Однако учет в соответствующих инстанциях не был поставлен должным образом: проверка расходных и приходных документов организаций и клиентуры проводилась с большим опозданием, отпуск хлеба со складов осуществлялся без удостоверения личности получателя, широко было распространено хищение хлеба путем продажи фиктивных квитанций колхозам и колхозникам за якобы сданный государству хлеб.

До недавнего времени знакомить читателей с такого рода документами не рекомендовалось. Достаточно идеологизированная отечественная история демонстрировала только героическую сторону войны, акцентировала внимание на единстве партии и народа, патриотизме и мужестве советских тружеников. Предполагалось, что при советском строе не могут появиться люди, способные наживаться на горе других, что вся страна едина в своем стремлении отдать все силы и средства для защиты Отечества. Поэтому факты, не укладывавшиеся в заданную схему, предпочитали не афишировать.

Обеспечение населения основными промышленными товарами в военные годы также осуществлялось на основе карточной системы. Но в условиях, когда все предприятия работали на нужды фронта, одежды, обуви, предметов широкого потребления катастрофически не хватало. Люди старшего поколения и сегодня вспоминают, как на всю семью была одна пара валенок или калош. Взрослым не в чем было выйти на улицу, пойти на работу, детям – в школу. Плохо было поставлено обеспечение посудой.

Даже в столовых оборонных предприятий, которые находились на государственном снабжении, ее не хватало. Мыло выдавалось по большим праздникам.

В некоторой степени помочь населению были призваны те предприятия, где из отходов производства был налажен выпуск предметов первой необходимости. Так, завод № 22 начал изготовление калош, кружек, кастрюль, ложек. Фабрика киноплёнки освоила выпуск игрушек, пуговиц, жестяных чайников. Фанерный завод из отходов шпоны делал спички. Но только эти меры, конечно, не могли удовлетворить спрос людей на товары. Поэтому потребление промтоваров на душу населения в военный период резко сократилось. Если в 1940 г. в Татарстане на одного человека хлопчатобумажных тканей покупалось на 20 руб., то в 1944 г. – только на 3 руб. 97 коп.; кожаной обуви – соответственно, на 16 руб. в 1940 г. и на 11 руб. в 1944 г.; резиновой обуви – на 2 руб. в 1940 г. и на 79 коп. в 1944 г.¹⁸

Также к числу важнейших аспектов социальной политики военных лет относится обеспечение населения жилой площадью. В Татарстане жилищный вопрос, бывший непростым и до войны, обострился еще более в связи с прибытием эвакуированных. Большинство из них было расселено в коммунальных, ведомственных, частных домах. Под жилье приспособлялись общественные и производственные здания, помещения школ, дачные постройки и т.п. Местное население также обязано было предоставлять определенные метры своего жилья приезжим. Многие шли на это добровольно, сами выказывая желание помочь соотечественникам, но нередко вновь прибывших размещали и в порядке принудительного уплотнения. Например, на партийном собрании казанского завода № 169 рабочие приняли следующее решение: «Обязать всех коммунистов, у кого имеется жилплощадь не менее 4 кв. метров на каждого члена семьи, подать заявление в завком о приеме эвакуированных»¹⁹.

Таким образом, средняя жилая площадь в республике на одного проживавшего составляла 4 кв. метра. Однако довольно часто встречались случаи, когда на человека приходилось по 2–3, а иногда и менее квадратных метров. Весьма показательным в этом отношении является заявление семьи Старовойтовых, рабочих завода № 22. В нем содержится просьба выделить их семье хотя бы небольшую комнату, т.к. они в количестве 4 человек были распределены к одной из татарских семей, тоже насчитывавшей 4 человека и занимавшей жилплощадь 14 кв. метров. В заявлении указывается, что «жить в таких условиях, как 8 человек на 14 кв. метров не представляется никакой возможности, т.к. при такой скученности в комнате имеются тараканы, клопы и даже вши»²⁰.

Большие трудности отмечались не только с количественными показателями жилого фонда, но и с т.н. качественными. За неимением помещений многие рабочие и служащие промышленных предприятий были вынуждены проживать на расстоянии 10–20 км от своих заводов и фабрик²¹. Они, как и сотни горожан, ежедневно испытывали на себе плохую работу транспорта. В качестве примера хотелось бы охарактеризовать работу трамвая маршрута № 9. Документы свидетельствуют: «На этой линии утром и вечером трудящиеся движутся сплошным потоком по дороге в 12–14 километров. При появлении машин или трамвая цепляются на ходу. Часто самовольно останавливают трамвай и “допроизводят” погрузку. В результате таких “посадок” трамвайные вагоны на 45–50% остались без стекол, травматизм неизбежный»²². Но очень часто даже в таких условиях езда в трамваях была роскошью, т.к. в связи с резким сокращением подачи электроэнергии в военный период трамваи в городах простаивали. Население добиралось до своих домов пешком многие километры, так что времени на отдых уже не оставалось.

Однако и дома далеко не у всех материально-бытовые условия удовлетворяли элементарным требованиям. Проверки, регулярно проводившиеся в помещениях, заселенных рабочими предприятий, показывали, что «общежития совершенно перестали быть похожими на места, где проживают люди. В большинстве комнат нет окон, постельные принадлежности грязные, засаленные, личная гигиена рабочих отсутствует, многие из них месяцами не ходят в баню. Несмотря на то, что в общежитии имеется душевая, обслужить всех желающих она не может, т.к. работает 4–5 часов в неделю, да и то нерегулярно. Перебои в работе бывают из-за отсутствия воды, топлива»²³.

Учитывая трудности с жилищным обеспечением в республике и понимая необходимость изменения сложившегося положения, в военные годы в Татарстане были приняты решения о пополнении жилого фонда. На базе промышленных предприятий формировались строительные организации, которые занимались возведением жилья. Отсутствие доброкачественных материалов, применение различных заменителей обусловили то обстоятельство, что жилищное строительство носило упрощенный, а следовательно, временный характер. Но не зря говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Возведенные в короткие сроки, из подручного материала, без элементарных бытовых условий дома, в простонародье называемые бараками, еще очень долгое время служили казанцам, дожив даже до сегодняшних дней.

Следствием ухудшения материально-бытовых условий жизни татарстанцев, отсутствия нормальных жилищных условий,

дефицита основных продовольственных и промышленных товаров стал рост заболеваемости населения в военные годы. В отчете Совета социального страхования авиационного завода сообщалось: «В 1942 г. мы имели чрезвычайно высокую заболеваемость на заводе. Среднемесячный показатель заболеваемости на 100 застрахованных составил 22 дня. Иными словами, каждый рабочий завода болел более 1 дня в месяц»²⁴. По данным завода «Серп и молот» заболеваемость туберкулезом и органов дыхания увеличилась с 55 случаев в 1943 г. до 104 – в 1945 г., в соответствии с чем потеря трудоспособных дней выросла с 1132 до 2771²⁵.

Выросла заболеваемость жителей сельских районов. Сохранившаяся сеть гражданских медицинских учреждений испытывала большие трудности с оборудованием, помещениями, медикаментами и, главное, кадровым обеспечением. В районах Татарстана работали всего 24 окулиста, 21 акушер-гинеколог, 53 педиатра²⁶. Недостаточное количество квалифицированных, опытных медиков весьма ощутимо сказалось особенно в 1944 г., когда жителям республики пришлось пережить настоящую трагедию. Страшная эпидемия септической ангины, унесшая десятки тысяч жизней, охватила тогда районы Поволжья. Источником массового заболевания явился голод, вызвавший употребление в пищу пролежавшего зиму хлебного зерна, ставшего к тому времени смертельным ядом. Только в Татарстане на конец июня было зарегистрировано 23 470 случаев заболеваний, из них больше 6 тысяч имели летальный исход²⁷. Высокая смертность (до 25% заболевших) была обусловлена нехваткой лекарств и врачей. На все «заболевшие» регионы (Куйбышевская область, Башкирия, Татарстан) из местных и центральных резервов удалось собрать 129 кг сульфидина и 251 кг стрептоцида. Больше лечить было нечем... Лишь с начала лета, когда появилась первая огородная зелень, эпидемия пошла на убыль. Кроме того, помогли специально созданные «питательные пункты», где голодным людям выдавали суп и кашу.

Говоря о социальной политике в Татарстане в 1941–1945 гг., нельзя не затронуть и такой важный аспект проблемы, как оказание помощи семьям военнослужащих в годы войны со стороны государственных органов. Уже 26 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке назначения и выплаты пособия семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». В соответствии с этим Указом по всей стране: в каждом городе, в каждом районе создавались комиссии, которые немедленно приступали к работе. Все заявления о назначении пособий комиссии обязаны были рассмо-

треть в трехдневный срок. Пособия семьям фронтовиков выплачивались ежемесячно по месту жительства в сумме от 100 до 250 руб. в зависимости от количества нетрудоспособных в семье. В сельской местности размер пособия уменьшался на 50%. Тогда же органы государственной власти на местах приступили к назначению и выплате пенсий семьям погибших на фронте воинов. Кроме пенсий и пособий, семьям военнослужащих были предоставлены значительные льготы по налогам, в оплате за квартиру, за обучение детей в школах и вузах, по устройству детей в ясли и детские учреждения.

В целом, в Татарстане в годы войны проживало около 350 тыс. семей военнослужащих²⁸. Только за девять месяцев 1942 г. им было выплачено в виде пособий 136,5 млн руб.²⁹

Однако необходимо отметить, что в условиях усиления централизации госаппарата, развития бюрократических структур принимаемые решения нередко выполнялись лишь на бумаге, а выделяемая государством помощь не всегда доходила по назначению. Некоторые районные отделы соцобеспечения прямо допускали грубые нарушения закона как в части сроков назначения и выплаты пособий и пенсий семьям татар-фронтовиков, так и в определении их размеров. Достаточно сказать, что на 1 марта 1943 г. при приеме дел от райсобесов по 21 району Татарстана было установлено недоплат в 221,7 тыс. руб. Особенно большие недоплаты отмечались по Балтасинскому и Кайбицкому районам (соответственно 55,4 тыс. и 79 тыс. руб.)³⁰. Также были установлены нарушения сроков рассмотрения заявлений. Вместо положенных 3-х дней встречались случаи, когда заявления лежали нерассмотренными по 1–3 и более месяцам.

Отчаявшись, жители республики писали жалобы во все инстанции, вплоть до самых высоких. Ряд таких заявлений был обнаружен нами в Национальном архиве Республики Татарстан в фонде председателя Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметова. Например, жена фронтовика Старикова О.К. писала следующее: «Мой муж Стариков А.П. с первых дней войны находится на фронте. Сама ввиду тяжелой болезни не работаю, имею 3-х детей от 7 до 12 лет и мать-старуху 70 лет. По аттестату получаю 700 рублей. Живу в очень тяжелых материально-бытовых условиях, с занимаемой ранее квартиры меня выселили в самую наихудшую... холодную, сырую и без солнца... Помощи ниоткуда не было и нет. С места работы мужа не помогают, за три года не дали ни полена дров, квартира не отремонтирована, окна все разбиты, водопровод не работает, вот уже два месяца не горит электричество. Одним словом, жить в квартире невозможно совершенно»³¹.

Проявления безответственного отношения чиновников соответствующих структур к своим обязанностям, бездушные к оставшимся в тылу семьям вызывали тревогу фронтовиков, беспокойство за судьбу жен, матерей, детей. Зачастую, не надеясь на должное рассмотрение личного заявления, они обращались к командованию части, в которой служили, с просьбой написать официальное письмо на имя руководителей того района, где проживали их близкие. Подобные ходатайства были массовым явлением. Только в партийные органы Альметьевского района Татарстана такие письма поступили относительно семей военнослужащих Муллагалиева Фатыха из дер. Камыс-Маголов, Минанбаева Сабира и Хузина Ахмета из дер. Альметьево и др.³² Учитывая, что приведенные выше факты являлись далеко не единичными и, признавая нетерпимость такого рода отношения к семьям фронтовиков в годы войны, 22 января 1943 г. ЦК ВКП(б) было вынуждено принять постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». При Совнаркомах республик и областей и исполкомах городских и районных Советов в начале 1943 г., были созданы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей воинов. Они должны были следить за правильным и своевременным назначением и выплатой пособий и пенсий семьям фронтовиков и инвалидам войны, контролировать реализацию предоставленных им льгот, трудоустраивать членов семей военнослужащих, разбирать заявления, жалобы последних и др.

За девять месяцев 1943 г. в районах Татарстана было выявлено более тысячи семей фронтовиков, которые не получали пособий, хотя имели на это полное право. С апреля по декабрь того же года 19 160 семьям было оказано содействие при устройстве на работу, 136 160 семей получили материальную помощь³³. Уже к 1 июля 1943 г. в детских учреждениях было размещено 30 168 детей фронтовиков³⁴, им предоставлялись бесплатные завтраки в школе, нуждающиеся получали одежду и обувь. Был создан и специальный фонд помощи семьям фронтовиков. В течение 1943–1944 гг. в этот фонд по республике было собрано 13 млн руб. деньгами, большое количество продовольственных и промышленных товаров³⁵. Вместе с тем, поскольку основным источником финансирования социальной помощи оставались государственные структуры, тесно связанные с командно-бюрократическим аппаратом управления, то неудивительно, что и постановление от 22 января 1943 г. не смогло полностью решить проблем оказания помощи семьям фронтовиков.

В архивах и прессе военных лет в 1943–1944 гг. продолжают встречаться заявления и заметки следующего содержания: «Мать

военнослужащего Толканова 4 раза обращалась в заявлением о назначении пособия в Чистопольский горсобес, но из-за бездушного отношения зав. Буслаевой не могла в течение 11 месяцев добиться ответа». Или такое: «В течение 10 месяцев не могла получить пособия в 712 рублей жена фронтовика Мария Хохлова с 9 детьми»³⁶ и т.п. Чиновники государственных органов были отмечены не только в проявлении халатности и волокиты, но в ряде случаев прямо злоупотребляли своим служебным положением. Например, в г. Казани служащие Дзержинского и Свердловского райсобесов инспектор Горшунова и главбух Веселицкая присвоили из денег, предназначенных для инвалидов войны и семей фронтовиков, более 111 тыс. руб.³⁷

В целом по Татарстану в военные годы (на 1 января 1945 г.) семьям фронтовиков и инвалидам войны государство, по официальным данным, выплатило пособий и пенсий на общую сумму 801,5 млн руб.³⁸ Однако приведенные выше материалы показывают необходимость дальнейшего всестороннего исследования данного вопроса с привлечением малоизученного круга источников (например, жалоб и заявлений трудящихся) для того, чтобы выяснить, какой процент выплаченных средств, собственно, доходил до семей военнослужащих.

Таким образом, анализ архивных документов и материалов показывает, что в годы войны социальная политика, вопросы жизнедеятельности людей оставались на втором плане. Главной была производственная деятельность, работа по формированию и успешному функционированию военно-промышленного комплекса. В стремлении выполнить задания ГКО, правительства, партийные и советские органы не считались с затратами. Человек являлся для них лишь рабочим инструментом, производственной единицей. Поэтому все указы и постановления, принимавшиеся в военный период в высших эшелонах власти, были направлены лишь на то, чтобы обеспечить население необходимым для поддержания жизни минимумом средств. Но даже в выделении этих гарантированных норм продовольственных и промышленных товаров допускались серьезные просчеты, жестко централизованная бюрократическая машина давала сбой. Люди же в тылу, отягощенные жилищной неустроенностью, нехваткой самого насущного, жили и работали во имя Победы, не зная отдыха, теряя силы, здоровье, а иногда и жизни...

¹ Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. – Казань, 1977. – С. 78.

² ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 273. Оп. 1. Д. 221. Л. 10.

- ³ Там же. Д. 220. Л. 30.
- ⁴ НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 383. Л. 169.
- ⁵ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. – М., 1985. – С. 119.
- ⁶ РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1924. Л. 87.
- ⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 698. Л. 22.
- ⁸ *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2. – М., 1970. С. 341.
- ⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 372. Л. 59.
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1412. Л. 122–123.
- ¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 717. Л. 35.
- ¹² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 323. Ч. 1. Л. 7.
- ¹³ История СССР. Т.Х. – М., 1974. – С. 285.
- ¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 4894. Оп. 1. Д. 115. Л. 17.
- ¹⁵ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 329. Л. 88.
- ¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 704. Л. 42.
- ¹⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1412. Л. 17.
- ¹⁸ НА РТ. Ф. 158-с. Оп. 1. Д. 244. Л. 20.
- ¹⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 5358. Оп.1. Д. 10. Л. 69.
- ²⁰ Там же. Д. 314. Л. 37.
- ²¹ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 387. Л. 19.
- ²² Там же Ф. 15. Оп. 5. Д. 181. Л. 129.
- ²³ Там же. Д. 407. Л. 67.
- ²⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5451. Оп. 31. Д. 155. Л. 21.
- ²⁵ Там же. Оп. 27. Д. 99. Л. 92.
- ²⁶ Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. – Казань, 1963. С. 185.
- ²⁷ *Серебрянников В.В.* Социология войны. – М., 1997. – С. 261.
- ²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 25. Д. 16. Л. 153–156.
- ²⁹ Кзыл Татарстан. – 1942. – 29 октября.
- ³⁰ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 399. Л. 103–104.
- ³¹ Там же. Д. 386. Л. 18–19.
- ³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 220. Л. 10; Д. 221. Л. 6, 8.
- ³³ Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. – Казань, 1948. С. 147.
- ³⁴ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 62. Л. 109.
- ³⁵ Татарская АССР в годы... Указ. раб. С. 12–13.
- ³⁶ Красная Татария. – 1943. – 9 февраля.
- ³⁷ Там же. Подсчеты автора.
- ³⁸ 25 лет Татарской АССР. 1920–1945. – Казань, 1945. – С. 39.

ИСХОД ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ И СУДЬБА ПОЛЬШИ

Э. Дурачински*

(Польша)

Вторая мировая война и ее непосредственные последствия занимают в истории Польши особенное, а со многих точек зрения исключительное место. И это относится не только к XX столетию. Война в Европе (переросшая в мировую войну) началась в результате немецкой агрессии против Польши 1 сентября 1939 г. Никогда ни до, ни после этого международная защита интересов Польши не влекла за собой таких глобальных последствий. Поэтому поляки могли рассчитывать на то, что в войне с Третьим рейхом они окажутся в числе победителей, что и от Польши будет зависеть устройство Европы после установления мира, и, во всяком случае, что с помощью западных союзников они смогут защитить суверенность собственного государства. Сложилось, однако, по-другому.

В мае 1945 г., когда война в Европе закончилась полной победой союзников, Польша, которая ни на минуту не прекращала борьбу в их рядах, была уже вассальным государством, зависимым от СССР, частью его формирующейся сферы влияния.

Роль внешнего фактора в истории Польши стала особенно явной с XVIII в., но никогда еще она не выступала в таком удивительном и драматичном сплетении обстоятельств как в 1939–1945 гг.

Драма заключается в том, что, будучи членом антигерманской коалиции, союзником Великобритании, пользуясь демонстрируемой поддержкой Соединенных Штатов, Польша становилась объектом международной игры, она не имела реальной возможности влиять на ход событий. Ее права и интересы были подчинены глобальным интересам войны с Третьим рейхом и его союзниками, а также интересам будущего мирного сосуществования, каким его видели Ф. Рузвельт и У. Черчилль, каким его предполагал построить и построил И.В. Сталин.

В 1945 г. к западу от Польши была окончательно разбитая Германия (чему поспособствовала и сама Польша), а внутри страны и вокруг нее победоносные войска Советского Союза, глава которого уже обозначил новую государственную границу СССР и

* Дурачински Эугениуш, доктор исторических наук, профессор, постоянный представитель Польской Академии наук при РАН, почетный доктор Российской академии наук.

уже намечал сферы его интересов в Европе. В результате побед Красной Армии Польша была освобождена от немецкой оккупации, но вследствие совместных действий СССР, США и Великобритании, летом 1945 г. она возродилась в совершенно новых границах, обретя при этом статус государства с ограниченным суверенитетом.

С сентября 1939 г. по май 1945 г. Польша была полноправным членом коалиции, а потому – членом-основателем Организации Объединенных Наций, хотя в результате стечения обстоятельств на международной арене соответствующую подпись под картой ООН представитель варшавского правительства смог поставить лишь 16 октября 1945 г. По крайней мере до середины 1944 г. единственным субъектом международного права было правительство Польской Республики в эмиграции (сначала во Франции, а после ее поражения в Лондоне), которое, однако, с момента своего создания, то есть с 1 сентября 1939 г., до июля 1941 г., а затем с апреля 1943 г. не признавалось Советским Союзом. Никогда ранее в своей истории Польша не была в таких хороших отношениях с Великобританией и США как в 1939–43 гг., то есть при премьер-министре Владиславе Сикорском.

В 1943 г., когда в Лондоне польское правительство возглавлял Станислав Миколайчик, в Москве по воле Сталина был создан управляемый коммунистами Союз польских патриотов – новый, полностью, однако, зависимый от СССР партнер. Его сила и роль, несмотря на то, что он не был признан Западом, росла по мере приближения Красной Армии к границе Польши. Ее победы прокладывали дорогу к власти коммунистам, хотя они и пользовались минимальной поддержкой поляков. Вместе с Красной Армией в страну двигались польские вооруженные силы, сформированные под эгидой Союза польских патриотов, но по воле Сталина.

21 июля 1944 г. в Москве был создан Польский комитет национального освобождения (с августа он находился в освобожденном Красной Армией Люблине), который Сталин успешно использовал для разрешения польских противоречий в интересах Кремля.

Наиболее пытливые поляки искали ответа на вопрос, почему Польша, первой в сентябре 1939 г. оказавшая вооруженное сопротивление немецкой агрессии, названная президентом Рузвельтом «воодушевлением народов», в 1945 г. оказалась в такой ситуации, какой еще недавно никто из них не мог предположить даже в самых худших своих прогнозах? Сутью истории Польши 1939–1945 гг. была, во-первых, навязанная Третьим рейхом война за выживание и вклад в победу, во-вторых, установление как

можно более тесных отношений с англосаксами, в-третьих, принципиальное противостояние с Советским Союзом по вопросу о суверенитете, в-четвертых, спор о лидерстве в Центральной и Восточной Европе. Неся тяжелые людские и материальные потери, Польша выиграла войну за выживание и обеспечила себе место в числе победителей, хотя правительство в Лондоне представляло его себе совершенно иначе. Надежды на Запад не оправдались.

С конца 1943 г. Польша из союзника, достойного уважения, превращалась на Темзе и Потомаче в партнера все более обременительного. Спор же о положении лидера в Центральной и Восточной Европе практически с самого начала был обречен на неудачу. Надежды В. Сикорского и С. Миколайчика на то, что Запад (прежде всего Англия, поскольку Соединенные Штаты были менее заинтересованы в этих вопросах) именно Польше доверит роль лидера в этой части Европы, оказались безосновательными. В действительности ни перед войной, ни в ее ходе лидеры Франции и Великобритании, а позднее Великобритании и Соединенных Штатов, никогда о такой роли Польши не думали и не прогнозировали также на послевоенное время. Польша для этого была слишком слаба. В 1944 г. правительство в Лондоне не могло уже гарантировать полякам свободу и суверенитет (впрочем, как и ранее). Оно только на словах уверяло, что Запад не оставит Польшу.

Польский комитет национального освобождения (ПКНО) мог предложить Польше союз с СССР, провозглашая, что при этом она будет независимой и демократической, во что верили немногие. «Польский Лондон» продолжал верить в Запад, а тот отдал Польшу и всю Восточную Европу под контроль СССР. «Коммунистический», хотя и польский, Люблин надеялся, а может быть и был уверен, что Польша не станет неотъемлемой частью Советского Союза, что ей удастся с разрешения Сталина построить систему, все-таки отличающуюся от сталинской. Ни польское правительство в Лондоне, ни ПКНО в Люблине, помимо собственной воли, не могли играть роль субъектов. Великие державы предназначили им статус объектов. Коммунисты полагали, что Сталину будет нужна сильная Польша, как естественное прикрытие от Германии. В 1943–1944 годах Сталин неоднократно отмечал, что немцы – слишком сильная нация для того, чтобы не подняться после такого поражения и не потребовать возвращения им своего места в Европе. По мнению коммунистов, сильная Польша должна была представлять собой государство в новых, дарованных Сталиным, границах, на востоке проходящих по линии Керзона (чего он требовал), на западе – на Одре – с просторным выходом к морю (что обещал и выполнил),

тесно связанное с Советским Союзом (чего категорически доби- вался). СССР должен был быть гарантом безопасности Польши, ее новых западных границ и устойчивости введенной в стране системы власти. Но и то, и другое должно было привести к установлению зависимости Польши от Москвы, что, по мнению коммунистов, было тогда единственно возможной перспективой. Создавая с разрешения Кремля Польский комитет национального освобождения, коммунисты несомненно представляли себе цели Сталина и полностью их поддерживали. Они понимали, что без Красной Армии и политического согласия Москвы власть они не получают. А именно власть, по их мнению, должна была быть самым действенным орудием строительства социально-экономической и политической системы в ее сталинском или видоизмененном варианте. Они были глубоко убеждены в том, что только в такой Польше будет возможно преодоление вековой отсталости в развитии.

Таким образом, в последнюю фазу войны Польша вступала расколотов, так как подавляющее большинство поляков все еще считало представителем своих суверенных прав правительство, находящееся в Лондоне. Польша закончила Вторую мировую войну, так же как и начинала, в рядах коалиции. В сентябре 1939 г., несмотря на многочисленные общественные противоречия, она сплотилась в войне с агрессором. С лета 1944 г., несмотря на реальность победы над ним, она была разделена в политическом плане. Это разделение выразалось, с одной стороны, в создании Польского комитета национального освобождения, с другой – в начатом 1 августа антигерманском вооруженном восстании в Варшаве, которое было последней в то время отчаянной попыткой изменить ход событий, предпринятой во имя восстановления свободной, целостной и независимой Польши.

Большинство поляков тогда считало, что освобождение Красной Армией страны от немецкой оккупации несло в себе угрозу суверенности и свободе. Только немногие были связаны с коммунистами, но уже тогда родилась уверенность, что необходимо считаться с новой формирующейся расстановкой сил в Европе и новой в ней ролью Советского Союза. Со временем число «непреклонных» начало уменьшаться, увеличивались ряды сторонников коммунистов, а быстрее всего – прагматиков и конформистов.

Многие политически мыслящие поляки задумывались тогда о выборе таких путей выхода из драматической ситуации, которые в освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации, но зависимой от Москвы стране позволили бы создавать или участвовать в создании условий более сносного существования, а может быть даже некой нормализации.

В последние месяцы войны Польша мобилизовала свои военные силы. Весной 1945 г. Польские вооруженные силы на Западе, подчиненные польскому правительству в Лондоне, насчитывали около 200 тыс. солдат, а Войско Польское, подчиненное правительству в Варшаве, достигало 400 тыс. Вместе это составляло в мае около 600 тыс. На западе сухопутные войска, подчиненные польскому правительству в Лондоне, заполняли свою героическую страницу в боях на территории Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Германии. На востоке мужественно сражалось Войско Польское. Его части рядом с Красной Армией участвовали в боях за Берлин. На улицах немецкой столицы кроме Красной Армии и скромного контингента Войска Польского не было тогда других союзнических войск.

Таким образом, вклад Польши в окончательную победу союзников зрим и достаточно велик, Польша оказалась в рядах победителей, хотя далеко не все поляки извели вкус победы. Многие из них (особенно те, кто сражался на стороне западных союзников) считали, что победа 1945 г. не была их победой, так как Польша, лишенная суверенитета, оказалась в сфере советского влияния. Сегодня у нас снова идут споры о том, участвовала ли Польша в победе в мае 1945 г., или же конец войны стал политическим поражением, поскольку не принес полного суверенитета и свободы.

В этом споре я придерживаюсь мнения, что Польша, которая в войне, навязанной ей 1 сентября 1939 г. Третьим рейхом и атакованная 17 сентября советскими войсками, потерпела поражение, в мае 1945 г. имела полное право чувствовать себя победительницей, несмотря на политические последствия, которые несли Восточной Европе победы Красной Армии и планы Сталина, ловко использовавшего политическое согласие Запада.

Существенное место в исходе Второй мировой войны для Польши занимают история и результаты деятельности ее подполья. Ни в один период истории до 1939–1945 годов, который можно было бы взять для сравнения, организованное сопротивление поляков, направленное против захватчиков, не разворачивалось в таком масштабе, не охватывало такое большое количество людей, не порождало столько лидеров на всех уровнях, не использовало одновременно такие многообразные формы борьбы (особую роль я отвожу конспиративной прессе и подпольному образованию), не создавало столько высоких, соблюдаемых так многими правил поведения.

В конспиративной борьбе против губительной политики врага и во имя восстановления суверенности государства участвовали все социальные слои общества и все регионы страны в ее гра-

ницах до 1 сентября 1939 г. Польское подпольное движение было политически неоднородно, охватывало широкий круг группировок: от крайне правых до крайне левых (коммунистов). В оккупированной стране были созданы конспиративные структуры с подпольным представительством правительства и подпольными вооруженными силами, т.е. Армией Крайовой, которые со временем превратились в действующее подпольное государство, основной целью которого было возвращение суверенитета государства в его довоенных границах на востоке и юге с территориальными приобретениями на севере и западе. Вне зависимости от того, как мы оцениваем эффективность влияния на общество этих конспиративных структур, никогда до этого ни одно польское освободительное движение не получило такой широкой поддержки общества, как подчиненное польским конституционным властям в Лондоне подпольное государство времен Второй мировой войны.

Поддержка была столь велика, что польским лидерам казалось, что при благоприятных внешних обстоятельствах Армия Крайова будет в состоянии провести победоносное всеобщее антинемецкое вооруженное восстание. Когда же реализация этой важнейшей цели и задачи Армии Крайовой оказалась невозможной, лидеры подпольного государства, ободренные польскими властями в Лондоне, решились отдать приказ о проведении антинемецкого вооруженного восстания в Варшаве, рассчитывая на то, что солдатам Армии Крайовой удастся в борьбе с немцами овладеть городом до вступления в него Красной Армии. Сложилось, однако, по-другому. Споры же о том, могли ли советские войска в то время (т.е. летом 1944 г.) занять Варшаву, и не запретил ли Сталин это сделать, длятся по сей день. Сталин, а вслед за ним и польские коммунисты, сочли решение о проведении восстания в столице Польши политическим предательством. Отношение к этому решению до сих пор разделяет польских историков и публицистов.

Важным итогом окончания войны и начала послевоенной истории стали огромные материальные затраты и людские потери, а также изменения в общественном строе. В результате Холокоста и мученичества поляков погибло почти полностью еврейское население, большая часть интеллигенции и среднего класса. В понимаемом таким образом итоге войны для Польши большим количеством жертв был отмечен украинско-польский этнический конфликт, последствия которого чувствуются в ментальности этих народов и по сей день.

В результате Второй мировой войны в очередной раз изменились размер и состав территории, национальный состав и географическое положение Польши в Европе. Перемещенное в геогра-

фическом плане с востока на запад и север польское государство могло рассматриваться как часть Центральной Европы, если бы в те годы, когда по обоим берегам Эльбы шло формирование двух противоборствующих военно-политических блоков, этот термин что-нибудь значил. Польша в границах 1921 года (т.е. по Рижскому мирному договору, завершившему польско-советскую войну) просуществовала до 1939 г. (т.е. всего лишь 18 лет). Ее восточная и западная границы не являлись стабилизирующим элементом в отношениях с Германией и СССР, а, напротив, провоцировали обоих соседей предпринимать шаги, направленные против Польши.

В 1945 г. установленные в то время новые государственные границы Польши большинство поляков считало временными. Сегодня практически все признают их бесспорными и неприкосновенными. Границы 1945 г. стали стабильным элементом территориального устройства современной Европы. В этом смысле результаты Второй мировой войны несомненно принесли Польше усиление чувства безопасности ее границ, которое она не испытывала ни в XVIII в., что совершенно понятно, ни даже в тридцатые годы XX в., когда все свидетельствовало о том, что она являлась в полной мере суверенным государством.

На исходе Второй мировой войны по вопросу международной ориентации поляков можно отметить следующее: во-первых, Германия доказала, что представляет собой смертельную угрозу безопасности Польши; во-вторых, СССР, несмотря на провозглашаемые принципы интернационализма, доказывал, что в его внешней политике будут доминировать имперские цели; в-третьих, Великобритания, несмотря на свою позицию в 1939 и в 1944–1945 годах, все еще вселяла надежду на то, что будет содействовать стремлению Польши к независимости; в-четвертых, наибольшие надежды, однако, возлагались на Соединенные Штаты как на силу, способную противостоять Советскому Союзу; и, в-пятых, катастрофически упала в глазах поляков Франция: она не оправдала надежд в 1939–1940 и не возродилась как держава, на которую можно рассчитывать в случае необходимости.

Западная ориентация, которой придерживалось подавляющее большинство людей, проигрывала. Духовно оставаясь частью Запада, Польша становилась областью политического господства Востока. Таков был масштаб побед Красной Армии, с согласия Черчилля и Рузвельта использованных Сталиным в политических целях. Здесь стоит сделать замечание о железном занавесе. В результате большевистской революции, Первой мировой войны, Версальского мирного договора и польско-советской войны возник железный занавес (с наиболее важным участком границы по Рижскому мирному договору), отделявший советское государ-

ство от всех государств, расположенных к западу от него. В свою очередь, в результате крупных побед Красной Армии в 1943–1945 гг., политических притязаний Сталина, поражения Германии и согласия англосаксов, называемого некоторыми новым изданием *apreasement policy*, железный занавес передвинулся до линии Эльбы, отделяя новообразованную европейскую сферу советского влияния от сформированного со временем нового геополитического понятия Запада. Биполярная система и холодная война между Западом и Востоком стали лучшей гарантией устойчивости государственных границ послевоенной Польши, что на первый взгляд может показаться историческим парадоксом. Он, однако, подводит нас к очередному вопросу, а именно: можно ли послевоенное зависимое положение Польши от СССР, подобное протекторату, отождествлять с оккупацией? Есть историки, политологи и юристы, которые утверждают, что да, что немецкую оккупацию сменила так называемая советская, используя при этом, в отличие от классического определения оккупации, понятие «особой оккупации». Однако в то время ни в соответствии с нормами международного права, ни по восприятию, пожалуй, большинства населения (после приезда летом 1945 г. из Лондона Станислава Миколайчика) правовой статус Польши не отождествлялся со статусом оккупированной страны. Для этого самого большинства изгнание из страны немецких оккупантов связывалось с восстановлением собственного государства. Поражение Третьего рейха должно было удовлетворять и, конечно, удовлетворяло, пожалуй, всех поляков. Большинство из них было, однако, сражено успехом СССР, а точнее – его политическими последствиями; они связывали свои надежды с Западом. Тем не менее, все должны были найти свое место в новых условиях, и это была самая важная проблема для того времени. Она также определяла круг политических дилемм, перед которыми стояли поляки. Они были следствием Второй мировой войны. Коммунисты сулили революцию, а она могла дать шанс ускоренного развития. Борьба с новой системой власти не предвещала ничего, кроме неизбежных жертв. Эмиграция была доступна сравнительно немногим, и она не давала гарантии возвращения в обозримом будущем в свободную и суверенную Польшу. Зато можно было примириться со свершившимся фактом и в зависимом от Москвы государстве, лишенном многих атрибутов суверенитета, подчиненном коммунистам, но все же польском, принять участие в восстановлении страны, дать пассивное согласие или же активно участвовать в создании системы, которая много лет спустя получила название реального социализма. Таков был выбор, перед которым стояли поляки в 1945 г., когда в Европе заканчивалась Вторая ми-

ровая война. Это была ситуация совершенно отличная от той, какую принес финал Первой мировой войны, когда Польша после 125 лет неволи возрождалась как суверенное государство, а поляки видели в этом акте осуществление своих стремлений. Они верили, что совместными усилиями восстановят здание независимой Польши. Они думали, что это здание будет крепким. Вторая мировая война стала проверкой на прочность этих надежд.

Из сентябрьского поражения 1939 г. поляки пытались извлечь выводы. Уже в конце 1942 г. польское правительство в Лондоне выработало концепцию отношения к побежденной Германии, доработав ее во всех подробностях годом позже. В ней также содержались предложения, касающиеся прохождения новой польско-германской границы. Однако мнение польского правительства не нашло отражения ни в политике Великобритании и Соединенных Штатов, ни в работе Европейской Консультационной Комиссии (European Advisory Commission). Северную и западную границу Польши определил Сталин, получив согласие Великобритании и США.

Потерпели фиаско также усилия польского правительства, пытающегося найти гарантии послевоенной безопасности, форсировать создание польско-чехословацкой федерации как составной части системы других региональных соглашений подобного типа. В связи с протестом Москвы, о котором было заявлено летом 1942 г., чехословацкий президент Эдвард Бенеш, исходя из иных политических условий, чем генерал Владислав Сикорски, отказался от проведения дальнейшей работы по созданию основ вышеупомянутой федерации.

Не увенчались также успехом попытки правительства Польской Республики установить с СССР добрососедские отношения при условии признания Кремлем свободы и суверенитета Польши с восточной границей в ее довоенном состоянии. Реальное согласие на два первых условия Сталиным не рассматривалось, тем более, что пользуясь подобной фразеологией, он мог строить отношения с управляемой коммунистами Польшей по своему собственному сценарию. В свою очередь, граница с Польшей, отодвинутая далеко на запад от линии, определенной в советско-польском договоре 1921 г., была установлена им в согласии с Великобританией и США вопреки позиции польского правительства в Лондоне. К исходу войны международная конъюнктура сложилась просто-таки трагически невыгодно для политики и замыслов конституционного правительства Польской Республики в Лондоне. Зато ею в полной мере могли воспользоваться коммунисты, которым Сталин вверил управление зависимым от СССР государством, *de jure* суверенным, а *de facto* государством типа протектората.

Давая оценку позиции поляков в 1945 г., следует постоянно помнить о том, что после окончания войны Польша была совершенно другой по сравнению с 1939 годом. Значительно смещенная с востока на запад, с территорией, меньшей почти на 80 тыс. км², с населением, сократившимся почти на 13 млн человек, почти без евреев и лишь с небольшой частью довоенного украинского меньшинства, с невиданно поредевшей интеллигенцией, с сильно ослабленной и предназначенной новыми властями к ликвидации буржуазией и помещиками, с неуверенным в завтрашнем дне мещанством, но со все еще сильным крестьянством, с измученным войной и оккупацией рабочим классом, разоренной экономикой, разрушенной структурой культуры и образования. Таковыми были первые итоги Второй мировой войны для Польши, к которым следует еще добавить разорванную ткань общественных связей и политическую дезинтеграцию. Все это, взятое целиком, вместе с другими обстоятельствами – с советским господством во главе – представляло собой трагичную картину начала послевоенного периода, несмотря на победное окончание польско-немецкой войны, начатой 1 сентября 1939 г. нападением III рейха и увенчанной в мае 1945 г. участием польских солдат рядом с Красной Армией во взятии Берлина.

В заключение следует напомнить, что в ночь с 12 на 13 апреля 1943 г. берлинское радио передало сообщение об обнаружении в катынском лесу на Смоленщине массового захоронения убитых польских офицеров, виновниками этого преступления были названы советские власти. Сегодня мы знаем, что смертельный приговор польским офицерам был вынесен сталинским Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

В польско-советских отношениях было много драматичных и трагических событий. Но рядом с ними прочное место заняли также сражения солдат Красной Армии с Вермахтом, которые они вели на польских землях в 1944–1945 годах. В них потеряли жизнь около 630 тыс. советских солдат и офицеров. Память об их жертве должна остаться неотъемлемой частью польско-советских отношений и отношений сегодняшней Польши с сегодняшней Россией.

МЕСТО ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА В ПОЛИТИКЕ СССР (лето 1941 – лето 1944 года)

*Ю.Л. Дьяков**

(Москва)

30 июля 1941 г. (по инициативе генерала В. Сикорского и под давлением Англии) было заключено советско-польское соглашение о восстановлении дипломатических отношений между обоими правительствами. На этой основе были подписаны и другие документы. 14 августа – военное соглашение, предусматривавшее формирование польской армии на территории СССР «для совместной с войсками СССР и иных держав борьбы против Германии»¹. Нападение Германии на СССР привело к подписанию договора, который в других условиях был бы невозможен. Советско-польские документы этого периода отражают четыре аспекта: формирование в СССР польских вооруженных сил и их использование; положение польского населения в СССР; партизанское движение; проблема границ.

Весьма неблагоприятная для СССР военно-политическая ситуация вынудила Сталина поручить организацию армии самим полякам. Но польской армии, как «классово чуждой», советские власти не доверяли и разместили ее в глубине страны. Однако они не учли «жизненной силы, выдержки поляков, они были поражены твердыми принципами “лагерников”, их верой в возрождение независимой Польши, их глубокой религиозностью. Они быстро поняли, что не добились своего, что армия не станет коммунистической армией, – писал генерал Андерс. – Поэтому они задерживали приток добровольцев, не давая им оружия, лишали армию продовольствия»². Наученный горьким опытом формирования польской армии в одной стране (Франция), Сикорский решил создать три центра военной концентрации: в Англии, СССР и на Ближнем Востоке. Но не все обстояло так благополучно, как считал Андерс. Еще 2 ноября 1941 г. НКВД докладывал Сталину о том, что генерал Янушайтис заявил, что он может взять на себя руководство польскими частями, если таковые будут организованы на территории СССР для борьбы с Германией, безотносительно к установкам в этом вопросе правительства Сикорского. Не-

* Дьяков Юрий Леонтьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

сколько полковников и подполковников (Берлинг, Букоемский, Горчинский, Тышинский) заявили, что они всецело передают себя в распоряжение советских властей и что с большой охотой возьмут на себя организацию и руководство какими-либо соединениями из числа военнопленных поляков, предназначенными для борьбы с Германией в интересах создания Польши как национального государства. Будущую Польшу они рассматривали тесно связанной в той или иной форме с Советским Союзом. «Для прощупывания настроений остальной массы военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, на места были посланы бригады оперативных работников НКВД СССР с соответствующими заданиями, – докладывал Берия. – В результате проведенной работы установлено, что подавляющее большинство военнопленных, безусловно, может быть использовано для организации польской военной части. Для этой цели нам представляется целесообразным: не отказываясь от мысли использовать в качестве руководителей польской военной части генералов Янушайтис и Боруто-Спехович, имена которых могут привлечь определенные круги польских военных, поручить организацию на первое время дивизии упомянутой выше группе полковников и подполковников... которые производят впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей. Этой группе следует предоставить переговорить в конспиративной форме со всеми своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии... Одновременно с этим в лагерях для военнопленных поляков среди рядовых и младшего комсостава органами НКВД должна вестись соответствующая работа по вербовке людей в дивизию... Организация дивизии и подготовка ее проводится под руководством Генштаба РККА. При дивизии организуются Особые Отделения НКВД СССР с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава дивизии... Л. Берия»³.

Таким образом, перед Сталиным стояла задача сформировать просоветские польские войска и, как показывает приведенный документ, в этом направлении шла усиленная работа. Но этим планам на первом этапе событий не суждено было сбыться. Однако фундамент на будущее был заложен. В июле (не позднее 21) 1941 г. группа польских коммунистов представила свой проект создания польских вооруженных сил в СССР, предложив ввести в Польские вооруженные силы комиссаров и политруков⁴. Но этот вариант не был принят во внимание, видимо, вследствие его одиозности.

В августе 1941 г. началось формирование польской армии в СССР. Но за личным составом, особенно за ее командованием, был установлен бдительный политический контроль. И это не

удивительно, тем более, что он существовал и в Красной Армии еще с ленинских времен. К каждой польской дивизии и полку был прикреплен офицер-связист от органов НКВД. Заместителем Уполномоченного Верховного Главнокомандования Красной Армии по формированию польской армии был назначен майор госбезопасности Г.С. Жуков. В 1942 г. он стал уполномоченным ставки ВГК и комиссаром госбезопасности 3-го ранга⁵.

6 августа 1941 г. генерал В. Андерс был назначен командующим польской армией в СССР. Предусматривалось при этом, что на территории СССР будут сформированы только сухопутные польские части, а летчики и моряки будут отправлены в Англию. Сухопутные силы будут двинуты на фронт по достижении полной боевой готовности, как правило, соединениями не меньше дивизии и будут использованы в соответствии с оперативными планами советского Верховного командования⁶. Сикорский считал, что желательно было бы совместное выступление польской и советской армии против Германии именно с территории СССР. Но если этот вариант нежелателен советскому правительству, то генерал просил бы обеспечить эвакуацию польских войск на Ближний Восток или в Англию.

Польские части формировались из граждан Польши, интернированных в СССР, причем советское правительство 11 июля 1941 г. заявило, что «польских военнопленных в СССР только 20 тысяч, а остальные были отпущены или разбрелись сами, так как советское правительство не имело намерения держать их в качестве военнопленных»⁷. Но это была явная ложь, изначально свойственная большевистским лидерам, и польская сторона прекрасно видела этот блеф. В 1939–1941 гг. Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР приняло свыше 120 тыс. военнопленных поляков⁸.

«Мне было важно только одно – как можно скорее организовать армию и как можно больше людей спасти из тюрем и лагерей. Я не знал, какими человеческими ресурсами мы располагаем, – писал В. Андерс. – Я не знал, где находятся офицеры, число которых по оценкам освобожденных из лагерей коллег составляло не менее 11 000, и что с рядовыми. Мне было известно заявление Молотова, сделанное 2 ноября 1939 г. в Верховном Совете, после нападения Советского Союза на Польшу, в котором он утверждал, что в плен взято 300 000 солдат*. Я ожидал, что власти

* По некоторым данным с территории Западной Украины и Западной Белоруссии интернировано более 250 тыс. польских военнослужащих. В конечном счете в советском плену оказалось от 130 (по советским данным) до 180 тыс. (по польским данным) солдат и офицеров. См. Катинская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: Судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 21.

меня проинформируют, тем более что армейская газета “Красная звезда” сообщила 17 сентября 1940 года, то есть через год после вступления большевиков на польскую землю, что в боях на Украинском фронте, на Волыни, около Люблина, Гродно и т.д. в плен взято 12 генералов, более 800 офицеров и более 200 000 рядовых. Один за другим появлялись офицеры, выпущенные из московских тюрем, измученные, ослабленные, но в прекрасном состоянии духа, – писал Андерс. – ...Кроме того, я добился сформировать вспомогательную женскую службу. Я знал, что наравне с мужчинами в тюрьмы были брошены тысячи наших девушек и женщин, которые тоже хотели бы отдать все силы Польше. Я знал, что в данных условиях это единственный способ спасти им жизнь»⁹. Сначала формировались две пехотные дивизии: 5-я и 6-я из польских граждан, попавших в СССР в качестве беженцев или другими путями. «Наплыв добровольцев был велик, и первоначально установленная численность польской армии – 30 тыс. человек – была значительно превышена: к 25 октября 1941 г. она достигла 41,5 тыс. человек, и продолжала расти, – писал С.М. Штеменко. – Центры формирования располагались на Волге и в Оренбуржье – в Бузулуке, Тоцком, Татищеве»¹⁰.

14 сентября 1941 г. Андерс выехал в Тоцкий лагерь, где формировалась 6-я пехотная дивизия. Там в маленьких палатках в лесу находилось 17 тыс. солдат. «До конца жизни не забуду этого зрелища, – писал генерал. – Почти все – босые, без рубашек. Какие-то лохмотья, обрывки старых польских мундиров висели на исхудавших телах, почти скелетах, покрытых язвами из-за авитаминоза... Примерно такие же условия были в Татищеве, где формировалась 5-я пехотная дивизия. Так называемый резервный полк квартировал в лесу, среди глубоких снегов, в местности Колтубанка. Невозможно передать, какие были трудности с устройством обозов и получения хоть какого-нибудь обмундирования. На несколько топов и лопат требовалось разрешение аж из Москвы»¹¹.

На основе соглашения от 30 июля 1941 г. «Советское правительство представляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений*», – писал

* Видимо, с этим документом, содержащим пункт об амнистии, и связан отчаянный групповой побег, совершенный польскими военнослужащими из Абезьского (Коми АССР) Севжелдорлага НКВД СССР. Об условиях жизни заключенных свидетельствует тот факт, что в этом лагере с июля по декабрь 1940 г. умерло 3586 заключенных, т. е. каждый десятый из списочного состава лагеря. См. Морозов Н.А., Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история. 1995, № 2. С. 183.

В. Андерс¹². Советское правительство не возражало против предложений польского посольства о создании одной или нескольких смешанных комиссий из представителей советских органов и польского посольства для организации учета польских граждан, их расселения и устройства на работу¹³.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. из 391 575 польских граждан, находившихся в местах заключения, ссылке или высылке, на 27 сентября 1941 г. было освобождено из тюрем, лагерей 50 295 человек, военнопленных – 26 297, из спецпоселков, мест ссылки и высылки 265 248 человек (всего 341 840 человек). В конце сентября 1941 г. были сформированы две польские дивизии и запасной полк, полностью укомплектованные за счет призванных бывших военнопленных поляков (23 851 человек) и польских граждан, отобранных из числа прибывших в пункты формирования этих частей (3149 человек), докладывал Берия Сталину и Молотову 1 октября 1941 г.¹⁴

18 сентября 1941 г. премьер-министр эмигрантского правительства В. Сикорский выступил в Лондоне по радио с обращением к соотечественникам и соотечественницам, в котором, в частности, заявил: «Хотя многие опасались, что вы обречены на гибель, спасение ваше наступило с подписанием соглашения с Советами 30 июля с.г. Оно вернуло вам права польских граждан и дало возможность активно участвовать в борьбе за независимость родины против непримиримого врага Польши и Советского Союза – против Германии»¹⁵.

Посол Польши в США Я. Цехановский в письме Госсекретарю США от 29 сентября 1941 г. отмечал, что «Советское правительство лояльно выполняет все взятые на себя обязательства. Перемещенные поляки получили в настоящее время свободу; и с удовольствием следует отметить, что из примерно полутора миллионов поляков, находящихся в настоящее время в России, те, кто способен на это физически и не находится в призывном возрасте, стремятся в общем усилить принять участие в любых работах для военных целей, на фабриках или в земледельческих хозяйствах»¹⁶. Цитированное письмо было опубликовано 1 октября 1941 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» и во всей солидной американской прессе, а также транслировалось радиостанциями США¹⁷.

Настроение в польских частях в СССР было явно антисоветским, и об этом свидетельствуют донесения Берии Сталину и другие документы¹⁸. Так, бывший начальник штаба 5-й дивизии полковник Берлинг и командир 14 полка подполковник Дудзинский, открыто ориентировавшиеся на СССР, получили анонимные письма с сообщением, что они «приговорены к смертной казни»

за просоветскую деятельность и будут уничтожены. Капитану Розен-Завадскому и поручику Щиперскому, известным своими симпатиями к СССР, неоднократно угрожали расправой при выходе на фронт, докладывал Сталину Берия¹⁹.

В. Сикорский был тонким политиком и, видя разницу между советским режимом и народом, поднявшимся на Отечественную войну с гитлеризмом, четко понимал, что спасение Польши может прийти только со стороны народа России в союзе с Англией и США. Народ России защищал свою родную землю, а не власть над ним стоявшую. Это осознавал и генерал Андерс. К сожалению, часть членов эмигрантского правительства занимала противоположные позиции.

Польское правительство сделало великое дело, поставив вопрос о призыве в армию Польши на территории СССР всех польских солдат и польских граждан, годных к военной службе, в том числе и польских граждан, включенных в «стройбатальоны» и «рабочие колонны», в которых свирепствовал каторжный режим, не исключая и советских людей, работавших в этих военнизированных подразделениях. А главное, В. Сикорский и В. Андерс способствовали освобождению из ГУЛАГа сотен тысяч своих соотечественников.

Несмотря на сложную проблему с вооружением и материально-техническим обеспечением, польское командование постоянно добивалось (не предусмотренных соглашением) увеличения численности войск, формирования все новых дивизий и достаточно успешно продвигалось в этом направлении, несмотря на всеческие препятствия советского руководства. В начале октября 1941 г. В. Андерс просил сформировать новые дивизии, в том числе две в Узбекистане. Сталин был против. С этого момента начинается обострение отношений, и польская сторона в начале октября ставит вопрос о выводе польской армии за рубеж²⁰. Сталинское руководство всемерно стремилось ограничить количественный состав польской армии 30-ю тысячами человек, ссылаясь на недостаток средств. Только в Узбекистане, по сведениям польского посольства, находилось (на 5 ноября 1941 г.) 300 тыс. польских граждан, из которых около 100 тыс. – нетрудоспособных инвалидов, нуждавшихся в помощи.

Советское правительство, не доверявшее полякам, было вынуждено согласиться на эвакуацию 15–20 тыс. польских солдат из СССР в Великобританию и Египет. Об этом заявил Молотов польскому послу С. Коту 8 ноября 1941 г.²¹ В дальнейшем борьба эмигрантского правительства с советским руководством по поводу увеличения численности польских войск на территории СССР и последовательной их эвакуации из СССР была продолжена. Это

способствовало последовательному освобождению поляков из ГУЛАГа и их спасению за рубежом. К вопросу о выводе польской армии в Иран подключилось и правительство США. Мотивируя свои предложения, посол США Л. Штейнгардт 10 ноября 1941 г., по просьбе представителя президента США по вопросу о ленд-лизе А. Гарримана, заявил Сталину о том, что советское правительство не в состоянии полностью использовать и экипировать польские силы вследствие колоссальной нагрузки на ресурсы Советского Союза.

Польские силы располагались к востоку от нижнего течения Волги*. «Поэтому задача, вероятно, состоит в том, чтобы переформировать эти войска в целях придания им наибольшей эффективности в соответствии с соглашением с польским правительством, согласно которому они должны принять участие в борьбе против нацизма в качестве национальной единицы, – писал Гарриман Сталину. – Территория, на которой расположены эти силы, граничит с важными районами, в обороне которых заинтересованы все противники нацистского режима. Наше предложение состоит в том, чтобы с согласия, а также при содействии Советского правительства собрать вместе эти польские силы и отправить их в определенные районы Ирана. По прибытии туда эти польские граждане, при содействии со стороны американцев и англичан могли бы быть быстро переформированы и вооружены так, чтобы они возможно скорее могли стать частью сражающихся сил в перспективе возвращения их на советский фронт»²². Резон заключался в том, чтобы получение материалов и доставку снаряжения полякам осуществить не только быстрее, но и с наименьшей нагрузкой транспортных коммуникаций, по которым доставлялись материалы в СССР.

14 ноября 1941 г. польское посольство (г. Куйбышев) заявило, что «обстановка требует: 1) полного применения амнистии к польским гражданам – путем освобождения всех пребывающих до сих пор в местах заключения и трудлагерях; 2) включения в ряды польской армии всех годных к военной службе польских граждан»²³. На этот демарш НКВД СССР 19 ноября ответил: «Полное применение амнистии к польским гражданам проведено в жизнь. Само собой разумеется, амнистия не могла быть распространена на лиц, отбывающих наказание за уголовные преступления, на гитлеровских агентов...»²⁴ Но, само собой разумеется, что это была отписка в условиях полного беззакония в СССР. Тем не менее, для опеки над польским населением в 20 городах СССР

* Армия Андерса формировалась в Бузулуке, Татищеве и Тоцком. См. Катинская драма. С. 158.

были созданы специальные представительства посольства Польши, а в 421 населенном пункте находились доверенные лица посольства. В представительствах посольства Польши доверенными лицами работали более 1200 человек²⁵.

Еще 6 августа 1941 г. генерал Андерс проинформировал генерала госбезопасности А. Панфилова, что на территории СССР находятся 20 тыс. польских военнопленных, в том числе тысяча офицеров²⁶. В декабре 1941 г. состоялись переговоры Сикорского со Сталиным в Москве. Центральным вопросом стала проблема формирования в СССР польской армии и укомплектования ее офицерскими кадрами. Сталин и Берия категорически отрицали наличие польских офицеров в советских лагерях, утверждая, что они все были освобождены и самостоятельно рассеялись неизвестно куда²⁷. 6 декабря 1941 г. Сталин обещал выяснить, почему из лагерей для военнопленных не освобождают поляков, список которых В. Сикорский вручил Сталину²⁸. Во время переговоров в Москве между Сталиным и Сикорским была достигнута договоренность о том, что все польские летчики и моряки будут эвакуированы из СССР в Англию, а 25 тыс. солдат сухопутных войск – на Ближний Восток. Только летчиков, подготовленных к эвакуации, имелось 2 тыс. человек²⁹.

Поздней осенью 1941 г. 5-я польская пехотная дивизия была сформирована и обучена, а 6-я дивизия заканчивала формирование. Но на фронт они не попали, потому что Сикорский в декабре обратился к советскому правительству с предложением расширить контингент польских войск до 96 тыс. человек и сформировать не две, а шесть дивизий. По просьбе Сикорского центры формирования были перемещены в Среднюю Азию. Англичане стремились прежде всего отстоять свои интересы и в первую очередь «загородить Индию от гитлеровского нашествия, что они и намеревались сделать с помощью польских войск, формируемых в СССР», – писал С.М. Штеменко³⁰.

Постановлением ГКО от 25 декабря 1941 г. общая численность польской армии на территории СССР была определена в 96 тыс. человек и разрешалось формирование шести пехотных дивизий по 11 тыс. человек каждая, а также организация штаба армии, штабных учреждений, офицерской школы запасных частей усиления армии в 30 тыс. человек³¹. Сталин торопился отправить поляков в бой как можно скорее. Но армия не была готова к бою ввиду крайнего истощения людей, прибывавших из лагерного ада. Вводить же в бой армию по частям генерал Андерс отказался³².

22 января 1942 г. заместитель народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинский заверил польского посла в СССР в том,

что правительство СССР будет отпускать продовольствие для польской армии впредь до выхода частей на фронт за наличный расчет, но не более установленной численности польской армии – 96 тыс. человек. На эти цели правительству Польши был предоставлен беспроцентный кредит в сумме 300 млн рублей³³.

Советское руководство стремилось отправить на фронт те польские части, которые уже были готовы, т.е. 5-ю дивизию. Но генерал Андерс считал, что польская армия должна нанести удар всеми своими силами, ибо только тогда ее выступление найдет отклик в Польше³⁴. Но Сталину такой отклик был не нужен, ибо все успехи он желал приписывать своему «гению». Однако ему важны были хорошие отношения с союзниками. И, не имея возможности сделать так, как в Катыни, он хотел уничтожить польскую армию руками вермахта, посылая на фронт, как в гигантскую топку, поочередно отдельные дивизии, даже необученные и невооруженные должным образом. Но этот замысел польское командование разгадало. Могут возразить, что на фронте был нужен каждый солдат. Верно. Но поляки знали, с кем имеют дело. Сталин не жалел своих солдат и ополченцев, тем более он не мог считаться с жизнями концептуально враждебных для него людей. У поляков были свои нравственные критерии, отличные от сталинских, и они их твердо придерживались. Ненормальные взаимоотношения негативно отражались в делах на фронте, где гибли русские воины, не получая действительной поддержки со стороны поляков, и в этом повинна дьявольская политика Сталина.

7 февраля 1942 г. В. Сикорский в письме Андерсу заявил: «Ни в коем случае я не могу согласиться на использование отдельных дивизий, по мере того, как они достигнут боевой готовности. Это условие было четко оговорено во время наших переговоров в Кремле. Польская армия могла бы быть использована исключительно как целое, под Вашим общим оперативным руководством; она должна состоять по крайней мере из 4 крупных частей с соответствующими службами и штабами на уровне армии... Ни в коем случае я не могу бросить в бой против такого противника, как немцы, войска недостаточно вооруженные, организованные и обученные»³⁵. Положение польской армии в СССР было ужасно. После вступления в войну США Рузвельт направил президенту Польши обращение, в котором воздал почести борющейся Польше. «Послание это распространялось на листовках, а люди в лохмотьях, измученные и голодные, преклоняя колени на снегу, благодарили Бога, полные веры и надежды на сильных союзников, – писал генерал Андерс, – я все больше убеждался, что советские власти не слишком заинтересованы в создании польской

армии, и доказательством были трудности, которые множились на каждом шагу. Мы постоянно получали со всех сторон известия, что тысячи людей задерживались в тюрьмах и лагерях, а постановление об амнистии не выполнялось. Я считал, что следует спасать тех, кто находится в северной и восточной части России и перемещать солдат и гражданское население на юг. Уже тогда я видел единственное спасение в выходе из-за железного кордона через Персию... Наконец, в начале марта 1942 года пришло решение перевести польскую армию на юг... Дивизии были разбросаны на огромном пространстве, люди стали прибывать со всех сторон толпами... все приходили в лохмотьях и чуть живые. Ширились эпидемии, а поскольку вшей в России чудовищно много, то прежде всего – сыпной тиф. Наши врачи и сестры проявили огромную самоотверженность, спасая людей от смерти в страшных условиях, при отсутствии лекарств, помещений, белья и необходимого питания. Смертность была большая, особенно среди детей.

Советские власти все больше затрудняли прибытие желающих в армию. Целые эшелоны высаживались в степи без еды, палаток, теплой одежды... В это время особенно явным стало вмешательство советских властей в нашу внутреннюю жизнь. Многие, выйдя из лагеря, не возвращались и пропадали бесследно, как это вообще и происходит в Советской России. Случалось, что НКВД хватал людей прямо в наших лагерях. Мы активно протестовали, но, несмотря на официальные обещания, что подобного больше не повторится, все это продолжалось до тех пор, пока армия пребывала в границах СССР... Несмотря на эти трудности, люди прибывали постоянно. Обещания Сталина снабдить оружием две дивизии выполнены не были. Оружие было только у 5-й дивизии, и то гораздо меньше, чем положено»³⁶.

Исключительно трудное положение СССР и невозможность избавиться от польской армии отправкой ее на фронт частями вынудило Сталина дать согласие на вывод польской армии на Ближний Восток. К марту 1942 г. численность польской армии в СССР достигла 73,4 тыс. человек³⁷. 18 марта Сталин пригласил в Москву генерала Андерса, и было решено, что в связи с трудностями снабжения численный состав польской армии в СССР будет сокращен до 44 тыс. человек, а все остальные солдаты, равно как и прибывающие призывники и добровольцы, будут эвакуированы на Ближний Восток. Сталин предупредил при этом, что призыв польских граждан в польскую армию будет продолжен, а польские граждане, включенные в ряды Красной Армии и стройбатальонов, будут освобождены и направлены в польскую армию вместе со всем призванным сверхконтингентом.

В результате этого решения около 30 тысяч* польских солдат покинуло СССР, направляясь в Персию. Но по сведениям польского правительства уже после отъезда генерала Андерса в Лондон дальнейший призыв в польскую армию был приостановлен, а в большинстве мест, где проживали польские граждане, призыв вообще не был объявлен, в результате чего дальнейшая эвакуация на Ближний Восток совершенно прекратилась. Одновременно стихийный приток добровольцев в польскую армию был приостановлен административными мерами, а число служащих – польских граждан в рядах Красной Армии и стройбатальонах возросло, вместо направления их в польскую армию. Наряду с этим последовало распоряжение о ликвидации действовавших на местах польских военных учреждений, которые были в свое время созданы для организации призыва и направления граждан Польши в польскую армию. Речь идет о продовольственных и санитарных пунктах, о постах офицеров – регистраторов на вокзалах. Тем самым Сталин нарушал данные им гарантии в декабрьской встрече с С. Сикорским и мартовской беседе с генералом Андерсом о том, что интересы борьбы, которую ведут против Германии СССР и Польша, требуют, чтобы все, способные носить оружие, польские солдаты (сверх установленного для польской армии контингента) могли вступить в польскую армию и служить там, где есть возможность их вооружить, накормить и экипировать³⁸. В связи с этим посол Польши в СССР, по поручению своего правительства, обратился к Молотову с просьбой о незамедлительном осуществлении решений, принятых высшими инстанциями обоих государств, и в первую очередь решения о полном проведении призыва и записи добровольцев в польскую армию, а также эвакуации на Ближний Восток того сверхконтингента польских солдат, который явится результатом этого мероприятия.

14 мая 1942 г. Молотов направил ноту польскому послу в СССР С. Коту, заявив, что во время беседы 18 марта принято решение о сокращении численности польской армии до 44 тыс. человек и об эвакуации в Иран контингентов польской армии, превышающей установленную численность в 44 тыс. человек, и что это решение в установленный срок было осуществлено, а потому запись добровольцев в настоящее время не представляется возможной, как и возобновление деятельности польских военных уч-

* По данным С.М. Штеменко, с 23 марта по 3 апреля 1942 г. в Иран были вывезены 31 488 военнослужащих. Эвакуировались преимущественно вновь формируемые части, не имевшие оружия. См. Генерал армии С.М. Штеменко. Указ. соч. С. 50.

реждений, созданных в связи с призывом в польскую армию (было эвакуировано в начале апреля 30 тыс. человек)³⁹.

Еще 4 апреля 1942 г. Берия доложил Сталину, что «Во исполнение задания Правительства, эвакуация в Иран некоторых контингентов военнослужащих польской армии и польских граждан закончена 3 апреля.

Отправлено из Красноводска в Пехлеви 42 245 человек, в том числе: польских военнослужащих 30 099 и польских граждан 12 155.

В Красноводске осталось в госпитале 147 человек больных...»⁴⁰

По официальному сообщению начальника штаба Польской армии в СССР генерала Шишко-Богуша (от 15 мая 1942 г.), с 1 мая численность польской армии в СССР не превышала 40 000 бойцов. Он просил генерала Панфилова не задерживать польских призывников для пополнения частей до полных штатов в рамках 44 тыс. пайков, предоставленных правительством СССР польской армии, и для подготовки первых групп призывников, предназначенных к отправке в Иран⁴¹. Сразу после вывода первой партии польской армии за рубеж Сталин приступил к формированию новой польской армии под коммунистическим руководством. Причем это делалось под эгидой Союза Польских патриотов в тесной связке с коммунистами, находившимися в Польше. Еще в 1941 г. в Польшу для партработы и организации партизанского движения были переброшены в район Варшавы две группы польских коммунистов (группы одобрены отделом кадров ИККИ.) Во главе этих групп из 19 человек была тройка: Новотко, Малоец и Финдер. Новотко являлся руководителем, Малоец – военным организатором, а Финдер – агитруководителем. Переброшенные коммунисты окончили партшколу ИККИ, были обучены парттехнике – тайнописи, микрофото, изготовлению (фальшивых) документов. Пятеро из них были обучены радиоделу. Главная тройка располагала шифром. По прибытии на место группа вошла в руководство ППР⁴². Рабочая партия Польши* ППР развернула свою деятельность и, хотя не являлась формально членом Коминтерна, но поддерживала тесные контакты с его руководством.

19 июня 1942 г. Генеральный секретарь ЦК ППР М. Новотко телеграфировал Генеральному секретарю ИККИ Г.М. Димитрову о том, что настроение в польских массах просоветское, что партия имеет 4 тыс. членов, работа идет в 100 округах, издается

* Компартия Польши (КПП) распущена в 1938 г. В 1942 г. коммунисты создали ППР.

3 центральных и 5 окружных газет, что «Наша военная организация насчитывает 3000 членов» (речь идет о Гвардии Людовой, противостоящей АК)⁴³. Между тем, ППР использовала в своих целях тысячи советских военнопленных, бежавших из немецких концлагерей и включила их в свои партизанские отряды⁴⁴.

На страницах газеты «Трибуна Вольности» ЦК ППР выступил с проектом создания «Национальных комитетов борьбы», однако эта инициатива в то время была авантюрой. Организуя вооруженную борьбу с оккупантами, ППР уже в январе 1942 г. приступила к созданию партизанских отрядов Гвардии Людовой (ГЛ)*, а 10 мая 1942 г. в Петраковские леса выступил первый отряд Гвардии Людовой имени С. Чарнецкого под командованием Ф. Зубжицкого⁴⁵.

Орган делегатуры эмигрантского правительства «Жечь Посполита Польска» писал в номере от 10 марта 1942 г.: «Польская армия сражается против Германии и ее сателлитов, выполняя доблестное военное союзническое обязательство Польши. Но о том, как должно поступать польское гражданское население, а также подпольные польские вооруженные силы**, решать может только и исключительно по договоренности с авторитетными кругами страны правительство Польши. Любые лозунги и воззвания, выдвинутые по этому вопросу коммунистическими элементами, являются недопустимой узурпацией, с которой общественное мнение и польская политика борется и будет бороться». Правомерность такой постановки вопроса не может вызывать сомнений. Но просоветская ППР встала на путь конфронтации и разжигания гражданской войны. А это альфа и омега ленинизма.

11 сентября 1942 г. Генеральный секретарь ЦК ППР М. Новотко послал телеграмму Димитрову по вопросу антисоветской кампании, проводимой реакционными политическими организациями в Польше: «Все их газеты выступают с требованием границы 1939 г... Откровенно пишется о Советском Союзе, как о враге № 2... – писал Новотко. – Нас называют агентами Советов (а это так и было. – Ю.Д.) за развертывание партизанской борьбы. Польско-советский договор оценивается, даже в официальной печати сикорщиков, как преследующий главную цель – это освобождение польских граждан, находящихся в советских лагерях. Из всех партий только наша выступает за борьбу с оккупантами и организует эту борьбу...»⁴⁶ Тем самым польские коммунисты

* Гвардия Людова 1 января 1944 г. реорганизована в Армию Людову (АЛ).

** Армия Крайова в 1942–1943 гг. насчитывала от 250 до 350 тыс. человек. Она была сформирована на территории Польши (подпольно) эмигрантским правительством Польши. См. Русский архив 14.3(1). С. 14.

встали на путь противоборства с законным польским эмигрантским правительством и его Армией Крайовой на территории оккупированной Польши. Разумеется, эти действия ППР инспирировались Коминтерном, находившимся на содержании и в полной зависимости от сталинского руководства. Цель этих акций заключалась в том, чтобы подготовить почву для узурпации власти про-сталинскими авантюристическими коммунистическими элементами на территории Польши.

Сталинское руководство всемерно поддерживало ППР и тормозило формирование польской армии на территории СССР под командованием генерала Андерса. Так, с 20 мая 1942 г. на довольствие польских частей было дополнительно зачислено 1149 человек, при этом пригодных к военной службе из этого числа было только 28 человек, а остальные – женщины, старики и дети. В. Андерс был предупрежден, что все самовольнодвигающиеся в места дислокации польских частей граждане Польши будут арестовываться, докладывал Берия Сталину⁴⁷.

Между тем продолжался процесс эвакуации польской армии из СССР. В начале июля 1942 г. советское правительство согласилось на вывод польской армии в Иран в количестве 70 тыс. человек⁴⁸. И так, если в начале апреля 1942 г. СССР покинуло около 30 тыс. польских военнослужащих, то спустя три с небольшим месяца их примеру последовали остальные 44 тысячи – в Иран, Сирию, Палестину, Северную Африку⁴⁹. Эвакуация поляков из СССР закончилась 1 сентября 1942 г. Всего прибыло в Пехлеви 69 917 человек, из них военных – 41 103 и штатских – 28 814 человек⁵⁰. Всего из СССР выехало около 80 тыс. военнослужащих и более 37 тыс. членов их семей, 12 тыс. польских военнослужащих, в том числе моряки, летчики, танкисты были направлены в Англию. Несколько офицеров во главе с полковником Берлингом отказались выехать и остались в СССР⁵¹. «Либо я спасаю гражданское население, либо оставляю людей на произвол судьбы, – писал В. Андерс. – Если даже в Иране часть их умрет, то здесь все до одного обречены на гибель»⁵².

По мере успехов Красной Армии на фронтах позиция сталинского руководства ужесточалась по всем направлениям. Сталин увидел и реальные шансы узурпировать власть в Польше штыками своей армии при поддержке рептильной ППР. Группа прокоммунистических деятелей Польши в СССР, называвшихся патриотами, объединившихся вокруг журнала «Нове Виднокренги» («Новые горизонты»), в письме от 4 января 1943 г. (выделено мной. – Ю.Д.) в адрес Молотова и подписанном В. Василевской и А. Лямпе, выступила с предложением о создании Союза польских патриотов в СССР.

В середине февраля 1943 г. (выделено мной. – Ю.Д.) руководители группы во главе с В. Василевской были приняты в Кремле, и после консультации был создан Организационный комитет СПП.

С 1 марта 1943 г. стал выходить орган СПП – еженедельник «Вольна Польска». Между тем В. Василевская 16 октября 1943 г. заявила, что «Союз польских патриотов начал создаваться в момент разрыва отношений между Советским правительством и эмигрантским правительством в Лондоне»⁵³. Но это уже прямая ложь, и вот почему. Большинство польских офицеров, попавших в плен в сентябре 1939 г., были вывезены в СССР и размещены в трех лагерях: в Козельске (на востоке от Смоленска), в Старобельске (недалеко от Харькова), в Осташкове (под Калинин). Из 15 000 пленных офицеров (после подписания польско-советского договора от 30 июля 1941 г.) нашлось только 400 человек, вывезенных в Грязовец. Только весной 1943 г. открылась страшная тайна. 15 000 офицеров были расстреляны в Катыни. Польское эмигрантское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой об экспертизе. Это был неразумный шаг, спровоцировавший Сталина. Не дожидаясь экспертизы, советская сторона, обвинив эмигрантское правительство в поддержке фашистской пропаганды, 25 апреля 1943 г. разорвала с ним дипломатические отношения⁵⁴, взвалив ответственность за расстрел польских офицеров на немцев⁵⁵.

Польское эмигрантское правительство подверглось бешеной травле карманной печати. 19 апреля газета «Правда» опубликовала редакционную статью «Польские сотрудники Гитлера». В газете «Известия» 27 апреля была помещена редакционная статья «Ответ СССР польским пособникам Гитлера», а 28 апреля – статья В. Василевской «Польские патриоты – против генерала Сикорского». 28 апреля «Правда» снова публикует редакционную статью «Против польских сообщников Гитлера», а 29 апреля – статью Л. Вольского «Польская реакция на службе Гитлера»; обзорная статья «Вольна Польска» от 30 апреля клеймила гитлеровских сообщников. Представление интересов польского эмигрантского правительства в Москве взяло на себя правительство Австралии⁵⁶.

А теперь напомним, что В. Василевская и А. Лямпе выступили с предложением о создании Союза польских патриотов не в момент разрыва отношений с польским эмигрантским правительством, а еще 4 января 1943 г. Напомню также, что Оргкомитет СПП был создан в середине февраля 1943 г., когда о разрыве дипотношений еще и не шло речи. Необдуманный, спонтанный, неуклюжий, но не случайный шаг польского правительства, направленный против воюющей великой державы, был вызван традиционным высокомерным чувством неприязни к России, а эмоции и политика несовместимы.

28 апреля 1943 г. председатель СПП В. Василевская в письме Сталину предложила создать в СССР польскую воинскую часть: «Создание польской воинской части возможно путем мобилизации поляков – советских граждан как из Польши, так и из западных областей СССР, а также путем перевода поляков, мобилизованных в строй и трудколонны... Считаю, что в этой польской военной части необходима будет крепкая политическая работа*, которую может провести Союз польских патриотов»,⁵⁷ – писала В. Василевская**. А уже 6 мая 1943 г. ГКО постановил сформировать на территории СССР польские части⁵⁸. «Это был уже пролог к установлению в Польше в будущем просоветского режима и иного социально-политического устройства», – справедливо пишет российский историк А.Н. Сахаров⁵⁹. 9 мая 1943 г. газета «Известия» сообщила, что СНК СССР «удовлетворил ходатайство «Союза польских патриотов в СССР» о формировании на территории СССР Польской дивизии имени Тадеуша Костюшко для совместной с Красной Армией борьбы против немецких захватчиков. Формирование польской дивизии уже начато».

Почему советское правительство саботировало формирование армии Андерса, но спешно приступило к формированию дивизии имени Костюшко, изыскав средства, спустя почти два года изнурительной войны? Дело в том, что правящая клика СССР рассматривала и польское эмигрантское правительство, генералитет и офицерский состав армии Андерса как классово чуждые, враждебные элементы, а новая дивизия формировалась под бдительным надзором ЦК и НКВД, при поддержке верноподданного СПП. Наряду с этим, новые польские формирования, полностью зависевшие от Сталина и его камарильи, рассматривались как политическая и военная опора захвата власти в перспективе освобождения территории Польши от германских войск. Об этом 16 октября 1943 г. откровенно заявила В. Василевская на VI пленарном заседании Всеславянского комитета о деятельности Союза: «В настоящий момент, конечно, для нас самое главное – это наша вооруженная борьба. Мы глубоко верим, что скоро настанет время, когда на польской земле соединятся с народной польской гвардией польские войска, идущие из СССР, и тогда мы сможем

* Это пресловутая большевистская тенденция по политизации, т.е. оболванивания армии в духе марксизма-ленинизма, с его вредоносными догмами классовой борьбы, диктатуры пролетариата и строительства социализма во всем мире.

** В 1940–1941 гг. в СССР около 100 тыс. поляков по национальности из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литовской ССР было мобилизовано в Красную Армию. (См. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 365.)

сказать, что Союз польских патриотов выполнил свою задачу»⁶⁰. То есть речь шла о захвате власти коммунистами с помощью новых польских формирований и предстать польским коммунистам перед польским народом его освободителями от фашистских оккупантов и «засилья» своих эксплуататоров. Ведь в этом выступлении Василевской армия Андерса представлена в постыдной роли, а об Армии Крайовой не было и речи. Эти формирования для коммунистов являлись классовыми врагами и опасными соперниками в борьбе за власть. Будущие жертвы этой преступной политики в расчет не принимались. Коммунисты со времен Ленина никогда не считались с человеческими жизнями во имя химерических идеалов социализма и коммунизма.

По инициативе секретариата ИККИ в июне 1943 г. в Польшу была заброшена очередная особая группа (15 человек) для организации связи с Москвой и создания, на случай провала, резервных пунктов в Польше из польских коммунистов, окончивших партшколу в СССР. Утвержденной Димитровым группе поручили активизацию партизанского движения и партработы в Польше⁶¹. Эти авантюристические замыслы были смертельно опасны для мирных жителей Польши перед лицом профессиональных, до зубов вооруженных оккупантов. Союз польских патриотов играл в судьбах польского народа провокаторскую роль. Так, 10 июня 1943 г. была оглашена «Программно-политическая декларация Союза польских патриотов в СССР», в которой, в частности, говорилось: «Вместо верности лозунгу, провозглашающему, что гитлеровская Германия является смертельным врагом польского народа, что никакой компромисс с гитлеровской Германией невозможен, правительство ген[ерала] Сикорского пошло на приманку гитлеровской провокации по поводу Катынского леса, ломая ряды антигитлеровского фронта демократических народов, пошло на поводу у Гитлера... Союз польских патриотов в СССР борется за демократическую Польшу, в которой интересы народа не будут подчинены интересам привилегированных слоев, в которой будет осуществлено подлинное народовластие»⁶².

В этом документе бросается в глаза жонглирование терминами «демократия», а также «народовластие». Следовательно, едва ли не самый свирепый сатрап в истории человечества – Сталин являлся поборником демократии, а его карманный СПП стремился установить подобный режим в Польше. Подмена понятий здесь налицо.

10 июня 1943 г. президиум съезда СПП направил верноподданническое письмо Сталину, а 17 июня рассыпались в благодарностях Сталину от всего личного состава дивизии им. Костюшко полковник З. Берлинг и другие его подчиненные⁶³. Берлинг быст-

ро усвоил большевистский метод заявлять «от имени и по поручению», не спрашивая тех, от чьего имени он выступает.

15 декабря 1943 г. в Варшаве был принят «Манифест демократических, общественно-политических и военных организаций в Польше», выступивших «с инициативой создания Крайовой Рады Народовой, как фактического политического представительства польского народа, уполномоченного выступать от имени народа и руководить его судьбами до момента освобождения Польши от оккупации»⁶⁴ (выделено мною. – Ю.Д.). Провозглашались отчуждение без компенсаций помещичьей земли, национализация крупной промышленности, банков и транспорта. «Крайова Рада Народова создаст из лучших солдат польского подполья главное командование Армии Людовой, которое будет руководить вооруженной борьбой народа, объединит в своих рядах всех солдат, сражающихся за свободу и независимость Отчизны... Крайова Рада Народова создаст в соответствующий момент Временное правительство, в состав которого войдут представители всех группировок, стоящих на демократических позициях, – говорилось в документе. – Временное правительство будет осуществлять власть до момента создания Законодательного собрания, избранного путем демократических выборов. Задачей Законодательного собрания будет принятие конституции и основ государственного строя Польши»⁶⁵. Вот пример плана большевистской узурпации власти под эгидой такого прожженного «демократа», как Сталин. Вот основа развязывания классовой гражданской войны на многострадальной земле Польши. При этом «темные силы» демагогически предупреждались против развязывания гражданской войны⁶⁶. Это верх цинизма и лицемерия, свойственный большевизму в принципе и Сталину, как носителю этих качеств, в частности.

1 января 1944 г. в Варшаве была создана Крайова Рада Народова (КРН), как марионеточное образование СССР. Она взяла на себя функции создания просоветской Армии Людовой (АЛ) и отказала лондонскому эмигрантскому правительству выступить от имени польского народа⁶⁷. В январе 1944 г. было создано Центральное Бюро польских коммунистов в СССР. Оно являлось руководящим и координирующим центром польских коммунистов, идеологической и политической основой союза польских патриотов в СССР. Возглавил Бюро А. Завадский. Бюро считалось заграничной организацией ППР и выполняло роль посредника между ЦК ППР и ЦК ВКП(б). Оно существовало до момента создания Польского комитета национального освобождения (ПКНО), после чего было преобразовано в представительство ЦК ППР в Москве⁶⁸. В результате переговоров в Москве между КРН (созданной по инициативе ППР) и Советским правительством, СССР

признал КРН в качестве представителя польского народа и выразил готовность установить официальные отношения с исполнительным органом КРН, как только будет образован.

18 января 1944 г. В. Василевская направила Молотову докладную записку по поводу создания штаба партизанского движения Польши (19 января копию этой записки Молотов направил Г. Димитрову)*. В записке говорилось: «... Польский партизанский штаб работает строго конспиративно и должен иметь следующие отделы: оперативный, информационный, кадров, связи, политический, снабжения и шифров.

Польский партизанский штаб будет контролироваться польским партийным руководством с момента создания этого руководства (выделено мной. – Ю.Д.). Польский партизанский штаб будет связан с Польским Национальным Комитетом после его создания через отдел Внутренних дел (выделено мной. – Ю.Д.).

...Польский партизанский штаб в операционном** отношении подлежит*** Главному советскому партизанскому штабу.

В нашем распоряжении находится сейчас учебный батальон, числящийся 930 человек, но его состав требует тщательного отбора и ускоренной учебы. Чтобы иметь возможность немедленно приступить к работе, прошу:

1. Разрешения на создание польского партизанского штаба... Для укомплектования польского партизанского штаба просим прикрепить советского штабного офицера как руководителя, а также офицеров польского происхождения, действующих сегодня в рядах советских партизанских отрядов, ...утверждение добавочных штатов отдела Внутренних дел, действующих временно при Союзе польских патриотов, до создания польского национального комитета»⁶⁹.

18 февраля последовала Докладная записка Молотову заместителя секретаря Центрального бюро коммунистов Польши о мерах по оказанию помощи польскому партизанскому движению⁷⁰. 19 марта 1944 г. представители польских коммунистов направили Димитрову письмо по вопросу о создании штаба партизанского движения Польши. Они писали: «...наиболее целесообразным является создание польского партизанского штаба в Москве, непосредственно подчинив его Генеральному штабу, а формально Союзу польских патриотов...»⁷¹

* Г. Димитров, являвшийся Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, после формального роспуска в июле 1943 г. возглавлял созданный ЦК ВКП(б) Отдел международной информации, который поддерживал связи с зарубежными компартиями.

** Так в тексте.

*** Так в тексте.

В апреле 1944 г. был создан польский партизанский штаб для помощи Армии Людовой и координации ее действий с наступающей Красной Армией и идущей с ней I-й Польской Армией в момент освобождения Польши. Штаб действовал при Военном совете I-й Польской армии. Возглавлял его генерал Завадский, затем полковник С. Притыцкий. Кадры штаба составляли военнослужащие польских частей, бойцы польских партизанских отрядов, военные специалисты, откомандированные из Красной Армии. После освобождения правобережной части Польши (р. Западный Буг) в августе 1944 г. штаб был переформирован и включен в состав Войска Польского⁷².

15 июля 1944 г. уполномоченный КРН Э. Осубка-Моравский и председатель Главного правления СПП в СССР В. Василевская направили письмо Сталину о необходимости создания Временного польского правительства, чтобы лишить враждебные элементы возможности «для представления прихода Красной Армии как начала русской оккупации» и т.д.⁷³. Правительство СССР дало согласие на проведение курсов активистов-организаторов СПП под Москвой в августе–сентябре на 150 человек. Для этой цели были даны указания о вызове сотрудников и деятелей СПП в Москву, а также активистов для работы в партийных группах при СПП⁷⁴. На совместном заседании Президиума Главного правления СПП в СССР и делегации КРН 18 июля 1944 г. в Москве было решено образовать Делегатуру КРН (для освобожденных районов Польши) в тот момент, когда советские войска вступили на польскую землю⁷⁵.

После трагической гибели генерала Сикорского (4 июля 1943 г.) над Гибралтаром, почти все высшие военные должности заняли представители санации. Премьер-министра Сикорского заменил Ст. Миколайчик. Президент Рачкевич назначил главнокомандующим польских вооруженных сил генерала Соснковского. Новым главнокомандующим АК стал Тадеуш Коморовский («Бур») ⁷⁶.

С другой стороны, активное воздействие СССР на внутренние дела Польши, с целью превращения ее в прообраз советской системы, началось уже с января 1944 г., когда одной из важнейших задач, вставших перед ЦК ВКП(б) в польском вопросе, было обеспечение руководящей роли ППР в Польше. По мере освобождения польской территории от немецких войск большинство административных должностей занимали члены ППР. Руководство органами общественной безопасности переходило в руки ППР. На основе закона КРН от 21 июля 1944 г. было создано первое правительство «трудящихся масс» – Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО). КРН являлась верховным законодательным органом Польши. Председатель ее исполнял обязанности президента государства и верховного главнокомандующего вооруженными си-

лами⁷⁷. Советское правительство заключило с ПКНО договор о передаче польской администрации управления освобожденной от германской оккупации территории. Таким образом, прокоммунистический ПКНО вошел в Польшу на советских штыках.

Итак, КРН (председатель Б. Берут) выступала как подпольный парламент, а ПКНО – «законный» временный орган исполнительной власти. В связи с этим НКВД СССР заявил правительству Австралии ноту о невозможности сохранять за ним право защиты интересов Польши в связи с образованием ПКНО⁷⁸. Между тем (по данным на август 1944 г.) более чем 300 тыс. поляков-эмигрантов находилось на территории СССР, главным образом, репатриированных в 1939 г. Семьи военных находились на Украине, рабочие – на Урале, крестьяне – в северных и ряде других областей⁷⁹. Ситуация обострялась по нарастающей. 5 января польское эмигрантское правительство в своем заявлении отказалось признать решения, навязанные силой, рекомендовало продолжать сопротивление против немецких оккупантов, а также рекомендовало уклоняться от конфликтов с советскими войсками, вступившими в Польшу, и налаживать сотрудничество с советским командованием в случае возобновления советско-польских отношений.

Текст заявления эмигрантского правительства одобрили министр иностранных дел Великобритании А. Иден и заместитель госсекретаря США О. Серджент⁸⁰. Но сталинское руководство, преследуя свои цели и фактически создав двоевластие в Польше, шло напролом, не считаясь с интересами польского народа. Это грозило перерасти в братоубийственное противоборство, что и произошло. С другой стороны, эмигрантское правительство напрасно упорствовало в непризнании линии Керзона*, несмотря на

* В сентябре 1922 г. в Париже соответствующие переговоры вела делегация польского Генштаба во главе с В. Сикорским. Одним из аспектов этих переговоров был вопрос о польских восточных границах. И хотя был уже подписан Рижский мир между Польшей, РСФСР и УССР, на картах французского Генштаба восточная польская граница проходила по линии Керзона, выработанной Парижской мирной конференцией. См.: *Парсаданова В.С.* Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 53. 15 марта 1923 г. Парижское совещание послов стран Антанты, учтя, что Польша согласилась на автономию для Восточной Галиции, и то, что она вступила в непосредственные отношения с СССР, решило «признать в качестве границы Польши с Россией линию, проведенную и застолбленную по соглашению между обоими государствами и под их ответственность к 23 ноября 1922 г., с Литвой – линию фактической границы. См. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. 1965. Т. III. С. 187.

Через несколько дней заявление о признании польских восточных границ сделало правительство США. Но гарантий относительно своих границ Польша и тогда не добилась. См. *Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 54.

решения Тегеранской конференции великих держав и позиции А. Идена и его сотрудников, которые уговаривали премьер-министра С. Миколайчика, министра иностранных дел Т. Ромера и посла Э. Рачиньского согласиться на линию Керзона⁸¹. Они не приняли во внимание и позицию Черчилля по вопросу о границах⁸² и дали Сталину в руки козырь в раздувании конфликта*.

Характеризуя процесс обсуждения вопроса о границах СССР и Польши на Тегеранской конференции, ее участник А. Гарриман (тогдашний посол США в Москве) писал: «Президент объяснил, что он попросил Сталина, чтобы тот навестил его для откровенного обсуждения американской внутривнутриполитической жизни. Он не хотел выдвигать свою кандидатуру в президенты в 1944 году, но если война будет продолжаться, – это будет необходимо. Он добавил, что в США от шести до семи миллионов польско-американских избирателей, и он не хочет терять их голоса. По этой причине, хотя он согласен с взглядами Сталина о том, что необходимо отодвинуть польскую границу с Советским Союзом на запад, а границу с Германией также на запад, вплоть до реки Одер, он не может “публично принять участие в такой договоренности в настоящее время”, даже следующей зимой. Сталин ответил, что теперь он понимает позицию Президента»⁸³.

11 февраля 1944 г. Ф. Рузвельт в послании Сталину о взаимоотношениях между советским и польским эмигрантским правительством писал: «Премьер-министр Черчилль сообщил мне, что он пытается убедить польского Премьер-министра совершенно определенно признать в качестве базы для переговоров территориальные изменения, которые были предложены Вашим Правительством**.

* У. Черчилль в своих воспоминаниях записал следующую формулировку, согласованную в Тегеране 1 декабря 1943 г.: «В принципе было принято, что очаж польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах». См. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сб. док. М., 1971. Изд. 3. С. 96.

** 6 февраля 1944 г. состоялась очередная встреча Черчилля с участием А. Идена, а также английского посла при польском правительстве О'Малея – с С. Миколайчиком, Т. Ромером и Э. Рачиньским. Черчилль добивался от Миколайчика согласия на линию Керзона, а также реорганизации кабинета путем удаления политиков, наиболее причастных к антисоветской кампании. Черчилль угрожал, что в противном случае возникнет перспектива создания в Польше правительства на Базе КРН из «просоветских элементов, находящихся в стране». См. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. С. 42.

Нельзя ли на этой базе найти ответ на вопрос о составе Польского Правительства, который представил бы возможность самому польскому Премьер-министру произвести такие изменения в составе своего Правительства, которые могли бы быть необходимы, без каких-либо признаков давления или того, что это было продиктовано другой страной?»⁸⁴. На это Сталин ответил, что «коренное улучшение состава Польского Правительства является назревшей задачей»⁸⁵. Однако Черчилль в послании Сталину от 20 февраля писал: «Что касается состава Польского правительства, ... я придерживаюсь того мнения, что ...было бы целесообразно подождать до освобождения Варшавы, когда такая реорганизация Польского Правительства оказалась бы естественным следствием обстоятельств, вытекающих из этого славного события»⁸⁶.

12 февраля 1944 г. О'Малей вручил на одобрение С. Миколайчика проект телеграммы Черчилля Сталину по вопросу урегулирования польской проблемы, а именно: выход отрядов АК из подполья и их сотрудничество с советскими войсками, согласие на линию Керзона, устранение из кабинета министров В. Кугеля и С. Кота, а также генерала К. Соснковского с поста главнокомандующего. Взамен полякам гарантировалась независимость, включение в состав Польши Гданьска, Верхней Силезии, Восточной Пруссии без Кенигсберга, а также территории до линии Одры и т.д. Но эмигрантское правительство отвергло эти предложения, приняв 15 февраля 1944 г. две резолюции. В первой, соглашаясь в принципе на обсуждение вопроса об изменении границы, установленной Рижским договором, эмигрантское правительство отвергло линию Керзона. Вторая резолюция отвергла предложения о персональных изменениях в правительстве⁸⁷.

16 февраля Черчилль имел бурную беседу с представителями польского эмигрантского правительства (С. Миколайчиком, Т. Ромером, Э. Ромером, Э. Рачиньским), которые вручили ему резолюции, отвергающие как линию Керзона, так и устранение антисоветски настроенных министров. Настаивая на необходимости достижения соглашения с Советским Союзом, ему не удалось убедить своих собеседников⁸⁸. А ведь Черчилля трудно заподозрить в просоветских симпатиях. Но это был тонкий политик, учитывавший реальную ситуацию на каждый данный момент. Польские же деятели шли на поводу эмоций. Этот конфликт свидетельствует о том, как безнравственно и опасно захватывать чужие земли. Это относится не только к Польше, которая в 1939 г. пожалала горькие плоды аннексии в 1920 г. советских территорий.

22 февраля 1944 г. Черчилль заявил в палате общин о позиции Англии в вопросе о польских границах: «Правительство его Величества никогда не представляло Польше гарантий какой-либо

пограничной линии. Мы не одобряем захвата Вильно Польшей в 1920 г. Английская позиция нашла свое выражение в так называемой линии Керзона, которая хотя бы частично пыталась разрешить проблему»⁸⁹.

Намерения Гитлера и его клики касаются Катинской трагедии были направлены на развал коалиции, но сбылись лишь частично. Немцам удалось поссорить лишь правительства СССР и Польши. Руководители Англии и США, зная, что это преступление совершил сталинский режим, не пошли на разрыв союзнических отношений (руководствуясь высшими соображениями), ибо этот шаг таил в себе угрозу поражения. В тех условиях то был естественный шаг. Польское же правительство не было обременено грузом мудрости. Верх взяли амбиции.

Все это лишь усилило позиции Сталина, ибо эмигрантское правительство окончательно противопоставило себя большой тройке. Между тем Черчилль стал колебаться и 21 марта 1944 г. в послании Сталину заявил о том, «что все вопросы о территориальных изменениях должны быть отложены до перемирия или до мирной конференции держав-победительниц, и что тем временем мы не можем признавать никаких передач территории, произведенных силой»⁹⁰. На это Сталин ответил позицией трех держав на конференции в Тегеране о правомерности линии Керзона. «Позицию Советского правительства в этом вопросе Вы считали тогда совершенно правильной, а представителей эмигрантского польского правительства Вы называли сумасшедшими, если они откажутся принять линию Керзона. Теперь же Вы отстаиваете нечто прямо противоположное... мы продолжаем стоять на тегеранской позиции и не думаем от нее отходить, ибо считаем, что осуществление линии Керзона является не проявлением политики силы, а проявлением политики восстановления законных прав Советского Союза на те земли, которые даже Керзон и Верховный Совет союзных держав в 1919 году признали не польскими... Я понимаю это так, что Вы представляете Советский Союз как враждебную Польше силу и по сути дела отрицаете освободительный характер Советского Союза против германской агрессии»⁹¹.

Черчилль попал в ловушку. Конечно, Советский Союз являлся, несомненно, освободителем Польши от германской агрессии, но также несомненно готовился советизировать Польшу. И действия КРН говорили сами за себя. Она опиралась на Красную Армию и на регулярные польские части, формирование которых началось в мае 1943 г. по инициативе СПП, при поддержке и помощи советского правительства. Первой, как известно, была создана дивизия им. Костюшко. 10 августа 1943 г. правительство СССР согласилось на формирование I Польского корпуса, а 16 марта

1944 г. – 1-й Польской армии в СССР. К июлю 1944 г. она насчитывала уже 100 тыс. человек. После вступления на территорию Польши* она законом КРН от 21 июля 1944 г. была объединена с Армией Людовой в единое Войско Польское**. Весной 1945 г. в боях участвовало 150 тыс. человек. Всего же в Войске Польском насчитывалось около 450 тыс. человек⁹². С мая 1943 г. до конца войны в ряды Польской Армии в СССР, а затем Войска Польского было откомандировано около 19 тыс. советских офицеров (тысяча из них погибла) и более 13 тыс. младших командиров и рядовых – специалистов технических войск⁹³.

В отчете (от 10 октября 1944 г.) штаба партизанского движения Польши за период с мая по сентябрь 1944 г. говорилось, что крупные партизанские отряды генералов Ковпака, Вершигоры, Федорова и Сабурова проникали в глубь территории Польши и этим давали пример партизанской борьбы польскому народу. Партизанские штабы Украины и Белоруссии организовывали польские партизанские (диверсионные. – Ю.Д.) отряды и направляли их в глубь территории Польши, связь с АЛ отсутствовала, и штаб бросал вслепую организаторские группы на территорию Польши⁹⁴. За то, что это были диверсионные группы, говорят факты. «Выброшенной в конце июня 1944 г. в район лесов Люблина группе Клима в количестве 93 человека была поставлена задача создать партизанские базы в районе Парчева... Группе Макса в количестве 70 человек, выброшенной в районе Ракув, в начале июня 1944 г. была поставлена задача создать партизанскую базу в районе Опочино–Радом–Кельце западнее р. Висла. Задача выполнена». В результате за отчетный период для обеспечения роста партизанского движения было выброшено 12 групп общей численностью 296 человек⁹⁵.

«В отличие от других партизанских штабов, где политработой занимались партийные органы, в польском штабе для этой цели был создан политотдел», – говорилось в Отчете штаба партизанского движения Польши за период с мая по сентябрь 1944 г. За отчетный период для политработы в тыл врага выброшено 35 офицеров в качестве заместителей командиров групп, отрядов и бригад. В каждой выбрасывавшейся в тыл врага группе, как и в каждом действовавшем на оккупированной территории отряде, брига-

* В период с 17 по 20 июля 1944 г. войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на разных участках вступили на территорию Польши. 20 июля в Польшу вошли польские артиллеристы, а 23 июля – главные силы 1-й армии Войска Польского. 24 июля войска 1-го Белорусского фронта вошли в Люблин. См. Русский Архив... 14.3(1) М., 1994. С. 198.

** На первом заседании КРН главнокомандующим АЛ назначен генерал Михаил Жимерский («Роля»).

де, были специальные офицеры – заместители командира по разведке⁹⁶. (Это НКВД. – Ю.Д.) Далее в отчете пишется: «За май–сентябрь 1944 г. польский штаб партизанского движения под непосредственным руководством ЦК ВКП(б) и Ставки Верховного главнокомандования смог не только организовать и установить связь с отрядами, действовавшими в тылу врага, но подготовить и выбросить в тыл противника ряд новых организаторских групп, установить связь с отрядами Армии Людовой и оказать им большую материально-техническую помощь... Коллектив штаба, укомплектованный по особому подбору ЦК ВКП(б)...»⁹⁷

Между тем 5 мая 1944 г. главнокомандующий вооруженными силами Польши (лондонского правительства) дал указания по вопросу военного сотрудничества с СССР: «Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что не имея достаточных сил [для борьбы] на два фронта, должны мы соединиться с одним врагом для победы над вторым. Но имеются условия, при которых мы можем быть в союзе с Россией для уничтожения врага № 1 – немцев. Это есть неизбежность наших границ и нашего строя. Если условия будут соблюдены, может создаться атмосфера военного сотрудничества... Тогда, когда Советы под влиянием отношений с союзными народами и под влиянием англосаксов откажутся от своих империалистических стремлений, возможно, придет время военного сотрудничества на основе “равного с равным”».

Резюмируя, можно сказать, что при определенных условиях мы готовы к сотрудничеству с Россией в военных действиях, но отмежевываемся от нее политически. Ни совместный враг, ни совместный союзник не могут преодолеть существующей идеологической разницы, вековой разницы политического мировоззрения, которая приняла ярко выраженную форму во время войны в политике Советов как в период 1941 г., так и после 1943 г. (срыв отношений).

Такое отношение создает темы для нашей прессы.

Мы можем и должны бороться с идеологией мировой революции, клеймить империализм, завуалированный тогой панславянизма, разоблачать фактические стремления объявленных классовых реформ, вскрывать разногласия между высказываемыми причинами лояльности в отношении союзников с повседневной практикой и т. д. Но все же нельзя снижать военного напряжения в борьбе с немцами. Нельзя нам подзадоривать союзников против советско-политических методов, нельзя явно высказывать надежду на вооруженный конфликт между Советами и союзно-англосаксами под конец розыгрыша войны в Европе. В каждом выступлении против советской политики опираться

только на жизненные факты их проявлений и трезвые оценки, регистрацию тех фактов без нервирования и противоречий, что укрепляет наше положение и дает образ политической зрелости». Проект датирован 5 мая 1944 г. и издан в Варшаве⁹⁸.

Политические деятели эмиграции стремились к освобождению страны от германской оккупации, угрожавшей существованию Польши. Но для этого у них не было ни сил, ни политической мудрости, ни возможностей, ряд из которых они упустили сами. Они страстно хотели возрождения польского государства. «Однако вскоре все более явной стала их дилемма: борьба за освобождение была возможна только с помощью Советского Союза, а Москва имела свои представления относительно послевоенной судьбы своего западного соседа», – писал Х.А. Якобсен⁹⁹. Польский историк Я. Техановский осуждает позицию польского эмигрантского правительства, считавшего, что Польша выиграет только тогда, когда Россия и Германия «взаимно ослабят друг друга»¹⁰⁰.

Исходя из советско-польских договоренностей 1941 года, отметим, что польские части на территории СССР рассматривались советскими правящими кругами как классово чуждые, и они стремились к внесению раскола в ряды и немало преуспели в этом. Непреклонное условие Сикорского спасло польскую военную элиту от распыления по флотам и эскадрильям, а главное – вырвало ее из цепких и свирепых рук советского тоталитаризма. Были спасены десятки тысяч польских военных и гражданских лиц. Однако эмигрантское правительство занимало отнюдь не конструктивную позицию, проявив близорукость как по вопросу о взаимоотношениях с СССР, так и по вопросам границ. Именно оно привело к разрыву дипломатических отношений с СССР, сыграв на руку Гитлеру. Политические деятели эмиграции ненавидели врага № 2 и лелеяли надежду на вооруженный конфликт между СССР и союзниками (о чем мечтал и Гитлер), что было безнравственно, аморально, бесчеловечно, а главное – нереально. Политики обязаны просчитывать последствия предпринимаемых ими шагов. Но польские деятели не озаботились этим элементарным положением.

Никогда не следует отождествлять Россию, ее народ с властями, ею управляющими. При этом каждый политик должен знать, что с соседом, да еще великим, следует обращаться корректно. Враждебность эмигрантского правительства, сыграв на руку Гитлеру и развязав руки Сталину, больно ударила, прежде всего, по польским людям, оставшимися беззащитными в руках правящей в СССР клики. Сталин в вопросе создания польских формирований в СССР навсегда отказался от контактов с польским эмигрантским правительством, загнавшим себя в тупик, и окончательно

но сделал ставку на круги польских военных, ориентирующихся на СССР. А кто не хотел этого, были бессильны противостоять.

Вина советского руководства в нагнетании взаимной напряженности несомненна. С другой стороны, в этом повинны и правящие круги Польши, вооруженные традиционной ненавистью к России. В 1941–1945 гг. народы двух стран объединились в своеобразный, уродливый союз в составе антигитлеровской коалиции. Но поскольку этот союз был вынужденным, а потому и противоречивым, то увеличил цену победы в войне как советскому, так и польскому народу.

На штыках Красной Армии (с опорой на польских коммунистов) Сталин принес в Польшу коммунистический режим, от которого страдал и русский народ, и другие народы Европы и Азии.

- ¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 208, 217. (Далее: Документы и материалы.)
- ² *Андерс Владислав*. Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 12. С. 246.
- ³ См. Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60–62.
- ⁴ Документы и материалы. Т. VII. С. 206–207.
- ⁵ См. Русский архив. 14.3.(1). М., 1994. С. 16 (Далее: Русский архив).
- ⁶ Документы и материалы. Т. VII. С. 217–218.
- ⁷ Там же. С. 203–204.
- ⁸ См. Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) В.В. Марьина // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 25.
- ⁹ *Андерс Владислав*. Указ. соч. 1990. № 11. С. 250–251, 253.
- ¹⁰ *Генерал армии С.М. Штеменко*. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1974. С. 46.
- ¹¹ *Андерс Владислав*. Указ. соч. С. 254.
- ¹² Там же. С. 208.
- ¹³ Там же. С. 223.
- ¹⁴ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 65–67.
- ¹⁵ *Андерс Владислав*. Указ. соч. С. 234.
- ¹⁶ Там же. С. 233.
- ¹⁷ Там же. С. 229.
- ¹⁸ См. Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 68, 73–83.
- ¹⁹ Там же. С. 80.
- ²⁰ См. Русский архив. С. 16.
- ²¹ Документы и материалы. Т. VII. С. 238–241.
- ²² Там же. С. 242–243.
- ²³ Там же. С. 245.
- ²⁴ Там же. С. 246.
- ²⁵ Там же. С. 247.
- ²⁶ *Мадайтчик Ч.* Катынская драма. В кн.: Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 39.
- ²⁷ См. *Kot. St. Listy z Bosj do generala Sikorskiego*. L., 1995. Str. 107.
- ²⁸ Документы и материалы. Т. VII. С. 263.

- ²⁹ Там же. С. 272–273.
- ³⁰ *Генерал армии С.М. Штеменко*. Указ. соч. С. 47–48.
- ³¹ См. Новая и новейшая история. 1993. № 2. С.73–74.
- ³² Там же. С. 75–76.
- ³³ Документы и материалы. Т. VII. С. 280–281.
- ³⁴ Там же. С. 287.
- ³⁵ Там же. С. 288.
- ³⁶ *Андерс Владислав*. Указ. соч. 1990. № 11. С. 233–234.
- ³⁷ См. Русский архив. С. 18.
- ³⁸ Документы и материалы. Т. VII. С. 298–300.
- ³⁹ Там же. С. 333.
- ⁴⁰ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 87.
- ⁴¹ Русский архив. С. 92–93.
- ⁴² См. Русский архив. С. 129. В конце 1942 г. (ввиду якобы убийства летом Новотко гестаповцами, а Малоец казнен) во главе руководства стал Финдер. См. Там же.
- ⁴³ См. Документы и материалы. Т. VII. С. 307.
- ⁴⁴ Новая и новейшая история. 1964. № 5. С. 113.
- ⁴⁵ Документы и материалы. Т. VII. С. 324.
- ⁴⁶ Новая и новейшая история. 1964. № 5. С. 116.
- ⁴⁷ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 87–88.
- ⁴⁸ *Андерс Владислав*. Указ. соч. 1990. № 12. С. 240, 242.
- ⁴⁹ Документы и материалы. Т. VII. С. 333.
- ⁵⁰ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 90.
- ⁵¹ *Парсаданова В.С.* Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 190.
- ⁵² *Андерс Владислав*. Указ. соч. 1990. № 12. С. 240.
- ⁵³ Документы и материалы. Т. VII. С. 361, 362, 426.
- ⁵⁴ Русский архив. С. 20.
- ⁵⁵ Известия. 16 апреля 1943 г.
- ⁵⁶ Документы и материалы. Т. VII. С. 378.
- ⁵⁷ Там же. С. 364.
- ⁵⁸ Там же. С. 369.
- ⁵⁹ См. Вопросы истории. 1995. № 7. С. 42.
- ⁶⁰ Документы и материалы. Т. VII. С. 426, 428.
- ⁶¹ Русский архив. С. 130–132.
- ⁶² Документы и материалы. Т. VII. С. 388–390.
- ⁶³ Там же. С. 392–394.
- ⁶⁴ Там же. С. 442, 444–445.
- ⁶⁵ Там же. С. 445.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. Т. VIII. С. 11–13.
- ⁶⁸ Там же. Т. VIII. С. 48.
- ⁶⁹ Русский архив. С. 121–122.
- ⁷⁰ Там же. С. 128–129.
- ⁷¹ Там же. С. 136–137.
- ⁷² Документы и материалы. Т. VIII. С. 48.
- ⁷³ Там же. Т. VIII. С. 129–130.
- ⁷⁴ Там же. С. 132–133.
- ⁷⁵ Там же. С. 138.

- 76 *Назаревич Рьшиард*. Варшавское восстание. 1944 год (перевод с польского). М., 1989. С. 29, 30.
- 77 Документы и материалы. Т. VIII. С. 11–13.
- 78 Там же. Т. VII. С. 140–141, 203.
- 79 Там же. С. 209.
- 80 Там же. С. 14–15.
- 81 Там же. Т. VIII. С. 23–24, 39.
- 82 Там же. С. 36–39.
- 83 *Волков С.В., Емельянов Ю.В.* До и после секретных протоколов. М., 1990. С. 213.
- 84 Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. П. Изд. 2-е. С. 123–124 (Далее: Переписка).
- 85 Там же. С. 125.
- 86 Там же. С. 237–238.
- 87 Документы и материалы. Т. VIII. С. 47.
- 88 См. E. Raczynski W sojusznictwie Londynie, str. 231–232.
- 89 «Poland and the British Parliament 1939–1945» compiled and edited by W. Ledrzejewicz // New York, 1959. P. 341–342.
- 90 Переписка. С. 264–267.
- 91 Там же. С. 247–249.
- 92 Документы и материалы. Т. VIII. С. 74.
- 93 Там же. С. 159.
- 94 Там же. Т. VIII. С. 256–257.
- 95 Там же. Т. VIII. С. 262–263.
- 96 Там же. С. 265–266.
- 97 Там же. С. 270.
- 98 Русский архив. С. 167.
- 99 *Якобсен Х.А.* Вторая мировая война: некоторые итоги. Цит. по: Вопросы истории. 1995. № 7. С. 85.
- 100 См. Вопросы истории. 1994. № 2. С. 83.

ОТНОШЕНИЯ СССР И ПОЛЬШИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Т.С. Бушуева**

(Москва)

Советско-польские отношения в контексте общих проблем истории Второй мировой войны все еще остаются предметом острого столкновения мнений. В настоящей статье на основе малоизвестных исторических источников рассматривается ряд проблем, еще «болевых» для взаимоотношений обеих стран.

В августе 1944-го в нескольких километрах от Варшавы находилась Красная Армия, завоевавшая высокий авторитет у народов мира, сокрушившая к тому времени значительные силы германской военной машины. У ворот Варшавы стоял советский солдат, прошедший через четыре года войны, видевший столько горя, что его хватило бы на несколько жизней. И вот теперь ему снова надо было умирать, подчиняясь приказу своего командира и своего «комиссара», но уже вдали от родины, на земле Польши. В это же время по ту сторону Вислы отчаянно сражалась против немецких войск восставшая Варшава.

С тех пор уже 60 лет не утихает острая полемика: «Кто же кого тогда предал?» Очевидно справедливого ответа на этот вопрос не будет и еще десяток лет. Лишь новым поколениям откроются все хитросплетения гитлеровского фарса, когда миллионы людей были приведены в состояние иступления и совершили все то, из-за чего сами оказались на пепелище. Война Гитлера, чудовищная, захватническая, направленная на порабощение народов и, прежде всего, славянства, даже по прошествии десятилетий никак не может быть выдана за справедливую оборонительную войну вермахта против «большевистской России».

Вторая мировая война превратила Польшу в рубеж ожесточенного противоборства Красной Армии с немецко-фашистскими силами, в ходе которого советские войска провели гигантские по своим масштабам Львовско-Сандомирскую, Люблинско-Брестскую, Висло-Одерскую, Восточно-Померанскую, Нижне- и Верхне-Силезские наступательные операции. В то же время Висла дважды в XX столетии превращалась в рубеж противостояния

* Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ.

политических сил СССР и Польши. В 1937 г. профессор Академии Генерального Штаба РККА В.А. Меликов, вспоминая «великий поход к Висле» 1920 г., предупреждал: «ошибки, которые совершила наша военная стратегия, ... должны тщательно изучаться с целью избежать их в грядущих классовых битвах за мировую социалистическую революцию»¹. «Если бы на Висле мы одержали победу, – сокрушался маршал М.Н. Тухачевский, – то революция охватила бы огненным пламенем весь европейский материк»². Маршрут к «мировому пожару»³ большевики, как известно, прокладывали «через труп белой Польши», а В.И. Ленин убаюкивал народы словами: «Теперь не надо бояться человека с ружьем!»

3 августа 1944 г. И.В. Сталин, как бы невзначай, в беседе с премьер-министром польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком обратил его внимание на то, что «... большая группа русских националистов обвиняет Советское правительство в том, что Советское правительство разорило Россию потому, что в Россию не входит Польша, которая раньше была ее частью»⁴. 9 августа того же года И.В. Сталин, вновь беседуя с С. Миколайчиком, уже провел мысль о том, что «... СССР не хочет, чтобы им руководила Польша...»⁵

Представляется, что отношения СССР и Польши в формате проблем истории Второй мировой войны не могут быть рассмотрены без обращения к столь остро дискутируемому сегодня вопросу: хотел ли Сталин первым напасть на Германию в 1941 году?⁶ В ответе на него историки резко размежевались: большинство отвергают версию о неизбежности нападения СССР на Германию в 1941 г. В этой связи можно обратить внимание на высказывание в 90-е годы прошлого столетия генерала П.А. Судоплатова, возглавлявшего при Сталине секретнейшее управление НКВД СССР по проведению спецопераций: «Хотим мы того, или не хотим, но проходит время и то, что вчера еще было великой государственной тайной, теряет свою исключительность в силу крупных поворотов в истории государства и становится общим достоянием – было бы желание знать правду»⁷.

Представляется, что истоки великой тайны о начале войны надо искать в обстоятельствах секретно складывавшегося еще с 20-х годов XX в. альянса между Германией и Советской Россией. Этот тайный союз не прервался с приходом Гитлера к власти, он лишь принял иные, более скрытые формы. Логическим его проявлением стали события 23 августа 1939 г., а также боевые действия вермахта и Красной Армии против Польши в сентябре 1939 г.⁸

До сих пор историки так и не ответили аргументированно на вопрос, отчего пятимиллионная Красная Армия, прекрасно вооруженная и охваченная патриотическим духом в защите родной

земли, в 1941 г. в кратчайший срок оказалась разбитой и плененной⁹. Имеющиеся документы и анализ событий первого месяца Великой Отечественной войны свидетельствуют лишь об одном: Красная Армия летом 1941 г. оказалась не готовой ни наступать, ни обороняться.

Недоступность необходимых ключевых документов нашей не столь далекой истории все еще не позволяет открыть правду о событиях 1941 г., вскрыть суть мировых политических игр, заложниками которых стали русские и польские солдаты и в 1939, и в 1941, и, конечно, в 1944 г. накануне Варшавского восстания. Однако историк не имеет морального права отказаться от поиска истины.

* * *

ЖУКОВ – СТАЛИНУ: «БЕРЛИНГ АРМИЕЙ... КОМАНДОВАТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Одна из проблем отношений СССР и Польши в контексте истории Второй мировой войны связана с историей формирования в СССР польских воинских частей. Следует отметить, что в отечественной историографии темы остаются еще недостаточно освещенными вопросы кадрового комплектования, политической ориентации, а также оценка участия этих польских частей в боевых действиях. Архивы свидетельствуют, что формирование стрелковой дивизии им. Тадеуша Костюшко¹⁰ происходило по правилам советской системы. При комплектовании дивизии в ее состав были прежде всего включены 100 политруков, поляков по национальности, проживавших до 1939 г. на территории Западной Украины, Белоруссии или Польши. Для службы в этой дивизии был направлен весь состав джаз-оркестра Эдди Рознера, а также бригада польских кинооператоров, находившихся в распоряжении СНК СССР и актеры, работавшие до 1939 г. в польских театрах и кино¹¹.

Комиссар госбезопасности СССР Г.С. Жуков обращал внимание начальника Главного Политического управления Красной Армии на тот факт, что в созданной дивизии не будет политического аппарата по типу Красной Армии. Вместо него решено было создать так называемый культурно-просветительный отдел¹².

После боевого крещения этой дивизии генерал-майор З. Берлинг направил в Главное Политическое Управление Красной Армии политдонесение с грифом «секретно». З. Берлинг прежде всего сообщал о том, что «совместная борьба и совместная смерть соединила коммунистов, социалистов (“людовцев”), “сикорщиков” и “народовцев” в борьбе по освобождению Поль-

ши»¹³. Однако, подчеркивалось в документе, участие поляков в боевых действиях было организовано крайне неумело. Недостаточная артподготовка, неуспех на флангах, в результате чего они оказались открытыми, сильнейшие атаки вражеской авиации, значительные потери личного состава стали причиной того, что дальнейшее пребывание этой воинской части на передовой могло привести к полному уничтожению дивизии, оказавшейся практически «в мешке». Среди солдат, отмечал З. Берлинг, появились слухи, «якобы поляков нарочно послали на этот особо трудный участок фронта для полного их истребления», так как наступать приходилось на укрепленные ДЗОТ-ами позиции при массовых налетах авиации. З. Берлинг приводит данные потерь в первом полку: ранены и убиты – 1275 солдат, 306 подофицера, 69 офицеров, в том числе 25 офицеров по политчасти. «Незначительно меньше» оказались потери и во втором полку. В плен попало 200 поляков¹⁴.

Пройдет почти год, и 26 сентября 1944 г. маршал Г.К. Жуков так оценит З. Берлинга: «т. Сталину. Изучая Берлинга, я пришел к выводу, что он армией командовать не может. Лучше было, если бы его назначили заместителем Роля-Жимерского, а вместо Берлинга командармом назначить генерал-майора Перхоровича¹⁵, который сейчас командует 3-м гвардейским стрелковым корпусом 28-й армии. Перхорович – отличный командир корпуса, вполне готовый командарм. С Рокоссовским по этому вопросу я не говорил, но считаю, что он о Берлинге такого же мнения»¹⁶.

23 февраля 1944 г. Г. Димитров и Д. Мануильский в совсекретном письме ходатайствовали перед В.М. Молотовым, Г.М. Маленковым и А.С. Щербаковым о необходимости готовить политический состав для польских воинских частей в СССР с целью усиления политической работы в польском корпусе. Деньги на эту работу должен был по дополнительной смете выделять Главпул КА¹⁷.

Созданный совсекретным постановлением ГКО за подписью Сталина 3 апреля 1944 г. Военный Совет польской армии в политическом отношении должен был подчиняться Союзу польских патриотов в СССР, а в оперативном отношении – Верховному Главнокомандованию Красной Армии. Он должен был воспитывать личный состав «в сознании необходимости для поляков совместной с Красной Армией вооруженной борьбы против гитлеровских захватчиков, в понимании необходимости для Польши дружбы и союза с СССР»¹⁸.

Для осуществления этих задач СССР выделял значительные средства для оснащения и обучения Войска Польского. Об этом свидетельствует подписанное И. Сталиным и А. Антоновым 3 ок-

тября 1944 г. распоряжение, в соответствии с которым в каждой из трех армий Войска Польского¹⁹ формировалась пушечная артиллерийская бригада, одна зенитная дивизия и один минометный полк, доукомплектовывались формируемые в Войске Польском три танковые полка «ИС», два средних самоходных артополка (СУ-85), один тяжелый самоходный полк ИСУ-152 и один легкий самоходный полк СУ-76. Формировался польский танковый корпус, танковые бригады, которые укомплектовывались боевыми машинами.

С помощью советской стороны было сформировано Управление командующего ВВС фронта Войска Польского. Для поляков была сформирована понтонно-мостовая бригада. Для подготовки кадров Войска Польского были выделены училища бронетанковых и механизированных войск, училище связи, авиашкола, военно-инженерное училище²⁰. Необходимо отметить, что советская сторона подготовила места в академиях Красной Армии на 165 польских офицеров, предоставляя им возможность получить высшее военное образование²¹.

При формировании Войска Польского особо ставился вопрос о командных кадрах. Организационно-мобилизационным управлением (начальник генерал-майор Загладин) по распоряжению генерал-полковника Голикова в части и соединения Войска Польского было командировано 18 генералов и свыше 5000 офицеров Красной Армии. Порядок прохождения ими службы был определен Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, генерал-полковником Н.А. Булганиным, генералом армии А.И. Антоновым. В этом вопросе вновь столкнулись интересы советской и польской сторон: поляки считали необходимым, чтобы советские командиры приняли польскую присягу. Однако председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин решил так: «генералы и офицеры Красной Армии, находящиеся на службе в Войске Польском, как граждане Союза ССР, освобождаются от обязанности принимать польскую присягу; нарушение ими воинского долга при прохождении службы в Войске Польском рассматривать как нарушение присяги, принятой в Красной Армии»²².

17 апреля 1944 г. комиссар госбезопасности Г.С. Жуков секретно докладывал Д. Мануильскому (затем информация была отправлена Молотову и Берии) о том, что «контрразведывательную работу в польской армии ведет «Смерш»²³, органы которого существуют в польской армии под прикрытием «информационного отдела польской армии». И далее: «информационные отделы польской армии комплектуются личным составом Управления «Смерш» НКО, который и руководит их деятельностью. Работники информационного отдела носят польскую форму». При

комплектовании органов «Смерш» советская сторона заявила Берлингу, что эти органы не входят в его компетенцию. Однако Берлинг настаивал на том, чтобы взять контрразведывательные органы себе. В «Смерше» большинство работников были русские, не знавшие польского языка. Для пополнения кадров в школе НКВД в г. Куйбышеве начали обучать 300 поляков, которые могли быть использованы как в польской армии, так и для работы в органах безопасности будущей Польши²⁴.

И, наконец, еще один документ. 31 декабря 1944 г. за № 03088 Начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А.С. Щербаков получил от члена Военного Совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта К.В. Крайнюкова²⁵ «Организационный приказ о подпольной работе в армии Берлинга агентуры Армии Крайовой». Он сообщил, что этот документ изъят вместе с пишущей машинкой, паспортом и фото-снимками на квартире руководителя обвода АК по фамилии Лива в г. Жешув, ул. Домбровского, 13. Согласно этому документу, датированному 6 ноября 1944 г., предполагалось разлагать части армии Берлинга, не допускать вывоза поляков в глубь России, аковцам предписывалось овладевать гражданской милицией.

В документе подчеркивалось, что необходимо способствовать тому, чтобы «командование полков, батальонов, рот и взводов состояло из аковцев, вынужденных вступить или принудительным порядком призванных в ряды армии Берлинга». Документ определял организационную временную схему работы АК в полках, батальонах, ротах армии Берлинга, их связи с местными отделениями; задания и обязанности – коменданта, его заместителя, начальника канцелярии (адъютанта), который отвечал бы за соблюдение строжайшей конспирации, а также обязанности руководителя конспиративной связи пропаганды, информации и диверсии. «Организационный приказ...» требовал снабжать местные отделения оружием и амуницией, овладевать гражданской милицией в волостях, уездах, областях. На документе был поставлен гриф «секретно», его запрещалось перепечатывать или передавать в низшие звенья²⁶.

27 июля 1944 г. К.К. Рокоссовский и Н.А. Булганин подписали следующий документ: «Особо важная. Шифром. Командующему 1-й Польской Армии. По имеющимся у нас данным, в частях Вашей армии, расквартированных в гор. Люблин, крайне низкая дисциплина. Группа пьяных солдат, проявляя недисциплинированность, учинила беспорядок и организовала расстрел военнопленных. Требую: Навести порядок и дисциплину в Войсках Армии. Случай расстрела военнопленных проверить и представить объяснение...»²⁷

«ВЕЗДЕ, ГДЕ СВОБОДА СТАВИЛА АЛТАРЬ,
ТАМ НАШИ КОСТИ, НАШИ МОГИЛЫ»

5 октября 1944 г. советскому командованию был передан документ «польская информация № 18», в котором сообщалось: «Залитая своею и вражеской кровью пала крепость славного сверхчеловеческого геройства по израсходованию последнего снаряда и последнего куска хлеба... Не выбросила белых флагов, не капитулировала... И сердце польское остановилось в своем непомерном, знойном, смертельном труде... На волне неслась в мир к своим последняя телеграмма: враг Варшавы не победит... После нашей борьбы останутся только развалины и остатки наших могил... Верим, что те, кто остался в крае, то поколение, которое подняло эту борьбу и придет сюда строить и выстроит на этом месте новую столицу, и может быть даже также будет называться... Варшава пала... Удручающая весть бежит в мир... Судорожное сжимание польского сердца и слезы, спасительные слезы... На край упал еще более тяжелый траур... Везде, где свобода ставила алтарь, там наши кости, наши могилы»²⁸.

Тема варшавской трагедии 1944 года не теряет своей актуальности. Она будоражит умы и совесть уже совсем другого поколения. Обратимся лишь к некоторым документам и фактам.

30 июля 1944 г. за день до восстания в Варшаве Указом Президиума Верховного Совета СССР Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому (его 1-й Белорусский фронт находился на направлении Варшавы), было присвоено звание Героя Советского Союза. Сталин не дал ему, однако, стать освободителем Варшавы, на его месте оказался Маршал Г.К. Жуков, за три дня до событий в Варшаве (29 июля) награжденный второй медалью «Золотая Звезда». В тот же день «за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Красной Армии» Орден «Победа» вручат Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. Именно эти люди будут принимать политические решения и в соответствии с ними руководить боевыми действиями Красной Армии в Польше. В ходе операций на польской земле свыше 600 тыс. советских воинов отдадут свои жизни, Войско Польское потеряет 26 тыс. убитыми и пропавшими без вести.

И вновь обратимся к документным свидетельствам. В день начала восстания 1 августа 1944 г., как особо важное сообщение, шифром командующий 69-й армией генерал В.Я. Колпакчи докладывал маршалу К.К. Рокоссовскому: «...сейчас машины с пустыми баками. Живем только на подходящем... нет бензина и в баках тягачей, из-за чего артиллерия стоит без возможности манев-

ра». Рокоссовский и Телегин отвечают так: «Зам. по тылу. Разберитесь, примите меры и доложите, в чем они будут заключаться»²⁹. Если генерал Колпакчи не лукавил и горючего не было, а Рокоссовский с Телегиным только еще приказывают начать разбираться, значит вести боевые действия, действительно, не представляется возможным?

3 августа 1944 г. от Британского Генерального Штаба для Генерального Штаба Красной Армии была получена информация о начале боев в Варшаве в 17.00 1 августа и обращение «командующего польской нелегальной армией» с такими словами: «...мы просим, чтобы русские помогли нам немедленной атакой извне»³⁰. Этот документ удивляет своим обращением к «русским». Ни к Сталину, ни к командованию фронтов Красной Армии, а к «русским». В России уже с 1917 г. не существовало национального государства, а потому не существовало и власти «русских», в стране была советская власть. И далее: о «немедленной атаке извне». Как же могла эта тяжеловесная армада Красного войска немедленно атаковать извне? В Британском Генеральном Штабе понимали, что на любое действие армии такого государства, как СССР, должны были иметься заранее согласованные директивы и распоряжения, прежде чем советские войска могли что-либо предпринять³¹.

Достаточно сложно понять позицию Арчибальда Кларка Керра, который обращается (наряду с другими государственными деятелями СССР) к Л.П. Берии с просьбой помочь «несчастливым людям, которые храбро сражаются и находятся в отчаянном положении». Безусловно, уже тогда Керр был осведомлен о деяниях Берии в отношении польских военнопленных, и потому непонятно, как он мог просить Берию помочь полякам. Далее Керр, описывая ситуацию в Варшаве, сообщает о кровопролитной борьбе повстанцев, которые огорчились, что не получили от союзников не только помощи, но даже признания их действий. Так оказались варшавяне один на один со значительными силами немецких войск. У Красной Армии оказались «пустые баки», Керр, находясь в британском посольстве в Москве вдали от Варшавы, призывает Берию помочь полякам. Немцы же тем временем стягивают все большее количество сил, а восставшие варшавяне верят в чей-то ловкий обман о том, что союзники вот-вот придут им на помощь.

Приказ сравнять Варшаву с землей Гитлер отдал Гиммлеру, с именем которого связаны самые тайные страницы истории Третьего рейха. Проявляя верх жестокости, Гиммлер бросил против восставших бригаду Каминского из бывших военнопленных-власовцев, а также бригаду Дирлевангера, которая состояла из

немецких штрафников. Как утверждает в своих воспоминаниях Г. Гудериан, он посчитал своим долгом уговорить Гитлера отозвать эти части из Варшавы из-за их неслыханной жестокости; Каминский же был казнен³². Немцы предупреждали варшавян: «...население Польши знает, что немецкая армия ведет борьбу с большевиками. Все оставшиеся в городе и оказывающие какую-либо помощь большевикам, независимо от того, с какой целью, будут привлечены к ответственности». Эту информацию о немецком ультиматуме как «особо важную» 12 августа 1944 г. Булганин доложил Сталину, Молотову и Берии³³.

Есть вещи, суть которых и сегодня объяснить довольно сложно. Советская сторона фактически отказывалась принимать на свои аэродромы самолеты союзников, сбрасывавших вооружение повстанцам. Лишь позднее им было разрешено садиться в Полтаве. Помощник Начальника Генерального штаба генерал-майор Славин мотивировал отказ Генерального штаба тем, что сбрасываемые грузы попадают или к немцам, или к партизанам, которые ведут борьбу с немцами³⁴.

Джон Р. Дин – генерал-майор американской армии, Глава американской военной миссии и М. Барроус – генерал-лейтенант, Глава Британской военной миссии 15 сентября 1944 г. настаивали перед советской стороной как можно поспешнее разработать план совместных действий по оказанию помощи Варшаве, однако, советская сторона не спешила этого делать³⁵.

Возможно, со временем в архивах обнаружатся материалы, позволяющие более ясно разобраться с личностью капитана Калугина, сообщавшего из Варшавы советской стороне, что «население Варшавы верит, что через несколько часов вы окажете им вооруженную поддержку»³⁶.

Советское правительство в заявлении от 9 сентября 1944 г. достаточно открыто объяснило свою позицию: «... никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам»³⁷.

И сегодня невозможно без волнения читать строки документов: «Варшава продолжает гореть...», «очаги пожара круглые сутки по всему городу», «слабая организованность наступления в дивизиях», «неорганизованность артогня», «плохая разведка целей наступления», «бесцельная трата снарядов», «топтание пехоты на месте». Рокоссовский требует сообщать данные о политической ориентации повстанческих отрядов и групп...³⁸ Генерал Радзиевский просит «ударом бомбардировочной авиации смести с земли Минск–Мазовецкий...»³⁹ Представитель Генштаба Красной

Армии констатирует: «Войска 1-й польской армии еще не научились форсировать крупной водной преграды, тем более не имеют никакого опыта в городском бою»⁴⁰.

Документы сохранили призыв Бур-Коморовского: «К борьбе с Советами»⁴¹. Однако 18 сентября он обращается за помощью к Рокоссовскому: «Я прошу об установлении прямой телефонной связи... Включитесь в кабель в люке на мостовой у Зеленецка авеню... Присоединитесь к контакту № 1 полевого телефонного аппарата для всех 24 проводов толстого кабеля...»⁴²

Документы этого периода наполнены примерами самоотверженности, героизма и отваги воинов Красной Армии (танкистов, артиллеристов, пехотинцев) и поляков. «Во время боя наш не привыкший к бою солдат вел себя очень отважно. Имеется много случаев героизма. Солдат не сдал позиции до последнего момента, до приказа об отходе», – сообщал начальник Политуправления 1-й армии Войска Польского подполковник Замбровский⁴³.

«... ГОТОВИТЬСЯ К ОКАЗАНИЮ СОПРОТИВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ...»

За последние годы российские исследователи опубликовали немало документов из отечественных архивов. Благодаря этому формируется новая, более полноценная источниковая база, освобождающая нас от идеологических императивов и цензурных ограничений. Значительный интерес представляют ранее совершенно недоступные материалы внешней разведки.

Так, 12 октября 1943 г. советский источник лондонской резидентуры сообщал в Москву: «Польский генеральный штаб с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши. Польские вооруженные силы должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии ... Англичане знают об этих инструкциях и молчаливо одобряют их. Инструкции предусматривают использование польской полиции, ныне находящейся официально на службе у немцев, для борьбы с партизанским движением и Красной Армией. В польском правительстве не было единства при решении этого вопроса... В Польшу послано указание скрывать от населения эти инструкции, но всячески возбуждать население против СССР путем пропаганды, что СССР хочет захватить всю Польшу»

шу, закрыть католические костелы, обратить поляков в православных, выслать всех несогласных в Сибирь...»⁴⁴

20 июля 1944 г. «совершенно секретно» Нарком внутренних дел Союза ССР Л. Берия сообщал И. Сталину по вопросу разоружения солдат и офицеров Польской Армии Крайовой: «...Серов и Черняховский просят санкционировать следующие мероприятия: ...Офицерский состав, представляющий оперативный интерес, передать органам НКВД–НКГБ и контрразведки “Смерш” – соответственно ...Остальной офицерский состав направить в лагеря НКВД, так как в иных условиях они будут заниматься организацией различных подпольных польских формирований»⁴⁵.

На начало августа 1944 г. по сведениям НКВД, основанным на донесениях из полков и соединений 3-го Белорусского фронта, «всего разоружено 7924 солдата и офицера /АК/». Из этого количества 4400 солдат и офицеров отконвоировано на сборные пункты, 2500 солдат распущено по домам командирами частей и конвоем». На участке 1-го Прибалтийского фронта было разоружено 400 польских солдат⁴⁶.

Член Военного Совета I-го Белорусского фронта Телегин в октябре 1944 г. высказал такое мнение: «Население Польши еще до сих пор не почувствовало твердой руки ПКНО, еще не было ни одного процесса над вражескими элементами!»

9 октября член Военного совета I-го Украинского фронта генерал-лейтенант Крайнюков сообщил советскому представителю (от НКВД) при ПКНО генерал-полковнику Булганину о своем приказе: «провести тщательную чистку всех органов польской гражданской милиции на предмет выявления и изъятия всех враждебных элементов, проникших в ее ряды»⁴⁷.

В Архиве Главного политического управления Красной Армии собрано значительное число политдонесений о «враждебной по отношению к Советскому Союзу и Красной Армии деятельности организаций АК на освобожденной территории Польши. Так, член Военного совета I-го Белорусского фронта генерал-лейтенант К.Ф. Телегин⁴⁸ сообщал о «террористических выступлениях» «бандгрупп» АК против военнослужащих Красной Армии. В связи с этим советские политические органы считали необходимым «еще более усилить меры репрессий ко всем аковцам, активно и с оружием в руках выступающим против Красной Армии, о чем даны войскам и органам “Смерш” соответствующие указания»⁴⁹.

Освободив польскую территорию от немцев, Красная Армия принесла в Польшу идею мировой революции. За классовый, политический подход к людям расплатились жизнями как польские граждане, погибавшие на своей родной земле от НКВД и органов

«Смерш», так и сходявшие в безвестность вдали от родины рядовые и офицеры Красной Армии, получавшие теперь пулю из-за угла от польского населения. А еще с тех пор в душах оставалась ненависть друг к другу, передававшаяся уже новым поколениям.

«КОГДА УЙДЕТ... КРАСНАЯ АРМИЯ?»

Еще в «окаянные дни» 1917-го генерал Российской Императорской армии А.И. Деникин предупреждал о том, что наступило «звериное время, которое зачерствляло сердца и понижало цену жизни».

23 октября 1944 г. председатель Уездной Рады Народовой в Пулавах, член Люблинского Воеводского комитета ПРП Левтак Стефан обращал внимание представителя СССР при ПКНО в Люблине генерал-полковника Булганина на факты выселения поляков из удаленных от фронта районов; грабежей со стороны солдат Красной Армии на привислинских территориях; уничтожения озимых, захват не обмолоченного хлеба, который «бросается под ноги лошадям» и т.д. «Из польского крестьянина делают врага. Для населения путь только в партизаны или смерть... Господин генерал, как революционеру, мне может неприлично писать об этом. Война имеет свои права и ничего нельзя сделать, если это служит победе. Но когда делается то, что не имеет ничего общего с победой, то необходимо вмешаться», – этими словами заканчивал свое обращение к Булганину С. Левтак⁵⁰.

14 апреля 1945 г. подполковник Минецкий, начальник общеорганизационного отдела Главного Управления по политико-воспитательной работе Войска Польского обратился к начальнику Военной миссии СССР при Временном правительстве генерал-лейтенанту Шатилову со следующей информацией: «Дошло дело до того, что население спрашивает: «Когда уйдет из Познани Красная Армия?». А далее излагались и причины создавшегося положения: грабежи, насилия, пьянство. «В Познани, – сообщал Минецкий, – все склады и магазины разграблены. Часто можно наблюдать такую картину: идет несколько советских солдат, вдруг останавливаются и начинают бить окна и витрины в магазине, приглашая проходящих поляков заходить в магазин, брать товары, при этом указывается: “берите – это немецкое”. Женщины в г. Познани буквально боятся солдат Красной Армии. Такое положение вещей не может далее продолжаться. От этого страдает авторитет Красной Армии. Польские же власти в этом бессильны...»⁵¹

Как сегодня относиться к этим ранее совершенно секретным документам? Представляется, что ответ только в честно написанной истории о виновниках войн, стравивших народы, погубивших миллионы человеческих жизней в XX столетии. Ну а «мертвые, как говорится, сраму не имут».

«ИРАНЦЫ ДОВЕРЯЮТ ПОЛЯКАМ...»

Об армии В. Андерса написано сегодня немало⁵². Представляется целесообразным лишь обратить внимание на ставшие недавно известными документы из архива российской внешней разведки. 14 декабря 1941 г. Сталину, Молотову, Берии докладывалось ставшее известным советской разведке содержание телеграмм № 214, 215 и 216 от 6 декабря, направленных английским послом в МИД Англии. Иден сообщал о своих встречах с Сикорским, который просил передать в МИД Англии содержание его переговоров со Сталиным. В частности, Иден сообщил следующее: когда Сикорский «впервые затронул вопрос об отводе польских войск из СССР в другие, близлежащие страны, Сталин интерпретировал это как заговор между США, Польшей и нами и сказал генералу, что весь мир будет смеяться, ... если подобное произойдет»⁵³.

28 мая 1942 г. совершенно секретно советская резидентура сообщила из Ирана: «Нами добыты из английской миссии черновики докладной записки работника миссии следующего содержания: ... иранцы доверяют полякам, потому что они знают, что в отличие от некоторых других они не будут проявлять личной заинтересованности и им можно доверить поддержание порядка в стране в защиту ее от германского или русского вторжения. Поляки эвакуируются из Ирана по окончании военных действий ... Польский посланник в Иране Седлевский ведет активную работу в правительственных кругах Ирана, направленную на замену наших войск в Иране польскими. Седлевский добивается в этом поддержки английского и американского послов. Англичан уже удалось убедить сосредоточить все польские силы в Иране, чтобы в послевоенной Европе использовать их в качестве жандарма. В ближайшее время сюда будут переброшены польские войска из Палестины и Египта». И далее в документе подчеркивалось: «Активную работу, преследующую цель заменить части Красной Армии польской армией, проводят видные деятели Ирана. В Лондоне по вопросу о пропуске из СССР в Иран 300-тысячной польской армии ведет переговоры генерал Андерс. Он намерен также добиваться замены наших войск в Иране на польские.

Андерс назначен главнокомандующим всех польских войск на Ближнем Востоке и в СССР. Иран превращается в основную базу польских войск. Польские войска из Палестины и Египта в ближайшее время будут переброшены в Иран»⁵⁴.

31 июля 1942 г. в телеграмме Сталину генерал-лейтенант В. Андерс напишет: «Я хочу Вас заверить, что польская армия, на какой бы территории ни находилась, будет драться до последнего человека за Польшу и за общую окончательную победу»⁵⁵.

«ОСТОРОЖНЕЕ ФОРМИРОВАТЬ ПОСЛЕВОЕННУЮ ПОЛЬШУ В ВОЗМОЖНО МИНИМАЛЬНЫХ РАЗМЕРАХ...»

Каждый крутой разворот в мировой политике не только сотрясал страны Восточной Европы, но и побуждал их к ответным действиям, сказывался на их месте на международной арене, на их системе договорно-правовых отношений с великими державами и между собой.

Еще в 1931 г., выступая с речью в зале старой Мюнстерской ратуши в Обществе мирового хозяйства, член рейхстага генерал фон Сект предупреждал: «Политика определяется силой. Это звучит неприятно, если учесть то, что в течение 12 лет мы все время слышали, что политика определяется правом. Кто не понял этой истины при заключении так называемого Версальского мира, его проведения в жизнь до сих пор и предположительного проведения в будущем, у того нет чувства реальности, и мы должны оставить его одиноким, в его царстве идеалов...»⁵⁶

В 1939 г. германский посол в Варшаве в беседе с доктором Клейстом, заведующим Восточным Отделением Канцелярии фон Риббентропа, сказал ему: «...Если у Польши возьмут хоть метр ее территории, она возьмется за оружие. Они будут бороться даже в том случае, если будут знать, что их борьба не принесет положительных результатов»⁵⁷.

Важной внешнеполитической проблемой в отношениях Польши с СССР в годы Второй мировой войны был вопрос о федерации или конфедерации ряда славянских государств и отношения к ней СССР. В контексте проблем истории Второй мировой войны этот вопрос практически не освещался в отечественной историографии. В последнее время приоткрылись фонды внешнеполитического ведомства России, а потому этот вопрос оказалось возможным рассмотреть на основе документальных источников. Анализируя планы федеративного устройства, предлагавшиеся в годы Второй мировой войны, можно констатировать, что они были тесно связаны с соотношением национального и интернационального фактора в истории. Обратимся к некоторым малоизвестным документам.

29 января 1942 г. лондонский резидент службы советской внешней разведки доносил Сталину точку зрения Э. Бенеша, высказанную им в беседе с начальником русского отдела английского министерства информации Смоллеттом. «Цель польско-чешской федерации, – говорилось в документе, – обеспечить крепкий барьер против Германии в Восточной Европе, но такой барьер, который бы коренным образом отличался от санитарного кордона в довоенном смысле слова, поскольку в прошлом эта идея все-

гда обосновывалась антисоветскими доводами. Либо будет дружба между польско-чешской федерацией и Россией, либо не будет вообще польско-чешской федерации ... Я абсолютно уверен, что целью советской внешней политики является дальнейшее развитие коммунизма в Европе»⁵⁸.

В Архиве Президента Российской Федерации хранятся малоизвестные документы о том, что еще 21 мая 1942 г. Молотов в беседе с Иденом говорил, что «...Советское правительство решило воздержаться от заявления заранее поддерживать всякие федерации и считало возможным не касаться этого вопроса... Мы надеемся, что когда вопрос о федерациях будет решаться, то он будет разрешен в дружественном духе в отношении СССР и Англии». А. Иден настаивал на рассмотрении вопроса о федерации.

22 мая 1942 г. Молотов вновь сообщил Идену: «Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши ... Мы считаем нужным решать вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счет территорий, которые населены украинцами и белорусами, вошедших в состав СССР, а за счет общего врага СССР и Польши – Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей линия Керзона, мы готовы идти на это ... В 1939 г. тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР, и теперь польский вопрос снова создает затруднения без достаточных оснований к этому».

9 июня 1942 г. Э. Бенеш в беседе с Молотовым высказал точку зрения о том, что надо «построить» такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало бы невозможным. Молотов согласился с этим, однако, задал вопрос, как же Бенеш понимает направленность польско-чехословацкой конфедерации. Бенеш ответил, что конфедерация не будет использована против СССР. Он подчеркнул, что Чехословакия не пойдет на создание конфедерации без выполнения двух условий: демократизации Польши и урегулирования всех спорных вопросов между Польшей и СССР. Со своей стороны, Молотов напомнил Бенешу, что польский министр иностранных дел Рачинский напечатал в «Санди диспетч» интервью, в котором истолковал эту конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского и «вдобавок включил в это объединение Литву, которая является советской республикой». В ответ на это Бенеш «замаялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве, как о Советской Республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными» и что, если «ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР»⁵⁹.

26 декабря 1942 г. резидент НКВД СССР в Лондоне сообщал в Государственный Комитет Оборона СССР лично Сталину и Молотову о том, что Сикорский в беседе с Рузвельтом «... высказал также свои соображения относительно польского устройства и заявил, что после войны должна быть организована федерация в составе Литвы, Польши, Чехословакии и, возможно, Венгрии. Эта федерация должна будет работать в тесном контакте с группировкой балканских стран, включая Грецию»⁶⁰.

Совсем недавно стало известно о том, что И.М. Майский 10 января 1944 г. направил В.М. Молотову, И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, А.И. Микояну, Л.П. Берию, М.М. Литвинову и В.Г. Деканозову свои предложения по вопросам будущего мироустройства, в том числе Польши. В этих предложениях – суть советской политики в отношении Польши.

Майский, а он в то время руководил комиссией НКВД СССР по возмещению ущерба, нанесенного СССР гитлеровской Германией и ее союзниками, обращал внимание советских высших государственных деятелей на следующее: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако, мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши». И подтверждал свою мысль тем, что «в прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР, никто с определенностью сказать не может...» Майский предлагал осторожнее формировать послевоенную Польшу «в возможно минимальных размерах...», «восточная граница Польши должна пройти по границе 1941 г. или близкой к ней (например, по линии Керзона), причем Львов и Вильно при всяких условиях должны оставаться в пределах СССР...»⁶¹

* * *

Природа режима и общественной реакции на него проистекает прямо из характеров людей, которые его создали. 12 лет правления фашистского режима явились кошмарной войной с ужасающими преступлениями против любого права. В. Кейтель перед эшафотом сказал: «Не могу и не хочу защищать игру в высокую политику», а также «отстаивать методы дипломатической маскировки»⁶². Гейнц Гудериан заканчивал свои размышления о войне словами: «Нам осталось молчание»⁶³.

23 февраля 1939 г. Сталин, как член Военного Совета РККА, принял Военную Присягу. Как гражданин Союза Советских Социалистических Республик, он клялся не щадить «своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом». Сталин

клялся: «Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся»⁶⁴.

4 декабря 1941 г. в беседе с корреспондентом «Правды» П. Лидовым генерал В. Андерс говорил: «Мы видим перед собой будущую Польшу. Мы отдаем себе отчет в том, что дорога к этой будущей Польше лежит не через плац для парадов, что дорога эта будет тяжела и извилиста, что должна пролиться кровь – но мы дойдем...»⁶⁵

Как говорится, земной суд непредсказуем, но остается еще приговор небесного судии, который всегда выше земных заблуждений.

¹ Меликов В.А. Марна. Висла. Смирна. М., 1937.

² Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Смоленск, 1923. С. 63.

³ В 20-е годы любимый властью комсомольский поэт А.И. Безыменский призывал: «Пролетарии! Слезы льются? // Вдаль глядите: // Вам крича, Машет Ленин: Всемирную революцию // Воздвигай над гробом Ильича!» Сам поэт не доживет до свершения своей мечты, но в 1944 г. в составе «особых» органов Красной Армии в Польше будет работать его сын – Л.А. Безыменский, ныне историк.

⁴ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. В двух томах. Документы. Т.1. 1944–1948. Документы / далее – Советский фактор.../ М., 1999. С. 73.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Наиболее не приемлет версию В. Суворова о наступательной стратегии И.В. Сталина (см. «Ледокол») генерал армии М.А. Гареев, возглавляющий Академию военных наук. А. Верт, в работах, посвященных войне 1941–1945 гг., считает, что Сталин должен был наступать на Германию в 1942 г. Историк М. Мельтюхов называет «упущенным шансом» Сталина его несостоявшееся нападение на Германию с целью разгрома наиболее мощной европейской державы. Он пишет: «Политические условия для удара по Германии со стороны СССР были достаточно благоприятными. К сожалению, Сталин, опасаясь англо-германского компромисса, как минимум на месяц отложил нападение на Германию, которое было единственным шансом сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение является одним из исторических просчетов Сталина, упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана «Барбаросса», что в условиях неготовности Красной Армии к обороне привело к трагедии 1941 года» (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. Документы, факты, суждения. М., 2000).

⁷ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950-е годы. М., 1997.

⁸ По свидетельству генерала П.А. Судоплатова, И.В. Сталин странным образом отказывался от разработанных в ведомстве НКВД СССР спецопераций по физическому устранению вначале Г. Геринга, а затем А. Гитлера, якобы опасаясь, что без Гитлера нацистские круги попытаются заклю-

чить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза (См. *Судоплатов П.А.* Указ соч. С. 173). Вместе с тем имеются сведения, которые просочились через швейцарскую печать (как известно, самую информированную в мире), о переговорах И.В. Сталина и А. Гитлера в 1943 г. с целью заключения сепаратного мира, в соответствии с которым военные действия должны быть предотвращены при выполнении условия И.В. Сталина о том, что А. Гитлер выведет войска из Советской России и восточной части Польши (См. *Курт Рис.* Геббельс адвокат дьявола. М., 2000). Однако архивными свидетельствами по этому вопросу исследователи не располагают, но документально известно, что через год Й. Геббельс будет открыто предлагать достичь соглашения со Сталиным, чтобы избежать войны на два фронта (См. *Курт Рис.* Указ соч. С. 357). Настоящей сенсацией стали опубликованные в 2002 г. Героем Советского Союза писателем-фронтовиком В. Карповым документы о сепаратных переговорах Сталина с немцами в феврале 1942 г.

- ⁹ Еще предстоит расшифровать запись в дневнике Й. Геббельса от 24.06.1941 г.: «Военные операции на Восточном фронте развиваются хорошо, сверх всяких ожиданий. Наше новое оружие доказывает свое уничтожающее действие. Трясущиеся от страха русские выходят из бункеров в таком состоянии, что в течение дня после этого их невозможно допрашивать...».
- ¹⁰ Сформирована на основе Постановления Государственного Комитета Обороны № 3294 от 6.05.1943 г.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 197. ЛЛ. 108–110.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Д. 185. Л. 229–231.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Речь идет о генерал-майоре Франце Иосифовиче Перхоровиче.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 17 8503. Д. 6.
- ¹⁷ Советский фактор ... Т. 1. С. 50–51.
- ¹⁸ Он должен был являться высшим органом военной власти в польской армии, ему подчинялись все боевые и вновь формируемые соединения, части и учреждения польской армии.
- ¹⁹ В документе «Польского Войска».
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 17. ЛЛ. 35–38.
- ²¹ См. справку-доклад начальника отдела кадров Войска Польского полковника Крицкого от 13 марта 1945 г. (ЦАМО РФ. Ф. 500-А. Оп. 3393. Д. 14).
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 151. Л. 220–221. Берут, Вецлав (Гомулка) и Роля-Жимерский настаивали на необходимости принять польскую присягу.
- ²³ Смерш – контрразведывательное управление (смерть шпионам) НКВД СССР. С 1 января 1944 г. Отдел контрразведки «Смерш» существовал и в структуре НКВД СССР.
- ²⁴ Советский фактор ... Т. 1 С. 57–58.
- ²⁵ С 1965 г. – генерал-полковник, вся его военная карьера прошла на должностях в политических органах.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 636. ЛЛ. 41–48.
- ²⁷ Там же. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 29. Л. 28.
- ²⁸ С польского на русский документ был переведен для советской стороны Стаковецким.
- ²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 32. Л. 20.

- ³⁰ АВП РФ. Ф. 06. П. 6. Д. 56. Л. 2-3.
- ³¹ Там же.
- ³² *Гейц Гудериан*. Воспоминания солдата. Смоленск. 1998. С. 487; Р. Мэнвелл, Г. Франкель. Генрих Гиммлер. Ростов-на-Дону, 2000.
- ³³ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 224. ЛЛ. 32–34.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 6. Д. 56. ЛЛ. 33–38.
- ³⁵ Там же. ЛЛ. 18–20.
- ³⁶ Там же. ЛЛ. 10–11.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 30. Д. 352. ЛЛ. 43–46.
- ³⁸ Великая Отечественная. 14. 3/1/. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 260.
- ³⁹ Там же. С. 204.
- ⁴⁰ Там же. С. 275.
- ⁴¹ Там же. С. 260.
- ⁴² АВП. РФ. Ф. 06. П. 30. Д. 352. ЛЛ. 61–62.
- ⁴³ Великая Отечественная. 14. 3/1/ ... С. 209.
- ⁴⁴ Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. Том 4. 1941–1945 годы. М., 1999. С. 609–610.
- ⁴⁵ В документе отмечается, что офицерский состав отказывается идти в армию Берлинга / ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 124; Советский фактор... Т. 1. С. 66–67.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 152. ЛЛ. 79–80.
- ⁴⁸ С 1936 г. он находился на политработе в войсках НКВД.
- ⁴⁹ Документ от 25.XI/1944 г. ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 19. ЛЛ. 108–113; Ф. 500-А. Оп. 3393. Д. 9. Л. 288.
- ⁵⁰ Письмо Булганину направлено через секретаря ЦК ПРП Вецлава (Гомулку). ЦАМО РФ. Фонд Военной Миссии СССР в Польше. Оп. 3393. Д. 8.
- ⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 7500-А. Оп. 3393. Д. 17.
- ⁵² См. Сталин. Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая истории. 1993. № 2. С. 76–83.
- ⁵³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 543.
- ⁵⁴ Там же. С. 569–570.
- ⁵⁵ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 89.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 349. ЛЛ. 6, 24.
- ⁵⁷ Там же. Д. 1237. ЛЛ. 213-227.
- ⁵⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 558–559.
- ⁵⁹ Документ из Архива Президента РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 231–233, 279. Опубл.: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы и комментарии (1941–1942). М., 1997.
- ⁶⁰ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 593.
- ⁶¹ Советский фактор ... Т. 1. С. 29–30.
- ⁶² *Кейтель В.* Размышления перед казнью: воспоминания, письма и документы начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта. Пер. с немецкого. М., 1998.
- ⁶³ *Гейц Гудериан*. Воспоминания солдата... С. 645.
- ⁶⁴ См. документ (Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 13).
- ⁶⁵ См. «Правда». 1941. 6 декабря.

ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

*Л.П. Колодникова**

(Москва)

Советские историки однозначно представляли Варшавское восстание, как спровоцированную авантюру «реакционного» польского подполья, действовавшего по указке лондонского эмигрантского правительства, которое стремилось упредить освобождение Варшавы советскими войсками и первыми захватить власть. С такой постановкой вопроса солидарен и польский историк Р. Назаревич: «Восстание в Варшаве 1 августа 1944 г. было поднято в порядке поспешной импровизации, предпринятой в целях реализации далеко идущих планов польского эмигрантского правительства и его представителей в стране, намечавших прежде всего захват власти в освобожденной Польше¹. И еще: «Впрочем не каждое восстание должно кончаться столь трагически, но это, вызванное в неблагоприятный момент, было в политическом отношении направлено одновременно не только против врага, но и против союзника. Восстание ведь стало средством конкретных, ныне хорошо известных прежде всего политических решений, следствием стремления к власти любой ценой, а не результатом некоего предначертания судьбы, своеобразного рока»², – писал Р. Назаревич.

В этих высказываниях есть рациональное зерно, однако политические оценки, на мой взгляд, хромают, ибо польское эмигрантское правительство, ослепленное ненавистью к СССР, видело в нем не союзника, а врага № 2. Можно оправдать стремление эмигрантского правительства к власти во имя сохранения государственности и общественного уклада Польши от коммунистического погрома и полной трансформации на советский социалистический лад, под деспотическим сапогом Сталина. Но методы, которыми подпитывалось это стремление, не выдерживают никакой критики. В результате деятели эмиграции теряли одну политическую позицию за другой, отдавая их Сталину и польским коммунистам. Свою политическую незрелость они восполняли силовыми методами убийства советских военнослужащих на освобожденных ими же польских землях, лишь усугубляя военно-

* Колодникова Людмила Павловна, кандидат исторических наук, зам. директора по международным связям Института российской истории РАН.

политическую ситуацию, и давая козыри Сталину и его польским соратникам.

Второй принципиально важный момент заключается в том, что несправедливы, на мой взгляд, обвинения советского руководства, которое якобы сознательно остановило наступление в ожидании расправы немцев с повстанцами и ликвидации их руководителей, направлявшихся в своих действиях эмигрантским правительством. Ведь при обсуждении польской проблемы в Квебеке (1944 г.) Черчилль в беседе с Рузвельтом старался отмежеваться от необдуманной, ограниченной и корыстной политики польского эмигрантского правительства, показать свою непригодность к ней и представить в негативном свете позицию советской стороны³.

Здесь возникает и третья проблема – насколько соответствует эта повстанческая авантюра жизненным интересам СССР как воюющей великой державы, с которой никто не советуется в начале восстания и к помощи которой взывают при ее крахе? Конечно, восстание вспыхнуло не спонтанно. Имеются сведения, что командующий АК генерал Тадеуш Коморовский («Бур») издал приказ о состоянии ожидания начала восстания с часа ночи 25 июля. Это решение утвердила 23–24 июля Главная комиссия Рады Едности Народовой. Вопрос о восстании в Варшаве обсудило совещание эмигрантского правительства. Командование АК не только не имело четкого плана, но более того, всячески стремилось изолировать районы Варшавы от советских войск. «Части подпольной Армии Крайовой по указанию Бур-Коморовского отказались вступить в контакт с нашими войсками и согласовать с ними свои действия. Об этом, как только был взят Люблин, нас известил К.К. Рокоссовский»⁴, – писал генерал армии С.М. Штеменко.

Возможно, они надеялись, что западные союзники помогут им высадить воздушный десант, который послужил бы некоторой опорой для лондонского эмигрантского правительства. Однако верховное командование Великобритании и США еще осенью 1943 г. определенно дали понять, что лондонское правительство не может рассчитывать на поддержку восстания со стороны англосаксов вообще и особенно с воздуха⁵.

Организаторы заговора и не собирались поднимать восстание, когда советские войска находились под Минском и восточнее Ковеля, а ждали, когда фронт приблизится к Варшаве, что позволяло им надеяться, что если восставшие окажутся в трудном положении, советские войска вызволят их из беды. Но успех любой операции зависит от многих факторов, и среди них важное место принадлежит плану действий. «Общеизвестно, что даже самый

лучший по замыслу и цели план обречен на провал, если он не соответствует обстановке и не имеет необходимого обеспечения»⁶ – писал С.М. Штеменко.

Английская военная миссия 2 августа в 01 час 10 минут информировала Генштаб Красной Армии о начале вооруженного восстания в Варшаве 1 августа 1944 г.⁷ А 4 августа Черчилль известил Сталина о варшавском восстании и что восставшие «просят русской помощи, которая кажется весьма близкой»⁸.

Эта информация, поставившая Сталина перед совершившимся фактом, вызвала его естественное недоумение, о чем свидетельствует его ответное послание 5 августа Черчиллю: «Думается, что сообщенная Вами информация поляков сильно преувеличена и не внушает доверия... Краевая Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию «Герман Геринг»⁹.

Негативная реакция Сталина на варшавскую акцию связана с тем, что он увидел в ней замысел создать в Польше прозападное правительство. И действительно, организаторы восстания рассчитывали освободить Варшаву своими силами до подхода войск 1-го Белорусского фронта, которые вели бои на подступах к столице, и провозгласить там власть Краевого Совета министров в противовес ПКНО.

Несомненно, что как для советского правительства, так и для советского военного командования восстание явилось полной неожиданностью. После полуторамесячных боев Красная Армия не могла сходу форсировать Вислу в районе Варшавы. Для подготовки такой операции требовалось 20–25 дней¹⁰. Однако послание Черчилля от 4 августа Сталин не оставил без внимания. Он приказал Г.К. Жукову, К.К. Рокоссовскому и Генштабу доложить соображения относительно овладения Варшавой¹¹.

О срочности задания и об оперативности его исполнения свидетельствует тот факт, что уже 8 августа Жуков и Рокоссовский доложили Сталину о плане проведения Варшавской наступательной операции, предусматривавшей ее начало 25 августа¹².

И все же британское правительство не стояло в стороне. Документы удостоверяют в том, что правительство Черчилля располагало информацией о готовящемся восстании, но не сообщало об этом Сталину до его начала¹³. Что это – политическая наивность британских властей или умысел?

Вопрос о Варшавском восстании весьма неоднозначен, и односторонние обвинения эмигрантского правительства в организа-

ции восстания не вполне корректны, и вот почему. В январе 1943 г. ЦК ППР вынес постановление «О военно-политическом положении и задачах партии», где жестко ставился вопрос о случайности персонального состава лондонского правительства. В «особенности сказывается отсутствие в лондонском правительстве рабочего класса, соответствующего его значению и идейной позиции, – говорилось в документе. – ... Что делегатура правительства не полномочна выступать от имени всего польского народа и что против ее призывов, противоречащих стремлениям широчайших слоев населения ... будет вестись борьба»¹⁴. Вот они, пресловутые прописи марксизма-ленинизма, содержавшие прямую угрозу свержения законного правительства и угрозу гражданской войны, столь желанной для коммунистов.

При этом постановление Пленума ЦК ППР прямо-таки в ленинском духе и стиле инструктировало как надо готовить народное восстание, а гарантией успеха восстания считало должную его подготовку¹⁵.

В связи с этим приведу строки из книги Рышарда Назаревича: «Знаменем новой эпохи стало то, что с тех пор право решать судьбы народа взял в свои руки польский рабочий класс, польский народ»¹⁶. Это догма коммунистического вероучения и подмена понятий. Никогда и нигде рабочий класс и народ не брали власть в свои руки – ни в России, ни в Польше. Да и вообще дело рабочего класса – работать на предприятиях (защищая свои права), а не брать власть и управлять любым государством. Для этого есть государственная власть и политические элиты.

9 мая 1943 г. в Москве было принято «Обращение III Всеславянского митинга к угнетенным славянским народам» с призывом к вооруженным восстаниям. При этом В. Василевская заявила: «Близится час победы, близится час свободы! Пробивайтесь к ней с оружием в руках. Позор тем, кто призывает к губительному бездействию»¹⁷. Это был упрек и в адрес эмигрантского правительства Польши.

17 мая 1943 г. Молотов в письме послу Великобритании в СССР Кларку Керру заявил: «Мы не можем оспаривать право польских патриотов всемерно усилить активное сопротивление в оккупированной немцами Польше ...»¹⁸ Это пространное послание было направлено на маскировку провокаторской роли советского руководства и польских коммунистов в разжигании внутрипольских междоусобиц.

Упоминание о всенародном восстании появлялось также в публикациях КРН (Крайова Рада Народова) и др. Разумеется, все эти призывы и митинги не могли быть вне поля зрения советского руководства. 22 июня 1944 г. ПКНО издал манифест с призы-

вом к польскому народу: «Соотечественники!.. Поляки! На борьбу! К оружию!»¹⁹

18 августа посол Великобритании в СССР Кларк Керр в письме Молотову приложил текст телеграммы британского МИД в Москву от 16 августа о том, что поляки восстали в результате неоднократных советских призывов действовать активно²⁰. Это был сильный ход британской стороны. Настолько сильный, что до сих пор кипят страсти. Советские (по сути дела) призывы, безусловно, несли в себе политический подтекст, с целью разоблачения бездеятельности эмигрантского правительства. Но они не только создавали соответствующую морально-психологическую обстановку в среде польского населения и взрывоопасную ситуацию, но и провоцировали эмигрантское правительство действовать более активно, чтобы не потерять лицо. Это следствие исторического отчаяния и безнадежности.

О том, что восстание не было подготовлено и являлось политической авантюрой эмигрантского правительства свидетельствуют новые документы²¹. В то же время, видимо, не исключена и точка зрения о том, что и отношение Сталина к восстанию было неоднозначным. Ведь достаточно обратить внимание на противоречивость заявлений и действий Сталина о его согласии с оказанием помощи восставшим и в то же время его отказом 15 и 16 августа принимать самолеты союзной авиации на советских аэродромах для челночных операций по оказанию помощи Варшаве²². И вдруг 9 сентября Сталин соглашается на оказание материальной помощи повстанцам. Как раз в это время началось наступление советских и польских войск на Прагу, и помощь варшавянам давала хотя бы некоторое подспорье наступающим советским войскам. По мнению проживающего в Лондоне польского историка Я. Техановского, не выдержала испытания как политика польского эмигрантского правительства, как, в частности и пресловутый план «Буря», включая и обреченное на поражение варшавское восстание²³.

Американский профессор Д. Стерн пишет, что С. Миколайчик «возымел уверенность в том, что обеспечил советскую поддержку польской Армии Крайовой, которая окажется способна выбить нацистов из Варшавы. И тогда совершилось «одно из величайших международных преступлений в истории – трагедия Варшавы»²⁴.

Остается в силе и мнение генерала С.М. Штеменко: «Задуманная с холодной политической расчетливостью скоротечная акция Армии Крайовой превратилась в восстание народных масс Варшавы против гитлеровских захватчиков. Однако оно не было обеспечено, и удары немецко-фашистского командования, в конце концов, привели к его полному разгрому»²⁵.

Не подлежат забвению факты героизма, высоты народного духа польских патриотов, поднявшихся в годы Второй мировой войны на защиту родины и свободы.

- ¹ *Назаревич Рышард*. Варшавское восстание 1944 год. Перевод с польского. М., 1989. С. 11.
- ² Там же. С. 115.
- ³ *Академик Г.Н. Севостьянов*. Вторая квебекская конференция. 1944 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 162–163.
- ⁴ *Генерал армии С.М. Штеменко*. Генеральный штаб в годы войны. М., 1974. Кн. 2. С. 80, 82.
- ⁵ См. *Боркевич Адам*. Варшавское восстание. Варшава, 1957. С. 19 (на польском языке).
- ⁶ Генерал армии С.М. Штеменко. Указ. соч. С. 83.
- ⁷ Русский архив. Великая Отечественная. 14.3(1). М., 1994. С. 210–211.
- ⁸ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. 1. Изд. 2-е. С. 289 (далее переписка).
- ⁹ Там же. С. 290–291.
- ¹⁰ СССР и Польша, 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 189.
- ¹¹ Генерал армии С.М. Штеменко. Указ. соч. С. 87.
- ¹² Русский архив. С. 193, 218–219.
- ¹³ Там же. С. 193, 236.
- ¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М. 1973. Т. VII. С. 343, 345.
- ¹⁵ Там же. С. 346.
- ¹⁶ Назаревич Рышард. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁷ Известия. 11 мая 1943 г.
- ¹⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 376–377.
- ¹⁹ Там же. Т. VIII. С. 141, 145.
- ²⁰ Русский архив. С. 236.
- ²¹ Там же. С. 232.
- ²² Там же. С. 230–232.
- ²³ См. *Вопр. истории*. 1994, № 2. С. 183.
- ²⁴ *Стерн Дж.* Совместная советско-американская авиабаза. 1944 год // *Вопр. истории*. 1988. № 9. С. 106.
- ²⁵ Генерал армии С.М. Штеменко. Указ. соч. С. 84.

КРАСНАЯ АРМИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ:
1944–1945 ГОДЫ
(Некоторые дискуссионные военно-политические аспекты)

*Н.В. Васильева**

(Москва)

На первый взгляд поставленная проблема может показаться решенным вопросом с точки зрения историко-хронологических и фактологических аспектов. Однако в начале XXI в., на новом витке исторического процесса, когда военная сила и вооруженные конфликты вновь выдвигаются в качестве доминирующего средства решения внутригосударственных и международных коллизий, оценка различных сторон боевых действий и военного присутствия советских войск на территории зарубежных стран Европы на заключительном этапе Второй мировой войны является актуальной. Новые методологические подходы и расширение источниковой базы позволяют комплексно взглянуть на такие сложные проблемы, как соотношение национальных интересов страны с истинными намерениями определенных политических сил или правивших кругов в СССР при применении военной силы за рубежом, в том числе и в Польше в 1944–1945 гг.

Следует констатировать, что, хотя российскими учеными за последнее десятилетие много сделано в исследовании данной проблемы, включая колоссальный прорыв в освоении ранее секретных архивных документов и их публикации, в то же время и по сей день нет целостной картины военных, политических, экономических и других сторон деятельности СССР и его вооруженных сил в Польше в указанный период. К сожалению, и сегодня отсутствует доступ ко многим ключевым документам высших эшелонов власти, документам Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии, советских разведывательных служб, которые бы раскрывали цели и механизм принятия тех или иных решений. Трудность состоит и в том, что появление многочисленных документальных публикаций, охватывающих совершенно разноплановые аспекты советско-польских отношений, порой не позволя-

* Васильева Нина Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ.

ет в силу разрозненности фактов выйти на широкий уровень обобщений и всестороннего исследования.

Самым трудным вопросом современного видения проблемы Красной Армии на территории Польши в 1944–1945 гг. является, на наш взгляд, крайняя сложность оценки такого неоднозначного понятия, как «освободительная миссия Красной Армии на территории зарубежных стран». Именно эти проблемы до сих пор остаются предметом острых научных дискуссий. И это неудивительно, особенно в отношении Польши, ибо ни с одной из стран, которые предстояло освободить Красной Армии в ходе военных действий и являвшихся союзниками в рамках антигитлеровской коалиции, у СССР не было столь сложных взаимоотношений как с Польшей. Помимо конфронтационного наследия и территориальных споров 20-х годов, Вторая мировая война, а именно период действия советско-германского договора 1939 г., ликвидация в 1940 г. в СССР части польских военных кадров, представителей интеллигенции и чиновничества – т.е. «Катынская драма», заложили целый ряд проблем наподобие мин замедленного действия. Эти проблемы оказывали существенное воздействие на польское общество, его антисталинские, антисоветские настроения накануне вступления советских войск на польскую территорию в 1944 г.

Новое прочтение уже известных документов, а также введение в научный оборот ранее недоступных архивных материалов проливают дополнительный свет на то, какой смысл вкладывала каждая из сторон геополитического треугольника: СССР – Польша – западные союзники, в декларированные еще в начале войны цели «восстановления сильной, независимой и демократической Польши». Цели, провозглашенные И.В. Сталиным 3 июля 1941 г. о военной помощи стонущим под игом германского фашизма народам Европы, для Польши подразумевали создание «независимого Польского государства в границах национальной Польши»¹. Еще на переговорах в связи с подписанием Соглашения от 30 июля 1941 г. советская сторона поставила вопрос о признании эмигрантским правительством восточной границы Польши такой, какой она была на 22 июня 1941 г., т.е. права СССР на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Польская сторона в лице премьер-министра эмигрантского правительства В. Сикорского сразу же заявила о своей стратегической позиции – восстановление своего независимого государства в довоенных границах. Таким образом, проблема советско-польской границы стала в годы Второй мировой войны главной «болевым точкой» в отношениях двух стран. Известно, что вопрос о границах был тесно увязан с проблемой сохранения у власти в Польше тех политических сил, которые бескомпромиссно отстаивали не-

зыблемость довоенных границ и соответственно сохранение прежнего довоенного политического режима с его внешнеполитическими концепциями.

Как видно из ныне преданных гласности архивных документов, к моменту вступления советских войск на польскую территорию в июле 1944 г. советская внешнеполитическая линия в контексте установления послевоенного миропорядка уже оформилась. Советское руководство видело смысл расширения советского военно-политического присутствия в Восточной Европе в создании вдоль советских западных границ «пояса безопасности». Российскими учеными уже не раз в подтверждение этого тезиса приводились документы, разработанные в образованных по решению ЦК ВКП(б) комиссиях Народного комиссариата иностранных дел во главе с И.М. Майским, по вопросам будущего мира. Напомним, что в документе от 10 января 1944 г. в связи с общей внешнеполитической установкой давались рекомендации о том, что «конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере, в Европе и Азии»². Для достижения этой цели, по мнению комиссии, было необходимо, чтобы СССР вышел из войны с «выгодными стратегическими границами». В основу этих границ, как указывалось в документе, должны быть положены границы СССР 1941 г.³ Это не исключало частичной модификации границ, особенно в связи с необходимостью считаться с интересами и политикой США и Англии. Указанный документ совершенно конкретно определял внешнеполитическую линию в отношении Польши, а именно: «Создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России. Станет ли будущая Польша действительным другом СССР ... никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного, осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ. Конкретно, восточная граница Польши должна пройти по границе 1941 года или близкой к ней (например, по «линии Керзона»), причем Львов и Вильно при всяких условиях должны остаться в пределах СССР. На Западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия или пожалуй, лучше, часть ее и известные части Силезии, но с выселением оттуда немцев»⁴.

Позднее цели советской военно-политической линии в отношении Польши прозвучали в словах И.В. Сталина на Крымской конференции трех союзных держав. Глава советской делегации, в частности, заявил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию... Польский коридор не может быть надежно закрыт извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши... Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства»⁵. Вполне очевидно, что упоминая собственные внутренние силы в Польше, Сталин подразумевал и тех, кто был способен на лояльное отношение к СССР и его внешнеполитической концепции.

Таким образом, перед вступлением войск Красной Армии на польскую территорию ситуация была уникальной тем, что, с одной стороны, национально-государственные интересы двух стран совпадали как союзников по антигитлеровской коалиции в их общей заинтересованности в скорейшем разгроме фашистской Германии. С другой стороны, внешнеполитические концепции советского руководства и польского эмигрантского правительства диаметрально расходились с точки зрения понимания геополитических задач СССР и Польши. Для советской стороны и советских лидеров Польша с ее геополитическим местом в Европе играла особую роль в системе обеспечения послевоенной безопасности и предотвращения возрождения германской угрозы, а также в плане решения СССР длительных оккупационных задач в Германии. Естественно, что включение Польши в сферу советских геополитических интересов и выполнение ею отведенной роли было невозможно при сохранении у власти в послевоенной Польше недружественного правительства.

Несомненно, что формулирование планов Москвы по внешнеполитическим вопросам проходило под влиянием поступавшей к советским руководителям информации по каналам разведывательных служб как о позиции западных держав, так и польского эмигрантского правительства в Лондоне. Расчеты английской дипломатии на приход к власти в Польше недружественных СССР сил были известны в Москве от группы К. Филби. Материалы, опубликованные в книге «Очерки истории российской внешней разведки»⁶, свидетельствуют, что в польском эмигрантском правительстве в Лондоне имелась надежная просоветская агентура среди членов правительства и его аппарата. Советская разведка

имела также доступ и к каналам связи польского эмигрантского правительства со своими эмиссарами и командованием Армией Крайовой в Польше. Советское руководство располагало информацией как о политике союзников в польском вопросе, так и о концепции «двух врагов», согласно которой у Польши два противника, гитлеровская Германия и СССР, об установках польского правительства на сохранение антисоветского курса, и несомненно о деталях проведения операции «Буря» в связи с приближением войск Красной Армии к польским границам. Приведем несколько примеров. Во второй половине 1943 г. разведка СССР доложила руководству страны секретный доклад министра польского эмигрантского правительства в Лондоне и председателя польской комиссии, направленный президенту Чехословакии Э. Бенешу, под названием «Польша и Германия и послевоенная реконструкция Европы», в котором вновь повторялась позиция эмигрантского правительства о восстановлении границы между Польшей и СССР по договору 1921 г.⁷

12 октября 1943 г. внешняя разведка СССР получила сведения о том, что Генеральный штаб Польских вооруженных сил, подчинявшихся эмигрантскому правительству в Лондоне, с согласия своего правительства направил уполномоченному в Польше инструкции готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при ее вступлении на польскую территорию. Согласно этой информации, вооруженные отряды Армии Крайовой имели задачу «вести беспощадную борьбу с просоветским движением на Западной Украине и в Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание при вступлении туда Красной Армии»⁸. В этом же сообщении указывалось, что «польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Англичане знают об этих инструкциях уполномоченному польского правительства и молчаливо одобряют их... В Польшу послано указание скрывать от населения эти инструкции, но всячески возбуждать население против СССР путем пропаганды, что СССР хочет захватить всю Польшу, закрывать католические костелы, обратить поляков в православие, выслать всех несогласных в Сибирь»⁹.

Эти и подобные, лишённые политического реализма инструкции, углубляли негативное восприятие советской стороной польского эмигрантского правительства как правительства враждебного, а также всесторонне использовались Сталиным в качестве аргумента для компрометации его в глазах западных союзников. Даже обнаруженное катынское захоронение Сталин использовал

в своих интересах. Он не только отмахнулся от обвинения, но и переложил вину за разрыв отношений весной 1943 г. на польское правительство, приписав ему пособничество гитлеровским фашистам. Выстраивая хитроумные ходы с учетом военных, дипломатических и других обстоятельств, Сталин использовал ситуацию, чтобы в глазах союзников польское эмигрантское правительство попадало в положение вздорных и недальновидных партнеров по антигитлеровской коалиции. Со своей стороны Сталин демонстрировал перед союзниками на международной арене достаточно либеральное отношение к польскому правительству, не исключая возможности восстановления дипломатических отношений¹⁰.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт были вполне реалистами в оценке военно-политической ситуации и не видели реальной силы, которая бы могла помешать СССР воспользоваться результатами наступательных действий Красной Армии в Польше. Хорошо известны попытки Черчилля убедить премьер-министра Ст. Миколайчика признать «линию Керзона». Еще более скептическим было отношение Рузвельта к территориальным планам польского эмигрантского правительства. О том, что США не собираются рьяно защищать территориальные претензии польского правительства в Лондоне, в Москве также было известно из информации, поступавшей по линии советских разведывательных служб¹¹.

Главное, западные союзники отчетливо понимали, что советская сторона неизбежно добьется решения вопроса о восточных границах Польши военными средствами. 22 февраля 1944 г. Черчилль, выступая в палате общин, заявил, что «освободить Польшу в настоящее время могут только русские армии, которые потеряли миллионы людей, уничтожая немецкую военную машину»¹².

Лондонское правительство и политики, руководившие «подпольным государством» и Армией Крайовой на польской территории, видели национально-государственные интересы страны и пути их реализации в послевоенный период в системе союзов с западными странами, а в СССР – угрозу своей территориальной целостности в довоенных границах и ущемления независимости, а также советизации. Барьером на пути реализации советских планов, по замыслу эмигрантского правительства, была Армия Крайова, которая должна была не допустить создания в Польше правительства, ориентированного на СССР, а также обеспечить установление административных органов власти эмигрантского правительства на довоенных территориях. Такая идеологическая установка неизбежно вела к конфликту с советской стороной. Таким образом, Армия Крайова и та часть населения, которая ее поддерживала, становились заложниками данной концепции, да-

лекой от политического реализма и учета конкретно-исторических обстоятельств, связанных с неизбежностью освобождения Польши Красной Армией.

Например, в документе лондонского правительства, датированном 5 мая 1944 г. и поступившем к командованию 1-м Белорусским фронтом накануне боевых действий в Польше, содержались указания относительно условий возможного военного сотрудничества с советской стороной. В частности, говорилось: «Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что, не имея достаточно сил для борьбы на два фронта, мы должны соединиться с одним врагом для победы над вторым. Но имеются условия, при которых мы сможем быть в союзе с Россией для уничтожения врага № 1 – немцев. Это – незыблемость границ и нашего строя»¹³.

Несмотря на то что российскими исследователями сделано много для изучения проблемы взаимоотношений между советским командованием и Армией Крайовой, все же и по сей день эта тема требует дальнейшей разработки. К непроясненным вопросам относятся такие конкретные моменты, как: была ли советская позиция в отношении АК с самого начала категорически «жесткой» или все же имелся шанс избежать последующего противостояния? В связи с этим интерес представляет малоизвестное письмо посла Великобритании в СССР А. Кларка Керра наркому иностранных дел В.М. Молотову от 24 апреля 1944 г., в котором британская сторона указывала, что «правительство Его Величества весьма озабочено по поводу практического вопроса о сотрудничестве между наступающей Красной Армией и польским подпольем»¹⁴. Далее задавался вопрос о том, какие инструкции даны на сей счет командованию Красной Армии? Молотов в ответном письме заявлял, что «советское командование еще не встречало на своем пути каких-либо отрядов генерала К. Соснковского или польского эмигрантского правительства»¹⁵. А между тем первое соприкосновение сил АК и советских воинских частей произошло на Волыни 18 марта 1944 г.

Это были отряды 27-й дивизии АК и части 2-го Белорусского фронта, наступавшие на ковельском направлении. Советское командование не отвергло тогда возможности боевого взаимодействия с этим соединением, но выдвинуло условие полного боевого подчинения советскому командованию. Было категорически заявлено о том, что советское командование не потерпит в своих тылах никаких партизанских отрядов¹⁶. Командующий АК генерал Т. Коморовский (псевд. – Бур) дал в конце марта 1944 г. командиру Волынского округа АК указание о временном тактическом подчинении дивизии советскому командованию, но

при этом определил, что «дивизия должна иметь явно выраженный характер заново созданного соединения Войска Польского и решать боевые задачи по указанию польских государственных властей»¹⁷. Такая постановка вопроса с военной точки зрения была нереальной.

По мере продвижения войск Красной Армии по территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы советское руководство приняло решение о прекращении любого боевого взаимодействия с силами Армии Крайовой. К неопубликованным по этому вопросу документам относится директива Ставки Верховного Главнокомандования за № 220088 от 20 апреля 1944 г. о том, что, по данным, полученным в Центре, «Олива» (вероятно, Ян Киверский – командир 27-й дивизии АК. – *Авт.*) и его офицеры являются «подозрительными лицами и что есть реальная опасность, что они будут осведомлять немецкое командование о расположении и действиях наших войск». В связи с этим Ставка ВГК приказывала порвать всякие отношения с подпольными отрядами генерала Соснковского¹⁸.

Как свидетельствуют документы, опасения советского руководства имели под собой реальные основания. Так, в одном из донесений Л.П. Берии И.В. Сталину и Г.М. Маленкову сообщалось о созданном в июле 1943 г. германскими контрразведывательными органами польском вооруженном формировании «Рагнера», которое получило от германской контрразведки вооружение и боеприпасы и вело активную борьбу против советских партизан на территории Барановической и Гродненской областей. После освобождения западных областей Белоруссии это формирование частично вошло в состав Армии Крайовой¹⁹. В полосе действий 1-го Белорусского фронта сосредоточились отряды «Народовые силы збройне» (НСЗ), часть которых также сотрудничала с гитлеровцами, а после их отступления оказывали сопротивление Красной Армии²⁰. В целом, по своему характеру и политической направленности формирования, в том числе и входившие в состав АК, были крайне неоднородными. К тому же командование АК и лондонское правительство не располагали над ними полным контролем.

Ныне известно, что 14 июля 1944 г. Ставка ВГК СССР отдала директиву командующим войсками трех Белорусских фронтов и 1-м Украинским фронтом о разоружении польских вооруженных отрядов, подчинявшихся польскому эмигрантскому правительству. В директиве, в частности, указывалось: «Ни в какие отношения и соглашения с этими отрядами не вступать. Немедленно по обнаружении личный состав этих отрядов разоружать и направлять на специальные пункты сбора для проверки... В случае

сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооруженную силу»²¹.

После вступления советских войск на польскую территорию, а также заключения 26 и 27 июля 1944 г. соглашения с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) о советско-польской границе по «линии Керзона» и об отношении между советским главнокомандующим и польской администрацией, ПКНО де-факто был признан в качестве единственного органа власти на освобожденной территории, а Войско Польское единственной военной силой в Польше, признанной СССР. Постановление ГКО СССР от 31 июля 1944 г. о деятельности советских военных властей на польской территории определяло их задачи в зоне боевых действий Красной Армии и условия передачи управления органам власти, созданным ПКНО. «Никаких других органов власти, и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, кроме Польского комитета национального освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского правительства в Лондоне, должны рассматриваться как самозванцы и с ними следует поступать как с авантюристами», – указывалось в постановлении²².

1 августа 1944 г., когда в Варшаве началось восстание, а в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Ст. Миколайчик вел переговоры с советскими руководителями, Ставка ВГК отдала директиву. Во исполнение этой директивы в приказе командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала К.К. Рокоссовского от 2 августа разъяснялось следующее: «Ввиду того, что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боевых действий Красной Армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов Армии Крайовой, Ставка приказала вооруженные отряды, входившие в состав Армии Крайовой или других подобных организаций, несомненно имевших в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать. Офицерский состав этих отрядов интернировать, а рядовой и младший начсостав направлять в отдельный запасной батальон 1-й польской армии генерала Берлинга»²³. В том же документе указывалось о расформировании вообще всех партизанских отрядов на территории Польши восточнее р. Вислы, так как она в большей части освобождена и нет необходимости продолжения боевой работы польских партизан на этой части территории Польши²⁴. Таким образом, этой директивой Ставки разоружение АК определялось не как политическая мера, а как военное мероприятие по очистке тыла действующей армии от иных вооруженных формирований, предусмотренное междуна-

родным военным правом. Подобные меры принимались и командованием западных союзников в тылу своих войск.

1 августа 1944 г. постановлением СНК СССР Н.А. Булганин был назначен представителем правительства СССР при ПКНО. В инструкции СНК СССР от 2 августа ему предписывалось выполнять следующие задачи: «Иметь в виду, что на всей территории, лежащей к востоку от линии Керзона, вся полнота власти принадлежит советским органам и Советскому военному командованию, которые являются на этой территории полными хозяевами... Всемерно содействовать ПКНО в организации органов власти и по руководству их деятельностью... Строго следить за точным и неуклонным выполнением директив, данных Верховным Главнокомандованием, по очищению тыла Красной Армии от всякого рода групп и формирований эмигрантского правительства, от вооруженных отрядов так называемой Крайовой Армии, а также следить за разоружением указанных выше групп и отрядов и интернированием органами «Смерш» их офицерского состава²⁵.

Западные союзники предпринимали дипломатические попытки оказать давление на советскую сторону в вопросе об отношении к АК, но вскоре фактически признали за СССР право наводить порядок в тылу Красной Армии по собственному усмотрению. Так, В.М. Молотов оставил без внимания письмо английского посла Керра, направленное советской стороне 29 августа 1944 г. с текстом «Заявления о признании за польской подпольной армией статуса воюющей стороны». На документе имеется пометка сотрудника НКВД от 30 августа: «Молотов согласился не отвечать»²⁶.

Н.А. Булганин в своем ответе на запрос из Москвы о его мнении относительно ноты Керра от 2 ноября 1944 г., в которой сообщалось о намерении направить в Польшу миссию из шести британских офицеров для контакта с польским подпольем, расценил английскую ноту как «попытку нажима на Советское правительство по польскому вопросу». Он считал, что «нота направлена на то, чтобы создать политическое затруднение Советскому Союзу при продвижении Красной Армии на территорию Польши за Вислой» и предлагал «принять меры к тому, чтобы не дать возможности англичанам достигнуть поставленной цели и сохранить свободу рук Красной Армии в отношении вооруженных сил “Армии Крайовой” на территории Польши после изгнания оттуда немцев»²⁷. Булганин подчеркивал необходимость исходить из того, что советская сторона рассматривает «подпольные организации, созданные на территории Польши представителями польской эмиграции в Лондоне как враждебные Красной Армии и Советскому Союзу». Далее советский представитель при ПКНО писал,

что террористические группы “Армии Крайовой” совершают вооруженные нападения на представителей Красной Армии, убивают их, поджигают дома, где эти представители находятся, организуют взрывы военных складов и другие диверсионные и террористические акты, играя этим на руку общему врагу Объединенных Наций – гитлеровской Германии. При этом Булганин заявлял, что советское представительство в Польше располагает «документальными данными о том, что эти группы находятся в связи с подпольным течением на территории, оккупированной немцами, и действуют под единым руководством»²⁸.

Документы, опубликованные ныне в России, свидетельствуют о нарастании взаимной ожесточенности в противостоянии между польским подпольем и советскими военными властями, о диверсиях и преступлениях, совершенных вооруженными формированиями АК против советских военнослужащих и представителей новой польской власти. С осени 1944 г. усилились пропаганда о саботаже распоряжений ПКНО, срыве выполнения приказов советского командования и распространение прямых призывов к вооруженному сопротивлению. Документы свидетельствуют о применении силового воздействия против враждебных СССР и ПКНО сил со стороны подразделений НКВД, военной контрразведки, а также соединениями и частями Красной Армии, советскими военными комендатурами, органами военных трибуналов при содействии различных силовых структур новой власти в Польше.

Вот лишь несколько примеров. Так, в отчете члена военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта К.Ф. Телегина от 30 октября 1944 г., направленным в Государственный Комитет Обороны СССР, указывалось, что только с 12 октября по линии военной прокуратуры и военного трибунала на польской территории возбуждено 102 дела, из которых 82 – о несдаче оружия, 5 – о несдаче аппаратуры, 15 – о срыве оборонительных работ. Военными трибуналами осуждено 42 человека. Причем все приговоры – за хранение оружия²⁹.

В том же документе приводятся показания делегата лондонского эмигрантского правительства по Седлецкому уезду Сигизмунда Хржаковского, арестованного 14 октября 1944 г. Он заявил об установках, которые были получены от руководства АК и ставили «задачу охватить все вооруженные силы различных партий и формирований под свое влияние», чтобы в нужный момент они были способны силой оружия заставить ПКНО уйти от власти, захватить эту власть и установить военную диктатуру³⁰. На вопрос о том, что из этой установки вытекает линия на подготовку вооруженного восстания, Хржаковский заявил: «Да, из установок, которые исходят от руководства АК видно, что в том случае,

если в происходивших в последнее время переговорах не будет достигнуто положительное разрешение противоречий между Польским комитетом национального освобождения и польским эмигрантским правительством, последнее должно захватить власть в Польше путем вооруженного восстания³¹. К.Ф. Телегин в том же документе предлагал с учетом слабости местных польских органов власти и органов государственной безопасности и в дальнейшем оказывать им максимальную помощь по применению строгих мер в отношении враждебных ПКНО и СССР сил³².

Итак, очевиден политический смысл противоборства, принявшего характер гражданской войны внутри Польши. Но эта сторона конфликта затенялась, а на первый план выступали цели быстреего разгрома фашистской Германии, что оправдывало действия советского военного командования с точки зрения законов военного времени. Советское командование не могло допустить существования в своих тылах независимых от него вооруженных подразделений, а тем более занимавшихся разведкой, поддержанием радиосвязи между собой и Лондоном, переброской связных через линию фронта, совершением актов саботажа проводимых советским командованием мероприятий, вооруженными диверсиями, уничтожением военных складов и пр. Не случайно И.В. Сталин на Крымской конференции в феврале 1945 г. расценил эту ситуацию именно как «возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта»³³.

Ныне можно спорить о чрезмерной жесткости мер, применявшихся военными структурами Красной Армии в отношении АК и польского гражданского населения, о масштабах и характере этих репрессивных действий, переходе границ допустимости применения военной силы и пр. В то же время, может быть риторически прозвучит вопрос, но чем были виноваты перед польским народом советские солдаты и офицеры – жертвы террористических актов, которые пришли на польскую землю, чтобы, рискуя жизнью, спасти поляков от физического уничтожения и проливать свою кровь во имя победы над вселенским злом – фашизмом? Они тоже оказались заложниками бескомпромиссного противоборства двух политических сил. Причем со стороны лондонского эмигрантского правительства и АК это противостояние в условиях военно-политических реалий того времени было бесперспективным по конечному результату, так как объективно оно наносило удар в спину Красной Армии.

Например, только с 1 августа по 25 ноября 1944 г., по данным Н.А. Булганина, в результате террористической деятельности «аковцев» и других «банд» было убито 184 человека и ранено 78 военнослужащих Красной Армии³⁴.

Во многих донесениях представителей командования Красной Армии и политуправлений фронтов о деятельности и тактике польского подполья отмечался «пронемецкий» характер его пропаганды о разворачивании борьбы против мероприятий военного значения, осуществлявшихся советскими военными властями и ПКНО, таких как оборонительные работы, отселение людей из прифронтовых полос, заготовки сельскохозяйственных продуктов для армии, строительство аэродромов. Представители польского подполья всячески предупреждали крестьян, вплоть до угрозы смертью и уничтожения имущества тем, кто добросовестно выполнял государственные поставки. В документах приводились факты о наличии в рядах «аковцев» лиц, ранее сотрудничавших с немцами, связанных с немецкой полицией. Например, в октябре 1944 г. в Опатувском уезде была выявлена группа НСЗ, которая в период оккупации сотрудничала с немцами, и ей была поручена террористическая деятельность против руководителей демократических партий. Отмечалось, что во время пребывания Миколайчика в Москве в октябре 1944 г. в соответствии с указаниями эмигрантского правительства намечались массовые выступления их сторонников с целью захвата власти³⁵.

Как известно, после формального отпуска в январе 1945 г. Армии Крайовой, в конце марта того же года силами НКВД и советских военных властей была организована и проведена тайная операция по аресту 16 лидеров «подпольного государства». Ныне в России и Польше опубликованы архивные материалы о подготовке этой операции, о допросах членов «подпольного правительства», в том числе его главы Я. Янковского, а также последнего главнокомандующего АК Л. Окулицкого³⁶. Эти материалы существенно дополняют информацию о мотивах подобной акции с советской стороны. Включение представителей «подпольного государства» в переговорный процесс по формированию на основе решений Крымской конференции Временного правительства национального единства и тем более их участие в будущем коалиционном правительстве не соответствовали интересам советской стороны, левых сил в Польше, так как было ясно, что они будут серьезным конкурентом польским коммунистам, а также тормозом в решении вопроса о восточных границах Польши.

До настоящего времени одним из непроясненных вопросов в российских исследованиях по проблемам конфронтации между польским подпольем и советскими военными властями во время боевых действий Красной Армии на польской территории является подсчет данных об общем количестве польских граждан, подвергшихся репрессиям с советской стороны, а также о количест-

ве жертв среди военнослужащих Красной Армии и других силовых структур в результате террористических действий АК.

Наиболее полные сведения о поляках, находившихся в лагерях НКВД, приведены в записке наркома внутренних дел Л.П. Берии на имя И.В. Сталина от 17 июня 1945 г. Так, указано, что всего из 25 047 польских граждан, находившихся в лагерях и тюрьмах НКВД СССР, 2338 человек составляли лица командного и рядового состава АК, активные участники террористических и диверсионных групп, арестованные в 1944 г. в Польше, 5973 человека относились к лицам, арестованным за время операции в 1945 г. по очистке тылов действующей армии как агентура германских разведывательных органов, участники различных вражеских организаций и бандитско-повстанческих групп; 1547 человек были арестованы за активную вражескую деятельность³⁷.

Перечисленные выше вопросы являются лишь частью общей военно-политической проблемы пребывания Красной Армии в Польше. Другая сторона ее касается непосредственно военного аспекта боевых действий на польской территории. Именно в наступательных операциях Красной Армии в Польше раскрывается позитивный смысл неоднозначного военного союза СССР и Польши, который основывался не на конфронтационных идеологиях и дележе сфер интересов, честолюбивых планах и претензиях на гегемонию, а на необходимости объединения военных усилий, общности задач национального выживания и освобождения от фашистского гнета народов двух стран. Сегодня рано ставить точку и в изучении всех сторон боевых действий советских войск в Польше в 1944–1945 гг. Ведь именно на польской территории пролегало в 1944–1945 гг. главное стратегическое направление, на котором решался во многом исход войны. Более половины советской действующей армии – пять фронтов, участвовали в сражениях на польской земле, хотя протяженность линии фронта в Польше составляла не более 25% всего советско-германского фронта. Боевые действия продолжались с середины лета 1944 г. до весны 1945 г., в ходе которых было разгромлено 170 дивизий вермахта, из которых 100 дивизий были уничтожены полностью. Безвозвратные потери Красной Армии на польской территории (в современных границах) составили 600 212 человек; общие потери в ходе стратегических операций превысили 2 млн человек³⁸.

Всегда ли действия советского Верховного Главнокомандования в Польше определялись лишь военной целесообразностью скорейшего разгрома противника, или верх одерживали политические соображения? Именно в этом вопросе еще много так называемых белых пятен из-за ограниченного доступа к материалам, позволяющим судить о процессе принятия конкретных во-

енных решений и планов, их месте в общей военно-политической стратегии СССР в 1944–1945 гг. Так, например, известно, что маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях писал, что 8 июля 1944 г. на даче под Москвой обсуждались вопросы о возможности выхода советских войск к Висле. Жуков доложил, что советские войска могут выйти к Висле и захватить на ней хорошие плацдармы. Эти цели предусматривались планом Ковельской наступательной операции. После прорыва обороны противника главный удар должен был наноситься в общем направлении на Демблин и далее по восточному берегу р. Вислы на Прагу, а 47-я армия с одним танковым и одним кавалерийским корпусом – через Парчев, Луков – на Седлец³⁹.

План операции был утвержден тогда же. На том же совещании Жуков пытался убедить Сталина в целесообразности нанесения удара на восточно-прусском направлении с тем, чтобы отсечь немецкую группу армий «Север» и захватить Восточную Пруссию. Однако Сталин хотел быстрее выйти к Висле и отверг этот предложенный Жуковым план, который требовал дополнительных резервов. По мнению Жукова, если бы три Белорусских фронта получили подкрепление, то они в состоянии были захватить Восточную Пруссию и выйти на Вислу до Данцигской бухты включительно, или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу, смогли бы отсечь Восточную Пруссию от Центральной Германии⁴⁰.

Тогда же совместно с представителями Крайовой Рады Народовой Б. Берутом, Э. Осубка-Моравским, М. Роля-Жимерским было решено, что первым городом, где развернут свою деятельность КРН и ПКНО, будет Люблин. В директиве Ставки ВГК от 21 июля 1944 г. приказывалось овладеть этим городом не позднее 26–27 июля. При этом подчеркивалось, что «этого настоятельно требует политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши»⁴¹.

Как уже говорилось, советские разведывательные службы имели доступ к документации лондонского эмигрантского правительства. К тому же, начиная с февраля 1944 г., начальник управления НКГБ П.М. Фитин докладывал Г. Димитрову в Москву о налаживании радиосвязи между ППР и Коминтерном через своего радиста, переданного ЦК ППР. 29 февраля того же года помощник Димитрова сообщал, что имеется радиосвязь через радиста ЦК с группой партизан в Вышкове (45 км от Варшавы). 8 марта 1944 г. Г. Димитров сообщал В.М. Молотову, что из Варшавы через резидента НКГБ получена шифровка⁴². Однако до сих пор нет точного ответа на вопрос, какая информация поступала из Польши накануне восстания и как реагировало на нее советское руководство.

Главным пунктом, вокруг которого идут споры, касающиеся действий войск Красной Армии на варшавском направлении, является вопрос, преднамеренно или нет советские войска остановили свое наступление, будто бы ожидая, когда гитлеровцы расправятся с варшавянами и ликвидируют нежеланное для СССР руководство восстанием. Более верным, на наш взгляд, была бы постановка вопроса о том, планировало ли советское командование в июле 1944 г. вообще освобождение Варшавы и преднамеренный ли характер носило замедление темпов наступления советских войск в августе 1944 г.? Подчеркнем, что директива Ставки ВГК командующему 1-м Белорусским фронтом № 220162 от 27 июля 1944 г. вообще не предусматривала освобождение Варшавы, а ставила задачу после овладения населенными пунктами Брест и Седлец к 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдармы на западном берегу реки Нарев в районе Пултуск и Сероцк⁴³.

Левым крылом фронта предусматривалось захватить плацдарм на Висле в районе Демблина, Зволень, Солец. Также хорошо известно из документов, что к 1 августа, т.е. к началу Варшавского восстания, противнику удалось сосредоточить на направлении наступления советской 2-й танковой армии более пяти дивизий, из которых три были танковые. Эти силы, опираясь на Варшавский укрепленный район, оказывали советским войскам упорное сопротивление, а 3 августа перешли в наступление из района Радзымин в направлении Воломина. Советские войска 2-й танковой армии понесли значительные потери в живой силе и технике. Только в период с 20 по 31 июля потери 2-й танковой армии составили: убитыми – 582, ранеными 1581, пропавшими без вести – 52 человека, а за период с 20 июля по 8 августа было убито – 91, ранено 2852, пропало без вести 442 человека⁴⁴. После проигранного сражения в районе Воломина 2-я танковая армия была выведена из боя. К этому моменту в ней оставалось 27 танков и САУ; недоставало 689 танков и 146 САУ разных систем⁴⁵. Так что ни о каком преднамеренном характере замедления темпов наступления в этом случае говорить не приходится.

В течение августа 1944 г. 47-я армия вела затяжные и упорные бои с целью овладеть районом Праги. Однако из-за яростного сопротивления немецких танковых дивизий, нехватки боеприпасов и горючего задача по овладению Прагой, поставленная директивой Ставки от 27 июля, не была выполнена. Крайне медленно по тем же причинам развивалась борьба за расширение плацдармов на Висле. Например, 3 августа командующий 69-й армией сообщал о невыполнении приказа о расширении плацдарма на Висле из-за слабого обеспечения артиллерии огнеприпасами, неуча-

ствия в наступлении авиации вследствие нелетной погоды, отсутствия горючего и танковой поддержки. По его информации, постройка моста через реку была затруднена прицельным артогнем противника, подавить который артиллерия армии не могла⁴⁶. Одновременно командующий 8-й гвардейской армией докладывал о трудностях по форсированию Вислы, указывая, что наступление затормозила авиация противника, которая «действовала безнаказанно» (440 самолетов). Отмечалась также нехватка переправочных средств⁴⁷.

Очень важный момент состоял в том, что 8 августа 1944 г., когда Миколайчик вел активные переговоры в Москве, маршалами Г.К. Жуковым и К.К. Рокоссовским были представлены «соображения о дальнейших действиях войск 1-го Белорусского фронта и наметки плана проведения Варшавской операции». Этим проектом предусматривалась возможность начала Варшавской операции после выхода армий правого крыла 1-го Белорусского фронта на рубеж р. Нарев и захвата плацдарма на его западном берегу на участке Пултуск, Сероцк. Для оказания помощи 69-й, 8-й гв. армиям и другим соединениям левого крыла 1-го Белорусского фронта необходимо было передать 1-ю танковую армию Катукова из состава 1-го Украинского фронта 1-му Белорусскому фронту. При самых благоприятных условиях, операцию можно было начать лишь 25 августа 1944 г.⁴⁸

Немецкая оборона на подступах к р. Нарев оказалась неожиданно сильной, поэтому лишь в начале сентября советским войскам удалось захватить плацдармы на р. Нарев. Общая стратегическая обстановка на направлении действий 2-го и 3-го Белорусских фронтов также складывалась неблагоприятно. Именно между р. Неман и Варшавой гитлеровскому командованию удалось организовать упорное сопротивление на подступах к Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта лишь в конце августа вышли на рубеж Августув, Острув-Мазовецки, а в сентябре отбросили противника к р. Нарев. К этим фактам можно добавить и то, что предложенная проектом плана Варшавской операции передача 1-й танковой армии 1-му Белорусскому фронту также не была произведена, так как в период с 5 по 22 августа войска 1-го Украинского фронта вели ожесточенные бои по отражению контрнаступления крупных сил противника (8 танковых, 14 пехотных дивизий), стремившихся отбросить советские войска на восточный берег Вислы⁴⁹. Лишь 14 сентября войскам 1-го Белорусского фронта удалось освободить предместье Варшавы – Прагу. Неудачей закончилась и попытка частей 1-й Польской армии прийти на помощь восставшим в черте города в 20-х числах сентября.

Таково было, в общих чертах, развитие военной обстановки и действий советских войск в период Варшавского восстания. Из сказанного следует, что о начале операции по освобождению Варшавы 25 августа в соответствии с планом от 8 августа не могло быть речи. Тем более что за этот период отмечалось постоянное усиление группировки противника и накопление резервов. Количество дивизий в резерве варшавской группировки противника выросло с 5 до 12 дивизий. Одновременно на центральном участке фронта немецко-фашистские войска вели бои с целью ликвидации выступа советских войск в районе северо-восточнее Варшавы и плацдарма на западном берегу Вислы в районе юго-восточнее города. Группировка в районе Варшавы была усилена двумя дивизиями. Отмечалось поступление большого количества пополнения в танковые дивизии противника, действовавшие на варшавском и радомском направлениях⁵⁰. Конечно, можно допустить, что Ставка ВГК могла изыскать стратегические резервы, чтобы поддержать действия 1-го Белорусского фронта. Но тогда бы пришлось изменить общие стратегические замыслы. Ведь как раз в конце августа 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов развернули наступление на балканском направлении. К концу месяца маршал Жуков выехал в штаб 3-го Украинского фронта для подготовки операции в Болгарии. 29 августа началось Словацкое национальное восстание, оказание помощи которому также входило в планы советского руководства.

Неблагоприятное развитие военной обстановки на варшавском направлении не изменило сталинской оценки (16 августа 1944 г.) восстания как «авантюры», и он в этот период лишь использовал ситуацию, чтобы подтвердить это перед лицом общественного мнения на Западе. С другой стороны, появляются все новые и новые факты о том, что в середине августа советское руководство принимало решения, не только препятствовавшие доставке западными союзниками помощи повстанцам, отказав предоставить им советские аэродромы для посадки самолетов, но и воспользовалось случаем для нанесения удара по отрядам АК. Так, генерал-майор Н.А. Булганин 23 августа 1944 г. информировал военные советы трех Белорусских фронтов о том, что командующий Армией Крайовой генерал Бур отдал приказ, чтобы все части и подразделения АК любыми средствами прорывались за р. Вислу в окрестности Варшавы. Булганин рекомендовал «принять решительные меры, чтобы не допустить движения и ухода за р. Висла хотя бы самых мелких групп АК, а также выявлять, перехватывать и разоружать в соответствии с директивой Ставки ВГК все группы АК»⁵¹. Командующие фронтами в тот же день отдали приказы о принятии указанных мер⁵². Каки-

ми бы жестокими ни казались такие действия, но вряд ли командование Армии Крайовой, решаясь на восстание, могло рассчитывать на помощь Сталина как руководителя «врага 2» в лице СССР. Польское эмигрантское правительство и командование Армии Крайовой готовили планы восстания в тайне от советского руководства, без согласования с ним, не планируя совместные действия с советскими войсками по освобождению Варшавы. Напротив, в этих планах предусматривалась лишь помощь западных союзников. 26 июля, накануне восстания, представители лондонского правительства обратились к британской стороне с просьбами об оказании активной помощи в связи с планом восстания и получили ответ, что правительство Великобритании не может удовлетворить ни одну из этих просьб⁵³. Но все равно они пошли на восстание.

Пока нет ответа, почему Сталин в сентябре 1944 г. все же бросил на помощь восставшим только 1-ю Польскую армию Берлинга. Была ли это чисто демонстративная акция или просто военная неудача? Во всяком случае, военный специалист из Генерального штаба, анализировавший по итогам боевых действий польских войск в сентябре 1944 г. причины их неудач, писал: «Чтобы овладеть городом Варшава ...нужно, по крайней мере, выйти на форты западного укрепленного Варшавского полукольца, которое составляет 30 км. На 30 км фронта потребуется минимум две дивизии, кроме того, для борьбы за г. Варшава потребуется 6–7 дивизий. Итого нужно восемь – девять дивизий. В то время в 1-й польской армии имеется обстрелянных три дивизии. С этим силами и малым опытом 1-я ПА города Варшаву взять не сможет»⁵⁴.

После решения советского командования 22 сентября отвести все части 1-й польской армии с западного берега Вислы на восточный, им была предпринята попытка подготовить и начать наступление в обход Варшавы и создать для этого плацдарм между Наревом и Бугом. Операцию планировалось начать 4–5 октября. Но к этому времени Варшава уже капитулировала. К тому же 4 октября противник предпринял наступление против войск 65-й армии на сероцком плацдарме. Только 19 октября советским войскам удалось восстановить прежнее положение. В конце октября войска 1-го Белорусского фронта перешли к обороне.

Опубликованные ныне и в России записи бесед Сталина и Миколайчика от 3 и 9 августа проливают дополнительный свет на то, что польский премьер-министр эмигрантского правительства не обращался к Сталину с просьбой об оказании Красной Армией помощи повстанцам путем нанесения ударов извне или о координации военных действий между восставшими и советскими войсками. Миколайчик ставил вопрос лишь об оказании помощи пу-

тем сбрасывания оружия и продовольствия с самолетов, Сталин же обещал оказать помощь оружием и направить советского офицера связи⁵⁵. В то же время 3 августа он в жесткой форме заявил о советской политической позиции, в частности о том, что «Советское правительство не признает лондонского польского правительства, что оно порвало с ним отношения. Одновременно советское правительство имеет фактические отношения и договоры с ПКНО». Сталин высказался за то, что прежде чем вести переговоры с Миколайчиком, как главой польского правительства, необходимо достигнуть договоренности с ПКНО об объединении сил и создании временного правительства⁵⁶.

Как известно, переговоры, проходившие 8 августа между Миколайчиком и руководителями ПКНО, закончились безрезультатно. Безусловно, все это можно рассматривать, в определенном смысле, как торг, а его заложниками были варшавские повстанцы. И тогда Миколайчик не использовал шанс, чтобы попытаться реально помочь им.

На весах истории в те дни были, с одной стороны, геополитические интересы, холодный расчет, честолюбивые замыслы, приверженность той или иной «великой идее», а с другой – человеческие жизни. Во всяком случае, в военном смысле действия войск Красной Армии на варшавском направлении подчинялись военной целесообразности и общим военно-стратегическим планам советского командования по разгрому сил вермахта. Красная Армия не нарушала никаких союзнических обязательств по антигитлеровской коалиции.

Когда положение повстанцев стало безнадежным, советское командование предложило руководству АК, чтобы ее войска под прикрытием советской артиллерии и авиации прорвались на правый берег Вислы. Однако командующий АК генерал Бур-Коморовский предпочел сдаться в плен к немцам, отдав приказ об этом подчиненным ему войскам.

Варшавская трагедия глубоко запала в память польского народа. Столица Польши была освобождена лишь 17 января 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции войск 1-го Белорусского фронта при участии 1-й армии Войска Польского.

В соответствии с секретным постановлением Государственного Комитета обороны от 20 февраля 1945 г. государственная граница Польши определялась по линии западнее Свиномюнде до р. Одер. Северную часть территории Восточной Пруссии с городом и портом Кенигсберг было признано «считать в границах СССР, а всю остальную часть Восточной Пруссии, а также Данцигскую бухту с городом и портом Данциг – в границах Польши». Это постановление распространяло действие польской админист-

рации на всю территорию Польши, освобожденную Красной Армией, в указанных границах⁵⁷.

21 апреля 1945 г. Советское правительство подписало с Польским временным правительством Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Этим договором была окончательно определена послевоенная судьба Польши. Практически Потсдамская конференция лишь закрепила дипломатическими документами сложившиеся реалии в отношении Польши, обеспечивавшие геополитические интересы СССР в послевоенной Восточной Европе и новые границы польского государства.

В целом, невзирая на существование различных оценок по поднятым проблемам, нельзя не учитывать, что жизненные интересы польского народа требовали в годы Второй мировой войны сохранения военного союза с СССР, от которого зависели выживание польского народа и судьба освобождения Польши от немецко-фашистской оккупации.

- ¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (Далее: ДМИСПО). Т. 7. М., 1973. С. 198–199.
- ² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 23.
- ³ Там же. С. 23–24.
- ⁴ Там же. С. 29–30.
- ⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) Сборник документов. М., 1979. С. 98–100.
- ⁶ Очерки истории российской внешней разведки. В 6 тт. Т. 4. М., 1999.
- ⁷ Там же. С. 461.
- ⁸ Там же. С. 609–610.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ДМИСПО. Т. 8. М., 1974. С. 21–22.
- ¹¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. IV. С. 462, 558, 593.
- ¹² ДМИСПО. Т. 8. С. 57.
- ¹³ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО РФ). Ф. 223. Оп. 2307. Д. 30. Л. 18.
- ¹⁴ Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 30. Д. 351. Л. 11–13.
- ¹⁵ Там же. К. Соснковский – Верховный главнокомандующий вооруженных сил эмигрантского правительства Польши.
- ¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. Т. 14. (далее: СССР и Польша). М., 1994. С. 456.
- ¹⁷ *Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945*. Vol. 3. London. 1978–1981. P. 457.
- ¹⁸ Данные по бывшему Архиву ЦК КПСС (ныне Архив Президента РФ). Д. № 2. 1944 г. Л. 333.
- ¹⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953. Т. 1. С. 98–99.

- 20 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД о польском подполье 1944–1945 гг. М., 2001. С. 88–92.
- 21 СССР и Польша: 1941–1945. С. 161.
- 22 Там же. С. 333–334.
- 23 Там же. С. 335–336.
- 24 Там же.
- 25 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 42. Д. 551. Л. 3–6,8.
- 26 Там же. Ф. 06. Оп. 6. П. 30. Д. 351. Л. 11–13.
- 27 Там же. Ф. 07. Оп. 5. П. 46. Д. 119. Л. 8–9.
- 28 Там же. Л. 8–9.
- 29 ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 16. Л. 457–474.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 474.
- 32 Там же.
- 33 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 95.
- 34 ЦАМО РФ. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 149. Л. 21, 22.
- 35 Там же. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 540. Л. 70–82.
- 36 См.: НКВД и польское подполье 1944–1945 (По «Особым папкам» И.В. Сталина). М., 1994. С. 99–186.
- 37 НКВД и польское подполье 1944–1945. С. 199–200.
- 38 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Стратегическое исследование. М., 1993. С. 325.
- 39 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. М., 1990. Т. 3. С. 147–152; ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 3. Л. 102–104.
- 40 Жуков Г.К. Указ. соч. С. 147–152.
- 41 ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 12. Л. 376.
- 42 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 10; Д. 431. Л. 32–33; Д. 435. Л. 42–43.
- 43 СССР и Польша: 1941–1945. С. 201.
- 44 ЦАМО РФ. Ф. 307. Оп. 4148. Д. 247. Л. 50; Д. 226. Л. 105.
- 45 Там же. Д. 207. Л. 151–154.
- 46 Там же. Ф. 233. Оп. 178503. Д. 2. Л. 119–121.
- 47 Там же.
- 48 СССР и Польша: 1941–1945. С. 218–219.
- 49 Там же. С. 238–239.
- 50 Там же. С. 258 – 259.
- 51 ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 108. Л. 23, 24.
- 52 Там же. Д. 27. Л. 31–32.
- 53 СССР и Польша: 1941–1945. С.236; Новое время. 1988. № 34. С. 35–37.
- 54 Там же. С. 274–275.
- 55 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т.1. С. 84–89.
- 56 Там же. С. 70.
- 57 СССР и Польша: 1941–1945. С. 409–410.

ПАТРИОТИЗМ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Е.М. Мальшева**

(Майкоп)

Патриотизм – как чувство любви к Отечеству и нравственная основа долга личности перед своим народом в многонациональной России закреплялся и утверждался не одно столетие. Он всегда был показателем высокой гражданственности, сопричастности с судьбой страны и выражался в стремлении к активным действиям во благо Отечества. Возникший как сложное социально-политическое явление, патриотизм проявлялся в активном и деятельном стремлении к благополучию Родины, чувстве гордости за успехи, боли за беды своего народа, высокой ответственности за ее судьбу и будущее.

Для гражданина России во все времена были важны моральные устои, которые впервые обретаются в семье, и именно они составляют стержень патриотизма, национального достоинства, без которых не может быть национального суверенитета.

В СССР накануне войны сложился новый тип патриотизма – советский патриотизм, воплотивший наиболее яркое выражение патриотического чувства. Он проявлялся в горячей любви и преданности своему Отечеству, в действительно самоотверженном труде на благо Родины, активной жизненной позиции, преданности идеалам героических поколений прошлого, готовности защищать Родину от внешних врагов.

Мировоззрение, основанное на нравственно-духовном, культурно-историческом потенциале, на осознанном общенациональном интересе, правомерно будет назвать государственным, патриотическим, или государственно-патриотическим.

Опыт истории России показывает: наличие общенациональной идеи, четко сформулированной, близкой и понятной всему обществу цели способно не только остановить интеллектуальную и духовную деградацию, но и сделать общую систему национальных ценностей могучей силой спасения Российского государства. Так было в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

* Мальшева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор Адыгейского государственного университета (Майкоп).

Общественно-политический строй, сложившийся в СССР на основе социалистической, марксистской идеологии, в предвоенный период создал такое феноменальное суперэтническое образование с высочайшей пассионарностью, как Советский народ.

В основе мировоззрения советского общества были идеи, утверждавшие равенство и равноправие всех народов, независимо от их национально-этнической принадлежности, признание общности коренных интересов всего социума, отрицание как национализма, так и национального нигилизма.

Основой официальной доктрины, которой руководствовалось государство, было признание национальных достоинств каждого народа и их синтеза с интернациональными, общечеловеческими.

В менталитете советского суперэтноса, включавшего в себя 130 наций и народностей, доминировали и составляли основу духовного единства социума идеи и приоритеты ценностей социализма, его адептов социальной справедливости, равенства, общей, четко сформулированной цели.

С началом Великой Отечественной войны, ставшей тяжелым испытанием для всего советского народа, особо рельефно проявилось своеобразие социальной психологии гражданского общества с его высокой внутренней энергией, способностью и готовностью в абсолютном своем большинстве на патриотизм, самоотречение и жертвенность.

Стремление выстоять и победить агрессора составляло духовную основу морально-политического и духовного единства социума в годы войны, явилось могучим побудительным мотивом беспрецедентной самоотверженной героической борьбы за Победу. Советский патриотизм был неразрывно связан с интернационализмом, братской дружбой народов СССР.

В сознании народов СССР и их политическом статусе произошли изменения, не учтенные нацистским руководством Германии. Советская система обеспечила равноправие всем нациям и народностям, утвердила новые межнациональные отношения, устранив недоверие, подозрительность, межнациональную вражду. Характерными чертами межнациональных отношений стали равноправие и коллективизм, интернациональное единство, братская дружба и взаимное уважение.

Морально-политические и общественно-идеологические компоненты сознания народов СССР содержали убежденность в справедливом характере Отечественной войны и необходимости идти на жертвы во имя независимости отечества, твердую уверенность в победе и ненависть к захватчикам, идеи патриотизма, мужества, моральной стойкости и интернационального единства.

Народы Советского Союза перед лицом смертельной опасности с началом войны, вопреки расчетам противника, еще теснее сплести свои ряды и стали единым фронтом на пути поработителей.

«Мы все – русские и украинцы, грузины и белорусы, татары и башкиры, казахи и узбеки – являемся сынами единой матери – Советской Родины, – писали воины 1-го Украинского фронта. – Советская Родина – это мы, наша судьба, наша жизнь. Мы защищаем ее свободу, независимость и целостность... Наша сила – в нерушимой дружбе народов нашей страны»¹.

С первых дней войны многонациональная страна превратилась в единый боевой лагерь. На ее защиту встали воины всех национальностей без исключения. Все союзные и автономные республики, области, национальные регионы материально и морально поддерживали фронт, армию, участвовали в движении сопротивления, помогали населению освобожденных от оккупации районов.

30 ноября 1942 г. газета «Правда» писала: «Советский строй, добытый потом и кровью людей, дорог каждому народу нашей страны. Мы видим, как все национальности соревнуются в героизме, упорно и жестоко борются с врагом»².

Проявление патриотизма и национального единства народов СССР в годы войны было многообразным и проникло во все аспекты жизнедеятельности советского социума. Вместе с тем можно условно выделить несколько направлений их развития. Первое: участие всех этносов в вооруженной борьбе с фашизмом, которая отличалась массовым героизмом и боевым сотрудничеством. Второе: массовый трудовой героизм рабочих, крестьян, интеллигенции всех республик СССР, позволивший создать слаженное военное хозяйство в ходе боевых действий, превратить восточные районы СССР в могучий арсенал фронта и одержать экономическую победу над Германией и ее сателлитами. Третье: борьба патриотов всех национальностей на временно оккупированной территории. Четвертое: единство фронта и тыла, помощь, многоаспектная материальная и моральная поддержка армии всеми народами СССР. Пятое: беспрецедентная, не имеющая аналогов в мировой истории братская бескорыстная помощь трудящихся союзных и автономных республик страны населению прифронтовых и освобожденных районов, пострадавших от военных действий и вражеской оккупации.

Контингент Красной Армии отражал многонациональный состав советского общества и олицетворял собой национальное единство народов СССР.

Десятки интернациональных по составу дивизий и бригад были посланы на фронт трудящимися среднеазиатских республик, Сибири, Урала, Дальнего Востока, Кавказа.

Только за первые десять месяцев войны в армию было призвано из национальных районов СССР свыше 1 млн человек. В Закавказье, например, было сформировано 19 национальных дивизий и 211 истребительных батальонов. На Северном Кавказе уже осенью 1941 г. по инициативе региональных комитетов обороны стали создаваться истребительные батальоны. За короткий срок здесь было сформировано 230 истребительных национальных батальонов с количеством бойцов около 40 тыс. человек. В 1942 г. на Северном Кавказе были созданы 17-й кубанский казачий корпус, 9-я пластунская дивизия, Северо-Осетинская стрелковая бригада, 114-я Чечено-Ингушская и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, Адыгейский национальный кавалерийский полк и другие соединения³.

В сентябре 1942 г. газета «Правда» писала: «...Для гитлеровских подлецов народы Кавказа – туземцы». Гитлеровское чудовище хочет разорвать связь между всей страной и Кавказом. И точно так же враг стремится разорвать братские узы, которыми спаяны народы Кавказа со всей семьей советских народов⁴.

Когда-то между казаками и горцами Северного Кавказа существовала культивируемая политикой царизма непримиримая и ожесточенная борьба. В процессе формирования национальных дивизий и ополчений проявилось интернациональное единство и дружба народов. Донские, кубанские, терские и сунженские казаки одними из первых стали помогать рождению горских национальных соединений, частей.

На Северном Кавказе в ряды народных ополчений на защиту Родины встали представители всех без исключения народов, проживавших в регионе. Здесь, в силу национальных традиций, особо активно создавались кавалерийские дивизии, отличавшиеся в боях мужеством, лихой отвагой и бесстрашием. По отзывам военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, красноармейцы-добровольцы кавказских национальностей являлись лучшими кавалеристами и конно-разведчиками дивизий.

Своим героизмом, участвуя в боях на фронте, они опровергли утверждения некоторых зарубежных военных специалистов о том, что отсталые в прошлом народы СССР якобы не способны к несению воинской службы.

Всего в годы войны было сформировано более 80 национальных боевых соединений⁵.

Многонациональное народное ополчение СССР представляло одну из наиболее рельефных форм политической активности трудящихся.

В военный период возросла авангардная роль руководящей и единственной реальной политической силы в стране – партии коммунистов.

Ряды многонациональной ВКП(б) за 1941–1945 гг. пополнили 5 млн советских людей, 3 млн пали смертью храбрых на фронтах, 2,5 млн получили награды за боевые подвиги, 75% всех удостоенных звания Героя Советского Союза были коммунистами⁶, свыше 80% состава партии было сосредоточено в Вооруженных Силах СССР и оборонных отраслях. В составе 200 стрелковых дивизий (более 1 млн человек) на 1 января 1943 г. 64,6% общей численности составляли русские, 11,8 – украинцы, 3,05 – казахи, 2,69 – татары, 2,42 – узбеки, 1,9 – белорусы, 1,8 – грузины, 1,75% – азербайджанцы и т.д.⁷

Коммунистическая партия в своей деятельности уделяла большое внимание идеологической работе и интернациональному воспитанию воинов и тружеников тыла, их духовной мобилизации. В 1942 г. в стране издавались 4561 газета и 327 журналов тиражом 18 млн экземпляров, а к 1945 г. – 6072 газеты разовым тиражом 23 млн экземпляров⁸. Была развернута эффективная работа военных средств массовой информации: центральные военные газеты, 19 газет фронтов и флота, свыше 100 – армий и флотилий, сотни многотиражек в дивизиях и бригадах; 20 журналов тиражом около 2 млн экземпляров. Только для национальных воинских формирований на фронтах выходило 64 газеты на языках народов СССР, выпускалось огромное количество листовок, плакатов, брошюр⁹.

Одним из наиболее действенных и продуктивных средств массовой информации в годы войны было радиовещание, которое ежедневно более чем на 70 языках народов СССР и 28 иностранных языках вело передачи. В 1944 г. трансляции из Москвы длились 88 часов в сутки, а в целом по стране они достигали объема почти 1200 часов в день¹⁰. Результативность всей идеологической работы СМИ по интернациональному воспитанию проявилась уже в огне первых кровопролитных сражений лета и осени 1941 г. и была показательной до конца войны.

Боевое братство народов СССР, их стойкость в защите Родины явились главным фактором победы на всех фронтах Великой Отечественной войны: в обороне Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда, Новороссийска и Керчи, Москвы и Бреста. «В Сталинграде, под Ленинградом, на Кавказе смешивается кровь русских и узбеков, и украинцев, и таджиков, и белорусов, и азербайджанцев, и грузин... Братство, скрепленное кровью за Родину – самое крепкое братство. Нет дружбы сильнее побратимства. На святом деле защиты Отечества побратались вся советская страна»¹¹, – отмечалось в центральной прессе.

Суровым испытанием на крепость дружбы народов СССР стала битва за Кавказ, где проживало свыше 40 наций и народно-

стей. В рядах его защитников проявили мужество 12 соединений из воинов кавказских национальностей, в том числе 414-я грузинская, 89-я армянская, 223-я и 402-я азербайджанские и 389-я узбекская стрелковые дивизии¹². Бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев писал: «Враг возлагал большие надежды на непрочность советского тыла на Кавказе. Фашистская разведка пыталась сколотить здесь свою агентуру. Гитлеровцы надеялись на ослабление дружбы народов Закавказья. Стремилась восстановить закавказские народы друг против друга, против великого русского народа. Но и эта их надежда лопнула. Битва за Кавказ ...явилась яркой демонстрацией нерушимой дружбы советских народов»¹³.

Интернациональное содружество народов СССР способствовало слаженной работе тыла. На Урале, в Поволжье, Сибири, на Кавказе, в Средней Азии, Узбекистане и Казахстане были созданы новые мощные военно-промышленные базы, восточные районы страны стали солидным арсеналом Великой Отечественной войны. Общие проблемы и заботы, тяготы и неустроенность быта, страдания, боль за потери родных и близких, вера в победу укрепляли в глубоком тылу чувства единения и подлинного братства у людей разных национальностей.

Доминирующей чертой массового сознания советского социума было активное неприятие политики и практики оккупантов, их идеологии и морали, ненависть к ним. Нравственные и мировоззренческие ценности и ориентиры, справедливый характер и цели Великой Отечественной войны, коренная противоположность духовных потенциалов борющихся сторон обусловили широкий размах всенародной, интернациональной по характеру борьбы на временно оккупированной территории СССР. В партизанской борьбе приняло участие более 1 млн человек.

Было создано 2 тыс. партизанских отрядов. Только на Северном Кавказе действовали 250 отрядов, в составе которых сражались представители 40 национальностей региона. В 1943 г. вермахт использовал против партизанских формирований около 25 дивизий своей действующей армии¹⁴. 184 тыс. боевых орденов и медалей было вручено партизанам и подпольщикам оккупированных районов страны, 190 из них удостоены звания Героя Советского Союза¹⁵.

После освобождения от оккупации каждая союзная республика и автономная область внесли свой заметный вклад в возрождение пострадавших районов. Так, Казахстан помогал Украине, Удмуртская АССР, Новосибирская, Ульяновская и Ярославская области – Белоруссии, Азербайджан – Ставрополю, Татария – Орловской области, Чувашская АССР – Ворошилов-

градской области, Адыгея – Ленинграду и т.д. Это было в подлинном смысле слова всенародное движение, причем освобожденные районы, в свою очередь, сами оказывали помощь другим областям страны.

Патриотизм и национальное единство в годы войны проявились в различных формах поддержки армии. Были созданы фонды Красной Армии, обороны, помощи семьям и детям фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны. На средства людей разных национальностей, внесенные в Фонд Красной Армии и Фонд обороны, было построено и передано войскам более 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, артиллерийских орудий, более 20 подлодок и военных катеров, много другой боевой техники и вооружения¹⁶. Свыше 5,5 млн человек стали донорами. 18 тонн крови сдали трудящиеся Кубани, 8 тонн – жители Ставрополя¹⁷, одни только ленинградцы для сохранения жизни и здоровья воинов сдали 144 тонны крови¹⁸.

Представители более 100 наций и народностей СССР, 7 млн защитников Родины награждены орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны; 11 тыс. из них – представители более 60 наций – удостоены высокого звания Героя Советского Союза: 8182 русских, 2072 украинца, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 96 казахов, 91 грузин, 90 армян, 69 узбеков, 61 мордвин, 44 чуваша, 43 азербайджанца, 39 башкир, 32 осетина, 8 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазов, 3 якута и представители многих других национальностей¹⁹.

Американский историк Дж. Брэдли писал: «Сила России заложена в укреплении союза ее народов, известного под названием Союз Советских Социалистических республик (СССР) и возглавляемого ...сильным правительством. ...В решающей степени ее сила выражена в любви русских к своей Родине...»²⁰

Ни один народ в Европе не мог обуздать гитлеровскую Германию, превратившуюся во врага всего человечества, – только народы Советского Союза и его героическая армия.

«Человечеству никогда не забыть грандиозного героического коллективного подвига народов Советского Союза, которые, встав во главе антифашистской коалиции и всех антифашистских и демократических сил, внесли главный вклад в дело победы над гитлеровским фашизмом»²¹ (Густав Гусак, президент ЧССР).

История Великой Отечественной войны содержит много интересного, поучительного и полезного для нашего времени структурного кризиса, который вызвал попытки полностью переписать ее, вытравить память о героях, дискредитировать всемирно признанный подвиг советского народа, в силу конъюнктурных соображений или в поисках сенсационности упрощенно, в черно-бе-

лых красках показать неоднозначные многомерные, порой противоречивые процессы жизни социума.

В 90-х годах в условиях начавшегося переосмысления всей истории России особый интерес стали вызывать ранее «закрытые» темы, в том числе коллаборационизм. С 1991 по 1995 гг. наблюдается значительный рост историографии Великой Отечественной войны. Наряду с объективными, основанными на солидных источниках научными исследованиями (такими как: *Фролов М.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии (СПб., 1994 г.); *Раманичева Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995; *Решина Л.Е.* Воинствующая некомпетентность // Воен.-ист. журн. 1992, № 3; *Кудряшова С.П.* Предатели, освободители или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14) появляются явно тенденциозные, конъюнктурные публикации (*Коренюк Н.* Огонек, 1990. № 46; и др.).

В этом контексте малосостоятельными представляются попытки показать всеобщий характер коллаборационизма как результат национальной и социальной конфронтации народов СССР, отрицание советского патриотизма и воспитанного мощной системой партийно-политического и идеологического аппарата социалистического интернационализма.

Попытки эти несостоятельны с точки зрения объективности и исторической истины. Исторический процесс всегда явление сложное и многогранное, особенно в кризисных, переломных, экстремальных условиях. В военное время встречались малодушие и трусость, предательство и измена, был приказ № 227 «Ни шагу назад» и штрафные батальоны. Государственный режим в СССР, сложившийся к 40-м годам как авторитарный и тоталитарный, продолжал функционировать, осуществляя репрессии, депортируя целые народы со своей исторической Родины, 40% контингента ГУЛАГа отбывали наказания в конце войны как совершившие «контрреволюционные преступления»²².

Вместе с тем, анализируя факторы, определявшие моральное состояние населения временно оккупированных территорий СССР, необходимо отметить, что незначительная часть общества была не без оснований настроена конфронтационно к существовавшему тоталитарному режиму власти. Однако это не означало их доброжелательного отношения к армии противника. Нацисты учитывали в своей национальной политике просчеты и преступления против прав человека советских органов власти. Анализ социального состава контингента коллаборационистов показывает, что это были люди, пострадавшие от репрессий, на-

сельскохозяйственной коллективизации. потерявшие былые привилегии слой общества.

Демонстрируя подчеркнуто благожелательное отношение к этим strатам социума, нацисты стремились противопоставить свою политику сталинскому режиму.

Коллаборационизм является одной из наиболее сложных, трудно поддающихся анализу социальных проблем истории Второй мировой войны. Проявления коллаборационизма имели место во всех без исключения 12 оккупированных войсками нацистской Германии и ее союзниками странах.

По традиции, сложившейся в советской и новейшей российской историографии, коллаборационизм противопоставляется одному из самых сильных гражданских чувств, определяющих менталитет советского человека, – патриотизму.

Выделяются четыре основные формы сотрудничества с противником: политическое, военное, административное и хозяйственное. Хозяйственная форма коллаборационизма выразилась в добровольной мобилизации и силовом привлечении населения оккупированных регионов в промышленное и сельскохозяйственное производство для экономики третьего рейха; административная – в участии гражданских лиц в функционировании местных оккупационных административных структур власти; политическая – в патронировании германскими руководящими кругами различных, в основном эмигрантских комитетов, претендовавших на роль марионеточных правительств. Наиболее рельефным было сотрудничество в военной сфере, в которое были вовлечены советские военнопленные, эмигранты первой волны, бывшие участники Белого движения, а также часть гражданского населения, оказавшегося в фашистской оккупации. Военный коллаборационизм, по данным немецкой историографии, был наиболее массовым по сравнению с другими формами сотрудничества.

Освещение такой «нежеланной», ранее закрытой для отечественных историков темы, как коллаборационизм, требует конкретного научного анализа как объективных условий, так и субъективных поведенческих мотивов действий субъекта или strаты, социума, выявления многомерной картины общественных настроений, взаимодействия социального и индивидуального в духовной атмосфере периода войны.

Еще до начала войны, рисуя в своих планах радужную картину освоения природных богатств Советского Союза, гитлеровские захватчики делали ставку на межнациональную конфронтацию, разрушение дружбы между русскими и нерусскими народами, надеялись на беспрепятственное установление своего господства в оккупированных регионах. В их планы входила задача рас-

колоть советское социалистическое общество, восстановить крестьян против рабочего класса, против советской власти, колхозов, противопоставить народы друг другу на основе жесткой конкурентной борьбы за выживание.

Стратегическая установка Гитлера относительно народов, населяющих широкие просторы России, – «...поощрять любую форму раскола и разногласий»²³. Предусматривалось проведение массовых мятежей, диверсий, террора, беспорядков с помощью коллаборационистских этнических формирований из национальных меньшинств СССР. В планы вермахта входила задача силами местного населения кавказской эмиграции организовать «восстание на территории Кавказа»²⁴. «На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами... На Кавказе ...между туземцами – грузинами, армянами, татарами – и русскими... – в прибалтийских странах использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышами и русскими», – гласила одна из директив, адресованных оккупационным частям²⁵.

В своей речи «О политических целях Германии в войне против Советского Союза и планах его расчленения» Розенберг 20 июня 1941 г. заявил в Берлине: «...Задачи нашей политики... органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы.

Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток границы Европы: 1. Великая Финляндия, 2. Прибалтика, 3. Украина, 4. Кавказ.

...Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы не берем на себя никакого обязательства, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия»²⁶.

Так цинично планировалось распорядиться еще не захваченными советскими территориями, на которых труженики имели бы максимум обязанностей и никаких прав. В гитлеровских планах намечалось создание рейхкомиссариата «Кавказ», в который должны были войти пять генеральных комиссариатов: «Грузия», «Азербайджан», «Кубань», «Ставрополь» и «Кавказские горы», куда включался Дагестан²⁷.

Во главе гитлеровской администрации на Кавказе должен был стоять «Имперский покровитель по Кавказу» или «Наместник Кавказа».

Среди офицерского корпуса и солдат вермахта, участвовавших в боевых действиях на Кавказе, была распространена специ-

ально разработанная «Памятка относительно обращения с кавказскими народами». Она дословно гласила:

«а). Кавказцы имеют выраженное национальное чувство и сознание племени; они свободолюбивы и горды. Одновременно с этим они очень чувствительны, поэтому физические наказания и оскорбления по отношению к кавказцам не допускаются.

Кавказцы ожесточенно сопротивлялись каждому чужому завоевателю, который намеревался их угнетать. Поэтому следует ласково обращаться с кавказским населением, пока не имеется повода к другому рода обращению. Рекомендуется осторожность в обращении с городским населением, пропитанным советской интеллигенцией»²⁸.

Дополнительно был издан главнокомандующим армейской группы «А» приказ «Всем войскам на Кавказе», в котором подчеркивалась необходимость с кавказским населением обращаться как с дружественным народом, за исключением случаев, когда оно ведет себя враждебно по отношению к немцам; не ставить препятствий стремлениям горцев ликвидировать коллективную систему и распустить колхозы; «разрешить открытие церквей всех религий и совершение богослужений, а также выполнение обычаев и обрядов; в особенности оберегать честь кавказских женщин; своим образцовым поведением приобрести доверие населения, сотрудничество которого имеет огромное военное значение в чрезвычайно трудных для контроля горах и может значительно облегчить дальнейшее наступление».

Приказ подписал высший СС- и полицейфюрер Кавказа генерал-лейтенант Корземанн. Ответственными за исполнение данного приказа были все офицеры, военнослужащие СС и полиции безопасности.

Нежелание основной части населения временно оккупированных территорий сотрудничать с фашистами вызвало изменение оккупационной политики вермахта в сторону ее ужесточения.

Член тайной полиции 626-й группы при первой танковой армии германских войск Фридрих Шмидт, подробно описывая издевательства над советскими людьми в районе Таганрога, вынужден был признаться: «Но как героически умеет умирать большевистская молодежь! Что это такое? Любовь ли к отечеству или коммунизм, проникший в их плоть и кровь? Это бесспорно так. Некоторые из них, особенно девушки, несмотря на жестокие избиения, не проронили ни слезинки, не плакали при расстрелах. Так ведь это доблесть!»²⁹ Пуля советского партизана настигла этого гитлеровского палача в предгорьях Северного Кавказа.

Несостоятельность прогнозов вермахта в оценке настроений советских людей и их отношения к армии вторжения вынудила

оккупационные власти обратиться к террору. Осмысление этого факта помогает более глубоко раскрыть такую сложную проблему, как социальные отношения в годы войны, взаимозависимость психологии масс и конкретной административно-государственной политики структур власти.

Встретив повсеместное сопротивление со стороны населения оккупированных районов Северного Кавказа, фашисты стали проводить ничем не прикрытую политику массового истребления советских людей, применяя для этого самые изуверские методы и уничтожив около 190 тыс. человек. Гитлеровские оккупанты расстреляли, повесили, удушили и замучили в застенках гестапо на территории Краснодарского края более 61 тыс. советских граждан³⁰, 122 тыс. северокавказцев было угнано в Германию³¹.

В конце октября 1942 г. была оккупирована почти вся территория Кабардино-Балкарской АССР. В отчете Кабардинского обкома ВКП(б) на секретариате «О политическом положении в Кабардинской АССР» отмечалось, что свыше 72% партийных организаций республики не было эвакуировано. Немцам оставался весь колхозный скот, 50% партизан перешли линию фронта и добровольно сдались оккупантам.

В первые же дни оккупации республики в Нальчике было создано так называемое Представительство интересов Кабардино-Балкарии из белоэмигрантов и национал-коллорабационистов. Представительством был организован сбор подарков немецкому командованию. В качестве подарка Гитлеру был передан лучший племенной жеребец в золоченной сбруе с дорогим седлом в серебряной отделке.

В Кабарде, как отмечалось в справке, немцы чувствовали себя спокойно: не было случаев убийства оккупантов или саботажа мероприятий, проводившихся немецкими оккупационными властями³². От двух до пяти месяцев в различных районах республики хозяйничали гитлеровские оккупанты. За недолгий период оккупации фашисты уничтожили здесь 4241 гражданина³³. Немецко-фашистские захватчики ликвидировали государственность кабардино-балкарского народа, лишили его всех политических прав, причинили огромный ущерб народному хозяйству республики.

За время оккупации Северо-Осетинской АССР было угнано в фашистскую неволю 1659 советских граждан, замучено 75 человек³⁴.

«Народы Кабарды и Балкарии, Чечни и Ингушетии, Осетии и Дагестана были и остаются советскими народами, – писала газета “Боец РККА” 18 сентября 1942 г. Дым сожженных кызбурунских жилищ, кровь кабардинских женщин, стариков и детей, стон девушек, под конвоем идущих в немецкое рабство – зовут к мести»³⁵.

Мало сказать, не соответствует правде, звучит чудовищно цинично оценка К.Г. Пфедфером поведения фашистов на захваченных территориях: «В оккупированных областях и районах боевых действий, расположенных за пределами Германии, немецкие солдаты... испытывали глубокое уважение к себе и несокрушимую веру в собственную правоту, что придавало их поведению простоту и скромность»³⁶.

30 марта 1941 г. Гальдер отмечает в своем дневнике наставление Гитлера: «Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость – благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания. ...Комиссары и лица, принадлежавшие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать как с преступниками»³⁷. Однако «как с преступниками» поступали оккупанты не только с указанной категорией, но и с рабочими, колхозниками, женщинами, детьми, стариками.

Нацистская пропаганда изощрялась в попытках разъединить советские народы и лишить их воли к борьбе. Служба безопасности СД, находившаяся в ведении СС, проводила подготовку операций по заброске в советский тыл групп советских военнопленных для подрывной, политической и диверсионной работы. Планировалась высадка специально подготовленных русских частей вблизи наиболее отдаленных лагерей ГУЛАГа с целью освобождения заключенных и использования их в интересах вермахта. Главным управлением СС и германской разведкой было создано большое количество разнообразных школ, команд и спецчастей.

К наиболее крупным из них относится созданная разведслужбой вермахта – абвером – специальная часть «Бергман» («Горрец»). Провокационные листовки, фотоснимки, газеты, брошюры, кинофильмы, радиопередачи, плакаты, воззвания, официальные распоряжения гитлеровских властей – все было пущено в ход для того, чтобы «умиротворить» горцев и казаков, добиться от них безропотного послушания оккупационной армии. С этой целью была предпринята провалившаяся фашистская попытка фарисейского заигрывания с местным населением.

На горном Кавказском перевале при разгроме немецкой части был перехвачен секретный приказ командующего 44-м германским армейским корпусом от 8 августа 1942 г. «Здесь нужно действовать иначе, чем на Дону, – гласил приказ, – считается с тем, что в этих районах добровольные группы горно-кавказского населения могут сыграть немалую роль. Восстание горных народов Кавказа, направленное против нас, может иметь тяжелые для

нас последствия... Необходимо проработать приказ о запрещении грабежей...»³⁸

Потерпели крах попытки, ухищрения поборников «нового порядка» склонить народы Северного Кавказа к всеобщему коллаборационизму. Вместе с тем историческая справедливость требует отметить наличие проявлений элементов коллаборационизма практически на всех территориях, оккупированных германскими вооруженными силами. Определенную роль здесь сыграло изменение тактической концепции оккупационных органов. При поддержке министерства по восточным вопросам было решено провести так называемый Кавказский эксперимент летом-осенью 1942 г. с целью привлечения на свою сторону населения оккупированных районов. Результаты неудавшегося «эксперимента» доказывают необоснованность утверждений об «упущенных возможностях» фашистской оккупационной политики. Как раз возможности воздействия «пряником» фашистские органы использовали на Северном Кавказе с первых дней оккупации. Была пущена в действие измененная пропагандистская тактика, одобренная самим Гитлером, обещания населению «свободы и благосостояния», создание национальных органов управления, восстановление единоличных крестьянских хозяйств и всех связанных с этим благ. Незначительный результат получили гитлеровцы от «работы» по комплектованию национальных формирований из горцев Северного Кавказа с целью «борьбы с большевизмом», а также созданию «добровольческих» частей кубанских, донских, терских казаков, находившихся в «оппозиции к Советам».

Национальные «добровольческие» части формировались насильственными методами. Отказывающихся от вступления в эти «добровольческие» формирования подвергали жестокой экзекуции, которая распространялась и на членов их семей, невзирая на пол и возраст: не щадили ни детей, ни женщин, ни престарелых людей. «Набор» в национальные легионы проводился среди гражданского населения оккупированных районов, которое подвергалось массивной фашистской пропаганде: давалась ложная информация о «победах» фашистской армии на фронтах, о якобы взятии городов Москвы, Ленинграда, Сталинграда, захвате всего Кавказа. Все аксессуары фальшивой геббельсовской пропаганды были направлены на идеологическое разложение народов СССР. В целях пропагандистской обработки населения в мае 1942 г. главным командованием гитлеровской сухопутной армии и командованием армий запаса было объявлено об учреждении на оккупированной территории Советского Союза четырех националистических легионов – туркестанского, кавказо-магометанско-

го, грузинского и армянского, а также двух казачьих корпусов из донских и кубанских казаков³⁹.

Кроме этого, в структуре вермахта действовали так называемые спецподразделения для ведения пропагандистской, диверсионной, подрывной работы в тылу войск Красной Армии. Создавались также специальные формирования в войсках СС. По данным А. Даллина, количество «хиви» («добровольных помощников») составило к концу 1942 г. 200 тыс., а весной 1943 г. превысило 0,5 млн человек.

В распоряжении гражданской немецкой администрации рейхскомиссаров находились около 300 тыс. человек, состоявших на службе в полицейских командах⁴⁰.

В сентябре 1942 г. Орджоникидзевским крайкомом ВКП(б) в глубинные районы Ставрополя были посланы две разведгруппы. В докладной записке в ГКО на имя К.Е. Ворошилова отмечалось, что на службе у оккупантов старостами, полицейскими состоят социально чуждые элементы, антисоветски настроенные выходцы из белогвардейских семей, эмигранты. Фашистские оккупационные власти старались сформировать из них отряды карателей. В один отряд было завербовано 40 человек в Буденновске, в другой – в Дивном – 300 человек⁴¹.

Завербованные добровольцы, так называемые отряды безопасности и охранные команды из местных жителей, согласно секретному приказу Гальдера № 8000/42 от 13 августа 1942 г. (пункт 4а–д) приводились к присяге, текст которой гласил: «Клянись богом, что в борьбе против большевистских врагов моей Родины безусловно буду послушен Верховному главнокомандующему германских вооруженных сил Адольфу Гитлеру, и как храбрый боец готов умереть за нашу клятву»⁴².

Спротивление патриотически настроенного населения «вербовке» влекло массовый террор по отношению к мирным жителям. Недалеко от Дивного, в лесополосе фашистами было расстреляно 300 человек, в Летней Ставке – 156 человек. Настроенные основной массы населения, отмечали разведотряды, характеризовалось ненавистью к оккупантам.

Задачам комплектования националистических соединений и агитации горцев и казаков выступить на борьбу с большевизмом и советской властью служила акция доставки в оккупированные районы белоэмигрантов, бывших царских генералов и других представителей буржуазно-националистических элементов. Так, на Дону и Кубани бывшие белогвардейские генералы Краснов и Шкуро пытались «уговорить» казаков стать коллаборационистами и вступить в специальные части для борьбы на стороне вермахта. В октябре 1942 г. бывший атаман Войска Донского генерал Краснов обратился к казакам Дона, Кубани и Терека с призы-

вом поддержать фашистскую Германию. На Северный Кавказ были доставлены для агитации среди казачества белоэмигрант Венеровский, белогвардейский генерал Щепетильников, есаул Вольтер, офицер гестапо Алидзаев, для «работы» среди карачаевцев – белогвардейский полковник Леккарт. В Адыгею вернулся бежавший в 1920 г. с остатками врангелевских войск главарь адыгейской контрреволюции Султан-Гирей⁴³.

Из белогвардейских эмигрантов-контрреволюционеров различных кавказских народностей были созданы специальные группы, организован штаб «К» («Кавказ»), которые развернули активную деятельность по вербовке населения оккупированных районов. На пост рейхкомиссара Кавказа был назначен протеже Розенберга Шиккеданц. Осенью 1942 г. кавказское подразделение было включено в состав дивизии особого назначения «Бранденбург». Батальон «Бергман» («Горец») под командованием Оберлендера совместно с дивизией «Бранденбург» предназначался для осуществления диверсий и «организации путчей на Кавказе», причем фашистские органы делали ставку на «взаимную неприязнь» части кавказских народностей.

Немецкой разведкой предпринимались большие усилия для дестабилизации обстановки в республиках Северного Кавказа еще в августе 1941 г. Тогда на территорию Чечено-Ингушской ССР был сброшен десант во главе с офицером абвера Османом Губе. Бывший офицер царской армии из семьи торговца, он в составе деникинских войск воевал против Красной Армии, прошел подготовку в разведшколе Германии. Ему была обещана должность начальника полиции Северного Кавказа в случае победы вермахта.

В августе-сентябре 1942 г. в Веденском, Пседахском, Пригородном и Голашкинском районах было сброшено три десанта численностью 40 человек с той же целью: создать отряды коллаборационистов⁴⁴.

Белоэмигранты использовались министерством иностранных дел Германии для поддержания продвижения фашистских войск «психологическими средствами». С этой целью в апреле 1942 г. в Берлине, в отеле «Адлон» было проведено совещание белогвардейских эмигрантов кавказских национальностей, на котором была принята подготовленная «Прокламация независимости кавказских народов», подобран грузинский «престолонаследник» – белогвардейский эмигрант граф Багратион Мухранский⁴⁵.

Обращение к эмигрантским кругам и более активное их привлечение к участию в покорении СССР резко интенсифицируются после провала блицкрига. В 1942 г. активно создаются различные национальные комитеты: Центральная рада, армянский, гру-

зинский, татарский, северокавказский, кабардино-балкарский, карачаевский, туркестанский и другие. Активной пропагандистской работой среди северокавказцев занимался военнопленный чеченец Мансур (А. Авторханов), редактировавший еженедельную газету северокавказского движения «Газават»⁴⁶.

Фашисты рассчитывали на оппозицию советской власти в лице казачества и нелояльность народов, в том числе и населявших Кавказ, к государственной политике СССР, на их межнациональную и классовую рознь.

Этими расчетами объяснялась первоначальная попытка оккупантов заигрывать с населением Северного Кавказа, Кубани, Дона и Терека, особенно с казачеством.

На задабривание казачества было направлено воссоздание на оккупированной территории «былых казачьих вольностей», введение института атаманов, урядников, старост, создание организаций с громким названием «Штаба войска Донского» и т.п. Однако все эти меры не принесли вермахту ожидаемого успеха.

Провокациями, ложью, клеветой, подкупом, обещаниями пытались гитлеровцы скрыть от населения свои чудовищные замыслы об истреблении славянской расы и других этносов СССР, которые в документах значились как «Untermenschen», т.е. «недочеловеки», и превращении их земель в «жизненное пространство» Германской империи.

По признанию Гитлера «важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии мешать нам установить немецкое господство в Европе»⁴⁷.

Некоторые западные историки, вопреки исторической достоверности, пишут о национальной и социальной конфронтации народов СССР советской власти. Так, сотрудник военно-исторических исследований бундесвера И. Хоффман утверждал, будто в годы войны национальная политика советского государства не выдержала испытаний и потерпела полное крушение. Эти высказывания он пытался подтвердить фактом создания немецко-фашистским командованием в 1942 г. специального штаба по формированию так называемого восточного войска из населения оккупированных районов и военнопленных, будто бы изъявивших желание «добровольно» сотрудничать с фашистами и бороться на стороне Германии. Однако эта работа, действительно проводившаяся гитлеровцами, как сказано выше, не принесла желаемого результата. К реализации идеи создать себе искусственную поддержку на Северном Кавказе фашисты приступили тогда, когда их войска находились под Сталинградом и в предгорьях Кавказа. Американский ученый Х. Дэвис пишет, что «восточное войско состояло, в основном, из насильственно набранных людей,

которых немецкое командование не могло послать ни на один из действующих фронтов». Им же приводятся слова Геринга о том, что так называемые добровольческие армии «способны только дезертировать». Эта же мысль содержится в документальном исследовании бывшего генерала вермахта, военного историка Б. Мюллера-Гиллебранда, который отмечает, что мнимые добровольцы расстреливали командиров и переходили на сторону войск антигитлеровской коалиции. Он подчеркивает, что созданные под угрозой оружия формирования коллаборационистов оказались недееспособными, боевая ценность этих частей «равнялась нулю» и что «они являлись не более, чем потерянными толпами людей»⁴⁸.

Х. Дэвис делает вывод, что во время войны не было проявлений какой-либо массовой нелояльности к советскому режиму ни среди русских, ни среди представителей национальных меньшинств. В рассекреченных документах английской разведки, пытавшейся в 1939–1941 гг. создать из национальных меньшинств «пятую колонну» на советской территории, констатируется, что «советские люди не проявляли национализма», не ставили под сомнение вопрос авторитета правительства в Москве и не представляли никакой ценности ни с политической, ни с религиозной точки зрения «для антисоветских целей»⁴⁹.

В ноябре 1942 г. гитлеровское командование усилило работу по проведению набора в так называемые добровольческие формирования из различных национальностей на временно оккупированной территории СССР.

Задачи, которые ставились вермахтом перед этими частями, сводились к следующим: борьба с партизанским движением, охрана объектов и поддержание фашистского режима на оккупированной территории, пополнение германских войск на фронте. Таким образом, создавая национальные отряды и части, немецкое командование стремилось обеспечить охрану тыла незначительным количеством своих кадровых войск.

Одновременно преследовалась и политическая цель: культивирование межнациональной вражды, внесение разлада по национальному и социальному признакам в работу советского тыла, противопоставление русского народа другим национальностям СССР, разжигание гражданской войны в стране.

В начале оккупации советских районов для поддержания фашистского режима немецкое командование пошло по пути создания добровольных полицейских отрядов из числа дезертиров, белогвардейцев, кулацких элементов, уголовников. Однако в связи с нараставшим партизанским движением полиция оказалась не в силах справиться с задачей охраны фашистского тыла.

Тогда, в конце 1941 г., фашисты приступили к формированию из числа антисоветских элементов уже войсковых добровольческих отрядов и частей. Число добровольцев оказалось слишком незначительным для комплектования намеченных частей, и немецкое командование, не гнушаясь никакими методами, подкупом, провокациями, запугиванием, террором, приступило к формированию отдельных национальных частей из числа военнопленных и местных жителей путем скрытой мобилизации под маркой «добровольности».

Однако уже летом и осенью 1942 г. в период Сталинградской битвы и битвы за Кавказ, вследствие больших потерь на фронте и разраставшегося движения сопротивления, фашистское командование вынуждено было перейти от скрытой мобилизации местного населения к открытой.

Рассчитывая на ликвидацию советской власти на Северном Кавказе и в закавказских республиках, буржуазные националисты, вернувшиеся в регион с оккупантами, развернули антисоветскую пропагандистскую деятельность. Подключившись к массовой геббельсовской националистической пропаганде, они занимались вербовкой мусульман, «братьев по крови», в так называемые национальные легионы, объявляли себя поборниками интересов нации, занимались вербовкой среди военнопленных своих национальностей, агитируя их идти на службу в гитлеровскую разведку и т.п. Следует отметить, что жестокий режим в фашистских лагерях для советских военнопленных вынуждал многих идти в формируемые части во избежание голодной смерти и в надежде облегчить переход на сторону Красной Армии или в партизанские отряды.

Известно, что советские граждане, попавшие в плен, подвергались невероятно жестокому обращению. По дороге в немецкие лагеря их не кормили по нескольку дней подряд. Размещены они были в концлагерях в ужасающих антисанитарных условиях. Голод доводил до такого состояния, что были случаи каннибализма. Фашисты не раз снимали на пленку в пропагандистских целях «людоедские трапезы». После нескольких недель такой жизни пленным предлагали идти на службу в немецкие трудовые батальоны. Тех, кто отказывался – расстреливали⁵⁰.

В «национальные легионы» фашисты «набирали» гражданское население оккупированных территорий, проводя облавы на улицах городов и сел, устраивали насильственную мобилизацию под угрозой уничтожения семей, родственников, включая стариков и детей.

Незначительная часть лиц, активно и добровольно вступивших в ряды коллаборационистов, как показывает анализ, в про-

шлом имела свои счета с советской властью. В преступлениях оккупантов, в чинимых ими на советской земле зверствах активное участие принимали представители «пятой колонны» различных национальностей – русские, украинцы, белорусы, латыши, эстонцы, литовцы, народы Северного Кавказа. Однако это была жалкая кучка отщепенцев. Выступившие на стороне фашистов «бывшие граждане» Советского Союза были в основном из числа экспроприированных буржуа, эмигрантов. Среди добровольцев, сотрудничавших с третьим рейхом, значительную часть составляли уголовные элементы, преступники, выпущенные из тюремного заключения. Наиболее опасной разновидностью среди них были представители бывших привилегированных слоев, которые лишились всех своих богатств и привилегий в результате революции. Например, Власов Александр, активно сотрудничавший с фашистами, в период оккупации Северного Кавказа работал сначала в гестапо, затем – начальником полиции в станице Староминской Краснодарского края. Здесь по его личному приказу было повешено 18 человек, в том числе одна женщина⁵¹.

Подобных фашистских приспешников было также немало, но не они определяли гражданское лицо советских людей, попавших в оккупацию и фашистскую неволю. Общая численность отщепенцев среди народов Северного Кавказа составила 2% общей численности населяющих его народов⁵².

Среди коллаборационистов были представители разных наций и народностей, но не было ни одного народа-предателя, полностью вступившего на путь сотрудничества с фашистскими властями.

Можно с достаточной степенью уверенности и доказательности сделать вывод о том, что коллаборационизм и «лояльное» отношение к оккупационным властям не были характерной чертой многомиллионных масс советских людей. Представляется абсолютно несостоятельным утверждение о том, что «добровольные помощники» оказывали немецким войскам «очень большую помощь» и немецкие фронтовые войска из службы тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала войскам вермахта⁵³. Фашистами действительно были сформированы так называемые восточные батальоны со значительным списочным составом, однако они не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Разведкой партизан с 1 мая 1943 г. была установлена дислокация национальных формирований: кавказская дивизия в Крыму, 843-й кавказский батальон в Опочке, 1-й и 3-й армянские батальоны южнее Брянска, 804, 806, 877 и 904-й азербай-

джанские батальоны в Дядьево, 99-й грозненский батальон в Крыму.

По более ранним сведениям, на 21 декабря 1942 г. в Краснодаре дислоцировалась казачья дивизия под командованием генерала Краснова, в районе Витебска – казачья часть в количестве 1100 человек.

Сформированные в основном из военнопленных так называемые восточные батальоны из националов и «казачьи полки» из украинцев были сравнительно многочисленными и очень неоднородными как в социальном отношении, так и по морально-политическому состоянию. В этих формированиях советской агентурой велась работа с целью их разложения. Результаты не замедлили сказаться. Партизанами был перехвачен приказ командующего немецкими восточными частями от 29 сентября 1943 г. о переводе добровольческих формирований с Восточного фронта на другие театры военных действий. Приказ мотивировал это мероприятие желанием добровольцев «не стрелять в своих соотечественников, а свести непосредственно счеты с англичанами и американцами»⁵⁴.

Случаи полного разложения и распада этих частей наблюдались уже в октябре 1942 г. С развитием событий на фронтах вермахту приходилось держать подобного рода формирования под контролем немецких войск.

Успешное наступление Красной Армии окончательно подорвало моральное состояние наших соотечественников в этих частях, способствовало их массовому переходу на сторону партизан, в результате чего немецкое командование вынуждено было разоружать их и отправлять в глубокий тыл, а к оставшимся относиться с недоверием. Только за период с июня по декабрь 1943 г. на сторону партизан с оружием в руках перешли свыше 10 тыс. человек из добровольческих формирований⁵⁵. Причем переход сопровождался уничтожением немецких солдат и офицеров, а также небольших групп предателей в гарнизонах или подразделениях. Имел место переход не только групп и подразделений, но и целых частей. В октябре-ноябре 1943 г. немцы вынуждены были полностью разоружить 653, 668, 669-й восточные батальоны, частично – 198-й армянский полк, 8-й туркестанский батальон, 5-ю роту 700-го полка и ряд других.

Помимо прямого перехода на сторону партизан изменческих и полицейских формирований, среди них наблюдалось массовое дезертирство. По показаниям перебежчика, из 315-го восточного батальона, в декабре 1943 г. дезертировало 50 человек, из 314-го батальона – 70 человек, из 285-го батальона – 150 человек⁵⁶.

Не удалось гитлеровскому командованию создать национальные отряды коллаборационистов среди населения оккупированных районов Адыгеи. Из-за элементарного отсутствия «добровольцев» провалилась идея оккупантов организовать добровольческий черкесский легион с помощью Султан-Гирея.

Около 5 млн советских людей из числа гражданского населения были отправлены оккупационными властями в рабство. Эта цифра была указана в обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников. Всего же по различным причинам оказавшихся за границей граждан СССР было около 10 млн (около 50% из них умерли до репатриации), в том числе и военнопленных.

4 октября 1944 г. Советом Народных Комиссаров СССР было принято решение о возвращении на Родину советских граждан. Им было обещано в интервью генерал-полковника Ф.И. Голикова, уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, что «даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину».

Однако доминирующим в отношении к репатриантам было недоверие и подозрение, вследствие чего целыми транспортами они зачислялись в спецлагеря НКВД. Находившиеся в этих лагерях лица подразделялись на группы: первая – военнопленные и окруженцы; вторая – гражданские, подозреваемые в изменнической деятельности; третья – гражданские лица (мужчины) призывных возрастов, проживавшие на территории, занятой противником⁵⁷.

Массовые репрессии, определявшие лицо деспотического режима, выпали на долю многомиллионных солдатских масс, попавших во время войны в плен к фашистским агрессорам.

4 млн советских военнослужащих погибли в фашистской неволе, 2 млн вернулись на Родину⁵⁸. Из них 1 млн 833 тыс. 562 человека были репатриированы. Избежали репатриации, по данным официальных советских органов, около 180 тыс. человек. По данным немецкого исследователя К. Штрайта, в лагерях к концу войны содержалось около 930 тыс. советских военнопленных. На этом основании можно предположить, что более половины репатриированных, так или иначе, сотрудничали с противником и причислялись органами НКВД к коллаборационистам⁵⁹.

Значительной части из вернувшихся, в том числе и тем, кто бежал из плена, проявил себя в боях с фашистами, пришлось «пройти» через застенки сталинских и бериевских лагерей и

сравнить их с нацистскими лагерями. По мнению британского ученого и исследователя, писателя Н.Д. Толстого-Милославского, «полная история русских военнопленных 1941–1945 годов раскроет масштабы трагедии, вполне сравнимые с судьбой евреев при нацизме – и по количеству людей, и по глубине страдания»⁶⁰. Из нескольких миллионов советских людей, оказавшихся у немцев, он выделяет три категории и дает следующие цифры. Прежде всего – это вывезенные на принудительные работы в трудовых батальонах национал-социалистической Германии – 2,8 млн. Из них к концу войны около 2 млн еще жили в Германии.

Следующая по численности категория – военнопленные, прошедшие через все ужасы плена и выжившие. Таких к маю 1945 г. осталось в живых всего около 1,15 млн человек из 5,754 млн военнопленных, захваченных немцами за годы войны в СССР⁶¹.

Третья категория, выделяемая Толстым-Милославским, это собственно беженцы. Сюда он причисляет тех, кто имел конфликты с властями или «боялся вновь оказаться в руках НКВД»: «Их было около миллиона, но так как позже многие из них попали или были отправлены силой в русские трудовые военные формирования, нет возможности статистически отделить их от этих категорий. Причины и обстоятельства, побудившие этих людей оставить родную землю, были различны, как различно было их общественное положение и образование. В этой толпе рядом шли перепуганные крестьяне и инженеры, ученые и врачи»⁶².

В начале 1943 г. на оккупированной территории СССР фашистская печать повела усиленную пропаганду вокруг создания «Русского комитета» и «Русской освободительной армии». На советско-германском фронте было распространено обращение от имени несуществующей РОА «Ко всем военнослужащим Красной Армии», текст которой гласил: «Борьба за освобождение народов Советского Союза от террористического сталинского режима была бы невозможной без помощи Германской Армии и ее союзников – свободных народов Европы, на стороне которых выступила сейчас Русская Освободительная Армия.

Никто не может оставаться в стороне безучастным зрителем, когда дело идет об уничтожении ненавистного сталинского ига и кровавого массового террора НКВД, когда дело идет о скорейшем прекращении войны и заключении почетного мира с Германией. Командованием Русской Освободительной Армии достигнуто соглашение с Германским Командованием по вопросу о военнослужащих Красной Армии, добровольно переходящих на нашу сторону.

Каждый военнослужащий Красной Армии, оставивший свою часть и перешедший на нашу сторону самостоятельно или в составе группы, не считается военнопленным, его рассматривают как противника советского режима, перешедшего на сторону Русской Освободительной Армии.

Вам гарантируется вежливое обращение и хорошее отношение, поэтому не верьте советским басням о зверствах. Вам присвоят военное звание, исходя в основном из принципа сохранения того же звания, которое было вам присвоено в Красной Армии, при условии наличия у вас соответствующих этому званию качеств. Вас направят в воинскую часть на соответствующую должность. Решайтесь и при первой возможности переходите на нашу сторону!

Командование Русской Освободительной Армии».

В конце обращения было напечатано на русском и немецком языках: «Пропуск действителен для неограниченного числа офицеров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону Германских Вооруженных Сил, их союзников, Русской Освободительной Армии и украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских освободительных отрядов» с припиской: «Переходить можно и без пропуска, достаточно поднять обе руки и крикнуть: «Сталин капут!» или «Штыки в землю!»

Разбрасывались также короткие призывы: «Переходите к нам! Пропусков не надо! Обращение со всеми будет хорошее! Вас гонят на верную смерть. Спасай свою жизнь! Для германской народной армии препятствий не существует! Всякое дальнейшее сопротивление – бессмысленное кровопролитие!»⁶³

В районе Пскова были созданы специальные лагеря по формированию частей РОА. Первые части РОА действовали в районе Старой Руссы. В апреле-мае по тыловым районам разъезжал изменник Родины А. Власов, объявляя запись добровольцев и мобилизацию в РОА, но результаты были незначительными. Лозунги русского комитета РОА не встретили поддержки со стороны советских людей. К непосредственному участию в боевых действиях на советско-германском фронте небольшие части РОА допущены не были ввиду недоверия к ним Гитлера и Гимmlера. В мае 1945 г. Власов был взят в плен американскими войсками и выдан Советскому Союзу. Приговорен военным трибуналом как изменник Родины к смертной казни и повешен⁶⁴.

Интересна уничижительная оценка Генриха Гимmlера в речи перед рейхсляйтерами и гауляйтерами в Познани 6 октября 1943 г. личности Власова: «Из почти каждого русского генерала мы можем сделать Власова. Это будет стоить неслыханно дешево. Этот человек выдал все свои дивизии, весь свой план наступления и вообще, все, что знал.

Цена за измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: «То, что назад Вам пути нет, Вам, верно, ясно. Но Вы – человек значительный. И мы гарантируем Вам, что когда война кончится, Вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время вот Вам шанс, сигареты и бабы. Вот как дешево можно купить такого генерала! Очень дешево. Видите ли, в таких вещах надо иметь чертовски точный расчет. Такой человек обходится в год 20 тыс. марок. Пусть он проживет 10 или 15 лет, это 300 тыс. марок. Если только одна батарея ведет хороший огонь, это тоже стоит 300 тыс. марок... И вот эта русская свинья г-н Власов предлагает... свои услуги. Кое-какие старики у нас хотели дать этому человеку миллионную армию. Этому ненадежному типу они хотели дать в руки оружие и оснащение, чтобы он двинулся с этим оружием против России, а может, однажды, что очень вероятно, чего доброго, против нас самих»⁶⁵.

По оценке Джеффри Хоскинга, освободительная армия Власова – миф, так как только в сентябре 1944 г. Власову позволили создать Комитет освобождения народов России (КОНР). В ноябре была опубликована его политическая программа, так называемый Пражский манифест, испытавший влияние таких эмигрантских организаций, как, например, Народно-трудовой союз (НТС). Его части смогли принять участие лишь в кратких и нерешительных боях на Восточном фронте в марте 1945 г.

27 мая 1943 г. Власов в Двинске заявил на приеме журналистов, что его армия составляет 200 тыс. человек. Ни в то время, ни после РОА не имела такого количественного состава. Вследствие поражения немцев на советско-германском фронте и работы партизан по разложению частей РОА, попытки использовать эти формирования на фронте, в борьбе с партизанами и для охраны своего тыла не увенчались успехом, и в сентябре-октябре фашистское командование приступило к разоружению этих частей и их отправке в Западную Европу: Францию, Югославию, Италию. Формирование этих частей было прекращено, Власов от руководства РОА отстранен, его армия перестала существовать как боевая единица.

Одной из крупных частей Русской национальной освободительной армии (РНОА) на оккупированной территории СССР оставалась бригада Каминского, дислоцировавшаяся в районе Лепеля и насчитывавшая от 4 до 6 тыс. человек. Она участвовала в борьбе против партизан Белоруссии. Немцами Каминскому было присвоено звание генерала.

К середине 1943 г. фашистам удалось сформировать различными способами до 90 батальонов из народов Кавказа и Средней Азии и около 90 «русских», «украинских», «казачьих» баталь-

онов численностью по 400–450 человек каждый⁶⁶. Из всех националистических формирований на фронте и в борьбе с партизанами выделялись активностью латышские части. Остальные, особенно северокавказские, были мало боеспособны.

20–21 декабря 1943 г. в Минске фашистами была создана Белорусская Центральная Рада. Ее президентом был утвержден профессор Островский. Перед БЦР ставилась задача «мобилизовать все силы белорусов на борьбу с большевизмом». Однако число коллаборационистов в Белоруссии, как пишет немецкий историк В. Виленхик в работе «Партизанское движение в Белоруссии 1941–1944 гг.», было ничтожным.

Сформированные из военнопленных голодом и принуждением изменнические формирования не отличались высоким моральным состоянием.

В сентябре на сторону ленинградских партизан, например, перешли более 1000 изменников и были разоружены немцами свыше 2000. На сторону партизан перешли полки СС, РОА под командованием Родионова, 3 батальона бригады Каминского и др.⁶⁷

Разрабатывая планы покорения народов СССР, Северного Кавказа, вермахт возлагал большие надежды на культурную отсталость малых народностей, на живучесть у них религиозных предрассудков, отсталых, исходивших от невежества обычаев и нравов, религиозный фанатизм и мракобесие. Исходя из этих изначально неверных отправных установок, фашистские оккупационные власти во всех занятых населенных пунктах открывали мечети, насаждали и поощряли культовые религиозные обряды.

Генерал фон Маккезен, командующий 1-й танковой армией, ханжески объявил о принятии магометанства, посещал мечеть, лицемерно придерживался горских обычаев. Гитлер был возведен в ранг «великого имама» всего Кавказа.

Идеологической обработке населения был подчинен весь арсенал пропагандистской гитлеровской машины: радиопередачи, листовки, кинофильмы, печать.

В период оккупации на Северном Кавказе фашистскими властями издавались газеты «Ставропольское слово» и «Утро Кавказа» – в Ставрополе, «Кубань» – в Краснодаре, «Майкопская жизнь» – в Майкопе, «Новое слово» – в Таганроге, «Пятигорское эхо» – в Пятигорске, «Станичник» в станице Славянской. В Ставропольском крае выходили журналы на русском языке: «Сигнал», «Современная Германия», «Кавказский вестник», были изданы брошюры «Каторжный социализм», «Гитлер-освободитель», «Что будет после?», иллюстрированный листок газеты «Пятигорское эхо», листовки «Женщинам и девушкам» («Как живут женщины в Германии»), «Как живет немецкий рабочий»,

«Русский народ – равноправный член семьи свободной народов новой Европы», приложение к газете «Утро Кавказа» – «Германия навсегда уничтожает рабский колхозный строй» и т.п.⁶⁸

Во всей этой и другой многочисленной печатной продукции оккупанты не жалели красок и не скупилась на эпитеты, расписывая райскую жизнь в Германии, выгоды для рабочих и крестьян «нового порядка», прибегали к обещаниям, лицемерию в попытке убедить в неминуемой победе германской армии, порочили руководство партии и правительства в целом, внутреннюю и внешнюю политику СССР. Особенно фашистская пропаганда стремилась подорвать основы советского строя в деревне, дискредитировать идеи социализма в сознании рабочих и крестьян.

Не обходили вниманием оккупационные власти и интеллигенцию Северного Кавказа. По заданию гестапо здесь были открыты различные «добровольные» кружки – художественной литературы, агрономический и другие, образованы общества (сельскохозяйственное, промышленное), открывались специальные кафе, варьете, биллиардные, клубы. Из числа членов этих кружков, обществ по заданию абвера фашисты вербовали свою агентуру, пытались привлечь национальную русскую интеллигенцию к антисоветской работе⁶⁹.

В Кисловодске было создано для артистов, музыкантов, журналистов, писателей Объединение творческих работников, в Ставрополе – Объединение научных работников.

Особенно стремились оккупанты идеологически разложить молодежь, активное участие которой в сопротивлении вызывало беспокойство фашистских властей. Население было лишено возможности слушать радио, пользоваться библиотеками. Вместо этого в Краснодаре, например, было открыто три дома терпимости. Для молодежи Северного Кавказа открывались курсы, школы по изучению немецкого языка, юношеские «клубы», куда население привлекалось откровенно эротической направленностью программ, устраивались «вечера любви»⁷⁰. Вся эта «деятельность» преследовала политическую цель – разобщить народности, заставить их отказаться от борьбы с фашизмом, склонить к коллаборационизму.

Одновременно фашистскими властями преследовалась и экономическая цель – максимально использовать возможности оккупированных регионов в решении проблемы продовольствия.

В Берлине в 1942 г. был открыт специальный научно-исследовательский институт земледелия и продовольственного хозяйства Европы. Здесь был подготовлен указ в форме устава о систематическом роспуске колхозов, который по идее должен был обеспечить мирное завоевание на сторону Германии населения оккупи-

рованных районов СССР. В германском Министерстве продовольствия прекрасно понимали, – как отмечал статс-секретарь в отставке Ганс-Йоахим Рюке, – что «количество продовольствия, которое можно получить от той или иной области, зависит от самих производителей, а для того, чтобы они производили продукты питания, нужно более или менее добровольное сотрудничество населения этих областей»⁷¹.

На совещании членов главного хозяйственного штаба и представителей военно-экономического штаба по плану «Барбаросса» подчеркивалось: «Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии... будут снабжаться продовольствием за счет России и обеспечения потребности вермахта за счет кавказской нефти. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»⁷². «Германия может покрыть свою потребность в нефти только за счет Кавказа», – отмечалось в «Плане Штаба ОКВ по овладению кавказскими нефтяными районами» от 4 мая 1941 г.

Все экономические планы по грабежу Советского Союза были сосредоточены в специально созданном для этих целей экономическом штабе особого назначения «Ольденбург». Приказ Кейтеля от 16 июля 1941 г. по осуществлению инструкций, изложенных в «Зеленой папке», требовал, чтобы все войска и военные инстанции, командиры подключились и поддерживали меры по грабежу оккупированной территории, прежде всего сельскохозяйственных продуктов. Конфискованные запасы продовольствия, награбленная и реквизированная воинскими частями продукция должна была использоваться «для покрытия потребностей вермахта», для так называемых восточных войск и для снабжения имперской территории. Однако этим планам и притязаниям не суждено было реализоваться. Трудящиеся оккупированных районов оказали массовое противодействие экономической политике захватчиков и сорвали их программы.

На одном из совещаний руководящих немецких должностных лиц в оккупированных областях Геринг 6 августа 1942 г. заявил, что если кому-нибудь в этой войне и придется голодать, то голодать должны не немцы, а население оккупированных районов. Перед гитлеровцами были поставлены высокие планы поставок продовольствия из оккупированных областей.

Чтобы облегчить решение этой задачи и достичь более высоких результатов, германские власти подготовили программу активного привлечения населения к ее выполнению.

В листовках и распоряжениях, распространявшихся на русском языке на Северном Кавказе, в Краснодаре, Ставрополе,

Майкопе, Ростове, были призывы следующего порядка: «Торопись получить землю! Германское правительство дает землю и тебе, красноармеец! Поэтому переходи к нам!» Предписание от 20 сентября 1942 г. предупреждало колхозников: «Поскольку агенты врага пытаются уничтожить урожай, продовольственные запасы, а также проводить разрушительные работы по хозяйству, потому все крестьяне должны совместно с немецким вермахтом и с каждым, кто не является большевиком и предателем, охранять урожай и уничтожать большевистских преступников. Кто попытается умышленно или из-за нерадивости наносить вред хозяйству на оккупированной территории, будет брошен в тюрьму, исправительный лагерь или казнен»⁷³.

Несмотря на такие одиозные установки и жесткие репрессивные практические меры, трудящиеся оккупированных районов оказали упорное массовое сопротивление аграрным «реформам», противодействие всей экономической политике захватчиков и сорвали их планы. Не помогли ни расчеты на реанимацию частнособственнической психологии крестьянства, ни страх перед террором, не дала ожидаемых результатов тщательно разработанная аграрная программа оккупационных властей.

Признание этого факта явствует из донесения в Берлин начальника диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Г. Оберлендера: «Гораздо большей опасностью, чем сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление – трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньше шансов на успех»⁷⁴.

На добровольное и вынужденное сотрудничество в различных сферах и структурах вермахта и институтов его административно-хозяйственной власти была мобилизована определенная часть военнопленных и гражданского населения оккупированных областей СССР.

Точное количество этих лиц до сих пор не установлено. Значительная часть источников, могущих пролить свет на проблему коллаборационизма, остается за пределами досягаемости российских исследователей; они хранятся в архивных фондах дальнего зарубежья, возможно в спецхранах. По мнению и подсчетам зарубежных историков, нуждающихся, на наш взгляд, в уточнениях, число советских граждан, служивших в вооруженных формированиях вермахта, СС и полиции, колеблется в пределах от 900 тыс. до 1,5 млн человек. Драматична судьба советских граждан, оставшихся на оккупированной территории. Добровольно поступившие или насильно мобилизованные на службу вермахту, они вместе с семьями составили к концу войны, по данным зарубежной историографии, 1,2–1,5 млн человек⁷⁵.

Коллаборационизм как сложное социальное явление и объект исследования находится на новом историографическом витке. Требуется расширение круга источников, более высокий аналитический уровень работ, демифологизация проблемы «борьба против сталинского тоталитарного режима власти», детальное исследование социальных аномалий в советском обществе в годы войны, таких как депортации, репатриации, военнопленные, репрессии, карательные органы, деятельность силовых структур военного периода.

Однако не только и не столько эти процессы определяли духовную жизнь людей военного поколения. Самым глубоким и сильным источником Победы, нравственным стержнем социума был патриотизм, исконно присущая россиянам любовь к своему Отечеству, которая помогла не только выдержать все трудности военного лихолетья, но консолидироваться и победить.

Готовясь к вторжению в пределы Советского Союза, руководство нацистской Германии рассчитывало на отсутствие внутреннего единства народов СССР, рассматривая его как «искусственное и рыхлое объединение огромного числа наций, этнический конгломерат».

Действительность военных лет показала иллюзорность и несостоятельность расчетов руководителей рейха на политическую неустойчивость и непрочность советского строя и советского многонационального государства.

В геополитических условиях России начала XX в. как никогда востребован осознанный всеми гражданами общенациональный интерес и нравственная основа, которые достигаются через возможности государства и его институтов. Идеология российского государственного патриотизма как система нравственно-духовных, культурно-исторических ценностей и геополитических реалий должна стать стратегией воспитания личности на современном этапе.

Будущее России, а значит и всех субъектов Федерации, зависит от мощного экономического и социального рывка в XXI в., что не представляется возможным без подготовки кадрового интеллектуального потенциала через вузовскую систему образования.

В этом контексте выработка стратегии и методологических основ современной концепции воспитания молодежи является актуальной государственной задачей. Она представляется трудно разрешимой в условиях отброшенных, демонтированных сложных традиционных идеологических, мировоззренческих парадигм и отсутствия цели возрождения сильной, самодостаточной России

в условиях нестабильности, социальной апатии, тотального неведения «во власть», дискредитации нравственных приоритетов, системы ценностей, этнических и социальных конфликтов, локальных войн, падения престижа ученого из-за низкой оплаты труда, деградации науки и т.д.

В основе стратегии воспитания личности в вузе на современном этапе, как нам представляется, должна быть продуманная система возрождения научного мировоззрения, духовно-нравственных приоритетов российской ментальности, таких ее составляющих, как патриотизм, интернационализм, интерес к истории, культуре, традициям своего Отечества.

Новое государственно-патриотическое мировоззрение, по нашему представлению, должно максимально сочетать специфические национальные и культурные особенности России и ценности мировой цивилизации, возрожденное состоятельное, дееспособное правовое национальное российское государство и интересы безопасности других государств, менталитет русской нации и богатство наследия других этносов.

Именно высшая школа, прежде всего университетское образование и воспитание на пороге третьего тысячелетия призваны подготовить творческую, социально активную, не индифферентную личность россиянина и гражданина, который впитает в себя общую систему национальных ценностей для возрождения Российского государства и будет способен в перспективе развивать высшую идею, поднимать престиж России в мировой цивилизации.

Неоценимую роль в этом призвана сыграть историческая память о Великой Отечественной войне – нравственных факторах Победы: ответственность за судьбу Державы, высокие планки человеческой надежности, дружбы, не знавшей социальных или этнических градаций, преданности идее защиты Родины и любви к ней, гордости за свою историю и роль СССР в освобождении цивилизации от опасности порабощения нацизмом.

¹ *Артемьев А.П.* Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 165.

² Правда. 1942. 30 нояб.

³ *Гриднев В.М.* Борьба советского крестьянства против немецко-фашистских оккупантов. М., 1983. С. 23.

⁴ Правда. 1942. 6 сент.

⁵ *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 173.

⁶ История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 375.

- ⁷ Кондакова Н.И. Исторический опыт борьбы КПСС за победу в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1975. С. 20.
- ⁸ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1, С. 413.
- ⁹ Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом. М., 1985. С. 64.
- ¹⁰ Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной... 1941–1945. М., 1983. С. 155.
- ¹¹ Правда. 1942. 31 окт.
- ¹² Источники победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1985. С. 195.
- ¹³ Пономаренко П.К. Непокоренные. (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975. С. 57.
- ¹⁴ См. Мальшева Е.М. В борьбе за победу. Майкоп, 1992. С. 164.
- ¹⁵ Всемирно-историческая победа, 1975. С. 26.
- ¹⁶ Кравчук М.И., Погребинский М.Б. Проверенная войной, М., 1985. С. 150.
- ¹⁷ ЦК ВЛКСМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 47. Л. 18.
- ¹⁸ Кудряшов В.Ф. Всенародная помощь ленинградцев раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. Л., 1974. С. 21.
- ¹⁹ Источники победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 197.
- ²⁰ Величие подвига советского народа. М., 1985. С. 210.
- ²¹ Гусак Г. Избранные статьи и речи. М., 1969. С. 56.
- ²² Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М., 1995. С. 10.
- ²³ «Совершенно секретно! Только для командования» Документы и материалы: Пер. с нем. М., 1967. С. 118.
- ²⁴ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1958. Т. 2. С. 647
- ²⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 252.
- ²⁶ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 292.
- ²⁷ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 119.
- ²⁸ Перевод с немецкого из архивного дела № 341. Л. 94 // Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 1323. Оп. 1. Д. 263. Л. 216–218.
- ²⁹ Грозненский рабочий. 1942. 11 окт.
- ³⁰ ПАКК. Ф. 1774-а. Оп. 1. Д. 3. Л. 391.
- ³¹ Мальшева Е.М. Указ. соч. С. 172.
- ³² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 88. Л. 646. Л. 2–3; Д. 614.
- ³³ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. С. 255.
- ³⁴ Краткий исторический очерк. Майкоп, 1957. С. 91.
- ³⁵ Боец РККА. 1942. 18 сент.
- ³⁶ Пфеффер К.Г. Немцы и другие народы // Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 507.
- ³⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1971. С. 431.
- ³⁸ ЦХИДК. Ф.1323. Оп. 1. Д. 263. Л. 248.

- ³⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2552. Д. 491.
- ⁴⁰ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 294, 297.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 9.
- ⁴² ЦХИДК. Ф. 1393. Оп. 2. Д. 267. Л. 159.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1739. Л. 72.
- ⁴⁴ *Алексеенков А.Е., Иванов В.А.* К вопросу об участии внутренних войск в выселении народов страны в годы Великой Отечественной войны // Великое братство (феномен единства народов России в годы Великой Отечественной войны). СПб., 1993. С. 158.
- ⁴⁵ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., Воениздат, 1974. С. 257.
- ⁴⁶ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., Наука, 1995. С. 302.
- ⁴⁷ Геноцид и массовые репрессии. Истребление по национальным и религиозным мотивам. Энциклопедия преступлений и катастроф. М., 1976. Ч. II. С. 321.
- ⁴⁸ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945. М., 1976. Т. 3. С. 239.
- ⁴⁹ *Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.М.* Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983. С. 310.
- ⁵⁰ *Толстой-Милославский Н.Д.* Жертвы Ялты // Юность, 1991, № 5. С. 62.
- ⁵¹ *Брюханов А.* Вот так это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспомявая советского офицера. М., 1958. С. 69.
- ⁵² *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С.45.
- ⁵³ *Пфедфер К.Г.* Указ. соч. С. 513.
- ⁵⁴ РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 33.
- ⁵⁵ *Мальшева Е.М.* Указ. соч. С. 39.
- ⁵⁶ Там же. С. 40.
- ⁵⁷ *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 // История СССР, 1990 г., № 4. С. 28, 40.
- ⁵⁸ *Тягунов Б.* Никто не забыт? // Знамя. 1988. № 10. С. 27.
- ⁵⁹ *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 311.
- ⁶⁰ *Толстой-Милославский Н.Д.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶¹ Прим. По данным комиссии под руководством американского генерала Вуда, советских военнопленных было около 4 млн человек (см. Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 47).
- ⁶² *Толстой-Милославский.* Указ. соч. С. 60.
- ⁶³ Личный архив автора.
- ⁶⁴ *Джеффри Хоскинг.* История Советского Союза. 1917–1991. М., 1995. С. 299.
- ⁶⁵ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне третьего рейха против СССР. Секретные речи, дневники, воспоминания. М., 1996. С. 258.
- ⁶⁶ *Фролов М.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб., 1994. С. 104.
- ⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 46.

- ⁶⁸ *Мальшева Е.М.* Указ. соч. С. 191, 192.
- ⁶⁹ «Утро Кавказа» – орган фашистских оккупационных властей в Ставропольском крае. Приложения № 5–59.
- ⁷⁰ ПАСК. Ф. 1 оп.1. Д. 1985. Л. 184.
- ⁷¹ *Рике Г.И.* Продовольственная проблема и сельское хозяйство // Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 460.
- ⁷² Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 24.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1732. Л. 131; ГАСК. Спецфонд.
- ⁷⁴ История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., Воениздат, 1975. Т. 4. С. 129.
- ⁷⁵ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 311.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РОССИИ

*Е.С. Сенявская**

(Москва)

Патриотизм – это тип индивидуального и массового сознания, характеризующий отношение к своей стране, при котором любовь к своему Отечеству, верность ему являются одной из высших ценностей. Согласно определению великого русского историка Н. Карамзина, «патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях». При этом «зрелый» патриотизм всегда действенный, в высших своих формах проявляющийся в готовности к самопожертвованию, что невозможно без глубоко укоренившегося патриотического сознания личности.

Ядром патриотического самосознания является историческая память, которая обеспечивает преемственность поколений, прочность традиций и духовных связей с прошлым. Для сознания народов России и в первую очередь русского национального самосознания особое значение имеют периоды исторических испытаний, важнейшими среди которых явились борьба с монголо-татарским нашествием, в особенности Куликовская битва, Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Это главные вехи российской истории, когда наша страна и народ оказывались перед угрозой иноземного порабощения, а в Великую Отечественную войну – перед угрозой прямого уничтожения. Именно в этих условиях тяжелейшему испытанию на прочность подвергались как физические, так и духовные силы народа, его способность к самосохранению в противостоянии беспощадному, превосходящему по силе врагу. Именно поэтому и сама Великая Отечественная война, и победа в ней являются ключевыми символами, составляющими ядро российского национального самосознания. Но не меньшее значение имеют и более конкретные символы, которые обобщают определенные образцы поведения в военных испытаниях и занимают важное место в ряду патриотических традиций России. Ведущая роль в их изучении по

* Сенявская Елена Спартаковна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

праву должна принадлежать военно-исторической психологии – новому направлению в отечественной исторической науке.

Историография Великой Отечественной войны насчитывает уже более полувека. Но лишь в последние 10–15 лет можно говорить о постепенном становлении нового историко-психологического направления в изучении этой войны. Наверное, это не случайно. Во-первых, закономерен был акцент на исследование ее событийных и материальных сторон: хода военных действий, разработки и проведения боевых операций, изучение роли фронта и тыла, и многих других подобных аспектов войны, характеризующих приведение в действие больших масс людей и государственных институтов. Во-вторых, на ходе исследования сказывалась ситуация в обществе, где особое значение имела идеология, а человек рассматривался преимущественно как объект ее воздействия. Поэтому подавляющее большинство исторических работ, затрагивавших роль человека в войне, относилось к категории исследований морально-политического фактора, партийного руководства, агитационно-пропагандистских методов воздействия на массовое сознание на фронте и в тылу. Таким образом, собственно человек с его реальными мыслями и чувствами, мотивацией поведения и поступками оставался фактически за рамками исторических исследований. Если же отдельные аспекты массовой и индивидуальной психологии в войне находили отражение в исследовательских работах, то это были преимущественно избирательные темы, исключительно позитивные и несущие оттенок идеологического стереотипа (например, феномен массового героизма или проблема морально-политического единства).

Задача историков состоит в том, чтобы не только максимально расширить область реального изучения человека в войне, не только преодолеть идеологизированные штампы и мифы, но и, по сути, заново выстроить методологию исследования новой для историков области. Ведь и сама историческая психология как отрасль исторической науки далеко еще не полностью сформировалась. Автор данной статьи посвятила этой проблематике более 20 лет работы, итогом которой стали три монографии, включая книгу о фронтовом поколении Великой Отечественной, и несколько десятков статей¹. При этом с самого начала выбор темы во многом предопределил тот факт, что человек в нашей историографии долгое время оказывался далеко на периферии внимания. И даже в тех случаях, когда затрагивалась такая психологическая тематика как героизм, подвиг солдата, все это подгонялось под какую-то стандартную схему, к психологии почти не имеющей отношения. Были даже утрачены понятия, широко известные и глубоко разработанные еще дорево-

люционными русскими военными специалистами. Так, например, понятие «воинский дух» было заменено «морально-политическим обеспечением». Проблема состояла не в том, чтобы отбросить тематику и подходы советской историографии, а в том, чтобы посмотреть на связанные с психологией войны явления всесторонне и объективно.

Что может быть предложено в этой области, становление которой продолжается? Прежде всего, четкое структурирование объекта исследования. Военно-историческая психология имеет «горизонтальные» и «вертикальные» срезы. Она может быть подразделена на психологию общества и личности, т.е. коллективную и индивидуальную; на психологию армии и тыла; на психологию руководства разного уровня и исполнителей, непосредственных участников происходящих на местах событий; на психологию противника и взаимодействия с ним. Важными историко-психологическими измерениями войны являются: массовая и индивидуальная психология; психология экстремальных ситуаций, прежде всего боя, и фронтового быта; проблема психологического «вхождения» в войну и выхода из нее; взаимосвязей идеологических и психологических факторов, и многое другое. Каждая из этих областей весьма обширна и имеет разный вес в той мозаике событий и процессов, которые в своей совокупности и составляют такое явление, как Великая Отечественная война.

Весьма значимое место в этом широком спектре занимает такая проблематика, как психология военно-политического руководства, в том числе принятия политических и управленческих решений. Но центральным, связующим звеном всех этих измерений и аспектов являлся «человек на войне», и прежде всего психология фронтовиков, непосредственных участников боевых действий. Ведь именно солдат вынес на своих плечах основные тяготы войны, ее опасности и лишения, в боевых условиях постоянно рискуя жизнью. Чешский историк Богуслав Шнайдер в беседе с писателем-фронтовиком Григорием Баклановым спросил: «Что еще не сказано о войне в вашей стране?» И получил ответ: «То, чем была война для простого солдата». Но если советские писатели и публицисты все же сделали в этой области немало (вспомним хотя бы Константина Симонова с его записями «солдатских мемуаров» или Светлану Алексиевич, показавшую войну глазами женщин), то историки безнадежно отстали именно в создании «солдатской истории войны». Но и в исследованиях, посвященных высшему командному составу Красной Армии в Великой Отечественной войне, проблема психологии занимает крайне незначительное место. Что касается массовой психологии войны, то здесь можно говорить лишь о первых шагах в ее изучении.

Если же оценивать состояние историографии рассматриваемой проблематики в целом, то можно сделать вывод, что и сегодня, когда интерес к историко-психологическим сюжетам значительно вырос, она все еще очень ограничена и фрагментарна. Помимо структурирования предмета изучения, следует затронуть вопросы методологических подходов и методов изучения историко-психологических аспектов Великой Отечественной войны. Специфика духовной сферы как объекта изучения – ее повышенная сложность, многоаспектность, противоречивость, сочетание объективных и субъективных элементов. Все это требует адекватных и достаточно тонких инструментов исследования. Именно в этой области в первую очередь возникает проблема интерпретации явлений прошлого так, чтобы они, с одной стороны, были понятны сегодня, а с другой – не были искажены современными взглядами и стереотипами исследователей. Здесь, на наш взгляд, наиболее продуктивен герменевтический подход, уже оправдавший себя в историко-психологических исследованиях по другим периодам и проблемам.

Не менее важна и проблема адекватной источниковой базы, поскольку при изучении преимущественно субъективных явлений основными становятся *источники личного происхождения* – письма, дневники, воспоминания, материалы «устной истории», освещающие психологию личности «изнутри». Особенно значимы они при освещении войны «из окопа», глазами непосредственных участников боевых действий, для чего необходимо привлечение свидетельств не столько известных полководцев, сколько рядовых солдат и офицеров младшего и среднего звена, представителей разных родов войск.

Это не исключает возможности и даже необходимости использования других, более «объективированных» источников, но заставляет посмотреть на них под определенным углом зрения, извлекать из них те информационные слои, на которые не обращали внимания историографы событийной истории.

На наш взгляд, наибольший интерес представляют три вида официальных источников. Первый носит в основном пропагандистский характер: это *листовки, военная печать (фронтовая, армейская, дивизионная) и публицистика*, не столько отражающие реальную атмосферу в обществе и среди военнослужащих, с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их характер, мировоззрение и мировосприятие, сколько выполняющие задачу формирования стереотипов массового сознания, которые выгодны в данный момент государственной власти. Так, этой категории источников принадлежит ведущая роль в создании героических символов как феномена общественного сознания.

Второй источник, дополняющий картину пропагандистских представлений более объективными данными, также имеет немаловажное значение при исследовании героических символов. Это *наградные материалы* (представления к наградам, в том числе в форме наградных листов, переписка различных инстанций по вопросу о награждениях и т.п.), которые содержат описание подвигов и помогают понять, какие именно поступки считались героическими и каким из них отдавалось предпочтение для поощрения наградами, каковы были критерии присвоения наград разного статуса.

Третий вид документов имеет скорее характер аналитический. В первую очередь к нему относятся *материалы военной цензуры*, а также *политсводки и политдонесения*, анализирующие настроения в собственной армии. Но если цензура строит свои выводы в основном на анализе перлюстрированных писем военнослужащих, то донесения политических органов опираются как на официальные отчеты о проведенных в войсках мероприятиях «партийно-политической работы», так и на доносы информаторов о разговорах и настроениях в армейской среде. Близкий к данной категории тип источников представляют собой *боевые донесения и доклады*, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных, что особенно важно при изучении формирования и эволюции «образа врага».

При исследовании психологических проблем Великой Отечественной войны, на наш взгляд, должны также активно использоваться источники, в обобщенной форме отражающие универсалии и стереотипы массового сознания, – например *поэтические и фольклорные произведения*. Дело в том, что для исследования духовной сферы имеют значение не только источники, фиксирующие те или иные события, явления или их оценки конкретными лицами, но и источники, заключающие в себе обобщенную, часто художественную оценку, и приобретающие особую ценность вследствие независимого от создателя источника широкого социального бытования. В этом случае содержащиеся в них мысли и оценки приобретают характер знака, символа, определенного среза духовной реальности.

В целом, в своей совокупности все перечисленные категории источников составляют комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих документов, позволяющий разносторонне осветить психологию «человека на войне».

Какие же задачи стоят перед исследователями, берущимися за изучение историко-психологических проблем Великой Отечественной войны? Какие вопросы требуют рассмотрения в первую очередь?

В историографии уже затронут целый комплекс историко-психологических проблем, которые, естественно, требуют и дальнейшего исследования. Среди них поведение и самоощущение человека в экстремальных условиях, особенности психологии рядового и командного состава армии, в том числе проблема корпоративности офицерского корпуса; психология военных профессий и взаимоотношений родов войск; значение военного быта; психологическое измерение социально-демографических категорий; элементы этнопсихологии; социально-психологический феномен фронтового поколения; участие женщин в войне; образ врага и образ союзника.

Не менее важны уже освещавшиеся междисциплинарные и «стыковые» проблемы – такие как взаимосвязь психологии и идеологии в войне, соотношение идеологических и психологических компонентов в мотивации войны и ее динамическом образе в массовом сознании как в ходе самой войны на различных ее этапах, так и в ретроспективном ее восприятии на протяжении последнего полувека. Весьма значимо изучение структуры общественного сознания, проблема соотношения реального и мифологического в образе войны, проблемы формирования героических символов и дальнейшее их функционирование в массовом сознании, в том числе механизмы включения в историческую память народа. Еще одной пограничной с исторической психологией областью является изучение проблемы религиозности и атеизма на войне. Все это проблемы, в той или иной степени разрабатывавшиеся исследователями. Но наряду с продолжением их изучения, необходимо обратить внимание на ряд вопросов и целые направления, которые еще практически не получили освещения в историографии. Здесь прежде всего следует назвать такие проблемы микроистории и истории повседневности, как роль войны в частной жизни ее участников и современников, особенности повседневной жизни людей и их взаимоотношений в боевой обстановке.

Отечественная историография Великой Отечественной при изучении персоналий традиционно обращала внимание лишь на две категории участников войны – крупных полководцев и отдельных героев, получивших общенациональную известность. Не говоря уже о том, что и этот пласт исследований страдает от недостатка собственно психологического начала, остальная огромная часть сражавшейся армии и народа оказалась отраженной в исторических трудах обезличенно и схематично.

Задача современных исследователей как раз и состоит в том, чтобы «глобальную», событийную, во многом обезличенную историю Великой Отечественной войны наполнить жизнью, людьми, их мыслями, чувствами, поступками, сделать ее более «человеч-

ной». Тогда труды профессиональных историков будут вызывать не только узконаучный интерес, но и более успешно выполнять свою социальную функцию – хранителей исторической памяти народа, воспитателей патриотических чувств и достойного национального самосознания.

А теперь, переходя от теоретической части статьи к более конкретной, следует подробнее остановиться на проблеме героических символов, тесно связанной с патриотическими традициями России. Общество всегда в той или иной степени нуждается в сохранении устойчивого, *здорового* морально-психологического состояния. Эта задача решается различными способами, в том числе и с использованием возможностей властных структур. Государство, как правило, ставит общественно значимые цели, в том числе и такие, что способны на время вывести общество из состояния стабильности. Поэтому государство вынуждено искать инструменты воздействия на общественное сознание – для обеспечения поддержки своих целей и восстановления психологического равновесия. Система таких инструментов весьма сложна. При этом нельзя забывать, что власть, государство – всего лишь часть общества. Существуют и непосредственные механизмы саморегуляции общества, действующие на разных уровнях его организации.

Любая, а тем более крупномасштабная война является экстремальной для общества ситуацией, нарушающей привычное течение жизни, подвергающей жесткому испытанию существующую в мирных условиях систему ценностей, моральное здоровье общества, его психологическую устойчивость. Регулирование (и саморегулирование) морально-психологического состояния общества является поэтому одним из важнейших факторов мобилизации его ресурсов в чрезвычайных военных условиях.

Итак, и власть, и самые различные внесударственные институты во время войны решают мобилизационные (в самом широком смысле) задачи. Существенную роль при этом играет формирование и восприятие массовым сознанием героических символов и мифов, вдохновляющих на борьбу. В некоторых случаях символы создаются целенаправленно, искусственно (благодаря государственной пропаганде), а затем более или менее успешно внедряются в общественное сознание; порой они складываются спонтанно, без каких-либо усилий официальных органов, призванных поддерживать боевой дух армии и народа.

Что же такое героические символы и для чего они нужны обществу (и власти!) в экстремальных военных условиях? Подобные *символы* – это обобщенные, очищенные от второстепенных деталей, частностей образцы индивидуального, группового, мас-

сового поведения, на которые общество ориентирует своих членов: Символы приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом – инструментом агитации, пропаганды, воспитания. Символы весьма часто носят персонифицированный характер, возникают в результате обобщения и некоторой мифологизации реальных подвигов, совершенных вполне конкретными людьми в конкретных же ситуациях. Например, в годы Великой Отечественной войны символический характер приобрели фигуры Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Виктора Талалихина, Николая Гастелло, Юрия Смирнова. Символами массового, группового героизма стали тогда герои-панфиловцы, молодоговардейцы-краснодонцы.

Героические символы порождали феномен массового подражания, тиражирования образца. История знает сотни *матросовцев, талалихинцев, гастелловцев*. Это, безусловно, не значит, что сходное поведение в типовых ситуациях (постоянно воспроизводимых на войне, как и в иных сферах человеческой деятельности) было исключительно подражательным; десятки людей совершали подобные подвиги, даже не зная об *образце*, многие – раньше, чем их совершил человек, с чьим именем впоследствии молва или официальная пропаганда связала героический поступок. Да и в любом случае каждый подвиг, сколь бы типичными ни были обстоятельства, в которых он стал фактом, индивидуален и неповторим...

Нужно четко различать прототип персонифицированного символа и сам символ. При этом для социального бытия символа обычно не имеет особого значения ни реальность зафиксированных общественным сознанием событий, ни тот факт, что другие люди совершали аналогичные подвиги, оставаясь никому неизвестными. Далеко не на каждого героя находился свой летописец, будь то военный журналист, пропагандист-политработник или писатель. «Повезло» немногим. Благодаря писателю Борису Полевому стал всенародным символом летчик Алексей Маресьев, а совершивший точно такой же подвиг Захар Сорокин известен только специалистам-историкам. При этом следует учитывать, что в советском обществе литература выполняла не только художественную, но и «воспитательную», идеологическую, регулирующую государством функцию. Механизм формирования героических символов относится к сфере идеологии и пропаганды, а их содержание регулируется законами социального мифотворчества. Последнее осуществляется как сверху (через средства массовой информации, литературу, кино и т.д.), так и снизу, на уровне бытового фольклора. Но, как правило, эти уровни рано или позд-

но смыкаются: спущенный сверху символ нередко становился популярным в народе, а рожденный в массах получал подкрепление в официальной пропаганде. «Дом Павлова» и «редут Таракуля» в Сталинграде, «сопка Тюрпека» в Карелии служат наглядным тому подтверждением. Возникшие в солдатской среде как дань уважения героям, не сдавшим своих позиций, названия эти перебрались на военные планы и карты, были взяты властью на вооружение и использованы как средства пропаганды.

Можно выявить определенную закономерность и провести классификацию типов подвига, наиболее часто использовавшихся советской пропагандой для превращения их в символы:

- единоборство с превосходящими силами противника, удержание боевых позиций ценой собственной жизни (с гранатой под танк; вызов огня на себя; подрыв гранатами себя и врагов при угрозе плена; и др.);

- массовый героизм, коллективный подвиг (стойкость целых подразделений);

- акты самопожертвования, спасение товарищей ценой собственной жизни (грудью на амбразуру);

- мученическая смерть под пытками в плену у врага, верность долгу и присяге перед лицом смерти;

- уничтожение врага таранным ударом при отсутствии иных средств ведения боя (воздушный таран); нанесение максимально возможного ущерба врагу ценой собственной жизни, отказ от возможности спастись (огненный таран);

- единство и дружба советских народов (подвиги многонациональных воинских коллективов; героизм бойцов разных национальностей);

- спасение боевого знамени и другой воинской и советской символики.

При этом основными отличительными чертами общеизвестных символов являлись прежде всего жертвенность и мученический ореол, тогда как для символов местного масштаба – «Герои нашей части», «Герои нашей Армии» и т.п., возникавших непосредственно на фронте без участия главных политических структур, наиболее характерными чертами являлись солдатская находчивость, смекалка, боевое мастерство, позволяющие наносить урон врагу с собственными минимальными потерями. Именно к такого рода символам относится литературный персонаж Василий Теркин, поднявшийся, однако, до уровня всенародного признания.

Героические символы отнюдь не являются статичным социально-психологическим образованием. Общественно значимые ситуации могут меняться, придавая иное общественное звучание

и символу. Поведение, важное и полезное в одних условиях, через некоторое время может оказываться бесполезным или даже вредным. Соответственно и отношение к символам общества в целом и власти в частности претерпевает радикальные изменения. Например, в начале Великой Отечественной, в условиях тяжелых оборонительных боев, громадных людских потерь, когда врага нужно было остановить любой ценой, приобрели известность подвиги летчиков, совершавших различные виды таранов (воздушные, «огненные», ночные), отождествлявшиеся в основном с именами Виктора Талалихина и Николая Гастелло. Позднее, в условиях перелома в ходе войны, когда советская авиация получила господство в воздухе, а острый дефицит опытных военных кадров был преодолен, воздушные тараны стали анахронизмом и перестали быть предметом массовой пропаганды. Более того, все чаще стала звучать мысль: «Сколько же можно гробить технику?»

Судьба персонифицированных символов столь же разнообразна, как и судьба их героев-прототипов. Одни из символов исчезали почти без следа, другие видоизменялись, развивались, обогащались новыми деталями или получали новую оценку, третьи – канонизировались, становились историческими символами – знаками эпохи. И здесь происходил весьма сложный отбор, в котором власть отнюдь не оставалась в стороне.

Особенно тщательно регулируемым этот процесс был в советском обществе, где история имела не только и не столько научное, сколько идеологическое значение. При этом отбор фактов для массового потребления был весьма сложным и жестким.

Так, один из наиболее ярких персонифицированных символов, широко известных в период Великой Отечественной войны, – Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага (лето 1944 г.), раненым захваченный в плен, но не выдавший под пытками военную тайну и распятый немцами на стене блиндажа, – после войны был фактически забыт, хотя и стал посмертно Героем Советского Союза. Иначе сложилась судьба других символов: партизанки Зои Космодемьянской, рядового Александра Матросова и юных подпольщиков-краснодонцев. О них были написаны не только журналистские статьи, но и литературные произведения, сняты художественные фильмы, их имена вошли в школьные учебники.

Следует отметить и другой феномен: некоторые героические символы становились сразу историческими знаками эпохи, минуя собственно «функциональную» стадию. Так, о героях Брестской крепости стало широко известно уже спустя много лет после войны. И это не случайно: в период хрущевской «оттепели» происхо-

дило переосмысление многих исторических событий, в том числе и трагического периода начала Великой Отечественной войны, о котором в послевоенных условиях сталинского правления старались «забыть». Не мог массовый героизм Брестского гарнизона стать символом при Сталине, который вину за собственные стратегические просчеты в начальный период войны пытался переложить на действующую армию и ее командиров. Немногие из оставшихся в живых защитников Бреста после освобождения из немецких лагерей сразу же попали в сталинские... Напротив, в условиях «оттепели» сложилась особая идеологическая конъюнктура, в соответствии с которой нужно было ярче высветить промахи сталинского руководства, что, в частности, помогал сделать подвиг «бессмертного гарнизона». Историческое расследование и книга Сергея Смирнова пришлись весьма кстати.

Становясь историческими, героические символы из утилитарно-функциональных (полезных для конкретных пропагандистских целей) превращаются в *ценностные*, входят в устойчивую структуру народного сознания.

Когда-то в древности основным механизмом закрепления в памяти поколений был фольклор (в России – преимущественно песни, былины). В XX в. таким инструментом стала массовая культура в соединении со средствами массовой информации и системой образования. Именно поэтому власть, прямо или опосредованно контролирующая все три сферы, получила преимущественные возможности управлять не только текущим состоянием общественного сознания, но и его *опорными точками*, каковыми, в частности, являются героические символы.

Новые возможности вмешательства сверху в глубинные структуры общественного сознания, в том числе в ценностные ориентации, породили ситуацию, когда символы могут быть не только очень быстро заново созданы, но также легко трансформированы и разрушены. По крайней мере, у власти может возникнуть такой соблазн, о чем, на наш взгляд, свидетельствует массивное воздействие на психологию российского общества в перестроечный и постсоветский периоды. Атака на основные устои советского общества затронула и ценности, являющиеся безусловным фундаментом исторической памяти народа.

Однако Александр Матросов – символ иного порядка, нежели «отцепредатель» Павлик Морозов. Поэтому героические символы Великой Отечественной по-прежнему остаются основой не только народной памяти о той войне, но и частью ценностного ядра национального самосознания в целом. Их разрушение в угоду политической и идеологической конъюнктуре может нанести не-

поправимый удар по всему патриотическому сознанию народа, без которого ни он сам, ни страна не могут иметь будущего, особенно в современном, очень жестком и конфликтном мире.

Вера народа в себя всегда опирается на героические образцы прошлого, на опыт предков, сумевших пережить тяжелые испытания и выйти из них победителем. Без такой веры и сегодня народы России, русский народ не смогут выйти из тяжелейшего национального кризиса, который поразил нашу страну в конце XX в. Поэтому одна из важнейших задач нашего общества – всячески беречь, изучать, сохранять и приумножать патриотические традиции России, которыми столь богата ее история. В этом ряду подвиг поколения Великой Отечественной войны, мужество и героизм наших отцов и дедов могут стать источником духовной силы для их потомков, – силы, способной возродить Россию, вернуть ей самоуважение и достойное место в ряду великих и процветающих держав.

¹ См.: *Сенявская Е.С.* 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Она же.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; и др.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ В БЕЛОРУССИИ

*А.М. Литвин**

(Республика Беларусь)

Известно, что в годы Великой Отечественной войны в составе военных и полицейских сил Германии действовало много разнообразных формирований, созданных из числа местного населения, военнопленных, перебежчиков и дезертиров советской армии и др. Эти формирования были различны по своему характеру, и их создание преследовало самые разные цели: от исполнения хозяйственной деятельности в составе рабочих команд при воинских частях, до участия в боевой деятельности на фронтах и в контрпартизанских операциях. От того, кто занимался созданием того или иного формирования, зависел характер его использования. Речь пойдет о Русской национальной народной армии (РННА), попытки создания которой предпринимались на территории Белоруссии, а точнее на территории поселка Осинторф, в годы минувшей войны.

Об этом формировании в источниках и исторической литературе отложилось довольно противоречивая информация. Немецкий исследователь Е. Хессе пишет, что явно при поддержке абвера в первые месяцы войны группа армий «Центр» сформировала бригаду «Граукопф», которая получила наименование по фамилии ее первого командира, сына русского генерала белогвардейской армии Захарова¹. В советской историографии первые сведения о Русской национальной армии появились в книге бывшего начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П.З. Калинина², который главное внимание, по известным причинам, уделил вопросам распропагандирования этого соединения белорусскими партизанами и осинторфскими³ подпольщиками. П.З. Калинин пишет, что зимой 1942 г. от бывшего директора торфопредприятия в Осинторфе Г.Г. Омельченко он узнал, что в Осинторфе, Шклове и Березино оккупанты начали формировать из советских военнопленных подразделения, которые по замыслу гитлеровского командования должны были составить основу так

* Литвин Алексей Михайлович, доктор исторических наук, заведующий отделом военной истории Института истории НАН Беларуси.

называемой Русской национальной армии, что для этой цели в поселок Осинторф из Германии присланы «специалисты» – белогвардейские офицеры и немцы русского происхождения. Калинин называет фамилии С.Н. Иванова – руководителя, его брата – Н.Н. Иванова – политического руководителя (тоже якобы царского офицера, в годы гражданской войны занимавшего должность заместителя начальника штаба в грабительских войсках Мюллера. В Германии, куда Н.Н. Иванов сбежал после гражданской войны, он занимался журналистикой, выступая в наиболее реакционных, антисоветских газетах «в качестве специалиста по России»). «В группу организаторов армии входили также: И.К. Сахаров – сын русского белогвардейца-эмигранта; граф Санин – бывший офицер царской армии, ярый монархист; Соболевский – бывший крупный помещик, офицер-белогвардеец; граф фон Пален – сын русского немца-белоэмигранта. Видная роль в этой банде отводилась и одному из нацистских главарей, немцу Ландорфу, который считал себя русским по происхождению⁴. В книге, несмотря на ее идеологическую заданность, тем не менее имеется ряд интересных сведений о методах вербовки в РННА, о проводимой среди солдат агитации, о причинах вступления и др. Белорусский историк К.И. Доморад пишет, что «Русскую национальную армию (РНА) немецко-фашистское командование начало создавать весной 1942 года в районе поселка Осинторф, намереваясь сформировать из военнопленных несколько дивизий для борьбы с партизанским движением и фронтовыми частями Красной Армии. Предполагалось, что на базе РНА германская военная разведка развернет подготовку специальных групп для заброски в советский тыл со шпионскими и диверсионными заданиями⁵. Автор, как и П.З. Калинин, использовал в основном сведения партизанской разведки, которые в обобщенном виде были изложены в «Отчете разведотдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД)». Отчет подписан начальником разведотдела БШПД полковником С. Анисимовым. РНА («Русская народная армия»), возникла в начале 1942 г. в Оршанском районе Минской области (поселок Осинторф). К августу 1942 г. численность доходила до 2000 человек, а к октябрю – до 7000 человек, неуклонно понижаясь в дальнейшем, главным образом ввиду перехода личного состава к партизанам. В период август 1942 г. – март 1943 г. подразделения РНА действовали против партизан в районах Орша–Шклов–Борисов–Бобруйск и Слуцк, а затем влились в состав Русской Освободительной Армии (РОА)⁶.

Главный лейтмотив публикаций названных выше авторов, как и в целом публикаций советского периода на эту тему, сводился, с одной стороны, к замалчиванию эпизодов, связанных с де-

тельностью РННА, а с другой – всяческого искажения действительной правды о целях ее создания, о том как на самом деле проходил этот процесс, о взаимоотношениях между инициаторами создания и немцами, между эмигрантами и солдатами РННА, о проводимой в этом формировании пропагандистской работе и т.п. А между тем все эти вопросы не так просты, как может показаться на первый взгляд. Созданный советской пропагандой образ «предателя-власовца» критически пересматривается лишь в последнее время. Совершенно очевидно, что при исследовании этого явления необходим объективный анализ всего комплекса как советских, так и немецких документов, а также документов и материалов непосредственных участников событий, в том числе мемуаров. Научное осмысление этого явления и его значения в истории нашей страны, по существу, только начинается. Наиболее полные сведения по нашей теме мы находим в вышедшей недавно обстоятельной статье «Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930–1945)», подготовленной российскими исследователями: доктором исторических наук полковником В.В. Захаровым (проф. Военного университета) и кандидатом исторических наук подполковником С.А. Колунтаевым, которые довольно подробно пишут о мотивах создания этого формирования и его организации. Со ссылкой на С. Стеенберга⁷, они утверждают, что берлинский эмигрант радиоинженер Сергей Никитич Иванов, имевший большие связи в нацистском руководстве, вышел с инициативой организации русских национальных воинских частей с целью антибольшевистской борьбы за создание национальной России. Он создал группу по формированию русских частей во фронтовой полосе из числа советских военнопленных с непосредственным участием русских эмигрантов⁸. В основу формирования этих частей должен был быть положен ряд принципов, которые хотя и не фиксировались официально, однако соблюдались как немецкой стороной, так и инициаторами плана.

1. Формирования должны носить русский национальный характер и иметь задачей антикоммунистическую борьбу.
2. Офицерский и солдатский состав должен набираться из русских.
3. Занятия и внутренний распорядок должны были производиться по русскому образцу и на русском языке.
4. Обмундирование и снаряжение личного состава должны быть русскими.
5. Все пленные должны были идти как пополнение, без того чтобы их сажать в лагерь за колючую проволоку...
6. Русским должно быть представлено возможным развернуть серьезную боевую единицу: отдельную часть или соединение.
7. Формирование воинских частей должно рассматриваться как подготовительный этап к определе-

нию будущего лидера русской освободительной борьбы. При этом считалось, что им должен быть один из советских генералов, попавших в плен⁹.

Далее эти авторы, со ссылкой на Стеенберга, пишут, что в марте 1942 г. С.Н. Иванов в Смоленске имел встречу с командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге и получил от него разрешение на набор личного состава для особой русской части в любом из лагерей военнопленных на участке группы армий «Центр». Разрешение было дано потому, что инициатива совпала с активизацией деятельности в этом направлении немецкой военной разведки абвер (адмирал Канарис) и отдела «Иностранные армии востока» Генштаба сухопутных сил Германии (Гелен) и была утверждена в Ставке Верховного командования (OKW – Oberkommando der Wehrmacht)¹⁰. В Смоленск прибыла организационная группа в составе С.Н. Иванова, К.Г. Кромиади (бывш. полковник, ком. полка), И.К. Сахарова (сын генерала царской армии, белый доброволец в годы гражданской войны в Испании), а также И. Юнга, В. Ресслера, священника о. Гермогена (Кивачук), графа С. Палена, графа А. Воронцова-Дашкова, В. Соболевского и представителя ОКВ офицера связи обер-лейтенанта Бурхардта. От командования группы армий «Центр» и абвера группу курировал начальник отдела контрразведки № 203 (Abwerstelle 203) подполковник фон Геттинг-Зеебург.

В сформированный штаб вошли: С.Н. Иванов (псевдоним Граукопф) – инициатор и руководитель проводимой акции, он отвечал за политическое руководство и связь с немецким командованием, И.К. Сахаров (псевдоним Левин) – являющийся помощником Иванова, К.Г. Кромиади (псевдоним Санин) – комендант центрального штаба и ответственный за кадры, строевую и хозяйственную части¹¹. Формирование получило наименование «Русской народной национальной армии» (предпринятая акция-операция «Граукопф»). Но были и другие наименования данного формирования: русский батальон специального назначения, подразделения абвера 203, соединение «Граукопф», что отвечало целям, которые ставили перед собой его организаторы. К основной группе была придана команда связи из 20 немецких солдат, которую возглавил обер-лейтенант Буркхардт¹². Упомянутые выше авторы считают, что заболевшего в мае 1942 г. Иванова сменил Кромиади, которого в августе сменил полковник Владимир Ильич Боярский¹³, последнего в свою очередь в конце октября сменил начальник штаба майор Риль¹⁴, которому немцы присвоили звание полковника. В конце ноября Риль был арестован, а личный состав был переодет в немецкую форму и переформирован в

добровольческий полк № 700, во главе которого был поставлен немецкий полковник Коррети.

В. Штрик-Штрикфельд¹⁵, посвятивший истории власовского движения книгу воспоминаний, утверждает, что летом 1942 г. генерал Треско¹⁶ передал Жиленкову и Боярскому командование пробным соединением группы армий «Центр», образованным из части, носившей название «Русской национально-народной армии». Бывший до тех пор ее командиром, любимый и уважаемый солдатами полковник К.Г. Кромиади, должен был сдать командование, как и другие старые эмигранты, на основании уже упоминаемого приказа Гитлера¹⁷.

Как видим, знакомство с имеющейся по этому вопросу в нашем распоряжении литературой показывает, что существуют противоречивые и далеко не полные сведения как о целях и задачах этого формирования, так и его организации, структуре, командовании, боевой деятельности и т.п. Анализ источников и литературы с определенной степенью достоверности позволяет сделать вывод о том, что главной целью инициаторов этой акции было создание «Русской национальной народной армии». Отсюда, вероятно, появление названия «народники», которым местные жители и партизаны называли солдат формирования. Интересно, что в официальных немецких документах (Дневник Шенкендорфа и др.) нами пока не обнаружено упоминания РННА. Предпринятая акция обозначена по-разному: русский батальон особого назначения, подразделение абвера 203, русское опытное соединение «Граукопф», русское опытное соединение «Центр» и др. Когда же в Осинторфе возникло «опытное русское формирование», кем и с какой целью оно было создано, кто им командовал, какой был принцип отбора, структура и чем оно занималось? На эти и ряд других вопросов мы попытались найти ответы как в советских, так и в немецких источниках.

Первое упоминание о нем мы находим в отчете командующего генерала охранными войсками и командующего тылом группы армий «Центр» (Оперотдел (1а), рег. 2572/42 секр.) за июнь 1942 г., где положительно говорится о местных формированиях и о том, что сформированное армейской группировкой опытное соединение «Граукопф» было передано командующим в полное подчинение Шенкендорфа¹⁸. Следующее упоминание мы находим в дневнике Шенкендорфа за 3 июля 1942 г.: «...В оперативном отделе совещание с командирами русского опытного соединения «Граукопф» Сахаровым и Бочаровым»¹⁹. Скорее всего на совещании обсуждался вопрос о создании на базе «Граукопфа» зондеркоманды особого назначения, потому что 14 июля командование группы армий «Центр» отдало по этому поводу соответству-

ющий приказ. В связи с чем в дневнике была сделана запись, что «начальник оперотдела едет в Осинторф, чтобы на месте проверить исполнение»²⁰.

Запись от 20 июля 1942 г. свидетельствует, что от командования группы армий «Центр» поступило распоряжение подготовить для использования в 59-м армейском корпусе 150 человек из опытного соединения «Граукопф». Еще через четыре дня поступило сообщение, что крупные силы партизан приближаются к торфозаводу Осинторф. Опытное соединение «Граукопф» получает задание взять на себя защиту торфозавода и охрану лагеря военнопленных (примерно 1 тыс. человек).

31.VII.1942 г. командование группы армий «Центр» отдало приказ об увеличении опытного соединения «Граукопф» до 5 тыс. человек. Вооружением и снаряжением обеспечивала армейская группа. Согласно телефонному звонку и разговору с начальником разведотдела²¹ армейской группы «Центр» можно было рассчитывать на то, что русский батальон «Волга», созданный преимущественно из служащих «Граукопфа», больше не возвратится, а останется при командующем генерале охранных войск.

4.VIII.1942 г. опытное соединение «Граукопф» сообщило о наступлении крупных партизанских сил на Осинторф. Выдвинутое вперед охранение вынуждено было отступить.

6.VIII.1942 г. начальник оперотдела вылетел в русский батальон «Волга», он установил, что батальон до сих пор плохо обмундирован, снаряжен и вооружен. В таком состоянии батальон не был боеспособен. Принято решение обмундировать батальон в немецкую форму.

23.VIII.1942 г. 286-я охранная дивизия сообщила о прибытии перебежчика из опытного соединения «Граукопф», который дал подробные сведения о местонахождении и численности бандитских групп, окруженных в ходе операции «Гриф»²². Согласно этим данным, основная масса сил противника находилась в районе озера Ордышево.

30.X.1942 г. начальник Генштаба²³ группы армий «Центр» сообщил, что опытное соединение «Граукопф» с целью проверки его в бою должно быть передано в подчинение командующему генералу. Для этого в качестве первого района придается район севернее Толочино. Там образовалось несколько боевых центров.

1.XI.1942 г. Издан приказ армейской группы о передаче в подчинение командующему генералу опытного соединения «Центр» для использования его в борьбе против партизан.

4.XI.1942 г. Состоялось совещание у начальника генштаба с начальниками оперативных отделов охранных дивизий. Обсуждаемые вопросы: бандитская обстановка на территории тыла ар-

мейской группы; охрана железнодорожных линий; операции против партизан; русские батальоны; организация ОД; мобилизация на работы в Германию и др.

5.XI.1942 г. группа армий «Центр» указала на формирование опытного соединения «Центр» согласно штатам местных формирований...

В документах штаба генерала Шенкендорфа сохранился следующий любопытный документ, датированный 5 ноября 1942 г.:

«Пункты, обсуждаемые у начальника генерального штаба:

...2. Опытное соединение «Центр». Структура построения опытного соединения «Центр» отвечает стилю бригады. Она должна объясняться действительными возможностями соединения. Должно быть создано 5 батальонов. Эти 5 батальонов должны быть сформированы по штатам военного времени как местные формирования командующего генерала. Это значит, например, что каждый батальон получает полубатарею и 1 противотанковый взвод. Существующие теперь полковые части, например, полудивизион, противотанковая рота будут распущены. Сомнения вызывает следующий вопрос: В местных формированиях командующего генерала структура построения батальонов такова: 4 стрелковые роты, у которых 4-й взвод, так называемый тяжелый взвод, состоит из 1 отделения станковых пулеметов, 1 отделения легких минометов и 1 отделения тяжелых минометов. Штатное расписание согласно предписанию ОКХ № 8000, напротив, предусматривает структурное построение в 3 стрелковые роты и 1 пулеметную. Структурное построение командующего генерала одобрено ОКХ, ибо на здешней местности, как правило, боевое использование полной пулеметной роты, вообще невозможно. В большинстве отдельные роты разбросаны далеко одна от другой. Вопрос: Должно ли опытное соединение «Центр» быть сформированным таким образом или же в соответствии с предписанием ОКХ № 8000, то есть с 3-мя стрелковыми и одной пулеметной ротой, принимая во внимание особое применение, предусматриваемое для опытного соединения «Центр»?

Опытное соединение «Центр» не должно подпадать и под пункт 1 (в) распоряжения ОКХ № 8000 (стр. 2), пункт 1 (а), так как речь идет об особом соединении, которое сражается не в немецкой форме, а в русском обмундировании.

Этот вопрос следует основательно выяснить»²⁴.

Далее в документе говорится о том, что, согласно сообщению ОКХ, полковой штаб будет сформирован как штаб боевой подготовки. Командир штаба одновременно должен быть командиром восточных войск (немецкий штабной офицер), наделенный инспекционными правами для всех восточных частей группы ар-

мий «Центр». Меккендорф писал: «Русский полковник, который в настоящее время находится в Осинторфе, мог бы быть подчинен этому командиру восточными частями в качестве русского проверяющего. Если будет создан учебный штаб (военной подготовки), а не полковой штаб, то тогда отпадают все полковые части в опытном соединении «Центр», так как там имеются рота автоматчиков, зенитный дивизион, авиаэскадрилия, ремонтно-восстановительная рота и т.д. Решающим для выяснения этого вопроса – вопрос о планируемом использовании опытного соединения «Центр». По всем предположениям опытное соединение «Центр» все больше будет переходить под руководство армейской группировки. При таких обстоятельствах возникает вопрос, поддерживается ли вопрос подключения абвера. Будет, пожалуй, лучше всего, если это влияние эмигрантов и т.п. будет исключено. Тогда можно будет исключить и команду абвера».

Как видно далее из записей в дневнике Шенкендорфа, дела опытного соединения были в центре внимания штаба командующего генерала. Запись от 7.XI.1942 г. говорит о том, что начальник оперотдела провел совещание в опытном соединении «Центр» в Осинторфе. «Соединение должно быть переформировано в соответствии с другими местными формированиями, существующими при группе армий «Центр». Соединение будет оформлено в виде полка».

15 ноября 1942 г. генерал Шенкендорф отдал следующий приказ (оперотдел рег. № 3779/4 секр.):

«I. ОКХ (главное командование сухопутных войск) своим распоряжением (орг. отдел (11) № 5381/42 секр. От 8. XI.1942 г.) предприняло реорганизацию и одновременно включило в государственный бюджет опытное соединение «Центр». В соответствии с этим приказом из опытного соединения создаются:

1. Командующий восточными войсками особого назначения 700 (полковой штаб).

2. 5 восточных батальонов под наименованием восточные батальоны 633, 634, 635, 636, 637²⁵. Они будут объединены штабом полка.

К пункту 1. Прошу представить предложения по штатному расписанию военного времени для штаба полка и офицерским должностям. Командиром восточного полка назначается немецкий командир полка, ему придается русский командир полка особого назначения. Обязанности командира полка, до окончательного назначения такового, поручается исполнять полковнику Грау, командиру 2-го самокатного гренадерского полка. Этим же приказом из состава особого соединения должны были быть отчислены все служащие туркестанской национальности»²⁶.

«17.XI.1942 г. 221-я охранная дивизия получила приказ открыть бюро по вербовке молодых русских, в возрасте от 17 до 22 лет, в качестве рекрутов для местных формирований. Этим положен первый опыт, чтобы в дальнейшем вербовку проводить в широких масштабах.

21.XI.1942 г. прошло совещание с русскими офицерами опытного соединения «Центр» по вопросу реорганизации соединения. На совещании присутствовал также начальник немецкой команды связи полковник Грау, который в настоящее время замещает командующего восточными войсками. На совещании неоднократно указывалось на трудности с обеспечением зимним обмундированием. 286-я охранная дивизия передала район вокруг д. Бабиновичи, 30 км северо-восточнее Орши, как усмиренную территорию командиру восточными войсками особого назначения 700.

25.XI.1942 г. поступил приказ командиру 700-го восточного батальона особого назначения о придании б-на в подчинение 286-й охранной дивизии для проведения усмирительных акций. Операция опытного соединения «Центр» в районе Обольцы продолжалась (северо-зап. Толочино). Командующий генерал уехал в Осинторф для инспекции русского батальона.

26.XI.1942 г. Штабной приказ о том, что всеми делами местных формирований занимается оперативный отдел.

30.XI.1942 г. прибыл начальник немецкой команды связи при командире восточного батальона особого назначения капитан Услар, который передал докладную записку о том, что полковник Грау, замещающий командира полка, на товарищеском ужине допустил высказывания и обещания, противоречащие общей установке. Командующий генерал приказал немедленно отозвать полковника Грау, а причину отзыва должен ему объяснить ему командир 286-й охранной дивизии. Начальник оперативного отдела получил указание объяснить русским офицерам, что допущенные полковником Грау высказывания никоим образом не одобряются командованием.

В тот же день прибыл генерал Жиленков, начальник отдела пропаганды при командире 700-го восточного батальона особого назначения. Начальник оперотдела имел с ним обстоятельный разговор относительно пропагандистских мероприятий.

1.XII.1942 г. капитан Услар, начальник немецкой команды связи при командире 700-го вост. батальона особого назначения получил приказ (о боевом использовании 634-го б-на в районе Червеня и Березино). Другой батальон должен быть вооружен и доведен до боевого при 221-й охранной дивизии.

2.XII.1942 г. прибыл полковник Коррети, направленный главнокомандующим сухопутных войск (ОКВ) на должность коман-

дира 700-го восточного батальона особого назначения. В тот же день издан приказ о боевом использовании восточных батальонов.

6.XII.1942 г. командир 700-го батальона особого назначения доложил о вооруженном столкновении русского батальона с крупной бандой возле деревни Щеки (8 км восточнее Осинторфа), в ходе которой батальон понес значительные потери. Слухи о том, что это была воздушно-десантная часть, не подтвердились.

7.XII.1942 г. командир 700-го батальона особого назначения доложил, что еще один батальон направлен на борьбу против партизан. Противник понес значительные потери. Боевая деятельность затруднена сильными заносами. Прибыл майор Ганзен для ознакомления с делами восточных батальонов, чтобы впоследствии заниматься делами этих батальонов в рамках начальника оперативного отдела.

8.XII.1942 г. командир 700-го восточного батальона особого назначения докладывает об окончании операции против крупной «партизанской банды» в районе д. Щеки (33 км сев. вост. Орши) Противник потерял 50 человек убитыми и отошел на север-восток.

9.XII.1942 г. прибыл подполковник Коррети, командир 700-го восточного б-на особого назначения, который доложил о бое под д. Щеки (14 км восточнее Осинторфа). Служащие восточного батальона сражались отлично. Они сами расстреляли одного из своих офицеров, который хотел перейти к партизанам. Противник понес значительные потери: свыше 75 человек убитыми. Собственные потери: 9 человек убитыми и 14 ранеными». Генерал Шенкендорф выразил батальону свою признательность. 286-я дивизия сообщила о нападении «банды» численностью 200 человек на д. Шепелевичи (примерно 30 км южнее Толочина). Располагающийся там восточный эскадрон понес большие потери: убито 2 немецких солдата и 3 восточных кавалериста. «Бандитами» сожжены лошади и вся амуниция взвода. Для подкрепления отсюда направлен один эскадрон 600 казачьего батальона.

«10.XII.1942 г. 221-я охранная дивизия отказывается принять 633-й восточный батальон, так как он плохо снаряжен.

11.XII.1942 г. поступило сообщение из ОКВ о том, что в январе-феврале будут переброшены два подразделения особого соединения «Бранденбург»²⁷.

«12.XII.1942 г. ...оперативный отдел представил обращение (призыв) к созданию Русского Национального Комитета, чтобы получить под ним подписи некоторых авторитетных лиц. Подписи были собраны. Командированный в штаб сотрудник по восточным формированиям, майор Ганзен, выехал в восточный запасной полк «Центр».

13.XII.1942 г. прибыл капитан Услар от командующего 700-го восточного батальона особого назначения и передал приказ абвергруппы Берлина, согласно которому он и 1 офицер, а также 20 унтерофицеров и рядовых 20.XII 42 г. должны быть заменены. Остаток группы должен последовать за ними. 31.I.43 г. Совещание начальника оперотдела и начальника отдела начсостава (11а) по вопросу замены сотрудников абвера, уезжающих с капитаном Усларом. От ОКВ поступил приказ о прибытии 18.XII. 42 г. командующего генерала в Берлин на совещание в Министерство по занятым восточным областям по вопросам политических целей и задач.

17.XII.1942 г. 286-я охранная дивизия сообщила, что обоз 633-го восточного батальона, который 7.XII.1942 г. выбыл из Могилева в Березино, не достиг цели назначения и бесследно исчез. Командир 700-го восточного батальона особого назначения выехал в Березино. Начальник отдела 1д, капитан Ферстер, командированный в качестве адъютанта к командиру 700-го восточного батальона особого назначения выехал в Осинторф. 600-й казачий батальон сообщает, что в первое воскресенье кампании зимней помощи батальоном собрано 18 000 рейхсмарок добровольных пожертвований, которые переданы немецкой радиостанции. Подразделение батальона из д. Заревичи высказало пожелание послушать песню о Волге.

21.XII.1942 г. Командир 700-го восточного батальона особого назначения докладывает, что бесследно исчез один взвод 633-го восточного батальона и полностью обоз 634-го восточного батальона. Позже выяснилось, что один взвод 633-го восточного батальона особого назначения ведет бой с крупной «бандой» севернее Березино–Червень, а обоз 634-го восточного батальона особого назначения отправился по ложной дороге из Могилева на Березино, то есть вместо Березино на Бобруйск и по дороге подвергся нападению партизан. Они под угрозой расстрела заставили участников колонн присоединиться к ним. Только двум человекам из колонны удалось бежать и добраться до Бобруйска, где они явились в Восточный запасной полк «Центр». Командир 700-го восточного батальона особого назначения перебросил все имеющиеся в его распоряжении силы в район Березино–Червень, где положение крайне тяжелое (весь район, за исключением опорных пунктов Березино и Червень занят «бандитами»).

24.XII.1942 г. поступило сообщение командира 700-го батальона особого назначения об обострении обстановки в районе Березино–Червень. Обоим батальонам отсюда будут направлены 3 бронев автомашины.

25.XII.1942 г. поступило сообщение ОКВ о создании при нем нового учреждения под названием «Генерал восточных войск».

26.XII.1942 г. передано сообщение командованию группы армий «Центр» об операциях 700-го восточного батальона особого назначения в районе Березино–Червень.

27.XII.1942 г. командир 700-го восточного батальона особого назначения докладывает об обстреле «бандитами» из артиллерии и минометов г. Червень. Попытки нападения «бандитов» отбиты.

28.XII.1942 г. зачитан приказ фюрера о беспощадной борьбе против «бандитов». Дивизия «Рихерт»²⁸ начала наступление против банд. Дневные задачи, за исключением центрального участка, повсеместно выполнены. На всех участках бои с противником. Бои восточных батальонов в районе Березино–Червень. Для поддержки батальонов высший начальник СС и полиции направил туда особый батальон Дирливангера. Последний будет подчинен командиру 700-го восточного батальона особого назначения... Для приема захваченных во время операции дивизией «Рихерт» местных жителей для батальона «Осинторф» оттуда в дивизию «Рихерт» должна быть направлена офицерская комиссия...

29.XII.1942 г. командующий генерал возвратился из отпуска. Посещение курсов, созданных отделом пропаганды для обучения русских пропагандистов восточных батальонов. Прибыли генерал Жиленков и полковник Боярский из батальона «Осинторф», которые высказались против использования восточного батальона как в качестве диверсантов в тылу противника, так и на фронте. Сложилось впечатление, что оба офицера проводят политику пассивного сопротивления. Командованию армейской группировки было доложено об этом впечатлении и позиции обоих офицеров. Командующий восточными войсками, полковник Коррети, вызван радиogramмой на совещание сюда.

30.XII.1942 г. полковник Коррети прибыл в Могилев, откуда самолетом доставлен в Смоленск. Он доложил об обстановке в районе Березино–Червень, а также о положении в восточных батальонах. Его доклад дал повод к первым сомнениям. На запрос командованию армейской группы сообщено, что об использовании 2-х восточных батальонов на фронте не может быть и речи. В компенсацию этого должна быть создана диверсионная группа примерно в 200 человек. Приказы по этому вопросу должны последовать немедленно. Командиром группы назначен подполковник Бочаров, которому будет придан один немецкий офицер связи и один переводчик...

31.XII.1942 г. состоялось совещание генерала фон Шенкендорфа и полковника Коррети у фельдмаршала, командующего группой армий «Центр», фон Клюге. На этом совещании был отдан приказ об отмене использования 2-х восточных батальонов на фронте. Однако остается в силе приказ и принятые меры по соз-

данию диверсионной группы. Фельдмаршал приказал решительно вмешаться в дела восточного батальона «Осинторф», немедленно отстранить генерала Жиленкова и полковника Боярского и передать их в распоряжение ОКВ. Полковник Коррети возвратился в Осинторф. Отдан приказ об усилении немецких команд связи в восточных батальонах путем добавления офицеров и казначея.

Таким образом, приведенные нами данные позволяют в определенной степени уточнить ряд сведений, имевшихся в исторической литературе, о РННА.

- ¹ Hesse E. Der sowjetische Partisanenkrieg 1941–1944 in Spiegel deutscher Kampfanweisungen und Befehle/ Gottingen, 1969, S. 120. Хессе считает, что формирование получило свое название потому, что Захарова звали «седая голова» – по-немецки «Graukopf».
- ² Калинин П.З. Партизанская республика. 3-е изд. Мн., 1974.
- ³ В этом отношении интересна книга одного из руководителей Осинторфского подполья С. Шмуглевского «Рядовые подполья» (Мн., 1974).
- ⁴ Калинин П.З. Указ соч. С. 182–183.
- ⁵ Доморад К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии Мн., 1995. С. 101–104.
- ⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).
- ⁷ Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974, 65–66.
- ⁸ Материалы по истории русского освободительного движения. Статьи, документы, воспоминания. Под общей ред. А.В. Огорокова. Выпуск 2, М., 1998. С. 64.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 65; Стеенберг. Указ. соч. С. 54.
- ¹¹ Кромиади (Санин) Константин Григорьевич (род. в 1893 г. в г. Карс, Армения). Грек по национальности. В чине поручика принял участие в Первой мировой войне. Весной 1917 г. командовал батальоном в походе полковника Л.Ф. Бичерахова через Персию в Месопотамию с целью установить связь с английскими войсками. В годы гражданской войны в белой армии. Полковник. Эмигрировал в Германию, где 16 лет работал таксистом в Берлине. Приглашен на работу в Министерство Восточных областей. Возглавлял комиссию по распределению военноопленных по специальностям. С марта находился в Смоленске. 29 августа 1942 г. отозван в Берлин. С марта 1943 г. в Пскове принимает участие в формировании 1-го гвардейского батальона РОА. С сентября сотрудник штаба генерала А.А. Власова. *Кромиади К.* За землю, за волю. Сан-Франциско, 1980. В ряде изданий, в том числе в названных работах П.З. Калинина, а также К.И. Доморада в числе организаторов РННА называется «бывший царский офицер граф Санин».
- ¹² Материалы... Вып. 2. С. 66.
- ¹³ В ряде публикаций утверждается, что вместе с С.Н. Ивановым приехал также его брат Н.Н. Иванов, тоже «бывший царский офицер, который после войны жил в Германии и сотрудничал в наиболее реакционных антисоветских журналах» (*Калинин П.З.* Указ. соч. С. 183). Нам пока не уда-

лось найти сведений о Н.Н. Иванове. Вполне возможно, что речь идет об одном человеке – С.Н. Иванове.

Боярский Владимир Ильич (Баерский Владимир Гилярович), родился в 1901, с. Бродецкое, Бердичевского уезда Киевской губернии. Из рабочей семьи. С марта 1941 г. по январь 1942 г. начальник штаба 31-го стрелкового корпуса, а затем командир 41-й стрелковой дивизии 2-го формирования Юго-Западного фронта. Полковник. В июне 1942 г. попал в плен будучи в окружении. 3 августа 1942 г. вместе с Власовым подписал Обращение к германскому командованию о необходимости формирования РОА и русского правительства. С 25 августа по конец октября – командующий русским формированием в Осинторфе. Повешен в Праге чешскими партизанами (Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал, 1993. № 1. С. 39).

- ¹⁴ Риль Владимир Федорович (Рудольф Фридрихович) – подполковник Красной Армии, помощник начальника оперативного отдела 22-й армии Западного фронта. В июле 1941 г. под Витебском попал в плен. Сотрудничал с абверкомандой в Витебске. В апреле 1942 г. добровольно направился в Осинторф, где был назначен начальником штаба РННА. В феврале 1943 г. за отказ расформировать бригаду и антинемецкие настроения арестован гестапо и посажен в концлагерь. В сентябре 1943 освобожден и направлен в Дабендорф. После окончания курсов назначен на должность руководителя пропагандистской группы РОА в Италии. С декабря 1944 – зам. начальника оперативного отдела штаба ВС КОНР. В мае 1946 г. выдан советским властям американцами. Источник: Комментарии К. Александра к публикации «Из записной книжки генерал-майора В.Ф. Мальшикина (1945-1946) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 420).
- ¹⁵ Штрик-Штрикфельд Вильфрид Карлович – прибалтийский немец. До революции служил в царской армии, а затем в белой. До 1940 г. жил в Латвии, а затем в Германии (Познань). В январе 1941 г. призван в вермахт в чине капитана. Служил в качестве офицера-переводчика в штабе группы армий «Центр» при фельдмаршале Федоре фон Боке. С начала 1942 г. в отделе III Ген. штаба «Иноземные войска востока» [Fremde Heere Ost] (ФХО) при ОКХ, которым руководил генерал-майор Рейнхард Гелен. Возглавлял отдел восточной пропаганды особого назначения (Ostpropagandaabteilung) z[ur] b[esonderen] v[erwendung] (лагерь Дабендорф к югу от Берлина).
- ¹⁶ Хеннинг фон Треско – генерал-майор, начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр».
- ¹⁷ Имеется в виду приказ Гитлера, запрещающий использование русских эмигрантов на командных должностях в восточных батальонах. См. *Штрик-Штрикфельд В.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и русское Освободительное движение. Посев: М., 1993. С. 141.
- ¹⁸ Дневник Шенкендорфа. Александрыйский микрофильм (АМФ), Т. 501. Р. 26, к. 001038-001040.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Начальником разведотдела группы армий «Центр» был майор барон фон Герсдорф.
- ²² Операция «Гриф» – операция против партизан – проводилась в августе 1942 г.

- ²³ Начальником штаба группы армий «Центр» был генерал фон Грейфенберг.
- ²⁴ НАРБ, микрофильмы, арх.№ 280. АМФ, Т-501, р. 27, к. 000100-000102.
- ²⁵ 637-й восточный батальон. 21 июля 1943 г. к партизанам перебежал Нехорошков Павел Петрович, 1921 г.р., урож. г. Челябинска. На допросе он показал следующее: «Примерно в первых числах сентября 1942 г. в лагерь военнопленных (в Витебске) приехал капитан с призывом вступления в Народную армию. Через месяц в лагерь приехали представители и нас отвезли под Оршу на ст. Осиповка, где сформировали батальон № 637, где находился до 20 июля 1943 г. в качестве командира ячейки управления артиллерийской роты. 20 июля совершил побег. С 27 февраля по 27 марта 1943 г. был в Берлине, слушал лекции о целях и задачах «Русского комитета» (курсы пропагандистов).
- Будучи в Народной армии Вы участвовали в борьбе против партизан? Ответ. – Да... Четыре раза. – Район Березино, в Орловской области, под м. Пышно и в Чашниках». См. НАРБ. Ф. 3500. Оп. 2. Д. 47. Л 156–158.
- ²⁶ АМФ.Т. 501, р.27, к. 000117-000118.
- ²⁷ Особое соединение Бранденбург – специальная воинская часть, в составе которой проходили службу немцы, знающие русский язык, а также наемники из числа граждан бывшей Российской империи и СССР.
- ²⁸ Дивизия «Рихерт» была создана приказом от 17.12.1942 г. из частей 201-й и 286-й охранных дивизий. Ей были приданы 8-й артиллерийский полк «Смоленск», 3 танка 2-го батальона 66-го танкового полка и 1 взвод 10-й танковой роты 2-го самокатного гренадерского полка, с целью использования ее на фронте.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВНЕШНИЙ МИР НА ИСХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

*Л.Н. Нежинский**

(Москва)

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. был, на ваш взгляд, одним из немногих периодов в истории СССР, когда интересы «верхов» и «низов» советского общества в основном совпали, ибо возникла общая задача – дать отпор фашистскому агрессору, отстоять национальную независимость страны, сохранить условия для дальнейшей жизни общества. Общность задач, и в данном случае интересов, порождала и адекватную результативность действий. Ибо когда советская дипломатия предпринимала с первых же дней начавшейся Отечественной войны усилия по созданию антигитлеровской коалиции, по обеспечению международных условий ведения необходимых боевых действий Советской армии, боролась за быстрее открытие второго фронта в Европе, за увеличение американских поставок по ленд-лизу, отстаивала на международных конференциях и встречах руководителей «большой тройки» такие параметры и условия будущего мира, которые соответствовали бы вкладу Советского Союза в дело разгрома фашизма, – то тем самым она отстаивала и отражала в своей деятельности интересы не только правящей верхушки СССР, но и чаяния, и устремления подавляющей массы населения Советского Союза.

Именно отмеченное совпадение интересов сыграло не последнюю роль в очевидном возрастании к окончанию Второй мировой войны удельного веса и роли Советского Союза в международных делах. Притом что тоталитарный характер советского режима не изменился, остается реальным фактом, что в последние годы войны Советский Союз, вместе с США и Великобританией, играл главенствующую роль в решении проблем мировой политики, в немалой степени определял дальнейшие судьбы многих стран и народов. Одним из показателей роста влияния СССР в мировых делах явилось расширение его международных связей: если до июня 1941 г. Советский Союз имел ди-

* Нежинский Леонид Николаевич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории международных отношений и внешней политики России Института российской истории РАН.

пломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны – уже с 52¹. СССР стал одной из держав-учредительниц Организации Объединенных Наций, постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Героическое сопротивление народов СССР фашистской агрессии, их высочайший патриотизм и готовность к самопожертвованию, мужество и героизм Советской армии сыграли главную роль в том, что в результате победы в войне сталинскому руководству удалось не только закрепить на данном этапе в составе СССР те территории, которые были присоединены в 1939–1940 гг. (Западная Украина и Западная Белоруссия, Прибалтика, территория Карельского перешейка, Бессарабия, Северная Буковина), но и расширить территориальные рамки государства путем включения новых областей: Закарпатская область и Восточная Пруссия (Калининградская область) на Западе, Курильские острова – на Дальнем Востоке. Ялтинско-Потсдамские договоренности, открывавшие дорогу к установлению сферы влияния Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе, заключение СССР договоров о дружбе и взаимопомощи с Чехословакией, Югославией и Польшей в 1943–1945 гг., означали не только прекращение той, по сути внешнеполитической изоляции, в которой находился Советский Союз накануне и в начале Второй мировой войны, но и отражало кардинальное изменение геополитического положения СССР к окончанию Второй мировой войны. Все это позитивно воспринималось общественным самосознанием населения СССР и несмотря на огромные потери и жертвы рождало естественные в тех условиях чувства патриотизма и гордости за свою страну.

9 мая 1945 г. отгремели залпы победного салюта по всем городам и весям Советского Союза. И хотя впереди была еще военная кампания против Японии, в сознании подавляющего большинства советских граждан с разгромом фашистской Германии Великая Отечественная война закончилась. Естественным было ощущение громадного облегчения от завершения периода, связанного с максимальным напряжением физических и духовных сил, потерями и тяготами военного времени. Одновременно рождались законные надежды у тех, кто остался жив, на приход, наконец, мирной, нормальной и обеспеченной жизни. Мало кто мог тогда предположить, что не пройдет и одного-двух лет, и снова задуют ветры, на этот раз «холодной войны», и снова придется подумать о том, чтобы «потуже затянуть пояса», и снова будут исходить сверху неустанные призывы к «самоотверженному труду», к «отдаче всех сил» и «укреплению морально-политического единства советского народа», чтобы обеспечить на этот раз отпор по

всем линиям новому противнику – «американскому империализму» и всем тем, кто шел вместе с ним. Однако все именно так и произошло. И обусловлено это было целым комплексом причин и обстоятельств внешнего и внутреннего порядка.

Напомним, что в годы Второй мировой войны, руководители СССР, с одной стороны, и США и Великобритании – с другой, приглушив на время взаимное принципиальное неприятие социально-экономического строя друг друга, пошли на крупнейший исторический компромисс, и сочли целесообразным образовать антифашистскую коалицию, во имя достижения общей цели – разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии.

Окончание войны породило новую ситуацию. В отличие от США, за годы войны значительно увеличивших свой экономический потенциал, Великобритания и другие западные страны (не говоря уже о побежденных государствах) вышли из войны с ослабленной, и во многом дезорганизованной экономикой. Сложно обстояли дела и в СССР. С одной стороны, небывало возрос международный вес СССР, и без его участия теперь не решалась ни одна крупная международная проблема. В то же время экономическое положение Советского Союза было сильно подорвано: в ходе войны население страны понесло огромные потери, уровень его жизни упал до критической черты, немалая часть страны лежала в развалинах, экономика была предельно милитаризована. В этих условиях даже сталинское руководство понимало, что обладая правом победителя в плане желаемого воздействия на дальнейший ход мирового развития, оно было лишено существенного элемента – соответствующего этому желанию экономического потенциала. Поэтому в первые месяцы после поражения Германии и капитуляции Японии, несмотря на резко негативное и даже болезненное восприятие лично И. Сталиным и его окружением демонстрации силы США – атомных бомбардировок в августе 1945 г. Хиросимы и Нагасаки, во внешнеполитической сфере советское руководство всячески старалось создать образ СССР как миролюбивого государства, готового к поиску компромиссов в решении актуальных международных проблем совместно с бывшими партнерами по антигитлеровской коалиции. Декларируя главное содержание и задачи послевоенной внешней политики Советского Союза, ЦК ВКП(б) подчеркивал необходимость обеспечить благоприятные международные условия для мирного социалистического строительства в СССР, для развития мирового революционного процесса, для сохранения мира на земле².

Но так продолжалось недолго. С каждым месяцем, прошедшим после окончания Второй мировой войны, все более давало о себе знать обострение отношений между партнерами по антигит-

леровской коалиции, впоследствии нареченное как «холодная война», И в этой связи, на наш взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в том или ином виде «холодная война» была неизбежной, поскольку глубокие изменения в распределении ролей великих держав на международной арене и в соотношении сил между ними, со всей очевидностью обозначившиеся после разгрома странами антигитлеровской коалиции блока фашистских агрессоров и исчезновения общего врага, а также коренные различия в социально-политическом строе, системе ценностей и идеологии тогдашнего Советского Союза, с одной стороны, и Запада, в первую очередь США – с другой, стали мощными факторами раскола союза держав-победительниц и перехода к противостоянию Восток–Запад³. Думается, что можно также согласиться с тем ретроспективным определением сущности «холодной войны», на котором сегодня сходится большинство отечественных и зарубежных исследователей, полагающих, что она означала политическую, идеологическую, экономическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем – капиталистической и социалистической (а в рамках этих систем – прежде всего США и СССР), в состоянии которой они пребывали несколько послевоенных десятилетий и которая по ряду причин (к счастью, для человечества) не переросла в третью мировую войну⁴.

Немалую роль в разворачивании событий именно в такой направленности для Советского Союза сыграли обстоятельства не только внешнего, но и внутреннего порядка. Дело в том, что война и ее результаты привели к существенным изменениям в общественном самосознании и психологическом настрое значительной части населения СССР. Как свидетельствуют исследования последних лет⁵, во-первых, у немалого числа граждан уже не было того чувства внутреннего страха (какой страх может быть у победителей!), которое было у советских людей по известным причинам в предвоенные годы. Во-вторых, побывавший в Европе советский солдат увидел, что многие люди в других странах живут лучше, чем он ожидал, и у него возникал вопрос, а как же советская пропаганда, уверявшая его, что народы, живущие «под игом капиталистического рабства», прозябают во мраке и нищете? И хотя сам факт победы в войне поднимал в глазах сограждан на небывалую высоту внутри страны авторитет советского строя и его международный престиж, уже в первые послевоенные месяцы на разных собраниях, в письмах в органы печати, в партийно-административные органы какая-то часть советских людей стала задавать вопросы и высказывать суждения и пожелания, очень «неудобные» для начальства.

И реакция последовала незамедлительно. Не прошло и года после окончания войны, как Сталин и его окружение стали на путь крутого «завинчивания гаек» по всем направлениям внутренней (дабы пресечь в корне любое «инакомыслие» и непослушание) и внешней политики. При этом проблемы международной политики использовались с особой активностью.

Как известно, «холодная война» между Западом и Востоком развернулась не в одночасье. В первые послевоенные годы ситуация носила противоречивый характер. Официально поддерживались весьма активные дипломатические контакты между СССР и США и Великобританией. Хотя и с ослабевавшей регулярностью и интенсивностью, проводились встречи министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, а затем и Франции, в рамках Совета министров иностранных дел – СМИД. (Последняя на этом этапе – шестая сессия СМИД, состоялась в Париже в мае 1949 г.) Несмотря на выявившиеся весьма острые разногласия и противоречия, делегациям четырех указанных стран в конечном итоге удалось договориться по поводу условий, содержания и сроков вступления в действие мирных договоров государств антигитлеровской коалиции с Болгарией, Румынией, Венгрией, Финляндией и Италией, подписанных 10 февраля и вступивших в силу 15 сентября 1947 г. В то же время постепенно набирало силу политико-идеологическое противостояние между СССР, США и другими капиталистическими государствами. Хотя, объективности ради, следует отметить, что в первые месяцы после окончания Второй мировой войны советское руководство занимало весьма сдержанную позицию на этом направлении. Например, максимум, на что пошел ЦК ВКП(б) в связи с приближавшимися в феврале 1946 г. выборами в Верховный Совет СССР, это напомнить в своем обращении 2 февраля ко всем советским избирателям о том, что «в мире имеются еще реакционные силы, которые пытаются посеять рознь и вражду между народами»⁶.

Гораздо более жесткую позицию в этой области, чем дальше, тем больше, занимали ведущие лидеры западных стран. Своего рода Рубиконом в политико-идеологическом противостоянии капитализма и социализма стала нашумевшая речь британского экс-премьера У. Черчилля в Фултоне (США) 5 марта 1946 г., произнесенная в связи с присуждением ему степени почетного доктора Вестминстерского колледжа, в присутствии американского президента Г. Трумэна и других высокопоставленных лиц. (11 марта отдельные выдержки в русском переводе из речи Черчилля были опубликованы в газете «Правда». Полный перевод этого выступления впервые в России опубликовала «Независимая газета» 28 мая 1992 г. – Л.Н.).

Подчеркнув, что США «находятся на самой вершине мирового могущества» и это очень важный момент, «потому что первенство в силе налагает определенные обязательства, по которым в будущем придется отчитываться», Черчилль призвал «англоговорящие народы» к борьбе за претворение в жизнь «общей стратегической концепции», суть которой «безопасность и благосостояние, свобода и прогресс всех домашних очагов и семей, всех мужчин и женщин во всех странах». По мнению Черчилля, дабы обеспечить безопасность этих бесчисленных семейных очагов, следовало прежде всего «избавить их от двух самых страшных мародеров – войны и тирании». Что касается войны, то для ее предотвращения уже создана международная организация – Организация Объединенных Наций. Для усиления ее действенности Черчилль предлагал немедленно приступить к созданию международных вооруженных сил ООН, для чего каждой державе – члену ООН, предлагалось выделить определенный воинский контингент⁷. Говоря о тирании, У. Черчилль отметил, что и после Второй мировой войны существовал ряд государств, в которых (в отличие от Великобритании и США) «контроль над простыми людьми осуществляется с помощью различного рода всеобъемлющих полицейских правительств в такой степени, которая является подавляющей и противоречит всем принципам демократии».

По словам Черчилля, долг англо-американцев заключался не в насильственном вмешательстве во внутренние дела таких стран, а в том, чтобы никогда не отказываться «от бесстрашного провозглашения великих принципов свободы и прав человека, которые являются общим наследием англосаксонского мира». В этой связи Черчилль уделил в своем выступлении особое внимание положению, складывавшемуся тогда в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, заявив, что «мы понимаем, что русские должны чувствовать себя в безопасности на своих западных границах от какого-либо возобновления германской агрессии», а также, что «мы приветствуем занятие Россией полагающегося ей места среди руководящих наций мира», Черчилль наряду с этим заявил об опасности, которую несут Европе «экспансионистские тенденции и стремления к прозелитизму» со стороны Советской России и «ее международной коммунистической организации». По словам Черчилля, опасность эта заключалась в непрестанно возраставшем контроле Москвы над странами Центральной и Восточной Европы, в результате чего «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес спустился на континент». Продемонстрировав, сколь опасна для дела мира в Европе такая тенденция, ведущая по существу к расколу Европы, Черчилль призвал все страны мирового сообщества препятствовать

такой тенденции и ускорить решение проблем послевоенного обустройства мира. При этом Черчилль придавал особое значение в деле решения этих проблем роли, по его словам, «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке», хотя и признавал, что «дом мира... должен быть построен объединенными усилиями представителей всех стран»⁸. В Москве выступление У. Черчилля в Фултоне было воспринято резко отрицательно. 11 марта 1946 г. «Правда» опубликовала редакционную статью «Черчилль бряцает оружием», в которой все рассуждения Черчилля о демократии, мире и братстве народов квалифицировались как «фальшивые» и «лицемерные», а утверждения «об экспансионистских тенденциях Советского Союза» и «железном занавесе, опустившемся над Европой», как «злонамеренно-клеветнические» и сугубо враждебные по отношению к СССР. По оценке «Правды», прикрываясь фарисейскими рассуждениями о мире, в действительности Черчилль старался внушить мысль о неизбежности новой войны. Более того, он подстрекал Запад к этой войне, и именно к войне против Советского Союза, для чего предлагал создать англо-американский союз, направленный против СССР⁹.

Столь же негативно была оценена речь Черчилля и в интервью И. Сталина корреспонденту «Правды», опубликованном 14 марта 1946 г., в котором Сталин оценил выступление Черчилля как «установку на войну, призыв к войне с СССР». Объявив Черчилля последователем расовой теории Гитлера, поскольку так же, как в свое время Гитлер, Черчилль «начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы мира», Сталин утверждал, что Черчилль и его друзья в Англии и США, по сути, предъявили нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: «Признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война»¹⁰.

Что касается необычайного возвеличивания Черчиллем так называемой «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке» и придания ей прямо-таки «мессианской» роли в деле предотвращения войны, здесь и Сталин, и соответственно «Правда» справедливо подметили определенный шовинистический дух, заложенный в этих высказываниях Черчилля (хотя проводить прямую параллель в этой связи между Гитлером и Черчиллем было, на наш взгляд, преувеличением. – *Л.Н.*). Провозглашая подобного рода великодержавные тезисы, Черчилль тем самым как бы отбрасывал на обочину истории и зачислял в категорию «второразрядных государств» не только страны, планировавшие

идти по социалистическому пути, но и «не говорящие на английском языке» развитые капиталистические страны (Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Скандинавские страны и др.), которые в силу ряда причин не могли играть в первые послевоенные годы такую роль в международных делах, какую играли США и Великобритания. Понятное дело, что во всех этих странах воспетый Черчиллем «гимн» англо-саксам был воспринят весьма настороженно. И последовавшая вслед за этим «гимном» ремарка Черчилля о том, что «дом мира» должен быть построен «объединенными усилиями представителей всех стран», дела не меняла.

А вот оценивая другие, не менее важные пассажи речи Черчилля в Фултоне и Сталин, и газета «Правда», думается, или лукавили, или просто органически не могли сойти с тех идейно-политических позиций, на которых стояли. Речь идет прежде всего о «железном занавесе», отгородившем, по выражению Черчилля, страны Восточной Европы от других европейских государств. Эта инвектива британского экс-премьера вызвала особенно резкие возражения в Москве.

Да, действительно, в марте 1946 г. режимы, господствовавшие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, пока еще отличались по своей социально-политической и экономической сущности от советского строя. За исключением Югославии и Албании, коммунистические партии в этих странах – Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше – пока еще не стали в полном объеме «руководящей и направляющей силой общества», как это было в СССР. Действовавшие на коалиционной основе правительства в этих странах включали в себя представителей не только коммунистов и социал-демократов, но и разных направлений крестьянских и буржуазных партий. И все-таки так ли уж не прав был Черчилль, когда утверждал, что население стран Восточной Европы находится в «советской сфере» и подчиняется «в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». В 90-е годы XX в. вышел в свет ряд монографических исследований и документальных публикаций, свидетельствующих и подтверждающих, что именно так все и было, как говорил Черчилль¹¹.

Представляется, что не так уж не прав был У. Черчилль и тогда, когда говорил в Фултоне о том, что «в значительном большинстве стран, отстоящих далеко от русских границ и разбросанных по всему миру, созданы коммунистические «пятые колонны», которые действуют в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, получаемым от коммунистического центра». Исследовавший эти вопросы Г.М. Адиебеков подтверждает, что, демонстративно «распустив» в мае 1943 г. Коминтерн, И. Сталин

на деле и не думал отказываться от «руководящей роли Москвы» в мировом коммунистическом движении. ВКП(б) продолжала не в меньшей мере, чем в годы существования Коминтерна, оказывать финансовую «подпитку» зарубежным компартиям и осуществлять идейно-политическое руководство и надзор за их деятельностью¹².

И уж никак нельзя, по мнению автора этих строк, согласиться со сталинской оценкой выступления Черчилля в Фултоне как «установкой на войну против СССР». Внимательное и объективное прочтение и изучение текста этого выступления не дает оснований для такого вывода. Между тем, как уже отмечалось, именно так была оценена эта речь главой советского государства, и эта оценка, естественно, была немедленно взята на вооружение всей советской агитационно-пропагандистской машиной. Трудно отделаться от впечатления, что сталинское руководство как будто ждало фултонскую речь Черчилля, чтобы объявить населению СССР о том, что «империализм не дремлет», что «военная угроза» снова нависает над страной, и потому главная задача советского народа «не терять бдительность» и не только не ослаблять, но, напротив, «всемерно наращивать усилия по укреплению военно-экономической мощи страны». С весны 1946 г. советская агитационно-пропагандистская машина по внедрению в сознание населения образа «нового врага» (вначале «англо-американского», а позднее уже только «американского империализма») была запущена на полные обороты.

Все это не в последнюю очередь активно подпитывалось и определялось и тем обстоятельством, что до конца своих дней И. Сталин так и не отошел от черно-белого видения мира, неизменно подчеркивая абсолютную непримиримость между капитализмом и социализмом, принципиальную несовместимость двух систем и фатальную неизбежность новой войны, пока СССР пребывает «в капиталистическом окружении» и пока существует империализм¹³. При этом странным образом игнорировались такие очевидные факты, как кардинальные изменения внешнеполитических условий существования СССР после Второй мировой войны, создание буферных, дружественных государств в Восточной Европе, установление коммунистических режимов в Китае и Северной Корее, наличие у Советского Союза с 1947 г. ядерного оружия и др.

Между тем события продолжали развиваться своим чередом. Уверенность сталинского руководства в правильности избранного им политического курса подпитывалась обнародованной весной 1947 г. «доктриной Трумэна», имевшей целью «воспрепятствовать дальнейшему продвижению коммунизма», в частности в

Греции и Турции, и провозглашенным летом того же года «планом Маршалла», ставившего задачу помочь европейским странам восстановить подорванную войной экономику. И доктрина, и план в конечном итоге были восприняты и квалифицированы в СССР как противоречившие и даже враждебные интересам стран Восточной Европы, и в первую очередь Советскому Союзу¹⁴.

В сентябре 1947 г. на совещании представителей ряда компартий в Польше посланцы ВКП(б) обнародовали заявления, не оставлявшие никаких сомнений относительно того, каким видело тогдашний мир советское руководство. Как заявил в своем докладе на совещании секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, в итоге Второй мировой войны образовалась новая расстановка политических сил, сформировались два лагеря: лагерь империалистический и антидемократический во главе с США и лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР. Основная цель реакционного лагеря – укрепление империализма, подготовка новой империалистической войны, борьба с социализмом и демократией и повсеместная поддержка реакционных и антидемократических, профашистских режимов и движений. Цель демократического лагеря – борьба против угрозы новых войн и империалистической экспансии, укрепление демократии и искоренение остатков фашизма¹⁵. И хотя в докладе традиционно упоминалось о том, что «советская внешняя политика исходит из факта сосуществования на длительный период двух систем – капитализма и социализма»¹⁶, ясно, что при такой заостренной «антиамериканской» и «антиимпериалистической» постановке вопроса места для мирного сосуществования в советской международной политике оставалось весьма немного.

А пока процесс оформления блокового противостояния двух лагерей продвигался семимильными шагами. Начиная примерно с лета-осени 1947 г. Москва стала активизировать свои действия по переводу практически всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы на рельсы «выполнения функций диктатуры пролетариата» (то есть идентификации государственных режимов этих стран с советским). Эти меры вызвали резкие протесты со стороны США и других западных стран. Но это не остановило «великого вождя всех народов» И. Сталина. В 1948 г. были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Румынией, Венгрией и Болгарией. (Напомним, что еще в 1943–1945 гг. аналогичные договоры были подписаны с Чехословакией, Польшей и Югославией.) Кроме того, в 1947–1949 гг. был подписан целый ряд аналогичных двусторонних договоров между самими «странами народной демократии» (как их тогда называли). Всего к концу 40-х годов между социалистическими странами

Европы было заключено 35 союзнических договоров¹⁷. В январе 1949 г. в Москве было объявлено о создании в ближайшее время Совета Экономической Взаимопомощи – новой международной организации, прочно привязывавшей и ставившей в прямую зависимость экономику Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии от экономики СССР. Все вместе это означало завершение формирования «советского блока», в котором Москва занимала отчетливо выраженное доминирующее положение, располагая разнообразной системой рычагов давления на своих союзников.

Глобально-политические амбиции И. Сталина и его окружения подогревались победой в очередной гражданской войне коммунистов в Китае и провозглашением в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики, ставившей своей целью социализм. Хотя личные взаимоотношения Сталина и лидера КНР Мао Цзэдуна с самого начала складывались далеко не безоблачно.

Встревоженный усилением влияния коммунизма в Европе и на Дальнем Востоке, спешил объединить свои ряды и Запад. 14 марта 1948 г. в Брюсселе в спешном порядке был подписан Договор об экономическом, социальном, культурном сотрудничестве и коллективной самообороне между Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом (Западный Союз). Вашингтон заявил о поддержке Западного Союза, видя в нем зародыш более широкой военно-политической организации, в которой ведущую роль играли бы США. В результате 4 апреля 1949 г. представители 12 стран (США, Канады, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Норвегии, Дании, Португалии и Исландии) подписали в Вашингтоне Североатлантический договор, объявивший о своем сугубо оборонительном характере против возможной «внешней агрессии», участники которого согласились совместно охранять общественный строй, существовавший в странах, заключивших договор¹⁸.

Создание Организации Североатлантического договора (НАТО) вызвало резко отрицательную реакцию в Москве. Уже 31 марта 1949 г. советское правительство направило правительствам США, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Канады меморандум, в котором заявлялось: 1) Североатлантический договор не имеет ничего общего с провозглашенными им целями самообороны государств – участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР и стран народной демократии; 2) договор не только не содействует укреплению мира и международной безопасности, что является обязанностью всех чле-

нов ООН, он находится в прямом противоречии с принципами и целями Устава ООН и ведет к подрыву ООН; 3) Североатлантический договор противоречит ранее заключенным договорам и соглашениям СССР с Великобританией, Францией и США, согласно которым все эти страны взяли на себя обязательства сотрудничать в деле укрепления всеобщего мира и международной безопасности и содействовать укреплению ООН¹⁹. Создание противостоящих блоков закрепляло на этом этапе родившийся уже в послевоенные годы новый раскол Европы и мира, подхлестывало гонку вооружений в странах, в них входивших, особенно в США и СССР. Атмосфера конфронтации в советско-американских отношениях, и в целом по линии Восток–Запад, становилась доминирующей.

¹ История внешней политики СССР. 1917–1985. 5-е изд., перераб. и доп. Том 2. 1945–1985. М., 1986. С. 10.

² История коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, Кн. 2.. М., 1980. С. 63.

³ См. «Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991». М., 1993. С. 122.

⁴ См. «Советская внешняя политика в годы «холодной войны», 1945–1985. Новое прочтение. М., 1995. С. 5.

⁵ См, например: *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993. СССР и холодная война. М., 1995.

⁶ Правда, 2 февраля 1946 г.

⁷ Независимая газета, 28 мая 1992 г.

⁸ Там же.

⁹ Правда, 11 марта 1946 г.

¹⁰ Правда, 14 марта 1946 г.

¹¹ См., например: *Волокитина Т., Мурашко Г., Носкова А.* Народная демократия: миф или реальность? М., 1993. СССР – Польша: 1944–1949: Механизмы подчинения. Сб. док. М., 1995; *У истоков «социалистического сотрудничества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.* М., 1995.

¹² *Адибеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 6–16.

¹³ См.: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 32–36.

¹⁴ Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 151–182.

¹⁵ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948. С. 22–23.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ История дипломатии. 2-е изд. Т. 5. Кн. 1. М., 1974. С. 133.

¹⁸ Текст договора см: *A Decade of American Foreign Policy: Basic Documents. 1941–1949.* Washington. 1950.

¹⁹ Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. Документы и материалы. М., 1953. С. 88–94.

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗДЕЛА ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Я. Жарновский**

(Польша)

1. Предварительные замечания. В этой статье использованы, в частности, рассуждения, содержащиеся в недавно изданной автором книге *Spoleczenstwa XX wieku* (Общества XX века) в серии *Zrozumieć Europę* (Понять Европу), опубликованной издательством Ossolineum во Вроцлаве. Там также была приведена основная литература, в том числе работы Ивана Беренда (Ivan Berend, *Central and Eastern Europe 1944–1989. Detour from the Periphery to the Periphery* (Cambridge, 1996) и Горана Терборна (Goran Therborn, *European Modernity and Beyond. The Trajectory of European Societies 1945–2000*, London, 1995).

2. Изменение конфигурации систем социальной структуры в Европе после Второй мировой войны. Существовавшие до войны в Европе 3–4 структурные категории (развитые общества Западной Европы; страны периферического капитализма и общества с преимуществом докапиталистических элементов; советское общество) после Второй мировой войны сменились двумя накрепко отгороженными друг от друга структурными типами: обществом капиталистическим и обществом социалистическим. Это было прямое последствие раздела Европы после Второй мировой войны и основной роли СССР в разгроме гитлеризма, что давало этой державе возможность участвовать в решениях, определяющих судьбу всей Европы. Внутри этих двух типов структур имелись также значительные различия. На протяжении более-менее 20 лет после 1945 г. продолжался процесс унификации на Востоке, но несмотря на это остались заметные различия цивилизационного уровня и структуры. На Западе тоже происходило частичное выравнивание различий, параллельно которому изменялись границы объединенной Западной Европы в связи с постепенным включением в нее очередных стран и даже регионов. В общем, однако, вплоть до конца 80-х и начала 90-х годов, преобладало разграничение двух упомянутых выше типов общества, раз-

* Жарновский Янош, профессор, председатель Национального комитета историков Польши, заведующий отделом истории Польши XIX–XX вв. Института истории ПАН.

деленных даже физически границей между военно-политическими блоками, «железным занавесом», Берлинской стеной и т.д.

3. Проблема социальной модернизации на Западе Европы и в коммунистических системах. На Западе модернизация после 1945 г. продвигалась. Этому благоприятствовали политико-экономические факторы: единение передовых стран Западной Европы под эгидой США; план Маршалла (1948–1952), который исходил из политико-стратегических предпосылок, но стал, тем не менее, исходной точкой для ускоренного развития, продолжавшегося почти непрерывно в течение четверти века, а потом снова продолженного. Это развитие приобрело, как оказалось, черты качественных изменений, которые довольно быстро вызвали глубокие социальные изменения. Первоначально консолидировалась, в рамках экономической конъюнктуры и почти полной занятости, существовавшая социальная структура западноевропейских стран. Со временем, однако, стало во все больших масштабах происходить, вместе с ростом благосостояния и стабилизации, отождествление части «низших» классов со средним классом – процесс, который охватил группировки плебейского (до этого) толка, причем расширялась сфера, известная уже раньше как *new middle class*, в которой преобладающее значение имел прирост квалифицированных кадров работников умственного труда со статусом среднего класса. Приток иммигрантов из бедных западноевропейских стран, а потом из стран третьего мира благоприятствовал этим явлениям, так как эти иммигранты вместе с маргинальными общественными группами взяли на себя – по крайней мере частично – прежнюю роль пролетариата.

Одновременно эти процессы начали воздействовать на периферические страны и регионы Западной Европы (Иберийские страны, Ирландию, некоторые регионы Франции и Италии и т. д.), несколько уподобляя их передовым странам.

В Восточной Европе, подначальной СССР, социально-политические реформы, первоначально выдаваемые за радикально-демократические, а около 1948 г. провозглашенные социалистическими, *scilicet* коммунистическими, несли в себе элементы модернизации. Реформы были составной частью плана коммунистического преобразования общества. Модернизация произошла прежде всего в промышленной сфере, в структуре занятости, в распространении школьного образования и повышении профессиональной квалификации, в здравоохранении и в некоторой степени в области промышленной и коммунальной инфраструктуры. В некоторых отношениях можно показать быстрый прогресс на Востоке и уменьшение разрыва между Востоком и Западом (например, в системе здравоохранения, школьной системе). В та-

кой области, как жилищные условия, различия в уровне жизни в городах, пожалуй, увеличивались, с другой стороны, однако, в результате миграции беднейшего, как правило, сельского населения широкие массы заменяли примитивный деревенский стандарт очень скромным, но городским, что тогда являлось в некотором роде продвижением. В других областях трудно однозначно определить направление тогдашних изменений.

К модернизации партийные лидеры подходили не только принципиально, как к средству преобразования общества согласно коммунистической идеологии, но в то же время инструментально: она должна была служить укреплению власти коммунизма и начальственной роли СССР, а также текущим имперским целям Сталина. Кроме того, модернизация развивалась здесь по образцам 30, 50-летней давности и более устаревшим, а иногда по образцам XIX в., таким, какие были доступны в России в 20-х и 30-х годах XX в., когда там начинали индустриализацию и модернизацию. Герметические барьеры между двумя блоками, созданные в сталинское время и в значительной мере сохраненные и впоследствии, упрочивали технологическую изоляцию Востока, теперь уже охватывавшего также страны Центрально-восточной Европы, которые до войны политически принадлежали Западу. Поэтому возникает вопрос, действительно ли даже еще в тот первый период – скажем, в 40-х и 50-х, может быть и 60-х годах, в областях, в которых прогресс был заметен, – действительно ли разрыв между уровнем стран Центрально-восточной Европы и Западом так быстро уменьшался, или же так не было, если принять во внимание устарелость образцов и параллельно происходивший быстрый прогресс Запада?

4. Последствия нового ускорения на Западе и нового этапа технических изменений. Постиндустриальное общество. Тем временем, однако, экономико-социальная система Запада вступила в новую фазу, симптомы которой стали более заметны с 80-х годов. С технологической стороны интенсифицировалась начатая годами ранее информационная революция, которая во многих областях, как экономических, так и связанных с управлением и учетом, затем с техническим и технологическим проектированием, а в конце с управлением технологическими процессами, – в корне переменяла способы деятельности и расширила возможности. Это был новый вызов, как организационный, так и экономический и военный, перед лицом которого коммунистическая система оказалась более слабой и неприспособленной стороной.

Параллельно стала изменяться социальная структура Запада в связи с такими явлениями, как информатизация, автоматизация,

повышение требований в отношении уровня квалификации и образования не только инженерных кадров и работников надзора, но и рабочих-техников, сокращение тяжелой промышленности в связи с техническим прогрессом, падение значения угля и стали и увеличение значения новых областей техники, таких как производство новых конструкционных материалов, а особенно компьютерно-информационная техника и технология и связанная с ними миниатюризация, а также новая энергетика. В связи с этим, и добавочно, в связи с переводом вредного производства (главным образом т.н. тяжелой промышленности) в новоразвивающиеся неевропейские страны, менее требовательные в отношении заработной платы рабочих и охраны окружающей среды, рабочий класс в прежнем значении этого определения перестал развиваться (в прежних метрополиях) и начал даже сокращаться в пользу профессионализированного среднего класса, численность и значение которого увеличивались, а одновременно появился субпролетариат, состоящий преимущественно из иммигрантов. Уменьшение трудоемкости технологии ведет в то же время к сохранению и даже приросту, особенно в некоторых странах, высокой безработицы структурного характера. Против этого нарастающего бедствия современных западных (и не только западных) обществ не видно эффективного лекарства, несмотря на попытки ограничения общеобязательного рабочего времени.

На селе традиционное крестьянство во многих западных странах почти вообще сошло со сцены, уступив место новому слою сельскохозяйственных производителей.

Такая социально-профессиональная структура является одним из элементов нового общества, определяемого как постиндустриальное, признаки которого лучше всего видны в наиболее развитых странах.

5. Исторический разрыв в социальном развитии периферических стран и нарастание под шапкой коммунизма нового разрыва в постиндустриальный период. История общественного развития стран Восточной Европы, подданных власти коммунизма (не все они были зависимы от СССР, который, однако, преобладал по числу населения и потенциалу над остальными частями коммунистической империи), столь же интересна для историка, сколь трудна для интерпретации. Я отвлекаюсь здесь от политической истории коммунизма, ограничиваясь социальной проблематикой, которую, однако, в отрыве от политики коммунизма трудно, разумеется, исследовать и понять. На первый план выдвигается вопрос социальной модернизации, о котором невозможно говорить в отрыве от социальной политики. Почти все страны, подвластные после 1945 г. коммунистам, до Второй мировой войны (и на

протяжении столетий) принадлежали к зоне умеренной, либо глубокой отсталости, т.е. к зонам периферическим по отношению к западноевропейскому капитализму. Сторонники теории модернизации этим и объясняют их бурную социальную и политическую историю, которая, по их мнению, была следствием предпринимаемых элитами попыток «догнать» развитой Запад. Одной из таких попыток был коммунистический эксперимент, который мы здесь рассмотрим в свете очередных этапов его истории. Результаты того эксперимента надо оценивать, принимая во внимание последствия военных разрушений, которые на Востоке оказались особенно тяжелыми.

Первые действия коммунистов принесли некоторые результаты в области модернизации: наиболее прогнившие структуры собственности (например, полуфеодалная помещичья система) и власти были сметены. Несколько лет спустя наступило продолжение преобразований, несшее за собой бурную индустриализацию. Параллельно родился новый рабочий класс, главным образом из слоев, до этого занятых в сельском хозяйстве. Это, в свою очередь, несло за собой ускоренную урбанизацию.

На селе стали заставлять крестьян вступать в коллективные социалистические хозяйства, являвшиеся местными копиями советских колхозов. Это вызвало настоящий социальный переворот на селе, хотя социальные последствия были весьма различны в отдельных странах. В некоторых – прежде всего в СССР, но это было еще в предыдущую эпоху, в 30-е годы – из оставшихся крестьян, большое число которых ведь эмигрировало в город и в промышленность, была создана особая категория сельскохозяйственных рабочих, пользующихся небольшим приусадебным хозяйством. Так как они не имели возможности свободно менять место жительства и труда, в этом отношении они были похожи на крепостных крестьян прежних времен. В других странах, которые ранее были уже более развитыми, земледельцы сумели использовать новые коллективные формы хозяйствования, для того чтобы создать себе вполне сносный жизненный стандарт.

Под властью коммунистов довольно значительной части ранее «низших» социальных слоев была дана возможность быстрого профессионального и социального продвижения (ускоренное обучение и доступ к среднему и высшему образованию, назначение на руководящие посты в аппарате партии и власти). В некоторых отношениях наступила подлинная социальная революция и возникла новая структура. Этот этап преобразований содержал также элементы модернизации, хотя они и несли печать инструментализации, наложенную сталинским центром власти в Москве, и служили военным целям империи, что выра-

жалось в подчинении всего военно-промышленным программам. На Востоке была создана новая, довольно прочная структура общества, и некоторые ее элементы сохранились даже после падения коммунизма.

При этом новый этап социально-экономического развития Запада (с 70-х – 80-х годов) не нашел для себя эквивалента на Востоке. Почти ни одна из структурных тенденций, которые развились тогда на Западе, не проявилась в коммунистических странах. Их экономическая, социальная и общественно-системная стратегия не изменилась, несмотря на несмелые попытки выхода из все более заметно рисующегося тупика, предпринимавшиеся главным образом некоторыми странами **внешней империи** (Венгрией, эпизодически Чехословакией и Польшей) и еще более вне этой империи (Югославия). Ограничиваясь только проблемами социальной структуры, мы можем напомнить, что в странах Запада, по мнению некоторых наблюдателей, социальная структура приобрела в последние десятилетия форму не **пирамиды**, как когда-то, с немногочисленным высшим слоем наверху, более многочисленным средним слоем и самым многочисленным народным слоем – промышленных рабочих, крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих, бедных ремесленников и т.д., но форму **ромба**, в котором средняя, самая широкая часть представляла средний класс, с этого времени самый многочисленный в обществе, и в котором были, кроме того, представлены немногочисленный высший класс и относительно более многочисленный, но уже не преобладающий, пролетаризированный слой.

Оценивая эту символическую схему, надо, разумеется, отличить социальную действительность от идеологии либерального капитализма, охотно использующей идеализированную картину современного западного общества, в которой лозунг «среднего класса» играет не только познавательную, но и пропагандистскую роль.

В то же время социальную структуру коммунистических стран можно было по-прежнему изображать в виде **пирамиды**, вершина которой была тождественна верхушке партии, а самая многочисленная часть общества – рабочие и работники (служащие) умственного труда – образовывала основание этой фигуры. В странах, в которых крестьянство, втиснутое в колхозы советского типа, но уже менее многочисленное, чем прежде, в сущности находилось внизу социальной лестницы, можно говорить также о своеобразном, и отличающемся от западноевропейского, **ромбе**, сужающаяся нижняя часть которого символизировала этот последний слой. Эта схема не касается ни стран, в которых сохранилось единоличное крестьянство (Польша, Югославия), ни

тех, в которых члены производственных кооперативов достигли уровня зажиточности даже более высокого, чем значительная часть жителей городов (Чехословакия, в некоторой степени Венгрия и ГДР). Но развивать далее эти символические схемы не имело бы смысла.

В результате этих различных преобразований, по крайней мере с конца 70-х годов, появилось новое измерение разрыва между Востоком и Западом Европы в социальной области, которое нас здесь интересует, а также в области чисто экономической и в инфраструктуре. О значении этого разрыва речь пойдет ниже.

6. Попытка дефиниции последствий раздела Европы для обществ Центрально-восточной Европы, рассматриваемых с перспективы 2000 г. Именно в этом месте мы должны задуматься над последствиями раздела Европы после Второй мировой войны. По отношению к странам европейского «твердого ядра», охватывающего территории, лидирующие в области экономического и социального развития, район к востоку от «железного занавеса» в последние несколько сот лет, а может быть и всегда, был районом периферическим. Проблема ликвидации экономического, социального и культурного разрыва между этими двумя районами всегда была центральной проблемой для периферических стран и до настоящего времени эта проблема не решена. Существуют ли ныне предпосылки для ее решения в обозримом будущем, даже в рамках Европейского союза, – это вопрос дискуссионный. Не подлежит дискуссии одно: что в первые годы после 1945 г., а в СССР уже с 20-х годов, было сделано довольно много для того, чтобы этот разрыв ликвидировать. Это касалось прежде всего промышленного потенциала, особенно такого, который был нужен для военных целей, а других областей постольку, поскольку это было непосредственно необходимо для функционирования промышленности. Но именно необходимостью с этой точки зрения была концентрация рабочей силы – отсюда прогресс урбанизации вместе с ее хотя бы минимальными стандартами жизни и инфраструктуры, развитие просвещения на всех уровнях, подготовка кадров, направленная прежде всего на удовлетворение нужд экономики. Село должно было обеспечить продовольствие, освободить рабочую силу для промышленности и доставить значительную часть средств, необходимых для накопления. Такая дефиниция стратегии, конечно, упрощена и наиболее подходит к периоду правления Сталина. Ее главные положения действовали, однако, до самого конца коммунистической системы в Европе.

Такая стратегия могла позволить, особенно в период по природе вещей экстенсивного строительства основ индустриальной структуры, например, в России в 20-х и 30-х годах, а в Централь-

новосточной Европе в 40-х или 50-х годах, наверстать упущенное, но только на некоторых, хотя и первостепенных участках развития общества. В остальных областях уже с самого начала разрыв не уменьшался, но возрастал. Здесь следует указать на жизненный стандарт широких слоев общества, который удерживался на низком уровне для дренажа максимальных средств на дальнейшее строительство тяжелой промышленности, а неоднократно и ухудшался в связи с началом форсированной индустриализации. Это сделалось особенно очевидным, когда недавно прибывшие из села армии рабочих стали стабилизироваться в городе и в своей работе в промышленности – тогда они начинали ощущать отсутствие перспектив улучшения своего жизненного стандарта. Такая фрагментарная модернизация была в долгосрочной перспективе затруднена изоляцией от Запада, где была главная струя технологической модернизации. Эта изоляция была, однако, предопределена именно политическим разделением Европы. Можно спросить, была ли такая изоляция необходимым условием существования коммунистического режима, или же это был вопрос стратегии и политики, которые могли бы складываться и иначе, чем это имело место в действительности?

Можно ли, однако, сказать, что только политическое разделение делало невозможным модернизацию Востока? До 1939 г. периферические страны не изменили своей позиции, хотя и принадлежали, наряду с богатыми странами Запада, к капиталистическому миру. Не подлежит сомнению, что периферический характер общества и экономики этих стран по отношению к ведущим капиталистическим странам был, независимо от политики коммунистов, также в значительной, или даже главной мере причиной тех трудностей, которые переживали и донныне переживают широкие слои обществ восточноевропейских стран.

Положение изменилось в корне после того, как Запад вступил в новый этап социально-экономического развития, называемый сегодня этапом постиндустриального общества. С этого момента к уже существовавшему разрыву, который не был полностью ликвидирован, но до некоторой степени уменьшен, присоединился еще один разрыв, который предрешил падение коммунизма как системы, так как у коммунистической экономики и общества, а вместе с ними и государства, в рамках прежней стратегии не было никаких шансов на соперничество с Западом в новых областях, в то время как промышленный потенциал – донныне их сильная сторона – становился относительно все менее важным, а при этом уже устаревшим. Именно теперь со всей силой обнаружилось значение изоляции, которая была следствием раздела Европы после Второй мировой войны.

Можно, однако, спросить, что бы произошло, если бы не наступило разделение Европы: продвинулась ли бы модернизация восточноевропейских обществ значительно дальше, чем это ныне имеет место? План Маршалла, который в большой мере был исходной точкой ускоренного развития Запада после Второй мировой войны, приведшего в конце к структурным изменениям, имел сугубо военно-политическую почву и в условиях отсутствия соперничества с СССР в борьбе за Европу носил бы совсем другой характер. Даже если бы он вообще был объявлен, наверное его действие было бы значительно ослаблено, так как наверное он охватил бы много более широкую территорию. Западные страны и общества со временем – может быть, позже, чем это произошло в действительности, – нашли бы наверное путь к ускоренному развитию, но нет никаких оснований для того, чтобы полагать, что вместе с ними «зацепилась бы» периферическая часть Европы, подобно тому как мы не можем быть уверены в том, что это наступит даже в рамках новых европейских структур. Однако страдания населения Европы, особенно Восточной, на протяжении 50 послевоенных лет были бы меньше. Все это вместе – только гипотетические вопросы, на которые полного ответа быть не может. Раздел Европы имел, несомненно, очень большое значение, даже решающее для истекшего 60-летия, но более глубокие, извечные различия в уровнях развития остаются в силе и после преодоления этого раздела.

СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ПОРОЖДЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

*В.В. Алексеев**

(Екатеринбург)

Введение

Среди факторов, определяющих жизнь страны на конкретных этапах ее развития, существуют главные и второстепенные. Характеризуя положение СССР в послевоенный период, советская историография главное внимание уделяла социалистическому строительству, а постсоветская – апогею тоталитаризма. Если отбросить идеологизированную фразеологию, то картина предстает в ином свете.

После Второй мировой войны мир вступил в новую эпоху, главным содержанием которой стала реализация ее стратегических и военно-технических достижений. Символический “старт” новой эпохе дало испытание атомной бомбы 16 июля 1945 г. в американской пустыне Аламагордо, тогда как в Потсдаме уже подводилась черта под Второй мировой войной. За прошедшие полвека в мире произошло много больших и малых событий, но это продолжает оставаться стержнем всей мировой политики. Человечество получило новый вид энергии, которой ему всегда не хватало, но оно до сих пор не знает, как ей правильно распорядиться. Нам представляется, особенно после знакомства в архиве президента Российской Федерации с материалами Следкомитета по созданию атомной бомбы, что именно атомный комплекс в значительной степени определял послевоенное развитие Советского Союза.

Конечно, перед страной стояло множество политических, социально-экономических, национальных, идеологических и других проблем, но главное внимание было сосредоточено на создании атомного оружия, которое должно было гарантировать национальную безопасность великой страны, только что вышедшей из страшной схватки с фашизмом. Наследие Великой Победы предстояло защитить от нового противника, обладающего оружием неслыханной разрушительной силы.

В последние годы по вопросам создания советской атомной бомбы появилось много публикаций, как в нашей стране, так и за

* Алексеев Вениамин Васильевич, академик, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

рубежом, но они очень противоречивы и касаются преимущественно вершины айсберга – дискуссии о приоритете США и СССР в разработке атомного оружия. Главный же вопрос гораздо глубже – в чем значение атомного комплекса для судьбы России в XX в.? Он небезынтересен и с позиции мировой истории прошлого столетия. Ответить на этот вопрос не просто, потому что он очень противоречив, касается многих незавершенных процессов нашего времени, по причине засекреченности ряда материалов не имеет достаточно надежной источниковой базы для своего решения. Отмеченные трудности необходимо преодолевать во имя понимания не только сути данного явления, но и его влияния на жизнь великой страны в условиях ядерного противостояния со всеми вытекающими отсюда последствиями, как ушедшими в историю, так и оставшимися в наследство нынешнему и будущим поколениям.

Поставленный вопрос имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внешняя предполагает решение широкого круга геополитических проблем, таких как перманентный конфликт разных типов цивилизаций – морской (атлантической) и континентальной (евроазиатской), который постоянно воспроизводится в истории: Карфаген–Рим, Британия–Франция, США–СССР. В новейшей истории это подтверждается многочисленными примерами и особенно убедительно Карибским кризисом начала 60-х годов, а также раскритикованными в конце 70-х годов американскими планами ядерных ударов по СССР¹, но это специальная тема. Мы остановимся только на внутренней стороне вопроса, которая предусматривает выяснение исторических предпосылок и методов создания комплекса, его влияния на социально-экономическое и морально-политическое положение страны, воздействие на окружающий мир.

Предпосылки создания комплекса

Разделим их на две неравные части. К первой части отнесем объективно-стратегические факторы, которые включают:

1. Предшествующий исторический опыт. Напомним, что в начале XVII в. Россия едва не погибла в Смуте. Чудом вырвавшись из нее, страна обрела новую династию (Романовых), преодолела разруху и начала набирать темпы развития. В начале XVIII в. под руководством Петра Великого встала на путь модернизации. В начале XIX в., растоптанная Наполеоном, она не только сумела выжить, но и превратилась в ведущую мировую державу. В начале XX в., разрушенная мировой войной и революцией, страна сумела начать новый виток модернизации, а потом выиграть одну из самых страшных войн в истории человечества, навязанную фашизмом. В этом же контексте необходимо рассматривать и атом-

ную гонку, которая имела для нее судьбоносное значение. Приведенные факты свидетельствуют, что Россия способна в экстремальных ситуациях собираться с силами и в короткий срок решать принципиально важные задачи исторической важности.

2. Экономический потенциал большой страны с богатыми природными ресурсами, широко развитой индустрией, прежде всего обороной, мобилизационным типом экономики.

3. Научно-технический базис государства, резко поднявшийся в первой половине века за счет мобилизации собственных интеллектуальных ресурсов нации и привлечения зарубежного опыта, в том числе в области зарождающейся ядерной физики и других отраслей знания.

4. Беспрецедентный охранно-репрессивный аппарат, обеспечивающий сверхсекретность оборонных работ и возможность получения нужной информации из-за рубежа, создал необходимое прикрытие и результативность сложнейших работ.

5. Стойкость, мужество и неприхотливость народа, привыкшего ради национальных интересов идти на любые трудности и лишения, гарантировали политическую стабильность в условиях беспрецедентных сложностей борьбы за новое оружие. Важную роль в этой связи играло национальное сплочение, патриотический подъем народа в результате Великой Отечественной войны и перед лицом новой глобальной опасности.

Во вторую часть входят тактические обстоятельства, сложившиеся к началу атомной гонки. С одной стороны, Соединенные Штаты первыми в мире овладели оружием невиданной ранее разрушительной силы. Реальное применение атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. продемонстрировало особые возможности США и положило начало «холодной войне», фактически открыло новую эпоху в мировой истории. Соединенные Штаты видели в атомной бомбе решение мировых политических проблем, прежде всего борьбу с коммунистической Россией. Отчаянные попытки СССР остановить опасную для него атомную гонку не увенчались успехом. В июне 1946 г. он предложил проект Международной конвенции о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании энергии в целях массового уничтожения, но он не был принят США и его союзниками². Холодная война спровоцировала невиданную ранее гонку вооружений.

С другой стороны, Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть войны с фашистской Германией, с точки зрения Запада создал пугающую военную мощь и приобрел мировой авторитет своими победами, активно расширял сферу влияния в Европе и Азии, с чем не мог смириться западный мир,

умышленно закрывая глаза на его законные интересы, связанные с обеспечением своей национальной безопасности. Безусловно, отрицательную роль в этом противостоянии играл идеологический фактор, который активно использовал СССР.

Так сложилась новая расстановка сил в послевоенном мире, причем в результате американского атомного преимущества был нарушен возможный паритет вооружений между двумя противостоящими блоками. Перед разоренным Отечеством встал СССР встала нелегкая задача участия в атомной гонке. Как относиться к ней? Советские политики и ученые безоговорочно ее оправдывали. В постсоветский период оценка меняется вплоть до противоположной. В интересной публикации Института всеобщей истории РАН «Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы» содержится такое утверждение: «Начать невиданную ядерную гонку в разоренной стране мог решиться только Сталин... Сомнительным является распространенный аргумент в пользу необходимости скорейшего создания советской атомной бомбы...»³.

Далее автор статьи И.В. Быстрова аргументирует свою позицию тем, что разработанные в США в конце 40-х годов военные планы с использованием атомного оружия («Дропшот», «Пинчер», «Ховмун» и др.) были скорее блефом и ни один из этих знаменитых планов не вышел за пределы кабинетов военных начальников⁴. Нам представляется, что они не вышли из кабинетов в значительной степени потому, что их хозяева опасались серьезного возмездия. Это подтверждают сами американцы. В известной книге Питера Швейцера «Победа. Секретная стратегия администрации Рейгана, ускорившая крах Советского Союза» сообщается: «Советы считали, что радикальные технологические изменения в прошлом создавали военные “революции”. Первая состоялась в 1920-х гг., когда танк и самолет заменили кавалерию. Вторая произошла в 1950-х гг., когда атомное оружие было совмещено с баллистическими ракетами, заменяя собой бомбардировщики и обычные бомбы. В обоих случаях вооружение достигло нового уровня развития. И в обоих случаях Москва сумела не отстать от Запада»⁵. А вот что было бы, если бы она отстала, не решившись на создание атомного щита? Скорей всего мы бы имели совсем другую историю второй половины XX в. С этого хотелось начать ответ на вопрос о значении атомного комплекса для судеб нашей страны в условиях «холодной войны».

Конечно, позднее советские руководители были не прочь поугубить своей ядерной мощью, а либерал-демократы девальвировали ее значимость, но это уже другой вопрос, не относящийся к

хронологии нашего сообщения. Заметим только, что последующие события, особенно овладение ядерным оружием Китаем и Индией, свидетельствуют о невозможности загнать обратно ядерного джина, выпущенного Америкой. Каждая крупная держава видит в нем защиту от произвола более сильного соперника, и Россия не стала исключением.

Организация комплекса и его функционирование

Американцы делали бомбу в тайне от своего союзника по антигитлеровской коалиции – Советского Союза, хотя представляется странной значительная утечка атомных секретов, что наводит на мысль о каких-то пока не раскрытых причинах этого явления. О западных усилиях по созданию атомного оружия Сталину стало известно на 97-й день Отечественной войны, но тяжелое положение на фронтах и сомнения в фантастической мощи нового оружия не позволили СССР сразу активно включиться в столь сложное и дорогостоящее предприятие. В отечественной и зарубежной литературе довольно подробно освещено начало атомной гонки. Не касаясь деталей этого вопроса, сосредоточим внимание на организационных основах советского атомного проекта, которые недостаточно изучены, хотя представляют огромный интерес не только с точки зрения создания атомного оружия, но и понимания советской системы в целом.

Они были заложены серией постановлений Государственного Комитета Обороны (ГКО) в 1942–1945 гг. за подписью И.В. Сталина. Всю работу по реализации советского атомного проекта можно разделить на два главных этапа. Первый, своего рода подготовительный (сентябрь 1942 – июль 1945 гг.), начинается с постановления ГКО от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану». В нем предусматривалось возобновление прерванных войной работ по исследованию и использованию атомной энергии. Обязанность повседневного руководства работами по урану была возложена на М.Г. Первухина, а научное руководство – на И.В. Курчатова. Итогом этого этапа стали первые разведочно-исследовательские работы в данной области.

Начало второму этапу (август 1945 – август 1949 гг.) положили бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. 20 августа 1945 г. Сталин подписал историческое постановление ГКО «О Специальном комитете ГКО», в который вошли ключевые фигуры партийного и государственного аппарата, возглавил комитет Л.П. Берия. О самом комитете написано много, и к этому не имеет смысла возвращаться. Только хотелось решительно подчеркнуть, что Сталин сделал ставку на атомную бомбу именно с этого времени, когда весь мир находился в шоке от американских бомбардировок

японских городов. Документы Президентского архива убедительно это доказывают.

Если внимательно присмотреться к материалам Спецкомитета, который проработал почти 8 лет и провел около 150 заседаний (он был ликвидирован в июне 1953 г., сразу после ареста Берии), то бросается в глаза, что это был орган с очень широкими полномочиями, укомплектованный высококвалифицированными специалистами, которые демонстрировали редкое для советской эпохи единство правящей элиты и науки. Комитет работал очень напряженно, четко и результативно. Его распоряжения реализовались с точностью до дня и часа под покровом строжайшей секретности. Они быстро доводились до сведения не только необходимых министерств и ведомств, но и конкретных предприятий, отдельных лиц. Этот опыт чрезвычайно поучителен для нынешнего беспорядка в стране.

Механизм управления атомным проектом действовал следующим образом. На основе отечественных научно-технических разработок и зарубежной разведывательной информации Первое главное управление СНК СССР готовило материалы для Спецкомитета, которые Берия докладывал Сталину. Они анализировались системно и распределялись, как правило, в широкой иерархии оценок. Следует иметь в виду, что система оценок не была линейной, а зависела от политического контекста, определяемого логикой глобального конфликта и конкретных нужд проекта в каждый данный момент,

Специальный интерес представляет транслирование задач с уровня на уровень: высшее политическое руководство (Сталин), куратор проекта (Берия), научный руководитель проекта (Курчатов), обеспечивающие отрасли экономики (Ванников), а часто и наоборот, так как стремительный ход событий и катастрофический вал технических и экономических проблем давили на высшее руководство снизу. Бывало и так, что политическое руководство на основе собственного анализа ставило задачи перед учеными. Те в свою очередь, на базе новейших изысканий, озадачивали верховное руководство неожиданными вопросами.

Для создания атомной бомбы американцы, по утверждению академика П.Л. Капицы, затратили 2 млрд долл. (примерно 30 млрд руб.)⁶. А сколько стоил советский атомный проект? Московский историк Н.С. Симонов называет цифру 14,5 млрд руб. (за 1947–1949 гг.)⁷, что не соответствует полным затратам. Во-первых, эта цифра охватывает только три года (1942–1951) из десяти лет работ по советскому атомному проекту. Во-вторых, учитывается не весь объем работ. В третьих, вряд ли эффективность советских затрат была выше американских.

Ясно, что на атомную программу работала вся страна, проблемы решались любой ценой, и она, по всей видимости, была настолько высока, что сконцентрировала в конечном счете большую часть ресурсов государства, если учесть развитие сопутствующих отраслей производства. Формально стоимость советского атомного проекта может оказаться меньше американского, поскольку самые трудоемкие работы были выполнены заключенными, а вольнонаемные получали мизерную зарплату. Доставка материалов и оборудования осуществлялась по минимальным государственным ценам, а нередко бесплатно на правах военных грузов. Однако затраты были огромны, и каждый житель страны тех лет чувствовал это на своем семейном бюджете. Долг советских ученых – подсчитать масштабы затрат и постараться определить их удельный вес в бюджете страны. Тогда яснее станут проблемы развития советского государства в послевоенные годы и его поведение на международной арене. А пока очевидно, что в те годы только две страны – США и СССР – решились на огромные расходы ради своих национальных интересов.

Совершенно очевидно, что сверхзадача – создание атомной бомбы в СССР – могла быть решена в экономике мобилизационного типа. В широком смысле феномен мобилизационной экономики – это стратегия выживания и сохранения национальной независимости в условиях противостояния двух экономико-политических систем – капиталистической и социалистической. Этот феномен – результат ориентации на построение социалистического общества в отдельно взятой стране при опоре на свои ресурсы и возможности. В условиях ядерного противостояния использовались ресурсы всех стран социалистической ориентации, а также новейшие достижения мирового научно-технического прогресса. Отсюда масштабные образовательные программы, беспрецедентные по размаху и результативности разведывательные операции, подчиненные главной цели – овладению секретами ядерного оружия.

В узком смысле феномен мобилизационной экономики – это серия конкретных мероприятий, прежде всего экономического и социально-политического характера. Именно в них наиболее ярко проявились усилия командно-административной системы по концентрации ресурсов государства на решение важнейшей задачи – создания мощного ракетно-ядерного щита, что слишком дорого обошлось народу. Впрочем, в решении атомной проблемы и демократической Америке тоже пришлось пойти на фактическое государственное планирование, на строжайшую секретность во всем.

Мобилизация ресурсов для атомной промышленности в условиях войны была трудным делом. Архивные документы свиде-

тельствуют, как по личному распоряжению Сталина изыскивались и распределялись на стройки атомной индустрии каждая тонна металла, кубометр леса, моток провода и кусок мыла. Катастрофически не хватало продовольствия, поэтому появлялись распоряжения, которые сегодня тяжело читать. По постановлению ГКО от 8 декабря 1944 г. в качестве льготы за трудные условия труда 2 тыс. рабочих, занятых поисками урановой руды, позволялось выдавать второе блюдо и 200 г хлеба без вырезки талонов из карточки.

Вместе с тем советское руководство принимало важные меры по материальному стимулированию работников атомного комплекса, прежде всего научно-технического и руководящего состава. 27 марта 1946 г. было подписано совершенно секретное постановление Совета Министров СССР «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы». Было выделено 8 приоритетных проблем, за решение каждой из них руководителю работ назначалась первая премия в размере 1 млн руб. Он представлялся Советом Министров к званию Героя Социалистического Труда, получал звание лауреата Сталинской премии I степени, дачу-особняк с обстановкой за счет государства в любом районе СССР, а также легковую машину, имел право на заграничные научные командировки, финансируемые государством через каждые три года сроком от 3 до 6 месяцев, получал двойной оклад на время работы в данной области и право бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом для себя и своей семьи, мог обучать своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства. За решение проблем последующего уровня сложности устанавливались вторая, третья, четвертая и пятая премии с несколько меньшим, но тоже очень существенным вознаграждением⁸.

Эти условия были выполнены после испытания атомной бомбы. Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 г. «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию атомной энергии» группа ученых и инженерно-технических работников получила с некоторым уточнением те поощрения, о которых речь шла выше. Среди них – И.В. Курчатов, Н.А. Доллежалъ, В.Г. Хлопин, А.А. Бочвар, Ю.Б. Харитон.

Наиболее крупные и главные предприятия атомного комплекса были построены на Урале. Здесь создано два завода по разделению изотопов урана. Один у поселка Нижняя Тура (Свердловск-45, ныне г. Лесной), который использовал электромагнит-

ный метод, им руководил член-корреспондент АН СССР Л.А. Арцимович; другой у поселка Верхнейвинского (Свердловск-44, ныне г. Новоуральск) для газодиффузного разделения, под руководством члена-корреспондента АН СССР И.К. Кикоина. Между старинными уральскими поселками Касли и Кыштым встали корпуса плутониевого комбината («объект № 817», ныне комбинат «Маяк»). Из материалов, наработанных этими предприятиями, создавалась непосредственно атомная бомба в Мордовии, в святом русском месте – Саровской пύстыни (Арзамас-16). Научным руководителем и главным конструктором этой операции был выдающийся ученый XX в. академик Ю.Б. Харитон.

Создание атомного комплекса породило особую форму производственно-бытовой инфраструктуры – закрытые города-заводы. Наибольшее скопление таких городов отмечалось на Урале. Они воспроизводили опыт его металлургической промышленности еще демидовских времен (Невьянск, Нижний Тагил, Кушва, Кыштым, Касли, Златоуст и др.), когда эти социально-производственные структуры являлись наиболее типичными для горнозаводской промышленности края. Правда, у городов-заводов XVIII–XIX и XX вв. имелись существенные различия. Если первые были широко открытыми индустриально-аграрными центрами, то вторые строго закрытыми интеллектуально-производственными анклавами. В Советском Союзе таких атомградов насчитывалось 10 (Арзамас-16, Челябинск-70, Челябинск-65, Златоуст-36, Свердловск-45, Пенза-19, Красноярск-26, Томск-7) с населением 732 тыс. человек (1994 г.)⁹.

В итоге 4-летнего напряженного труда атомная бомба была создана, в то время как американцы отводили русским для этого 10–15 лет. 29 августа 1949 г. в степном районе Казахстана, в 170 км западнее Семипалатинска, состоялось ее наземное испытание. Тогда мало кто знал, что советская атомная бомба почти точно копирует американскую. При этом надо отчетливо понимать, что для воплощения в жизнь американской схемы необходимо было иметь атомную промышленность, соответствующие технологии и кадры. Именно их наличие в Советском Союзе обеспечило успех дела. Более того, советские ученые продолжали работу над своей оригинальной конструкцией, которая была испытана в 1951 г. Это было второе испытание атомного оружия в СССР. Советская бомба, будучи почти в 2 раза легче американской, получилась в 2 раза мощнее ее¹⁰.

В дальнейшем русские стали обходить американцев: 12 августа 1953 г. был взорван реальный водородный заряд, готовый к применению в виде бомбы, а 30 октября 1961 г. осуществлен непревзойденный доныне по мощности взрыв 50-мегатонной бом-

бы, чем была доказана возможность конструирования водородного заряда практически неограниченной мощности¹¹.

Советская ядерная мощь нарастала быстро. В 1950 г. у СССР было 5 атомных бомб, в то время как у США – 369. В 1957 г. соответственно – 660 и 6444. В 1978 г. – 25 393 и 24 424. Следовательно, был достигнут паритет. К 1986 г. Россия располагала 45 000 бомб, тогда как США – 23 410. В 1997 г. соотношение выглядело как 23 000 и 13 000. В 1996 г. удельный вес СССР в мировом ядерном арсенале составил 68%. К 1997 г. он сократился до 64%¹².

По заявлению одного из видных советских военачальников маршала Н.И. Крылова «...ракетно-ядерное оружие, имеющееся в распоряжении советских вооруженных сил, беспредельно по силе разрушения. Одна ракета с мощным ядерным зарядом выделяет энергию, которая превосходит энергию всех взрывчатых веществ, произведенных во всем мире за годы второй мировой войны». Последствия такого взрыва невозможно вообразить. Еще труднее осознать значимость подобного энергетического потенциала для истории. Это невиданный прогресс человечества или его конец. Масштабы атомной энергетики измеряются уже не планетарными, а космическими мерами, что во весь рост ставит вопрос о роли энергетического фактора в истории, который совсем не изучен.

Огромные арсеналы атомного оружия, накопленные США и СССР, вызывали большое опасение во всем мире. Необходимость сокращения этих запасов была осознана в 70-е годы, когда стало ясно, что в мировой ядерной войне победителей не будет. Однако появление в конце 70-х годов крылатых ракет с большой дальностью полета, практически не уязвимых для средств ПВО и с очень точным наведением на цель, а вслед за этим шумная кампания США вокруг СОИ дали толчок новому витку гонки вооружений, с которым СССР уже не смог справиться, и с началом «перестройки» вышел из атомной гонки. Формально закончилась «холодная война», но фактически она продолжалась в других формах.

Влияние комплекса на общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны

Решение атомной проблемы в СССР оказало мощное влияние на его общественно-политическое и социально-экономическое развитие. Страна почувствовала защиту от возможных нападений, получила уверенность в надежной безопасности, подняла свой авторитет на международной арене, обрела многочисленных союзников, которые ориентировались на защиту с ее стороны.

Советский Союз стремился овладеть лидерством в борьбе за мир, что привлекло многочисленных сторонников как внутри державы, так и за ее пределами.

Атомный проект в определенной мере стал «локомотивом» технической революции, мощным двигателем науки в стране, колоссального роста ее авторитета, подъема уровня образования, прежде всего технического (МФТИ, физико-технические факультеты во многих политехнических институтах). Успешное решение атомной проблемы спасло советских физиков от разгрома, аналогичного тому, которому подверглась генетика. Физики, особенно такие авторитетные, как Курчатов, Иоффе, Капица, стали арбитрами между государством (точнее, бюрократией) и научной общественностью, интеллектуальной элитой, что особенно заметно проявилось в дискуссиях о генетике и кибернетике. Произошла заметная интеллектуализация военных, политиков и хозяйственников, поскольку в условиях отчаянной ракетно-ядерной гонки без нее невозможно было быть на уровне требований времени и сохранять соответствующие посты.

Еще большее влияние атомный комплекс оказал на экономику. С одной стороны, он изнурял ее непомерными затратами, сдерживал рост благосостояния народа, а с другой стороны, подталкивал прогресс старых отраслей и привел к возникновению многочисленных новых, обеспечивал высокую занятость населения. Принципиальное значение имело использование атомной энергии в мирных целях. Еще в 1949 г., после испытания в СССР первой атомной бомбы его представитель в ООН А.Я. Вышинский, выступая на Генеральной Ассамблее, заявил, что Советский Союз готов отказаться от военного применения ядерных взрывов, чтобы продолжать их в целях развития промышленности и строительства новых грандиозных сооружений: создания водохранилищ, горнодобывающих предприятий и т.д. Это по достоинству было оценено на Западе и практически реализовано в нашей стране.

В 1954 г. под Москвой была пущена первая в мире атомная электростанция. К середине 80-х годов СССР имел 18 таких станций, которые не только облегчали решение энергетических проблем, но и являлись предвестниками энергетики будущего. Советские атомщики немало сделали для овладения термоядерной энергией. Доклад на эту тему, прочитанный И.В. Курчатовым в Харуэлле (Великобритания) в 1956 г., произвел огромное впечатление на западный мир и оказал существенное влияние на улучшение отношений между социалистическим и капиталистическим миром.

Кроме названных электростанций, широкое применение нашли атомные взрывы в мирных целях. В 1965 г. недалеко от Се-

Семипалатинского ядерного полигона таким путем был образован котлован объемом около 5 млн м³. За счет весеннего половодья в нем создано крупное водохранилище для обводнения засушливых степей. Через год ядерным взрывом был потушен гигантский газовый факел на месторождении Урта-Булак в Бухарской области. Иного способа укротить этого «джина» не нашлось. Он за сутки сжигал столько газа, сколько его за год потреблял г. Ленинград. К факелу нельзя было приблизиться ближе чем на километр. Всего в СССР было произведено более 120 опытно-промышленных ядерных взрывов без заметного нарушения окружающей среды.

Наряду с позитивным значением атомного комплекса СССР необходимо видеть и его негативные последствия, прежде всего экологические. Огромный урон природе и человеку нанесли предприятия атомной промышленности. Только за 1949–1956 гг. объект № 817 (комбинат «Маяк») сбросил в открытую гидросистему Тега-Исеть-Тобол свыше 76 млн м³ сточных вод общей радиоактивностью свыше 100 ПБк (10¹⁷ Баккерелей). Всего за 50 лет эксплуатации комбината на его территории и прилегающих районах скопилось свыше 37 ЭБк (37 · 10¹⁸ Баккерелей) твердых и жидких радиоактивных отходов, что во много раз превышает выбросы во время Чернобыльской катастрофы. Ущерб, нанесенный населению только Челябинской области в результате радиоактивного загрязнения, составил более 1,5 млрд руб. (в ценах 1991 г.)¹³.

Тяжелой нагрузкой на экологию легли наземные и воздушные испытания атомного оружия. Поскольку они велись главным образом на двух полигонах – Семипалатинском и на Новой Земле, то наибольший вред причинили восточным районам страны. С 1949 по 1962 г. на Семипалатинском полигоне произведено 113 воздушных взрывов, которые оставили свой опасный след в южных районах Сибири. Весной 1962 г. после серии мощных взрывов на Новой Земле радиоактивному заражению подверглись обширные территории севера Восточной Сибири и Якутии¹⁴.

Под прямое воздействие ядерных следов отдельные территории попадали много раз, например Новосибирская область не менее 23 раз. Плотность радиоактивных осадков ядерного облака, прошедшего над Новосибирском 18–19 сентября 1961 г., превышала суточную плотность октября 1993 г. в 4000 раз. Ученые Сибирского отделения РАН пришли к выводу, что на широте Новосибирской области содержание стронция-90 и цезия-137 в пшенице ряда урожаев в сотни раз выше, чем в Австралии. А содержание стронция-90 в костях крупного рогатого скота почти в 140 раз выше, чем в костях северных оленей¹⁵.

Страшными трагедиями стали аварии на крупных атомных объектах: Челябинске-40 (1956 г.) и Чернобыльской АЭС (1986 г.). Об этом написано очень много, и в данном тексте нет никакой возможности рассматривать их хотя бы коротко. Ограничимся только некоторыми и ключевыми данными. Радиационное загрязнение от Чернобыльской аварии, по сведениям Госагропрома от 8 мая 1986 г., распространилось на 10,9 млн га сельхозугодий, были выведены из строя большие площади на Украине, в Белоруссии, Российской Федерации. Радиационный шлейф достиг Прибалтики, Урала и Зауралья, распространился на Польшу, Болгарию, Югославию, Скандинавские страны.

Подводя итоги краткого анализа последствий создания атомного комплекса СССР, необходимо подчеркнуть, что они практически не изучены, за исключением экологических. Предстоит большая и напряженная работа в этом направлении, без ее результатов невозможно понять масштабы и значение этого монстра как для судеб страны, так и мира.

Заключение

Советский атомный проект вошел в историю как способ защиты от смертельной опасности, нависшей над страной в ходе идеологического и вооруженного противостояния двух великих держав – США и СССР. Успех этого проекта был подготовлен богатыми природными ресурсами государства, необходимым уровнем развития экономики, технического прогресса, образования и науки. Сыграла свою роль высокая степень централизации экономики и ее мобилизационные возможности по использованию всех материальных и духовных ресурсов. Немаловажное значение имел моральный авторитет страны, разгромившей фашизм, что привлекло к ней интеллектуальные силы Запада, поделившиеся некоторыми секретами создания американского атомного оружия.

Атомный комплекс сыграл значительную роль в истории России второй половины XX в., более того, он существенно определял ее политическое и социально-экономическое развитие. В политическом отношении он долгое время оставался опорой тоталитарного режима. В социально-экономическом плане комплекс являлся одним из основных стержней народного хозяйства, потребляя значительную часть государственного бюджета, обеспечивая заказами многие отрасли экономики, науки и социальной сферы, гарантировал занятость населения и престижность его труда. Вместе с тем содержание атомного комплекса в период его наибольшего размаха оказалось тяжелым

делом, а в конце концов непосильным бременем для советской экономики.

Атомный комплекс явился важнейшей страницей российской истории, продемонстрировавшей как ее сильные, так и слабые стороны. Он доказал способность страны решать в кратчайший срок самые масштабные и сложные задачи. Такая способность является некоторым залогом успешного выхода из нынешнего крайне затруднительного положения государства. Опыт, приобретенный во время осуществления советского атомного проекта, исключительно ценен независимо от правящего в то время режима и идеологии. Более того, этот опыт раскрывает самые закрытые стороны функционирования того режима, наглядно демонстрирует причины его побед и поражений, располагает к более глубокому пониманию сущности не только советской, но и всей российской истории.

Еще шире международный аспект значимости советского атомного комплекса. Добившись ядерного паритета с Соединенными Штатами, Советский Союз сделал невозможным развязывание атомной войны, что имело принципиальное международное значение и вошло в анналы мировой истории второй половины XX в. Однако после распада СССР этот фактор в определенной степени потерял свое значение. Усилия, потраченные на создание атомного комплекса СССР, не смогли уберечь его от гибели, оказались недостаточно эффективными с точки зрения национальной безопасности. В новых реалиях конца XX в. мировое равновесие пошатнулось, что грозит непредсказуемыми последствиями.

Фундаментальные открытия, каким явилось овладение энергией атомного ядра, приводят к крутым поворотам в жизни народов, прежде всего в военном деле. Появление кавалерии способствовало рождению мировой Персидской державы, огнестрельное оружие привело к созданию колониальных империй. Немецкие танковые дивизии облегчили блицкриг и положили к ногам Гитлера практически всю Европу. Атомная бомба в руках Америки не могла не сделать нечто подобное. И только способность СССР создать такое же оружие, а после добиться паритета с США на полвека задержала передел мира. За это время другие страны обзавелись всесильным оружием, что в определенной степени стабилизировало мировую ситуацию: не произошло глобальных катастроф. В этом заключается всемирно-историческое значение советского атомного комплекса. По крайней мере, к такому феномену пора подходить не с сиюминутной идеологизированной или политизированной трактовкой, а с позиций мировой истории.

- ¹ Containment Documents on American Policy and Strategy 1945–1950 N.Y. 1978.
- ² *Лэнн Р.* Атомы и люди. М. 1959, с. 208–210.
- ³ *Быстрова И.В.* Военно-экономическая политика СССР: от демилитаризации к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 180.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Schweizer P.* Victory. The Reagean Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union N.Y., 1997. P. 137.
- ⁶ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1. М. – Саров. 1999. С. 242.
- ⁷ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 242.
- ⁸ Атомный проект СССР... С. 421–428.
- ⁹ *Тихонов В.* Закрытые города в открытом обществе. М., 1996. С. 6.
- ¹⁰ Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М., 1999. С. 130–131.
- ¹¹ Там же. С. 143.
- ¹² Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 95.
- ¹³ Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95.
- ¹⁴ Там же. С. 96, 98.
- ¹⁵ *Пихоя Р.Г.* Советский Союз. История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 485.

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ССР: ДОСТИЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ

*М.П. Костюк**

(Республика Беларусь)

В годы Великой Отечественной войны Белоруссия понесла тяжелейшие потери. Республика не досчиталась более чем каждого четвертого жителя, а в восточных ее районах даже каждого третьего или второго. В результате в 1945 г. в хозяйстве БССР рабочих и служащих было меньше по сравнению с 1940 г. на 53,5%.

Громадный урон был нанесен экономическому потенциалу Белоруссии. Достаточно сказать, что общие материальные потери в общественном хозяйстве и личной собственности граждан в 25 раз превысили государственный бюджет республики 1940 г.¹ Большие людские и материальные потери предопределили крайне тяжелый процесс восстановления производительных сил. Лишь через несколько десятилетий БССР смогла достичь довоенного уровня численности населения. Экономический потенциал, хотя и с большими трудностями, был восстановлен раньше.

Послевоенное возрождение экономической жизни проходило в сложных общественно-политических условиях, которые были характерны для всего Советского Союза. В это время авторитарная большевистская система достигла в своем развитии апогея и перешла в стадию определенной закоренелости. Ее характеризовала, в частности, сверхвысокая централизация управления не только общественно-политической, но и социально-экономической жизнью. Местная инициатива находилась под жестким контролем. Однако после экстремальных условий военного времени, в послевоенные годы это воспринималось населением в основном как что-то закономерное. Следует признать, что восстановлению хозяйства Белорусской ССР с начала ее освобождения от гитлеровских захватчиков союзное и республиканское правительства уделяли пристальное внимание. Об этом свидетельствуют постановления, принятые на союзном уровне, финансовая и иная материальная помощь, направление в Белоруссию из других союзных

* Костюк Михаил Павлович, академик. Институт истории НАН Беларуси.

республик необходимого сырья, материалов, оборудования. В результате самоотверженного труда белорусского народа и этой помощи уже в 1950 г. промышленность Белорусской ССР достигла, а по некоторым показателям и превзошла довоенный уровень. Более интенсивно в сравнении с другими отраслями восстанавливались машиностроение и металлообработка. В 1947 г. дали первую продукцию минские автомобильный и мотовелозаводы, тонкосуконный комбинат. В 1952 г. валовое производство промышленности столицы республики превысило уровень 1940 г. в 3,5 раза.

Значительно ниже темпы восстановления и развития промышленного производства были в Западной Белоруссии. К 1953 г. общий объем промышленной продукции тут только удвоился². Более низкие темпы восстановления и развития промышленности в западных областях БССР в сравнении с восточными объясняются не только более слабой исходной материальной базой, которая здесь имелась в предвоенный период, но и тогдашней политикой советского партийно-государственного руководства. Она заключалась в преимущественном развитии восточных и центральных территорий республики.

Составной частью данной политики являлось недоверие союзных властей к населению Западной Белоруссии. Это недоверие было значительным и достаточно устойчивым. Проявлялось оно во многих отношениях, в том числе в развитии экономики. В результате экономические показатели на западнобелорусских землях оставались крайне низкими. Западная Белоруссия составляла почти половину территории и населения БССР, а ее удельный вес в производстве валовой продукции республики равнялся в 1953 г. только 17,2%. В значительной степени такое положение было predetermined целенаправленной бюджетной политикой. Достаточно сказать, что в 1953 г. капитальные вложения в хозяйство западных областей БССР составили лишь 12% от бюджетного финансирования республики.

Такая политика и практика фактически вели к ущемлению интересов жителей Западной Белоруссии. Это были расчетливые действия со стороны центральных властей. Здесь преследовалась следующая цель: дать почувствовать населению западной части БССР, что оно было менее активно по сравнению с восточными областями в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны, что в этом регионе еще оставались крепкими позиции частной собственности, а отношение к советской власти было довольно сдержанным. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что восторженно встретив Красную Армию в сентябре 1939 г., затем под воздействием предвоенной депортации различных слоев населения, многочисленных других арестов, иных проявлений внут-

ренной политики население более глубоко уяснило, что представляла собой советская форма правления в ее сталинском варианте.

Значительно труднее, чем промышленность, восстанавливалось сельское хозяйство Белорусской ССР. Последствия войны здесь ощущались особенно явственно. Производительные силы белорусской деревни оказались на крайне низком уровне. Так, количество мужчин в возрасте от 16 до 60 лет уменьшилось в сравнении с довоенным временем почти вдвое, а удельный вес мужских трудовых ресурсов вследствие ранений и контузий составлял в коллективных хозяйствах только 23% от довоенного показателя³. Естественно, что в этих условиях значительно возросла роль женского труда.

Тяжелое экономическое положение белорусской деревни вынуждало некоторых ее представителей оставлять родные места и выезжать за рубеж, в частности в Польшу. Уже до 15 июня 1945 г. из БССР в эту страну переместилось около 18 тыс. хозяйств, имевших в своем составе почти 51 тыс. человек. Характерно, что переезд в Белорусскую ССР из Польши был вдвое меньше. К этому времени в Белоруссию переехали около 7,3 тыс. крестьянских хозяйств, которые насчитывали почти 27 тыс. человек. Сравнение имущественного положения переезжавших свидетельствует, что БССР оставляли значительно более бедные жители деревни, чем те, которые сюда приезжали⁴. Известно, что восстановление промышленного производства по всей территории Белорусской ССР, как и по всей стране в целом, происходило только на основе государственной собственности. В сельском хозяйстве положение было иным. В восточных областях БССР восстанавливалось в первую очередь колхозно-совхозное производство. В Западной Белоруссии восстановление сельского хозяйства в первую очередь происходило на базе индивидуальных крестьянских хозяйств, которые в то время преобладали.

В условиях советского государства встала задача осуществления массовой коллективизации в Западной Белоруссии, как и в других западных регионах Союза ССР. Однако отрицательный опыт 20-летней давности в ее проведении фактически не был учтен. В западнобелорусской деревне преобладал принудительный характер вовлечения крестьян в колхозы. В результате распространенным явлением было их бегство и укрывательство в лесах. В широких масштабах проводилось раскулачивание, которое нередко захватывало и середняков. Даже тогда, когда коллективизация фактически была завершена, а зажиточные крестьяне уже были вывезены в отдаленные места, Совет Министров СССР в сентябре 1951 г. принял постановление «О выселении кулаков из Белорусской ССР». В соответствии с ним только в 1952 г. из за-

падных областей республики было выслано еще более 4,4 тыс. семей, отнесенных к этой категории. Как и 20 лет назад, во время проведения массовой коллективизации в Западной Белоруссии были созданы чрезвычайные партийные органы – политические отделы машинно-тракторных станций.

Западнобелорусское население оказывало сопротивление массовой коллективизации. Достаточно отметить, что только в Барановичской области на протяжении 1948 г. было совершено более сотни поджогов колхозных строений и домов колхозников, а также несколько террористических актов⁵. Однако массированное наступление на преимущественно частнособственническую западнобелорусскую деревню давало свои результаты. Уже к началу 1951 г. почти 84% крестьянских хозяйств были включены в колхозы. К концу 1952 г. степень коллективизации достигла в Западной Белоруссии 95%⁶. Западнобелорусская деревня по характеру производства была введена в общеполитическую и общесоюзную систему выработки сельскохозяйственной продукции. Тем не менее уровень сельскохозяйственного производства, жизни колхозников оставался низким. Производственные показатели колхозов и совхозов были неудовлетворительными. К примеру, в 1952 г. в Белорусской ССР не были достигнуты плановые показатели ни по одной из сельскохозяйственных культур⁷. Важной причиной такого положения в обобществленном секторе сельского хозяйства являлась чрезвычайно высокая централизация руководства, которая всегда была характерна для большевистской системы правления. Даже самые незначительные вопросы приходилось согласовывать с центральными органами. Показательным в этом отношении является письмо первого секретаря ЦК КП(б) Н. Патоличева секретарю ЦК ВКР(б) Г. Маленкову. Оно было направлено 26 февраля 1951 г. О его содержании говорит само название – «О производстве телег в Белорусской ССР».

Характерно, что государство забирало в виде многочисленных налогов основную часть сельскохозяйственной продукции. К тому же значительное распространение, особенно на западнобелорусских землях, получили факты администрирования и беззакония со стороны тех, кто осуществлял налоговую политику в первую очередь в деревнях. Даже партийные руководители вынуждены были констатировать, что тысячи крестьян отданы под суд без достаточных оснований. При этом подчеркивалось, что злоупотребления служебных лиц при сборе налогов получили массовое распространение и приобрели «политический опасный характер»⁸.

Все это создало в белорусском обществе в начале 50-х годов довольно сложную обстановку. Как вынужден был признать сек-

ретарь ЦК КПБ М. Зимянин в докладе «Постановление ЦК КПСС “Вопросы Белорусской ССР” и задачи парторганизации КП Белоруссии», с которым он выступил на июньском (1953 г.) Пленуме ЦК КПБ: «Наши ошибки объясняются определенным отрывом руководства ЦК КПБ и Совета Министров от масс трудящихся...»⁹

Особенностью восстановления экономики в Белорусской ССР в послевоенные годы являлось то, что в значительных масштабах использовался труд военнопленных и интернированных лиц, которых насчитывалось в лагерях Министерства внутренних дел на территории республики свыше 98,2 тыс. В результате постепенной передачи немецкой стороне этой категории лиц к началу 1949 г. их число уменьшилось до 21 тыс. Процесс передачи был завершён в 1951 г. Труд военнопленных и интернированных применялся на важнейших объектах. Они помогали восстанавливать столицу республики, строить автомобильный и тракторный заводы, другие объекты не только в Минске, но и в областных центрах и иных населённых пунктах республики¹⁰. Использование труда данной категории лиц было вынужденной и оправданной мерой.

К особенностям восстановительного периода в Белорусской ССР, как, впрочем, и на Украине, следует отнести финансовую помощь, которая представлялась специальным органом Организации Объединённых Наций – администрацией помощи и восстановления хозяйства (ЮННРА). В соответствии с принятым решением Украинской ССР была оказана помощь в 189 млн, а Белорусской ССР – 61 млн долл. США. Эти деньги должны были пойти на приобретение продовольственных и промышленных товаров, улучшение медицинского обслуживания тех жителей, которые в наибольшей степени потерпели от военного лихолетья. Однако, как свидетельствуют очевидцы и некоторые документальные материалы, значительная часть этой помощи, в первую очередь продукты питания и промышленные товары, была распределена среди руководящих работников БССР и членов их семей. Не случайно на основе постановления СНК республики и ЦК КПБ от 8 января 1946 г. вся документация, связанная с распределением этой помощи, была засекречена¹¹.

Восстановление в конце 40-х – начале 50-х годов промышленного и сельскохозяйственного производства позволило концентрировать усилия на дальнейшем развитии экономики. Этому содействовали те общественно-политические изменения в Советском Союзе, в том числе в Белорусской ССР, которые произошли в середине 50-х годов. Они обуславливались в первую очередь решениями XX съезда КПСС. Преобразования в общественно-

политической жизни, повлекшие за собой некоторую децентрализацию в развитии экономики, способствовали повышению трудовой активности народа. Это позволило активизировать развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства, социальной сферы. В Белорусской ССР в 1965 г. общий объем промышленной продукции превысил уровень 1958 г. в 2,1 раза вместо предусмотренных плановым заданием 1,8 раза.

В сельскохозяйственном производстве республики также имелись достижения. В 1965 г. в расчете на 100 га земли было получено по 232 ц молока против 115 ц в 1958 г. Что касается производства мяса (в живом весе), то этот показатель вырос за данный отрезок времени с 21 до 31 ц на 100 га земельных угодий. Повысились валовые сборы зерна, картофеля, сахарной свеклы, льна, других культур. В целом на протяжении указанного периода общий объем сельскохозяйственной продукции республики возрос в 1,7 раза¹².

Однако экономические реформы второй половины 50-х – первой половины 60-х годов далеко не всегда были последовательными. Нередко возникали противоречия при их разработке и осуществлении. Но в целом они обуславливались экономической целесообразностью. Некоторая непоследовательность объясняется борьбой новых и старых тенденций. С этой точки зрения большей последовательностью и логичностью отличались реформы второй половины 60-х годов. Однако они не были завершены, так как пришли в противоречие со стремлением высшего партийного руководства страны вернуться в общественно-политической жизни, по существу, на прежние позиции.

Тем не менее на протяжении 1966–1970 гг. как в целом по стране, так и в Белорусской ССР были достигнуты достаточно высокие показатели в развитии экономики. За это время объем промышленной продукции республики увеличился в 1,8 раза, а среднегодовые темпы прироста продукции составили 12,4% против 10,4% за предшествующее пятилетие.

В последующее время, несмотря на нараставшие трудности, промышленное производство в Белорусской ССР продолжало увеличиваться. Это привело к достижению значительных результатов. В 1985 г. по сравнению с 1960 г. общий объем промышленной продукции в республике возрос почти в 8,9 раза. Многие промышленные предприятия достигли высоких показателей. К примеру, Минский тракторный завод в 1985 г. произвел 96 тыс. тракторов¹³. Положительные сдвиги происходили и в сельскохозяйственном производстве. Они базировались на тех достижениях, которые имелись во второй половине 60-х годов, когда урожай зерновых в Белорусской ССР возрос с 11,5 до 16 ц с одного гекта-

ра. В дальнейшем в сельское хозяйство вкладывались значительные материальные ресурсы. Много внимания уделялось специализации, мелиорации, химизации сельскохозяйственного производства. В результате в Белорусской ССР урожайность зерновых культур стала достигать 30 и более центнеров, картофеля – 150 и выше центнеров с одного гектара. В целом на протяжении 1965–1985 гг. общий объем сельскохозяйственной продукции возрос в республике в 1,6 раза¹⁴.

Вместе с тем в развитии сельскохозяйственного производства нарастали трудности и негативные явления. Они заключались в первую очередь в повышении бесхозяйственности, неорганизованности, плохого сохранения урожая. Потери иногда доходили до четверти всей продукции. Много негативных сторон имела широкомасштабная и дорогостоящая мелиорация. Массированная химизация сельскохозяйственного производства снижала качество продуктов питания. В деревне развивалось безразличие в отношении работников к колхозной и совхозной собственности. Земля все более теряла рачительного хозяина.

В промышленном производстве на протяжении 70-х – первой половины 80-х годов происходило постепенное замедление темпов развития. В первую очередь это относилось к производству товаров широкого спроса. В Белорусской ССР за это время объем продукции легкой промышленности возрос только в 2,1 раза, а перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса – лишь в 1,9 раза. Негативные последствия имела ориентация преимущественно на экстенсивный путь развития промышленности. Совершенно недостаточной являлась механизация производственных процессов. В промышленности БССР в 1977 г. удельный вес работников, занятых ручным трудом, достигал почти 40%. За счет научно-технических мероприятий в это время обеспечивалась только половина повышения производительности труда¹⁵. Экономические реформы как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве в это время почти не проводились. Ставка центрального партийно-государственного руководства на то, что удастся соединить научно-технический прогресс с преимуществами социалистической системы развития экономики, по существу, не оправдалась. К тому же чрезвычайно высокими были расходы на оборону страны. В официальных документах они обычно определялись в размере около 20%. Однако на самом деле, по мнению некоторых исследователей, были значительно выше.

Эти и другие факторы все более негативно влияли на экономические показатели как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В результате в промышленном производстве Белорус-

ской ССР в первой половине 80-х годов обнаружилось падение темпов прироста продукции по сравнению с тем же периодом 60-х годов почти вдвое. Существенно уменьшился среднегодовой рост национального дохода. Если во второй половине 60-х годов этот показатель в Белорусской ССР равнялся 9,1%, то во второй половине 80-х – 5,1%. Это не могло не отразиться на заработной плате трудящихся. В первой половине 60-х годов рост реальных доходов составил 7,1%, а в первой половине 80-х этот показатель снизился до 2,5%¹⁶.

Следовательно, данные о развитии промышленного и сельскохозяйственного производства в Белорусской ССР, как, впрочем, и по всей стране, на протяжении 70-х – первой половины 80-х годов свидетельствуют не только о значительных достижениях, но и о нарастании негативных тенденций. В первую очередь это проявилось в снижении темпов социально-экономического развития. Отрицательные явления имели глубинный характер. Они явились первопричинами тех кризисных процессов, которые развились в экономике в конце 80-х – начале 90-х годов. Вместе с кризисом советской общественно-политической системы они привели к тем глобальным изменениям, которые мы имеем теперь.

¹ Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. Мн., 1995. С. 324.

² Национальный архив Республики Беларусь (в дальнейшем – НАРБ). Ф. 4. Оп. 20. Д. 295. Л. 154, 175.

³ Там же. Оп. 29. Д. 622. Л. 324.

⁴ Там же. Д. 223. Л. 39.

⁵ Там же. Оп. 62. Д. 1. Л. 447.

⁶ Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 334.

⁷ НАРБ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 295. Л. 115, 161, 187, 216.

⁸ Там же. Л. 42.

⁹ Там же.

¹⁰ Шарков А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси. Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951 гг.) Мн., 1997. С. 88–97.

¹¹ Советская Белоруссия. 1995, 6 июня; *Снапкоўскі У.Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944–1953 гг. Мн., 1977. С. 52–74.

¹² Гісторыя Белларускай ССР. Т. 5. Мн., 1975. С. 368, 469.

¹³ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1985 году. Статистический ежегодник. Мн., 1986. С. 33.

¹⁴ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Мн., 1989. С. 180.

¹⁵ Матэрыялы XXX з'езда Камуністычнай партыі Беларусі. Мн., 1986. С. 12.

¹⁶ Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г. С. 7–8.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.В. Алексеев, С.А. Нефедов*

(Екатеринбург)

«Война – это великое дело для государства, – писал в VI в. до н.э. великий философ и полководец Сунь-цзы. – Война – это корень жизни и смерти, это путь существования и гибели. *Это нужно понять*».

Главное, что решает исход войны, – это оружие. История войн свидетельствует о том, что мужество и смелость зачастую вынуждены отступать перед всепобеждающим *новым оружием*. До того момента, когда царь Филипп изобрел македонскую фалангу, никто не знал о малочисленном народе, обитающем в Балканских горах. Но новое оружие македонян вызвало *волну завоеваний*, которая докатилась до Индии; Александр Великий стал величайшим завоевателем древнего мира.

Новое оружие обеспечивает его обладателям решающее преимущество перед другими народами, и история дает очень мало примеров битв, в которых народу, подвергнутому нашествию, удавалось остановить волну. Один из этих примеров – Великая Отечественная война.

В период между двумя мировыми войнами многие военные теоретики говорили и писали о том, что использование танков приведет к перевороту в военном деле. Дж. Фуллер в Англии, Ш. де Голль во Франции, Л. Эймансбергер в Австрии предлагали проекты создания танковых армий, которые должны были решить исход войны молниеносным прорывом. Идея маневренной войны заключалась в том, что танковые колонны внезапно обрушиваются на узкие участки вражеской обороны, взламывают ее и выходят на оперативный простор. Они стремительно движутся по дорогам в тылу противника и смыкают клещи в глубине вражеской территории. Армии противника оказываются в окружении, без боеприпасов, без связи, с нарушенным управлением; солдат противника охватывает паника – и через некоторое время они вынуждены капитулировать.

* Алексеев Вениамин Васильевич, академик, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург); Нефедов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Однако военное руководство скептически относилось к возможностям нового оружия. «Ни во Франции, ни в Англии не сознавали последствий этого нового обстоятельства», – признавался Уинстон Черчилль. В Советском Союзе идея танкового прорыва была поднята на щит М.Н. Тухачевским, но встречала жесткое противодействие со стороны наркома К.Е. Ворошилова. Сталин поддержал Тухачевского и назначил его заместителем наркома; было развернуто массовое производство танков, в 1932 г. был создан первый советский механизированный корпус, а к 1935 г. – еще три корпуса. В киевских маневрах 1935 г. участвовали огромные массы танков – иностранные наблюдатели были потрясены этим зрелищем. «Я считаю, что в отношении танков советская армия занимает первое место», – заявил заместитель начальника штаба французской армии генерал Луазо.

Однако исход будущей войны решался не числом танков, а умением их использовать. Вскоре оказалось, что советская стратегия имеет существенные изъяны: недостаток автомобилей приводил к тому, что пехота и артиллерия были не в состоянии сопровождать вошедшие в прорыв танки. Но самым главным дефектом было отсутствие надежной радиосвязи; в большинстве советских танков не было раций, и командиры подавали сигналы флажками. Из-за отсутствия связи механизированные корпуса оказались практически неуправляемыми; в сентябре 1939 г. они едва не заблудились на просторах Западной Украины и через месяц были расформированы.

В конечном счете оказалось, что ключевым моментом новой стратегии является не собственно танк, а организация связи и взаимодействия между танковыми частями, а также организация взаимодействия с другими родами войск. По-видимому, первым военным специалистом, осознавшим суть этой проблемы, был командир одной из первых немецких танковых дивизий, генерал Гейнц Гудериан. В Первую мировую войну Гудериан был офицером-связистом, а в конце 20-х годов некоторое время учился на танковых курсах в СССР. Идея Гудериана состояла в том, чтобы, во-первых, надежно обеспечить связь и управление: поставить на каждый танк рацию, создать бронированные командирские машины с мощными радиостанциями – так, чтобы командиры могли бы сопровождать танки даже на поле боя. Во-вторых, требовалось придать танковым дивизиям пехоту и артиллерию, посадить пехоту на бронетранспортеры и снабдить артиллерию тягачами, с тем чтобы она могла сопровождать танки после прорыва; создать моторизованные дивизии, которые бы двигались на автомобилях следом за танковыми дивизиями. В-третьих, было необходимо с помощью постоянной радиосвязи организовать вза-

имодействие с авиацией; самолеты-штурмовики должны были постоянно сопровождать колонну танков и расчищать ей дорогу. Самолеты-разведчики и корректировщики должны были указывать цели и корректировать огонь танков. Авиация выбрасывала десанты, чтобы захватить мосты на пути движения; транспортные самолеты обеспечивали снабжение боеприпасами и в случае необходимости – горючим. В 1937 г. Гудериан опубликовал книгу «Внимание, танки!», в которой описал созданную им новую стратегию – позже эту стратегию стали называть «блицкригом», «молниеносной войной».

Таким образом, идея блицкрига не сводилась к танковому прорыву; *новым оружием*, изобретенным Гейнцем Гудерианом, был не просто танк, а *тактика использования танков во взаимодействии с авиацией и мотопехотой*. При этом ставка делалась не на огневую мощь, а на скорость и маневренность; все подчинялось принципу «быстрее вперед!» – поэтому пехота была посажена на бронетранспортеры, а вместо артиллерии часто использовалась авиация. Это была рискованная стратегия; она требовала, чтобы все танки были отняты у пехотных дивизий, собраны в танковые корпуса и использовались в первом ударе. В отличие от французских и русских дивизий, немецкие пехотные дивизии не имели танков – поэтому немецкая пехота была заведомо слабее пехоты противника. Пехоте предназначалась пассивная роль; она должна была держать фронт окружения до тех пор, пока у противника не кончатся боеприпасы.

На больших маневрах осенью 1937 г. Гудериан продемонстрировал Гитлеру и Муссолини всю мощь идущей на прорыв танковой армады. Впечатление было сильным, Гитлер назначил Гудериана командиром первого немецкого танкового корпуса и поручил ему руководить танковыми войсками при оккупации Австрии. Развернулась программа строительства бронетанковых соединений; войска получали танки новых типов, налаживалось производство бронетранспортеров. Появились самолеты, которые должны были поддерживать пехоту и танки, – знаменитые пикирующие бомбардировщики Ю-87. В ноябре 1938 г. Гудериан был назначен генерал-инспектором бронетанковых сил, и Гитлер в личной беседе обещал ему всяческую поддержку в создании нового рода войск. Однако верховное командование вермахта не верило в возможности нового оружия и считало Гудериана авантюристом. Все начинания генерал-инспектора встречали упорное сопротивление главнокомандующего Браухича и начальника генштаба Гальдера; в преддверии войны с Польшей Гудериана отправили в войска простым корпусным командиром. Браухич и Гальдер были не одиноки в своем консерватизме, воен-

ное руководство других стран также скептически относились к возможностям массированного применения танков. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: накануне *Второй мировой войны никто не знал о существовании нового немецкого оружия – и сами немцы не сознавали его возможностей.*

Сегодня, зная о произошедшем впоследствии, многие склонны обвинять политиков в близорукости и ошибках. Однако в те времена никто не мог представить того, что произойдет в ближайшем будущем, – никто не знал о существовании *нового оружия*. Военные и политические деятели исходили из старых представлений о мощи европейских армий. В соответствии с этими представлениями сильнейшей из этих армий была французская; Черчилль считал ее «наиболее подготовленной и надежной мобильной силой в Европе». Германская армия находилась еще на стадии формирования, и фюрер говорил своим генералам, что не собирается начинать войну раньше 1943 г. В 1939 г. немецкие генералы считали войну губительной: они не верили, что удастся одержать быструю победу над Польшей. Поляки, со своей стороны, были уверены, что выдержат удар немцев: французы обещали им, что на 15-й день войны перейдут в генеральное наступление на Западном фронте.

Многие западные историки полагают, что Англия своими недодуманными действиями спровоцировала Гитлера к нападению на Польшу. Однако Гитлер смог решиться на это, лишь заключив соглашение с Россией; он убедил немецких генералов в том, что Россия ударит в тыл полякам, – и они одержат быструю победу. Сталин, в свою очередь, был уверен в том, что заключает выгодную сделку: он получит часть Польши, а на западе начнется долгая война между врагами России. Все действовали из традиционных представлений – никто не предвидел грядущих событий, никто не знал, что в руках Германии находится *новое оружие*.

Гитлер до последнего момента рассчитывал, что ему удастся избежать мировой войны. Очевидцы утверждают, что при известии об английском ультиматуме фюрер едва не упал в обморок, но вскоре его настроение заметно улучшилось. Побывав в корпусе Гудериана, фюрер был восхищен быстротой его продвижения и тем, что оно проходит почти без потерь. Новое оружие начало действовать – это было настолько неожиданно, что немцы сами удивлялись своим успехам. 600 танков 16-го танкового корпуса с ходу прорвали польскую оборону и, пройдя за 8 дней 240 километров, подошли к Варшаве; корпус Гудериана за две недели преодолел 700 километров и достиг Бреста. 16 сентября польское правительство бежало в Румынию; окруженные в нескольких «котлах» 700 тыс. польских солдат сложили оружие. «Успехи войск баснословны», –

писал начальник германского Генштаба генерал Гальдер. Потери германской армии были минимальными – 8 тыс. человек.

Многие историки и политики обвиняли Францию в том, что она не оказала помощи Польше, – но в действительности, французская армия просто не успела этого сделать; *новое оружие* разрушило все планы. Многие историки удивляются тому, что затем началась «странная война», – но, в действительности, в этой войне не было ничего необычного. Странная война – это была обычная окопная война образца 1914–1918 гг.; в те времена зимой на фронте всегда наступало затишье, противники не вели активных операций. «Странной» эта война стала лишь впоследствии, по контрасту с тем, что происходило позже – *новое оружие* изменило восприятие войны и ее характер, боевые действия стали вестись и зимой.

Французские генералы воевали как 20 лет назад, они еще не поняли, что произошло в Польше. Но Гитлер сразу осознал, что в его руках находится *новое оружие*. Его первой реакцией был восторг, второй – желание как можно быстрее атаковать Францию. Однако блицкриг в Польше не убедил немецких генералов: они продолжали хранить осторожность, они говорили, что Франция – это не Польша. Браухич и Гальдер воевали как 20 лет назад, они всячески оттягивали наступление на Западе: они, как и раньше, считали его гибельным. Чтобы предотвратить «гибель Германии», немецкие генералы составили заговор против фюрера – такого еще не было в германской армии. В других странах так же не верили, что немцам удастся повторить блицкриг на полях Франции: никто, кроме Гитлера (и Гудериана), еще не верил во всемогущество нового оружия. «Я почти один в германской армии верил в это», – писал Гудериан.

Союзники использовали военное затишье для формирования и переброски на континент новых английских дивизий. Время работало на союзников – поэтому Германия должна была наступать. 10 мая 1940 г. началось немецкое наступление на Западе; 15 мая 1300 танков Гудериана и Клейста прорвали французский фронт в Арденнах. Немецкое командование приказало Гудериану остановиться и подождать пехоту; оно собиралось наступать, как встарь, со скоростью пехотных колонн. И тут произошло неожиданное: Гудериан отказался подчиняться приказу. Танковая колонна рванулась на запад; немецкие танки мчались по шоссе на дорогах в тылу союзников, почти не встречая сопротивления. Пройдя за 5 дней 350 километров, корпус Гудериана 20 мая вышел к Ламаншу. «15 часов, – записал в своем дневнике офицер английского генштаба. – Поступили сообщения, что германские танки вышли к Амьену. Похоже на нелепый кошмар. Британский экспедиционный корпус отрезан. Мы лишились коммуникаций... Немцы идут

на любой риск, и все им сходит с рук... они делают все, что не сделали бы грамотные военные, и все же добиваются своего. Французский генеральный штаб парализован этой необычной подвижной войной. Нынешние быстро изменяющиеся условия не предусмотрены в учебниках...» Французские и английские генералы не понимали, что произошло – ведь союзники имели больше танков, чем немцы, и французские танки не уступали немецким. Все объяснялось тем, что французские танки были распределены между пехотными дивизиями, а немецкие были собраны в один кулак – и тем, что оружие блицкрига – это были не просто танки.

25 июня Франция капитулировала. Французская армия потеряла 84 тыс. убитыми, 1,5 млн французских солдат сдались в плен. Потери вермахта составили 27 тыс убитыми. Победа была почти бескровной: немцы не бомбили французские города и заводы; все это стало добычей победителя. Правда, Англия не сложила оружия – она была недоступна за своими проливами: танки не могли плавать по морю. Тем не менее фантастическая победа Германии повергла в шок всю Европу – всем стало ясно, что в руках Гитлера находится *новое оружие*.

Обладание абсолютным оружием отменяет все моральные принципы. Гитлер много раз повторял, что победителя не судят. Абсолютное оружие позволяет вести войну на уничтожение, после которой никто не призвет победителя к ответу. Обладателю нового оружием «сверхчеловеку» дозволена любая жестокость, а побежденные «недочеловеки» должны стать рабами. Всесокрушающий меч диктует политику своему хозяину – он требует, чтобы его использовали, пока он не затупится. *Фундаментальное открытие* всегда порождает *волну завоеваний* – волну, которая стирает с лица земли народы и государства, делает одних господами, а других – рабами. Обретя новое оружие, немецкая армия должна была двинуться на завоевание мира – независимо от воли Гитлера и независимо от того, какую страну ей предстояло завоевать первой.

Таким образом, нападение на Россию было неизбежностью. Гитлер заговорил о походе в Россию сразу же после окончания французской кампании – он торопился использовать новое оружие, пока его не скопирует противник. Сталин прекрасно понимал эту угрозу; он был напуган «блицкригом» во Франции; он искал встречи с германским послом, он говорил: «Мы должны оставаться друзьями!» Вместе с тем Сталин пытался как можно быстрее перенять новое оружие Германии: он восстанавливал механизированные корпуса и создавал штурмовую авиацию. Это должно было ускорить неизбежное германское нападение – Гитлер не мог позволить, чтобы его оружием овладел другой.

Парадоксально, но то, что интуитивно понимал Сталин, осталось непонятым советским Генштабом. Лишь один из советских командиров, военный теоретик Г.С. Иссерсон бил тревогу и призывал извлечь уроки из блицкрига во Франции. На совещании 23–30 декабря 1940 г. Генштаб отверг доводы Иссерсона. Командующий западным округом Д.Г. Павлов заявил, что в немецком блицкриге нет ничего нового, что эта стратегия давно освоена Красной Армией: «Немцы ничего не выдумали, они взяли то, что у нас было», – говорил Павлов. Тимошенко и Жуков поддержали Павлова: они говорили, что Советский Союз – это не Польша и не Франция. В 1940 г. Франция и Германия имели по 5 тыс. танков; Советский Союз имел – эта цифра до сих пор вызывает удивление историков – 21 тыс. танков. СССР обладал самой мощной в мире танковой промышленностью: два огромных завода – Кировский завод в Ленинграде и завод имени Коминтерна в Харькове – вместе с несколькими менее крупными предприятиями, начиная с 1933 г. ежегодно, выпускали более 3 тыс. танков. Правда, большую часть этих танков составляли легкие машины, но и в германских танковых корпусах преобладали легкие танки.

Было еще одно обстоятельство, предопределившее исход декабрьского совещания. Советский Генштаб знал то, о чем не догадывались Гудериан и Гитлер: новые советские танки Т-34 и КВ намного превосходили лучшие немецкие образцы: «Их Т-34 был лучшим в мире», – писал позже фельдмаршал Клейст. Клейст не скрывал своего удивления: ведь считалось, что лучшая в мире инженерная школа – это немецкая школа Даймлера и Дизеля, что лучшие конструкторы танков в мире – это знаменитые немецкие конструкторы Адерс и Порше. Никто не мог ожидать, что никому не известные русские инженеры создадут лучший в мире танк. «Работникам нашего КБ не приходилось учиться в знаменитых учебных заведениях, и им не была завещана предшествующими поколениями традиция развитого машиностроения, – писал один из создателей Т-34 А.А. Морозов. – Все они были детьми рабочих и крестьян...» Как бы то ни было, создание танка Т-34 означало появление советского нового оружия, которому предстояло сразиться с новым оружием Германии. В ноябре 1939 г. К.Е. Ворошилов и В.А. Малышев официально доложили ЦК о создании лучшего в мире танка.

Таким образом, Жуков и Тимошенко имели основания утверждать, что Советский Союз – это не Франция. Тем не менее советские стратеги не понимали сути: они не понимали, что оружие блицкрига – это не только танки. Жуков и Тимошенко утверждали, что Германии потребуется 15 дней, чтобы ввести в бой глав-

ные силы; за это время Красная Армия сумеет сосредоточиться и отразить удар. Позднее Жуков признался, что не мог представить себе, что Германия введет главные силы в первый же день войны. Это была роковая ошибка: Жуков не понимал, что в руках Германии находится новое оружие. Но и Гитлер в свою очередь совершил роковую ошибку: он не знал о существовании Т-34 и не верил, что Россия имеет больше танков, чем Германия. «Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге, я бы не начинал эту войну», – сказал он Гудериану в августе 1941 г.

22 июня 1941 г. германские войска вторглись в СССР. В первый же день полторы тысячи танков Гудериана и Гота двумя колоннами прорвались сквозь нашу оборону. Павлов, который должен был отразить удар Гудериана и Гота, потерял связь с частями, не знал, что происходит, и отдавал бессмысленные приказы. Советские механизированные корпуса пытались перейти в контратаку, но из-за отсутствия связи дивизии теряли друг друга на марше и наносили удары вслепую. Танки шли в бой одни, без поддержки пехоты и артиллерии; ремонт не был налажен, и вышедшие из строя машины оставались на обочинах дорог; не хватало горючего и боеприпасов. Гудериан уклонялся от боя, выдвигая навстречу русским танкам пехоту с противотанковыми орудиями. В воздухе господствовала немецкая авиация; она охотилась за бензовозами, и вскоре колонны русских танков остановились; танкисты отстреливались, пока не заканчивались боеприпасы, а затем сами взрывали свои танки. Оторвавшись от преследующих русских, колонны Гудериана и Гота за 6 дней прошли 400 километров и соединились под Минском. В этом первом котле было взято в плен 330 тыс. советских солдат и захвачено 3 тыс. танков.

Новое оружие Германии оказалось сильнее, чем оружие России. Советская армия терпела тяжелые поражения – однако паники не было. «Несмотря на то что мы продвигаемся на значительные расстояния, – писал немецкий танкист, – нет того чувства, что мы вступили в побежденную страну, которое мы испытывали во Франции. Вместо этого – сопротивление, постоянное сопротивление, каким бы безнадежным оно не было».

Началась народная война, тысячи добровольцев осаждали военкоматы. Приграничные советские армии были уничтожены или взяты в плен, но новые армии создали новый фронт на Днепре. Танковые группы Гудериана и Гота снова прорвали фронт и окружили эти армии у Смоленска, но сражение затянулось, и русские успели создать новый фронт под Москвой. Время становилось решающим фактором; под прикрытием героически сражающихся и гибнущих армий вывозились на восток военные заводы.

Гитлер считал, что достаточно захватить Донбасс, Ленинград и Харьков – и Советский Союз лишится своей военной промышленности, своих огромных танковых заводов. 24 октября танки Клейста ворвались в Харьков, и танкисты увидели горящие развалины завода им. Коминтерна. Немецкое командование объявило, что завод захвачен и уничтожен, но в действительности русские успели вывезти все оборудование. Одновременно шла эвакуация ленинградского Кировского завода; немецким войскам удалось перерезать железную дорогу, конструкторов и рабочих вывозили из блокированного города самолетами.

Несмотря на мужественное сопротивление советских армий, германские войска одерживали новые победы. К ноябрю 1941 г. немцы взяли в плен около 4 млн человек; танки Гудериана и Гота вплотную подступили к Москве – и тут началась распутица. Автоколонны с войсками, боеприпасами и топливом беспомощно застряли на дорогах; налаженное взаимодействие с пехотой расстроилось. Гудериан собрал остатки топлива и бросил 700 танков в обход Москвы с юга, но здесь его ждал новый сюрприз. 6 октября передовая немецкая бригада встретилась под Мценском с русскими танками; едва ли не впервые с начала войны танки Гудериана сошлись в открытом бою с Т-34 – и оказалось, что их пушки не в состоянии пробить броню советских танков. Советские танкисты искусно маневрировали на поле боя; за сутки немцы потеряли около 100 машин. «Они кое-чему уже научились, – писал Гудериан. – Это было душевное потрясение...» Тем не менее у Гудериана было численное превосходство. 30 октября немецкие танки подошли к Туле – и тут началась зима. Новое оружие выпало из рук Германии: моторы танков не заводились, самолеты не могли подняться в воздух, автотранспорт остановился, поставка горючего прекратилась. Победный марш танковых армий закончился тем, что *боеприпасы доставляли на фронт в санях*. Гудериан был в отчаянии: «Наши войска испытывают мучения, наше дело находится в бедственном состоянии...», – писал генерал.

На смену войне моторов пришла война людей – и оказалось, что завоеватели – это отнюдь не «сверхчеловеки». 17 ноября войска Гудериана впервые охватила паника – целые полки в ужасе бежали от контратаки русских. Вскоре началось большое советское наступление, и Гудериан вопреки распоряжению фюрера приказал отходить. Гитлер находился в далекой Пруссии, он не понимал, что происходит, он приказывал наступать на Москву. 20 декабря Гудериан прибыл в ставку, чтобы объяснить фюреру, что у него уже нет нового оружия, что время блицкрига – это лето, а теперь настала зима. Гитлер не хотел ничего слушать, он был в

ярости, он отправил в отставку Браухича и трех командующих группами армий, а затем и Гудериана.

Зима дала России столь необходимую передышку. Для того чтобы отразить врага, нужно было восстановить танковые войска и научиться использовать новое оружие. Эвакуированный завод им. Коминтерна был объединен с Уралвагонзаводом и размещен в Нижнем Тагиле; было освоено производство танков на Уралмаше. Ленинградский Кировский завод был размещен под Челябинском на площадке тракторного завода; десятки тысяч рабочих днем и ночью строили знаменитый Танкоград – огромный комбинат по производству танков. «Еще не успели сделать крышу, как ударили морозы, – вспоминал начальник одного из цехов. – В сборочном цехе под корпусами танков разводили костры; из-за холода к броне нельзя было прикоснуться – жгло руки. Но танки, несмотря ни на что, собирались». Это была битва в тылу, почти такая же, как на фронте. Рабочие жили в холодных землянках и валились с ног от дистрофии; не хватало опытных станочников, и в пополнение на заводы направляли необученных юношей и девушек. «Девчатам, присланным из Мордовии, было 16–18 лет, – вспоминал один из конструкторов. – Одетые в жупаны, подпоясанные кушаками, в лаптях, они выглядели весьма живописно в грохоте и движении цеха...» Конструкторы работали круглосуточно. «В одной из комнат КБ были поставлены койки, время от времени можно было прикорнуть. Чертежи с досок шли прямо в цеха». «Мы были тогда тощими от скудного питания, – писал Б.Е. Патон, будущий академик, – но готовыми к творчеству и дерзаниям, умели шутить и не падали духом даже в самых тяжелых условиях».

Советские конструкторы одержали новую победу над немецкой инженерной школой. Была освоена штамповка танковых башен, термическая обработка деталей токами высокой частоты, отливка деталей в металлических формах, автоматическая сварка брони; в конечном счете все это позволило наладить поточное производство танков – такого еще не было нигде в мире. Когда Гитлеру сообщили, что в России производят 700 танков в месяц, он в гневе закричал: «Не верю!» – в Германии производили вдвое меньше. В действительности поточное производство давало не 700, а 2 тыс. танков в месяц; за 1942 г. советская армия получила 24 тыс. танков! К тому же большинство этих танков – это были лучшие в мире танки Т-34, предмет злой зависти немецких танкистов. Всему этому, действительно, трудно было поверить; находившаяся на грани гибели Россия снова становилась сильнейшей танковой державой. В течение 1942 г. были созданы 28 танковых корпусов и две танковые армии; это была армада, которая должна была остановить блицкриг.

С наступлением лета германская армия вновь обрела свое казавшееся непобедимым оружие и перешла в наступление; советские армии были окружены под Харьковом, 800 танков Гота прорвались к Дону. В начале июля Жуков бросил навстречу армии Гота пять танковых корпусов, более тысячи танков. Но Гот уклонился от боя, повернул на юг и заслонился от контрудара пехотными дивизиями. Русские танковые корпуса вступали в бой по отдельности, без поддержки авиации, управление многими частями было потеряно – и контрнаступление захлебнулось. Эти бои показали, что недостаточно иметь много танков, нужно освоить тактику блицкрига, научиться воевать так, как воевали Гудериан и Гот. Немецкие танковые армии продолжали свое победное шествие, они прорвались на Кавказ и вышли к Волге у Сталинграда. Однако в Сталинграде германская армия втянулась в затяжные бои; тем временем Жуков готовил новый танковый удар. На этот раз все было рассчитано правильно. 19 ноября 1942 г. шесть корпусов, около тысячи танков, прорвали немецкий фронт севернее и южнее Сталинграда, за четыре дня прошли 150 километров и соединились в районе Калача. Это был первый русский блицкриг; в кольце окружения оказалось более 300 тыс. солдат армии Паулюса. Гитлер был в ярости: он понял, что русские тоже обладают новым оружием – и благодаря Т-34 их оружие сильнее немецкого. Танковая армия Гота рванулась к Сталинграду, но в 40 километрах от города, на реке Мышкова, немецкий танковый клин был встречен русскими танками и пехотой. Армия Гота была отброшена; Россия остановила волну немецкого нашествия.

* * *

Как выглядит Великая Война с точки зрения историка, желающего понять глубинную связь событий? Существует концепция, которая может оказаться полезной в раскрытии этой связи. Эта концепция – диффузионизм. Как известно, создатель теории диффузионизма Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра. Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, **фундаментальных** открытий. В общем смысле, **фундаментальные открытия** – это открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Это могут быть открытия в области производства пищи, например domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть **новое оружие**, позволяющее раздвинуть границы обитания

за счет соседей. Эффект этих открытий таков, что они дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Завладев новым оружием, он начинает расселяться из мест своего обитания, захватывать и осваивать новые территории. Это продвижение приобретает характер *волны завоеваний*; народы, подвергшиеся нашествию, либо истребляются, либо подчиняются пришельцам и становятся их рабами и данниками.

Первой исторически зафиксированной волной завоеваний было великое арийское нашествие. Арии заняли Восточную Европу, прорвались на Ближний Восток, завоевали часть Индии и Ирана. Первопричиной этой грандиозной волны было изобретение боевой колесницы; боевая колесница была *фундаментальным открытием* ариев, их всепобеждающим новым оружием. Другой пример фундаментального открытия – освоение металлургии железа. В середине VIII в. ассирийский царь Тиглатпаласар III создал тактику использования железа в военных целях – он создал вооруженный железными мечами «царский полк». Это было фундаментальное открытие, за которым последовала волна ассирийских завоеваний и создание великой Ассирийской державы. Ассирийская держава погибла в конце VII в. до н. э. в результате нашествия мидян и скифов. Скифы были первым народом, научившимся стрелять на скаку из лука и передавшим конную тактику мидянам и персам. Появление кавалерии было новым фундаментальным открытием, вызвавшим волну завоеваний, результатом которой было рождение мировой Персидской державы. Персов сменили македоняне, создавшие македонскую фалангу – новое оружие, против которого оказалась бессильна конница персов. Фаланга воочию продемонстрировала, что такое новое оружие – до тех пор мало кому известный малочисленный народ внезапно вырвался на арену истории, покорив половину Азии. В начале II в. до н.э. македонская фаланга была разгромлена римскими легионами – римляне создали маневренную тактику полевых сражений; это было еще одно фундаментальное открытие – ведь новым оружием может быть не только собственно вооружение, но и новая военная тактика.

Не следует думать, что волны завоеваний были реальностью лишь древнего мира или средних веков – это была реальность всей мировой истории. Европейцы потеряли ощущение этой реальности лишь потому, что в XVIII–XIX вв. волны нашествий исходили из Европы. Фундаментальным открытием XIX в. было нарезное огнестрельное оружие; это открытие стало достоянием сразу нескольких стран Европы, поэтому волна завоеваний ушла в Азию и Африку – она привела к созданию колониальных империй. Многие народы Азии и Африки были обращены в ра-

бов «белого человека» – потому что новое оружие во все времена несло побежденным рабство.

Таким образом, культурно-историческая школа представляет историю как *динамичную картину волн завоеваний, порождаемых происходящими в разных странах фундаментальными открытиями*. По существу, речь идет о *технологической интерпретации* исторического процесса, о том, что исторические события определяются ничем иным, как развитием техники и технологии – и в особенности *военной техники*.

Теория диффузионизма утверждает, что фундаментальные открытия и волны завоеваний являются главными движущими силами истории – хотя, конечно, не единственными движущими силами. Эта теория позволяет сравнивать ход событий в различные исторические эпохи, находить общее и особенное. Она дает новую интерпретацию истории Второй мировой войны, которая позволяет объяснить некоторые моменты, вызывающие недоумение историков – странные ошибки политических деятелей; удивительные победы вермахта, агрессивность германской политики и забвение Гитлером моральных норм. Но, самое главное, она позволяет осознать суть событий – осознать величие подвига народа, который остановил войну.

ПУТЬ НА РОДИНУ: РЕПАТРИАЦИЯ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН В 1944–1946 ГОДАХ

*О.В. Буцко**

(Украина)

Более 50 лет прошло с начала процесса возвращения на Родину миллионов людей, попавших в плен к гитлеровцам в период Великой Отечественной войны. насильственно вывезенных на принудительную работу в Германию, беженцев, оказавшихся за пределами родины, а также многих граждан, чьи судьбы настолько неординарны, что они вряд ли попадают под какую-либо определенную категорию.

В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по делу главных немецких военных преступников указывалось, что только из Советского Союза германские оккупационные власти отправили в рабство 4 978 000 лиц гражданского населения¹. Количество же украинских граждан, угнанных в Германию, составило 2,4 млн человек².

Решение о возвращении советских граждан, оказавшихся за пределами страны, советское правительство приняло 4 октября 1944 г. Большинство репатрируемых было возвращено на родину в начале лета 1945 г., а к началу 1946 г. всеобщая репатриация затормозилась. В январе 1946 г. – мае 1947 г. было репатрировано всего несколько тысяч человек, что составило незначительную долю от общего числа оставшихся на Западе советских граждан.

Следует отметить, что советское правительство считало всех советских граждан, временно вышедших из-под его контроля, предателями, независимо от обстоятельств, которые привели их за границу, и независимо от того, как вели себя эти люди в той далекой стороне.

Особенно это касалось советских военнопленных. Отношение к ним, как к изменникам, определилось еще задолго до нападения Германии на СССР. Более того, на практике это отношение проявилось еще в ту пору, когда Советский Союз и нацистская Германия были «союзниками». После «зимней» войны, в марте 1940 г., советские пленные, захваченные финнами, были отправлены на родину. Проществовав по улицам Ленинграда под

* Буцко Ольга Владимировна, кандидат исторических наук. Институт истории Украины НАН Украины.

восторженные крики толпы и пройдя под аркой, украшенной надписью «Родина приветствует своих героев», они промаршировали напрямик на вокзал, где их посадили в вагоны и отправили в лагерь.

Во время Великой Отечественной войны отношение к гражданам, попавшим в руки врага, еще более ужесточилось. Хорошо известен приказ № 227, где советским гражданам предписывалось при угрозе сдачи в плен кончать жизнь самоубийством, а также приказ № 270, в отношении семей военнослужащих, оказавшихся в плену. Аналогичные приказы издавались в 1943–1944 гг. с некоторыми изменениями в связи с текущими задачами. Красноармейцам, оказавшимся после освобождения из немецкого плена у англо-американцев, указывали на эти приказы как на неопровержимое доказательство того, что им уже давно вынесен заочный приговор. Таким образом, советские намерения были хорошо известны как союзникам, так и пленным.

Отношение к военнопленным у Сталина не изменилось даже тогда, когда его сын Яков попал под Смоленском в руки фашистов. Немцы несколько раз пытались обменять Якова сначала на незначительных лиц, а затем и на фельдмаршала фон Паулюса. В отношении этого факта Сталину предписывают фразу: «Я солдат на генералов не меняю». Наконец, Гитлер, не чуждый в отличие от Сталина родственных чувств, предложил обменять Якова на своего племянника Лео Раубаля, попавшего в плен под Сталинградом. Сталин опять-таки ответил отказом.

Система административных мер по репатриации строилась в полном соответствии сталинскому пониманию людей, ухитрившихся краешком глаза взглянуть на жизнь за пределами шестой части суши. После официального объявления о создании репатриационной комиссии советские уполномоченные приступили к своей работе практически во всех странах Европы. Возглавивший аппарат советских уполномоченных генерал-полковник Ф. Голиков был фигурой, на наш взгляд, довольно неподходящей для такой миссии. Ведь с точки зрения советских руководителей все советские солдаты, попавшие в руки врага, заслуживали сурового наказания – ибо в плен их могла привести либо трусость, либо нерадивость. Не странно ли, что руководство репатриационными операциями Сталин поручил далеко не самому радивому полководцу, на ком, кстати, лежала вина за неподготовленность СССР к войне, вследствие чего в первую очередь и попало в 1941 г. в плен большинство советских солдат. Впрочем, роль самого генерала Голикова, как и всех советских уполномоченных по репатриации, была не столь значительна, как это может представляться. Большую часть работы выполняли Главное управление

контрразведки – за границей, и НКГБ – внутри страны. Действовали они по-разному: открыто, через своих аккредитованных представителей, и тайно, через секретных сотрудников, внедренных или завербованных среди военнопленных.

Информаторы составили списки тех, кто не желал репатрироваться, сообщали о настроении обитателей лагерей, выявляли тех, кто пытался скрыть свое советское гражданство. Для тех же, кто был признан советским гражданином, судьба была определена. По крайней мере, до 1946 г. англо-американская союзническая администрация выдавала их без особых усилий на то советских сотрудников репатриационной миссии. Задача же последних сводилась в то время в основном к тому, чтобы склонить максимальное количество пленных к «добровольному» возвращению на родину. К марту 1946 г. было репатрировано 4 199 488 советских людей, в том числе 2 654 188 гражданских и 1 545 303 военнопленных. Из них граждан украинской национальности было репатрировано всего 1 650 343 человека³.

Следующим шагом НКВД в работе с репатриантами был прием их в СССР. Для этих целей была создана целая сеть проверочно-фильтровочных пунктов. Комиссии по проверке должны были разделить советских граждан условно на три категории. В первую входили те, кого считали врагом советской армии – прежде всего власовцы и бандеровцы. Вторая обозначалась как «относительно чистая» – туда входили те, кого нельзя было доказательно обвинить в сотрудничестве с врагом. И, наконец, третья состояла из людей, чья лояльность к советскому режиму была очевидна. Но из-за сложности и большого объема проверочной работы часто возникала неразбериха, люди попадали не в те категории, с наказанием тоже случались накладки. Огромное количество репатрированных оказались в исправительно-трудовых лагерях Сибири, Урала, Казахстана. Впрочем, история репатриантов в исправительных лагерях – это история ГУЛАГа, описанная в книге А. Солженицына. Трудно сейчас сказать, хотя бы с приблизительной точностью, число репатрированных, влившихся в 20–25-миллионное население лагерей того времени.

По сведению западных источников, из 5,5 млн советских людей, вернувшихся после репатриации на родину: 20% – расстреляны или осуждены на 20 лет лагерей; 15% – осуждены на 5–10 лет лагерей; 10% – высланы в районы Сибири не менее чем на 5 лет. 15% – посланы на принудительные работы в Донбасс, Кузбасс, другие районы, наиболее пострадавшие от войны. Вернуться домой им разрешили только по истечению срока: 15–20% – вернулись домой⁴.

Эти весьма приблизительные данные не дают при сложении 100%. Вероятно, недостающие 15–20% – это люди, скрывшиеся уже в СССР, умершие в дороге или бежавшие.

Однако трагедия репатриантов – гулаговцев – не должна заслонить судьбы тех людей, в отношении которых не было предпринято репрессивных мер, но жизнь которых не была выслана и цветами.

«Забота» о репатриантах началась с постановления Государственного Комитета Оборона за № 6457 от 24 августа 1944 г. «Об организации приема возвращающихся советских граждан, а также по различным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей»⁵.

Во исполнение этого постановления в Украине при Совете Министров был образован специальный отдел по делам репатриации, возглавлять который был назначен М. Зозуленко⁶. Координатором между украинским уполномоченным и уполномоченным СНК СССР по делам репатриации выступал специально присланный из Москвы представитель уполномоченных при Совнарком союзной республики⁷.

Осенью на территории УССР стали образовываться первые областные приемно-распределительные пункты. В связи с массовым поступлением репатриантов Совнарком УССР неоднократно принимал решения об организации дополнительных пунктов, изменении их дислокации, а также о ликвидации некоторых пунктов.

На 1 января 1946 г. областными приемно-распределительными пунктами были приняты 991 919 репатриантов, из них: мужчин – 367 903, женщин – 624 016, детей от 16 лет – 66 169 человек, в том числе репатриантов – трофейников – 463 082 человека⁸.

Областные приемно-распределительные пункты для репатриантов были последним «чистилищем» перед входом в «рай». Первые же испытания для них начались на сборно-переселенческих пунктах НКВД: Львовском, Рава-Русском, Ковельском, Владимир-Волынском, Самборском, Коломыйском, Брестском, Гродненском, Волковистском, Унгенском. За период с 1 июля 1945 г. до 1 января 1946 г. они приняли 1 334 425 человек репатриированных, в том числе гражданского населения 1 128 561. Из указанного количества репатриированных советских граждан было отправлено на Украину 565 684 человека, в том числе 175 777 мужчин, 352 793 женщины и 37 114 детей⁹.

Следующим шагом по пути возвращенных на Родину репатриантов стали проверочные пункты НКВД СССР. На территории Украины ими были: Ковельский, Владимир-Волынский, Мостицкий, Харьковский, Одесский, Черновицкий и Болградский. За пе-

риод своей работы опять-таки на 1 января 1946 г. они приняли 193 207 репатриированных граждан, из которых 103 983 были отправлены на Украину¹⁰. Некоторые сведения о прохождении репатриантами проверочно-фильтровочных пунктов НКВД дают основания утверждать, что многие из них так и не добрались до своих родных мест. Вот, например, итоги работы Хировского ПФП с 1 января по 20 сентября 1945 г. Всего поступило на ПФП – 49 773 человека. Убыло – 44 574, к месту постоянного жительства – 38 310, в том числе на Украину – 26 849, переданы в военкоматы – 4599, направлены в следственные органы – 138, переданы на специальные поселения – 190, находятся на ПФП – 5598¹¹.

Количество и дислокация проверочно-фильтровочных пунктов, как, впрочем, и приемно-распределительных пунктов, за время репатриационного процесса несколько раз менялось. Состояние же пунктов было отражено в отчетах заведующего отделом СНК Зозуленко. Как наиболее показательные фигурировали Рава-Русский и Яворский. Так, Рава-Русский ПФП был размещен в двух зданиях, общей вместительностью в 1500 человек в сутки. Санпропускники (с дезкамерами) были на обоих ПФП. Прибывающие граждане должны были проходить медицинский осмотр и, если требовалось – лечение¹². Необходимым условием существования любого ПФП было, конечно, наличие «Ленинской комнаты» со всем арсеналом советской пропаганды. Здесь проводились лекции, беседы на хорошо известные нам темы, типа: «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор всех наших побед». Сюда ежедневно привозились свежие газеты, журналы, иногда крутились фильмы «Зоя Космодемьянская», «Ленин в Октябре», «Радуга» и другие полюбившиеся советским зрителям картины. Но это, конечно, в идеале. Подобная «роскошь» большинству проверочно-фильтровочных пунктов была не по карману.

Что касается областных приемно-распределительных пунктов, то они, как правило, были расположены вблизи железнодорожных станций, часть из которых находилась в зданиях самих вокзалов, и, как отмечали работники органов репатриации, имели вполне пригодные помещения, емкостью от 100 до 1000 человек.

Необходимо отметить, что смертность среди репатриированных была достаточно высока. Невзгоды, которые им пришлось перенести на чужбине, тяжелые условия переезда, массовые скопления людей на сборных пунктах, в результате чего нередко вспыхивали эпидемии, привели к тому, что только на областных распределительных пунктах с начала их работы до 1 января 1946 г. зарегистрирован 361 смертный случай¹³.

В целях улучшения постановки работы органов репатриации, а также подготовки к приему и трудоустройству репатриированных граждан в условиях осени-зимы 1945/46 г., в конце 1945 г. было проведено два всеукраинских совещания работников органов репатриации с участием проверяющих из Москвы, представителей наркоматов здравоохранения, просвещения, торговли, заведующих отделами репатриации, а также начальников проверочно-фильтровочных и приемно-распределительных пунктов.

Данные отчетов раскрывали ужасающее состояние проверочно-распределительных пунктов, в которых, в отдельные месяцы, скапливалось по несколько тысяч репатриантов. Здания ПРП находились в аварийном состоянии, не были укомплектованы мебелью, бельем. На многих ПРП отсутствовали столовые и медицинские пункты. Материальные средства, выделенные для оказания помощи остро нуждавшимся, не были израсходованы лишь потому, что наличие их не было доведено до сведения репатриантов. Эти замечания особо характерными были для Полтавской, Одесской, Гребенковской, Мироновской и некоторых других ПРП¹⁴.

Проверяющими из Москвы были отмечены недостатки в политико-просветительской работе среди репатриантов на распределительных пунктах. Поскольку это считалось настоящим криминалом, ответственные работники органов репатриации, а также начальники сборно-распределительных пунктов немедленно бросались исправлять именно эти «недостатки».

На проведение политико-разъяснительной работы СНК Украины отпустил за счет республиканского бюджета 1 млн руб. Средства, которые могли бы пойти на обустройство приемных пунктов, обеспечение питанием, были израсходованы на приобретение газет, плакатов, портретов вождей и различные политико-агитационные мероприятия.

За время работы органов репатриации на сборно-пересылочных, проверочно-фильтрационных и областных приемно-распределительных пунктах было проведено 2427 митингов, прочитано 2686 докладов, 1577 лекций, бесед – 52 264, читок газет – 25 932, политинформаций – 1602, организовано киносеансов – 4226, дано 2873 концерта, проведено 154 вечера молодежи¹⁵.

Но никакие лекции, беседы, концерты не могли заменить репатриантам элементарных удобств, которых они были лишены, а также простого человеческого участия и заботы со стороны советской администрации. Примером тому, каковым на самом деле было положение репатриантов, может служить Владимир-Волынский, Рава-Русский и некоторые другие сборно-переселенческие пункты.

На Владимир-Волыньском пункте так же, как и на Рава-Русском, не была организована раздача горячей пищи, поскольку отсутствовали кухни. Личный состав многих пунктов был не укомплектован. А уже имеющиеся единицы из офицеров и солдат тщательно не отбирались, и как результат – слабая дисциплина, пьянки, драки, воровство.

Так, 17 июня 1945 г. старший лейтенант Кобылянский украл у репатриантки чемодан. Рядовые Миронов и Тютюшин, будучи пьяными, на машине сбили двух лошадей, ранили возчика. 29 июля бойцы, охранявшие склады пункта, сами же и обокрали эти склады¹⁶.

Нередки были случаи ночных краж и избиение репатриированных. Несмотря на усиление патрулей, организацию самообороны, такие случаи продолжались. Пойманные нарушители после ночной отсидки на гауптвахте обычно отпускались. Ни одного показательного суда в присутствии репатриированных проведено не было.

Случаи краж, мародерства, насилия, а также ужасные бытовые условия отрицательно влияли на морально-психологическое состояние репатриантов. О своем бедственном положении, полной бесперспективности дальнейшего существования некоторые из них, по своей наивности, писали своим родственникам, проживающим на Украине. Военная цензура НКГБ УССР бдительно следила за такой корреспонденцией, и только в период с 1.11. по 15.12.1945 г. выявила 88 писем с жалобами репатриированных, находившихся на Владимир-Волыньском и Ковельском пунктах¹⁷. Репатриированные в своих письмах сообщали, что в лагерях они живут в невыносимых условиях. Вот что пишет, например, респондент в письме к некоему Комарову в Краснодарский край (Гулькевичский район, с. Ново-Украинка): «...Живем в землянках. Сыро. Холодно. А еще крадут ужасно. Ночью приходят военные, наставляют оружия и забирают все, что хотят. Жаль, что я не погибла в Германии, здесь бы не мучилась»¹⁸.

Измученные люди мечтали только об одном: как можно скорее добраться домой. Однако только немногим из них удавалось без особой задержки на сборно-пересыльных пунктах следовать дальше. Дело в том, что репатрианты к месту своего постоянного жительства отправлялись в основном железнодорожным транспортом. Но никакого планового, организованного характера это мероприятие не носило. Когда еще шли военные действия, транспорт был подчинен военным нуждам. То небольшое количество вагонов, в которые буквально впихивались сотни людей со своим имуществом, были «выбиты» измором у начальников железнодорожных станций референтами по отправке ре-

патриированных. Несмотря на неоднократные жалобы по этому поводу уполномоченных в Министерство транспорта, существенных результатов в течение репатриационного процесса добиться так и не удалось. Поэтому в своей практической работе областные приемно-распределительные пункты для отправки репатриированных использовали авто- и гужевой транспорт. Однако и с ним, особенно в летнее время были сложности, т.к. и машины, и лошади были задействованы на вывозе хлеба к ссыльным пунктам.

Те репатрианты, которые, наконец, после долгих мытарств, добрались до родных мест, размещались в основном на жилплощади своих семей, родственников или знакомых. Но многие репатрианты столкнулись с тем, что их дома были разрушены, разграблены или заселены посторонними людьми. Нередко разбирательство шло месяцами, и репатрианты вынуждены были скитаться по соседям или снимать за большие деньги квартиры. Но их средства были ограничены, и в скором времени они снова оказались на улице. Нельзя сказать, что обкомы и райкомы были совершенно не готовы к приему репатриированных граждан. Нельзя сказать, что органы власти не оказывали на местах посильной помощи наиболее нуждавшимся. Однако, поскольку учет угнанного населения начался только с 1944 г., расчеты по количеству потенциальных репатриантов затянулись, и многие возвратившиеся граждане остались на долгое время без жилья. Были, правда, примеры и своевременной подготовки жилищного фонда для репатриантов. В Сталинской области на 1 октября 1946 г. для репатриантов отремонтировали 1761 квартиру, 316 домов, а также вновь построили 3 дома¹⁹.

Проблема трудоустройства встала перед репатриантами сразу же после прибытия на место постоянного жительства. Но т.к. рабочих рук в стране не хватало, можно сказать, что эта проблема, в общем, была решена. Однако это не означает, что все были удовлетворены своим трудоустройством. Из 523 529 человек, возвратившихся в Украину к 1 ноября 1945 г., 448 764 репатрианта были трудоустроены, в том числе в промышленности – 85 414 человек, в сельском хозяйстве – 854 426, в советских и хозяйственных организациях – 8924 человека. Нетрудоустроенными остались 33 670 человек²⁰. В последней группе было немало физически ослабленных, беременных или женщин с грудными детьми. Вернувшись на родину, большинство репатриантов трудоустраивались сами, по своей прежней специальности, и часто на прежние места работы. Отделы по делам репатриантов содействовали трудоустройству только в тех случаях, когда репатрианты сами обращались за помощью. Местные органы не оказывали никакого со-

действия в этом вопросе. Поэтому указанные цифры по трудоустройству репатриантов отражают в большинстве случаев число самоустраившихся. Причем вследствие отсутствия точных сведений в отношении трудоустройства некоторых категорий были поставлены ориентировочные цифры на основании прежней профессии репатрианта. Репатрианты, как правило, вскоре проявили себя отличными работниками, дисциплинированными и грамотными, как писали в характеристиках, являлись образцами трудовой дисциплины и высоких производственных показателей. По Кировоградской области, например, в промышленности, сельском хозяйстве и учреждениях из 14 861 репатриированных 571 человек был стахановцем и 5278 – ударниками социалистического труда.

В условиях тяжелейшей послевоенной разрухи все советские граждане испытывали огромные трудности в повседневной жизни, быте. Все это прекрасно понимали репатрианты. Единственное, чего они не могли и не желали понимать, – это грубость, безразличие, а порой и преступное отношение к себе со стороны военных, партийных и советских органов, с которыми им пришлось столкнуться с самого начала своего пути на Родину. Примером огульного недоверия к репатриантам может служить заявление секретаря по кадрам Синельниковского РК КП(б)У (Ворошиловская область) Шестопалова, который сказал: «Это предательство. Кто не хотел, тот не уехал. Они добровольно выехали в Германию»²¹. Сами репатрианты редко вступали в дебаты с людьми, настроенными против них негативно. Свои обиды они высказывали в основном в письмах. Бдительные органы НКГБ регулярно просматривали почтовую корреспонденцию, исходившую от репатриантов. Как выявила военная цензура НКГБ УССР, практически все 44 письма²², написанные в сентябре 1945 г. репатриантами, проживавшими в Кировоградской и Днепропетровской областях, содержали в себе отрицательные настроения, жалобы, недоумения.

По состоянию на 10 января 1946 г. фильтровочными комиссиями НКВД-НКГБ УССР было учтено 730 112 репатриантов. Проверено ими 347 429 человек, среди которых было выявлено большое количество «враждебных элементов». Как было сказано в докладной записке, «проживая на временно оккупированной территории, эти люди занимались пособничеством и предательством, активно помогали оккупантам в выявлении и арестах партийно-советского актива и партизан»²³.

Многие из них служили на разных должностях в административных и карательных оккупационных органах, принимали личное участие в арестах, расстрелах и ограблениях украинских граждан. Теперь же, вернувшись, так сказать «на место преступления»

ния» и чувствуя свою вину, эти лица изменяли фамилии, места проживания и т.д.

Однако не многих спасла такая конспирация. В результате фильтрации и оперативных мероприятий НКВД–НКГБ УССР на 1 февраля 1946 г. было арестовано 3848 репатриантов, из них:

Органами НКВД арестовано 2255 человек: а) предателей и изменников Родины – 1195 человек; б) пособников немецких оккупантов – 775; в) участников военных формирований – 83; г) прочих антисоветских элементов – 1793.

Органами НКГБ арестовано – 1793 репатрианта:

а) агентов других иностранных разведок – 105; б) диверсантов – 23; в) участников антисоветских организаций – 327; г) прочих антисоветских элементов – 216²⁴.

Трудно сказать, какова была дальнейшая судьба этих людей. Информация о них ограничивается лишь скухими данными об их преступной деятельности, однако, зная о «крутых мерах» органов НКГБ, можно предположить, что они получили по немалому сроку и отбывали наказание далеко от места своего прежнего проживания.

Практически все репатрианты находились под бдительным оком НКГБ. Многие из них вынуждены были в течение ряда лет постоянно отмечаться в местных органах госбезопасности и не имели возможности выехать куда-либо в другое место. Даже те репатрианты, которые ни в коей мере не запятнали себя во время пребывания в Германии, постоянно ощущали недоверие, подозрительность со стороны начальства и местного населения. Долгое время не был разорван круг недоверия к этим людям. Вот свидетельство очевидца Р.И. Кондакова, испытавшего участь раба третьего рейха и бывшего узника фашистского лагеря на острове Олдерни: «После Олдерни много еще в жизни было такого, о чем можно рассказывать, – и участие во Французском Сопротивлении, и радость Победы, и послевоенная разруха, и растянувшееся на долгие годы чувство неполноценности из-за недавнего прошлого. Тогда даже само слово «репатриант» казалось чуть ли не синонимом «врага народа»²⁵.

Для нашего общества восстановление законных прав бывших репатриантов не только политическая, но и большая нравственная проблема, которая до самого последнего времени так и не была решена в полной мере. Только спустя 50 лет после Победы в войне против фашизма вышел Указ российского президента «О восстановлении законных прав бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

Минувшая война, которую мы справедливо именуем Отечественной, принесла неисчислимые горе и страдания миллионам людей. Исследования различных периодов и аспектов этой войны, достоверное и непредвзятое изложение материала, а также меры правительства по возвращению честного имени сотням тысяч советских граждан – это еще одно веское доказательство тому, что для нас не пустые слова – «Никто не забыт, ничто не забыто».

- ¹ Нюрнбергский процесс: Сб. мат-лов в 8-ми томах. Т. 4. М., 1990. С. 84.
- ² *Коваль М.В.* Україна в другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999. С. 183.
- ³ *Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. № 4. С. 34–35.
- ⁴ *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996. С. 469.
- ⁵ Центральный государственный архив военных органов Украины. Ф. 2. Оп. 7. Д. 1726. Л. 1. (Далее: ЦГАВО Украины).
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 20. Л. 35. (Далее: ГАРФ).
- ⁷ Там же. Л. 17.
- ⁸ Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2614. Л. 18. (Далее: ЦГАООУ).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 19.
- ¹¹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 7. Д. 3025. Л. 132.
- ¹² Там же. Д. 1728. Л. 17.
- ¹³ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2614. Л. 21.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 63. Л. 239, 240.
- ¹⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2614. Л. 32.
- ¹⁶ Там же. Д. 1480. Л. 61.
- ¹⁷ Там же. Л. 260.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 7. Д. 4238. Л. 33.
- ²⁰ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1480. Л. 22.
- ²¹ Там же. Л. 206.
- ²² Там же. Д. 1478. Л. 24.
- ²³ Там же. Д. 2614. Л. 2.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Кондаков Р.И.* Жить без клейма // Известия. 1991. 22 марта.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛИТВЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1952)

*В. Кашаускене**

(Литва)

Главным политическим результатом Второй мировой войны для литовского народа была потеря независимости Литвы и включение ее в состав СССР. Вступление Красной Армии на территорию Литвы летом 1940 г. сопровождалось репрессиями и депортацией, советизацией государственной и общественной жизни. Война между СССР и Германией была отмечена дальнейшими разрушениями и демографическими утратами. Во время войны на всей территории Литвы происходила интенсивная миграция. Осенью 1939 г. многие поляки и евреи, спасаясь от нацистов, искали убежище в Литве. Немецкая оккупация сопровождалась истреблением еврейского населения Республики. Погибло 90–94% евреев Литвы². Во время войны существовал самостоятельный и принудительный людской поток из оккупированной Литвы в Германию. Ловля и вывоз людей на работу в Германию усилились в конце 1941 г., и особенно после поражения немцев под Сталинградом в начале 1943 г. За годы гитлеровской оккупации в Германию было вывезено около 70 тыс. граждан Литвы³. Интенсивно шло переселение германских колонистов на территорию Литвы. Только до 11 ноября 1943 г. в Литву прибыло 5650 немецких семей, которым были переданы лучшие земли⁴. В начале июля 1944 г. в Литве проживало около 30 тыс. немцев рейха и около 5 тыс. лиц немецкого происхождения⁵. Таким образом, в конце оккупации в Литве немцев, не считая армии и других военизированных частей, было 35 тыс. Оккупационные власти также перемещали на территорию Литвы людей, в основном стариков, женщин с детьми, из занятых районов России, в основном Ленинградской, Новгородской, Витебской и др. областей. По данным на 3 марта 1944 г., в Литве проживало около 123 тыс. человек из этих областей, так называемых беженцев⁶. В это число не вошли данные о тех эвакуированных людях, которые были помещены в лагеря. Только с лета 1943 до июня 1944 г. через реорганизованный лагерь военнопленных в Алитусе принудительно прошло около 200 тыс. лиц гражданского населения России⁷. К концу вой-

* Кашаускене Ванда, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории Литвы АН Литвы.

ны, осенью 1944 г. около 60 тыс. граждан Литвы, боясь повторения введенного в 1940–1941 гг. советского режима с его последствиями, репрессиями и депортациями, отступили на Запад⁸. Все эти драматические события требуют объяснения.

Литва во время Второй мировой войны и послевоенные годы понесла большие людские потери и претерпела демографические изменения. Некоторые литовские авторы на Западе, по определенной методике, довели демографические потери войны и послевоенного периода (до переписи населения СССР 1959 г.) до одного миллиона⁹. Советскими историками было подсчитано, что во время Второй мировой войны и послевоенные годы погибло или оказалось на чужбине около 850 тыс. жителей Литвы¹⁰. Историки Литвы этой проблемой на основе архивных документов заново начали заниматься только в последнее десятилетие XX в. Уже в годы горбачевской перестройки, когда приоткрылись двери к засекреченным фондам государственных архивов, историки начали ликвидировать так называемые белые и черные пятна в освещении страниц прошлого, особенно тех проблем, которые были под знаком табу или поддавались идеологической интерпретации.

Второе вступление Красной Армии на территорию Литвы летом 1944 г. сопровождалось восстановлением Литовской ССР и одновременно продолжением террора и репрессий, которые усилились по сравнению с 1940–1941 гг. Закрепление границ и политические перемены вызвали большую волну миграции за границу. На основе договора, который был подписан 22 сентября 1944 г. между Литвой в лице председателя СНК Литовской ССР М. Гедвиласа и Польшей в лице председателя Комитета национального освобождения Э. Осубко-Моравского, о переселении литовцев и польских граждан литовской национальности с территории Польши (в случае изъявления ими такого желания) в Литву, а поляков и евреев, проживавших в Вильнюсе, в районах около Вильнюса и в других уездах Литвы и являвшихся польскими гражданами, соответственно в Польшу по их желанию, началась репатриация польского населения с территории Литвы. До 1 ноября 1946 г. в Польшу уехали 171 158 человек (61 127 семей)¹¹. В польской историографии по данным о репатриантах из Литвы это число достигает 178 тыс.¹²

В Польше в начале 50-х годов, по неполным официальным данным, проживало около 10 тыс. литовцев¹³. Однако местных литовцев, желающих перебраться в Литву, оказалось совсем мало. Во-первых, далеко не все хотели бросить хозяйство, многих пугала неизвестность; во-вторых, часть литовцев извлекла урок из печального опыта переезда в Литву в 1941 г., где они были расселены в усадьбах вернувшихся в Германию немцев, а в

начале войны оккупационными властями выдворены или переправлены в Вильнюсский край, где они подверглись беспощадным преследованиям со стороны польской Армии Крайовой; в-третьих, распускались слухи о том, что судьба Вильнюсского края и Сувальского треугольника не ясна, и менять место жительства нет смысла; в-четвертых, те сувальские литовцы, которые владели сравнительно крупными наделами, не хотели переселяться из-за страха перед коллективизацией в Литве. По всем этим причинам агитация представителей Литвы оказалась безуспешной, литовцы не спешили регистрироваться и уезжать. Таким образом, во всем Сувальском крае зарегистрировалось на отъезд в Литву сравнительно мало людей¹⁴.

Осенью 1944 г. началась реэвакуация граждан СССР, привезенных немцами во время войны в Литву, в старые места жительства. Вначале этим делом занимались представители Красной Армии. С 18 августа 1944 по 20 декабря 1944 г. из Литвы было реэвакуировано 52,3 тыс. граждан СССР¹⁵. В 1945–1946 гг. реэвакуацией граждан СССР занимались уже не военные, а представители администрации Литвы. Однако регистрация этих граждан шла неудовлетворительно, ибо они не хотели возвращаться домой. С 10 февраля 1945 г. по 1 января 1946 г. из Литвы выехало в родные места только 15 620 человек¹⁶, остальные отказались.

После войны Клайпеда и ее окружные уезды, где до войны проживало более 150 тыс. человек¹⁷, стали безлюдными. По неполным данным, весной 1945 г. в деревнях этого региона Литвы было подсчитано около 10,4 тыс. человек¹⁸. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. было признано право возвращения в родные места за всеми, кто находился на чужбине, и с 28 января 1945 г. (т.е. с изгнания немцев из Клайпеды) им предоставлялось гражданство СССР. Однако массового возвращения домой не было. За весь репатриационный период с 1945 по 1952 г. в Клайпедский край вернулось около 8 тыс. человек¹⁹. Репатрианты попали в трудные условия жизни, их усадьбы нередко были заняты, устройство на работу также имело проблематичный характер, оно во многом зависело от сотрудников НКВД, которые работали в отделах по репатриации людей. Для заселения Клайпедского края Совмин Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы 20 июня 1945 г. приняли постановление, по которому было намечено переселять людей в Клайпедский, Шилутский и Пагегский уезды из других уездов Литвы. На добровольных началах мало кто направлялся на новые, незаселенные места. Поэтому в 1951–1953 гг. в принудительном порядке, целыми деревнями люди из юго-восточных уездов Литвы перебрасывались в Клайпедский край.

Вторая мировая война рассеяла людей разных национальностей. Литва, находясь на перекрестке двух воюющих держав – СССР и Германии, два раза являлась линией фронта. Миграционные потоки шли по двум направлениям – на Восток и на Запад. В послевоенные годы создалось обширное пространство, в котором возникли определенные условия, оказывающие влияние на направление и масштабы миграционных процессов в Литве. Восстановление «статуса Литвы 1940 г. в составе СССР» открыло границы мигрантам из всего Советского Союза. Эти процессы целеустремленно стимулировались со стороны советской власти, которая питала недоверие к местному населению. Посты в советском административном аппарате Литвы занимали кадры, прибывшие по направлению союзных партийно-советских институций из Российской Федерации и других республик. Некоторые советские люди, спасаясь от засухи 1946 г., искали приюта в Литве. На постоянное жительство в Литву приехали семьи оперативных сотрудников НКВД (МВД), НКГБ (МГБ) СССР и командного состава Красной Армии. Хлеба и приюта в Литве искали также немцы, которые спасались от голода и послевоенных беспорядков в Кенигсбергском крае. Беженцев из Восточной Пруссии в 1948 г. в Литве было около 13 тыс.²⁰

С другой стороны, правительство СССР приложило много усилий для возвращения граждан Литовской Республики, искавших приюта на Западе и находившихся в оккупационных зонах Германии. Однако США, Великобритания, защищая права человека, не разрешили силой вывезти прибалтийцев из оккупационных зон²¹. Правительство СССР так и не смогло добиться соглашения с союзниками о возвращении отступивших в 1944 г. литовцев на Запад. Они не хотели возвращаться по политическим мотивам. За период с 1 июля 1947 г. по 1 февраля 1949 г. из лагерей, перемещенных лиц в Германии, литовцы рассеивались по всему миру. Хотя люди, которые были вывезены в Германию или добровольно туда приехали на работы, а также вывезенные из пограничной зоны, стали возвращаться в Литву. В январе 1945 г. был создан отдел по делам репатриации при Совете Народных Комиссаров Литовской ССР. Репатриация граждан Литовской Республики (уже называемых гражданами СССР) началась из зоны Германии, занятой Красной Армией. Солдаты их собирали в сборно-распределительные пункты, а оттуда переправляли в пункты фильтрации НКВД СССР. До 25 февраля 1945 г. только через проверочно-фильтрационный пункт в Гродно в Литву было направлено 7,4 тыс. человек²². Всего из Германии за 1945 г. прибыло в Литву около 29 тыс. человек, в том числе 4,7 тыс. – в Клайпедский край²³. Но этот людской поток «Запад – Восток» не

дал желаемых результатов, хотя созданные определенные службы усердно работали по этому делу, ведя широкую пропаганду.

Другой людской поток «Литва – Восточные регионы СССР» принял широкие размеры. Вопросы депортации населения Литвы в отдаленные и малонаселенные регионы Советского Союза широкое исследование получили только в годы независимости Литвы. Отдельные газетные публикации по этой проблеме появились уже в 1988–1989 гг., хотя в то время еще не было полного доступа к закрытым фондам основных архивов СССР. Авторы этих статей, не зная основных документов о бесчеловечном отношении сталинского правительства СССР к целым народам, рассматривая депортации как «нарушение принципов национальной политики и социалистической законности», первые сказали правду о массовых депортациях населения Литвы в 1941 г. и послевоенные годы²⁴. Инициатором исследования репрессивными структурами планово проводимого переселения литовцев в Восточные регионы Советского Союза была комиссия по вскрытию сталинских преступлений перед литовским народом, созданная в 1988 г. на общественных началах в Институте философии и права Академии наук Литовской ССР²⁵. Комиссия, в составе которой были историки, юристы, активисты «Саюдиса», поставила в то время непосильную задачу: не имея полного доступа к закрытым фондам архивов, составить именной список депортированных и репрессированных людей Литвы. Комиссия на основе анкет уточняла опубликованные литовскими эмигрантами на Западе данные депортации и списки депортированных. Позже комиссия была реорганизована в Центр исследования репрессий в Литве при Институте философии, социологии и права Академии наук Литвы. Постепенно расширился подход к засекреченным документам репрессивных структур и партийных органов о репрессиях и депортациях. Историки накапливали и включали в научный оборот все новые и новые архивные документы о депортациях²⁶. Таким образом, создавалась документальная база для обстоятельного исследования данной проблемы. В то же время были опубликованы и научные статьи²⁷. Библиографический обзор публикаций в 1988–1992 гг. о депортациях граждан Литвы в 1941, 1945–1952 гг. был представлен более широкому кругу читателей за пределами Республики²⁸.

В эти годы в Литве определились два центра по исследованию обсуждаемой проблемы – Институт истории Литвы (отдел Новейшей истории) и Центр исследования геноцида и репрессий жителей Литвы, преобразованный в 1993 г. из Центра исследования репрессий в Литве при Институте философии, социологии и права. За последнее десятилетие историками этих центров был соб-

ран богатый документальный архивный материал и опубликованы монографии²⁹.

Неоднозначный отклик получил опубликованный Институтом истории Литвы сборник документов «Депортации жителей Литвы в 1941, 1945–1952 годы»³⁰, издание 1994 г. и дополнительное издание 1995 г. под названием «Депортации жителей Литвы в 1940–1941, 1944–1953 гг. в документах советской оккупационной власти»³¹. В этом сборнике опубликованы документы, хранящиеся в архиве МВД Литовской Республики, в Центральном государственном архиве Литвы, в архиве общественных организаций Литвы, в государственном архиве Российской Федерации и в архиве президента Российской Федерации. Это уникальный сборник, имеющий не только научное, но и политико-идеологическое значение. В одном месте собраны разного рода документы: инструкции и планы депортаций, подготовленные НКВД (МВД) и МГБ СССР, карты депортаций, утвержденные командирами подразделений внутренних войск МГБ СССР, планы выселения людей, отчеты МВД и МГБ ЛССР и их уездных отделов, сообщения о проведенных депортациях, о числе выселенных и укрывшихся от депортаций, материалы переписки НКВД (МВД) ЛССР с НКВД СССР о формировании эшелонов, отчеты о кадровом составе сотрудников НКВД, об их участии в депортациях, справки уполномоченных краев и областей НКВД СССР о прибытии на пункты назначения депортированных людей, постановления СМ СССР о депортациях людей из Литвы и аналогичные постановления ЦК КП(б) Литвы и Совета Министров ЛССР, справки уполномоченных ЦК КП(б) Литвы и Совета Министров Литовской ССР о результатах выселения в уездах, справки-отчеты ЦК КП(б) Литвы и Совмина Литовской ССР в ЦК ВКП(б) и Совету Министров СССР о выполнении акций выселения людей и другие документы под грифом «совершенно секретно».

Во-вторых, Центром исследования репрессий в Литве при Институте философии, социологии и права в 1993 г. был опубликован именной список депортированных людей в 1939–1941 гг.³², том первый; в 1999 г. – дополнительное издание³³ Центра исследования геноцида и репрессий жителей Литвы. В 1998 г. вышел том второй, в котором публикуется список депортированных в 1945–1947 гг.³⁴ Департамент информатики и связи МВД Литовской Республики начал издавать алфавитный список (по районам) выселенных людей в 1941, 1945–1953 гг.³⁵ Отдельную группу источников составляют воспоминания ссыльных. В них нашло отражение все пережитое, обиды, дорога в ссылку, жизнь и работа в Сибири.

Как же все происходило на самом деле? Сразу после присоединения Литвы к СССР началась депортация. Еще до включения

Литвы в состав СССР из Республики были высланы политические деятели А. Меркис, Ю. Урбшис с семьями и др. Осенью 1940 г. чекисты ЛССР по приказу НКВД СССР от 11 октября 1939 г. за № 001223 начали подготовку к массовому выселению жителей Литвы. Органам НКГБ ЛССР было поручено составлять списки, заводить учетные дела-формуляры на бывших политических деятелей независимой Литвы, руководителей и активистов политических партий и общественных организаций, высших офицеров литовской армии, служащих государственного аппарата, учителей, предпринимателей, а органам НКВД СССР – на так называемых уголовных элементов и их семьи. 16 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление за № 1299–526 сс «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Зап. Украины и Зап. Белоруссии, Молдавии»³⁶. Выполнять данное постановление было поручено структурам НКВД, НКГБ СССР. Заместитель народного комиссара государственной безопасности комиссар 3-го ранга И. Серов 19 мая 1941 г. подписал инструкцию о проведении операции выселения людей из Литвы, Латвии и Эстонии³⁷. Были определены места ссылки, подготовлены «телячьи вагоны» без света и воды для плановой доставки людей в Сибирь. Во время первой массовой депортации 14–18 июня 1941 г. из Литвы вывезено 17 485 лиц. Из них 12 562 – в места спецпоселений, а 4923 – в лагерь³⁸.

С возвратом советско-тоталитарного режима в Литве в 1944 г. началась подготовка к новым, еще более массовым депортациям. Уже 13 ноября 1944 г. в.и. должность прокурора Литовской ССР Гирько в письме к прокурору СССР К. Горшенину просил усилить борьбу с партизанами, воюющими за независимость Литвы, и репрессировать членов семей активных партизан. В отличие от массовой депортации 1941 г., в первые послевоенные годы (1945–1947), выселения проводились неодновременно и по отдельным уездам. Семьи партизан, ссылаемых по постановлению особого совещания при НКВД–МГБ СССР, этапировали к местам ссылки через тюрьмы или пересыльные пункты. До начала 1948 г. выселения жителей Литвы производились согласно приказам, директивам наркомов (министерств) внутренних дел или госбезопасности СССР или по постановлению особого совещания при НКВД–МГБ СССР. Первыми жертвами послевоенных депортаций стали семьи немцев Литвы. По постановлению комиссара НКВД СССР от 7 февраля 1945 г., 261 семья немцев, в том числе и смешанные семьи (219 мужчин, 372 женщины и 263 детей), были депортированы из Литвы в Таджикскую ССР для сельскохозяйственных работ³⁹. В 1945 г. органы НКВД СССР осуществили 8 депортаций (вывезено около 7,1 тыс. человек)⁴⁰. Советское

правительство, как и до войны, планировало карать литовский народ из-за его любви к своему краю, за его стремление жить вольно и независимо. Это был неоспоримый пример большевистского самоволия. Поиск, по терминологии чекистов, «врагов народа» и их заключения в тюрьмы и лагеря, террор и обман, слежка за людьми и доносы, их подозрительность и страх формировали закрытое тоталитарное общество. Одним из средств борьбы в таком обществе с «классовым врагом» было выселение людей. И это было не отступление от конституционных норм или нарушение (пусть и большевистской) законности, как долгое время утверждалось, а осуществление преступной политики истребления народов. Творцы сталинского порядка сделали то, что не осмеливались делать царские жандармы. Даже во время царизма не был применен принцип коллективной ответственности, когда за одного подозреваемого или провинившегося карали невинных людей и целые народы.

Правительство координировало действия союзных и республиканских министерств и ведомств для трудоустройства депортированных людей в тех местах, где была потребность в малооплачиваемом, неквалифицированном труде. Преступный характер депортационной политики выражался в том, что, во-первых, репрессивными мерами правительство СССР добивалось цели укрепить советскую власть на месте, изолируя членов семей «действующих и потенциальных врагов народа», воюющих против советской власти в Литве, во-вторых, изменить национальный состав населения Литвы при депортации, а в Литву направляя на их место людей из Российской Федерации и других советских республик, в-третьих, труд депортированных людей, как и заключенных, был экономически выгодным для государства, ибо эти люди составили резерв рабочей силы для выполнения пятилетних планов и так называемых коммунистических строек.

С мая 1948 г. депортации жителей Литвы осуществлялись на основании постановлений Совета Министров СССР. В них четко указывалось, какие группы или слои населения следует выселять, число выселяемых, места ссылки, отрасли народного хозяйства, нуждающиеся в рабочей силе. Чаще всего литовцы направлялись на работы в сельское хозяйство (в колхозы и совхозы), на предприятия лесозаготовительной, строительной промышленности. Для организации массовых депортаций (1948, 1949, 1951 гг.), а также выселений в 1945 и 1952 гг. из Москвы были командированы высокопоставленные спецуполномоченные НКВД (МВД) и НКГБ (МГБ) СССР, которые вместе с наркомками внутренних дел и госбезопасности ЛССР составляли детальные планы депортаций, утверждали оперативные карты и схемы. В них приводились

расчеты потребности войск, бойцов истребительных отрядов, совпартактива, определялось необходимое количество подвод, автомашин, ж.-д. вагонов и прочее для проведения депортаций. На картах чекисты обозначали районы дислокации подразделений войск НКВД–МГБ СССР, временные сборные пункты и станции погрузки людей, места формирования эшелонов. В 1945–1951 гг. депортации жителей проводила 4-я дивизия внутренних войск НКВД–МГБ СССР под руководством генерал-майора Ветрова, которая депортировала чеченцев и ингушей (в Литву эта дивизия была переброшена летом 1944 г.), с 1950 г. в этих действиях участвовала и 2-я дивизия. Массовые депортации проводили тысячи карателей – в мае 1948 г. – 41,6 тыс. (из них 23,2 тыс. солдат и чекистов), в марте 1949 г. – 30,5 (из них 13,7 тыс. солдат и чекистов), в октябре 1951 г. – 23,1 (из них 15,1 тыс. солдат и чекистов)⁴¹. Эшелоны к местам поселений сопровождали дивизии конвойных войск МВД СССР.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. за № 417–160 сс (подписано Сталиным), было намечено в мае депортировать 12 тыс. семей из Литвы как рабочую силу для заготовки леса на предприятиях Министерства лесной промышленности СССР: в Красноярский край 6 тыс. и Якутскую АССР 6 тыс. семей⁴². Дата депортирования была намечена – май 1948 г. В соответствии с этим постановлением, ЦК КП(б) Литвы и Совмин Литовской ССР приняли свое постановление от 18 мая 1948 г.⁴³, которым, как бы обходя союзное постановление, побольшевистски, в демагогическом плане, выселение людей рассматривалось как местная инициатива, была утверждена инструкция, как обращаться с имуществом высылаемых людей. Были назначены уполномоченные ЦК КП(б) Литвы и Совмина Литовской ССР, которые отвечали за успешные результаты проводимой акции, извещали о ходе выселения, уведомляли о настроениях населения, организовывали разъяснительную работу в деревнях после проведенной акции. Репрессивные структуры тщательно готовились к проведению намеченной акции депортирования людей. Подготовка велась строго секретно, депортация по-военному была закодирована термином «Весна». Тем не менее люди узнавали о предстоящем выселении из таких примет: на железнодорожные станции прибывали эшелоны с пустыми вагонами, в уездных и волостных центрах концентрировались солдаты Красной Армии, бойцы истребительных отрядов, оперативные работники МВД и МГБ СССР, шли слухи о предстоящей операции, кое-где была утечка секретной информации. 22–27 мая 1948 г. была осуществлена самая большая в истории Литвы депортация, во время которой за несколько дней из Литвы силой было вывезено 11 345 се-

мей – около 40 тыс. человек, из них: мужчин – 12 370, женщин – 16 499⁴⁴. Во время проведения депортации укрылись от выселения 1200 семей и немалое число членов сосланных семей⁴⁵. Однако усердные исполнители операции вместо скрывшихся семей вывозили так называемые резервные семьи.

Уполномоченные ЦК КП(б) Литвы и Совмина Литовской ССР в отчетах указывали, что исполнители депортаций на местах нарушали установленные инструкции: торопили людей и не разрешали им упаковать необходимые предметы домашнего обихода и продукты питания; старых, одиноких, больных людей на железнодорожных станциях хладнокровно бросали в вагоны. Не по силам было преодоление трудностей для несовершеннолетних детей, когда они без родителей очутились в «телячьих» вагонах. Во время операции выселения в отчете уполномоченных упоминается о расстреле нескольких человек, которые пытались сбежать⁴⁶. Для заглушения недовольства людей, партийно-советский актив пробовал объяснить политическое положение на организуемых собраниях или митингах, но люди на эти митинги боялись идти. На собраниях людей агитировали создавать колхозы, твердили, что организовать колхозы мешают выселяемые.

Вторая по масштабу депортация (кодовое название «Прибой») проведена 25–28 марта 1949 г. на основании постановления Совмина СССР от 29 января 1949 г. за № 390–188 сс о выселении людей из Литвы, Латвии и Эстонии⁴⁷. На основании этого документа отдел спецвыселения МВД СССР 28 февраля 1949 г. подготовил план мероприятий о приеме, транспортировке и поселении высылаемых людей из Прибалтики; заместитель министра внутренних дел СССР В. Рязной утвердил инструкцию для уполномоченных МВД СССР, как организовать выселение людей из хутора в родном селе до их поселения в чужом краю. Были установлены места ссылок, виды депортированной рабочей силы, в которых нуждалось народное хозяйство; создавались новые комендатуры МВД СССР на местах ссылки⁴⁸. В соответствии с директивами центральной власти ЦК КП(б) Литвы и Совмин Литовской ССР приняли постановление от 19 марта 1949 г. за № 17 сс⁴⁹, в котором указывали местным органам власти как обращаться с имуществом высылаемых и утверждали для каждого уезда уполномоченных ЦК КП(б) Литвы и Совмина Литовской ССР.

Тогда (25–28 марта 1949 г.) в Восточную Сибирь было выслаано 8817 семей (29 180 человек, в том числе 9199 мужчин, 11 736 женщин, 8245 детей до 15-тилетнего возраста)⁵⁰. 13 777 человек⁵¹ спаслись от депортации, но их ловили и отправляли в места ссылки. Одновременно в эти дни по указанному постановлению Совмина СССР депортировались люди из Латвии и Эстонии. В рапор-

те заместителя начальника конвойных войск МВД СССР Ф. Спасенко заместителю министра внутренних дел СССР В. Рязному от 31 марта указывается, что операция выселения людей из Эстонии, Латвии и Литвы закончена, всего отправлено 76 эшелонов, в них 30 629 семей, 90 844 человека, 24 630 мужчин, 40 688 женщин, 25 526 детей. Из Эстонии отправлено 19 эшелонов, в них 7471 семья, 20 480 человек из Латвии, соответственно 33 эшелона, 14 173 семьи; 41 708 человек из Литвы, 24 эшелона, 8985 семей, 28 656 человек⁵². В рапорте министра внутренних дел СССР С. Круглова от 18 мая 1949 г. И. Сталину, В. Молотову и Л. Берия эти данные уточнены и указаны места распределения сосланных из Литвы, Латвии и Эстонии: Красноярский край, Новосибирская, Томская, Омская, Иркутская, Амурская области. Ссылные были устроены на работу в колхозах, совхозах, в промышленности по добыче золота и предприятиях по заготовке леса⁵³. Таким образом, сталинское руководство СССР осуществляло «социалистическое переустройство» деревни в Прибалтике. В том же году в Литве было осуществлено еще несколько дополнительных выселений. Общее количество выселенных в 1949 г. составило 33 тыс. человек (9844 семьи)⁵⁴.

Еще одна крупная депортация была проведена в октябре 1951 г. по постановлению Совмина СССР от 5 сентября 1951 г. за № 3309–1568 сс⁵⁵, в котором указано выслать с территории Литвы 4 тыс. семей «выступающих против колхозов», даны указания, как их доставить до места назначения, как обращаться с имуществом высылаемых. «Конфискованное имущество выселяемых кулацких хозяйств обратить на покрытие недоимок по государственным обязательствам. Оставшуюся после погашения недоимок часть имущества (жилье и хозяйственные постройки, сельскохозяйственный и другой инвентарь, а также скот) передать в колхозы бесплатно с зачислением ее в неделимые фонды. Продовольственное зерно, зернофураж и технические культуры передать государству»⁵⁶, – указывал Совмин СССР. В соответствии с постановлением Совмина СССР ЦК КП(б) Литвы издал постановление от 28 сентября 1951 г. за № 155 1, в котором утвердил прилагаемый проект постановления Совмина Литовской ССР о выселении «до 4 тыс. враждебно-действующих против колхозов кулаков с их семьями» из Литвы⁵⁷. На день позже Совмин Литовской ССР 29 сентября 1951 г. принял постановление за № 865 сс «О выселении с территории Литвы кулаков с семьями»⁵⁸. В течение октябрьской 1951 г. депортации, кодовое название «Осень», и других депортаций (в сентябре и в ноябре) сослано 5139 семей (20 357 человек)⁵⁹. В течение 1952 г. выселено (за 5 раз) 526 семей (2934 человека)⁶⁰. Около 100 человек было выселено в 1953 г.

Преимущественно это были члены семей, скрывшихся от ранее проведенных депортаций, а также лица, бежавшие из мест поселения и задержанные органами МВД Литвы. По подсчетам историка Э. Грунскиса, репрессивные структуры СССР в 1941, 1945–1953 гг. произвели 35 выселений жителей Литвы. Из края было депортировано более 44 тыс. семей (около 130 тыс. человек⁶¹), по другим подсчетам – 37 362 семьи (около 126 тыс. человек⁶²). Это видно из предлагаемой таблицы.

Депортации из Литвы (по годам):

Дата выселения	Число депортированных	Число депортированных семей
1941 (14 июня)	17,485	7,439
1945 (24 апреля – 2 мая) (17 июля – 3 сентября)	5,479	1,504
1946 (18–21 февраля)	2,082	501
1947–1948 (22 декабря – 28 марта)	3,938	1,027
1948 (22–27 мая)	39,482	11,233
1949 (25–28 марта, 11 апреля – 3 мая)	32,735	9,633
1950 (31 августа – 1 октября)	1,355	360
1951 (20–21 сентября, 2–3 октября, 3 ноября)	20,357	5,139
1952 (23 января, 5 августа, 29 ноября)	2,934	526
1953 (26 февраля, 12 апреля, 12 сентября)	100	...
	125,947	37,362 ⁶³

Местами выселения литовцев были области, края и автономные республики РСФСР, Казахстан, Таджикистан. Наибольшее количество жителей Литвы (около 90%) было депортировано в Красноярский край, в Иркутскую и Томскую области. Срок выселения был обозначен от 10 до 20 лет или навечно. Согласно правительственным постановлениям и чекистским инструкциям, высылаемой семье формально разрешалось взять с собой лично принадлежащие ценности, одежду, продукты, мелкий домашний и сельскохозяйственный инвентарь общим весом до 1000 или 1500 килограммов. Но в действительности из-за спешки высылаемые никогда не брали столько имущества, т.к., во-первых, для упаковки вещей отводилось мало времени (час-два), во-вторых, в автомашинах, на подводах или телегах не хватало места для погрузки вещей, в-третьих, люди психологически терялись, не смогли обдумать, что с собой взять в дорогу.

По определенным инструкциям дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь и машины, крупный рогатый скот передавались МТС, совхозам и колхозам, государственным

предприятиям или учреждениям. Большое количество конфискованных лошадей было передано колхозам Калининской, Великолукской и Тульской областей РСФСР, а также уездным отделам МВД и МГБ Литовской ССР⁶⁴. С целью расширения социального базиса, укрепления своей опоры в деревне, советская власть часть конфискованного имущества передала истребительным отрядам, семьям, пострадавшим от партизан, а также семьям, члены которых служили в Советской Армии. Опись конфискованного имущества производили работники уездных, волостных и городских исполкомов, комсомольские активисты. Ход выселения людей, распределения имущества контролировали специальные уполномоченные ЦК КП(б) Литвы и Совета Министров Литовской ССР.

После проведения выселения для заглушения недовольства людей уполномоченные, руководители исполкомов и укомов КП(б) Литвы организовывали собрания, совещания или митинги, на которых населению пробовали объяснить необходимость выселения так называемых семей врагов народа, подбирали из местного населения людей, которые старались оправдать депортации и репрессивные меры властей против партизан, их пособников и «кулаков». На собраниях людей агитировали создавать колхозы, твердили, что организовать колхозы мешают выселяемые. На практике осуществлялась колониальная политика по классовому принципу: «разделяй и властвуй». Таким образом, репрессиями и обманом строители сталинского социализма пробовали внушить литовскому народу покорность и поддержку советской власти. Уполномоченные представляли ЦК КП(б) Литвы и Совмину республики обширные отчеты о проделанной работе. В этих отчетах указано, что в действительности много конфискованного имущества (скот, инвентарь, мебель, предметы домашнего обихода) нередко расхищалось, подвергалось порче.

Ссылные попали в трудные условия быта и труда. Они были оторваны от родного очага на Родине, попали в другую культурно-бытовую среду, в другое общество. Члены этого общества, называемые советским народом, в трудных послевоенных условиях, обманутые, полуголодные, униженные, строили светлое будущее – коммунизм. Провозглашенные лозунги «социализма» и реальность были далеки друг от друга. Поневоле ставшие поселенцами необжитых земель, депортированные люди очутились в казарменном социализме: принудительный, малооплачиваемый физический труд, нечеловеческие условия жизни, постоянная регистрация в местных комендатурах НКВД–МВД СССР, которые создавались при каждой новой депортации на местах переселения людей. За побег из мест ссылки лица несли ответственность по указам Верховного Совета СССР и карались тюрьмой

или ГУЛАГом. В Литве определенные лица из структур НКВД–МВД Литовской ССР их ловили и отправляли в места ссылки. Там за побег их судили, после тюремного срока их опять отправляли в ссылку, и опять сотрудники комендатур МВД СССР на месте продолжали слежку и их администрирование.

Только после смерти Сталина (1953 г.) режим высланных в места ссылки стал мягче. В 1954 г. детям депортированных семей разрешили вернуться в Литву. В последующие годы, особенно в 1956–1957 гг., эти «привилегии» были расширены, и много депортированных вернулись на Родину (с 1954 г. до 1988 г. около 60 тыс.⁶⁵). По данным на 1 января 1958 г., около 48–50 тыс. остались за пределами Литовской ССР⁶⁶. Печально, что в ссылке из-за болезней, физического истощения, непосильного труда погибло около 20 тыс. ссыльных, в том числе 5 тыс. детей⁶⁷. За последние десять лет, в годы независимости Литвы, еще возвращаются отдельные семьи. Правительство Республики строит им квартиры в Вильнюсе и других городах Литвы. Такова драматическая судьба литовского народа в годы войны и советской власти, народа, который провозгласил свою независимость 11 марта 1990 г. и ее отстоял 13 января 1991 г.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Два диктатора – Гитлер и Сталин – еще до войны между фашистской Германией и СССР, в середине XX в., решили судьбу соседних малых государств. Секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. разделил сферы влияния интересов СССР и Германии в Польше и Прибалтике. Литва по этому секретному протоколу данного договора попала в сферу влияния Германии⁶⁸, а по секретному протоколу к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. территория Литовского государства переходила уже в сферу влияния СССР взамен Люблинского и части Варшавского воеводства польской территории⁶⁹. По сценарию, подготовленному сталинскими дипломатами в Москве, Литва, Латвия и Эстония поэтапно и синхронно в июне-августе 1940 г. «законно», «по изъявлению воли народа» стали «советскими республиками» в составе СССР. Это означало решающий поворот в судьбах трех прибалтийских народов – три государства исчезли с политической карты Европы.

2. Окончание Второй мировой войны, послевоенные соглашения между союзниками не изменили «status quo» (зависимости от СССР) до войны бывших независимых государств Литвы, Латвии и Эстонии. Литовский народ в послевоенные годы в партизанском сопротивлении, позже и в других формах высказался за независимость Литвы, за свободу и самостоятельную жизнь в обществе на-

родов мира. Однако стремление народа жить свободно и независимо сталинское правительство СССР заглушало штыками, карала тюрьмами, лагерями ГУЛАГа и депортациями. От сталинского руководства СССР зависел и миграционный процесс в Литве в послевоенные годы. С Запада по политическим мотивам люди не хотели возвращаться в Литву, а из Литвы, согласно решениям правительства СССР, людей насильно вывозили в Сибирь для «построения коммунистического общества».

3. Почти 50 лет советское правительство СССР не признавало существования секретных протоколов, приложенных к договорам, подписанных 23 августа и 28 сентября 1939 г. между Германией и СССР В. Молотовым и И. Риббентропом. Сталинская довоенная и послевоенная международная политика имела губительные последствия не только для литовского народа, но и для всех народов Советского Союза. Только после большого нажима общественности Литвы, Латвии и Эстонии, большинства народных депутатов от этих республик и демократически настроенных народных депутатов других национальных республик, а также Москвы и Ленинграда, после долгих обсуждений и колебаний Второй съезд народных депутатов СССР 24 декабря 1989 г. принял решение «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», в котором признал, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии»; было отмечено, что «разграничение «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». Съезд признал секретные протоколы «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»⁷⁰.

4. Демократически избранный 24 февраля 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР, преобразованный Верховный Совет Литовской Республики, 11 марта 1990 г. принял исторический документ – Акт о восстановлении независимого государства. Литовский народ после 50-летнего периода советского режима приобрел независимость, ликвидировал политические последствия Второй мировой войны и добивается занять достойное место среди демократических государств и общественных организаций мира. Однако решение проблем компенсации за физический труд и моральное унижение, имущество депортированных переносится в XXI в. Решение этих задач в будущем зависит от доброжелательности демократического правительства Российской Федерации как преемницы юридических прав и обязанностей СССР.

- 1 Atvirai apie holokaustą // Lietuvos aidas. 2000. Bal. 5 (5 апреля).
- 2 *Bubnus A.* Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944). Vilnius, 1998. P. 312.
- 3 История Литовской ССР. (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978. С. 456; *Bubnus A.* Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944). P. 383.
- 4 История Литовской ССР. (С древнейших времен до наших дней). С. 456.
- 5 *Bubnus A.* Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944). P. 364.
- 6 *Kairiūkštytė N.* Vokiečių atvežti rusai Lietuvoje II pasaulinio karo ir pirmaisiais pokario metais // Lietuvos istorijos metraštis. 1992. Vilnius, 1994. P. 146.
- 7 Ibid.
- 8 *Pajaujis Javis J.* Soviet Genocide in Lithuania. New York, 1980. P. 89; *Damušis A.* Lietuvos guventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario metais. Trečias pataisytas leidimas. Kaunas, 1991. P. 27; *Terleskas V., Baldišius V.* Kaip mus padare išlaikytiniais // Gimtasis kraštas. 1989. Balandžio 13–19 (13–19 апреля).
- 9 *Damušis A.* Lietuvos guventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario metais. P. 39.
- 10 *Stanaitis A., Adluis P.* Lietuvos TSR guventojai. Vilnius, 1973. P. 13.
- 11 *Сургайлис Г.* Литва и Польша – проблемы послевоенной эмиграции // Коммунист (Вильнюс). 1989. № 10. С. 80.
- 12 Ibid.
- 13 Архив новых актов Польши. Ф. Министерства публичной администрации. Д. 753. Л. 6.
- 14 *Сургайлис Г.* Литва и Польша – проблемы послевоенной эмиграции // Коммунист (Вильнюс). 1989. № 10. С. 77.
- 15 *Kairiūkštytė N.* Vokiečių atvežti rusai Lietuvoje II pasaulinio karo ir pirmaisiais pokario metais // Lietuvos istorijos metraštis. 1992. Vilnius, 1994. P. 151.
- 16 Ibid. P. 155.
- 17 *Damušis A.* Lietuvos guventojų aukos ir nuostoliai Antrojo pasaulinio karo ir pokario metais. P. 11.
- 18 *Truska L.* «Baltos dėmės» karo ir pokario metų Lietuvos demografijoje // Naujas požiūris į Lietuvos istoriją. Kaunas, 1989. P. 205.
- 19 *Kairiūkštytė N.* Klaipėdos krato repatriantai ir jų padėtis 1945–1950 m. // Lituania. 1991. № 2 (6). P. 36.
- 20 Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф.Р. – 754, Оп. 13, Д. 307, Л. 39; Д. 693. Л. 118.
- 21 Lietuvos. Sąjungos žinynas. 1945.07. 19. P. 3.
- 22 ЦГАЛ. Ф. Р-754. Оп. 4. Д. 496. Л. 4.
- 23 *Kairiūkštytė N.* Klaipėdos krato repatriantai ir jų padėtis 1945–1950 m. // Lituania. 1991. № 2 (6). P. 36.
- 24 *Kašauskienė V.* Skausmingi istorijos puslapiai // Tiesa. 1988. Gegužės 21 (21 мая); *Kašauskienė V.* Prieštaringi istorijos puslapiai // Tiesa. 1988. Liepos 5 (5 июля); *Kašauskienė V.* Непроходящая боль народа. Завтра по всей Литве отмечается День Траура и Надежды // Советская Литва. 1989. 13 июня; *Kašauskienė V.* Trėmimai – tautos pažeminimas ir skausmas // Mintus apie Lietuvos Komunistų partijos kelią. Vilnius, 1989. P. 186–196; *Truska L.* «Baltos dėmės» karo ir pokario metų Lietuvos demografijoje // Komjaunimo tiesa. 1988. Birželio 28 (28 июня); *Vosbinas S.A.* Užspringusi tiesa // Literatūra ir menas. 1988. Liepos 16 (16 июля); *Šadžius H.* Lietuva 1940–1941 metais (7). Deportacija // Gimtasis kraštas. 1988. Spalio 27 – Lapkričio 2 (27 октября – 2 ноября).

- ²⁵ Ir šviesa, ir tiesa // Gimtasis kraštas. 1988. Rugpjūčio 11–17 (11–17 августа).
- ²⁶ Šadžius H. Didysis tautos trėminas. Nauji dokumentai apie 1941 m. birželio 14–18 d. trėminus // Gimtasis kraštas. 1990. Spalio 4–10 (4–10 октября); lapkričio 29 – gruodžio 5 (29 ноября – 5 декабря); Šadžius H. Birželio tragedija. Nauji dokumentai apie 1941 m. trėmim¹ // Tiesa. 1991. Birželio 14 (14 июня); *Grunskis E.* Nauji dokumentai apie 1941 – ują birželio trėmimą // Pasaulis. 1991. № 18. P. 22–30; *Grunskis E.* Tarnas atsiskatio // Pasaulis. 1991. № 19. P. 40–42; *Grunskis E.* Didžiausi pokario trėmimai. Masinių deportacijų 1948–1949 ir 1951 m. dokumentai // Gimtasis kraštas. 1992. Kovo 26–31 (26–31 марта); Kašauskienė V. Raudonasis voratinklis. Arhyvo dokumentai apie 1941 m. birželio 14–17 d. Lietuvos gyventojų trėmimą // Pasaulis. 1991. № 10. P. 18–23; Kašauskienė V. Dokumentai apie 1941 m. birželio 14–17 d. Lietuvos gyventojų trėmimą: sovietinio režimo demaskuotojai ir teisėjai // Vakarinės naujienos. 1991. Birželio 14 (14 июня); Kašauskienė V. Tragiški prievartos dokumentai. Nauja apie Lietuvos gyventojų trėmimą // Gimtasis kraštas. 1991. Birželio 13–19 (13–19 июня); Kašauskienė V. Taip griovė Lietuvą. Nauja apie Lietuvos gyventojų trėmimą ir kolektyvizaciją // Gimtasis kraštas. 1991. Rugpjūčio 1–7 (1–7 августа); Remeikytė D. Laiškai iš nebūties // Vakarinės naujienos. 1991. Birželio 14 (14 июня); Čaplikas J. Drg. A. Snieckus draugui A. Ždanovui // Vakarines naujienos. 1991. Lapkričio 13 (13 ноября) ir kt.
- ²⁷ *Grunskis E.* Pokario trėminių Lietuvoje pradžia (1945–1947) // Metai. № 9. 1991. P. 127–141; Kašauskienė V. Didžiausias Lietuvos gyventojų trėmimas (1948 m. gegužės 22–27 d.) // Lituania. 1993. 4 (16). P. 34–44.
- ²⁸ Kašauskienė V. Verbannungen der Einwohner Litauens in den Jahren 1941 und 1945–1952: Überblick über Publikationen der Jahre 1988–1992 // Jahrbuch für Historische Kommunismus-forschung. Mannheim, 1993. P. 276–283.
- ²⁹ *Grunskis E.* Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1945–1953 meta is. Vilnius, 1996; *Anuauškas A.* Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. Vilnius, 1996.
- ³⁰ Lietuvos gyventojų trėmimai 1941, 1945–1952 m. Dokumentų rinkinys. Vilnius, 1994.
- ³¹ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. Dokumentų rinkinys (Pataisytas ir papildomas leidimas). Vilnius, 1995.
- ³² Lietuvos gyventojų genocidas. I tomas. 1939–1941. Vilnius, 1993.
- ³³ Lietuvos gyventojų genocidas. I tomas 1939–1941. A–Z. Vilnius, 1999.
- ³⁴ Lietuvos gyventojų genocidas II tomas. 1944–1947. A.–J. Vilnius, 1998.
- ³⁵ 1941–1952 metų. Lietuvos trėmimai. Pirmą knygą. Vilnius, 1993.
- ³⁶ *Бугай Н.Ф.* Шли поезда на Восток // Политический собеседник. 1991. № 5. С. 62.
- ³⁷ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 152–158.
- ³⁸ Ibid. P. 199–200.
- ³⁹ *Grunskis E.* Pokario trėminių Lietuvoje pradžia (1945–1947) // Metai. 1991. № 9. P. 129.
- ⁴⁰ *Grunskis E.* Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1945–1953 metais. P. 262.
- ⁴¹ Ibid. P. 265.
- ⁴² Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinis okupacinės valdžios dokumentuose. P. 305–306.
- ⁴³ Ibid. P. 343–344.

- ⁴⁴ Ibid. P. 473.
- ⁴⁵ Kašauskienė V. Didžiausias Lietuvos gyventojų trėmimas (1948 m. Gegužės 22–27 d.) // *Lituanistica*. 1993. № 4 (16). P. 41.
- ⁴⁶ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 432.
- ⁴⁷ Ibid. P. 477–479.
- ⁴⁸ Ibid. P. 484–490.
- ⁴⁹ Ibid. P. 493–495.
- ⁵⁰ Ibid. P. 547.
- ⁵¹ Ibid. P. 534.
- ⁵² Ibid. P. 517–518.
- ⁵³ Ibid. P. 565–567.
- ⁵⁴ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. P. 265.
- ⁵⁵ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 571–573.
- ⁵⁶ Ibid. P. 572.
- ⁵⁷ Ibid. P. 573–574.
- ⁵⁸ Ibid. P. 577–579.
- ⁵⁹ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 611; *Кашаускене В.* Непроходящая боль народа. Завтра по всей Литве отмечается День Траура и Надежды // *Советская Литва*. 1989. 13 июня.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ *Grunskis E.* Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1945–1953 metais. P. 266.
- ⁶² Kašauskienė V. Deportation from Lithuania under Stalin, 1940–1953 // *Lithuanian historical studies*. 1988. № 3. P. 80.
- ⁶³ Таблица составлена на основе источников: Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 199–200, 610–611; *Grunskis E.* Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1945–1953 metais. P. 50, 63, 68, 72, 118, 134; *Кашаускене В.* Непроходящая боль народа. Завтра по всей Литве отмечается День Траура и Надежды // *Советская Литва*. 1989. 13 июня; *Kašauskienė V.* Deportation from Lithuania under Stalin, 1940–1953 // *Lithuanian historical studies*. 1988. № 3. P. 80.
- ⁶⁴ *Grunskis E.* Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1945–1953 metais. P. 267.
- ⁶⁵ Lietuvos gyventojų trėmimai 1940–1941, 1944–1953 metais. sovietinės okupacinės valdžios dokumentuose. P. 612.
- ⁶⁶ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikinimas 1940–1958 metais. P. 397.
- ⁶⁷ Ibid. P.391.
- ⁶⁸ TSRS-Vokietija. TSPS ir Vokietijos santykių dokumentinė medžiaga 1939 m. balandžio – spalio mėn. Vilnius, 1989. P. 62. (СССР–Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.). С. 62.
- ⁶⁹ Ibid. P. 109.
- ⁷⁰ Известия. 28 декабря 1989. С. 1–2.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ (Некоторые аспекты национальной политики в СССР)

*В.В. Трепавлов, Ю. Джин**

(Москва)

Положение правящих элит союзных республик в общей системе государственной иерархии Советского Союза изучено в целом недостаточно. Организация политического руководства страны предполагала, что в управлении национальными регионами, естественно, участвуют представители этих регионов, и такой очевидный факт не мог не замечаться исследователями. Данная проблема поднималась в историографии России, СНГ и Запада по поводу, например, определения степени зависимости окраин от Центра, соотнесения такой зависимости с «классическими» колониальными моделями. Подобная трактовка наиболее четко сформулирована, на наш взгляд, М.С. Восленским¹. По его мнению, с одной стороны, союзные республики имели черты полуколоний: они входили в состав советского государства в качестве его административных единиц, и администрация в них была в основном местного происхождения; однако многие ключевые посты замещались посланцами из метрополии; в пределах республик дислоцировались войска метрополии; официальное делопроизводство велось, а книги и пресса печатались как на местных, так и на русском языках. С другой стороны, колониальному статусу противоречили правление в основном национальной номенклатуры местных народов; сравнительно немногочисленный вес русских в администрации; «номенклатура-сюзерен мудро старается не задевать национальные чувства местного населения, а приниженное положение простых русских в национальных республиках призвано закрывать глаза коренного населения на полуколониальную зависимость». Не вдаваясь в анализ этого частного вопроса, можно все же отметить, что приведенные М.С. Восленским признаки не являются чертами «полуколониальной зависимости», так как в целом отражают черты тоталитарного строя в многонациональ-

* Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН; Ю. Джин, соискатель (Республика Корея).

ной стране, и не следует уподоблять этот режим колониальным империям. Существование национального угнетения в полиэтничном государстве, очевидно, не свидетельствует о колониальном характере управления. Если использовать подобную терминологию, колонией в таком случае можно было бы считать абсолютное большинство населения СССР без различия национальностей, а метрополией – его многонациональную номенклатурную элиту.

Истинно правящей элитой в Центре и на местах являлось партийное руководство. Формально коммунистические партии союзных республик имели сходное с высшим эшелонем КПСС организационное устройство. Но, в отличие от московских инстанций, партийный секретариат на окраинах играл сравнительно скромную роль; решающее же значение принадлежало бюро ЦК КП республики, в которое входили все секретари ЦК, председатель Совета Министров, председатель Президиума Верховного Совета, ряд важных чиновников республиканского масштаба. Бюро являлось «директивным органом в союзной республике»²: принимало решения по всем принципиальным вопросам и назначало на номенклатурные должности. Однако номенклатурная система власти на национальных окраинах выстраивалась постепенно, в течение многих лет. Народам бывшей Российской империи пришлось в XX в. пережить многочисленные административные трансформации, законодательные перестройки, репрессии, прежде чем к концу столетия они смогли сформировать собственные полноценные политические элиты. Начало этому долгому процессу было положено в первые послереволюционные годы.

С окончанием Гражданской войны перед большевистскими лидерами встала задача интегрирования окраин в общую систему управления страной (с конца 1922 г. – СССР). Эта задача вытекала в том числе из экономических потребностей государства, унаследованных от империи. Еще в 1919 г. Г. Зиновьев говорил: «Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так, как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации»³. Вопросы политики в национальных регионах, включая проблему управления в них, рассматривались в начале 20-х годов на X и XII съездах РКП(б) (соответственно март 1921 и апрель 1923 гг.), а также на специальном совещании в ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. (известном еще как Четвертое совещание ЦК⁴).

Главным идеологом и инициатором решений, принятых на этих форумах, был народный комиссар по делам национально-

стей И.В. Сталин. Уже тогда он выдвинул идею о ведущей роли партии как в национально-государственном строительстве, так и в многонациональном административном аппарате. Свои предложения он пытался отстаивать с помощью ссылок на В.И. Ленина и апелляций к учению марксизма. Отталкиваясь от основного доктринального тезиса о диктатуре пролетариата, Наркомнац считал, что политической и социальной базой диктатуры должны стать центральные промышленные районы, т.е. РСФСР, а не окраины, населенные преимущественно крестьянством. Одним из главных тезисов Сталина было убеждение в необходимости привлечения местных национальных кадров к управлению. Вместе с тем была продумана и система участия представителей союзных республик в центральных органах. В резолюции XII съезда «По национальному вопросу» предлагалось обеспечить права и обязанности республик и национальных областей на принципах равенства; предоставить республикам достаточные широкие финансовые (в частности, бюджетные) полномочия⁵. Здравая сталинская мысль об участии коренных национальностей в формировании партийного, государственного и советского аппарата тоже нашла отражение в решениях съездов. Объявлялось желательным помочь народам «развить и укрепить у себя советскую государственность *в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов*; развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные *из людей местных, знающих быт и психологию местного населения*, ...поставить и развить широкую сеть курсов и школ... на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) *для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления...*» (выделено нами. – В.Т., Ю.Д.)⁶. В докладе на XII съезде Сталин обосновывал политику формирования национальных управленческих кадров: «Для того чтобы Советская власть стала и для инонационального (т.е. невеликорусского. – В.Т., Ю.Д.) крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда... Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью... междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке»⁷.

Такая политика получила название коренизации. Она была четко, по пунктам, сформулирована на IV совещании, созванном для обсуждения практических мер по осуществлению решений XII съезда по национальному вопросу. Совещание постановило, во-первых, очистить государственный и партийный аппараты окраин от националистов; во-вторых, неуклонно и систематически вводить в делопроизводство местные языки и обязать ответственных работников изучать их; в-третьих, избирать и привлекать «более или менее лояльные элементы местной интеллигенции» к работе в административных учреждениях при одновременном акценте на подготовке новых кадров из числа коммунистов⁸. Последний пункт объявлялся «одной из коренных задач партии»⁹ – скорейшее выращивание социально близкой правящей прослойки, не связанной с традиционными дореволюционными элитами.

Установка на борьбу с уклонами давалась не случайно. Сталин отметил две крайности, одинаково осуждаемые: с одной стороны, «уклон к национализму», выразившийся в пренебрежении коммунистов исторически более сильных и развитых национальностей к представителям более слабых (это было характерно для Грузии, Азербайджана, Бухарской и Хорезмской народных республик), с другой – «уклон к великорусскому шовинизму» как высокомерное игнорирование локальных национальных особенностей¹⁰. При этом местные коммунисты порой желали самостоятельно вершить дела в регионах, что вызывало резонное недовольство наркомнаца. В одном из своих писем Ленину Сталин отметил: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы»¹¹.

Но, справедливости ради надо сказать, что «Москва» никогда не обещала местным коммунистам полной независимости. Тактические послабления партийной дисциплины для партийных организаций окраин в период Гражданской войны не могут расцениваться как стремление отделить их от общего корпуса РКП(б). После завершения войны ЦК тем более взялся за установление своего твердого контроля. Это сразу породило возражения на местах. С трибуны XII съезда такую точку зрения озвучил представитель Украины Гринько, говоривший о «глубочайшей централизаторской тенденции» в действиях столичных инстанций, о начале директивного диктата по мельчайшим вопросам, в частности, налоговой и бюджетной политики – вопреки объявленной ранее

самостоятельности союзных республик в этих аспектах¹². Резолюция съезда объявила было подобную «тенденцию» «результатом наследства старого»¹³, но в действительности Центр не соби­рался ослаблять контроль. Выстраивалась жесткая мобилизаци­онная модель экономики и всего государства, в которой не было места реальной самостоятельности республик. При всей актуаль­ности коренизации и даже, возможно, искренности намерений ее инициаторов во главе со Сталиным, привлечение и воспитание национальных кадров сопровождалось массовым командировани­ем на окраины руководителей из Центра. Только в 1923 г. Орг­распредотдел ЦК направил на периферию более 10 тыс. чело­век, из которых больше половины составляли ответственные работники¹⁴.

Коренизацию возможно определить как формирование эле­ментов национальной государственности, сопровождавшееся ук­реплением государственного аппарата кадрами, знающими язык, быт и психологию местного населения. Ее назначение состояло в создании возможности получения образования, развития культу­ры и организации делопроизводства на родном языке; вовлече­нии местных жителей в социалистическое народное хозяйство; наконец – наиболее важное для нашей темы – в подборе, подго­товке и выдвижении кадров местных национальностей в управ­ленческий аппарат. И действительно, во многих сельских волост­ных управлениях документы стали составляться на национальных языках (были быстро составлены соответствующие алфавиты), для подготовки работников создавался институт практикантов, а также курсы по изучению местных языков русским населением¹⁵. Одна из целей коренизации состояла в спешной подготовке новой коммунистической элиты, призванной сменить старую («спе­цов»), которую по необходимости приходилось пока привлекать к управлению. В этом отношении показательна кампания 1927–1929 гг. в Таджикистане под лозунгом «Борьба батрака и бедняка в союзе с середняком против байства и за полное овладение низо­вым советским аппаратом»¹⁶.

30-е годы отмечены резким усилением «руководящей и на­правляющей» роли Коммунистической партии во всех сферах жизни СССР, в том числе и в национальной политике, националь­но-государственном строительстве. Особые, даже чрезвычайные меры были предприняты после XVII съезда ВКП(б) (1934 г.): на транспорте и в сельском хозяйстве вводились временные чрезвы­чайные органы – политотделы, на крупных промышленных пред­приятиях учреждались должности парторгов ЦК, для надзора за выполнением решений верховных органов создавалась Комиссия партийного контроля при ЦК – она назначала своих эмиссаров в

союзные республики. После краткого периода декларативной самостоятельности республик в составе Союза наступила эпоха все более жесткого диктата Центра. Сложная внутрипартийная и идеологическая обстановка конца 20-х – начала 30-х гг., борьба с различными уклонами в ВКП(б) порождалась, кроме прочих причин, и протестом многих партийцев против крепнущего всевластия вождя. В Белоруссии, Украине, Закавказье, Казахстане и Средней Азии наблюдалось сопротивление сталинской национальной политике, подчинению национального вопроса общегосударственным интересам, сопровождавшемуся пренебрежением к национальным особенностям, игнорированием местной специфики. Попытки отстоять право на принятие самостоятельных решений, попытки корректировать жесткую линию Центра «легко» облекались в обвинения в национализме (национально-демократическое течение в среде белорусской интеллигенции, деятельность Н. Скрыпника на Украине и др.)¹⁷. Тем более что, выступая за самостоятельность, коммунисты и чиновники национальных регионов объективно защищали интересы народов, а это с раздражением воспринималось в Кремле. Развернулась вакханалия борьбы с «националистическими уклонами». Пик подобных «разоблачений» пришелся на начало 30-х гг., время после XVI съезда ВКП(б) (1930 г.). В ходе партийной чистки из ВКП(б) было исключено (в том числе в союзных республиках) 18,3% прошедших ее¹⁸. Еще более опустошительным оказался период массовых репрессий 1937–1938 гг., когда пострадали высшие партийные и хозяйственные кадры в республиках (как правило, они пытались продолжать политику 20-х гг. на развитие национальных культур). Бюро ЦК компартий Туркмении и Украины были репрессированы в полном составе¹⁹. В результате охваченный страхом и деморализованный террором аппарат стал беспрекословно подчиняться центральному партийным директивам.

Перетряхивание кадров сопровождалось выстраиванием унифицированной административной иерархии по всей стране. 27 марта 1930 г. Центральный Исполнительный комитет и Совет народных комиссаров СССР приняли Закон «О ликвидации округов»: устанавливалась система районов с целью укрепления низших уровней управления; функции и материальные средства бывших округов были переданы исполкомам районов, в которые перешли не менее 90% ответработников окружного звена. Одновременно происходило разукрупнение областей и районов, учреждение в них партийных, советских и хозяйственных инстанций, постепенное разрастание бюрократии в республиках, как и всего управленческого механизма, особенно исполнительных и карательных органов²⁰. К середине 30-х гг. можно говорить о полной утра-

те самостоятельности Советами в качестве носителей власти. Вмешательство партийных чиновников стало всеобъемлющим. Губкомы и ЦК компартий союзных республик могли отменять выборы в Советы, «рекомендовали» (фактически назначали), подбирали и выдвигали кандидатуры для них, без всяких, даже формальных, перевыборов меняли председателей исполкомов. Советская власть сохранялась лишь номинально. Например, только в 1931–1932 гг. по указке партийных комитетов в Грузии был снят 91 председатель сельского Совета, в Армении – 25²¹. В целом политика унификации, установления партийного диктата и борьбы с уклонами привела к свертыванию коренизации. Причинами этого послужили также, во-первых, инертность и отсталость местных партийных и советских работников, не желавших вникать в тонкости национального вопроса; во-вторых, разгоревшаяся борьба с национализмом, «буржуазно-националистическими» уклонами в руководстве многих республик; в-третьих, сильное влияние клановости, трайбализма, особенно при формировании выборных органов (последнее было характерно, в частности, для Средней Азии и Казахстана). Угасло принудительное применение национальных языков в учреждениях, вводилось обязательное изучение русского языка в школах, на нем же велось преподавание в высших учебных заведениях. Но при этом продолжалось постепенное зарождение национальной номенклатуры, национальной элиты. Идея Сталина о создании национальных управленческих кадров продолжала претворяться под его жестким контролем.

Под этим неусыпным контролем, осуществлявшимся через Орграспредотдел ЦК ВКП(б) во главе с В. Молотовым, Л. Кагановичем, Г. Маленковым и др., велось строительство аппарата в республиках. В соответствии с постановлением ЦК от 16 ноября 1925 г., все ЦК республиканских компартий должны были «приступить к выработке номенклатуры должностей местных органов, назначения на которые производятся с утверждением данных парторганов (орграспредотделами ЦК компартий союзных республик; здесь речь о так называемом Списке № 1. – В.Т., Ю.Д.) и по согласованию с ними (Список № 2. – В.Т., Ю.Д.), руководствуясь при этом номенклатурами ЦК». К постановлению прилагалась «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений», в которой, в частности, указывалось: «Все предложения местных парторганов о перемещениях и назначениях работников, перечисленных в Номенклатурах № 1 и 2, должны ставиться через Орграспред ЦК партии. Самостоятельно назначать и смещать этих работников местные парторганы не могут»²². Может быть, уже тогда в республиках разрабатывались свои номенклатуры должностей.

В марте 1930 г. вышло постановление о выдвижении рабочих в советский аппарат. С одной стороны, появилась возможность для широкого народного участия в управлении, но, с другой – снизилось качество кадров. Во властные структуры попадали люди случайные, мало компетентные. Это было одной из причин мелочной партийной опеки над Советами и хозяйственными органами; вот почему любая хозяйственная кампания (посевная, уборочная и т.п.) в довоенные годы регулировалась так называемыми сталинскими путевками – инструкциями, где расписывались в деталях все мероприятия.

Готовность к выполнению любых партийных поручений, ограниченная квалификация, полная зависимость от воли верховного руководства характеризует политическую элиту сталинской эпохи и объясняет ее частые перемещения на постах. В среднем каждые 2–3 года руководящий работник менял должность и «перемещался» на другой участок работы²³. Относительная стабильность в кадровой политике наступила лишь в послевоенные годы, когда были окончательно разработаны и утверждены номенклатуры должностей ЦК КП союзных республик²⁴. Но придание этим руководящим кадрам четкой организации в последние годы жизни И.В. Сталина не означало пока какой-либо самостоятельности для местных элит. Высшее руководство по всей стране представляло собой единый эшелон власти, спаянный суровой партийной дисциплиной и ответственностью, догматической идеологией, стальной волей вождя, который безраздельно командовал кадровой политикой и определял, кого и в какой степени следует допустить к управлению властными и экономическими ресурсами страны и республик²⁵. Надзор оставался тотальным. ЦК ВКП(б) то и дело разражался постановлениями о «положении дел» в республиканских партийных организациях и, в частности, о кадровой политике в них. Так, ЦК КП Украины и Белоруссии удостоились разноса за совмещение партийно-политического и хозяйственного руководства (так как партия, как указывалось, должна осуществлять лишь политическое руководство государственными и хозяйственными органами); в 1949 г. была отменена практика совмещения первыми секретарями ЦК КП республик обязанностей первых секретарей горкомов местных столиц²⁶.

Подобными мерами Центр пытался воспрепятствовать естественному процессу постепенной концентрации власти и значимых функций в руках республиканских элит. Концентрация немного замедлилась, но прекратить ее не удалось. К тому же сам партийный Центр порой действовал противоречиво, поскольку сам вмешивался в непартийные дела. После освобождения западных территорий от немецкой оккупации в Москве были органи-

зованы два Бюро ЦК ВКП(б) – по Латвии, Литве и Эстонии и по Молдавии. Они имели большие полномочия, принимая решения, обязательные для парторганов соответствующих республик; в их состав входили столичные ответработники, первые секретари республиканских ЦК и председатели республиканских Совнаркомов. Эти Бюро организовывали деятельность не только местного партийного, но и государственного, хозяйственного аппарата, контролировали подготовку кадров²⁷.

После смерти Сталина в отношениях между Центром и союзными республиками стали происходить довольно быстрые изменения. Начался процесс окончательного оформления местных национальных элит, подготовленный предыдущим периодом, когда была создана институциональная база элиты – пирамида власти. Кандидаты на руководящие посты отбирались теперь, как правило, в недрах номенклатуры, которая окончательно сложилась в 50-х – 60-х гг. Эти люди объективно становились, по выражению Дж. Хоскинга, «передаточным звеном в системе функционирования власти между тоталитарным Центром и национальным сознанием у себя дома»²⁸. Хотя цель у преемников Сталина оставалась прежней – создание наднациональной социалистической общности народов с русским языком в качестве основного, но, в отличие от покойного вождя, они внимательнее относились к национальным чувствам народов. Этому способствовал и такой объективный процесс всесоюзного масштаба, как массовый приток в города выходцев из деревни. Этот маргинальный слой сохранял национальные культурные и бытовые традиции и влиял на повышение престижа национальных культур в среде городского населения – у рабочих, служащих, студентов... Особенно подобное явление было заметно в Белоруссии, Украине, Молдавии и республиках Закавказья; Средняя Азия и Казахстан в этом отношении изменились менее заметно, поскольку там и без того традиции патриархальной семьи держались довольно прочно²⁹.

Однако главным толчком к кристаллизации национальных элит послужила «десталинизация» экономической политики по отношению к национальным регионам, пик которой пришелся на середину – вторую половину 50-х гг. Этот процесс начался в 1954 г., но развернулся в полную силу после XX съезда КПСС. Существенно расширились полномочия республиканских административных и хозяйственных органов, многие вопросы передавались в их самостоятельное ведение: в компетенцию Советов Министров союзных республик переходило планирование объема производства и капиталовложений по предприятиям и ведомствам, а за союзным Совмином оставалось только определение общего объема валовой и товарной продукции, а также капиталовложений по

республикам; в подчинение республиканским органам передавалось 11 тыс. промышленных предприятий; с 1956 г. возросла доля отчислений в республиканские бюджеты по отдельным видам доходов; в итоге бюджет, например, Узбекистана за 1957–1958 гг. увеличился вдвое; в ведение республик передавались функции руководства судебными учреждениями и органами юстиции, разработки законодательства и устройства судов, утверждения гражданского, уголовного и процессуального кодексов, разрешения вопросов территориально-административного устройства; республики получили право самостоятельного решения вопросов высшего и среднего образования³⁰. В 60-х гг. экономическая самостоятельность союзных республик еще более возросла.

В литературе можно встретить различные оценки перечисленных мероприятий: от восторженного восхваления (как правило, в работах советского периода) до объявления их декларативными и «незначительной косметической операцией»³¹. Действительно, в руках верхушки партийного аппарата оставалась чрезмерно сконцентрированная власть; функция выработки экономической стратегии, контроль над кадровой политикой по-прежнему находились в ведении Центра. В ходе радикальных и не всегда продуманных преобразований Н.С. Хрущева и в его реформаторских замыслах национальный фактор нередко игнорировался. Так, при подготовке новой Конституции СССР в 1962 г. рассматривался вопрос о ликвидации союзных республик на основе национального принципа как изжившего себя; вместо них планировалось учредить 9–10 республик в соответствии с экономическими районами – в частности, Среднеазиатскую, Закавказскую, Прибалтийскую и Центральную³².

Однако резкое увеличение экономических прав республик послужило второй важнейшей предпосылкой формирования национальных элит (наряду с конструированием властно-административной структуры в 30-х – начале 50-х гг.). Теперь республиканская номенклатура могла не только управлять подведомственной собственностью в качестве агентуры центрального аппарата, но и получила доступ к распоряжению ею по своему усмотрению – распоряжению пока не бесконтрольному, но уже не под пристальным присмотром и не под ежечасной угрозой репрессий. Появилась принципиальная возможность аккумуляции ресурсов, связей, информации. Начался этап становления собственно национальных элит в союзных республиках.

На протяжении 50-х – 80-х гг. республиканская номенклатура крепла и разрасталась, а партийный аппарат – костяк политической элиты – все шире распространял свою компетенцию. Решением февральско-мартовского 1954 г. пленума ЦК КПСС предсе-

датели колхозов включались в номенклатуру обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик; в середине 60-х гг. в номенклатуру республиканских ЦК вошли секретари обкомов, горкомов и райкомов ВЛКСМ, а в номенклатуру горкомов и райкомов КПСС – секретари первичных комсомольских организаций промышленных предприятий, колхозов и совхозов³³. Все это способствовало формированию кадрового резерва элиты, источника ее институционального, избавленного от случайностей рекрутирования.

В то же время новые требования к компетентности кадров заставляли обращать все большее внимание не только на чистоту анкет и преданность партийной идеологии, но и на уровень профессиональной подготовленности. Процесс руководства требовал высокой квалификации, и правящие круги пополнялись теперь главным образом за счет людей с высшим образованием. Только на Украине за 1960–1980 гг. число таких возросло со 108 тыс. до 293 тыс.³⁴ В течение того же двадцатилетия в союзных республиках устойчиво росло количество первых секретарей горкомов с высшим техническим образованием, хотя доля кадров с опытом длительной работы по управлению производством была гораздо ниже, чем в РСФСР, а с опытом работы в комсомоле и на других идеологических «участках» – намного выше³⁵. Эта тенденция начала проявляться сразу после Великой Отечественной войны, когда для восстановления и демилитаризации экономики потребовались квалифицированные руководители. Высшее, желательное экономическое и техническое образование оказывалось необходимым не только для решения повседневных вопросов на местах, но и для связей с Центром, потому что в условиях тотального дефицита и строгой плановости хозяйства одним из основных аспектов экономической жизни СССР стала борьба различных ведомств и территориальных образований (в том числе и союзных республик) за инвестиции и фонды. Причем такая борьба велась от мелких проектов на уровне отдельных предприятий до макроуровня (нефте- и газоразработки)³⁶.

По доле коммунистов с высшим образованием в начале 80-х гг. республики располагались по убывающей так: РСФСР, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Киргизия³⁷. Причем до начала 60-х гг. высшее образование партийные кадры получали в основном в различных партшколах, и только через двадцать лет во всех республиках у руля встали работники с полноценной профессиональной квалификацией³⁸.

Эта интеллектуальная трансформация сопровождалась и подвижками в национальном составе республиканских элит. Все

больше становилось нерусских партийных секретарей. Уже к концу 50-х гг. в восьми из четырнадцати союзных республик (РСФСР не учитывается) секретари по оргвопросам принадлежали к местным национальностям³⁹.

Естественно, что при постоянном напоре и интригах республиканских властей вокруг общего, союзного источника распределения ресурсов и в конечном счете благ, Центру требовалось продумать особые меры для контролирования аппетитов усиливающихся элит и тесного сотрудничества с ними. Одной из таких мер стало привлечение их представителей к решению общесоюзных вопросов. Сложилось обязательное правило: все общепартийные и общегосударственные документы (пятилетние планы, доклады генеральных секретарей на различных форумах) предварительно обсуждались первыми секретарями ЦК КП и председателями Советов Министров союзных республик. Без их ведома и согласия в 60-х – 70-х гг. не принималось практически ни одно важное решение общесоюзного масштаба⁴⁰. Практиковалось и привлечение национальных представителей в центральные органы власти. Так, председатели республиканских Советов Министров вошли в состав союзного Совмина, а председатели республиканских Верховных Судов – в состав Верховного Суда СССР.

В те же годы окончательно сформировалась система кадровой работы Центра с республиканскими партийными организациями. Отдел оргпартрabоты ЦК КПСС включал, кроме прочих, сектора Украины и Молдавии, прибалтийских республик и Белоруссии, Средней Азии, Казахстана, республик Закавказья. Через них шли не только назначения и перемещения должностных лиц партийного и государственного аппарата, но и осуществлялся постоянный контроль над деятельностью парторганов. Время от времени результаты такого контроля находили выражение в постановлениях ЦК, причем меры по устранению недостатков, замеченных в одной республике, рекомендовалось брать на вооружение и в других⁴¹. В итоге к началу 80-х гг. сложилась стройная иерархия партийно-государственного аппарата с сильным Центром и сильными периферийными (на республиканском уровне) звеньями. При этом общая постсталинская либерализация режима ослабила у элит страх перед ответственностью за положение на вверенных территориях. Все большее распространение получали концентрация ресурсов в руках местной верхушки; иногда это выливалось в коррупцию.

В сентябре 1959 г. пленум ЦК КП Узбекистана освободил от должности первого секретаря Камалова – в том числе и за постройку дорогостоящей дачи. На его место был избран Рашидов с задачей борьбы с подобными «нездоровыми» явлениями (из-

вестно, что его правление ознаменовалось настоящим расцветом коррупции в республике). В июне 1961 г. пленум ЦК КП Таджикистана рассмотрел вопрос об антипартийной и антигосударственной деятельности первого секретаря Улджабаева и предсовмина Додхудоева: обнаружались приписки во *всех* хлопкосеющих районах, что не составляло тайны для высших руководителей республики. Выяснилось, что махинации координировал заместитель Додхудоева при содействии прокурора Таджикистана. Аналогичная информация в те же годы оглашалась на пленумах ЦК КП Азербайджана, Армении, Казахстана и др. Трактовалось данное явление всегда однозначно: махинациями и приписками занималась небольшая группа, а в целом республиканская парторганизация здорова и в силах самостоятельно справиться с трудностями (так Хрущев говорил, в частности, об Азербайджане)⁴². Центральные органы пытались, разумеется, пресекать криминальные явления, но при отсутствии политической воли для этого на самой вершине властной пирамиды дело зачастую ограничивалось общими и в целом мягкими упреками, рекомендациями «улучшить», «обеспечить», «усилить», «углубить» и т. п.

Центральная власть понемногу, помимо желания, утрачивала управляемость национальной периферией. Бюрократически организованная административная машина переиначивала спускаемые сверху директивы в выгодном для себя смысле⁴³. Сохраняя формальную подчиненность Центру и зависимость от него, руководство союзных республик формировало собственные резервы и системы рекрутирования кадров. Организованные в парадигме «патрон – клиент»⁴⁴, эти системы лишь номинально использовали декларируемые партией «ленинские принципы подбора, воспитания и расстановки кадров», то есть принятое в СССР постепенное бюрократическое передвижение вверх по карьерной лестнице под обязательным партийным контролем. Все более заметными становились факторы землячества, клановости, личных и семейных связей.

Снижение влияния высшего руководства на республиканские элиты, на местные кланы, тотальная коррупция брежневской эпохи побудила генерального секретаря Ю.В. Андропова попытаться ограничить власть местных лидеров, выходящих из-под контроля, и вновь интегрировать их с Центром. Жесткая антикоррупционная кампания Ю.В. Андропова преследовала в том числе и эту цель. Однако вскоре сменивший его К. Черненко свернул эти мероприятия, начав противоположный процесс – фактическую легитимизацию правящей элиты. Развернувшаяся в 1984 г. кампания по повышению роли Советов имела одной из главных задач придать законность совмещению партийных и со-

ветских должностей, наделить в будущем руководство КПСС и компартий союзных республик незыблемым официальным статусом правящей элиты⁴⁵. В таком полусамостоятельном состоянии набирающие силу и власть национальные элиты вступили в период перестройки.

В целом общая динамика развития национальных политических элит союзных республик просматривается в следующем виде.

В начальный период существования в СССР центральные власти инициировали смену элит посредством рекрутирования номенклатурных рядов, во-первых, из социальных низов, во-вторых, из местных национальностей. Одновременно шла бескомпромиссная борьба с попытками отстоять национальные культурные и экономические особенности, что трактовалось как политическое преступление, буржуазный национализм.

С укреплением тоталитарного режима только начавшие формироваться элиты подверглись суровым испытаниям – чисткам, репрессиям, кадровым перетряскам. Для элит сталинской эпохи было характерно частое перемещение работников на постах. При этом главным критерием попадания в номенклатуру оказывалась «чистота» анкеты, преданность вождю и партии, убежденность в марксистско-ленинской идеологии. Деловые качества трактовались, как правило, в виде способности наилучшим образом выполнить руководящие установки. Тем не менее именно до начала 50-х гг. закладывались *организационные* основы национальных элит.

В эпоху десталинизации второй половины 50-х – середины 60-х гг. сложились *экономические* основы их влияния. Решающим шагом в этом направлении стало расширение хозяйственных полномочий республиканских властей во время правления Н.С. Хрущева.

Во второй половине 60-х – 80-х гг. организационные структуры и экономические потенциалы национальных элит выстроились в мощные жизнеспособные институциональные системы, и республиканская номенклатура окончательно утвердилась у власти в своих регионах. Центр довольствовался проявлениями лояльности, участием республик в выполнении пятилетних планов и видимым соблюдением партийно-государственной дисциплины. Вопиющие нарушения последней, растущая коррупция не вызывали у «либерального» брежневского руководства желания приструнить местных лидеров. Те чувствовали свою безнаказанность и уже фактически игнорировали уставные (партийные) и конституционные нормы, превращая выборы в формальность, прием в партию и выдвижение на номенклатурные посты в фикцию, сплачивая вокруг себя мощные полукриминальные кланы из земля-

ков, соплеменников, фаворитов. К середине 80-х гг. национальные элиты союзных республик крепко держали власть, были сильны в организационном отношении, обеспечены материальными и интеллектуальными ресурсами. Постепенно созрели условия для обретения ими большей самостоятельности. При этом даже символическая государственность союзных республик в составе фактически унитарного государства объективно позволяла создать основу для борьбы за реальную автономию⁴⁶ (и в перспективе за независимость).

Уже при самом общем анализе процесса формирования национальных элит, возможен следующий вывод. Коммунистическая партия, правивший в Союзе режим объективно способствовали образованию республиканских элит и тем самым объективно готовили почву для распада Союза. Прочие политические факторы (не всегда удачные действия президента М.С. Горбачева, борьба с ним новых политических сил в конце 80-х – начале 90-х гг., внешние воздействия и проч.) сами по себе едва ли привели бы к отделению республик, если бы в них за годы Советской власти, особенно за четыре послевоенных десятилетия, не сформировался потенциал власти, достаточный для самостоятельного существования.

¹ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Л., 1990. С. 433.

² Там же. С. 430.

³ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Кн. 1. М., 1995. С. 166.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 282.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, совещаний и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 441.

⁶ Там же. С. 252; см также резолюцию XII съезда (Там же. С. 441). Характерно, что большинство из перечисленных народов ко времени принятия процитированной резолюции X съезда еще не входили в союзное государство и считались номинально независимыми.

⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

⁸ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 491, 492.

⁹ Там же. С. 488.

¹⁰ Там же. С. 441, 442.

¹¹ Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину 22 сентября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.

¹² Двенадцатый съезд РКП(б). С. 503.

¹³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 440.

¹⁴ Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры // Огонёк. 1989. № 1. С. 13.

- ¹⁵ См., например: История Киргизской ССР: с древнейших времён до наших дней. Т. 3. Фрунзе, 1987. С. 322.
- ¹⁶ История Таджикской ССР. Душанбе, 1983. С. 209.
- ¹⁷ *Кислицын С.А.* Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов-на-Дону, 1995. С. 82, 83. Скрыпник был народным комиссаром просвещения Украины, состоял членом Политбюро КП(б)У и Исполкома Коминтерна. На своем наркомовском посту он сменил Шумского, дабы исправить «националистические» перегибы последнего. Однако безграмотная русификаторская политика первого секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича вызвала у него протест. Скрыпник выступал за развитие национального самосознания украинцев, пытался добиться повышения уровня суверенитета Украины, реальной борьбы с великорусским шовинизмом. Благодаря его деятельности, кадры украинской национальности стали преобладать в республиканских Наркомпросе, Наркомземе, Наркомосте. В ноябре 1932 г. на пленуме ЦК КП(б)У преемник Кагановича С. Косиор расценил это как захват важных постов петлюровцами. ЦК ВКП(б) отреагировал жесткими заявлениями на меры Скрыпника. В следующем году тот получил должность заместителя председателя Совнаркома Украины, но, не выдержав травли, застрелился.
- ¹⁸ История КПСС. Т. 4. Кн. 2. М., 1971. С. 283.
- ¹⁹ *Хоскинг Дж.* История Советского Союза: 1917–1941 гг. М., 1994. С. 257.
- ²⁰ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 542; Т. 4. Ташкент, 1968. С. 59; *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 23.
- ²¹ *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995. С. 219.
- ²² Цит. по: *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 27, 28.
- ²³ Там же. С. 29. Разумеется, речь не идет о московской руководящей верхушке.
- ²⁴ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 225.
- ²⁵ См. также: *Ледонн Дж.П.* Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 187; *Armstrong J.A.* The Soviet bureaucratic elite. A case study of Ukrainian apparatus. N.Y. 1959. P. 149.
- ²⁶ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. С. 216, 221, 226; История Узбекской ССР. Т. 4. Ташкент, 1968. С. 188.
- ²⁷ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. С. 222, 223.
- ²⁸ *Хоскинг Дж.* История Советского Союза: 1917–1941 гг. С. 266.
- ²⁹ Там же. С. 270.
- ³⁰ Об этих мероприятиях см.: История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 464; История Грузии. Т. 3. Тбилиси, 1968. С. 329; История Казахской ССР: с древнейших времен до наших дней. Т. 5. Алма-Ата, 1980. С. 295; История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 624; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 248–258; История Украинской ССР. Т. 9. Киев, 1985. С. 535.
- ³¹ См., например: История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Очерк. Алматы, 1993. С. 340; *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Указ. соч. С. 202.
- ³² *Пыжиков А.В.* Политические преобразования в СССР: (50–60-е годы). М., 1999. С. 266.

- ³³ История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1995. С. 25; История Украинской ССР. Т. 9. С. 290.
- ³⁴ История Украинской ССР. Т. 10. Киев, 1985. С. 632.
- ³⁵ *Hough J.F., Fainsod M.* How the Soviet Union is governed. Cambridge (Mass.), L., 1979. P. 499.
- ³⁶ *Ibid.* P. 512, 514.
- ³⁷ *Narasimiv B.* Political elite recruitment in the Soviet Union. N.Y., 1984. P. 121.
- ³⁸ *Bialer S.* Stalin's successors: Leadership, stability and change in the Soviet Union. Cambridge e. a., 1980. P. 215, 216.
- ³⁹ *Hough J.F., Fainsod M.* Op. cit. P. 211.
- ⁴⁰ *Молчанов А.И.* Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до Беловежской Пуши: Проблемы и противоречия национальной политики и международных отношений в славянских республиках Союза ССР. Автореферат докт. дисс. М., 1997. С. 20.
- ⁴¹ См., например: КПСС в резолюциях и решениях съездов, совещаний и пленумов ЦК. Т. 11. М., 1978. С. 145.
- ⁴² *Пыжиков А.В.* Указ. соч. С. 207–209. Исследовав доступные материалы по коррупции 1965–90 гг., У. Кларк ранжировал союзные республики по степени коррумпированности следующим образом: Азербайджан, Грузия, Армения, Молдавия, Туркмения, Киргизия, Россия, Узбекистан, Эстония, Таджикистан, Украина, Литва, Казахстан, Белоруссия, Латвия. (*Clark W.A.* Crime and punishment in Soviet officialdom: Combating corruption in the political elite, 1965–1990. Armonk (N.Y.), L., 1993. P. 90, table 3. 6.). Критерием послужило число чиновников, осужденных за хищения, приписки и т.п.
- ⁴³ *Urban M.* Elite stratification and mobility in a Soviet republic // *Elites and political power in the USSR.* Cambridge, 1988. P. 141.
- ⁴⁴ См., *Moses J.C.* Regional cohorts and political mobility in the USSR: the case of Dnepropetrovsk // *Soviet Union.* 1976. Vol. 3. Pt. 1. P. 72, 73; *Breslauer G.W.* Provincial party leader's demand articulation and the nature of centre – periphery relations in the USSR // *Slavic review.* 1986. Vol. 45. № 4.
- ⁴⁵ *Штамм А.* Эволюция элиты // *Посев.* 1993. № 2. С. 52, 53.
- ⁴⁶ *Bialer S.* Op. cit. P. 210.

ВКЛАД МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ УКРАИНЫ В ЭКОНОМИКУ СССР (1943–1950)

*Л.М. Хойнацкая**

(Украина)

Восстановление машиностроительной промышленности Украины, одной из ведущих отраслей республиканской экономики, осуществлялось одновременно с проведением активных наступательных операций по всему советско-германскому фронту. Следует отметить, что к концу Великой Отечественной войны эта отрасль практически прекратила свое существование в результате следующих событий. В период эвакуации 1941 г. на Восток было перебазировано наиболее ценное оборудование 550 крупнейших украинских предприятий с сотнями тысяч высококвалифицированных специалистов и рабочих. Часть промышленных объектов была уничтожена войсками Красной Армии во время отступления. Украина явилась центром наиболее важных военных действий и кровопролитных боев, которые происходили на ее территории на протяжении 1941–1944 гг. К тому же лидеры фашистской Германии рассматривали Украину как главную базу снабжения сырьем и продовольствием своей страны. Оккупационная политика немецкого фашизма в области экономики была направлена не только на ограбление, но и на организованное уничтожение народнохозяйственных фондов Украины. Наибольший вред был нанесен основе основ экономики УССР – тяжелой промышленности: превращены в руины 16 150 предприятий (накануне войны на них работало около 2,3 млн чел.), среди них 108 машиностроительных и оборонных заводов союзного подчинения, выпуск продукции которых составлял 20% общесоюзного объема. Однако наиболее тяжелыми потерями для республики явилась гибель людей. Отстаивая независимость своей Родины, погиб каждый шестой житель Украины. На каторжные работы в Германию было вывезено около 2,5 млн человек. В промышленности Украины численность рабочих, ИТР и служащих уменьшилась на 45,5%¹.

По мере освобождения украинской территории от захватчиков перед трудящимися республики стояла одна цель – возродить из пепла изувеченную, обезлюдившую землю.

* Хойнацкая Людмила Михайловна, кандидат исторических наук. Институт истории Украины НАН Украины.

Работы по восстановлению промышленности возглавлял Государственный Комитет Оборона. Несмотря на трудности, промышленность восстанавливалась на основе планов, разработанных Госпланом СССР совместно с отраслевыми наркоматами и местными партийными, советскими и хозяйственными органами. Особое внимание уделялось восстановлению тяжелой промышленности и ее основной составляющей – машиностроению, в состав которой входили оборонные предприятия. Во-первых, введенные в кратчайшие сроки в действие машиностроительные предприятия освобожденных районов составляли резерв для расширения военного хозяйства СССР, возрастания его производственных мощностей, непрерывного увеличения масштабов поставок танков, самолетов, артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов для наступающей Красной Армии. Во-вторых, от успехов возрождения данной отрасли зависел выпуск оборудования для металлургических, угольных, химических, энергетических и других предприятий страны. Однако четкой программы восстановления машиностроительной индустрии Украины разработано не было.

Если внимательно рассмотреть постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., необходимо отметить, что в нем прежде всего говорится о восстановлении экономики села, культурно-бытовых учреждений и жилищного фонда. Для того времени характерными были краткосрочные планы (не более полугодя), принятые постановлениями ГКО, СНК СССР и СНК союзных республик о восстановлении отдельных экономических районов и предприятий. Поэтому не имелось четкой долгосрочной программы обеспечения производства строительными материалами, оборудованием и рабочей силой. Оперативно решать задачи восстановления машиностроительных предприятий, налаживания производства продукции для фронта и тыла целиком и полностью приходилось местным органам власти и партийным комитетам. К тому же союзное правительство практически все восстановительные проблемы Украины переложило на плечи самой республики. Так, прямой материальный ущерб, нанесенный оккупантами народному хозяйству Украины, составил 285 млрд руб. Всего же за годы войны союзное правительство ассигновало на восстановление народного хозяйства и культуры освобожденных районов республики 18 млрд 320 руб., что составило приблизительно 7% нанесенного ущерба.

Восстановительные работы зачастую приходилось начинать с нуля, максимально используя местные возможности. На большин-

стве предприятий проводились мероприятия по регистрации работников, выявлению годных производственных площадей, станочного оборудования, энергохозяйства и материалов. Отсутствие многих видов оборудования и строительных материалов вынуждало работников предприятий использовать сохранившиеся конструкции, временные схемы, разнообразные приспособления для механизации трудоемких работ. В этот период широко распространился метод «народной стройки», благодаря которому умелыми руками рабочих и специалистов были возвращены к жизни сотни турбин и паровых котлов, десятки тысяч станков и электромоторов².

Несмотря на трудовой героизм рабочих, обеспечить восстанавливаемые площади оборудованием исключительно за счет своих сил было невозможно. Определенную роль в решении данного вопроса сыграли централизованные поставки и капиталовложения в экономику республики. Часть оборудования, материалов и инструментов поступала на Украину из восточных районов СССР. Однако, по сравнению с огромным количеством ценнейшего оборудования, вывезенного в 1941–1942 гг., то что поступало, составляло лишь незначительную его часть. На предприятия машиностроения возвращались лишь уникальное оборудование и станки, которым не нашлось применения в местах эвакуации. Следует отметить, что валовая продукция промышленности восточных районов в 1942 г., по сравнению с 1940 г., увеличилась в 2,4 раза за счет эвакуированных предприятий, в том числе и украинских³. Поэтому до окончания войны массовая реэвакуация украинских рабочих кадров и имущества была признана нецелесообразной ввиду возможных негативных последствий для всей экономики СССР. Наиболее быстрыми темпами восстанавливались заводы наркомобороны, наркомтанкопрома и наркомбоеприпасов. Предприятиям данных наркоматов в первую очередь поставлялись сырье и материалы, оборудование, железнодорожные вагоны и транспорт для отгрузки готовой продукции, запрещалась какая-либо мобилизация людей, занятых выполнением государственных заказов, обеспечивалась прямая связь с Москвой.

Уже первые успехи в восстановлении машиностроения позволили наладить выпуск оборонной продукции, ремонт боевой техники. Только в Харькове на заводе № 135 за сентябрь 1943 г. было отремонтировано 11 самолетов для Красной Армии, на танкоремонтном заводе № 75 в октябре – 25 танков, 40 моторов и 7 паровозов⁴. На восстановленных предприятиях было развернуто производство боеприпасов для «катюш», артиллерийских систем, минометов, армейского снаряжения. Среди украинских предприятий Наркомата вооружения лидировал киевский артиллерийский завод «Арсенал» № 1. Из месяца в месяц работники предпри-

ятия наращивали выпуск необходимой фронту продукции: если в 1944 г. в месяц ремонтировалось 68 пушек, то в 1945 г. – уже 116. Выпуск основной продукции заводом «Арсенал» в 1945 г. составил: 1386 артиллерийских систем (ремонт), винтовок – 106 810, автоматов ППШ – 26 714, пулеметов – 31 172⁵.

На завершающем этапе войны, когда войска Красной Армии перешли в наступление на главнейших стратегических направлениях, осуществляя стремительные глубокие прорывы боевых порядков противника, окружая и уничтожая его крупнейшие группировки, возросла роль танков и самоходно-артиллерийских установок. На бронетанковые силы, как на ударный наземный род войск, возлагались задачи первостепенного значения. Зимой 1944 г. главные средства и силы советских войск были сосредоточены в составе 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов с целью создания значительного превосходства над врагом и разгрома войск групп армий «Юг» и «А». Выполнение поставленных задач было тесным образом связано с непрерывным и все возрастающим обеспечением войск танками и самоходными установками, организацией своевременного ремонта боевой техники. В таких условиях возрожденные из пепла украинские предприятия Наркомата танковой промышленности превращались в дополнительный резерв Советских Вооруженных сил.

Танки и танковые дизель-моторы Украинских фронтов ремонтировались киевскими танкоремонтными заводами № 7, № 8 и рембазой № 3, расположенной на производственных площадях завода «Ленинская кузница», Харьковским ремонтным заводом № 115, Одесским заводом им. Январского восстания, Мариупольским заводом им. Ильича и другими⁶. Одновременно строились новые ремонтные заводы в городах Кременчуг, Днепропетровск, Запорожье (с введением в действие основных производственных цехов в 1944 г.). После освобождения Харькова продукцию для фронта начал поставлять гигант украинского танкостроения – завод № 75 НКТП. Коллективом завода в кратчайшие сроки было подготовлено и освоено производство новой марки арттягачей АТ-45, а также литых башен для танков. Всего за 1944 г. заводом было выпущено: 1103 самоходных установки СУ-76, 309 600 мин М-120, отремонтировано 289 тяжелых и средних танков⁷.

После реорганизации в июле 1944 г. завода № 75 (влился в переведенный в Харьков завод № 38) перед коллективом были поставлены новые задачи. Требовалось провести широкую подготовку к производству нового танка Т-44-А и выпустить первую партию этих машин. Несмотря на усилия администрации, план 1944 г. по выпуску данного танка выполнить не удалось. Слишком много времени отняла организационная работа. Однако уже

с марта 1945 г. завод выпускал 60 танков в месяц*⁸. Танк Т-44 при массе, равной массе танка Т-34, имел в 2 раза более мощную броневую защиту и пушку калибром 100 мм⁹. С середины 1947 г. выпуск танков Т-44 заводом прекратился в связи с организацией производства более мощного танка Т-54 (всего завод № 75 произвел 1800 шт. танков Т-44)¹⁰.

Восстановление машиностроительных и оборонных предприятий было связано с огромными трудностями, особенно с организацией труда. Поэтому естественно, что при таких обстоятельствах не могло идти речи об увеличении выпуска продукции без внедрения различных форм внеэкономического принуждения, а именно организации социалистического соревнования, создания комсомольско-молодежных бригад и т.д. Патриотизм и энтузиазм коллективов предприятий, поддерживаемый стремлением скорейшего приближения дня Победы над врагом, давал позитивные результаты. Выпуск продукции на заводах Наркомобороны на 1 марта 1945 г. составлял 83,4% довоенного. Заводы Наркомтанкопрома изготовили товарной продукции на 265,5 млн руб. Разумеется, что объем товарной продукции, выраженный в рублях, дает о ней лишь абстрактное представление. К сожалению, конкретные цифры отсутствуют, поскольку продукция оборонного значения засекречивалась, а определить количественный вклад предприятий Украины в оборону Советского Союза, по архивным данным как Украины, так и России, практически невозможно.

Однако о нем можно судить исходя из количества оборонных предприятий Украины, принадлежавших соответствующим отраслевым наркоматам СССР. Так, на 1 марта 1945 г. Наркомату минометного вооружения принадлежало 28 заводов, Наркомату танковой промышленности – 3, Наркомату боеприпасов – 10, Наркомату вооружения – 3, Наркомату обороны – 10, Наркомату судостроительной промышленности – 6, Наркомату авиационной промышленности – 10¹¹. Таким образом, быстрый рост военного производства СССР на завершающем этапе войны был неразрывно связан с успехами в восстановлении тяжелой промышленности Украины, которая становилась основой его обороноспособности.

После завершения Великой Отечественной войны в Советском Союзе происходил процесс реконверсии. Переход предприятий на выпуск мирной продукции осуществлялся в плановом порядке согласно постановлению от 26 мая 1945 г. «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения»¹².

* Танк Т-44 в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны не использовался.

На Украине же реконверсии как таковой не наблюдалось. Предприятия гражданского профиля, восстановление которых развернулось в конце 1943 г., сразу ориентировались на выпуск мирной продукции, а их участие в военном производстве ограничивалось ремонтом боевой техники, изготовлением простейшего военного снаряжения и боеприпасов. Своеобразие ситуации заключалось в том, что восстановление предприятий мирного профиля происходило на площадях бывших военных заводов. Так, на базе Киевского бронетанкового ремонтного завода № 8 возник мотоциклетный, Днепропетровского авиационного – завод по производству инструментов и нестандартного оборудования для автомобильной промышленности.

Интенсивными темпами восстанавливались такие важнейшие отрасли гражданского машиностроения, как станкостроение, тяжелое и среднее машиностроение. Особо важное значение имело возобновление работы гигантов тяжелого машиностроения – Новокраматорского и Старокраматорского заводов. Для их восстановления было мобилизовано 10 тыс. человек. К началу 1944 г. оба завода дали первую продукцию. 51 тыс. рабочих, колхозников, домохозяйек приняли участие в восстановлении Харьковского тракторного завода. Через 14 месяцев после освобождения Харькова с конвейера завода сошел первый трактор. А в феврале 1945 г. начался их серийный выпуск. Тракторы с маркой ХТЗ стали поступать во все республики СССР.

Уже в годы войны заводы сельскохозяйственного машиностроения Украины вносили существенный вклад в воссоздание материально-технической базы колхозов и совхозов страны. Только к концу 1944 г. ими было изготовлено 40 386 тракторов, 12 370 комбайнов, 31 856 тракторных плугов, 22 971 тракторный культиватор, 16 850 зерновых тракторных сеялок, 13 201 сложная молотилка¹³.

Поднимались из руин и начинали действовать заводы угольного, транспортного, химического, энергетического машиностроения. Наряду с введением в действие восстанавливаемых предприятий в УССР организовывались заводы новых для республики отраслей машиностроения, а именно: Днепропетровский автомобильный, Киевский мотоциклетный, Одесский и Львовский сборочные. Несмотря на огромнейшие трудности, к концу 1948 г. на Украине машиностроительных предприятий было больше, чем до войны. Действовало 126 заводов, принадлежавших 11 общесоюзным министерствам в области машиностроения*¹⁴.

* До войны на территории Украины действовало 118 машиностроительных и оборонных заводов союзного значения.

Трудящиеся Украины восстановили не только свое хозяйство. Они оказывали существенную помощь и в развитии экономики всех союзных республик.

Значительный вклад в возрождение топливно-энергетической базы СССР внесли украинские заводы угольного машиностроения, освоившие серийный выпуск угольных комбайнов. Так, на Горловском машиностроительном заводе им. С.М. Кирова были изготовлены опытные образцы комбайна ГУК-1. Через год на базе этого комбайна создается опытная партия комбайнов «Донбасс», поступивших в эксплуатацию в 1949 г. Торецкий машиностроительный завод начал выпускать новый тип 10-тонного контактного электровоза, освоил серийный выпуск породопогрузочных машин ЕПМ-1 с электроприводом. Харьковский завод «Свет шахтера» создал несколько типов новых скребковых конвейеров, Ворошиловградский завод им. А.Я. Пархоменко – серию унифицированных высокопродуктивных грохотов, Горловский завод им. С.М. Кирова – новую конструкцию мощной врубовой машины МВ-60.

В 1949 г. Новокраматорский машиностроительный завод впервые в СССР освоил шахтную подъемную машину с бицилиндроконичным барабаном, которая предназначалась для подъемных операций в шахтах глубиной до 1300 м и имела среднечасовую продуктивность около 400 т/час. Конструктивно эта машина была более совершенной по сравнению с соответствующими зарубежными образцами¹⁵.

Большую помощь оказывала Украина республикам СССР и в развитии энергетического хозяйства. Харьковские турбиностроители обеспечивали турбинами многие городские электростанции за пределами республики. Они давали свет и энергию Ленинграду и Риге, Вильнюсу и Волгограду, Кишиневу и Минску. Один только Харьковский турбогенераторный завод изготовлял запчасти для 110 электростанций Советского Союза¹⁶. Электрооборудование для нужд черной металлургии, нефтяной промышленности и морского флота поставлял Харьковский электромеханический завод¹⁷. Уже в 1945 г. не было ни одной республики в Советском Союзе или крупного промышленного города, где бы не было продукции промышленных предприятий Украины. Только продукция киевского завода «Арсенал» поступала в Донбасс, Карелию, Эстонию и Молдавию, в 49 городов СССР¹⁸.

Прогресс машиностроения в первую очередь зависел от развития станкостроения. К концу четвертой пятилетки станочный парк страны по сравнению с 1940 г. возрос более чем в 2 раза, вместе с тем расширялся типаж станков. Возросло производство и использование новейших высокопроизводительных специаль-

ных, специализированных и агрегатных станков-автоматов и полуавтоматов, внедрялись в производство автоматические станочные линии. В создание современных видов станков свой вклад внесли и украинские станкостроители. Киевским заводом станков-автоматов им. А.М. Горького был освоен выпуск новых видов полуавтоматических (тип «1261 П») и револьверных (тип «1336») станков. Одесским заводом радиально-сверлильных станков им. В.И. Ленина – производство вертикально-алмазорежущих станков для шлифовки блоков цилиндров, а Одесским станкостроительным заводом им. С.М. Кирова – серийный выпуск координатно-режущих станков.

Коллективы машиностроительных предприятий Украины обновили и усовершенствовали большинство производимой до войны продукции: паровозостроительный завод им. Октябрьской революции освоил серийный выпуск магистральных паровозов, которые по своей мощности превосходили довоенный паровоз марки ФЛ; Новокраматорский завод освоил выпуск впервые изготовленных в СССР валов гидрогенераторов для гидротурбин мощностью 100 тыс. л.с., цельнокованых барабанов для котлов высокого давления, экскаваторов с ковшом емкостью 15 м³. Новая для Украины отрасль машиностроения – автомобильная – дала первую продукцию в 1948 г. А в 1950 г. уже было изготовлено 18 270 грузовых автомобилей и автобусов. С 1948 г. Украина становится единственным в СССР производителем свеклоуборочных комбайнов. Машиностроителями республики за годы четвертой пятилетки был освоен выпуск свыше 740 видов новых машин, станков и оборудования. По выпуску продукции машиностроение республики в 1950 г. превзошло довоенный уровень на 44%¹⁹. Несмотря на довольно высокие темпы роста продукции, промышленность Украины, как и других освобожденных республик СССР, не выполняла плановых заданий. Помимо задержек с вводом в строй производственных объектов сказывались существенные недостатки в организации производства, применение устарелой технологии и некачественного сырья, низкая квалификация рабочей силы, слабая механизация трудоемких процессов. Следствием этого была убыточная работа многих предприятий.

Огромное влияние оказал и такой внешний фактор, как «холодная война», в результате которой произошли резкий спад, затягивание, а в некоторых случаях и полное прекращение поставок запланированных материалов и оборудования. Американцы побаивались советского вторжения в Европу, хотя в техническом и, по сути, в военном отношении превосходили Советский Союз. Сталин же не мог понять, почему американцы впадают в панику и перевооружаются. Он считал, что США имели агрессивные на-

мерения относительно советской сферы влияния в Восточной Европе. Наличие подобных недоразумений привело к «гонке вооружения». Однако, по мнению американского поверенного в делах в Москве Кеннана, советскому режиму необходимо было перманентное состояние вражды с Западом, чтобы сохранить диктатуру внутри страны. Боязнь внутренней революции была одной из причин агрессивного поведения Советского Союза²⁰. «Гонка вооружения», возникшая между СССР и США в конце 40-х годов, не давала возможности сократить производство боевой техники и вооружения, она нацеливала машиностроительные предприятия Украины на обеспечение в первую очередь потребностей Вооруженных сил СССР. Система ВПК, активно формирующаяся на территории Украины в послевоенные годы, являла собой приоритетную производственную сферу. На базе достижений, полученных производственными коллективами во время войны и в годы четвертой пятилетки, начался серийный выпуск новейших усовершенствованных марок танков, боевых самолетов и кораблей, пушек, минометов, снарядов, патронов, а также разнообразных видов вооружения.

Для получения столь разительных успехов сталинское правительство установило такие критерии и ориентиры в процессе восстановления, которые неизбежно приводили к деформации экономического процесса. Основным направлением развития становилось формирование роста тяжелой промышленности за счет развития товаров легкой промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, программа восстановления предусматривала экстенсивное использование природных ресурсов Украины в интересах промышленного развития всего СССР в таких масштабах, которые намного превосходили потребности самой республики. Страна работала с огромным напряжением, а наличные ресурсы потребительских товаров увеличивались крайне медленно. Несмотря на то что экономика развивалась, их было явно недостаточно для удовлетворения нужд разоренного, изможденного войной народа. Даже развитие транспорта, железных дорог, речного и морского судоходства было заторможено ради обеспечения крупной промышленности. Поэтому, говоря о «героической эпопее» восстановления народного хозяйства, необходимо всегда помнить, что она достигалась предельным напряжением сил, огромным перерасходом материальных и людских ресурсов.

Отметим, что финансирование восстановительных работ осуществлялось прежде всего за счет отечественных источников: доходов и накоплений государственных предприятий, добровольных денежных взносов советских людей (займы, денежно-вещевые лотереи, фонды обороны и т.д.). Ремонтные поставки,

как и импорт, при всем позитивном значении, были относительно небольшими. К концу 1950 г. в Советский Союз поступило материалов и оборудования на сумму 3568 млн долл., почти в 3 раза меньше, чем планировалось²¹.

Объективно показывая как негативные, так и позитивные стороны послевоенного восстановительного периода, необходимо признать, что народ Украины свершил в те жестокие годы настоящий трудовой подвиг, внес свой весомый вклад в возрождение народного хозяйства СССР и создание могучего государства.

¹ Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946–1948 гг. М., 1977. С. 19.

² Коваль М.В. Социалистическая экономика – важнейший источник победы советского народа в Великой Отечественной войне. К., 1984. С. 33.

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 802.

⁴ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 665. Лл. 68, 102.

⁵ Там же. Д. 3260. Лл. 3, 4.

⁶ Там же. Д. 115. Л. 5; Д. 1082. Л. 129; Д. 2003. Л. 241.

⁷ Там же. Д. 2006. Л. 3.

⁸ Там же.

⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

¹⁰ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5792. Л. 2.

¹¹ Там же. Д. 1969. Л. 48; Д. 1125. Л. 54.

¹² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 420. Л. 23.

¹³ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 3379. Л. 18,

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 23, Д. 3966. Л. 7–153; Д. 3990. Л. 15.

¹⁵ Історія народного господарства Української РСР: У 3-т., 4-х кн. Т. 3, кн. 1. С. 216–217.

¹⁶ Соціалістична Харківщина. 1945. 13 липня.

¹⁷ Правда України. 1945. 23 августа.

¹⁸ Радянська Україна. 1945. 12 жовтня.

¹⁹ Історія народного господарства Української РСР. Т. 3, кн. 1. С. 212, 216, 217, 219.

²⁰ Ванден Берге И. Историческое недоразумение? «Холодная война». 1917–1990. М., 1996. С. 86.

²¹ Внешняя политика Советского Союза 1950 г. М., 1953. С. 25.

КРЕСТЬЯНСТВО И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 40-е – НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ XX ВЕКА (На примере Татарстана)

*А.Г. Галямова**

(Казань)

В советской историографии, посвященной военной проблематике, в ряду важных факторов победы отмечались достаточно мощные мобилизационные ресурсы созданной в 1930-е годы системы аграрного производства. В постсоветский период, когда менялись интерпретации многих сюжетов советской истории, эта трактовка по существу не изменилась. Правда, вклад крестьянства в эту победу рассматривался уже не только как результат обусловленного исключительно патриотическими чувствами хорошо организованного труда, но и неоправданной эксплуатации людей при помощи хорошо подходившей для этого колхозной системы.

Не претендуя на исчерпывающий анализ рассматриваемой проблемы, обратим внимание на то, что, когда перед государственной системой встал вопрос выбора между жизнью и смертью, идеологический ригоризм в экономической политике был отчасти отброшен. В чрезвычайно усложнившихся условиях решения продовольственной проблемы власти вынуждены были закрывать глаза на то, как организован труд, лишь бы крестьяне справлялись со своей основной задачей – производством продовольствия. Это проявилось в том, что в годы войны колхозная система отчасти была дезавуирована такими мероприятиями, как раздача колхозной собственности. В Татарской республике крестьяне забирали колхозный скот и земли в личное пользование, чтобы не только, ущемляя в чем-то себя спасти их, но и эффективно использовать. Власти вынуждены были пойти на это, в силу нехватки материальных и людских ресурсов для поддержания колхозно-совхозной системы. Понятно, что это был с их стороны вынужденный шаг.

Как и по всей стране, война увела из деревни республики самых здоровых, самых сильных работников, самую качественную технику, лучших лошадей, однако не сняла с нее обязанности кормить страну, армию в первую очередь. Наоборот, ответственность республики в этом отношении повысилась в результате того, что уже в первые месяцы войны были оккупированы западные тер-

* Галямова Альфия Гальдебнуровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Республики Татарстан.

ритории страны. Всеобщая мобилизация на фронте немедленно отразилась как на трудовых ресурсах сельского хозяйства, лишив его наиболее трудоспособной части, так и на управленческом аппарате аграрной сферы, которой, как известно, почти не коснулась система бронирования. Так, в Татарстане уже во второй половине 1941 г. были заменены 65% председателей колхозов и 66% бригадиров полеводческих бригад¹. В общей сложности в первый же год войны численность населения в колхозах республики сократилась на 150 тыс. человек, т.е. на 9%. При этом число трудоспособных в колхозах сократилось на 19%². Тенденция сокращения как общей численности колхозного населения, так и трудовых ресурсов села стойко сохранялась вплоть до 1944 г. Лишь в 1945 г. несколько увеличилась общая численность сельского населения и довольно заметно его трудоспособная часть – соответственно на 1 и 10%.

Не избалованное техническим изобилием и в предвоенные годы, сельское хозяйство в годы войны лишилось в значительной степени имевшейся материально-технической оснастки. Уже в первые месяцы войны из Татарстана были мобилизованы более 3 тыс. грузовых автомобилей, около 400 тракторов. В аграрном производстве остались худшие машины устаревших марок, которые в иных условиях следовало бы списать. Обострилась и проблема горючего на селе. Между тем природа, не считаясь с социальными коллизиями, неумолимо звала людей на поля. В самый тяжелый для страны период пришла пора убирать еще довоенный хлеб. Главное в создавшихся условиях было заменить ушедших на войну механизаторов. Надо отметить, что в это суровое время у населения произошла внутренняя мобилизация, внутренняя готовность к напряженному труду. Благодаря выходу на работу домохозяйек, пожилых людей, в отдельных колхозах и совхозах республики в уборочных работах в 1941 г. участвовало даже большее количество людей, чем до войны. В общей сложности за годы войны в Татарстане количество колхозниц, не участвовавших в колхозном труде, уменьшилось в 3 раза³. Но основная масса вновь вовлеченных в колхозы не была пригодна для работы в крупном производстве. Техника пришла в село незадолго до войны. С ней умели обращаться главным образом те мужчины, которые в первую очередь попали под военную и военно-промышленную мобилизацию. Поэтому уже летом 1941 г. повсеместно были организованы краткосрочные курсы механизаторов при каждой МТС. К середине июля на них обучалось 3169 человек на трактористов, 989 человек – на комбайнеров. В первую очередь это были бывшие прицепщики и помощники комбайнеров, 75–80% среди них составляла молодежь.

И все-таки «обезмужиченная» деревня полностью компенсировать потери в рабочей силе и технике не могла. Несмотря на двойные, тройные усилия сельских тружеников и привлеченных в порядке трудовой повинности на сельхозработы горожан, далеко не всем хозяйствам республики удалось справиться с уборкой урожая 1941 г. В целом план хлебосдачи государству республикой выполнен не был. Сельчане, в которых еще не была вытравлена недолгим существованием колхозного строя крестьянская психология рачительного хозяйствования, как личную трагедию воспринимали нескошенные поля, необранный хлеб. «До сих пор болит душа, когда вспоминаю, сколько хлеба осталось тогда на полях», – говорила о тех незабываемо тяжелых годах работавшая механизатором в годы войны М.И. Котанкина⁴. Трудно проходили сельскохозяйственные кампании и в последующие два года. «1942 год был очень напряженным, – вспоминает уже упоминавшаяся Котанкина. – Члены женской бригады понимали: фронту нужен хлеб. Много хлеба. Работали сутками. Днем жали, ночью молотили... На уборке 1942 г. мы работали с помощницей сразу на двух комбайнах. Один налажу, бегу к другому. Помощниками-то ведь малые дети работали, на них комбайн не оставишь»⁵.

Трудности военного лихолетья достигли своего апогея в 1943 г. Больше чем когда-либо за годы войны сократилось поступление запасных частей и горючего. Нехваткой кормов были до предела ослаблены лошади. Заслуженный механизатор Татарской АССР Ш. Мухутдинов, впервые приступивший к боронованию весной 1943 г., так вспоминает то суровое время: «Где уж в то время выполнять норму? Мальчишки погоняли лошадей, а сами беспокоились, как бы, обессилев, они не упали. И работать надо, и лошадей жалко»⁶. В целом по республике из наличных 180 тыс. рабочих лошадей использовалось не более 80 тыс., причем эффективность использования была вдвое меньше. Крестьяне уставали физически от сверхнапряженного труда, уставали морально от приходивших с фронта похоронок; вдовели женщины, сиротели дети. Но люди работали в поле с утра до ночи. Очевидцы тех суровых лет вспоминают, как, переступив порог своего дома, они валились с ног и засыпали. У них не оставалось даже сил для того, чтобы умыться и поесть. Отдавая все фронту, деревня была обречена на полуголодное существование. Это негативно сказывалось на состоянии здоровья людей. Так, в 1943 г. в республике отмечалась неблагоприятная эпидемическая обстановка. В 1943 г. наблюдался резкий рост заболеваний сыпным тифом: от 14 случаев в августе до 96 случаев в ноябре⁷. В 1944 г., по данным НКВД ТАССР, количество больных дистрофией в ряде районов

республики доходило от 2000 до 3000 человек, септической ангиной – около 24 000 человек, умерло 6097 человек⁸.

И все же, когда в 1944 г. наступил перелом на фронте в пользу Советского Союза, крестьянам, как и всему народу, стало морально легче переносить все тяготы военного времени. Стали понемногу возвращаться в родные края раненые и комиссованные фронтовики. Мужчины не только воодушевляли женщин уже фактом своего возвращения, но брали на себя самую трудную, насколько позволяло здоровье, работу. Так, в 1944 г. в 18-летнем возрасте возглавил колхоз «Искра» ставший впоследствии легендарным, знаменитым председателем на всю республику, Ф.Г. Галиев. Вернувшись с фронта, он сразу с головой окунулся в колхозные дела. Терпя лишения вместе со своими односельчанами, он предпринимал все усилия, чтобы вовремя засеять, убрать хлеб, умудриться накормить колхозный скот, имея скудные запасы кормов. Колхозникам с этой целью приходилось даже разбирать соломенные крыши.

Посевная кампания 1945 г. совпала с капитуляцией Германии. В деревне, как и по всей стране, это вызвало огромный энтузиазм народа. Несколько улучшилось и материальное оснащение аграрной экономики. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства Татарской АССР» от 3 февраля 1945 г., республике была оказана помощь семенами, машинами. Это благоприятно отразилось на результатах сельскохозяйственного производства. Впервые за военные годы план сева колхозами Татарской республики был выполнен на 100,1 %. В лучшие сроки была проведена уборка хлебов. В победном году республика сдала государству на 4 млн пудов больше, чем в 1944 г. Всего же за четыре года войны Татарстан дал государству 131 млн пудов хлеба, 39 млн пудов картофеля и овощей, 56 млн пудов мяса, 200 млн литров молока, более полумиллиона пудов шерсти, десятки тысяч пудов масла, сала, меда и другой продукции. Около 1 тыс. колхозниц из 4 тыс. ежегодно выполняли и перевыполняли все обязательства перед государством⁹.

Однако далеко не всегда хлеборобы получали хотя бы моральную поддержку за свой самоотверженный труд, не говоря уже об адекватном материальном вознаграждении. Упомянутый нами председатель колхоза Ф.Г. Галиев вспоминает в связи с этим, как однажды приехавший в их колхоз помощник начальника милиции, увидев, как отпускаясь для корма лошадям законно оставленный в колхозе овес, самочинно устроил в колхозе ревизию. Разразившись в гневе, он учинил обыск в домах тех, кто был причастен к хранившимся скудным колхозным запасам. А когда в доме бригадира Ш. Галеева, отца пятерых детей, он обна-

ружил в печи миску с пшеничной кашей, то стал долго и угрожающе отчитывать и оскорблять председателя, обвинять его в обмане государства. «Вместо того чтобы отправить пшеницу на фронт, вы тут отъедаетесь», – заключил районный представитель власти¹⁰. Не одному должностному лицу приходилось выслушивать подобные обидные обвинения в недостаточной сознательности, а то и в пособничестве Гитлеру. Наведением порядка в сельском хозяйстве призваны были заняться учрежденные осенью 1941 г. политотделы МТС. С самого начала им в обязанность вменялась проверка выполнения на местах закона об обязательном минимуме трудодней. В июле 1942 г. специальной ревизии Наркомзема СССР в числе других были подвергнуты 39 колхозов Татарской АССР. Как отмечалось в материалах ревизии, в целом закон выполнялся удовлетворительно¹¹.

Другим важным негласным направлением деятельности политотделов в условиях ослабления роли партийных организаций являлся контроль за политической лояльностью вновь выдвинутых руководителей колхозов и совхозов. Надо сказать, что в суматохе первых военных месяцев в некоторых местах руководство колхозами попало в руки тех, кто ранее скомпрометировал себя как противник колхозного строя. Так, в ряде районов на посты председателей колхозов были выдвинуты люди, имевшие «кулацкое» прошлое, участники «вилочных» восстаний 20-х гг., люди, имевшие судимость за антиколхозную агитацию¹². Правомерно предположить, что в чрезвычайно усложнившихся условиях ведения сельского хозяйства на руководящие должности выдвигались наиболее смекалистые и предприимчивые крестьяне, которые умели эффективно работать. При этом такие выдвиженцы стремились, насколько это можно было в условиях военного времени, отстаивать интересы крестьянства. В годы военного лихолетья у крестьян возродились надежды на ликвидацию колхозной системы, возвращение к традиционно сложившемуся крестьянскому доколхозному укладу жизнедеятельности. Отчасти росту антиколхозных настроений способствовало положение, складывавшееся на фронте в первый период войны. Так, в селе Старая Михайловка Альметьевского района в 1942 г. была арестована группа граждан, которая не только «срывала» государственные мероприятия в области сельского хозяйства, но и выказывала «пораженческие» настроения¹³. Один из жителей этого села, вернувшийся из плена, публично восхвалял жизнь в Германии. «Нам, – говорил он, – до немецкой культуры далеко, нужно еще прожить 50 лет, чтобы сравняться, немцы ходят и одеваются чище нас». Тут же другой участник беседы добавил: «Скоро немцы придут сюда, они уже забрали г. Баку, Сталинград, беспощадно бомбят

Куйбышев, нас здесь скоро освободят от советской власти, от этих колхозов». Причем эти высказывания шли от руководителей колхоза. Не случайно в данном хозяйстве отмечались срыв планов поставок, развал трудовой дисциплины. Как говорилось в обвинительном заключении по делу руководителей колхоза «Красная звезда», «колхозники на работу выходили в 10–11 часов и бросали работу в 3–4 часа дня». В этом же документе отмечалось «разбазаривание хлеба на внутрихозяйственные нужды» при существенных недопоставках его в государственный фонд. Очевидно, «разбазаривание» означало стремление руководителей хозяйства обеспечить более-менее сносное существование односельчан. Так, завхоз этого колхоза, мотивируя недопоставки в государственный фонд, говорил: «Если мы будем отправлять хлеб государству, то колхозников оставим голодными».

Как следует из процитированной докладной записки органов внутренних дел, аналогичная ситуация отмечалась и в ряде других хозяйств района. Так, в целом к середине ноября 1942 г. выполнение плана хлебосдачи здесь составляло 34%. Задержка с вывозом хлеба государству объяснялась «крайне плохой организацией обмолота хлебов со стороны руководства района», т.е. субъективными причинами. В этой же записке отмечалось, что «из 62 конных молотилок, имеющихся в колхозах, на молотье используются только 40, остальные 22 из-за неисправности не используются. Из 14 сложных молотилок и 17 комбайнов МТС более-менее регулярно работают только 7–8 молотилок и 8–9 комбайнов. Остальные продолжительное время простаивают вследствие частых поломок по вине малоопытных машинистов и комбайнеров». Интересно, что далее следовал вывод, при котором главный упор в причинах отставания сельского хозяйства делался не на объективно существовавшем дефиците материально-технических ресурсов, а на недостатках местного руководства, на несознательности колхозников, слабой воспитательной работе среди них.

С руководителями, замеченными в нарушении графика хлебопоставок, расправлялись сурово. Так, председатель колхоза «Красное Калиново» Акташского района И.Н. Агапов за то, что после первого обмолота ржи раздал 4,5 ц хлеба в виде пайка колхозникам, а в счет поставок не сдал ни центнера, был осужден на восемь лет лишения свободы¹⁴. Подобные прецеденты обуславливали возникновение эксцессов прямо противоположного свойства. Боясь наказания за невыполнение жестких государственных заданий, некоторые руководители хозяйств учиняли настоящую расправу над крестьянами. И в конечном счете они все-таки получали наказание, но уже за превышение власти. Так, председатели исполкомов Ямашского, Мавринского, Новоникольского и Ерсу-

баевского сельских советов Акташского района и Демкинского сельсовета Аксубаевского района «за принуждение вплоть до обыска в хозяйствах... при сборе средств на постройку танковой колонны от колхозников» были привлечены к уголовной ответственности¹⁵.

Таким образом, «козлом отпущения» в перипетиях, возникавших в связи с выполнением тяжелых государственных заданий, часто становились руководители сельскохозяйственных предприятий. Массовые кадровые чистки 30-х гг., несмотря на острый дефицит кадров продолжались на селе и в суровое военное время, причем по мере избавления от внешнего врага они усиливались, как усиливался и мобилизационный характер аграрной политики. В июне 1943 г. для изучения обстановки в аграрной сфере в республику прибыл секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, находившийся с частью аппарата ЦК ВКП(б) в Куйбышеве (ныне Самаре) и имевший полномочия давать от имени ЦК указания по экономическим вопросам. Вскоре после его посещения был заменен первый секретарь обкома ВКП(б) и последовала кампания смены руководителей сельскохозяйственного производства. Так, в течение хлебозаготовительной кампании 1943/44 года были преданы суду 138 председателей колхозов, а за первый квартал 1946 г. – 168¹⁶. Надо отметить, что усиление репрессивных методов обуславливалось не только связанным с окончанием войны расширением у властей возможностей применения ее, но и все более отчетливо проявлявшейся позицией профанации по отношению к аграрной политике государства со стороны как руководства предприятий, так и крестьянства в целом в проведении аграрной политики КПСС.

Сельские труженики небезосновательно ожидали, что власти ответят благодарностью за их невероятный труд в невероятно сложных условиях военного времени, в результате которого они оказались в состоянии крайнего обнищания. Не случайно в первые послевоенные годы крестьяне не спешили возвращать в колхозы обобщественные в период коллективизации земельные участки и скот. По материалам проверки, проведенной в 1110 колхозах 26 районов республики в 1946 г., что составляло примерно их половину, было установлено самовольное расширение приусадебных участков у 3 тыс. колхозных дворов и 1518 хозяйств, не входивших в колхозы. В этих же районах 60 различных организаций самовольно засеяли свыше 600 общественных земель колхозов¹⁷. Причем, как отмечалось в документе по результатам проверки, «во многих колхозах расхищение общественных земель шло путем незаконных прирезков приусадебных участков с разрешения правлений и председателей колхозов, а в ряде случаев при прямом попустительстве местных партийных, советских и

земельных органов». Это вполне может свидетельствовать о том, как сильны были ожидания на реставрацию доколхозных порядков среди руководителей колхозов и совхозов. Более того, они были свойственны и для руководителей районного ранга. Так, в «антигосударственной, противоколхозной практике самовольного захвата колхозных земель» были обвинены 14 руководящих работников Ворошиловского района, в том числе председатель райисполкома, начальник районного отделения милиции¹⁸.

Однако ожиданиям крестьян на изменения в аграрной политике не суждено было сбыться. Уже к весне 1946 г. в республике у крестьян было изъято более 91 тыс. га земли, так или иначе оказавшейся в их руках в годы войны. Было также отобрано около 2 тыс. коров и лошадей¹⁹. Тем не менее борьба крестьян за землю продолжалась и являлась достаточно упорной. Мероприятия государства по изъятию колхозных земель во второй половине 40-х гг. имели сиюминутный эффект. И к ним приходилось прибегать почти ежегодно. Так, в 1948 г. в 3428 колхозах было выявлено более 20 тыс. случаев самовольных захватов колхозных земель на площади 3854 га разными организациями и лицами – не членами колхозов. Из них 3696 га было возвращено колхозам²⁰. В июле 1950 г. Совет Министров СССР в своем постановлении отметил, что Совет Министров ТАССР не обеспечил выполнения постановления «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», в результате чего в колхозах республики продолжалось расхищение общественных земель²¹. Но и в 50-е гг. крестьяне продолжали еще отстаивать свое право на землю. В 1951 г. в колхозе «Красный Болгарец» Куйбышевского района республики бригадой обкома ВКП(б) в связи с сигналом, поступившим из села через Совет по делам колхозов, была «изобличена группа бывших кулаков, на протяжении ряда лет подрывавших общественное хозяйство колхоза»²². Суть дела заключалась в том, что в село Болгары в разное время, начиная с 1938 г., возвратилось 15 раскулаченных в начале 30-х гг. семей. Все они приобрели себе дома, обзавелись скотом, получили в колхозе приусадебные участки, многие из них приобрели пасеки. Это были настоящие труженики, которые умели созидать, но не хотели работать «бесплатно» в колхозе. Так, единоличник А. Рябов построил двухэтажный дом с собственной мастерской в нижнем этаже площадью 54 кв. м, оборудовал эту мастерскую полным комплектом столярных инструментов, токарными станками, круглой пилой, выполнял там частные заказы. Другой житель этого села Ф. Тяников построил два дома, обзавелся скотом, собственной пасекой из 18 ульев, двумя лодками, в том числе одной моторной, рыболовными снастями, заседал огород. Еще один любопытный при-

мер из этого села. В 1944 г. в село вернулся бывший зажиточный житель этого села Н.Е. Кузнецов, сбежавший из села в 1930 г., боясь раскулачивания. Он занял ранее отобранный у него дом, получил приусадебный участок, приобрел корову, пять овец, па-секу, в колхоз же не вступал.

Данный пример свидетельствует о том, что в начале 50-х гг. собственнические чувства у крестьян были еще достаточно сильны и благотворны. Надо отметить, что в документе говорится о полном «попустительстве» со стороны руководства района в отношении деятельности единоличников, квалифицировавшейся как паразитическая, антиколхозная. В принятом документе осуждались недостаточная сознательность в отстаивании колхозных интересов, допускавшееся разбазаривание общественных земель. Однако далеко не во всех хозяйствах отмечалось либеральное отношение к бывшим кулакам. Так, для И.А. Наумова, бывшего жителя д. Бута Акташского района, фронтовика, имевшего медаль «За победу над Германией», возвращение в родные края закончилось 10 годами лишения свободы. Правда, возвратившись на родину, он высказывал угрозы в адрес тех членов правления колхоза, которые проголосовали за выселение его отца в отдаленные места СССР²³.

Земля являлась главным, но не самым распространенным объектом покушения крестьянства на колхозную собственность. Не имея возможности получения справедливого вознаграждения за свой труд, крестьяне вынуждены были становиться на путь хищений колхозного добра. По данным архива МВД РТ в 1946–1948 гг. ежеквартально за хищения общественной собственности возбуждались уголовные дела и предавалось суду от 600 до 2000 человек. Причем главными и наиболее крупными расхитителями ее являлись сами руководители сельскохозяйственного производства различных уровней. Анализ архивных документов за 1946–1952 гг. показывает, что почти повсеместно были распространены случаи злоупотреблений служебным положением, незаконного распоряжения имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждения правлений и председателей колхозов выдавать бесплатно или за низкую цену имущество, скот и продукты, принадлежавшие колхозам. Так, в уже рассматривавшемся документе по результатам проверки колхозов в 1946 г. отмечалось, что по распоряжению председателя Акташского райисполкома в колхозе «Якты юл» за бесценнок для руководящих работников было взято 60 пудов муки, 6 пудов мяса, 3 пуда меда. Кроме того, в этом же колхозе руководителями районного уровня было бесплатно получено 33 пуда хлеба, 50 кг меда, 32 кг масла, 10 пудов мяса. Аналогичные факты «растаскива-

ния колхозного добра имели место в Алексеевском, Ципьинском, Апастовском, Актанышском и ряде других районов»²⁴. Эта практика, несмотря на предпринимавшиеся меры, не прекратилась и в последующие годы. Распространенной формой протеста крестьян усилившимся внеэкономическим методам принуждения к труду являлось в послевоенный период уклонение от работы в колхозе, которую крестьяне обоснованно рассматривали как трудовую повинность. Установленный еще в 30-е гг. порядок выплаты трудодней приводил к тому, что многие колхозы не могли дать на трудодни практически ничего. В 1946, 1947, 1948 гг. почти половина колхозов республики не дала денег на трудодни, в остальных колхозах выдача денег была символической – копейка на трудодень. Другой основной компонент трудодня – зерно, также был незначительным. Так, в 1948 г. почти половина колхозов республики выдала по 300 г зерна на трудодень, четвертая часть – от 300 до 500 г, и где-то пятая часть – от 500 г до 1 кг²⁵. В результате только 2,4% от доходов колхозников приходилось на трудодень, остальную часть – давало личное подсобное хозяйство.

Обесценению трудодня способствовали многочисленные случаи нарушения при их начислении, незаконные выплаты их приближенным к руководству лицам и недоплаты тем, кто их действительно заработал. Понятно, что чаще всего от этого страдали рядовые колхозники и те, кто находился в конфликтных отношениях с руководством. Как следует из результатов уже рассматривавшейся нами проверки колхозов, много фактов встречалось по начислению трудодней на работы, не связанные с колхозным производством. Так, в колхозах им. Чапаева, «Юлдуз», «Кзыл байрак», им. Калинина Дрожжановского района средняя выработка на одного трудоспособного колхозника составила за семь месяцев 1946 г. от 110 до 150 трудодней, тогда как в этих же колхозах обслуживающему персоналу (сторожа, учетчики, уборщицы, которые обычно были родственниками и приближенными к руководству людьми) за этот же период было начислено свыше 200 трудодней каждому. В колхозе «Красный ключ» Чистопольского района при средней выработке за 1945 г. 313 трудодней, кладовщику было начислено 456 трудодней, охраннику животноводства – 600 трудодней²⁶. Практика неправильной оплаты трудодней сохранялась и в последующие годы.

Конечно, усиление мобилизационных мероприятий властей по привлечению людей к труду в колхозах не могло не дать определенный результат. По республике на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. по состоянию на 20 января 1949 г. в отдаленные районы СССР было сослано около 700 колхозников и более 400 членов их семей.

Факторы протестной модели поведения крестьянства нельзя рассматривать только как всплеск собственнических чувств крестьянства, вызванных надеждой на возвращение к доколхозной жизни. Скорее эта модель носила рефлексивный характер, т.е. ее следует рассматривать лишь как ответную реакцию крестьянства на государственную политику, не позволявшую обеспечить даже необходимый минимум условий для физического выживания себя и своей семьи.

Иными словами, степень сопротивляемости крестьянства аграрной политике государства не стоит преувеличивать. Крестьянство в большинстве своем смирилось с колхозным строем и не стремилось к реставрации доколхозных порядков.

Положение крестьян Татарстана усугублялось и крайне неблагоприятной погодой первых послевоенных лет: засухами 1946, 1948, 1949 гг. Помимо перманентного чувства голода, крестьяне испытывали и чувство холода. Большой проблемой для республики были дрова. Заготовка их в деревнях из-за нехватки лошадей была крайне затруднительна. Чтобы экономить дрова, нередко стали случаи, когда в одном наиболее крепком доме поселялось сразу несколько семей, а некоторые сельчане поселялись в баньку, на отопление которой требовалось меньше дров.

Настроение крестьянства весьма точно отражено в письме жителя Апастовского района ТАССР Н. Соколова, адресованное Н.М. Швернику. Страхуясь от обвинений в антисоветчине, он пишет: «Я до малейших клеточек своего организма, до мозга костей проникнут единой комсомольской идеей». А дальше он пытался призвать власти к совести. «Где же наша коммунистическая совесть, где наша правда, истина. На словах одно, на деле другое. Вам пишу я уже третье письмо, и десятки людей вам писали и писали в ЦК ВКП(б), но мер нет, люди голодают, кругом жульничество, подхалимство, ложь, обман. Крестьяне прокляли нашу партию, нашего вождя И.В. Сталина и наше ЦК, они думают, что вся Москва виновата в их страдании, в их голоде. Нет больше терпения, люди не надеются прожить до весны, это хуже зверства, хуже в 100 раз империализма. Это не коммунистическое, это империалистическое и даже хуже отношение к трудовому крестьянству, это зверство»²⁷. Куда менее эмоциональное, но не менее убедительное письмо об ужасающем положении в деревне республики, о безысходности направляет первый секретарь Татобкома ВКП(б) З.И. Муратов И.В. Сталину в 1950 г. Например, он отмечает, колхоз «Ирек» Первомайского района задолжал государству более 27 000 литров молока при наличии 6 коров. В среднем по колхозам республики недоимка по зернопоставкам приходилась на 1 га посева 6,25 ц. Велика была и денежная задолженность. Колхоз им. Буденного, Пер-

вомайского района, при денежном доходе в 1949 г. в 78,7 тыс. руб. должен был государству 132,6 тыс. руб. Колхоз «1 Мая», Апастовского района, при денежном доходе в 15 тыс. руб. имел недоимок только по подоходному и окладному налогу 23,7 тыс. руб.²⁸

Отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. По продуктивности земледелия Татарстан отставал от среднего уровня по СССР. На низком уровне находилась агротехника. В начале 50-х гг. продолжался сев яровых по весновспашке, по зяби засевалось менее 50% яровых. Сроки полевых работ затягивались – весенний сев продолжался до 40 дней, уборка – до 50 дней. В отдельные годы, например в 1950 г., остались на полях необрунные площади зерновых и других культур, намолоченное зерно испортилось на токах из-за отсутствия сушилок. Уход за посевами был неудовлетворительным, боронование зяби не превышало 30–40% площадей. В нормальные агротехнические сроки засевалось менее 70% площадей. Кроме того, после февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) даже на мелких почвах, суглинках вводилась глубокая вспашка на 20–22 см, даже 25–27 см, без внесения органических удобрений, на поверхность выворачивался подпочвенный слой, губительный для растений.

Многие колхозы систематически из года в год не обеспечивали себя семенами. В начале 50-х гг. собственными силами колхозы засевали 36–38% площади. Для выполнения и перевыполнения плана хлебозаготовок многие руководители местных партийных и советских органов побуждали колхозы сдавать государству семенное зерно, обещая им семенную ссуду. Ссуду возвращали с процентами. Доставка семян в колхозы, по воспоминаниям колхозников, оставила одно из самых тяжелых впечатлений от тех лет. Как правило, выделяли семена поздно, в весеннее бездорожье, когда разливались весенние воды на полях. Голодные женщины, подростки на ручных санях вынуждены были доставлять семена из государственных хранилищ на расстояние 20–50 км.

В крайне запущенном состоянии находилось и животноводство в республике. Ни одна из отраслей его не была рентабельной. Во многих колхозах не было даже постоянных кадров животноводов. Люди всячески старались избегать тяжелого ручного труда при ненормированном рабочем дне и при низкой оплате труда. Впрочем, они избегали не только животноводческую отрасль, но и стремились вообще перебраться в город.

Массовое бегство крестьян из села, низкие показатели сельскохозяйственного производства свидетельствовали о тщетности чрезвычайных мер в аграрной сфере и заставили власти сменить модель отношения к крестьянам в первой половине 50-х гг.

- ¹ *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 143.
- ² Подсчеты автора по кн. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 396, 398.
- ³ *Асылгараева А.Ш.* Женщины ТАССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. С. 39.
- ⁴ Сельская новь (орган Аксубаевского райкома КПСС). 1983. 26 марта.
- ⁵ Там же.
- ⁶ «Слава труду». Орган Бавлинского райкома КПСС. 1983. 30 апреля.
- ⁷ НА РТ. Ф. 128. Оп. 13. Ед. хр. 192. Л. 78.
- ⁸ Архив МВД РТ. Ф. 4. Оп. 60. Ед. хр. 9 А. Л. 3.
- ⁹ *Гильманов З.И.* Указ. соч. С. 175.
- ¹⁰ *Галиев Ф.Г.* Судьба хлеба. Казань, 1986. С. 48.
- ¹¹ *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 88.
- ¹² *Гильманов З.И.* Указ. соч. С. 145.
- ¹³ НА РТ. Ф. 128. Оп. 13. Ед. хр. 169. Л. 345–347.
- ¹⁴ Там же. Ед. хр. 202. Л. 54.
- ¹⁵ Там же. Л. 34.
- ¹⁶ Архив МВД РТ. Ф. 4. Оп. 59. Ед. хр. 9а. Л. 8; По данным Файзрахманова Г. Л.
- ¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Ед. хр. 146. Л. 91.
- ¹⁸ Там же. Л. 92, 93.
- ¹⁹ *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г.* История Татарстана. XX век. IV часть. Казань, 1998. С. 280.
- ²⁰ НА РТ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2, 7.
- ²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 32. Ед. хр. 191. Л. 6.
- ²² Там же. Ед. хр. 158. Л. 3.
- ²³ По данным архива МВД РТ.
- ²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Ед. хр. 146. Л. 94.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 5974. 0.1. Ед. хр. 3851. Л. 108.
- ²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Ед. хр. 146. Л. 90.
- ²⁷ *Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г.* Указ соч. С. 282–283.
- ²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 31. Ед. хр. 15. Л. 151, 152.

СОВЕТСКИЙ РЕЖИМ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: НОВАЦИИ И КОНСЕРВАТИЗМ (1945–1953)

*Е.Ю. Зубкова**

(Москва)

В течение последних десяти лет фокус исследований советской истории вообще и истории сталинизма в частности стал постепенно смещаться с традиционно «популярных» 1920–1930-х годов на послевоенный период. Появилось понятие «поздний сталинизм», а вместе с тем возникли и закономерные вопросы о критериях его смысловой и хронологической идентификации, определении места послевоенного периода – с точки зрения преемственности и динамики – по сравнению с предшествующим временем и перспективами развития страны. Ответы на эти и многие другие вопросы стали возможны после того, как историки получили доступ к новым архивным документам, и прежде всего фондам ЦК ВКП(б), Совета Министров СССР, других центральных структур, а также региональным материалам.

Изучение этих источников показало, что попытки экстраполировать на послевоенный период оценки и интерпретации советской системы, значимые для 1920–1930-х годов, вовсе не выглядят такими бесспорными, как раньше¹. Несмотря на сохранение принципиальной преемственности с довоенным периодом, после войны перемены в Советском Союзе затронули как власть, так и общество, причем общество в первую очередь. Вторая мировая война внесла серьезные коррективы и в систему международных отношений, в расстановку сил на мировой арене, что также отразилось на развитии внутривнутриполитических процессов. Эти перемены не вписываются в рамки какого-либо одного понятия – «либерализации» или «консервации», «укрепления» или «ослабления», «апогея» или «упадка». Они внутренне противоречивы, часто не выражены до конца, конфликтны, если речь идет, например, о взаимоотношениях власти и общества. Наконец, этот относительно короткий отрезок времени (1945–1953 гг.) – от окончания войны до смерти Сталина – не был единым, имел свои точки перелома, маркирующие новые политические тенденции, смену правящей «команды» или начало очередной кампании.

* Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Особенности развития советского режима и советского общества в первое послевоенное десятилетие уже достаточно подробно описаны в научной литературе². Задача данной статьи – на основе этих исследований и новых источников попытаться представить наиболее характерные тенденции развития страны в послевоенные годы – институтов власти и управления, общественных процессов, идеологических ориентиров. Большинство перемен, затронувших эти сферы, так или иначе, были связаны с войной, ее политическими итогами, экономическими вызовами и социально-психологическими последствиями. После войны Советский Союз, как и все воевавшие государства, должен был пройти через своего рода этап «конверсии» – возвращения к нормам и ценностям мирной жизни, нормализации экономической ситуации, приспособления к новым реалиям мировой политики. При этом «конверсия» могла осуществляться как путем восстановления довоенной системы власти, экономической модели, идеологических конструкций и т. д., так и в результате их обновления с учетом тех тенденций, которые проявились в обстановке военных лет и первые послевоенные годы.

Влияние войны на советскую систему и советское общество было амбивалентным: она вызвала к жизни тенденции и процессы, которые вполне могли быть расценены как признаки либерализации, но одновременно создала механизмы, блокирующие развитие этих тенденций и процессов. Благодаря победе антигитлеровской коалиции СССР вошел в круг ведущих государств, определяющих мировую политику, но, с другой стороны, обретение этого нового статуса стало одной из предпосылок будущего блокового противостояния периода холодной войны. «Комплекс великодержавия» по-своему отразился и на развитии внутренних процессов, определяя приоритеты экономической политики (с упором на военно-промышленный комплекс в ущерб социальным программам) и идеологические новации (например, возрождение имперской идеи под коммунистическим камуфляжем, пропаганда патриотизма взамен «пролетарского интернационализма» и т.д.). В меньшей степени война затронула сферу власти, если иметь в виду основы организации властных институтов, однако и здесь в послевоенные годы происходили довольно симптоматичные перемены, определившие, по крайней мере, центры влияния и расклад сил в борьбе за власть после смерти Сталина.

Изменения в структурах власти и управления. Война внесла неизбежные коррективы в довоенную систему принятия решений – как в верхних структурах управления, так и на местах, изменила характер отношений между Центром и регионами, между партийными и хозяйственными органами, между Сталиным и его

окружением. Еще в довоенные годы наметилась тенденция к уменьшению значения Политбюро ЦК ВКП(б) как центра принятия решений, его роль выполняла узкая группа приближенных к Сталину лиц – «девятка», «восьмерка» или «семерка», состав которых определял сам Сталин в зависимости от характера решаемого вопроса и своих личных пристрастий. Во время войны практиковавшийся ранее порядок бюрократической иерархии естественным образом был нарушен, решения принимались неформальным образом, в процессе оперативного обсуждения, часто без документального оформления. Изменился и характер отношений Сталина с его ближайшими соратниками: они стали более доверительными и деловыми, а сами представители «ближнего круга» получили гораздо большую свободу действий, чем раньше³. После войны Сталин попытался все вернуть на круги своя, проведя, как заметил О.В. Хлевнюк, своеобразную «конверсию высшей власти», стараясь низвести членов Политбюро до уровня простых исполнителей своей воли⁴. С этим были, в частности, связаны внутренние конфликты и кадровые перестановки в верхних эшелонах управления.

В годы войны задачи оперативного управления требовали его децентрализации, передачи части важных административных функций непосредственно местным органам власти и управления, а процедура многоступенчатого согласования решений, практикующаяся до войны, в условиях военного времени стала не только губительной, но часто просто невозможной. Одновременно с децентрализацией управления и обретения местными органами власти большей самостоятельности происходил начатый еще в довоенные годы процесс сращивания партийных и государственных структур, занятых решением одних и тех же задач, прежде всего оборонных и хозяйственных. После войны в интересах той же оперативности управления региональные партийные руководители, для которых хозяйственная работа выходила теперь на первый план, предпочитали устанавливать прямые контакты с соответствующими ведомствами, минуя Советы Министров союзных республик, Совет Министров СССР, ЦК ВКП(б). В Центральном Комитете ВКП(б) такой порядок был расценен как ослабление контроля партийных органов за деятельностью министерств и ведомств⁵. В этой связи в течение 1946 г. принимается ряд решений, призванных вернуть партийному аппарату, и прежде всего Центральному Комитету ВКП(б), контрольные функции над аппаратом государственным. В качестве главного канала такого рода контроля традиционно использовалась кадровая политика, поэтому ключевая роль в реализации этих решений отводилась Управлению кадров ЦК ВКП(б). В апреле 1946 г. его возгла-

вил секретарь ЦК А.А. Кузнецов. Через два месяца после своего назначения Кузнецов представил план мероприятий по улучшению кадровой работы. В этом документе предлагалось четко определить круг должностей (в партийных, советских, хозяйственных органах), назначение на которые находилось бы в исключительной компетенции ЦК ВКП(б) – так называемую номенклатуру ЦК ВКП(б)⁶. По мысли Кузнецова, которую тот высказал на одном из совещаний в марте 1948 г., под контролем Управления кадров ЦК ВКП(б) должны находиться кадры не только партийных структур, но и всех министерств и ведомств, включая находившееся на особом положении Министерство государственной безопасности СССР⁷. Таким образом, речь шла не об усилении контрольных функций партийного аппарата вообще, а об исключительной роли высшей партийной инстанции, ЦК ВКП(б), и его специального структурного подразделения – Управления кадров (а позднее и некоторых других отделов) – в обеспечении этого контроля.

Это уточнение важно, если иметь в виду продолжающуюся дискуссию о роли партии и государства (точнее партийных и государственных структур) в системе управления послевоенных лет. Л. Шапиро, например, говорил об «упадке влияния партии» в послевоенные годы, ссылаясь на особую роль Сталина, который «обладал достаточной властью, чтобы в случае необходимости обходить нормальные партийные каналы, и мог по своему усмотрению игнорировать нормальные партийные органы, что он и делал»⁸. Другие исследователи, поддерживающие тезис об упадке влияния партии, ссылаются на советскую периодику, в которой после войны все реже упоминалось о «руководящей и направляющей роли коммунистической партии», а приоритеты были явно смещены в пользу государства⁹. Возникает закономерный вопрос: как эти выводы и наблюдения о падении роли партии и даже «игнорировании» Сталиным «нормальных партийных каналов» согласуются с решениями по усилению контрольных функций партийного аппарата за государственными структурами? На самом деле, правомерно говорить не об упадке влияния партии вообще, а об ослаблении роли партии как массовой организации¹⁰, не приспособленной для выполнения управленческих функций, которые возлагались на специально созданный для этих целей партийный аппарат. С другой стороны, послевоенные годы действительно характеризуются укреплением государственных начал в жизни страны. Эта тенденция наметилась в конце 1930-х годов, когда правительство – Совет Народных Комиссаров – начинает играть в процессах управления не меньшую роль, чем ЦК ВКП(б). О возрастающем влиянии СНК говорит тот факт, что в

мае 1941 г., т.е. непосредственно перед войной, Сталин становится его председателем, сменив на этом посту В.М. Молотова. После войны по инициативе Сталина в структуре СНК СССР (с марта 1946 г. – Совета Министров СССР) происходит ряд реорганизаций, в результате которых в правительстве сосредоточиваются основные функции по оперативному управлению экономикой страны. С этой целью в системе Совета Министров создаются ряд небольших руководящих групп – отраслевых бюро, комиссий, комитетов. Одновременно Центральный Комитет партии и его аппарат разгружаются от множества мелких хозяйственных проблем, а его «профильные» отделы (промышленные, сельскохозяйственный и т.д.) решают главным образом кадровые вопросы и «курируют» соответствующие отрасли и ведомства. Поэтому более корректно будет говорить не о смещении приоритетов в исполнении управленческих функций между партийными и государственными структурами, а о перераспределении этих функций в целях обеспечения большей эффективности управления¹¹.

Одна из наиболее серьезных реорганизаций в системе Совета Министров СССР была проведена 8 февраля 1947 г., когда было образовано восемь отраслевых бюро (по сельскому хозяйству, металлургии и химии, машиностроению, транспорту и связи, топливу и электростанциям, пищевой промышленности, торговле и легкой промышленности, культуре и здравоохранению). В то же время решение таких вопросов, как внешняя политика и внешняя торговля, государственная безопасность, финансы и оборона были оставлены в компетенции Политбюро ЦК ВКП(б)¹². Практиковался также такой порядок, когда руководителями отраслевых бюро Совета Министров становились члены Политбюро ЦК ВКП(б). Среди входивших в состав двух руководящих структур – Политбюро ЦК ВКП(б) и Бюро Совета Министров СССР – почти все имели двойные обязанности (и по линии ЦК, и по линии правительства), лишь небольшая группа лиц была связаны своей деятельностью исключительно с ЦК или Советом Министров¹³.

Вместе с тем тенденция к более четкому разделению функций между партийным и государственным аппаратом в конце концов коснулась и руководителей высшего звена. 10 ноября 1952 г. было принято постановление Бюро Президиума ЦК КПСС¹⁴ о создании двух «троек», одной из которых (Маленков, Хрущев, Булганин) поручалось руководить работой Бюро Президиума ЦК КПСС, другой (Берия, Первухин, Сабуров) – Бюро Президиума Совета Министров СССР. Члены первой «тройки» были выведены при этом из состава Бюро Президиума Совета Министров¹⁵.

Одновременно с разделением сфер влияния между партийными и государственными функционерами (которое, заметим, не

было оформлено окончательно) менялся баланс сил между представителями различных правящих групп в высшем эшелоне власти. Условно таких групп можно выделить три: «старая гвардия», «ядро» и «резерв».

«*Старая гвардия*» – Андреев, Ворошилов, Каганович, Молотов, Микоян – группа соратников Сталина с революционным стажем, те, кто начинал рядом с ним еще в 20-е годы, помогал возвышению Сталина, знал его прошлое, когда тот еще не был вождем. В новой конфигурации власти, сложившейся в 1930-е годы, они были «лишними», но Сталин нуждался в «стариках» как символах преемственности своей власти, живых свидетелях ее революционной легитимности. После войны «старая гвардия» постепенно уходит на вторые роли, а наиболее сильные фигуры в этой группе – Молотов и Микоян – попадают в опалу. В отношениях между Сталиным и его ближайшим окружением в эти годы усиливается элемент патриархальности, когда не только представители среднего поколения относятся к нему как к «отцу» и «хозяину», но и кремлевские «старрики» меняют тон общения со Сталиным в том же духе¹⁶.

Главную ставку Сталин делает на «ядро», т.е. тех функционеров, чье возвышение началось во второй половине 1930-х годов. Берия, Булганин, Вознесенский, Жданов, Кузнецов, Маленков, Хрущев – они вошли в окружение вождя уже после того, как оформился режим личной власти Сталина. В послевоенные годы они занимают ключевые посты в партии и правительстве. Чтобы не допустить чрезмерного усиления позиций этой группы, Сталин инспирирует или поддерживает конкуренцию и конфликты внутри нее, вплоть до физического устранения одной из противоборствующих сторон¹⁷.

В качестве противовеса авторитету «старой гвардии» и влиянию «ядра» Сталин использует кадровый «резерв», который начинает формировать сразу после окончания войны. Этот резерв состоял, условно, из двух групп – «секретарей» (партийных работников) и «технократов» (хозяйственников). По партийной линии на работу в ЦК ВКП(б) попадают Аристов, Брежнев, Суслов, Пегов, Шепилов и др. Среди хозяйственников в послевоенные годы выделяются Малышев, Косыгин, Первухин, Сабуров, Устинов.

В составе «резерва» и «ядра» заметно усиливаются позиции лиц, так или иначе связанных с военными проектами, военно-промышленным комплексом: Берии, Булганина, Маленкова, Первухина, Сабурова¹⁸. Принадлежность к оборонным проектам, развитию которых после войны Сталин уделял особое внимание, помимо возможностей карьерного роста обеспечивала этой группе руководителей относительную безопасность в случае кадровых

чисток, хотя и не страховала вовсе от немилости вождя (пример Маленкова и Берии – тому подтверждение).

Напротив, люди, имевшие реальные военные заслуги в ходе минувшей войны, после ее завершения попали в опалу или подверглись репрессиям. Сталин опасался усиления влияния военных, популярность которых могла создать угрозу его личной власти. Так, оказался фактически не у дел маршал Г.К. Жуков, один из самых признанных героев войны (его отправили командовать Одесским, а затем Уральским военным округом). Пострадали некоторые другие видные руководители военной промышленности и военачальники (они были репрессированы в результате сфабрикованных дел – «дело авиаторов», «дела работников артиллерийской промышленности» и др.)¹⁹. Репрессии против военных кадров не носили массового характера, однако было достаточно отдельных акций, чтобы подавить «синдром победителей» и не допустить влиятельных военных к ключевым рычагам управления.

В результате управленческих реорганизаций, кадровых перестановок и репрессий в течение первых послевоенных лет была в целом восстановлена управленческая строго централизованная вертикаль. Одновременно произошло упорядочение сфер влияния партийного и государственного аппарата, при этом центральный партийный аппарат сохранил за собой ряд важных контрольных функций. Отличительной особенностью этого периода стало усиление влияния Совета Министров как центра власти и управления. Однако в целом конфигурация власти почти не изменилась: Сталин оставался по-прежнему главным центром принятия решений, он опирался на узкую группу ближайших соратников (в составе которой произошли персональные перемены, прежде всего за счет оттеснения «старой гвардии»), те, в свою очередь, контролировали разные сферы партийного и государственного управления, используя аппарат ЦК партии и Совета Министров.

Идеологические новации. Политика Сталина первых послевоенных лет строилась под влиянием двух противоборствующих факторов – идеологии и прагматизма. Вынесенный из войны прагматизм на какое-то время потеснил идеологические установки, что особенно ощутимо проявилось в сфере внешней политики, например в отношениях между советским руководством и лидерами восточноевропейских стран. Примерно до 1947 г., несмотря на наличие конфликтов, Сталин демонстрировал терпимость и готовность к компромиссам, в том числе и по идеологическим вопросам (например, по вопросу о разнообразии форм перехода к социализму, о создании единого демократического фронта и т.д.)²⁰.

Во внутренней политике влияние прагматизма было не столь заметно, однако и здесь произошли известные идеологические послабления: в годы войны и первое время после ее окончания советские люди получили доступ к зарубежной литературе, стал развиваться обмен научными идеями. В том же ключе следует рассматривать и изменение отношения Сталина к Русской православной церкви, мобилизационные возможности и авторитет которой власть активно использовала.

Возрождение Русской православной церкви и ее поддержка со стороны государства были связаны и с другой тенденцией, вынесенной из войны, – идеей великодержавия и возвращением в связи с этим к имперским ценностям и традициям. Заимствование шло, естественно, не напрямую, а под прикрытием коммунистической фразеологии. Например, когда в марте 1946 г. было принято решение о переименовании народных комиссаров в министры (по аналогии с дореволюционной Россией), Сталин мотивировал его стабилизацией советского общественного строя²¹. Еще во время войны в армию вернулись погоны, были созданы суворовские и нахимовские училища, которые продолжали традиции кадетских корпусов. Наука, литература, кинематограф должны были прославлять деятелей русской истории, чьи имена были связаны с укреплением государственных начал и военными победами. Создавался образ «жесткого, но справедливого государя» (Ивана Грозного или Петра Первого), в котором легко угадывались черты советского диктатора.

Реанимирование имперской идеологии сочеталось с пропагандой идеи патриотизма. Война действительно всколыхнула в народе естественные патриотические чувства. После войны Сталин использовал этот патриотический порыв как противовес тем настроениям, которые зародились в советском обществе благодаря знакомству с образцами западной жизни. В стране стал культивироваться официальный «советский патриотизм». Новая идеология имела одну особенность: несмотря на попытки вождя разыграть «русскую карту», эта идеология была не этнической, а этатистской по своей природе, т.е. обладала все той же государственной-патерналистской сущностью.

Власти подозрительно относились к каждому, кто побывал за пределами СССР, и это подозрение усиливалось в отношении лиц, которые на какое-то время вообще вышли из-под контроля советской идеологической машины. К последним относились советские граждане, побывавшие в плену или оккупации, а также вывезенные из страны в качестве «остарбайтеров». Недоверие властей к репатриантам так же, как и к фронтовикам, строилось на опасении, что те смогут стать для своих сограждан источником непро-

фильтрованной информации. Поэтому, несмотря на официальные заявления в лояльности, в реальной практике имело место стремление к изоляции и ущемлению в правах возвращающихся на Родину лиц²². Другое дело, что этот процесс не мог быть массовым, т.е. нельзя было изолировать от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Иначе пришлось бы изолировать всю демобилизованную армию. Поэтому была задумана широкомасштабная идеологическая кампания по дискредитации западного образа жизни, замешанная на пропаганде советского патриотизма. Проходила она под лозунгом «борьбы с низкопоклонством перед Западом». Одной из организационных форм этой антизападной кампании стали так называемые суды чести, которые были созданы в министерствах и центральных ведомствах после специального решения ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 28 марта 1947 г. «Суды чести» были выборными органами, а их полномочия ограничивались вынесением обвиняемому общественного порицания или общественного выговора, а также возможностью передачи дела следственным органам²³.

Профилактический эффект «судов чести» усиливался за счет изменения, примерно с начала 1947 г., общего тона материалов прессы, публичных выступлений лидеров страны. В них все настойчивее звучали мотивы, напоминающие о временах «большого террора» 30-х годов²⁴. Цитировались письма ЦК ВКП(б) 1935 и 1936 гг., появившиеся в связи с убийством С.М. Кирова и призывающие к бдительности против «происков врагов»²⁵, вспоминалась речь Сталина на февральско-мартовском пленуме партии 1937 г., послужившем отправной точкой для организации массовых репрессий. Все эти кампании и высказывания преследовали одну цель: в общество должен был вернуться страх, несколько утраченный за годы войны, и рассеять либеральные иллюзии 1945 года.

Кризис ожиданий и «закручивание гаек». Одними намеками на 1937 год дело не ограничилось. 26 октября 1948 г. была издана совместная директива МГБ СССР и Прокуратуры СССР, предписывающая арестовывать бывших троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, белоэмигрантов, так называемых националистов, уже отбывших свой срок и вышедших на свободу. Таким образом, люди были арестованы повторно за одно и то же преступление (отсюда их название – «повторники»). Подобное действие находилось в противоречии с советским уголовным законодательством. Поэтому арест и ссылка «повторников» проводились по решению внесудебного органа – Особого Совещания при МГБ СССР. Всего в 1949–1953 гг. по директиве от 26 октября 1948 г. было арестовано и сослано на бессрочное поселение 20 267 человек²⁶.

Это был первый сигнал о том, что власть, не удовлетворившись результатами «профилактической работы», вновь переносила центр тяжести своей политики на репрессивные методы. 1948 год в этом смысле стал переломным, что имело под собой как внешне – так и внутривластные причины. В числе первых – кризис в отношениях между СССР и странами Восточной Европы (образование Коминформа, конфликт с Тито), поражение коммунистов на выборах в ряде европейских стран, растущая конфронтация с Западом, что наиболее наглядно продемонстрировали события, связанные с блокадой Берлина в 1948 г.

Неудачи СССР на международной арене совпали с известным обострением внутривластной ситуации, обусловленным кризисом послевоенных ожиданий. В 1948 г. в СССР было официально объявлено о восстановлении довоенного объема промышленного производства, годом раньше была отменена карточная система – своеобразный символ военного времени. Закончилась демобилизация из армии военнослужащих, принимавших участие в войне. На фоне этих событий, которые современниками воспринимались почти однозначно как свидетельство окончательного перехода от войны к миру, повседневная жизнь большинства людей, их реальный жизненный стандарт по сравнению с военным временем изменились очень незначительно, что вызывало закономерное недовольство и требование перемены ситуации. На эти вызовы режим ответил новым «закручиванием гаек».

В соответствии с ужесточением политического курса были скорректированы и идеологические ориентиры. Имперская идеология, построенная первоначально на двух компонентах – патриотизме и антипатриотизме («низкопоклонстве перед Западом») – была дополнена новым представлением об образе врага, в качестве которого теперь выступали «местные националисты» и «буржуазные космополиты». В условиях кризиса послевоенных ожиданий на почве недовольства низким уровнем жизни идея борьбы против «общего врага» должна была сыграть роль компенсирующего фактора в процессе консолидации общества и власти. Под лозунгом борьбы с проявлениями местного национализма в 1950–1952 гг. проходила чистка республиканских элит (среди наиболее громких дел этого уровня – «эстонское» и «мингрельское»). Репрессии против руководителей одной из «старых» республик (Грузии) и одной из «новых» (Эстонии) должны были служить показательным примером для остальных региональных лидеров, пытавшихся после войны проявлять относительную самостоятельность и стремление отстаивать интересы региона перед претензиями центра. Вместе с тем «дела», организованные по типу эстонского или мингрельского, имели один идеологический

«изъян»: оставаясь замкнутыми на региональном, республиканском уровне, они не годились для фабрикации «националистического заговора» в масштабах всей страны (по типу политических процессов 30-х годов). Для создания образа «общего врага» нужен был соответствующий национальный элемент.

В этом смысле вполне правомерно допустить, что выбор Сталина отнюдь не случайно пал на советское еврейство. Евреи не только были расселены по всей территории Советского Союза, но и многие из них принадлежали к элите советской науки и культуры, занимали ответственные государственные посты. Кроме того, у советских евреев была своя общественная организация – Еврейский антифашистский комитет, которому в случае необходимости можно было бы приписать роль «националистического центра». Организаторы антисемитской кампании учли и такой фактор, как латентный бытовой антисемитизм, присутствующий в различных слоях советского общества²⁷.

Антисемитская кампания проходила под лозунгом борьбы с так называемым космополитизмом. Обвинения в «космополитизме» пришли на смену не вполне оправдавшей себя, с точки зрения властей, кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом», в известном смысле «конкретизируя» последнюю. «Космополитизм» выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства» – как полный разрыв с интересами отечества. Кроме того, в отличие от кампании борьбы с «низкопоклонством», которая не имела четко выраженного объекта нападения (в грехе «преклонения перед иностранщиной» мог быть обвинен кто угодно), круг «космополитов» был очерчен довольно ясно. Об этом нигде официально не упоминалось, но современники прекрасно понимали, о ком идет речь: в роли «безродных космополитов» выступали советские евреи. С 1949 г. начались массовые увольнения евреев во всех министерствах и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов. Чистке по национальному признаку было подвергнуто даже такое ведомство, как Министерство государственной безопасности. К весне 1952 г. было закончено следствие по делу Еврейского антифашистского комитета, всего же в связи с «делом ЕАК» в течение 1948–1952 гг. было репрессировано (приговорено к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек²⁸. Заключительным этапом антисемитской кампании стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. «Дело врачей» – единственное в цепи послевоенных репрессивных акций, которое было предано публичной огласке. Манипулируя массовыми настроениями, власти смогли придать карательной кампании характер «всенародно-

го одобрения»: в ЦК партии, центральную прессу поступали сотни писем, индивидуальных и коллективных, авторы которых требовали самого жестокого наказания для арестованных врачей²⁹.

Используя инструмент террора, режиму удавалось решать одновременно две задачи: держать общество в повиновении и обеспечивать выход негативным эмоциям. Негативная энергия, вызванная нехватками послевоенного бытия, со справедливых претензий в адрес властей переключалась в совершенно иное русло – на поиски и наказание «виноватых». Вместе с тем жизнеспособность сталинской системы держалась не только на страхе и лояльности, но и на таких факторах, как энтузиазм, оптимизм, консенсус между обществом и властью. Для обеспечения этого консенсуса возможностей репрессивного механизма было явно недостаточно. Здесь требовались иные, позитивные, средства воздействия на общественные уמוнастроения и умелая работа пропагандистской машины.

Социальные программы и военные амбиции. Не все ожидания, связанные с окончанием войны, можно было проигнорировать, объявив их результатом враждебного влияния и «буржуазной пропаганды». Часть из этих надежд, например на улучшение условий жизни, подъем жизненного стандарта после войны, были вполне законными и требовали ответных шагов со стороны властей. В своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 г. Сталин сделал несколько обещаний такого рода, заявив о скорой отмене карточной системы, развитии производства товаров народного потребления, расширении объемов торговли. Вместе с тем вождь жестко обозначил приоритеты экономического развития на несколько лет вперед – сталь, чугун, уголь, нефть. В действительности, разоренная войной страна решать одновременно две эти задачи – развивать социальные программы и наращивать промышленную базу – была просто не в состоянии. Нереальность подобного совмещения приоритетов становилась особенно очевидной, если учитывать потребности развития военно-промышленного комплекса, который постепенно становился главной сферой государственных интересов.

Демилитаризация экономики продолжалась примерно до 1948 г. Сразу после войны многие военные производства переключались на выпуск гражданской продукции. В течение 1946–1950 гг. темпы роста военно-промышленной продукции упали не только относительно периода войны, но и довоенного 1940 года³⁰. Однако этого оказалось недостаточным, чтобы удовлетворить даже текущие, совсем непритязательные потребности населения. В начале 50-х началось техническое перевооружение армии и флота. План развития народного хозяйства СССР на

1951–1955 гг. по военным отраслям промышленности предусматривал значительный, из года в год возрастающий объем поставок всех видов военной техники³¹. Даже по данным ЦСУ СССР, далеко не полным, расходы на оборону в течение 1946–1952 гг. составляли от 20 до 24% государственного бюджета³².

Восстановление и экономический рост в послевоенные годы во многом обеспечивались за счет населения – в результате роста налогов (сельскохозяйственного, подоходного и др.), увеличения прочих отчислений в бюджет, например в форме государственных займов. Так, в 1946 г. через государственный заем от населения поступило в бюджет 20,6 млрд руб., а в 1952 г. – 36,3 млрд руб.³³ Несмотря на официально декларируемый добровольный характер подписки на займы, фактически это было обязательное мероприятие, которое, кроме того, проводилось с большими нарушениями (принуждение, увеличение размера подписки под угрозой увольнения и прочих административных санкций)³⁴.

Главным источником доходов госбюджета в послевоенные годы, как и до войны, был налог с оборота (более 50% от всех доходов). Этот налог также может считаться одной из форм изъятия средств у населения, так как ценообразование на промышленные товары и продукты питания находилось в руках государства³⁵.

Власть использовала этот инструмент и для проведения популистских акций, какими являлись послевоенные снижения цен. Первое снижение цен было проведено в феврале 1946 г.³⁶ – через две недели после выступления Сталина перед избирателями, «наглядно» продемонстрировав, что слова вождя о скором улучшении жизни не расходятся с делом: именно такой отклик, судя по массовым высказываниям, эта акция вызвала у населения³⁷. Столь же популярными в народе были последующие снижения цен, которые с декабря 1947 г. стали ежегодными (последнее снижение цен состоялось в апреле 1954 г.). За пропагандистскими кулисами этого мероприятия остался тот факт, что, несмотря на многократные снижения, послевоенные цены так и не опустились до уровня довоенных, и в апреле 1953 г. были на 33,5%, чем в 1940 г., и на 59% выше, чем в 1937 г.³⁸ Практически ничего не выигрывало от снижения цен сельское население. Более того, эта акция во многом проводилась за счет крестьянства – за счет разницы между заготовительными и розничными ценами на сельскохозяйственную продукцию, а также повышения налогов³⁹.

В целом структура и уровень потребления основной массы населения страны изменились очень незначительно по сравнению с довоенным периодом. В рационе питания как городских, так сельских жителей основными продуктами оставались хлеб и картофель, причем потребление картофеля, который часто заменял

собой отсутствующий хлеб, даже возросло⁴⁰. Такое положение было не только следствием войны, но и результатом политики сплошной коллективизации деревни, начатой в 1929 г. В 1950 г. производство ряда продуктов питания – зерна, мяса, молока, овощей – в расчете на душу населения было ниже уровня 1928 г.⁴¹

В 1946–1947 гг. население нескольких регионов СССР пострадало от сильной засухи и голода. Продовольственный кризис коснулся тогда не только жителей попавших в полосу бедствия районов: специальным решением правительства повсеместно были повышены цены на нормированные продукты питания, а значительная часть населения (26,5 млн человек), прежде всего в сельской местности, вообще была снята с пайкового, т.е. гарантированного, снабжения⁴². В тон происходившему в тот период изменилась лексика и общая направленность пропаганды, в которой уже почти не делалось обещаний насчет скорого наступления лучшей жизни, но упоминалось о неизбежности новых жертв и «временных трудностей».

Продовольственный кризис 1946–1947 гг. стал своего рода тестом отношений между народом и властью, что продемонстрировала массовая реакция на известие о повышении цен. Несмотря на достаточно бурный всплеск негативных эмоций, перевес в конце концов оказался за настроениями позитивного свойства, оправдывающими власть и принимающими ее объяснения о неизбежности «временных трудностей». Главный аргумент при этом сводился по сути к констатации: «раз решение принял товарищ Сталин, значит другого выхода не было»⁴³. В качестве главных «виновников» кризиса чаще всего назывались либо «вредители» внутри страны, либо «империалисты», грозящие Советскому Союзу новой войной⁴⁴. Угроза войны как аргумент оправдывала все и вся.

Постоянное опасение войны – характерная черта советской ментальности. Через призму военной угрозы народ рассматривал не только непопулярные решения власти, но и разные, часто совершенно не связанные между собой события: выступление Черчилля в Фултоне, создание Коминформа, начало военных действий в Корее, сбор подписей под Стокгольмским воззванием за запрещение атомного оружия и т.д.

Мысли о возможности нового военного конфликта в сознании людей были тесно связаны с пережитым во время войны прошедшей. У них, переживших бедствия военного времени, сформировалось особое отношение к жизни и ее проблемам. Отсюда слова-заклинание – «только бы не было войны» – и «прощение» властям всех непопулярных решений, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения.

Это настроение народа активно использовалось властью и работавшей на власть пропагандой: из недавних союзников формировался образ врага, агрессивные намерения которого якобы мешают осуществить социальные программы и оказать в полной мере помощь пострадавшему от войны народу. Миф о враждебном окружении дополнялся мифом о наличии «пятой колонны» внутри страны: тогда негативная энергия переключалась на «врагов» внутренних. Иллюзия совместного противостояния внешним и внутренним врагам работала на идею единства народа и власти. Эта иллюзия, даже несмотря на наличие массовых критических настроений, не позволила этим настроениям перерасти в открытый конфликт между народом и властью.

Вместе с тем подобную позицию властей нельзя все же считать исключительно пропагандистским трюком или примером ловкой манипуляции общественными умонастроениями. Психология враждебного окружения была частью советской ментальности, характерной чертой мышления не только народа, но и вождей. Обстановка холодной войны, изменившая международный климат и опрокинувшая надежды на мирное сотрудничество между военными союзниками, активно «работала» на закрепление этой психологии.

Призрак военной угрозы поддерживал советское общество в состоянии постоянной мобилизационной готовности и, в известном смысле, обеспечивал жизнеспособность политической системы. Нацеленная на выживание в ситуации «враждебного окружения», эта система могла успешно функционировать только в условиях противостояния – реального или мнимого. Призрак войны играл роль фактора, цементирующего общество, придающего необходимый тонус общественным процессам. Эти настроения использовались не только властью, но и набирающим силу военно-промышленным комплексом, требующим на свои нужды все новых и новых затрат.

Образ будущего и «великие стройки коммунизма». Вместе с тем помимо внедрения в общественное сознание идеи неизбежности послевоенных жертв и «временных трудностей», власть должна была позаботиться и том, чтобы зарядить общество позитивными эмоциями. Ресурс победы был для этого уже недостаточен, а обещания «лучшей жизни» были неконкретны, и их воплощение отодвигалось на неопределенное время. Будущее должно было обрести некие конкретные очертания и имидж общей цели. Кремлевские идеологи представили это будущее в виде образа коммунистического общества.

В проекте Программы ВКП(б) 1947 г. было записано: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) ставит

своей целью в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество»⁴⁵. Таким образом, сроки были определены вполне конкретные – не слишком короткие, чтобы не активизировать текущие ожидания, но в то же время рассчитанные на то, что «светлое будущее» увидят представители живущих поколений. С экономическими и политическими реалиями эта идеологическая конструкция имела мало общего, если не считать ее компенсирующего эффекта: величие нарисованного будущего как бы заслоняло собой, нивелировало не очень привлекательное настоящее. По образному выражению немецкого историка К. Гества, образ коммунизма призван был заменить «ландшафт» общественного сознания – от руин к мечте⁴⁶.

Новая партийная программа так и не была принята при жизни Сталина (даже подготовленный проект не был опубликован), однако идея «ландшафта» будущего вскоре обрела вполне конкретные очертания: ее воплощением стали «великие стройки коммунизма». Амбициозные проекты «великих строек» – гидроэлектростанции на Дону и Волге, Волго-Донской и Большой Туркменский каналы, другие масштабные сооружения – должны были выполнять роль «наглядной агитации», служить символами новых побед советской системы взамен символа победы военной. «Великие стройки коммунизма», идея которых возникает и начинает воплощаться в 1948 г., являлись одним из способов самоутверждения системы в условиях кризиса послевоенных ожиданий и внешнеполитических неудач.

Огромные инвестиции и пропагандистская кампания делали их весьма привлекательными для людей, стремившихся реализовать свои возможности или поправить материальное положение. Однако реальная жизнь на стройках оказалась слишком далекой от пропагандируемого коммунистического идеала: бытовые неудобства, плохая организация, коррупция, наконец, сам контингент «строителей коммунизма», значительную часть которого составляли заключенные. Экономическая целесообразность подобных дорогостоящих проектов тоже вызывала большие сомнения, особенно если учитывать сопутствующие факторы: затопление больших территорий, переселение людей, нарушение экологического баланса. Однако при жизни Сталина на «великие стройки», названные к тому же его именем, никто не покушался. Они были законсервированы почти сразу после смерти диктатора, хотя сама идея «великих строек» – «покорения пространства и простора», как пелось в одной популярной советской песне, на государственном уровне продолжала жить, найдя свое воплощение в проектах времен Хрущева – освоении целины, сибирских стройках, наконец, космической программе.

Задуманные как символы будущего, «великие стройки коммунизма» на самом деле стали символами конца сталинской империи – столь же амбициозные и неэффективные, как и она сама. Подавив рожденные войной позитивные импульсы, система восстановила довоенный статус-кво, но проблемы остались: нищая деревня, низкий уровень жизни основной массы населения, громоздкая структура управления, консервативная экономическая модель, восприимчивая к техническим новациям только в одной сфере – военной. Консенсус общества и власти обеспечивался не на основе позитивных ценностей, а за счет тотального контроля, подавления какой бы то ни было оппозиции и консолидации на почве идеи «общей угрозы». Авторитет власти в народе во многом держался на кредите доверия к власти верховной, персонифицированной в фигуре Сталина. Любой кризис в ее верхних эшелонах, а тем более уход самого «вождя» грозил немедленным нарушением сложившегося баланса. В то же время опыт войны и надежды послевоенных лет не были утрачены совсем: часть из них была реализованы в комплексе реформ, начатых уже после смерти Сталина.

¹ Некорректность подобной экстраполяции отметила, например, Ш. Фитцпатрик: *Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* New York, Oxford, 1999. P. 13.

² Назовем несколько наиболее значительных работ, посвященных этому периоду советской истории: *Werth A. Russia: The Postwar Years.* N.Y., 1971; *Hahn W.G. Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Modernisation.* 1946–1953. Ithaca; London, 1982; *Dunmore T. Soviet Politics.* 1945 – 1953. L., 1984; *Linz S.J. (Ed). The Impact of World War II on the Soviet Union.* Totowa, 1985; *Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964.* М., 1993; *Романовский Н.В. Лики сталинизма. 1945–1953 гг.* М., 1995; *Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War.* Cambridge, 1996; *Zubkova E. Russia after the war: Hopes, Illusions, and Dissapointments, 1945–1957.* Armonk, N.Y., 1998; *Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991.* М., 1998; *Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы.* Под ред. А.О. Чубарьяна. М., 1999; *Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953.* М., 1999; *Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы.* М., 2001; *Duskin J.E. Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite.* N.Y., 2001; *Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм.* М., 2001; *Plaggenborg S. (Hrsg.). Handbuch fuer Geschichte Russlands. Band 5: 1945–1991. Vom Ende des Zweiten Weltkriegs bis Zum Zusammenbruch der Sowjetunion.* Lieferung. S. (1945–1953). Stuttgart, 2001.

³ Об этих переменах в отношении Сталина к своему окружению и о создании «системы доверия» писал в своих мемуарах Анастас Микоян: *Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем.* М., 1999. С. 465.

- ⁴ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 7.
- ⁵ В этой связи особое беспокойство партийных чиновников в Москве вызвали случаи премирования партийных работников министерствами и другими хозяйственными органами. Специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 18 мая 1946 г. партийным работникам было запрещено получать премии от представителей министерств, чтобы «не становится игрушкой в руках ведомств в ущерб интересам государства». Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 131. Д. 284. Л. 152.
- ⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 264. Л. 104–105.
- ⁷ Там же. Оп. 121. Д. 640. Л. 97.
- ⁸ *Шапиро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. Москва, 1990. С. 761.
- ⁹ *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 158.
- ¹⁰ См. об этом подробнее: *Зубкова Е.Ю.* Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945–1953 гг. // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 117–127; № 4. С. 96–110; № 6. С. 112–120.
- ¹¹ Авторы и составители документального сборника, посвященного деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР в послевоенные годы, считают, что многочисленные аппаратные реорганизации, предпринятые в это время, были связаны с «попытками повысить эффективность огромной и громоздкой партийно-государственной машины» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 6).
- ¹² Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 42.
- ¹³ Например, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов не имел руководящих постов в Совете Министров СССР, член Политбюро Н.С. Хрущев всего несколько дней осенью 1952 г. входил в состав Бюро Президиума Совета Министров СССР (хотя до 1947 г., будучи первым секретарем ЦК компартии Украины, он одновременно возглавлял и украинское правительство). М.З. Сабуров занимал ключевые посты в правительстве, но в состав Политбюро (Президиума) ЦК был включен только в октябре 1952 г.
- ¹⁴ Оба эти органа – Президиум и Бюро Президиума ЦК КПСС – были созданы после XIX съезда партии 16 октября 1952 г. Бюро Президиума ЦК, состоящее из девяти человек, фактически выполняло функции Политбюро.
- ¹⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 99–100.
- ¹⁶ Там же. С. 9–10.
- ¹⁷ Жданов, Вознесенский, Кузнецов принадлежали к так называемой ленинградской группе, которой противостоял блок Берии – Маленкова. Жданов умер при невыясненных до конца обстоятельствах в августе 1948 г. В ходе «Ленинградского дела» и «дела Госплана» в 1951 г. были репрессированы Вознесенский и Кузнецов. Чтобы не допустить усиления позиций Берии и Маленкова, Сталин в качестве противовеса начинает возвышать Булганина, которого поддерживает Хрущев. Так в «ядре» формируются два новых блока: Берия – Маленков и Булганин – Хрущев.
- ¹⁸ Берия возглавлял Спецкомитет № 1, которому подчинялись все работы по атомному проекту, Маленков и Первухин входили в состав этого спец-

комитета. Маленков в разные годы курировал также авиационную промышленность, производство реактивной техники, военные кадры. Сабуров был председателем Спецкомитета № 3 (по радиолакационной технике). Булганин в 1947–1949 гг. был министром вооруженных сил, в это же время являлся председателем Спецкомитета № 2 (по реактивной технике), в октябре 1952 г. возглавил вновь образованную постоянную Комиссию Президиума ЦК КПСС по вопросам обороны. В январе 1953 г. наблюдение за оборонными проектами по линии Президиума ЦК КПСС поручается «тройке» – Берии, Булганину и Маленкову.

- ¹⁹ О репрессиях против военных кадров после войны см. подробнее: *Пухля Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. С. 41–56.
- ²⁰ *Wolokotina T., Muraschko G., Noskova A.* Das Zentralkomitee der WKP(b) und das Ende der «nationalen Wege» zum Sozialismus // *Jarbuch fuer Historische Kommunismusforschung.* Berlin, 1994. S. 9–37; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Том 2. Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 7–52; *Волокитина Т.В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // *Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы.* С. 10–22; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002.
- ²¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.
- ²² О судьбе репатриантов см.: *Bonwetsch B.* Sowjetische Zwangsarbeiter vor und nach 1945. Ein doppelter Leidensweg. In: *Jarbuocher fuer Geschichte Osteuropas.* В. 41. 1993. S. 532–541; *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // *Социологические исследования 1995.* № 5. С. 3–13; *Полян П.* Жертвы двух диктатур. «Остарбайтеры» и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.
- ²³ Наиболее подробно история «судов чести» представлена в исследовании: *Есаков В.Д., Левина К.С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.
- ²⁴ См., например: Стенограмма пленума Владимирского обкома ВКП(б). 31 января 1947 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 14; Доклад секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова на собрании работников аппарата ЦК ВКП(б) по выборам суда чести. 29 сентября 1947 г. // *Источник.* 1994. № 6. С. 74; *Романовский Н.В.* Лики сталинизма. 1945–1953 гг. М., 1995. С. 27.
- ²⁵ Имеются в виду закрытые письма ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. «Уроки событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова» и от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока».
- ²⁶ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. М., 2001. С. 43–45.
- ²⁷ Об истории антисемитской кампании конца 1948–1953 гг. см.: *Gilboa Y.* The black years of the soviet Jewry. 1939–1953. Boston, 1971; *Redlich S.* Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. The Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941–1948. Boulder, 1982; *Pinkus B.* Jews of the Soviet Union. Cambridge University Press, 1988; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврей-

- ского антифашистского комитета. М., 1994; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.
- ²⁸ О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 40.
- ²⁹ Информация о реакции на «дело врачей» содержится, например, в Сводке писем-откликов на сообщение ТАСС об аресте «группы врачей-вредителей». 1953. – РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 602. Л. 14–34.
- ³⁰ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 209.
- ³¹ В среднем выпуск военной продукции должен был возрасти за пятилетку в 2,5 раза, по некоторым видам военной техники – больше. Например, по радиолокационной и бронетанковой технике – в 4,5 раза (*Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. Вторая половина 40-х – начало 60-х гг. М., 2000. С. 33–34).
- ³² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 182.
- ³³ Там же. Л. 181.
- ³⁴ Так, о злоупотреблениях во время проведения подписки на государственный займ 1951 г. говорится в сводках писем, поступивших в редакции газет «Правда» и «Труд» (РГАСПИ. Оп. 131. Д. 198. Л. 42–51).
- ³⁵ *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000. С. 113.
- ³⁶ Снижение цен 1946 г. касалось только системы так называемой коммерческой торговли, где товары находились в свободном доступе и цены на них были в несколько раз выше, чем в системе нормированной торговли (по карточкам), через которую снабжалось большинство городского населения страны.
- ³⁷ Об этом свидетельствуют информационные сводки о настроениях населения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 694. Л. 54–56).
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1582. Л. 12–27.
- ³⁹ *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства, С. 99–100.
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2313. Л. 167.
- ⁴¹ Там же. Л. 166.
- ⁴² Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». 27 сентября 1946 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1062. Л. 21–23.
- ⁴³ О том, что такого рода высказывания были довольно типичны, свидетельствуют информационные материалы ЦК ВКП(б) – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 524. Л. 57–62.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12–14.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 190.
- ⁴⁶ *Gestwa Klaus.* Herrschaft und Technik in der spaet – und poststalinistischen Sowjetunion // Osteuropa. 2001. Н. 3. S. 175.

ПРОБЛЕМА СОВЕТСКИХ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ (1944–1956)

В. Н. Земсков*

(Москва)

Речь идет о миллионах советских граждан, оказавшихся вследствие войны 1941–1945 гг. за пределами СССР. Основную их массу составляло советское гражданское население, угнанное фашистскими оккупантами на принудительные работы в Германию и другие страны и в большинстве своем находившееся там на положении так называемых восточных рабочих («остарбайтер»)**. Уцелело также не более 1,7 млн советских военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику***. Сюда же входили отступившие с немцами с территории СССР их пособники и всякого рода беженцы (часто с семьями)****. Всю эту массу людей принято называть *перемещенными лицами*.

* Земсков Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

** До сих пор дискуссионным остается вопрос об общем числе советского гражданского населения, угнанного в Германию и другие страны. По немецким источникам, получается, что 2,8 млн (это было наличие «восточных рабочих» в рейхе на 30 июня 1944 г., без учета динамики убыли). (См.: *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik*. Düsseldorf, 1958. S. 465). Однако, по нашему мнению, ближе к истине данные Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). По подсчетам ЧГК, оккупанты угнали на чужбину 4 млн 258 тыс. советских граждан, из них 1 269 186 человек – из районов РСФСР, подвергшихся оккупации, 2 244 000 – из Украины, 377 776 – из Белоруссии, 47 242 – Молдавии, 279 615 – Латвии, 36 540 – Литвы, 3500 – Эстонии и 142 человека из Карело-Финской ССР (ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 246 б. Л. 1–3: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 390).

*** Только военнопленные, находившиеся в Германии и других странах, без учета военнопленных, которых немцы содержали в лагерях на оккупированной территории СССР. По нашим расчетам, выжило порядка 2,4 млн советских военнопленных, из них около 0,7 млн не относились к категории перемещенных лиц (поэтому последние не рассматриваются в настоящей статье).

**** Статистика этого контингента практически не велась; данные же, имеющиеся в немецких источниках, не разработаны и не обобщены. (См.: *Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация*. М., 1996. С. 69). По нашим оценкам, таких лиц было не менее 700 тыс. Впоследствии они составили большую часть «второй эмиграции».

В октябре 1944 г. было образовано Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым (последний ранее возглавлял советскую военную разведку). Впоследствии это ведомство установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Из них более 3 млн находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн – в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.). Ведомство Ф.И. Голикова пыталось установить общее количество советских граждан, оказавшихся в период войны за пределами СССР. В марте 1946 г. оно приблизительно оценивало их численность в 6,8 млн человек, из них почти 4,8 млн гражданских и свыше 2 млн военнопленных¹. Сопоставив эти цифры с числом выживших, получается, что до конца войны не дожили примерно 1,8 млн человек. Безусловно, все эти расчеты нуждаются в уточнении.

К 1952 г. в семи европейских странах было установлено 36 516 мест захоронений (в Германии – 11 890, Австрии – 3565, Чехословакии – 1117, Венгрии – 902, Румынии – 18 630, Финляндии – 195, Норвегии – 217), в которых покоились 848 453 советских граждан. Здесь было установлено более 8 тыс. памятников и монументов. С учетом захоронений, выявленных в Польше, Франции, Голландии, Швейцарии, Англии, Бельгии и Люксембурге, общее число советских граждан, покоящихся во всех этих могилах, составляет 945 184 человека². Совершенно очевидно, что удалось выявить далеко не все подобные захоронения. Кроме того, нет захоронений тех советских граждан, которые были сожжены в крематориях Освенцима и других концлагерей. Погибшие в боях коллаборационисты нередко погребались вместе с убитыми немецкими военнослужащими.

Коллаборационисты (в частности, служившие в армиях противника или изменнических формированиях) занимали сравнительно небольшой удельный вес в общей массе советских перемещенных лиц. Основную же их массу составляли лица, находившиеся в концлагерях, лагерях для военнопленных, арбайтлагерях, штрафлагерях и по месту жительства хозяев. Хотя они и подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, но эффект от этого был весьма слабый. Им не удалось привить чувство ненависти ни к советскому руководству, ни к англо-американским «плутократам». В их среде по-прежнему с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этим людям, конечно, беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сда-

чи в плен и т.д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранине» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. *Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.*

Практика показала, что эти опасения оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские потери, был заинтересован в возвращении перемещенных лиц. Причем высшее советское руководство задало целью вернуть их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была *обязательной*. Договоренность об этом была достигнута на Ялтинской встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. Во время работы конференции 11 февраля 1945 г. были заключены двусторонние советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан. Аналогичное соглашение с Францией было заключено 26 июня 1945 г.

Принцип обязательности репатриации касался не только советских граждан. В соглашениях СССР с США, Великобританией и Францией был зафиксирован принцип *взаимной обязательной репатриации*, т.е. американские, английские и французские граждане, освобожденные из немецкого плена Красной Армией или по иным причинам оказавшиеся в советских оккупационных зонах, подлежали обязательной выдаче США, Великобритании и Франции независимо от того, хотят ли они этого или нет. В 1945–1946 гг. СССР передал 24 544 англичанина и 22 481 американца и в 1945–1951 гг. – 313 368 французов. Подавляющее их большинство возвращалось на родину с радостью и воодушевлением, но существовала и небольшая прослойка невозвращенцев. В период их нахождения в советских сборных пунктах и лагерях в их среде был выявлен 19 091 коллаборационист (19 021 француз, 52 американца и 18 англичан), которые отнюдь не жаждали встречи с правосудием своих стран. Однако СССР, руководствуясь принципом взаимной обязательной репатриации, передал их всех французским, американским и английским властям³.

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские перемещенные лица были возвращены в СССР вопреки их желанию. Основная масса «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации, возвратилась бы в СССР добровольно⁴. Что касается «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Се-

верной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому состоянию, политическим и ценностным ориентирам и в их среде действительно значительно преобладали невозвращенцы⁵. Те из «западников», кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», находившихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех «западников», которые сами этого хотели*. Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников» – невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября-октября 1945 г. стали постепенно распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно перейдя на этот принцип с началом «холодной войны» (тем не менее в 1946–1947 гг. имели место случаи насильственной выдачи в духе Ялтинских соглашений).

До мая 1945 г. союзники передавали Советскому Союзу перемещенных лиц, как правило, привозя их на кораблях в советские морские порты (Мурманск, Одесса и др.). После капитуляции Германии встал вопрос о передаче репатриантов через линию соприкосновения советских и союзных войск в Германии и Австрии. Переговоры об этом велись 16–22 мая 1945 г. в г. Галле (Германия). Делегацию союзников возглавлял американский генерал Р.В. Баркер, советскую делегацию – генерал-лейтенант К.Д. Голубев, один из заместителей Ф.И. Голикова. 22 мая был подписан «План передачи через линию войск бывших военнопленных и гражданских лиц, освобожденных Красной Армией и войсками союзников», и на следующий день, 23 мая, первые партии репатриантов были переправлены через линию соприкосновения войск⁶.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан – «восточников» – отнюдь не означала, что они нико-

* В зарубежной и отечественной литературе имеет хождение не подтвержденное бесспорными фактами утверждение, что Франция будто бы насильственно передавала Советскому Союзу прибалтов и других «западников». Мы полагаем, что это заблуждение. У французов политика в этом вопросе была в принципе такой же, как у англичан и американцев, а именно: основополагающим критерием в определении советского гражданства и выявлении круга перемещенных лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты. Так, военный губернатор французской зоны оккупации Австрии в беседе с советскими офицерами по репатриации, состоявшейся 23 ноября 1945 г., сказал: «У меня имеются от французского правительства указания, что советскими подданными считаются только те, кто жил в государственных границах СССР 1939 г.» (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 239. Л. 38).

го из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 г. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа «восточников» вычленились профессора, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. Это происходило одновременно с насильственной передачей англо-американцами в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и др., которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были неспособны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

Репатриация была обязательной *только для советских граждан*. Все прочие лица российского происхождения (белогвардейцы и др.) обязательной репатриации не подлежали. Имели место исключения из этого правила, но в основном оно соблюдалось. Самым значительным исключением из этого правила была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана П.Н. Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев.

От обязательной репатриации были освобождены только две категории лиц, являвшимися подданными СССР по состоянию на 21 июня 1941 г.: 1) жители Правобережной Молдавии и Северной Буковины, оформившие румынское гражданство (таковых было около 4 тыс.); 2) женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей. Ведомство Ф.И. Голикова не смогло установить их точную численность. По нашим оценкам, в европейских странах было порядка 30 тыс. советских женщин указанной категории и еще больше детей, родившихся в таких семьях.

Эти женщины по своему желанию могли возвращаться в СССР вместе со своими детьми, но при одном обязательном условии – без мужа-иностранца. Просьбы многих из этих женщин позволить им вернуться на родину не только с детьми, но и с мужем-иностранцем, никогда не удовлетворялись. В начале 1952 г. только в Польше, Чехословакии и Румынии насчитывалось 7973 советских граждан, вступивших в брак с иностранцами и имевшими от этих браков 8514 детей. Подавляющее их большинство составляли женщины, которые, как правило, тяготились своим пребыванием за границей, стремились вернуться на родину, но обязательно со всеми членами семей. Часть из них выехала в СССР с детьми, оставив своих мужей. Только в 1948 г. имели место около 70 таких случаев (в странах «народной демократии») ⁷.

На женщин, вступивших в брак с иностранцами, но не имевших от них детей, распространялся принцип обязательной репат-

риации. У них изымались брачные свидетельства, брак объявлялся аннулированным, и они направлялись (естественно, без мужа-иностранца) на соответствующие сборные пункты для прохождения проверки и фильтрации. Так же поступали и с имевшими детей женщинами, если выяснялось, что муж-иностранец является не отцом, а отчимом ребенка.

Чрезвычайно непростой и болезненной оказалась проблема репатриации детей, не имеющих родителей. Немцы вывезли с оккупированной территории СССР ряд детских домов. Находясь несколько лет в Германии, многие из этих детей забыли русский язык, говорили только по-немецки, считали себя немцами. Часть их была взята на воспитание в немецкие семьи и усыновлена. Причем во многих случаях усыновленные дети не помнили настоящих родителей (особенно те, кто был привезен в Германию в младенческом возрасте) и считали таковыми лиц, которые на самом деле были их приемными родителями. Американские и английские власти обычно наотрез отказывались выдать этих детей, исходя из соображения, что ребенок не должен дважды в течение своего детства терять родителей – сначала настоящих, а потом и приемных. Тем не менее сотрудники советских органов репатриации, действовавшие в западных зонах, сумели добиться репатриации части детей советского происхождения (правда, это были в основном сироты, находившиеся в детских домах).

В начале ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»⁸.

Интервью Ф.И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение Правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам. Оно с удовлетворением воспринималось перемещенными лицами, хотя полностью не снимало

мучивших их вопросов. В частности, не было ясности в вопросе об ответственности военнопленных за попадание живыми в плен. Формально привлечение к уголовной ответственности за это не было отменено, хотя на практике применялось очень редко. Эта проблема была решена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»⁹. В соответствии с этим указом военнопленные объявлялись неподсудными за попадание живыми в плен. Той части военнопленных, которые служили в армиях противника и изменнических формированиях, по статье 193 УК РСФСР предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Однако в соответствии с Указом от 7 июля 1945 г. эта статья к ним не применялась.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД; часть военнопленных – в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагерь НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужеземными завоевателями и подлежавшие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике они отделялись чаще всего 6-летним спецпоселением и не привлекались к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «Русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов¹⁰.

Сотрудники органов НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ», проводившие проверку и фильтрацию репатриантов, опасались, что довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей могло серьезно повлиять на их мировоззрение и политические настроения. Однако в процессе общения с репатриантами эти опасения в значительной мере рассеивались. Так, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 г. отмечалось: «Политнастроение репатрируемых советских граждан в подавляющем большинстве здоровое, характеризуется огромным желанием скорее приехать домой – в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства»¹¹.

Позднее, когда волна просоветски настроенных репатриантов схлынула, оценки и тональность в отношении вновь прибывших репатриантов существенно изменились. В письме Ф.И. Голикова от 1 октября 1947 г., адресованном министрам госбезопасности и внутренних дел В.С. Абакумову и С.Н. Круглову, отмечалось: «В настоящее время репатриация советских граждан из английской и американской зон оккупации в Германии имеет совершенно отличительные черты от репатриации, проводимой ранее. Во-первых, в наши лагеря поступают люди, имевшие в большинстве случаев вину перед Родиной; во-вторых, они длительное время находились и находятся на территории английского и американского влияния, подвергались там и подвергаются интенсивному воздействию всевозможных антисоветских организаций и комитетов, свивших себе гнезда в западных зонах Германии и Австрии. Кроме того, из Англии в настоящее время поступают в лагеря советские граждане, служившие в армии Андерса. За 1947 г. принято в лагеря советских граждан из английской и американской зон – 3269 чел. репатриантов и 988 чел., служивших в армии Андерса. Нет сомнения, что среди этих граждан прибывают в СССР подготовленные разведчики, террористы, агитаторы, прошедшие соответствующие школы в капиталистических странах»¹².

По статистике ведомства Ф.И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5 352 963 советских граждан (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных)*. Однако из этого

* К середине 1947 г. число военнопленных, учтенных ведомством Ф.И. Голикова в качестве «репатриантов», возросло до 1836,0 тыс., из них 1549,7 тыс. действительно являлись репатриантами, а 286,3 тыс. составляли освобожденные в 1944–1945 гг. из плена на советской территории, подвергавшейся оккупации.

Таблица 1

Результаты проверки и фильтрации репатриантов
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)*

Категории репатриантов	Всего		В том числе:			
	человек	в %	гражданские		военнопленные	
			человек	в %	человек	в %
Направлено к месту жительства**	2 427 906	57,81	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	801 152	19,08	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны НКО	608 095	14,48	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272 867	6,50	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89 468	2,13	61 538	2,31	27 930	1,81
<i>Итого:</i>	4 199 488		2 660 013		1 539 475	

* ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

** Включая репатриантов – немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатриированных из Финляндии ингерманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. Репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, СПП, ПФП и т.д., включены в число направленных к месту жительства.

числа следует вычесть 1 153 475 человек (867 176 гражданских и 286 299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей. Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. В Литве, Латвии и

Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещенных лиц (227 044 гражданских и 56 363 военнопленных), в других западных регионах СССР – 870 068 (соответственно 640 132 и 229 936). 831 951 внутренних перемещенных лиц (165 644 мужчины, 353 043 женщины и 313 264 детей) было направлено к месту жительства (831 635 гражданских и 316 военнопленных), 254 773 – призвано в армию (26 705 гражданских и 228 068 военнопленных) и 66 751 – спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57 915 военнопленных)¹³.

Таким образом, в действительности 1 марта 1946 г. насчитывалось 4 199 488 репатриантов (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступило из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных), и 1 846 802 – из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных)¹⁴. Результаты их проверки и фильтрации представлены в таблице 1, а их национальный состав – в таблице 2.

Если сопоставить результаты проверки и фильтрации репатрированных военнопленных в 1944–1946 гг. с аналогичными данными по военнослужащим, возвратившимся в 1940 г. из финляндского плена, куда они попали во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг., то следует признать, что политика высшего руководства СССР по отношению к этим лицам с 1940 по 1944–1946 гг. претерпела значительную эволюцию в сторону либерализации. Из данных табл. 1 вытекает, что значительное большинство репатрированных военнопленных в 1944–1946 гг. избежало репрессий, тогда как у их собратьев по несчастью, побывавших в 1939–1940 гг. в финляндском плену, удельный вес репрессированных превышал 90%*.

К 1 августа 1946 г. по месту жительства было направлено 3 322 053 репатрианта и внутренних перемещенных лиц. Среди них было 3 024 229 гражданских (2 192 594 репатриантов и 831 635 внутренних перемещенных лиц) и 297 824 военнопленных (соответственно 297 508 и 316). На 3 289 672 человека (1 048 731 мужчина, 1 535 265 женщин и 705 676 детей**) имелись сведения о распре-

* В 1940 г. из 5460 военнослужащих, вернувшихся из финляндского плена, только 489 человек (8,9%) не подверглись репрессиям, в том числе 470 попавших в плен ранеными, контуженными или обмороженными и 19 имевших правительственные награды за героизм. (См.: *Лебедева Н.С.* Материалы о судьбе военнослужащих РККА, плененных в период «Зимней войны» 1939–1940 гг. // Мир источниковедения. М., Пенза, 1994. С. 188–191).

** В числе детей было учтено 22 824 сироты // ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 225–226.

Таблица 2

*Национальный состав репатриированных советских граждан
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)**

Национальность	Всего	В том числе	
		гражданские	военнопленные
Русские	1 631 861	891 747	740 114
Украинцы	1 650 343	1 190 135	460 208
Белорусы	520 672	385 896	134 776
Литовцы	50 396	47 377	3019
Латыши	35 686	32 230	3456
Эстонцы	14 980	12 231	2749
Молдаване	36 692	31 598	5094
Евреи	11 428	6666	4762
Грузины	33 141	7600	25 541
Армяне	25 063	4406	20 657
Азербайджанцы	24 333	2348	21 985
Татары	43 510	11 332	32 178
Узбеки	31 034	1446	29 588
Казахи	26 903	2455	24 448
Киргизы	6249	1950	4299
Таджики	4711	453	4258
Туркмены	3968	177	3791
Калмыки	6405	2318	4087
Башкиры	5793	1215	4578
Поляки	53 185	50 483	2702
Карелы	3441	1247	2194
Финны	4705	4122	583
Ингерманландцы	43 246	43 246	—
Другие	173 156	138 651	34 505
Из них: – представители коренных народов СССР (удмурты, мордва, осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши и др.)	97 560	65 974	31 586
представители некоренных народов (немцы, греки, болгары, румыны и др.)	75 596	72 677	2919
<i>Итого:</i>	4 440 901	2 871 329	1 569 572

Примечание: В эту статистику вошли все репатрианты (4199488), а также 241413 внутренних перемещенных лиц (211316 гражданских и 30097 военнопленных).

* ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 226–229.

делении их по союзным республикам*. Из этого числа 1 578 570 человек было направлено на жительство в различные районы России, 1 145 484 – Украины, 332 301 – Белоруссии, 48 780 – Литвы, 54 621 – Латвии, 14 321 – Эстонии, 45 945 – Молдавии, 4679 – Грузии, 2045 – Армении, 4204 – Азербайджана, 43 501 – Казахстана, 4780 – Узбекистана, 8455 – Таджикистана, 901 – Киргизии, 723 – Туркмении и 362 – Карело-Финской ССР¹⁵.

Период массовой репатриации фактически завершился в первой половине 1946 г. В последующие годы репатриация резко пошла на убыль. До 1 июля 1952 г. было репатрировано 4 305 035 советских граждан, из них 162 403 – в 1944 г., 3 888 721 – в 1945, 195 273 – в 1946, 30 346 – в 1947, 14 272 – в 1948, 6542 – в 1949, 4527 – в 1950, 2297 – в 1951 и 654 – в январе-июне 1952 г.¹⁶ Из общего числа репатриированных до 1 июля 1952 г. советских граждан 3 222 545 поступило из Германии, 332 792 – из Австрии, 137 856 – Румынии, 123 267 – Франции, 102 278 – Польши, 101 359 – Финляндии, 84 777 – Норвегии, 54 350 – Италии, 42 706 – Чехословакии, 27 967 – Англии, 26 268 – Югославии, 13 614 – Бельгии, 9872 – Швейцарии, 7835 – Дании, 4070 – США, 3806 – Болгарии, 3429 – Венгрии, 3409 – Швеции, 1404 – Греции, 824 – Албании и 544 – из других стран¹⁷.

Таким образом, к 1952 г. по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн советских граждан. В это число не включены депортированные советские граждане (военнопленные и гражданские), которые во второй половине 1941 – первой половине 1944 г. совершили удачные побег из-за границы в СССР, а также порядка 150 тыс. потерявших работоспособность «восточных рабочих», которых гитлеровцы в 1942–1943 гг. возвратили на оккупированную ими территорию СССР¹⁸. Репатриация, хотя и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 г. С учетом всего этого, общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, оценивается величиной примерно в 4,5 млн человек.

Кроме того, по данным на июнь 1948 г., в СССР репатриировались 106 835 человек, которые сами или их предки эмигрировали в разное время из царской России (некоторые – из Австро-Венгрии и Польши), а также в период гражданской войны – из Советской России. В это число вошли 86 346 зарубежных армян, 6991 реэмигрант из Франции, 6067 – из Китая и 7431 крестьянин русского происхождения (6121 – из Румынии и 1310 – из Болгарии). Репатриация была

* Разница между общим числом направленных по месту жительства к 1 августа 1946 г. и тем количеством, на которое имелись сведения о распределении по союзным республикам, составляет 32381 чел. По-видимому, эта цифра адекватна числу умерших в период нахождения этих людей в лагерях, СПП, ПФП и других сборных и проверочных пунктах.

добровольной (исключение составлял только насильственный вывоз отдельных русских эмигрантов из Китая, а также из некоторых восточноевропейских стран). Среди реэмигрантов из Франции было 1420 русских эмигрантов и 5471 лицо украинского и белорусского происхождения, многие из которых (или их предки) уехали во Францию не из царской России, а будучи подданными Австро-Венгрии или Польши. Репатриированные из Румынии и Болгарии крестьяне русского происхождения являлись преимущественно потомками старообрядцев, бежавших в XVIII в. из России на Балканы. Они изъявили желание переселиться на родину предков¹⁹.

По данным на 1 января 1952 г., ведомство Ф.И. Голикова определяло численность так называемой второй эмиграции в 451 561 человека (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие). Эту эмиграцию принято называть «второй», отличая ее от «первой» – белой эмиграции периода 1917–1922 гг. (эти обозначения условные и неточные, так как эмиграция из России имела место в XIX и начале XX вв.). Эту массу бывших советских подданных, не возвратившихся в период 1944–1952 гг. в СССР, обычно называли на Западе «новой волной русской эмиграции», но этнических русских в ее составе было лишь 7%. Более чем наполовину она состояла из латышей, литовцев и эстонцев, свыше 32% – украинцев, 2,2% – белорусов и 7,5% – представителей других национальностей. Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии.

«Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ – из «восточников». Это было следствием производимого англо-американцами строгого селекционного отбора. Литовцы, латыши, эстонцы, а также западные украинцы (бывшие подданные Австро-Венгрии и их потомки) и в меньшей степени – западные белорусы и жители Правобережной Молдавии признавались составной частью европейской цивилизации, тогда как практически все остальные выходцы из СССР считались азиатами или полуазиатами, т.е. представителями другой цивилизации. К тому же «западники» в своей массе не рассматривались как носители советской идеологии (этим они «выгодно» отличались от «восточников» при указанном селекционном отборе). По целому ряду мотивов цивилизационного, политического и идеологического характера англо-американская администрация лагерей перемещенных лиц и западные миграционные службы рассматривали советских граждан – «восточников» – как человеческий материал, весьма нежелательный и недостаточно пригодный для ассимиляции в западном мире.

Национальный состав и география расселения «второй эмиграции» представлены в таблице 3.

Таблица 3
География расселения «второй эмиграции»
(по данным органов репатриации на 1 января 1952 г.)*

Страны	Русские	Украинцы	Белорусы	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Другие	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Германия	8583	31 774	—	27 030	10 396	7042	—	84 825
англ. зона	1333	9797	—	14 003	4690	2680	—	32 503
амер. зона	6866	21 706	—	12 110	5043	4049	—	49 774
франц. зона	384	271	—	917	663	313	—	2548
Австрия	4613	9646	1254	1097	661	437	1183	18 891
англ. зона	1422	3116	169	263	116	60	199	5345
амер. зона	3123	4133	965	573	253	187	860	10 094
франц. зона	68	2397	120	261	292	190	124	3452
Англия	4990	39 971	4986	20 036	20 034	10 019	—	100 036
Австралия	5700	12 881	1062	15 017	10 271	4524	852	50 307
Канада	2615	17 756	1	6039	7679	4583	8	38 681
США	1910	10 630	101	10 066	7779	4271	494	35 251
Швеция	94	312	100	3929	407	22 459	259	27 570
Франция	318	5385	126	4841	866	397	7742	19 675
Бельгия	471	5238	135	5420	1771	1295	399	14 729
Аргентина	571	1847	22	432	280	42	3891	7085
Финляндия	5	113	—	—	—	237	6606	6961

Таблица 3 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Бразилия	64	1747	2	1328	498	29	42	3710
Венесуэла	265	1031	34	504	902	68	—	2804
Голландия	43	1337	15	575	96	102	555	2723
Норвегия	23	1050	57	1325	32	96	36	2619
Румыния	—	—	—	—	—	—	1608	1608
Дания	108	—	—	717	423	225	67	1540
Турция	31	251	47	—	—	6	839	1174
Польша	—	—	—	—	—	—	1066	1066
Югославия	279	584	22	4	3	5	7	904
Парагвай	233	254	—	318	6	28	21	860
Палестина	64	10	—	158	244	1	215	692
Новая Зеландия	3	51	—	422	33	72	50	631
Другие страны	721	3066	1893	9956	1020	2986	7578	28 219
<i>Итого:</i>	31 704	144 934	9856	109 214	63 401	58 924	33 528	451 561

* ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5-6.

Репатриантам было объявлено, что они сохраняют все права граждан СССР, включая избирательное право, трудовое законодательство, социальное страхование. Однако по возвращении домой репатрианты часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Например, в Москве выезд по повестке биржи труда на работу в Германию в качестве «восточного рабочего» склонны были интерпретировать как насильственный угон, а местные власти часто трактовали это как граничащий с предательством добровольный выезд во вражескую страну и не стеснялись демонстрировать перед репатриантами свое подозрительное, презрительное и враждебное к ним отношение. От репатриантов пошел поток писем в различные инстанции с соответствующими жалобами.

4 августа 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации политико-просветительной работы с репатрированными советскими гражданами», в котором указывалось: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатрируемым советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни»²⁰. Это смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но отнюдь ее не устранило. Правящие круги СССР, в отличие от местных властей, действовали более корректно, но тоже не питали доверия к репатриантам. В повседневной жизни они продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения и др. Военнопленные не считались участниками войны, за исключением тех, кто, будучи освобожденным из плена и восстановленным на военной службе, на заключительном этапе войны воевал на фронте.

Во время войны освобожденные из вражеского плена военнослужащие в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав, как правило, – в обычных воинских частях, а офицеры обычно лишались офицерских званий и из них формировались офицерские штрафные (штрафные) батальоны. В послевоенное время, как отмечалось в мартовском (1946 г.) отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего

прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД (“СМЕРШ”)»²¹. К 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенантов, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта)²².

«Компетентные органы», выдерживая принцип неприменения статьи 193, в то же время упорно старались упрятать многих офицеров-репатриантов за решетку по статье 58, предъявляя обвинения в шпионаже, антисоветских заговорах и т.п. Офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, как правило, не имели никакого отношения ни к генералу А.А. Власову, ни к ему подобным (это выяснилось в ходе массовых реабилитаций в 1956–1957 гг.). Причем наказание в виде спецпоселения им было определено только потому, что органы госбезопасности и контрразведки не смогли найти компрометирующего материала, достаточного для того, чтобы заключить их в лагерь ГУЛАГа. В 1946–1952 гг. была репрессирована и часть тех офицеров, которые в 1945 г. были восстановлены на службе или уволены в запас. Не оставили в покое и офицеров, которым посчастливилось избежать репрессий, и вплоть до 1953 г. периодически вызывали их на «собеседования» в органы МГБ.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в армиях противника или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку – демобилизуемые и недемокбилизуемые. В 1945 г. после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которых распространялся приказ о демобилизации, вслед за ними были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недемокбилизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением Государственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 г.²³ из них были сформированы рабочие батальоны НКО. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недемокбилизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 г. уже находился в призывном возрасте, а те, кто в 1941 г. находился в допризывном возрасте, а теперь достиг его, призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка по месту жительства зачисленных в рабочие батальоны ставилась в зависимость от будущей демобилиза-

ции из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов.

Хотя рабочие батальоны предназначались только для репатриированных военнопленных и военнообязанных рядового и сержантского состава, фактически же туда было зачислено около 6 тыс. офицеров²⁴. В отличие от офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение, эти офицеры не были лишены офицерских званий, а члены их семей – государственных пособий.

По постановлению Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на 6-летнее спецпоселение и из ПФЛ и ИТЛ подлежали возвращению в Прибалтику²⁵. По состоянию на 10 мая 1946 г., в составе спецконтингента, содержащегося в ПФЛ и ИТЛ, насчитывалось 38 512 прибалтов (в ПФЛ – 20 106, в ИТЛ – 18 406), из них 29 795 латышей, 4815 литовцев и 3992 эстонец. Лиц непризывных возрастов, подлежащих направлению к месту жительства их семей, было 24 659, а лиц призывных возрастов, подлежащих направлению на стройки и в промышленность прибалтийских республик, – 13 853²⁶.

12 июня 1947 г. Совет Министров СССР принял распоряжение, которое с некоторыми оговорками распространило действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии²⁷.

В период 1946–1952 гг. из года в год заметно росло подозрительное отношение к репатриантам со стороны правящих кругов СССР. Это было следствием «холодной войны», а с 1948 г. еще и усугубилось начавшейся кампанией по борьбе с космополитизмом и иностранщиной. В обществе искусственно нагнетались настроения «шпиономании». Особое недоверие вызывали репатрианты, поступившие из зон действия англо-американских войск. Одно одобрительное слово в адрес англичан или американцев могло стоить им многих лет лишения свободы. В ГУЛАГе появилась новая прослойка политических заключенных под названием «падовцы» (производное от «ПАД» – «пропаганда американской демократии»). Кроме того, часть репатриантов была обвинена в шпионаже. Органы МГБ и военной контрразведки выявляли среди них лиц, действительно завербованных американскими и английскими спецслужбами, однако имели место и огульные обвинения подобного рода.

Несмотря на возрастание подозрительного отношения к репатриантам, руководство СССР все же воздержалось от крупномас-

штабных репрессий. Поэтому основная их масса не пострадала даже в этой неблагоприятной для них политической атмосфере. Однако в морально-психологическом плане репатрианты испытывали все больший дискомфорт; сам термин «репатрианты» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл, и их все чаще стали сторониться как прокаженных.

В 1946–1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, строевых немецких формированиях (кроме трудовых), в армии Власова, национальных легионах, полиции и т.п., была направлена на 6-летнее спецпоселение (служившие в указанных формированиях офицеры осуждались по 58-й статье как политические преступники, и их не было на спецпоселении, так как они содержались в лагерях и тюрьмах). По учету отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР этот контингент условно и неточно назывался – «власовцы». В этот контингент входили и направленные на 6-летнее спецпоселение офицеры-репатрианты, не служившие в армиях противника и изменнических формированиях.

Динамика направления «власовцев» на поселение выглядела следующим образом: 1945 г. – 4985 человек, 1946 – 132 479, 1947 – 30 751, 1948 – 4575, 1949 – 3705, 1950 – 2078, 1951 – 316 человек, и всего за 1945–1951 гг. получается 177 573 человек²⁸. Однако наличие этих людей на спецпоселении всегда было ниже указанного числа. Немало их было арестовано с переводом из спецпоселения в лагерь, тюрьмы и колонии. Высокой также была их смертность. В марте 1949 г. национальный состав 112 882 находившихся в наличии спецпоселенцев «власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские – 54 256, украинцы – 20 899, белорусы – 5432, грузины – 3705, армяне – 3678, узбеки – 3457, азербайджанцы – 2932, казахи – 2903, немцы – 2836, татары – 2470, чувашаи – 807, кабардинцы – 640, молдаване – 637, мордва – 635, осетины – 595, таджики – 545, киргизы – 466, башкиры – 449, туркмены – 389, поляки – 381, калмыки – 335, адыгейцы – 201, черкесы – 192, лезгины – 177, евреи – 171, караимы – 170, удмурты – 157, латыши – 150, марийцы – 137, каракалпаки – 123, аварцы – 109, кумыки – 103, греки – 102, болгары – 99, эстонцы – 87, румыны – 62, ногайцы – 59, абхазцы – 58, коми – 49, даргинцы – 48, финны – 46, литовцы – 41 и другие – 2095 человек²⁹.

К концу 1952 г. большинство спецпоселенцев «власовцев» (95 553 человек) было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. Лица немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымско-татарской национальностей были переведены на спецпоселение на-

вечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953–1955 гг. они освобождались из спецпоселения по мере завершения того или иного строительства³⁰. Окончательно этот контингент спецпоселенцев перестал существовать осенью 1955 г., когда еще оставшиеся на спецпоселении «власовцы» были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Кроме того, по этому указу из ГУЛАГа было досрочно освобождено 59 610 заключенных (55 480 – в 1955 и 4130 – в 1956 г.)³¹. Среди этих освобожденных по амнистии заключенных было немало репатриантов, осужденных за активную коллаборационистскую деятельность.

В 1956–1957 гг. многие офицеры-репатрианты, находившиеся после войны в заключении или на спецпоселении, были реабилитированы. 29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Были проверены и пересмотрены дела на офицеров, находившихся в фашистском плену и после войны подвергшихся репрессиям. По итогам пересмотра дел целый ряд бывших офицеров-репатриантов был восстановлен в офицерских званиях, а членам их семей возвращено право на получение государственных пособий.

В середине 1950-х годов, по нашему мнению, в основном завершился процесс *реинтеграции* репатриантов в советское общество. Мы считаем, что, несмотря на присутствие во всей этой истории с репатриацией советских перемещенных лиц элементов и насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарного преступления, все же во главу угла следует поставить совсем другое. В своей основе, несмотря на все издержки, это была естественная и волнующая эпопея *обретения Родины* миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

¹ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 3, 223.

² Там же. Д. 7. Л. 125–126.

³ Там же. Л. 135–139.

⁴ Этот вывод базируется на анализе хранящихся в ГА РФ (Ф. 7021 и 9408) таких источников, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов, и подтверждается донесениями агентов и осведомителей НКВД о настроениях в лагерях перемещенных лиц.

- ⁵ Этот вывод базируется на тех же источниках. Прибалты и другие «западники» в числе причин, мешающих им вернуться на родину, обычно на первое место ставили «русскую оккупацию».
- ⁶ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 207–209.
- ⁷ Там же. Д. 7. Л. 122.
- ⁸ Правда. 1944. 11 нояб.
- ⁹ Правда. 1945. 8 июля.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–34.
- ¹¹ Там же. Д. 19. Л. 22.
- ¹² Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2828. Л. 98.
- ¹³ Там же. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175, 270–271; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223, 226.
- ¹⁴ Там же. Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 223–226.
- ¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Д. 54. Л. 174–176.
- ¹⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 77.
- ¹⁷ Там же. Л. 81–82. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 33. Л. 120.
- ¹⁸ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 68.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4001. Л. 5–6; Д. 672. Л. 14; Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 242.
- ²⁰ Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 486–487.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 106.
- ²² Там же. Л. 226–228.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 457. Л. 194–198.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 13. Л. 20.
- ²⁵ Там же. Д. 2513. Л. 9–10.
- ²⁶ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1248. Л. 51.
- ²⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 62. Л. 4–5.
- ²⁸ *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 96.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 39, 43.
- ³⁰ Там же. Д. 614. Л. 178–179; Д. 642. Л. 16; Д. 643. Л. 3.
- ³¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1426. Л. 6–7.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец**

(Москва)

Великая Отечественная война была тяжелейшим испытанием для народов нашей страны. Военные действия разворачивались на огромной территории Европейской части СССР. Высокая техническая оснащенность воюющих сторон, обеспечивавшая большую огневую мощь и разрушительную силу оружия, гитлеровский курс на истребление коренного населения оккупированных территорий унесли миллионы человеческих жизней. По итогам исчислений, проведенных в 1989–1990 гг. компетентной комиссией, куда входили специалисты Управления статистики населения Госкомстата СССР, Центра народонаселения при МГУ и Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии, прямые людские потери страны за все годы войны оцениваются в 27 млн человек¹.

В основу этих подсчетов положены анализ и обобщение статистических данных Генштаба, донесения фронтов, флотов, армий, военных округов и отчетов Центрального военно-медицинского управления, архивов Министерства обороны, НКВД, МВД, материалов Комиссии по репатриации советских граждан, немецкого военного командования и др.

Подсчитаны были потери по всем категориям населения. Это и убитые в боях и умершие от ран военнослужащие, и партизаны, павшие в боях и умершие от ран и болезней, а также мирное население, погибшее во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и фашистских карательных акций; замученные и расстрелянные в концентрационных лагерях военнопленные; подпольщики; умершие на чужбине насильственно угнанные в Германию и союзные с нею государства советские люди.

Подсчеты показали, что общие безвозвратные потери Советских Вооруженных сил с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену вместе с пограничными и внутренними войсками, составили примерно 9 млн человек², а все остальные жертвы войны, т.е. свыше 18 млн – это мирное население, в том числе мил-

* Жиромская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; Араловец Наталья Аркадьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

лионы детей, истребленных фашистами. Территория в 1,9 млн кв. км оказалась оккупированной, на этой территории проживало 45% населения СССР³. Под огнем врага, в условиях нехватки транспортных средств, рабочей силы было эвакуировано в тыл 10–12 млн человек, покинувших свой кров и имущество.

Фашистские захватчики разрушили и сожгли 1710 городов и рабочих поселков, более 70 тыс. сел и деревень, лишив крова 25 млн мирных жителей⁴.

Тяжелый удар был нанесен промышленности и сельскому хозяйству: разрушено было около 32 тыс. предприятий и свыше 100 тыс. колхозов и совхозов, угнано было в Германию 64 млн голов крупного рогатого и мелкого скота⁵.

На неоккупированной территории в военных условиях вдвое сократилось производство предметов потребления: масла, сахара, мяса, рыбопродуктов, обуви, тканей и проч.

Общие материальные издержки СССР составили более 2,5 трлн руб.⁶

В страшную годину войны советский народ невероятным напряжением физических и духовных сил одержал победу над фашизмом. Но не меньше сил и самоотверженности потребовалось советским людям, чтобы восстановить страну. Промышленные предприятия потеряли миллионы квалифицированных специалистов, а в деревне в послевоенное время мужчин осталось лишь 1/3 от их численности в предвоенное время. Однако война повлекла за собой еще одно народное бедствие. Такая технически оснащенная, крупномасштабная война, какой была Вторая мировая война, не могла не повлиять на экологическую ситуацию. Напомним, что после Первой мировой войны и Гражданской создались тяжелые климатические условия, вызвавшие, наряду с причинами социального порядка, голод 1921 г. После Второй мировой войны последовали засуха в зерновых районах Центральной России, Молдавии и на Украине и проливные затяжные дожди в Западной Сибири, повлекшие за собой в 1946 г. неурожай и голодание и без того ослабшего за годы войны населения ряда районов страны. Надо учесть еще и то обстоятельство, что сельскохозяйственная техника и инвентарь за годы войны пришли в полную непригодность, поскольку не обновлялись. Вся промышленность, производившая до войны сельскохозяйственную технику, была на протяжении пяти лет сориентирована на нужды обороны.

Даже тот урожай, который имел место, пришлось собирать чуть ли не вручную, а из-за тяжелых климатических условий он не был собран до конца. Восстановление промышленности и железнодорожных путей требовало средств и правительство про-

должило политику выколачивания средств из деревни, повысив нормы хлебозаготовок даже в районах, пораженных неурожаем. В результате жертвами голода и болезней вследствие недоедания стали в СССР около 1 млн человек, а в РСФСР – 0,5 млн⁷.

Вследствие всех этих вместе взятых причин и сложившейся в России обстановки демографические последствия Великой Отечественной войны оказались особенно тяжелыми и затянувшимися. Был и еще один немаловажный фактор, углубивший демографические последствия войны. Остановимся на нем подробнее.

Дело в том, что уже накануне войны в нашей стране в результате пережитых Первой мировой и Гражданской войн, голода 1932–1933 гг., массовых репрессий, так называемой кулацкой ссылки, насильственного переселения целых народов были деформированы и демографическая структура населения, и демографические процессы.

В результате людских потерь в Первую мировую и Гражданскую войнах в 1920-е годы было нарушено соотношение возрастных групп в населении РСФСР. Так, группа от 0 до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 г. более 60% всего населения, в 1920 г. насчитывала лишь 48,5%. Сократилась и доля подростковой и молодежной возрастных групп в 1920 г. по сравнению с 1897 г. в 1,5 раза. Это произошло главным образом за счет молодежи 20–29 лет, особенно пострадавшей от потерь⁸. Снизилась рождаемость, повысилась смертность населения. В результате к началу 20-х годов сложилась неблагоприятная демографическая ситуация для воспроизводства населения, которая имела долгосрочные последствия, так как пострадавшими оказались самые детородные возрастные группы. К тому же внутри возрастных групп было нарушено соотношение полов в пользу женщин. В 1920 г. в целом в населении РСФСР доля женщин составляла 55,1, а мужчин – 44,9%. Начиная с 18-летнего возраста женщины составляли 60,7%, а в Европейской России – даже 61%. Особенно резко соотношение полов было нарушено в молодежных возрастных группах 20–24 и 25–29 лет. Женщин среди них было соответственно: 76,6 и 71,2%. Короткий компенсаторный период после войн в связи с демобилизацией мужчин из армии не восполнил потерь населения, лишь увеличив долю малолетних в возрастной пирамиде населения к 1926 г. В 1926 г. удельный вес детей от 0 до 4-х лет составлял 15,3%, в то время как в военные годы – лишь 10,2%. Но, несмотря на повышение своего уровня, рождаемость оставалась ниже предвоенной. Война привела к повышению детской смертности, о чем свидетельствует низкий удельный вес возрастной группы детей от 10 до 14 лет в 1926 г. (всего около 12% среди молодежных возрастных групп)⁹.

Пострадавшие от людских потерь молодежные группы 20–29-летнего возраста в 1926 г. еще более сократились в связи с повышенной смертностью ослабленным здоровьем, последствиями ранений. Вместе с лицами до 19-летнего возраста эти группы теперь, в 1926 г. составлявшие самую зрелую, трудоспособную часть населения, составляли едва 20% от всей его численности.

Деформации в возрастнополовой структуре населения 20-х годов еще более усугубились в 1930-е годы.

Первое, что бросается в глаза при анализе возрастнополовой структуры населения этого периода – это диспропорция в соотношении полов. Если в 1926 г., когда сильно еще ощущались последствия Первой мировой войны, а также Гражданской, дисбаланс в соотношении полов измерялся цифрой в 5 млн в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны, то в 1937 г. нарушение в соотношении полов было куда более резким. Мужчин стало меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн, а последние составляли уже 52,7% населения¹⁰. По логике вещей эта демографическая деформация должна была сгладиться в течение десятилетия между переписями, поскольку со времени окончания войны прошло полтора десятка лет. Хотя демографическое эхо войны долго еще воздействует на состав населения по полу, но действует и другая тенденция – выравнивание диспропорции полов. Эта тенденция развивается в нормальных социальных условиях. Но в 1937 г. ситуация была таковой, что на соотношение полов, деформируя его, влияли такие отрицательные факторы, как голод начала 30-х годов, насильственная коллективизация и усиливавшиеся репрессии. Эти факторы и демографические последствия войн первой четверти века наложили отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

Прежде всего, необходимо отметить, что, по данным переписи 1937 г., значительная диспропорция полов наблюдалась в старших возрастах, уже начиная с 40–50 лет, тогда как в 1926 г., по материалам переписи, она наблюдалась после 55-летнего возраста, т.е. почти на 10–15 лет позднее. К тому же в среднем в этом возрасте и старше преобладание женщин не выходило за рамки 60%. В 1937 г. картина была иной. В возрастной группе 45–49 лет женщин насчитывалось 54%; 50–59 лет – 59%; 60–65 лет – 60%; 75–79 лет – 62%; 85–89 лет – 66,2%. Другими словами, диспропорция наступила гораздо раньше, чем в 1926 г. и была выражена еще резче.

В возрастных группах нарушением баланса полов страдала и группа 35–39 лет, в которой женщины составляли 53,8%. Эта возрастная группа больше других потеряла мужчин в Первую миро-

вую и Гражданскую войны и в переписи 1926 г. (тогда 25–29 лет) имела нарушенное соотношение полов. Женщин в ней было 54,4%. Видно, эта диспропорция, хотя и несколько сгладилась, но сохранилась в значительной степени.

В 1937 г. – наблюдается нарушение соотношения полов в детском и подростковом возрастах. Уже в 4-летнем возрасте среди детей преобладают девочки – 51,1%. Преобладают они и в группах 5-9 и 10–11 лет. Необходимо помнить, что те, кому в январе 1937 г. было 4 года, родились в тяжелые времена – голодный 1933 г. Группа 5–10 лет также пострадала от голода. Мальчики, более хрупкие от природы, чем девочки, имели более высокую смертность от истощения в голодные годы.

Кроме того, вообще видна высокая детская смертность среди 2-, 3- и 4-летних детей. В погодной таблице от 0 до 10 лет виден провал («демографическая яма») в возрастах от 2-х до 4-х лет. Численность и удельный вес этих возрастных групп ниже, чем у сопредельных с ними (см. табл. 1). Удельный вес возрастной группы от 0 до 4-х лет в 1937 г. составлял 11% от всех возрастов, а в 1926 г. он поднимается до 15,2%. Следует к тому же иметь в виду, что в эти 11% входила возрастная группа от 0 до 1 года, то есть родившиеся в 1936 г., когда была высокая рождаемость, связанная с запрещением аборт^{*}.

Таблица 1

Возраст	Город	Село	Всего
до 1 года	2,46	3,21	3,01
1 год	1,79	2,57	2,36
2 года	1,03	2,11	1,92
3 года	1,30	1,96	1,78
4 года	1,54	2,24	2,05
5 лет	1,69	2,65	2,39
6 лет	1,88	2,95	2,65
7 лет	1,89	2,88	2,61
8 лет	2,08	2,05	2,78
9 лет	2,01	2,69	2,51
10 лет	2,24	3,01	2,80

Если сравнить по удельному весу возрастные группы от 0 до 14 лет в переписях 1926 и 1937 гг., то они равны: и в том и в другом случае они составляли 37%. Однако к 1937 г. войны давно не было, а в 1936 г. было почти рекордное число новорожденных. Иными словами, голод 1932–1933 гг. нанес демографическому

^{*} *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 64.

развитию страны удар, превосходящий по силе последствия двух больших войн.

Следующий демографический провал в численности возрастных групп приходится на группу 15–19 лет, он был прямо связан с низкой рождаемостью в военные годы. В 1926 г. им было 5–9 лет, и они составляли 10% от населения, а в 1937 г. их удельный вес снизился до 8%. Если 13-летних подростков было почти 4 млн, то 16-летних – только 2,6 млн, а 17-летних молодых людей – 2,5 млн¹¹.

Деформации в демографическом развитии имели крупномасштабный характер и наблюдались в большей или меньшей степени среди всех народов, населявших РСФСР: и славянских народов и народов финно-угорской языковой группы, и тюркской.

В результате демографических ям, связанных с людскими потерями в 20–30-е годы, население РСФСР в канун Великой Отечественной войны было гораздо малочисленнее, чем это должно было быть при благоприятных условиях для его воспроизводства. В 1934 г. был зафиксирован отрицательный прирост населения, а по ряду районов в зонах голода начала 30-х годов превышение смертности над рождаемостью имело место и в последующие годы: Саратовская обл., Республика Немцев Поволжья и т. д. Косвенные людские потери сократили численность лиц призывного возраста в период Великой Отечественной войны. Это была одна из причин, по которой призыв был распространен в конце войны на возрастные группы слишком молодого возраста. Положение усугублялось тем, что не был преодолен дисбаланс в соотношении полов в пользу женщин.

Следует отметить, что особенно пострадавшими оказались дети, рожденные в голодные 1932–1933 гг. На их долю выпали тяжелые эпидемии кори и скарлатины, прокатившиеся по крупным индустриальным центрам России в 1935–1936 гг. и унесшие жизни детей больше всего среди родившихся в эти годы, так как именно они имели ослабленное здоровье. Их мало родилось, они были подвержены таким заболеваниям, как дистрофия, диспепсия, врожденная слабость, малокровие и т. д. Им предстояло пережить и Великую Отечественную войну. Именно это поколение вступило в детородный возраст в 50-е годы.

Огромные человеческие жертвы, которые понесло российское население в годы Великой Отечественной войны, еще более углубили деформации в его возрастно-половой пирамиде. Людские потери катастрофически сократили мужское население, особенно в деревне, в самых трудоспособных и детородных возрастах. Наибольшие потери мужчин наблюдались в возрасте от 30 до 44-х лет. Рожденные в 1914–1918 и 1919–1923 гг., они вступили в войну в возрасте 17–27 лет. Произошло сокращение доли мужчин

и в более старших возрастах – 45–49 лет, испытавших на себе последствия не только Отечественной, но и Первой мировой и Гражданской войн. В итоге по окончании войны было нарушено соотношение полов в пользу женщин в возрастных группах: 40–44 года (1914–1918 гг. рождения) на 100 женщин приходилось 61,6 мужчин-ровесников и 70,2 мужчин на 5 лет старше; 35–39 лет (1919–1923 гг. рождения) соответственно – 62,6 и 59,6; 30–34 года (1924–1928 гг. рождения) – 83,5 и 40,9¹². Причем наиболее существенное нарушение в соотношении полов в пользу женщин было в сельской местности.

Усугубилась существовавшая еще в предвоенные годы диспропорция в соотношении самих возрастных групп. В РСФСР численность лиц в возрасте 60–69 лет в 1959 г. по отношению к 1939 г. составляла 129%, 70 лет и старше – 177%. В то же время дети, родившиеся во время войны и сразу после войны, имели небольшой удельный вес в возрастной структуре населения Российской Федерации. Например, лица 10–15 лет – 7,9%, 16–19 лет – 6,9%. Возрастные группы, родившиеся в голодные годы начала 30-х годов (25–29 лет в 1959 г.), – 9,0%. Невысок был удельный вес и возрастной группы родившихся в предвоенные годы (1935–1940 гг.) – 9,8%, на их долю пришлось тяжелое военное детство¹³. Послевоенная деформация соотношения возрастных групп свидетельствовала о постарении населения, особенно в деревне.

Тяжелым следствием деформации возрастнополового состава российского населения, как и всего СССР в целом, был несостоявшийся так называемый бэби-бум, охвативший по окончании войны все страны, участвовавшие в ней, и характеризующийся буквально взрывом рождаемости. В России же и в СССР потери мужского населения были столь велики, а ситуация в разоренной стране такой трудной, что компенсаторный период оказался очень коротким. При этом из-за голода он оказался прерывным. Это видно по статистическим данным о числе рождений в СССР. После резкого снижения в 1942–1945 гг. этот показатель столь же резко повысился до 4,9 млн новорожденных в 1946 г. и до 5,1 млн в 1947 г. Однако уже в 1948 г. число родившихся упало до 4,6 млн. Это был самый низкий уровень рождаемости за конец 40-х и все 50-е годы. В последний раз в послевоенные годы подъем в этом отношении наблюдался в 1949 г., на который приходится пик компенсаторного периода – 5,4 млн новорожденных. В последующие годы рождаемость понизилась и ни разу не поднялась на уровень 1949 г.¹⁴ Та же динамика рождаемости была характерна и для РСФСР, компенсаторные явления проявились здесь в 1946 и 1947 гг., когда рождаемость составила 24,4%, и особенно в 1949 г. – 28,1%.

В российских городах компенсаторный период был ярче выражен, чем в деревне и чем в РСФСР в целом. В 1947 г. показатель рождаемости у горожан равнялся 31,3%, а в 1949 г. поднялся даже до 33,4%. Уже в начале 50-х годов фиксируется понижение рождаемости, особенно к концу десятилетия: в 1957 г. – 24,7%, в 1958 г. – 24,2%, в 1959 г. – 23,7%. В сельской местности повышение рождаемости происходило медленнее в связи со значительной миграцией молодежи из села в город. Наивысший пик подъема рождаемости в селе зарегистрирован в 1951 г. – 27,9%. В последующие годы рождаемость понижается.

В СССР в целом, видимо за счет республик Кавказа и Средней Азии, картина была несколько иной, чем в РСФСР. В городах компенсаторные явления были, напротив, менее заметны, чем в деревне. Уровень рождаемости в городах так и не поднялся до двух рождений в среднем на женщину. В сельском населении компенсаторные явления были более значительными и продолжались дольше¹⁵. Положение усугублялось высокими показателями младенческой и детской смертности. Война нанесла значительный урон здоровью людей. Женщины, заменившие у станков ушедших на фронт мужчин в городах и принявших на себя всю тяжесть сельскохозяйственных работ в деревне, часто были физически ослабленными и их организм не всегда благополучно справлялся с беременностью. К этому надо добавить и недостаток питания (карточная система в городах, обеспечивавшая лишь минимум продуктов питания, еще не была отменена, а в деревнях не было и такого обеспечения, особенно тяжело было с продовольствием в районах, пораженных неурожаем 1946 г.). Отцы, измотанные войной, невероятным напряжением физических и духовных сил, часто искалеченные ранениями, также не могли заложить крепкого здоровья в своем потомстве. Неудивительно, что 1946 и 1947 гг. в СССР отмечены высокими коэффициентами младенческой смертности: соответственно – 167 и 190%. В дальнейшем, оставаясь высоким, этот показатель начал снижаться до 73% в 1948 и 63% в 1949 г. При этом врожденная слабость, преждевременное рождение и различные болезни новорожденных все 50-е годы оставались одними из основных причин смертности младенцев. В том же десятилетии увеличились на 2% случаи мертворождений.

На протяжении всех послевоенных лет сохранялся высокий уровень заболеваемости детей (до 1 года) воспалением легких и желудочно-кишечными болезнями. В городах РСФСР умерло от воспаления легких в 1948 г. – 35,1% от всех умерших детей, в 1949 г. – 32,9%, в 1950 г. – 35,1%, в 1951 г. – 33,9%, в 1952 г. – 37,4%; от желудочно-кишечных заболеваний – соответственно 24,4%, 28,6%, 28,6%, 29,4%, 23,2%. Наблюдалась высокая смерт-

ность детей в возрасте до 1 года от врожденных пороков развития, преждевременного рождения – 15,5%, 17,2%, 16,0%, 16,9%, 16,1%. Воспаление легких, желудочно-кишечные заболевания, болезни новорожденных, врожденные пороки развития и преждевременного рождения были основными причинами младенческой смертности в городах Российской Федерации в послевоенные годы. Причем в конце 1940-х годов более половины всех умерших на первом году жизни младенцев не дожили до четырех месяцев.

Нарушения полноценности внутриутробного развития привели к ухудшению физического состояния младенцев. Особенно это относится к родившимся в годы войны. В Ленинграде, например, в 1941 г. суммарные средние величины веса новорожденных были более чем на 100 г ниже по сравнению с 1938–1940 гг. В 1942 г. физическое состояние новорожденных резко ухудшилось – средний вес новорожденных обоего пола понизился на 600 г, средний рост – на 2 см, окружность груди – на 1,5 см, окружность головы – на 1,3 см. По данным Р.Б. Коган (1965 г.), дети, рожденные в Москве в 1943–1944 гг., имели дефицит веса в сравнении с рожденными в 1937 г. по времени достижения ими года жизни в 650 г, роста – 1,5 см. В Свердловске наблюдалось то же явление – в 1942 г. вес новорожденных снизился на 200 г у мальчиков и 171 г у девочек, рост соответственно уменьшился на 0,71 и 0,74 см¹⁶.

Низкие показатели физического развития фиксировались и у рожденных в послевоенные годы. В ходе изучения (1969 г.) физического развития юношей Уфы, родившихся в 1949 г., было установлено, что от 10 до 11% обследуемых имели ослабленное состояние здоровья. Результаты обследования показали, что рост мальчиков 4–7 лет в 1945 г. был меньше, чем у детей того же возраста в 1938 г., на 4–5 см., вес уменьшился на 2 кг у 7-летних и на 1 кг у 4-летних. Аналогичная картина была зафиксирована у школьников. Так, у девочек наблюдалось во время войны отставание роста, особенно в 11 лет, а у мальчиков максимальное отставание в физическом развитии падало на возраст 13–14 лет. Вследствие этого, отставание физического развития подростков в 1945 г. во всех возрастных группах было значительно большим, чем в 1939 г. Физическое развитие молодежи в 1945 г. во всех возрастах было ниже, чем в 1939 г. Так, дефицит веса юношей в 1945 г. составлял в 15 лет – 1,48 кг, в 16 лет – 2,69 кг. Дефицит роста в данных возрастах у юношей колебался от 2 до 6 см., у девушек – от 2 до 3,5 см¹⁷.

Изучение влияния физического развития новорожденных, детей дошкольного и школьного возрастов на продолжительность их жизни показало, что дефицит роста, веса, обусловленный тяжелыми материальными условиями жизни в военные и послево-

енные годы на протяжении 6–8 лет остается некомпенсированным в течение последующих 13–15 лет даже при благоприятных условиях. В СССР физическое развитие населения по отдельным возрастным группам нормализовалось только к 1956–1958 гг. Однако отдельные показатели физического развития населения оставались низкими и в последующие годы. Это приводило к росту заболеваемости и смертности у поколений людей, переживших войну, особенно в младенческих и детских возрастах. Анализ госпитальной заболеваемости населения Калуги, Воскресенска выявил, что ее уровень был выше в возрасте 20–29 лет у поколения людей, родившихся в 1940–1948 гг., чем в более старшем или младшем поколении. В этом поколении наблюдалась и более высокая смертность. Из данных Л.Л. Рыбаковского видно, что у родившихся в СССР в 1939–1943 гг. и в 1944–1948 гг. повозрастные коэффициенты смертности по достижении ими 30–34 лет превышали на 7% подобные показатели у лиц того же возраста, но смежных лет рождения. Подобное явление было зарегистрировано и в РСФСР¹⁸. Вступлением в средние возраста поколений людей, родившихся в конце 1930-х годов и в годы войны, также отчасти можно объяснить увеличение смертности населения к середине 1960-х годов на 1000 населения в РСФСР умерло в 1960 г. – 7,4, в 1965 г. – 7,6, в 1970 г. – 8,7, в 1980 г. – 11,0%. После 1964–1965 гг. наблюдался и переход от роста продолжительности жизни к длительной стагнации, а затем ее снижению, особенно у мужчин¹⁹.

Ухудшение физического развития населения после окончания войны оказывало влияние на уровень и структуру заболеваемости. Об этом свидетельствовали результаты исследований. Анализ заболеваемости работников Октябрьской железной дороги с временной утратой трудоспособности показал повышенное число болеющих среди рабочих и служащих, переживших Великую Отечественную войну. Так, в 1963 г. в возрастах 40–49 лет на 1000 работавших заболеваемость в год составляла 955. Важно отметить, что в данную возрастную группу входили лица, рожденные в 1914–1923 гг., вступившие в 1941 г. в возрасте 18–27 лет и в полной мере испытывавшие все тяготы военного времени. Высокий уровень заболеваемости был у рабочих и служащих, родившихся в 1934–1943 гг. (соответственно – 710).

Комплексное исследование причин смертности, проведенные в конце 1958–1959 гг. в Ленинграде*, Куйбышеве**, Орджоникид-

* Три крупных предприятия (завод электротехнической промышленности, предприятие черной металлургии и легкой промышленности).

** По материалам заболеваемости населения г. Куйбышева болезнями органов кровообращения.

зе*, выявили тесную зависимость уровня заболеваемости от возраста и пола обследуемых. В структуре данных болезней наиболее часто фиксировались такие заболевания, как кардиосклероз, гипертония, сердечно-сосудистые неврозы, грудная жаба (стенокардия), дистрофия миокарда, инфаркт миокарда, пороки сердца и т.д. С возрастом частота их увеличивалась. Самая низкая заболеваемость была в возрастных группах моложе 20 лет. Уже в 20–29 и 30–39 лет уровень ее возрастал. Причем в возрастных группах до 39 лет среди болезней органов кровообращения часто встречалась гипертоническая болезнь и сердечно-сосудистые неврозы. Резкое увеличение сердечно-сосудистых заболеваний наблюдалось в возрасте 40–49 лет и максимальное в последующих возрастных группах 50–59 лет и особенно 60 лет и старше, т.е. у тех групп населения, которые находились в 1941 г. в трудоспособных возрастах – 22–32, 32–42, 42–52 года. В этой связи не случайно, что, например, поколение, рожденное в 1906 г. (в 1941 г. – 35 лет), через 50 лет численно сократилось почти наполовину²⁰.

Анализ структуры заболеваемости населения СССР и РСФСР свидетельствовал о том, что во второй половине 1940-х годов оживились такие болезни, как туберкулез легких, болезни сердца, воспаление легких, желудочно-кишечные заболевания, рак и другие злокачественные новообразования. В 1949 г. в городах Российской Федерации смертность от этих болезней составляла 60% (от общего числа умерших). В то же время наблюдался рост сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний и сокращение других болезней. Так, в городах РСФСР туберкулез, занимавший в 1949 г. «первое место» по удельному весу в общем числе умерших, передвинулся на «третье» место. В 1949 г. процент умерших от болезней сердца составлял 13,5, от воспаления легких – 12,5, от туберкулеза – 14,5, от желудочно-кишечных заболеваний – 10,5, онкологических болезней – 9,5; в 1950 г. – соответственно 13,6, 13,3, 12,3, 11,4, 10,1; в 1952 г. – 14,7, 11,9, 9,3, 7,3, 12,7. В последующие годы это явление получило дальнейшее распространение. Так, если в городах СССР от заболеваний органов кровообращения – на 1000 населения умерло в 1940 г. – 1,7, от новообразований – 0,8, то в 1959 г. – соответственно 2,0 и 1,3%²¹.

Война не только увеличила, но и изменила структуру инвалидности. Проведенные исследования в СССР и РСФСР (1965 г.) показали, что наиболее распространенным видом последствий военных травм стали остаточные явления травм головного мозга,

* Заболеваемость сердечно-сосудистыми болезнями среди железнодорожников Орджоникидзе в 1953–1959 гг.

огнестрельные остеомиелиты и болезни культей, последствия травм периферических нервов, а также органов зрения, грудной клетки, позвоночника и спинного мозга, органов брюшной полости, челюстно-лицевой области, заболевания внутренних органов, полученных на фронте, ложные суставы и незаживающие раны. Причем наблюдались осложнения последствий военных травм в течение восьми лет после ранения у более половины больных, лечившихся в госпиталях, а также рецидивы осложнений (воспалительные процессы в области ранения) с промежутками до трех лет. Это приводило к снижению продолжительности жизни в данных группах населения. У инвалидов психоневрологического профиля (психозы, остаточные явления закрытой травмы черепа) было выявлено преждевременное одряхление, психопатическое состояние и т.д.

Исследования заболеваемости населения СССР и РСФСР, проведенные медиками в 1950 – начале 1960-х годов, позволили прийти к выводу о том, что на рост этих заболеваний непосредственное влияние оказывали деформации возрастно-половой структуры населения. В то же время существенное значение имело ослабление общего биологического тонуса организма, произошедшего в годы войны в условиях недостаточного для нормального функционирования организма питания, нездорового жилья, острой нехватки лекарственных препаратов, длительного перенапряжения, ранений, контузий и т. д. Последствия данных явлений долгое время негативно воздействовали на состояние здоровья населения, особенно на группы, находившиеся в военные годы в трудоспособных возрастах.

Для послевоенных лет характерны высокие показатели смертности. Вплоть до 1949 г. они колеблются в пределах 2,7–2,2 млн человек ежегодно. Особенно высокой смертность в СССР была в 1947 г., когда умерло 3,5 млн человек. При этом до 1954 г., она хоть и имела тенденцию к снижению, но все еще оставалась на уровне 2,0–2,1 млн человек. В дальнейшем этот показатель снизился до уровня 1,7–1,8 млн ежегодно и продержался на этом уровне вплоть до 1959 г. Высокая смертность населения в целом, в том числе младенческая, о чем говорилось выше, сильно снизила эффективность компенсаторного периода. Естественный прирост населения именно в компенсаторный период оказался в СССР самым низким за все послевоенные годы и все последующее десятилетие. В 1946 г. он составил 2,1 млн человек, в 1947 г. понизился до 1,6 млн, а затем лишь к 1949 г. поднялся до 3,2 млн.

Высокий уровень смертности населения в послевоенные годы привел к сокращению ожидаемой продолжительности жизни. В 1946 г. ее величина составляла лишь 46,1 лет, а у мужчин – всего

41,5 года. Особенно резко упал этот показатель в голодном 1947 г. – до 40,5 лет, а у мужчин сократился катастрофически – до 34,8 лет, женщины и те доживали лишь до 46,4 лет. Только к 1949 г. уровень ожидаемой продолжительности жизни несколько поднялся, составив в среднем 55 лет, 51 год у мужчин и почти 60 лет у женщин. Для всего десятилетия 1950-х годов показатель ее не поднимался выше 66 лет в среднем и 63 лет у мужчин²².

Война оказала большое влияние на состояние брачности и семьи. Сразу после окончания войны наступил кратковременный период увеличения брачности. Отчасти это было связано с оформлением фактических браков, сложившихся еще до войны и в годы войны. Анализ данных текущей статистики показал, что наибольшее число браков в РСФСР было зарегистрировано в 1946 г.²³ (на 1000 населения) – 12,3. Это было связано с вступлением в брак лиц, не успевших создать семьи до войны и отложивших вступление в брак в годы войны (в 1939 г. им было 20–24 года, в 1941 г. – 22–26 лет, в 1945 г. – 26–30 лет, в 1946 г. – 27–31 год), а также лиц – в наиболее активных брачных возрастах в послевоенные годы (в 1939 г. – 15–19 лет, в 1941 г. – 17–21 год, в 1945 г. – 21–25 лет, в 1946 г. – 22–26 лет). Однако уже в 1947 г. и в 1948 г. видно снижение брачности – в 1947 г. на 1000 населения было зарегистрировано браков – 10,4, в 1948 г. – 10,6.

Аналогичная ситуация наблюдалась в городах. Рост брачности горожан виден в 1946 г.^{**} Так, если на 1000 населения вступило в брак в 1946 г. – 19,7, в 1947 г. – 14,8, в 1948 г. – 15,5, в 1949 г. – 16,6, то в 1950 г. – 14,8, а в 1955 г. – 13,8.

В связи со значительной деформацией возрастнополовой структуры в сельской местности брачность на селе была ниже, чем в городе, – на 1000 населения в сельской местности в 1946 г.^{***} было зарегистрировано браков – 8,5, в 1947 г. – 8,0, в 1948 г. – 8,0, в 1949 г. – 8,4. Тем не менее в 1950-е годы брачность сельчан увеличивалась и в 1955 г. составила (на 1000 населения) – 10,4.

Снижение брачности населения в Российской Федерации после кратковременного всплеска обуславливалось, как отмечалось, послевоенной диспропорцией полов. Это повлияло на снижение числа замужних женщин. По данным переписи населения 1959 г., по сравнению с материалом переписи населения 1939 г. видно уменьшение числа замужних женщин практически во всех возрастных группах. Причем существенное сокращение было зафиксиро-

* Без Амурской, Камчатской, Сахалинской, Калининградской областей, Хабаровского края.

** То же.

*** То же.

ровано в поколениях женщин, рожденных в 1914–1918 и 1919–1923 гг. и наиболее пострадавших в годы войны. Так, в поколении женщин, рожденных в 1914–1918 гг., замужние женщины составляли – на 1000 человек данного возраста (40–44 года) – 606 (в 1939 г. – 751); в группе женщин, рожденных в 1919–1923 гг. (35–39 лет), соответственно 711 (в 1939 г. – 794). Среди женщин, рожденных в 1924–1928 гг. (30–34 года), замужних было 768 (в 1939 г. – 815); рожденных в 1929–1933 гг. (25–29 лет) – 752 (в 1939 г. – 783); рожденных в 1934–1938 гг. (20–24 года) – 479 (в 1939 г. – 599). Возрастание половой диспропорции в средних и пожилых возрастах (45–49 лет и старше) также отразилось на снижении доли замужних женщин²⁴. Данному положению соответствовал брачный возраст женщин. Значительная часть браков заключалась женщинами от 20 до 23–24 лет и по сравнению с 1940 г. число вступивших в брак женщин в этом возрасте выросло. Причем максимальное число вступивших в брак было зафиксировано в возрасте 22 года, в последующих возрастах видно постепенное сокращение выходящих замуж женщин.

Война оказывала дестабилизирующее влияние на брак. Послевоенная диспропорция полов способствовала этому. После окончания войны стал наблюдаться рост разводов – на 1000 зарегистрированных браков в РСФСР было зафиксировано разводов: в 1946 г.* – 7,9, в 1947 г. – 17,5, в 1948 г. – 25,8, в 1949 г. – 34,2, в 1950 г. – 40,7, в 1955 г. – 68,3. Постепенное увеличение разводов также было связано с оформлением совершившихся фактически до войны, в связи с вступлением в действие нового законодательства о браке и семье 1944 г., а также вступлением в брак мужчин с более молодыми по возрасту женщинами. Об этом свидетельствовало повышение разводов в средних возрастных группах (30–39 лет), особенно у мужчин с длительной продолжительностью брака от 5 до 20 лет и сокращением разводов с брачным стажем до 1 года, от 1 года до 4 лет. Это оказывало влияние на рост числа разведенных женщин в средних возрастах, так как в послевоенных условиях им было трудно выйти замуж повторно. Однако в 1950-е годы, когда в брачный возраст вступили поколения 1930–1939 гг. рождения, ситуация изменилась в сторону увеличения расторжения браков с продолжительностью от 1 до 6 лет. Причем более половины, расторгнувших брак, находились в возрасте 25–39 лет²⁵.

Последствия военных лет сказались на характере повторных браков. Анализ их динамики показал увеличение активности со

* Без Амурской, Камчатской, Сахалинской, Калининградской областей, Хабаровского края.

стороны мужчин. Об этом свидетельствовали данные всесоюзного социально-демографического обследования 1985 г. В СССР в 1950–1954 гг. на 1000 разошедшихся или овдовевших мужчин через пять лет вступили в повторный брак 552, женщин – 146; через десять – мужчин – 673, женщин – 219; в 1955–1959 гг. соответственно – 544 и 159, 653 и 234. Возникшая ситуация оказала влияние на рост продолжительности жизни в браке у мужчин и сокращение этого показателя у женщин. Это явление, хотя и в меньшей степени, было связано с последствиями войны. В то же время изучение материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. по РСФСР выявило преобладание женатых мужчин во всех возрастных группах. Они были членами полных семей, причем в большинстве случаев – главами семей. Женщины, особенно в возрасте 50 лет и старше, наоборот, являлись одиночками или членами неполных семей. Тем не менее повторные браки в целом поддерживали высокую брачность населения после завершения войны, давали возможность создать новую семью.

Потери членов семьи в военные годы сказались на сокращении ее размеров. По данным переписи населения 1959 г., в РСФСР средний размер семьи (совместно проживающие члены семьи) составлял 3,6 человек (1939 г. – 4,1), в городах – 3,5 (в 1939 г. – 3,6), в сельской местности – 3,8 человек (в 1939 г. – 4,3). Средний размер семьи в СССР – 3,7 человек (в 1939 г. – 4,1), в городе – 3,5 (в 1939 г. – 3,6), в сельской местности – 3,9 человек (в 1939 г. – 4,3). Таким образом, если городская семья осталась практически стабильной, то сельская семья существенно уменьшилась. Средний размер ее в РСФСР превышал размер городской семьи в 1939 г. на 18,8%, а в 1959 г. – на 9,9%.

Изучение статистического материала переписей населения 1939 г. и 1959 г. показало процесс увеличения в России к концу 1950-х годов малочисленных семей (2–3 человека) и сокращение семей, состоящих из 4–5, 6 и более человек²⁶. В то же время это явление объяснялось не только последствиями войны, но и дроблением семей, связанное в основном с выходом из родительских семей молодых брачных пар.

Послевоенная диспропорция полов в брачных возрастах способствовала увеличению внебрачной рождаемости, росту числа матерей-одиночек и неполных семей. За период с 1945 г. по 1958 г. в СССР родилось 10,6 млн детей, у которых в акте о рождении отсутствовала запись об отце. Наиболее высокий процент детей, родившихся вне брака, фиксировался в 1945 г. – 18,9, в 1946 г. – 18,7 и особенно в 1949 г. – 19,5, и в 1950 г. – 19,7. Лишь после 1950 г. процент внебрачных детей начал сокращаться, составляя в 1955 г. – 14,5, в 1956 г. – 13,4, в 1957 г. – 13,0, в 1958 г. –

12,5. Возросшее в послевоенное время число внебрачных детей обостряло проблему «безотцовщины», с чем было часто связано и распространение в их среде вредных привычек (курение, алкоголизм) и нервно-психических заболеваний и, наконец, увеличение преступности. Все это вместе взятое приводило к нарушению нормального физического и умственного развития детей, увеличению среди них заболеваемости и смертности.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что война имела тяжелые последствия для демографического развития населения России и СССР в целом. Огромные людские потери привели к сокращению его численности, к значительному нарушению соотношения полов в пользу женщин, к увеличению доли пожилых возрастов в обществе, к ухудшению здоровья людей. Эти раны войны имели долгосрочное действие. Тяжелые последствия Великой Отечественной войны были усугублены неблагоприятными демографическими тенденциями, с которыми Россия вступила в войну: наличие «демографических ям», сокративших численность ряда призывных возрастных групп и ослабивших возрастные группы, которые вступили после тяжелого военного детства в детородный возраст после войны; значительные потери населения в годы Первой мировой и Гражданской войн, голод, насильственные переселения, репрессии и т. д. Великая Отечественная война углубила неблагоприятные демографические тенденции, выражавшиеся в послевоенные годы в замедленном выравнивании возрастно-полового состава населения РСФСР, снижении рождаемости, повышении смертности, возникновении кризисных демографических ситуаций, распространении сердечно-сосудистых и нервно-психических заболеваний, изменении структуры инвалидности. Все это обострило проблему трудовых кадров как в количественном, так и в качественном отношении, прежде всего в плане состояния здоровья.

Следствием войны было усложнение нагрузки на формы социального, медицинского обеспечения населения, в связи с ростом в обществе процента сирот и пожилых людей, в большинстве своем одиноких, инвалидов. Наконец, война ухудшила экологическую обстановку в стране на длительное время, что отрицательно сказалось и на показателях рождаемости и смертности.

¹ Народонаселение. М., 1994. С. 48.

² Людские потери в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. С. 52.

³ История Первой мировой войны. Т. 5. М., 1978. С. 254.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

- ⁷ *Зима В.Ф.* Голод в СССР. 1946-1947. М., 1997. С. 168.
- ⁸ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 153.
- ⁹ Там же. С. 154-156.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 2-4.
- ¹¹ Население... С. 373.
- ¹² *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России. 1927-1929. М., 1998. С. 157-160; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 60-61.
- ¹³ Там же. С. 59.
- ¹⁴ Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 70.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2237. Л. 1-50; Д. 2643. Л. 149-151; Д. 2645. Л. 11-16.
- ¹⁶ *Новосельский С.А.* Демография и статистика. Избранные произведения. М., 1958. С. 250; *Георгиевский А.С., Гаврилов О.К.* Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С. 111-112; *Мальшева Р.А.* Физическое развитие детей раннего и среднего возраста г. Свердловска. Свердловск, 1959. С. 14.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Рыбаковский Л.Л.* Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX века // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 12.
- ¹⁹ Население России. 1995. М., 1996. С. 109.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2187. Л. 94-95 об.
- ²¹ Население Советского Союза. С. 70-71.
- ²² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3826. Л. 119; Оп. 33. Д. 416. Л. 80-81.
- ²³ Там же. Д. 2237. Л. 2-4; Д. 2647. Л. 149-151.
- ²⁴ *Ильина И.П.* Влияние войны на брачность женщин // Рождаемость, смертность, брачность в России и СССР. М., 1980. С. 52.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 4529. Л. 136.
- ²⁶ *Герасимова И.А.* Структура семьи. М., 1976. С. 99; Вестник статистики. 1962. № 12. С. 42-46.

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ:
СОСТОЯНИЕ БРАЧНОЙ СТРУКТУРЫ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
РСФСР К КОНЦУ 1950-х ГОДОВ

*О. М. Вербицкая**

(Москва)

Крестьянству после войны пришлось нести бремя тяжелейшей материальной ответственности за восстановление экономики, которое на него возложило государство. Конкретно это выразилось прежде всего в том, что государство на расчетах с колхозами сэкономило огромные средства, изымая не менее $\frac{3}{4}$ общего объема сельскохозяйственной продукции, произведенной колхозами. В результате по итогам хозяйственного года на оплату труда колхозников оставалось крайне недостаточное количество продуктов; в то же время денег колхозы вплоть до второй половины 50-х гг. практически не выдавали. Именно так, посредством постоянной недоплаты колхозникам за их труд государство осуществляло накопление необходимых средств и ресурсов для инвестирования промышленности, и прежде всего – военно-промышленного комплекса СССР.

В связи с послевоенной «гонкой вооружений», на которую, по разным оценкам, уходило от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ валового национального продукта, в стране бурно развивалась промышленность, восстанавливались старые, разрушенные, и строились новые заводы и фабрики, сооружались дороги, мосты и пр. Особенностью советской индустриализации являлось преимущественно экстенсивное развитие за счет постоянного использования дополнительных ресурсов, в то время как общий уровень производительности труда оставался низким. Все это создавало предпосылки для формирования высокой потребности промышленных предприятий в привлечении дополнительных резервов труда, в том числе некавалифицированного, которые могла дать деревня. Спрос рождал предложение, и крестьянство при первой возможности покидало нищую, обираемую деревню, стремясь найти работу в городе. В первые послевоенные годы отъезд из деревни для крестьянства сильно осложнялся различными запретами – на выбытие из колхоза, на самовольный уход, т.е. без официального разрешения

* Вербицкая Ольга Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

колхозной администрации, за что нередко привлекали к судебной ответственности. Кроме того, колхозники, как известно, не имели паспортов, что также очень затрудняло устройство на работу в городе. И все же масштабы ежегодного оттока сельских жителей в города на всем протяжении послевоенного периода были значительными. Основную массу уезжавших из деревни составляли молодые люди от 16 до 29 лет¹. Безусловно, миграция сельской молодежи из деревни еще больше ухудшала демографическую ситуацию, начало чему было положено еще в период войны.

В данной работе ставится цель проанализировать негативные последствия Великой Отечественной войны для формирования брачной структуры сельского населения Российской Федерации с середины 40-х до конца 50-х гг. Необходимые сведения о естественном движении населения взяты из материалов текущего учета, в том числе из отчетов сельских советов о возрастно-половом составе жителей деревни, а также из документов Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. и данных регистрации браков и разводов.

Последствия войны еще долгие годы сказывались на ходе демографических процессов в деревне. Во-первых, вследствие больших потерь среди военнослужащих и мирных жителей на оккупированной территории, существенно уменьшилась общая численность сельского населения РСФСР. За период с 1939 по 1946 г. ее снижение составило 13,8 млн (с 72,5 млн до 58,7 млн)². Безусловно, всю эту убыль нельзя причислять лишь к безвозвратным потерям, поскольку в эти годы часть сельских жителей перешла на жительство в города или осталась в районах эвакуации. Во-вторых, война и резкое уменьшение доли мужчин обусловили соответствующее нарастание удельного веса женщин. Это еще больше усиливалось тем, что военные потери, например среди мужчин от 18 до 50 лет, оказались в 4 раза выше, чем среди женщин³. Если до войны в 1939 г. общее количество женщин в сельской местности РСФСР превышало число мужчин на 4,3 млн, то в 1945 г. – уже на 14,2 млн человек⁴.

«Демографическое эхо» войны продолжало ощущаться в деформации возрастно-полового состава жителей деревни, в резко пониженном удельном весе дееспособных мужчин, в повышенной смертности среди инвалидов войны, в безбрачии и вдовстве многих еще молодых женщин, сиротстве детей и т.д. После окончания войны в Российской Федерации насчитывалось немало мелких деревень, в которых общее число мужского населения так и не пополнилось за счет возвращения из армии. В 1945 г. в целом по сельской местности РСФСР мужчин в возрасте от 16 до 50 лет

оказалось всего около 8,5% к их общему числу, в то время как накануне войны – 21,4%. В итоге к началу мирного периода на каждые 100 женщин в возрасте от 16 до 49 лет приходилось всего 36 мужчин в этом же возрасте⁵. Но действие восстановительных факторов (демобилизация армии, эвакуация и т.д.) несколько улучшило демографическую ситуацию в деревне. Уже в 1947 г. доля мужчин от 16 до 50 лет в населении повысилась до 47,5%, что отчасти оптимизировало весьма напряженный баланс в соотношении полов по группам возрастов, способных к обзаведению семьей и детьми. Но по самым молодым и наиболее бракоспособным группам баланс полов почти не менялся. Так, на одного мужчину 21–23 лет (т.е. 1923–1925 гг. рождения – наиболее пострадавших в войне) по сельской местности России в среднем приходилось по 5 девушек-ровесниц⁶.

С конца 40-х гг., когда прекратилось пополнение сельского населения за счет возвращения фронтовиков, возрастно-половой состав его менялся мало, несмотря на достаточно высокую рождаемость и заметно снизившийся по сравнению с 1940 г. уровень общей смертности, и только с середины 50-х гг., когда повзрослели многочисленные поколения родившихся во второй половине 30-х гг., общее количество мужчин в возрасте репродукции стало понемногу увеличиваться. В 1958 г. доля мужчин в населении российской деревни так и не достигла показателей 1939 г., хотя по сравнению с 1945 г. она выросла с 36,2% до 42,9%⁷.

Следовательно, одним из главных демографических последствий Великой Отечественной войны для сельского населения России стало резкое снижение доли лиц мужского пола. Как оказалось, оно имело долговременный характер, поскольку даже в конце 50-х гг. удельный вес мужчин в репродуктивных возрастных группах (от 16 до 50 лет) вырос всего на 2,9% по сравнению с 1948 г. (когда закончилось пополнение за счет демобилизации из армии). Более того, количественное превосходство женского пола в основных бракоспособных возрастах стало усиливаться. Так, если в 1950 г. на каждые 1000 девушек в возрасте от 18 до 24 лет в сельской местности РСФСР приходилось 880 мужчин-ровесников, то в 1958 г. – уже только 787⁸. Неудивительно, что при столь неблагоприятных демографических перспективах многим сельским девушкам и молодым женщинам устроить личную жизнь, т.е. выйти замуж и родить детей, было невозможно. В сочетании с другими факторами экономического характера (низкий уровень жизни, особенно в колхозах) это заставляло многих из них активно, наряду с мужчинами, участвовать в различных оргнаборах рабочей силы, сельскохозяйственных переселениях и пр., в том числе и надежде расширить круг брачного знакомства.

Серьезной причиной замедления темпов нормализации половой структуры стало и то обстоятельство, что в течение ряда лет происходило повышение смертности среди мужчин по основным группам возрастов (от 16 лет и старше), в то время как смертность женщин быстро снижалась, а если иногда и происходило ее повышение, то в значительно меньшей мере, чем у мужчин⁹. Но в итоге общая численность мужчин за 1945–1959 гг. в российской деревне выросла на 5 млн, а женщин – за это же время, главным образом из-за отъезда в город молодых девушек, уменьшилась почти на 1,3 млн¹⁰.

Сопоставление пропорций разных поколений в мужском и женском населении российской деревни позволяет выявить следующую закономерность. В 1959 г. среди мужчин заметное большинство составляли поколения, родившиеся после 1930 г., те, кто не принимал участия в военных действиях, в то время как поколения, на долю которых пришлось основные военные потери, и которым в момент переписи 1959 г. было уже по 35 и более лет, выделялись своей малочисленностью. В особой степени это относилось к 35–39-летним мужчинам (1920–1924 гг. рождения) и 40–44-летним (1914–1919 гг. рождения) – главным контингентам возрастов, понесшим самые тяжелые потери на войне. Эти же возрастные группы отличались резко пониженным удельным весом в общем составе мужчин, что подтверждается следующими данными. Так, среди мужчин удельный вес каждой возрастной группы, начиная с 10 лет, понижается довольно плавно, вплоть до 35–39 лет, доля которой в общем составе мужчин села сразу оказалась в 2 раза ниже по сравнению с предыдущей группой 30–34-летних. В то же время подобного резкого перехода среди женщин не отмечалось ни по одной возрастной группе. Это говорит о структурных изменениях в возрастно-половом составе сельских жителей, о прошедшей смене поколений в репродуктивном возрасте за счет преобладания возрастов мужчин, не участвовавших в военных действиях 1941–1945 гг.

Это же объясняет разрыв в общей численности мужчин и женщин в сельском населении за период с 1939 по 1959 г. Если до войны женщин было больше на 4,3 млн, то в конце 50-х – почти на 6,4 млн. Следовательно, важнейшей отличительной чертой возрастно-полового состава населения российской деревни в конце 50-х гг. по-прежнему оставалось существенное превышение численности женского пола над мужским, которое из-за потерь на войне и миграции в город усилилось еще больше. Как одно из демографических последствий недавней войны следует оценивать и резко пониженную долю поколений мужчин 1914–1924 гг. рождения, т.е. тех, кому в 1959 г. было от 35 до 45 лет, – весьма актив-

ных в демографическом смысле. Благодаря высокой рождаемости в предвоенные годы и в период с 1946 по 1958 г., общая численность лиц мужского пола в сельском населении в известной мере была восполнена, но уже главным образом за счет молодых поколений до 30 лет. Гибель значительного числа мужчин 1914–1924 гг. рождения (которым после окончания войны было бы всего по 20–30 лет с небольшим, т.е. представителей наиболее активного репродуктивного и бракоспособного возраста) оказала прямое негативное воздействие на изменения в режиме воспроизводства сельского населения. В частности, это нашло выражение в уменьшении абсолютных чисел родившихся детей, а значит – и в снижении общего уровня естественного прироста, в том числе и по сравнению с предвоенными годами.

Кроме последствий войны, серьезным фактором, оказывавшим все большее влияние на формирование возрастно-полового состава сельского населения и демографической ситуации в деревне в целом, становились миграционные перемещения ее жителей в города. Значительный отток колхозников и других групп сельского населения нашел соответствующее отражение в уменьшении численности отдельных его поколений, особенно молодежи. Отмеченные негативные явления в возрастно-половой структуре сельского населения РСФСР соответствующим образом преломлялись и при формировании его семейно-брачного состава.

Итак, ситуация на брачном рынке в деревне после войны оказалась крайне неблагоприятной для потенциальных невест. Огромному числу женщин, как тем, которые не успели до войны и во время нее выйти замуж, так и разведенным, и прежде всего – многочисленным вдовам, потерявшим своих мужей на фронте, противостояло довольно ограниченное число неженатых мужчин.

Материалы Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. дают полное представление о тенденциях в развитии процессов брачности сельского населения. Фиксируя брачное состояние, они дают как бы «поперечный срез» семейных судеб различных поколений. Сопоставление данных переписей показывает, что за 20-летний период брачная структура жителей российской деревни заметно изменилась. Характер этих изменений выразался, что сразу бросается в глаза, в заметной диспропорции уровней мужской и женской брачности. В 1939 г. в составе сельского населения РСФСР насчитывалось 51,1% мужчин и 62% женщин старше 15-летнего возраста. Из них в браке состояло 69,19% взрослых мужчин и 59,5% – женщин. Обе переписи зафиксировали практически полную брачность мужчин среднего возраста. Так, в 1939 г. доля состоявших в браке мужчин в возрасте от 40 до 44 лет превышала 95%, а по соседним возрастным группам была близкой к

этому. В 1959 г. показатели мужской брачности по этим же группам и группе 50–54 года еще больше возросли (до 96% и более)¹¹.

В уровне брачности женщин за 20 лет произошли более глубокие перемены. Если до войны замужем было более половины (59,5%) общего количества женщин старше 15 лет, то в конце 50-х гг. – всего 48,3%, т.е. брачность сельских женщин снизилась на 11,2%. Причем в отличие от мужчин максимальная доля состоявших в браке женщин стабильно приходилась на молодую возрастную группу 30–34 года и равнялась 84,1% (в 1939 г.) и 75,0% (в 1959 г.)¹². Следовательно, даже в группах максимально высоких показателей брачность женщин в российской деревне в конце 50-х гг. была далеко не полной. Начиная с 20-летнего возраста и до 64 лет включительно, в браке пребывало заметно меньше женщин, чем в предвоенные годы. Доля женщин, состоявших в браке, особенно резко снизилась по возрастным группам от 35 до 59 лет (в пределах от 12 до 22%), среди которых возраст до 49 лет, как известно, составляет вторую половину репродуктивного периода жизни женщины. Иными словами, значительное количество жительниц деревни оказались вне брака, будучи еще в детородном возрасте. Безбрачие имело вынужденный характер, поскольку эти женщины не могли найти брачных партнеров, а изменить ситуацию, по крайней мере оставаясь в деревне, при сильно деформированной возрастно-половой структуре ее населения, было нельзя. В самой неблагоприятной ситуации, как показала перепись 1959 г., находились женщины, родившиеся в 1924–1928 гг. (период высокой рождаемости), которым, согласно обычной практике женщин вступать в брак с мужчинами постарше, соответствовал в количественном отношении сравнительно небольшой контингент мужчин 1919–1923 гг. рождения – времени гражданской войны, голода и разрухи¹³.

Итак, сокращение уровня брачности по возрастным группам старше 35 лет было тесно связано со значительным ухудшением ситуации на брачном рынке, обусловленном демографическими последствиями войны. Но для старших возрастных групп ухудшение естественного соотношения мужского и женского пола в определенной мере было связано еще и с гражданской войной, с максимальными потерями, пришедшимися на мужчин поколения 1900–1923 гг., которым в 1959 г. было от 35 до 59 лет. На каждые 100 женщин их возраста из-за потерь на фронте приходилось, по данным Всесоюзной переписи 1959 г., соответственно 62 и 40 мужчин¹⁴. Значительная часть женщин-ровесниц этих «выбитых» на войне поколений мужчин оказалась впоследствии без брачного партнера, что также стало одной из причин более низкого, чем до войны, общего уровня рождаемости. Таким образом, Великая

Отечественная война привела к резкому нарушению пропорции полов среди сверстников, у которых перед войной существовал практически нормальный баланс. Кроме того, она усугубила диспропорцию полов и в соседних возрастных группах мужчин и женщин, которая ощущалась и в 1939 г. – как результат Первой мировой и Гражданской войн, и отчасти таких событий, как коллективизация деревни, раскулачивание и голод начала 30-х гг.

Зато в самой младшей группе женщин репродуктивного возраста – от 15 до 19 лет, т.е. родившихся в 1939–1943 гг., доля уже состоявших в браке в 1959 г. была в 5 раз выше, чем в 1939 г. Это обстоятельство косвенным образом подтверждает те структурные изменения, которые произошли в составе мужской части населения деревни. За 20 лет после переписи 1939 г. и 13 лет после окончания войны, состав мужчин в российской деревне практически полностью обновился за счет более молодых возрастных групп, которые своим количеством отчасти возместили численные потери мужчин более старших возрастов, тех, кто не пришел с фронта. Подростая молодежь мужского пола, родившаяся во второй половине 30-х гг., когда была очень высокая рождаемость, вступая в брак, выбирала ровесниц или более молодых девушек. Этим и объясняется пятикратно выросшая доля молодых женщин до 20 лет, которые в 1959 г. уже были замужем. Кроме того, на столь молодых девушках охотно женились и мужчины более старших возрастных групп.

Характерно, что у мужчин доля самых младших возрастных групп (до 20 лет) среди состоявших в браке осталась практически той же, что и до войны. Зато почти на 10% за эти годы понизился удельный вес женатых в возрастной группе от 20 до 24 лет, что может быть объяснено прохождением действительной военной службы именно в этом возрасте. Дело в том, что до середины 60-х гг. для юношей призывным был возраст 19 лет; после чего они служили три года в сухопутных войсках и четыре года – на флоте. Помимо службы в армии, на сокращении доли женатых мужчин в возрасте от 20 до 24 лет, несомненно, сказались и последствия миграционного оттока из деревни в город, в котором основным действующим лицом была молодежь.

И все же главный вывод, который следует из анализа изменений, произошедших в структуре брачности сельского населения РСФСР с 1939 по 1959 г., заключается в действии совершенно противоположных тенденций в динамике мужской и женской брачности. Если к 1959 г. доля женщин, состоявших в браке, как отмечалось, довольно ощутимо снизилась по всем возрастным группам, кроме самых молодых, то у мужчин, наоборот, доля женатых возросла (за исключением тех же молодых возрастных ин-

тервалов до 24 лет включительно)¹⁵. Следовательно, брачная структура жителей деревни в 1959 г. во многом повторила особенности их возрастно-полового состава и отразила все неблагополучие, сложившееся на брачном рынке в соотношении потенциальных и реальных женихов и невест. Количественное превосходство женщин над мужчинами в послевоенные годы в конце концов наложило тяжелый отпечаток на всю брачную структуру жителей села. Оно проявилось в значительно меньшем удельном весе замужних женщин по сравнению с 1939 г. по всем группам бракоспособных возрастов, кроме самых молодых (до 19 лет включительно). По данным Всесоюзной переписи 1959 г. женщин старше 25 лет в российской деревне насчитывалось около 18 млн против 11 млн мужчин этого же возраста, т.е. было больше на 7 млн¹⁶. Из-за тяжелейших демографических последствий войны брачность российских женщин, живших в сельской местности, и спустя 13 лет после ее окончания, оставалась далеко не полной. И это при том, что сельскому населению России, если судить по данным предыдущих переписей населения 1897, 1926 и 1939 гг., всегда было свойственно стремление к браку у практически всех совершеннолетних жителей.

В целом уровень брачности сельских женщин оказался ниже не только по сравнению с мужчинами, но и с городскими женщинами. Так, в результате выборочного обследования, проведенного в 1960 г. ЦСУ СССР, были установлены следующие различия. Среди женщин в возрасте от 17 до 49 лет удельный вес замужних колхозниц составлял 61%, в то время как у женщин рабочих в браке состояло 68%, а среди служащих – 71%. В то же время колхозницы в брак вступали, как оказалось, несколько раньше, чем жительницы городов. Поэтому к 17–19 годам среди них замужем уже было 18%, а у женщин-работниц и служащих – всего 6%. К 20–24 годам этот показатель соответственно поднимался до 53, 35 и 24%¹⁷. На наш взгляд, эти отличия определялись особенностями возрастно-половой структуры населения в городе и деревне. Деформации естественного соотношения между численностью мужчин и женщин в городе ощущались меньше, чем в деревне, где они постоянно усиливались еще и в ходе миграционных перемещений в город. Одновременно к концу 50-х – началу 60-х гг. в брачный возраст входили довольно многочисленные поколения молодежи, родившиеся после 1935 г., которые не могли участвовать в войне, благодаря чему на них не лежала печать огромных потерь, и их было соответственно больше.

В региональном плане колебания в уровне брачности женщин как в ту, так и в другую сторону, зависели прежде всего от степени урбанизированности данной области или края. Как правило,

в районах с преимущественно сельскохозяйственным развитием, таких как Северный Кавказ (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, Дагестан, Кабардино-Балкария), Алтайский край, Кемеровская область в Западной Сибири, некоторые территории Урала, почти вся территория Восточной Сибири и Дальнего Востока – число состоящих в браке женщин в возрасте от 16 лет, по данным Всесоюзной переписи 1959 г., значительно превосходило средние показатели в целом по сельской местности РСФСР. Так, если в среднем по РСФСР на каждую 1000 женщин старше 16 лет в браке состояло 488, то в перечисленных районах – от 500 до 600 и более¹⁸.

Высокий уровень брачности в этих районах объяснялся сравнительно низкой его миграционной подвижностью и, благодаря этому, лучшим соотношением мужчин и женщин по группам активных возрастов. Это стимулировало высокую рождаемость и естественный прирост, а также поддерживало многочисленность сельских семей.

Различия в уровне мужской и женской брачности, столь характерные для сельского населения России в конце 50-х гг., прослеживаются и по отдельным национальностям. На примере самых многочисленных национальностей в России – русских, украинцев и татар – также наблюдается заметно более высокий процент брачности среди мужчин, нежели среди женщин, в 1939 г. и особенно в 1959 г. Кроме того, уровень брачности среди женщин всех трех национальностей в 1959 г. заметно уменьшился против уровня 1939 г. Начиная с возрастной группы 35 и до самых преклонных лет, удельный вес русских женщин, украинок и татарок, состоявших в браке, намного ниже, чем мужчин соответствующего возраста и национальности. При этом больше сходства в показателях брачности имели русские и татарки, в то время как среди украинок число состоящих в браке было почти по всем возрастным группам на 13–15% выше, но при сравнении с остальными многочисленными национальностями РСФСР уровень брачности среди украинок был одним из самых высоких. Так, более высокий уровень брачности в расчете на 1000 женщин соответствующей национальности имели лишь чеченки (627) и тувинки (619), после чего – украинки (589) и белоруски (587). У русских средний показатель брачности в расчете на 1000 женщин от 15 лет составлял в 1959 г. – 505 и был средним по Российской Федерации. Ниже средних показатели брачности имели марийки (391); карелки (442); мордовки (445), а также башкирки, чувашки, удмуртки и пр.¹⁹

В годы войны из-за общего ухудшения демографической ситуации, и прежде всего резкого уменьшения числа мужчин в молодом возрасте, показатели брачности по сельской местности

упали. Влияние войны на брачность проявилось как в сокращении численности бракоспособных контингентов, особенно мужчин, так и в снижении общего числа заключаемых браков. Это объяснялось призывом в армию и массовой гибелью мужчин в 1942–1943 гг. Общее число заключенных браков в целом по сельской местности России составило лишь половину от довоенного уровня, а в некоторых регионах еще меньше. Так, в Сибири индекс брачности среди сельских жителей в 1942 г. сократился по сравнению с 1939 г. более чем в 3 раза, а в 1943 г. – в 4,5 раза²⁰. В целом же по селу РСФСР предельно низкие показатели уровня брачности с 1944 г. стали расти и постепенно по своему значению максимально приблизились, а в 1945 г. – сравнялись с довоенным уровнем²¹.

И все же после окончания войны брачность в стране переживала небывалый ранее подъем. Еще в 1944 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и «Медаль материнства». В данном правительственном документе, по сути дела, содержались основные направления демографической политики государства и в качестве основного средства ее реализации назывался кратчайший путь преодоления тяжелых последствий войны – всесторонняя поддержка семьи. Вместо того чтобы, как и после окончания гражданской войны, всемерно поддерживать фактический брак и тем самым в известном смысле как бы патронировать юридически нерегулируемым отношениям полов, что на первый взгляд обещало быстрый подъем рождаемости, закон решительно встал на защиту официального брака. Поэтому в Указе от 8 июля 1944 г., имевшем юридическую силу, утверждалось, что отныне только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов по закону²². Тем самым впервые за все годы советской власти закон о браке и семье встал на путь признания исключительности официального брака, хотя в течение более четверти века власть признавала законными и фактические, юридически не оформленные браки. При этом однозначно и настоятельно Указ 1944 г. рекомендовал всем гражданам, состоявшим в незарегистрированном браке, «оформить свои отношения путем регистрации брака с указанием срока фактической совместной жизни». С целью устранения возможной неразберихи в брачных отношениях, в том числе и фактического многобрачия (а точнее – многоженства, более вероятного в условиях послевоенного дефицита мужчин), отныне в паспорте ставилась особая отметка «семейное

положение», с указанием фамилии, имени, отчества и года рождения супруга, места и времени регистрации брака²³.

Следовательно, если действовавший ранее кодекс законов о браке и семье от 1926 г. фактически подтверждал необязательность правовой санкции брачных отношений и допускал возможность применения правовых норм и к тем брачным союзам, которые были санкционированы лишь морально, то Указ 1944 г. уже безоговорочно признавал полную легитимность лишь за официально зарегистрированными браками. Это свидетельствовало о стремлении государства к жесткой регламентации брачных отношений рамками официально признанной и санкционированной обществом семьи²⁴.

Подобный поворот в законодательстве о браке и семье неизбежно привел к тому, что после выхода Указа 1944 г. число официально зарегистрированных браков стало быстро увеличиваться. Уже в 1945 г. по сельской местности РСФСР оно достигло 91% от предвоенного уровня, а в последующие годы – в 2 и более раз превысило уровень 1940 г. В течение нескольких лет после окончания войны ежегодный прирост числа заключаемых браков по российскому селу выражался в 8–10%²⁵.

Безусловно, рост брачности не всегда и не везде был одинаково стабильным. Так, в селах Западной Сибири только с 1945 по 1946 г. число заключенных браков выросло с 26,9 до 52 тыс. Но в Калужской области, например, хотя максимальное число зарегистрированных по сельской местности браков также пришлось на 1946 г., позже оно стало снижаться и к 1949 г. сократилось на 1,5 тыс. Это объяснялось прекращением действия важного источника демографической компенсации – массовой демобилизации из армии, в то время как на срочную службу в ряды Вооруженных сил в 1948 г. здесь было призвано около 4 тыс. юношей, в 1949 г. – еще 6,5 тыс.²⁶

В начале 50-х гг. общее число зарегистрированных браков продолжало расти, но в сельской местности этот рост по-прежнему выражался в меньших абсолютных показателях. Например, за 1950–1952 гг. по городам он составил более 10%, а по селу – чуть более 6%²⁷. Позже, с середины 50-х гг. высокий уровень брачности, в том числе и в деревне, обеспечивался уже главным образом за счет многочисленных представителей поколений рождения 1935–1940 гг., вступающих в свой период максимальной брачности в это время. Но, несмотря на своеобразный бум в оформлении браков, который отмечался и в городах, и в сельской местности, все же число заключаемых браков в деревне оказалось значительно меньшим. Так, в 1950 г. в расчете на 1000 городских жителей было заключено 15,7 браков, а на 1000 сельских – всего 10,5,

т.е. наполовину меньше²⁸. Разница в уровне брачности складывалась за счет более высокого удельного веса бракоспособных возрастных групп в городском населении по сравнению с сельским, а также из-за более сильно выраженной деформации в соотношении мужчин и женщин в деревне.

Говоря об источниках быстрого роста брачности после войны, следует подчеркнуть их специфический характер. Прежде всего – это отложенное из-за войны вступление в брак, т.е. так называемая компенсаторная брачность, а также заключение многочисленных браков теми, кому в 1946–1950 гг. исполнилось по 20–24 года, т.е. поколениями, вступившими в максимально бракоспособный возраст. Кроме того, как уже отмечалось, в подъеме официально регистрируемой брачности уже с 1944 г. сыграло роль и то обстоятельство, что значительная часть населения страны, в том числе и сельских жителей РСФСР, до этого состоявших в фактическом браке, после публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. стремилась быстрее юридически оформить свои отношения.

Но в первые годы после окончания войны в сельском населении особенно остро чувствовалась дисгармония в соотношении полов, что значительно понижало общий уровень брачности. Ситуация на брачном рынке по сравнению с военным периодом улучшилась незначительно. Установлено, что войны вообще крайне отрицательно сказываются на брачном состоянии населения, разрушая многие существовавшие браки и обрекая уже бывших замужем женщин на одиночество. При значительном преобладании женщин существенно ослабевала прочность многих браков, которые по инициативе мужчин нередко распадались. В такой «выгодной» для мужчин ситуации процент женатых мужчин по всем группам возрастов превосходил в 1959 г. не только соответствующие показатели у женщин, но даже оказался намного выше, чем 20 лет тому назад.

Представляется, что в динамике показателей мужской и женской брачности достаточно четко преломились все нюансы общей демографической ситуации в российской деревне на протяжении рассматриваемого 20-летия, и прежде всего – конкретной ситуации на брачном рынке. Дефицит мужчин – потенциальных женихов и мужей, возникший в годы войны, обусловил появление новой модели брачного поведения женщин – вступление в брак в более молодом возрасте, с одной стороны, а также более частое, чем ранее, заключение молодыми женщинами своих первых браков с мужчинами, ранее уже пребывавшими в браке (т.е. с разведенными и вдовцами). С другой стороны, неблагоприятная ситуация на брачном рынке в деревне многими женщинами решалась

достаточно радикально – они все чаще уезжали в города на работу и жительство, надеясь там устроить свою личную жизнь.

Для сельских жителей многонациональной Российской Федерации в послевоенные годы в целом были характерны моноэтнические браки. Доля этносмешанных браков повышалась лишь в районах совместного или пограничного расселения русских с другими народами (на Кубани, в Ставрополье, Сибири, на Дальнем Востоке, в автономных республиках). В целом же по сельской местности РСФСР в 1959 г. этносмешанные браки составили лишь 5,6% от общего числа заключенных браков, в основном это были браки между людьми, близкими по языку, этнокультурным традициям (например, у русских с украинцами, белорусами). Сравнительно невысокий процент составляли браки русских с представителями неславянских народов, прибывавшими в деревню, например, с направлением на работу. В 50-е гг. действовавший ранее запрет на браки русских с иноверцами и инородцами, в первую очередь касавшийся женщин, уже был полностью изжит, и в смешанные браки вступало примерно равное число мужчин и женщин. Рост числа национально-смешанных браков подтверждал окончательное преодоление конфессионального запрета на браки, который по инерции еще сохранялся в быту и после октября 1917 г.²⁹

Итак, для формирования и развития брачной структуры жителей российской деревни в послевоенные годы важнейшее значение имели прежде всего последствия Великой Отечественной войны, которая унесла десятки миллионов жизней. Она сильно деформировала возрастную-половую структуру сельского населения: из-за массовой гибели мужчин бракоспособных возрастных групп многие женщины лишились брачных партнеров, остались незамужними и вдовами. Диспропорция полов и дефицит брачных партнеров обусловили заметное понижение процента женщин, состоявших в браке, по сравнению с предвоенным периодом, особенно в возрасте после 35 лет, еще способном к деторождению. Это неминуемо должно было отразиться и в действительности сказалось на общем, несколько пониженном по сравнению с довоенным периодом, уровне воспроизводства сельского населения во второй половине 40-х и в 50-е гг.

В целом же основной вывод, который следует из анализа возрастно-половой и брачной структур сельского населения России в послевоенные годы, заключается в следующем. В мужской и женской брачности действовали совершенно противоположные тенденции – благоприятные для тех немногочисленных мужчин бракоспособного возраста, которые жили в российской деревне, и крайне неблагоприятные – для женщин. В целом структура брачности отражала все неблагоприятное состава сельского насе-

ления по возрасту и полу, которое после войны еще больше усиливалось из-за высокой миграционной подвижности сельской молодежи, уезжавшей из разоренных войной и несправедливой аграрной политикой колхозов.

«Демографическое эхо» войны в российской деревне отозвалось огромным дефицитом мужчин, высоким уровнем вынужденного безбрачия женщин, которое не было у них компенсировано повторными браками. Одиночество и вдовство многих женщин длилось всю жизнь, что также минимизировало общий уровень рождаемости в стране. С другой стороны, отрицательно отозвалось моральными потерями на воспитании уже имевшихся у них детей, в неполных семьях, где из родителей была лишь мать, и отсутствовали естественные условия для полноценной передачи детям морально-нравственных ценностей семьи, для передачи новым поколениям традиционного опыта разделения труда в сельской семье, поскольку некому было обучать «мужским работам» в хозяйстве. Но, кроме того, безотцовщина и сиротство многих детей, росших без крепкой мужской руки, впоследствии отозвалось многими издержками и социального порядка.

- ¹ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х-начало 60-х гг. М., 1992. С. 88.
- ² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 24; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2215. Л. 4, 60, 257.
- ³ *Рыбаковский Л.Л.* Динамика и факторы демографического развития СССР во второй половине XX в. // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 8.
- ⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. С. 30; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632. Л. 135.
- ⁵ *Попов В.П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Соц. исслед. 1994. № 12. С. 85; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1451. Л. 128, 129.
- ⁶ РГАЭ. Там же. Д. 2632. Л. 257.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 237. Л. 16; Оп. 33. Д. 1082. Л. 7; Д. 3665. Л. 3.
- ⁸ Подсчет: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632. Л. 257; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 9626. Л. 104.
- ⁹ Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 115.
- ¹⁰ Подсчет: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Л. 2632. Л. 4, 60; Д. 9626. Л. 104.
- ¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 3971. Л. 16-18; Оп. 336. Д. 640. Л. 17, 18.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Ильина И.П.* Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 33.
- ¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 86, 87. (Далее: Итоги.)
- ¹⁵ Там же; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 640. Л. 17, 18.

- ¹⁶ Итоги... С. 86–87.
- ¹⁷ *Вострикова А.А.* Некоторые данные о рождаемости в СССР // Вестник статистики 1962. № 12. С. 45.
- ¹⁸ Итоги... С. 99–101.
- ¹⁹ Там же. С. 414–415.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3825. Л. 131.
- ²¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 68.
- ²² Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 16 июля.
- ²³ *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 166.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГАЭ. Ф. 562. Оп. 33. Д. 2638. Л. 68.
- ²⁶ Население Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 60; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3825. Л. 131.
- ²⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 414. Л. 28; Д. 1054. Л. 150.
- ²⁸ Там же. Д. 4529. Л. 135.
- ²⁹ *Власова И.В.* Русские. Сельская семья // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 32.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>А.К. Соколов</i> (Москва). Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях	15
<i>Н.С. Сташкевич, А.М. Литвин</i> (Республика Беларусь). Белорусская ССР в годы Второй мировой войны: состояние и перспективы научного исследования проблемы	44
<i>А.Е. Лысенко</i> (Украина). Вклад народа Украины в победу над гитлеровской Германией	56
<i>В.Ф. Зима</i> (Москва). Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов	65
<i>Ю.Л. Дьяков</i> (Москва). Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ	76
<i>А.В. Сперанский</i> (Екатеринбург). Урал в стратегии Второй мировой войны: геополитический и социально-экономический аспект	101
<i>Г.А. Куманев</i> (Москва). Вклад советской военной экономики в победу	112
<i>А.В. Голубев</i> (Москва). Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны	151
<i>В.И. Белоус, А.А. Кулаков</i> (Нижний Новгород). Нижегородский регион в Великой Отечественной войне	173
<i>В.А. Невежин</i> (Москва). СССР во Второй мировой войне: новейшая российская историография проблемы	177
<i>В.И. Пасат</i> (Республика Молдова). Молдавия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	193
<i>А.Ш. Кабирова</i> (Казань). Социальная политика в годы войны и ее реализация в Татарии (1941–1945)	205
<i>Э. Дурачински</i> (Польша). Исход войны в Европе и судьба Польши	218
	565

<i>Ю.Л. Дьяков</i> (Москва). Место польского вопроса в политике СССР (лето 1941 – лето 1944 года)	228
<i>Т.С. Бушуева</i> (Москва). Отношения СССР и Польши в контексте общих проблем истории Второй мировой войны	258
<i>Л.П. Колодникова</i> (Москва). Варшавское восстание: политические аспекты	277
<i>Н.В. Васильева</i> (Москва). Красная Армия на территории Польши: 1944–1945 годы (Некоторые дискуссионные военно-политические аспекты)	283
<i>Е.М. Мальшева</i> (Майкоп). Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны	305
<i>Е.С. Сенявская</i> (Москва). Историко-психологические аспекты изучения Великой Отечественной войны и патриотические традиции России	339
<i>А.М. Литвин</i> (Республика Беларусь). К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии в Белоруссии.....	351
<i>Л.Н. Нежинский</i> (Москва). Советский Союз и внешний мир на исходе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы.....	366
<i>Я. Жарновский</i> (Польша). Социально-структурные последствия раздела Европы после Второй мировой войны	378
<i>В.В. Алексеев</i> (Екатеринбург). Советский атомный комплекс как порождение «холодной войны»	387
<i>М.П. Костюк</i> (Республика Беларусь). Особенности послевоенного восстановления и развития экономики Белорусской ССР: достижения и победы	402
<i>В.В. Алексеев, С.А. Нефедов</i> (Екатеринбург). Технологическая интерпретация истории Второй мировой войны	410
<i>О.В. Буцко</i> (Украина). Путь на Родину: репатриация украинских граждан в 1944–1946 годах.....	423
<i>В. Кашаускаене</i> (Литва). Миграционные процессы в Литве в послевоенные годы (1945–1952)	434
<i>В.В. Трепавлов, Ю. Джин</i> (Москва). Формирование республиканских политических элит (Некоторые аспекты национальной политики в СССР).....	452
<i>Л.М. Хойнацкая</i> (Украина). Вклад машиностроительной индустрии Украины в экономику СССР (1943–1950)	469

<i>А.Г. Галямова</i> (Казань). Крестьянство и сельское хозяйство в 40-е – начале 50-х годов XX века (На примере Татарстана)	479
<i>Е.Ю. Зубкова</i> (Москва). Советский режим в послевоенные годы: новации и консерватизм (1945–1953)	492
<i>В.Н. Земсков</i> (Москва). Проблема советских перемещенных лиц (1944–1956)	512
<i>В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец</i> (Москва). Демографические последствия Великой Отечественной войны	533
<i>О.М. Вербицкая</i> (Москва). Долговременные последствия войны: состояние брачной структуры сельского населения РСФСР к концу 1950-х годов	550

Научное издание

РОССИЯ В XX ВЕКЕ
ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ
Современные подходы

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Книга издана в авторской редакции

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 28.02.2005
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,5. Усл.кр.-отг. 35,5. Уч.-изд.л. 37,1
Тираж 800 экз. Тип. зак. 428

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-03351 3-4

978 502 031 351 34

